

1983 НА СУШЕ И НА МОРЕ


AMERICAE
SEPTENTRIONALIS
AUSTRALIS
MEXICANA
MAR
DEL
NORT
MAR
DEL
ZUR
ARCHIPELAGO
DE SANT LASARO
Circulus
Equinoctialis
PACIFICUM
MERIDIONA
PERUVI


MARE
ATLAN
TICUM
MAR
DEL
NORT
OCEANUS
Tropicus Capricorni
ÆTIOPI
CUS
MAR
DI
INDIA
TERRA
AUSTRALIS
INCOGNITA





НА СУШЕ И НА МОРЕ





ПУТЕШЕСТВИЯ
ПОИСК



ФАНТАСТИКА



ФАКТЫ
ДОГАДКИ
СЛУЧАИ

И НА СУШЕ И НА МОРЕ

ПОВЕСТИ
РАССКАЗЫ
ОЧЕРКИ
СТАТЬИ



МОСКВА
«МЫСЛЬ»
1983

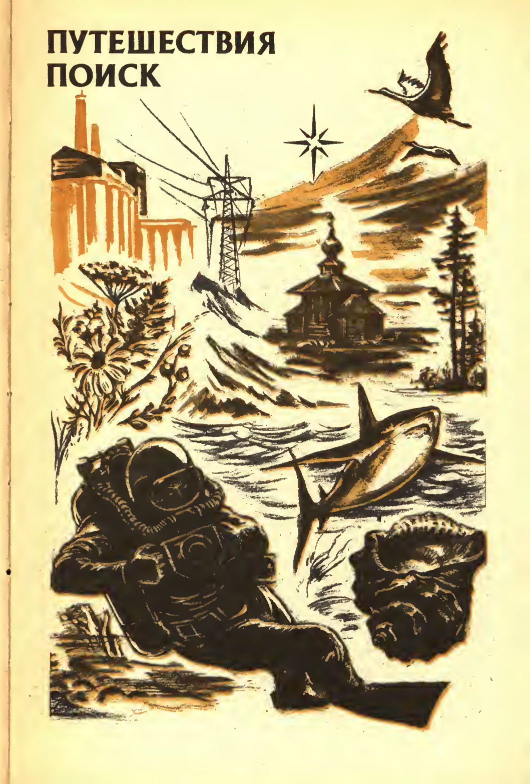
ББК 84
Н12

РЕДАКЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Оформление художника
А. Грашина

Н $\frac{1905020000-126}{004(01)-83}$ 160-83

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПОИСК





ПУТЕШЕСТВИЯ ПОИСК





ГЕОРГИЙ КУБЛИЦКИЙ

ЕНИСЕЙСКИЙ МЕРИДИАН

Очерк

Я родился и вырос на Енисее. Одна из пятнадцати главных рек земного шара — моя родная река. Свистки енисейских пароходов тревожили воображение мальчишек, обещая путешествия в дальние края, на Таймыр, к Северному Ледовитому океану.

Зов реки был столь сильным, что в молодые годы я две навигации ходил по Енисею в команде теплохода. Мы на своем судне пересекали полярный круг, поднимались по главным енисейским притокам, которые тогда именовались «дикими реками», отваживались выходить в Карское море. Первая моя книга — она увидела свет свыше сорока лет назад — рассказывала об этих плаваниях, о притягательной жизни на реке.

Я навещаю родные края так часто, как могу. За долгие годы вдоль и поперек изъездил большую часть Сибири. И хотя главный магнит для меня, как и прежде, Енисей, последнее время нередко заглядываю на Обь, в Новосибирск, с которым у меня тоже кое-что связано. Заглядываю и в нефтяное Приобье, с которым прежде меня ничто не связывало, но без него теперь нельзя ни узнать, ни понять сегодняшнюю Сибирь.

О Сибири пишут немало. Думаю, что будут писать еще больше, не боясь исчерпать тему. Слишком многое значит Сибирь в жизни страны. И ее значение не ограничивается пределами Советского Союза. Часто вспоминаю слова французского журналиста Пьера Рондьера, впервые услышанные в шестидесятых годах:

— Сибирь, по территории в полтора раза большая, чем, к примеру, США, уже и сегодня давит весом производимой ею стали и угля на судьбы мира. А через тридцать — сорок лет непрерывного движения, в результате всепоглощающего мирного труда, она может к началу XXI столетия возглавить таблицу мировых производителей. Сибирь восхищает, завлекает, пугает и поражает. Она существует,

сказочная и необъятная. И тот, кто ничего не знает о ней, не знает будущего нашей планеты.

А ведь этот журналист во многом прав. Сибирь, мощно развивая производительные силы, уже теперь, за два десятка лет до наступления нового века, вышла в ряды мировых производителей нефти и газа. Она могучий источник электрической энергии. Она поднимает титанические запасы своих углей. Она собирается напоить своими водами гигантские пространства, превратив их в плодороднейшие поля.

Хрестоматии, газетные статьи, учебники географии напоминают: три четверти, больше половины, около половины... Нефть, газ, уголь, руды, леса... К востоку от Урала — главный склад наших природных национальных богатств. Трудно их точно подсчитать, а точно оценить — невозможно. Некоторые ученые полагают, что не будет большой ошибкой говорить примерно о трех четвертях всего, на что расщедрилась природа для нашей страны; речь идет, разумеется, о главных сырьевых и энергетических ресурсах.

Мы иногда забываем, чем была Сибирь до революции. Возьмем же в руки «Курс географии России», изданный в 1917 году, как раз накануне Октября. Что говорилось там о краях к востоку от Урала?

Учебник сообщал, что в Западной Сибири население занимается земледелием и охотой, а отчасти — горным промыслом. Есть каменный уголь, руды и ценные камни, но добывается их очень мало. Промышленность «развита слабо» и представлена преимущественно мельницами, винокуренными и кожевенными заводами.

В Восточной Сибири среди используемых природных богатств учебник называл золото. Остальные полезные ископаемые лишь бегло перечислялись, поскольку «обрабатывающая промышленность, как фабричная, так и кустарная, здесь почти не развита».

Да, о некоторых сибирских природных богатствах было известно давно. Однако бездарное царское правительство использовало лишь ничтожную их часть. Настоящее хозяйственное освоение Сибири началось при Советской власти и усиливалось от пятилетки к пятилетке.

Подлинно «звездным часом» Сибири стало последнее десятилетие. Никогда ранее государство не выделяло столько средств на подъем ее народного хозяйства, причем эти затраты быстро окупались. Темпы развития Сибири значительно опередили общесоюзные.

Быть может, стремительный взлет добычи нефти и газа заслонил на какое-то время другие трудовые подвиги сибиряков. А ведь Сибирь стала крупнейшим гидроэнергетическим центром планеты. Здесь «галактика АЕ», которую экономисты прозаически именуют Ангаро-Енисейским регионом, где вокруг сверхмощных гидростанций крепнут комплексы с десятками, сотнями промышленных предприятий. Здесь стремительно растущие молодые города, новые железнодорожные магистрали, возникают и развиваются новые научные центры...

Сибирь огромна и поразительно разнообразна. Хочу попытаться дать картину великой сибирской стройки на примере особенно хорошо знакомых мне пространств, которые занимают центральную часть карты Российской Федерации. Пространств, где Сибирь как бы рассечена надвое голубой жилкой Енисея.

В верховьях великой реки, в городе Кызыле, установлен знак

«Центр Азии»: земной шар на постаменте, острая игла обелиска, устремленного в небесную синь. Нет, это не строго определенный геодезистами центр азиатских пространств! Место выбрано приблизительно, и главное — в его символическом значении. Географы утверждают, что именно здесь природа вобрала наиболее типичные черты азиатских, в первую очередь сибирских, просторов.

Но это же можно сказать и о землях, омываемых Енисеем на всем протяжении от истока до устья. Его левобережьем заканчиваются великие западносибирские равнины. По правому берегу — царство горной тайги. Уроженец здешних мест, великий художник Василий Иванович Суриков, говаривал: «И край-то какой у нас! Западная Сибирь плоская, а за Енисеем уже горы начинаются...»

Енисей — граница двух Сибирей, Западной и Восточной, и обе представлены на его берегах своими главными, типичными чертами. Кроме того, Енисей по дороге от Саянских хребтов до океана пробегает через все климатические зоны Сибири. В его верховьях — верблюды, в низовьях — белые медведи и северные олени. Одним и тем же майским днем календарь природы отмечает на юге бассейна цветение садов, а у его полярных окраин — бушующие метели.

Енисей, занимающий по водоносности шестое место в мире и втрое превосходящий Волгу по энергетическим ресурсам, стал местом строительства крупнейших гидростанций планеты. В его орбите оказались богатейшие угольные и рудные месторождения. На его берегах есть города, заложенные еще землепроходцами в XVII столетии, и есть города, рожденные десятой пятилеткой. Мне кажется естественным сделать Енисей стержнем рассказа о характерных чертах сибирской жизни в годы одиннадцатой пятилетки.

Но сначала нужно побывать на Оби, в Академгородке Новосибирска. Именно там был созван весьма представительный форум крупнейших ученых и государственных деятелей, причем не только работающих в Сибири, но и изучающих некоторые ее проблемы в Москве, Ленинграде и других городах. Назывался этот форум Всесоюзной конференцией по развитию производительных сил Сибири. Многие сотни видных специалистов, занимающихся перспективами развития Сибири, встретились на берегах Оби, для того чтобы наметить контуры будущего этого великого края на восьмидесятые годы и на более отдаленную перспективу, по части проблем — почти до рубежа XX и XXI столетий.

В свободном обмене мнений трезвые расчеты и осторожно сформулированные прогнозы встречались с полетом мечты, с опирающимся на веру в технический прогресс фантазированием. Родились рекомендации, часть которых была учтена при государственном планировании. Все наиболее ценное нашло отражение в относящихся к Сибири разделах «Основных направлений экономического и социального развития страны» и в Продовольственной программе СССР.

Присутствие на конференции было для меня также встречей с городом, который я впервые увидел в 1926 году. У Новосибирска было еще два неофициальных названия: «сибирская столица» и «сибирский Чикаго». В те годы любили сокращать слова: «сибстолица», «Сиб-Чикаго».

Оба названия прочно утвердились в печати после того, как Сибирь в конце двадцатых годов посетил Анатолий Васильевич

Луначарский, народный комиссар просвещения. Он бывал здесь и ранее, встречался с жителями Томска и Красноярска. «Оригинальный город, выросший в двухсоттысячную столицу и неудержимо мчащийся вперед, как настоящий сибирский Чикаго»,— писал Луначарский о Новосибирске.

У двух столь различных городов нашлось общее — поразительная быстрота нх роста. Только Чикаго н Новоснбирск в пору своей молодости каждый десяток лет удванвали либо утраивали население.

Перечитывая недавно старые газеты, относящиеся к поездкам Луначарского по Снбирн, я нашел отчет о его выступлении перед томичами. Можно только удивляться, как в ту давнюю пору, когда за Сибнрью молва еще удерживала представление как о далекой, отсталой окраине, Луначарский почувствовал будущее, понял характер людей, упрямо, напорнсто, без громких слов возрождавших свой край. На митинге собравшиеся под открытым небом горожане услышали патетическую речь наркома:

«И ты, снбнряк, разрабатывая громадную часть мира, которая поручена тебе нсторней,с ее несметными богатствамн, на благо тебе, на благо Союзу республик, на благо человечеству, помнн, что твоя северная холодная отвага может понадобиться как оплот н защита на границе твоей социалистической Родины. Мы в Москве верим в тебя, снбнряк, снбнрский рабочий, снбнрский крестьянин, сибнрский трудовой интеллнгент!»

В Новоснбирске я оканчивал последнне классы средней школы. Помню страшные пожары тех лет: город строился быстро, водопровод не успевалн тянуть по новым улицам, которые мгновенно застраивалнсь деревянными домишками. Каменных зданий «Снб-Чикаго», недавний Новониколаевск, построить не успел, н их только закладывали на главном — Красном проспекте. Одним нз первых построили Дом Ленина, здание для народных собраний, построили на деньги, добровольно собранные по всей Сибнрн.

Можно сказать, что в конце двадцатых годов закладывались не только новые здания, но н вообще основы всего, чем славен сегодняшний Новоснбнрск. К старому металлообрабатывающему заводу «Труд» н гордости горожан, новому мыловаренному заводу, первая пятилетка прнплюсовала сразу несколько действительно крупных предприятий.

Что касается науки, то н тут дело обстояло не блестяще. Новоснбнрск не нмел высших учебных заведений. Существовал музей, вокруг которого группировались местные краеведы, поздиее появились первые научно-нсследовательские институты, связанные с угольной,строительной н кожевенной промышленностью. Молодежь, чувствовавшая влечение к научной работе, тянулась в соседний Томск, нздавна прозванный «снбнрскими Афннами» н заслуженно считавшнйся оплотом учености: здесь с прошлого века существовал едннственный в Снбнрн университет.

Перемены у нас всюду. Но Новоснбирск выделяется на общем фоне. В шестидесятых годах он стал городом-«миллионером», по чнслу жителей первенствующим в Сибирн. У нас никого не удивишь ростом промышленной продукции за годы Советской власти в десятки н даже сотни раз. Однако промышленная продукция Новоснбирска увеличилась не в сотни, а в тысячу с лишним раз!

Не знаю, возможно ли вообще выразить какими-либо цифрами

необыкновенно быстрое наращивание научного потенциала города. Теперь в Новосибирске около 90 тысяч студентов, и, естественно, профессура высших учебных заведений деятельно помогает научному творчеству вне стен университета и других высших учебных заведений. К ним надо добавить многие десятки научно-исследовательских институтов, объединяющих целую армию специалистов высокой квалификации. Наконец, всемирно известный Академгородок, Сибирское отделение Академии наук СССР.

Бывая в Новосибирске достаточно часто, не устаю удивляться переменам в его облике, в ритмах жизни.

Привычно, подобно надежному маяку, поднимается над Красным проспектом серебристый купол Театра оперы и балета, где сцена размером и оборудованием может соперничать с Большим театром столицы. Театр выходит фасадом на площадь Ленина — и вот приметы новых долгожданных перемен: буквы «М» на заборах ограждения. Здесь будет станция метро «Площадь Ленина».

Метрополитен Новосибирск получает первым из сибирских городов. Генеральная схема — 52 километра линий, 36 станций. Первая очередь соединяет наиболее густонаселенные районы города, его центральную часть с индустриальным Заречьем. Между ними — Обь, могучая и полноводная.

Мост для поездов метрополитена будет необычным: это как бы поднятый на опоры закрытый тоннель. Строители учитывают сибирские морозы. Длина моста с подходами свыше двух километров. Если, скажем, термометр будет показы-



вать 30—35 градусов мороза, вагоны, выныривая из «комнатной» температуры подземных трасс, испытывали бы на открытом месте слишком резкий перепад температуры. Да и внутри было бы не очень уютно...

Первая, пусковая очередь новосибирского метро, которая строится полным ходом, предусматривает сооружение семи станций. Но и после того, как откроются их двери, до Академгородка надо по-прежнему добираться более традиционным городским транспортом. Когда в 1957 году закладывались первые здания нового центра науки, дорога, миновав городские кварталы, на значительном протяжении пересекала сосновые боры. Постепенно разрыв сокращался, и теперь Академгородок, сохранив свои леса, стал одним из районов Новосибирска.

Идея создания Сибирского отделения Академии наук СССР непосредственно на сибирской земле в свое время вовсе не казалась бесспорной. Правда, леса под Новосибирском нельзя было назвать диким местом: огромный город находился рядом, всегда готовый помочь полезному начинанию. И первая заимка академика Михаила Алексеевича Лаврентьева, поставленная на просеке, стала обрастать фундаментальными зданиями институтов с быстротой, свойственной молодому Новосибирску.

Сегодня Сибирское отделение — это полсотни академических учреждений, десятки тысяч сотрудников и поистине всемирная слава. Это разработка глубоких теоретических проблем фундаментального поиска, среди которых атомная энергия и термоядерный синтез, космические исследования и физика твердого тела, химия и электроника, молекулярная биология и генетика, экономика и геофизика — короче говоря, многие генеральные направления современной науки. Это также постоянная повседневная помощь в решении практических задач развития Сибири, территория которой равна примерно двадцати Франциям, а природные условия и многое другое существенно отличаются даже от расположенной в тех же широтах европейской части страны и тем более от Средней Азии.

Естественным продолжением весьма удачного опыта стало создание под Новосибирском еще двух научных центров. Часть средств для этой цели была заработана трудящимися страны на Всесоюзных коммунистических субботниках. Возник Краснообск, городок Сибирского отделения Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. Возникло Сибирское отделение Академии медицинских наук, главное дело которого — забота о здоровье нынешнего и будущих поколений сибиряков.

Итак, три центра науки. Но когда говорят о новосибирском Академгородке, то обычно подразумевают тот, первый, начавшийся с домика на просеке. Было вполне закономерным, что для разговора о будущем Сибири видные специалисты со всего Советского Союза съехались именно туда. Здесь удивительное сочетание сибирской природы и современного города. Дома-башни стоят среди сосен и берез, белки доверчиво прыгают с ветки на балконы, уголки тайги сбережены, не вытоптаны. Время от времени у входа на тропинку вывешивают объявления: «Этот участок леса отдыхает»,— и пешеходы спокойно идут в обход по асфальту.

Гости заполнили великолепный Дом ученых, где в зимнем садике зеленеют растения тропической Азии, а резные деревянные панно

как бы воспроизводят течение сибирской истории от рисунков первобытного человека на камне пещер до современных научных исследований.

К конференции подготовили интересную выставку. Были воскрешены забытые страницы ГОЭЛРО, относящиеся к Сибири. При обсуждении плана Г. М. Кржижановский сказал в те далекие годы: «Владимир Ильич Ленин стоит на точке зрения колоссального роста Западной Сибири».

А иркутская газета «Власть труда» писала в январе 1921 года: «...нищая, голодная, сермяжная Русь — Русь лучины и корки черного хлеба — покрывается сетью электростанций... Это не сказка, не утопия, это факт завтрашнего дня, это технически проверенный, десятки раз подсчитанный план».

На выставке рядом со старой газетой посетители видели фотографии энергетических супергигантов Сибири...

По добыче топлива Сибирь догнала европейскую часть страны и Урал, вместе взятые. Мы услышали на конференции, что по производству на душу населения не только нефти и газа, но также угля, электроэнергии, древесины и многого другого Сибирь превосходит и общесоюзный уровень, и уровень подавляющего большинства развитых капиталистических стран.

По заданию партии и правительства ученые разработали невиданную в мировой практике суперпрограмму «Сибирь». Это как бы каркас, опора формирования будущего, причем и достаточно отдаленного. В программе — самое главное: изучение земельных, водных, растительных ресурсов, а также животного мира Сибири, поиски и комплексное использование главных видов ее минеральных богатств, научные основы организации территориально-производственных комплексов, охрана окружающей среды и так далее.

«Сибирь» включает в себя свыше сорока отдельных научных программ. Почти все они прямо или косвенно обсуждались на конференции в Академгородке, и понадобилась бы целая книга, чтобы рассказать об этом обсуждении.

Но вот что хотелось бы мне выделить особо: охрану природы. Во многих речах звучало: Сибирь у нас одна, другой нет и не будет, Сибирь надо сберечь! Природа здесь, особенно на севере, самовосстанавливается куда медленнее, чем в других районах, и ей легко нанести почти непоправимый ущерб.

И еще одна тема вызывала живейший интерес: как сибирякам надежнее обеспечивать себя разнообразными продуктами питания, главным образом со своих полей и ферм. Сегодня, когда осуществляется небывалая по характеру и масштабности Продовольственная программа СССР, можно по достоинству оценить злободневность и важность обсуждавшейся проблемы.

В речах часто повторялось: Кулунда, Бараба. Так сибиряки называют Кулундинскую степь и Барабинскую низменность.

Хочу напомнить один эпизод. После закрытия V съезда РСДРП в Лондоне его участник Н. С. Каржанский был приглашен Владимиром Ильичем Лениным для срочной работы на раннее воскресное утро. Сели завтракать. Гость, как он вспоминал впоследствии, пришел в восторг от чудесного, пахучего сливочного масла и уже хотел разразиться репликой о богатстве англичан, когда Владимир Ильич сказал:

— Да это, должно быть, иаше, сибирское.

И ои по-английски поговорил с хозяйкой, а затем обратился к гостю:

— Так и есть, сибирское, оиа даже назвала райои: Барабинская степь.

Бараба была и остается крупнейшей базой сибирского животноводства и маслоделия. В этой части Западио-Сибирской равнины березняки шумят под степными ветрами, а вода застанвается в болотах и озерах. Озер здесь свыше двух с половиной тысяч, мелководных и хорошо прогреваемых солнцем. Какие возможиости для рыбоводства, для разведения водоплавающей птицы!

Но главное богатство Барабы — необозримые сенокосы с сочными, питательными травами. Умелое осушение переувлажнениых земель может значительно расширить площадь кормовых угодий, превратить Барабу в край интенсивного животноводства.

Расположенной южнее степной Кулунде иедостает влаги. Озера солоны, рек мало, и главная из них, Карасук, слаба и мелководна. Каждые три-пять лет засуха и суховеи терзают кулундинские поля, и легко представить, как много зиачит здесь орошение. Степные плодородиые земли особеино благоприятны для пшеиицы, по содержанию белка и клейковины превосходящей кубанскую.

И вот теперь, к радости сибиряков, Продовольствеииая программа предусматривает ускорение мелиоративных работ в этих районах Западио-Сибирской равнины, причем особо сказано и о подкреплении Карасука водой из Оби.

Мелиорация и каналы — понятия почти иеразрывные. В Кулунде тоже строится большой канал. Но кроме иего есть здесь и свое подземиое море, из которого артезианские скважины подиимают воду плантациям овощей, посевам кормовых культур.

Продовольственная программа отводит значительную роль иауке. Сибирские учеиые ие первый год помогают хлеборобам и животиоводам Сибири. Они разработали полезащитную систему земледелия, ослабляющую ветровую эрозию, этот бич южиосибирских степей, где зиойные вихри, сдувая плодородиый слой почвы, иесут тучи черной пыли.

На коиференции академик Дмитрий Коистантинович Беляев поднялся на трибуну с пучком пшеиицы. Пока переданиый в президиум пучок с полновесными колосьями осматривали специалисты, академик пояснил, в чем дело: пшеница была озимой. И тут раздались аплодисменты.

Сибири давным-давно нужны устойчивые против превратиостей сурового климата и достаточио урожайиые сорта озимой пшеиицы. Как облегчили бы они труд земледельца, которому природа для сева и уборки яровых отпускает считанные дни, причем в уборочную страду при поздием созревании яровых можно ждать осеиних ливней и даже заморозков.

И вот первые колосья гостьи, которую заждались сибирские поля!

Учеиые вывели также новые сорта яровых пшениц, устойчивых к полеганию, иапример высокоурожайную «новосибирскую-67». Выведеиа иовая порода скота, перенявшая от коров, выращиваемых в морозной Якутии, неприхотливость, а от пасущихся в Барабе — молочность.



Все это лишь первые, но многообещающие практические дела, важные для выполнения Продовольственной программы.

Понятно, что на конференции я с особым интересом слушал все относящееся к берегам Енисея, к Красноярскому краю. Енисейский меридиан рассекает территорию, равную десятой части страны. Я знал, конечно, что здесь — около 40 процентов общесоюзных запасов бурых углей, 18 процентов древесины, причем высоких сортов, мощные залежи руд черных и цветных металлов. Знал, что на воды рек Енисейского бассейна приходится 13 процентов всех гидроэнергетических ресурсов страны. Но в том, как используются и будут использоваться эти и другие богатства, оказалось немало нового.

Не лучше ли, однако, обо всем, с чем идет край по магистральному направлению восьмидесятых годов, рассказывать не в отрыве от берегов Енисея, а следуя течению великой реки? Нет, я не приглашаю к путешествию по карте. Река знакома мне не понаслышке, а за последнее десятилетие я снова трижды побывал в родных местах.

Итак, Кызыл, где обелиск «Центр Азии» установлен возле места слияния двух истоков Енисея, прибежавших сюда из дальних уголков Тувинской автономной республики.

Тувинский народ издревле жил на перекрестке дорог, по которым двигались полчища завоевателей. Имена самых первых затерялись, потом был Чингисхан, завершили список китайско-маньчжурские

колонизаторы. До 1912 года, до падения Цинской императорской династии, они пытались удержать в верховьях Енисея жестокие нравы семнадцатого века. Тувинцы платили натуральную подать шкурками ценных пушных зверей: соболей, куниц, горностаев. В местном музее — орудия пыток, которые применялись до последних дней иноземного господства. Вот кожаная плеть. Родившийся в начале века основоположник тувинской литературы Салчак Тока в автобиографической повести «Слово арата» рассказал, как маньчжурский чиновник на глазах детей бил по лицу плетью батрачку Тас-Баштыг. В детстве сын батрачки, будущий писатель, сам видел это.

Кочевники занимались примитивным скотоводством и земледелием. Они жили в переносных юртах из жердей, накрытых войлоком. В начале века никто не смог бы прочесть книгу на тувинском языке: древний народ не имел своей письменности.

Только вспомнив его недавнее прошлое, перестаешь огорчаться тому, что Кызыл, город в центре Азии, приобрел облик обычного города европейской части страны и сохранил экзотику лишь в витринах музея и на красочных народных праздниках. Впрочем, приезжим кажутся экзотическими обычные черточки быта тувинцев.

Мне запомнился рассказ посетившего Туву мексиканского писателя Эраклио Сепеда. Он встретил в степи недалеко от Кызыла семью чабана, который пас огромное стадо овец. Жена чабана носилась на лошади, как амазонка, сам чабан кутался в старинный тувинский халат. Писатель был в восторге от встречи с ожившим прошлым, особенно когда его пригласили к костру — попробовать «тару», старинное национальное блюдо из поджаренного проса. Но едва гость присел, как хозяин забросал его вопросами о знаменитом мексиканском художнике Сикейросе...

Внуки кочевников скотоводов, знавших лишь кузнечное ремесло, работают на Каа-Хемском угольном разрезе, на оборудованном по последнему слову техники комбинате «Тувакобальт», в крупном промышленном комплексе «Туваасбест».

Горная котловина, где расположена Тува, на языке аборигенов названа словами, которые переводятся как «Большой мешок с маленьким отверстием». Мешок — кольцо горных хребтов, отверстие — узкая долина, каньон, который пробил Енисей.

Стиснутая каменными стенами река с торжествующим ревом, вся в хлопьях пены, несется через пороги. Регулярное судоходство здесь невозможно. Но туристы спускаются через стремнину на байдарках и маленьких плотах. Это испытание воли, нервов, быстроты реакции, наслаждение от сознания, что в век научно-технической революции, дряблых мускулов и болезней, вызванных недостатком движения, в человеке еще жив дух первооткрывателей.

В каньоне настало время крутых перемен, и туристам придется перенести байдарки на горные притоки Енисея. Но об этом — немного позднее.

Весной 1897 года политический ссыльный Владимир Ульянов на пароходе «Св. Николай» отправился в село Шушенское. Мелководье задержало пароход. Часть пути пришлось ехать на лошадях. По пыльной дороге крестьянская подвода миновала приметный верстовой столб на Думной горе. «До Санкт-Петербурга 5924 версты» — сообщала краткая надпись. До города, где царские жандармы

вырвали Ленина нз самой гущи революционной борьбы...

В обширной мемориальной зоне Шушенского все воссоздано так, как было в годы трехлетней ссылки Владимира Ильича.

За это время Ленин написал свыше тридцати произведений. От работы к работе он развивал, углублял мысль о единой марксистской партии, способной перевернуть Россию. О партии, под руководством которой наш народ строит сегодня коммунистическое общество.

Соратник Владимира Ильича, его товарищ по ссылке Глеб Максимилианович Кржижановский, вспоминал, как во время ночной прогулки по берегу Енисея Ленин вдохновенно рассказывал ему о своих планах после возвращения в «Россию».

Сибиряки называли тогда «Россией» все земли западнее Урала. Некоторым ссыльным Сибирь казалась тюрьмой без стен. Владимир Ильич тоже знал многие тяготы подневольной, поднадзорной жизни. Но он прозорливо говорил о Сибири как о чудесном крае с большим будущим.

Когда было задумано строительство первой гидростанции на великой сибирской реке, Кржижановский, вспоминая далекие годы, заметил:

— Да, есть что-то глубоко символическое в том, что именно на Енисее будет сооружаться величайшая в мире гидростанция.

Такая гидростанция ныне действует под Красноярском. Вторую, еще более мощную, строят неподалеку от Шушенского, где Ленин думал о завтрашнем дне России. В диком и прекрасном каньоне, пробитом Енисеем сквозь хребты Саян, поднимается плотина, высота которой превысит двести сорок метров. Она должна держать напор ею же созданного моря.

Это море, войдя в каньон, навсегда скроет под толщей вод пороги, в том числе и знаменитый Большой порог, где потемневший крест на скале напоминает о жертвах стихии. Море не разольется широко, путь воде преграждают высокие береговые утесы.

Подпор дотянется до границ Тувы, до городка Шагонара, который переносят на другое место. Город-порт Новый Шагонар стал ударной стройкой одиннадцатой пятилетки.

Саяно-Шушенская ГЭС мощностью 6 миллионов 400 тысяч киловатт будет ежегодно вырабатывать почти 24 миллиарда киловатт-часов электроэнергии.

Я помню, как осенью 1975 года перекрывали реку и первой в воду ухнула глыба с надписью: «Идем на Вы, Енисей!»

В декабре 1978 года люди, тесно набившиеся под шатер, временную кровлю машинного зала, криками «ура!» встретили пуск первого агрегата.

Покорившийся Енисей взялся за непривычную работу.

Покорившийся?

Нет, лишь притаившийся до поры до времени! До весны следующего года, когда на еще не достроенную плотину он бросил сокрушительный вал бешеного паводка.

Я не был в эти дни в Саянах и неистовство потока, ворвавшегося в котлован, видел позднее только на экране: операторы не оплошали, сняли все в назидание потомкам. Сняли в подтверждение поговорки бывалых гидростроителей: «С водой, как с огнем».

В то тревожное лето на Саяно-Шушенской ГЭС работал мой сын

Никита, начинающий журналист. Работал плотником-бетонщиком, чтобы по-настоящему почувствовать стройку, прежде чем писать о ней. Из его рассказов я знаю, как подавленность строителей — ведь паводок далеко отбросил их назад, погубил многое из того, над чем они трудились годы,— сменилась злым упорством. Об Енисее говорили «он» и снова «шли на Вы», доказывая, что человеческая воля сильнее слепой стихии.

И хотя ребята героически и самоотверженно действовали в то время, когда хлынул страшный вал, хотя не раз рисковали жизнью, самое трудное для них началось потом, когда паводок обуздали. Надо было все скрести, чистить, сушить, перебирать, перетирать, наводить порядок, заниматься будничным трудом, тяжелым и неблагодарным.

Затопленный первый агрегат в сентябре пустили вновь. Затем — второй. Точно к сроку, который был принят в обязательствах задолго до паводка. Вот это и была настоящая победа: несмотря на паводок, вопреки паводку — в срок!

К XXVI съезду партии строители досрочно пустили пятый агрегат. Затем шестой. Всего их десять. Значит, большая часть пути — позади. В новой пятилетке строительство крупнейшей гидростанции мира в основном заканчивается. Главный потребитель ее энергии — Саянский территориально-производственный комплекс, расположенный на прилегающей к Енисею территории. На левобережье — Хакасская автономная область, на правобережье — район вокруг города Минусинска.

Верховья Енисея, его приречные долины, люди населяли с незапамятных времен. При раскопках в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС археологи нашли статуэтку из обожженной глины, вылепленную безвестным скульптором пятнадцать тысячелетий назад. Одним из очагов древней цивилизации юга Сибири была территория нынешней Хакасии. После того как по верховьям Енисея в начале XIII века, подобно смерчу, промчалась конница Джучи, старшего сына Чингисхана, наступили столетия глубокого упадка.

Октябрь застал на земле хакасов застойность быта и хозяйства, почти поголовную неграмотность. Нынешняя столица области, город Абакан, был тогда селом Усть-Абаканским. Знаю его с тридцатых годов: юрты на окраинах, пыльные, немощеные улицы, где возле лавок привязывали лошадей местные кочевники хакасы.

Сегодняшний промышленный Абакан по темпам прироста населения на одном из первых мест в Сибири. Он связан с Транссибом двумя железными дорогами. Новая горная трасса Абакан — Тайшет, где тоннели чередуются с виадуками, дала ему кратчайший выход на БАМ.

Крупнейшее из предприятий комплекса — Абаканское вагоностроительное объединение. Оно обосновалось в каменистой пустынной степи, где пасли овец. Объединение выпускает железнодорожные платформы-контейнеровозы большой грузоподъемности. В ворота корпуса поступают массивные стальные балки. Из других ворот медленно выкатываются готовые платформы с белой краской трафарета: «Абаканвагонзавод. 60 тонн». Одна из первых партий новой продукции была отправлена на Кубу.

Соседний завод объединения строит большегрузные контейнеры международного класса. До войны у нас на железных дорогах

ходили товариые вагоны, поднимавшие 16,5 тонны груза. Нынешний абаканский контейиер грузоподъемиее нх: 20 тонн. Он легко вмещает автомашину «Волга». В дальнейшем начнется выпуск тридцатитоиных контейнеров.

Все в гигантском корпусе — на уровне самой современной технологии. Всюду пульты управления автоматическими н полуавтоматическими линиями. С минуты, когда автоматы раскранвают листы металла, н до окраски готового коитейнера пронзводственный процесс нсключает тяжелый физический труд.

Окраска в нашем представлении иевольно связывается с малярной кистью или с краскопультом. В Абакане действует уникальная, впервые нспытанная здесь, линия окраски. Малярничают только автоматы. Нанболее сложную и иеприятную работу виутри контейиера выполняет робот-манипулятор. Все вредные пары и газы улавливаются н сжигаются.

Завод по соглашенню между странами Совета Экономической Взанмопомощн начинает изготовление контейнеров-рефрижераторов.

Когда предприятие достигнет полной мощности, оно будет выпускать до сорока тысяч контейиеров в год. Столько же, сколько выпускает сегодня Япония, славящаяся контейиерным пронзводством.

В этой пятилетке объединение начнет выпуск открытых высокобортных вагонов, способных поднимать 125 тонн груза, а также цистерн большой емкости, особенно нужных Байкало-Амурской магистралн.

На правобережье Енисея — старнннный Минусинск, тихий городок, где над зеленью садов и огородов маячила пожарная каланча с дежурным, поглядывавшим, не покажется ли где подозрительный дым. Мннусинцы не обижались на прозвище «город-село»: что было, то было.

Как бы споря с былым, выдвинул сегодняшний Минусинск к свонм окраннам кварталы многоэтажек н щит, где крупные буквы «МЭК» н строка Маяковского: «Я знаю — город будет...»

«МЭК» — Мннусинский электрокомплекс. Он обосновался возле городка, сразу круто изменив его жизнь. Среди песчаных холмов, заросших сосняком, создается Электроград — двеиадцать взаимосвязанных заводов иа одной площадке. У них общие коммуникации, объединенный вычнслительный центр и научно-исследовательский комплекс, начало которому положило недавно открытое отделеиие Всесоюзного энергетического института.

Алюмнний, медь н другие виды сырья дадут Электрограду предприятия Красноярского края. Минусинск станет крупным поставщиком различной продукции в Снбнрь н на Дальний Восток, где день ото дня растет спрос иа все, в чем нуждается современное электрнфицированное хозяйство. Потребность в гидроэлектрогенераторах станет удовлетворять завод, сравнимый с Ленинградским объединеннем «Электросила», которое нзготовляет энергоблоки для Саяио-Шушенской ГЭС. Но будет действовать и завод бытовых приборов.

Среди первых предприятий Электрограда — завод выключателей. Это вовсе не те выключатели, к которым мы прнвыкли в домашием обиходе. Они предназначены для высоковольтных линий, для напряжеиий, где короткое замыканне может привести к тяжелым послед-

ствиям. Одно дело включить или выключить настольную лампу, и совсем другое — роторный комплекс угольного разреза, потребляющий столько же энергии, сколько средний город.

Сейчас для высоких напряжений обычно используются масляные, электромагнитные, воздушные выключатели. Электроград выпускает гораздо более надежные — вакуумные. Это новое слово в электротехнике. Чтобы производить такие выключатели, нужна высокая точность и особые условия. Люди работают в белых халатах и белых перчатках. В дугогасительных камерах выключателя нужно добиться вакуума, близкого к космическому, и эта операция длительная и тончайшая.

Одна из новинок завода специального технологического оборудования — автоматизированные склады, где изделия комплектуют и переносят роботы, послушные командам оператора на пульте. Сколько труда сэкономит такой склад на производстве, использующем множество различных деталей!

Электроград выпускает также машины плазменной резки металла. А в проектно-конструкторском бюро, в отделении электротехнического института испытываются новые модели сложнейшего оборудования. И все это — в Минусинске, о котором Большая советская энциклопедия в томе, вышедшем сравнительно недавно (в 1974 году), сообщала: «Промышленность главным образом пищевая (мелькомбинат, макаронная фабрика, овощные, консервный, пивоваренный и ликеро-водочный заводы)». Правда, в городе только что пустили перчаточную фабрику, но это уже входил к минусинцам Саянский комплекс. Тут учитывается резкий приток населения. Мужчины — на стройки, в цеха электротехнических заводов, а женщинам должно найтись интересное дело в легкой индустрии.

Вблизи гидростанции расположен молодой Саяногорск, где «завязан» еще один узел комплекса. Здесь главное предприятие — алюминиевый завод: самая прогрессивная технология, испытанная и отработанная в Таджикистане, на заводе, получающем энергию Нурекской ГЭС.

Саяногорск нашли подходящим для комбината сборно-разборных зданий, который будет выпускать из алюминиевого листа блоки-контейнеры, удобные для транспортировки по воздуху. Из него, как из кубиков, можно «складывать» вахтовые поселки для газовиков и нефтяников, жилье для первопроходцев тайги и тундры.

Раньше других предприятий Саяногорска вступил в строй камнеобрабатывающий комбинат. Сырье — рядом, в подступающих к городу Саянах: гранит и мрамор. Мраморные глыбы распиливают на тонкие облицовочные пластины. Сквозь них в полутьме различаешь световое пятно электрической лампочки. И какими дивными оттенками расцветила природа саянский мрамор! Розоватые, палевые, молочно-голубые, почти черные... Мне подарили на комбинате маленькую «книгу»: все сделано из мрамора — и корешок под светлую кожу, и черная обложка, на которой выгравирован горнстый берег Енисея.

Комбинат не имеет равных по мощности в стране и в Европе, но будет еще расширяться. Спрос на его продукцию растет и растет. Саянским мрамором отделывают станции метро, залы гидростанций, здания театров. Саяногорск отправлял его в Москву для олимпийских сооружений.

Между Абаканом и центром края по долине Енисея вытянулось

Красноярское море. Его образовала плотина Красиоярской ГЭС, построенной на рубеже шестидесятых и семидесятых годов. Около семидесяти трех кубических километров прозрачиой холодной воды Енисея аккумулируют для нее запасы энергии. Гориые хребты вдоль берегов позволили мòрю разлиться вширь лишь кое-где. Те, кому приходилось бывать в Скандинавии, могут составить некоторое представление об его узких заливах, вклинившихся в каньоны горных притоков. Кстати, общее сходство берегов Еннсея с фиордами установлено достаточно давно, притом человеком иепререкаемого авторитета — великим норвежским путешественником Фритьофом Нансеном, посетившим Енисей в 1913 году. Он же назвал тогда Снбирь «страной будущего».

В Красиоярском море под килем теплохода иесколько десятков метров. Вечерами один берег скрывает густая теиь. Белые морские буи, выхваченные последним солнечным лучом, словно чайки на черной воде, тогда как сосны по скалам пылают в огне заката.

Над водным простором очерчивается плотина. Десять миллионов тонн бетоиа и металла перегородило русло монолитной километровой стеной, возвышающейся на 124 метра. Шлюзов здесь строить не стали: получилась бы слишком длинная лестница. Возле плотины действует судоподъемник. Его гигантская камера, наполненная водой, способна прннимать крупное судно и вместе с ним по наклонной дороге спускаться до уровня реки или, напротив, подниматься из реки на уровень моря. Судовозная камера вместе с кораблем передвигается, цепляясь зубчатыми колесами за массивные, зубчатые же рейки.

Поскольку мощность Красноярской ГЭС — шесть миллионов киловатт, то до ввода в строй всех агрегатов Саяно-Шушенской она сохраняет титул «королевы энергетики».

Город Дивиогорск, построенный возле плотины гидростанции, рос одновременно с ней. Можно представить, какими глухими были эти места до революции, если именно здесь находился монастырь отшельников, ие поддерживавших почти никаких связей с внешним миром. Над Енисеем сохранилась скала, которую монахи пытались превратить в свой собнрательный автопортрет. Теперь каменный монах смотрит на плотину, на Дивногорск, на поезда электрички, на «Ракеты» и «Метеоры», бегущие в Красноярск.

Красноярск... С детства помню застойную жизнь сибирской провинции, замощенную булыжником главную улицу и вечную пыль остальных, что послужило поводом для именования города «Ветропыльском». Помню базар на Соборной площадн, где крестьяне, прнехавшие на подводах из окрестных деревень, торговали тем, что давало их полунатуральное хозяйство. Промышленность? В городе были железнодорожные мастерские, обувная фабрика, лесопильные заводы, а также завод, выпускающий фаянсовую посуду н изоляторы.

На старт одиннадцатой пятилетки Красноярск вышел кандидатом в «миллионеры». Он стал одним из крупнейших индустриальных центров не только Снбири, ио и страны. Он строит морские суда и комбайны, снабжает соседние города электросталью, отправляет мостовые краны «Атоммашу». Его алюминиевый комплекс постепенно выходит в ряды наиболее мощных предприятий этого рода.

Красноярск перерабатывает богатства тайги. Целлюлозно-

бумажный комбинат ежегодно дает многие сотни миллионов тетрадей сибирским школьникам, а также бумагу, на которой печатаются газеты и книги не только в Сибири, но и в Средней Азии. Часть древесины Красноярск превращает в детали домов и мебель. Если бревно из сибирской тайги проходит через его мощный комплекс лесохимических предприятий, конечными продуктами производства становятся технический спирт, синтетический каучук, вискозная ткань, шины, лекарства и многое другое.

Одиннадцатая пятилетка прибавит Красноярску немало новых предприятий, в том числе завод тяжелых экскаваторов, сибирский «Уралмаш».

Сегодня экскаватор на стройках столь же обычен, как были обычны грабарки в годы первой пятилетки. Но Красноярску предстоит оснащать разрезы угольной Сибири суперэкскаваторами огромной производительности, а также роторными комплексами.

Необычны машины, не совсем обычны и способы возведения завода, которому предстоит их выпускать. Строительная площадка сибирского «Уралмаша» разительно отличается от той, которую нам запечатлела кинопленка в годы сооружения гиганта на Урале.

Здесь, под Красноярском, не столько строят, сколько собирают. Полученные с заводов металлические конструкции остается только устанавливать и сваривать. Крыши монтируют на земле и готовыми поднимают на место. Для возведения стен не нужна кирпичная кладка: металлический каркас заполняется крупными железобетонными панелями. Надо ли говорить, что все эти прогрессивные инженерные решения намного ускоряют строительство завода.

Недавно Красноярск отпраздновал 350-летие. В юбилейные дни на подъездах к новой площади, где воздвигнуто великолепное беломраморное здание театра оперы и балета, увидел я флаги многих зарубежных государств, которым Красноярск шлет свою продукцию. Были флаги экзотические, с незнакомой геральдикой, были знакомые, например Соединенного Королевства Великобритании. Но что же экспортирует сибирский город в индустриальную Англию? В числе прочего — холодильники, известную всем «Бирюсу», которую за рубежом называют «Сноукэп» (Снежная шапка).

Весной 1982 года Красноярский машиностроительный завод имени В. И. Ленина выпустил десятимиллионный холодильник!

Я поднимался на Караульную гору к старинной часовенке и реконструированной «казачьей заставе», откуда некогда дозорные предупреждали о приближении врага и куда теперь возят гостей, чтобы те могли любоваться городом с высоты орлиного полета. В море новой застройки едва отыскал я с юности знакомые ориентиры: тут купола восстановленной к юбилею старинной церкви, там темную хвою городского сада... Все остальное было перепланировано и обновлено.

От всех перемен, пожалуй, особенно выиграл Енисей. Город пришел к нему на поклон, раскрыл себя, убрав с берега все, что мешало гармонии воды и суши. Набережная, какой и Волга могла бы позавидовать, широкой, удивительно свободной полосой протянулась по всему левобережью. К ней примыкает красавец мост. Примыкает как раз там, где была когда-то паромная переправа.

Возле нее Антон Павлович Чехов по дороге на Сахалин наблюдал спиральные круги водоворотов Енисея. Тарантас ожидал парома.



Писатель с жадностью смотрел на воду, мчавшуюся со страшной быстротой и силой. Ему казалось странным, что силач Енисей не смыл берега и не пробуравил дна. Именно здесь родились строки, которые так часто вспоминают обитатели берегов великой сибирской реки:

«Не в обиду будет сказано ревнивым почитателям Волги, в своей жизни я не видел реки великолепнее Енисея».

Чехов назвал Енисей могучим, неистовым богатырем, который не знает куда девать силы и молодость. Жизнь здесь, писал он, началась стоном, «а кончится удалью, какая нам и во сне не снилась».

В конце прошлого века, когда Чехов путешествовал по Сибири, и гораздо позднее, в годы юности моего поколения, за рекой, до подножия синих таежных хребтов, простиралась выжженная солнцем пустынная степь, изрытая норами сусликов. Как геодезист-изыскатель, я в тридцатые годы забивал там колышки на перекрестках улиц, существовавших лишь на чертежах проектировщиков.

Заречье особенно заметно пошло в рост с военных лет, когда в степи осели заводы, перебазированные из прифронтовых районов. Теперь за Енисеем второй Красноярск, больше старого, левобережного.

А на плоской вершине Афонтовой горы — Академгородок. Свой, красноярский. Не столь знаменитый, как новосибирский, но получивший уже известность далеко за пределами страны.

Красноярские биофизики разрабатывали систему жизнеобеспече-

ния человека во время дальних космических полетов и пребывания на других планетах. Мне показывали герметизированный экспериментальный комплекс «Биос-3». Трое добровольцев затворников провели в нем полгода. Внутри «космического дома» в особых отсеках-фитотронах при свете ксеноновых ламп злаки и овощи исправно выполняли порученную им работу: очищали воздух и влагу. Испытатели снимали урожай, пекли хлеб, готовили овощные блюда...

Красноярский Академгородок объединяет несколько крупных научных учреждений. Среди них — Институт леса и древесины, которому поручено, в числе прочего, изучение сибирской тайги не с узкоутилитарной точки зрения, а с позиций ее влияния на процессы, происходящие в биосфере. Экологи рассматривают зеленый океан Сибири как мощный источник кислорода, необходимого обитателям планеты. Программа «Сибирь» наметила для ученых института также разработку мер, которые помогли бы сохранять тайгу, повышать ее продуктивность, восстанавливать лесной покров, защищать наше национальное сокровище от вредителей и пожаров.

Над таежными просторами патрулирует лесная авиация. Летающие лаборатории института собирают оперативные данные о переменах, происходящих в лесных массивах. Наконец, в системе аэрокосмического наблюдения действуют спутники типа «Метеор», позволяющие составлять для огромных пространств верный баланс взаимодействия сил человека и природы, прогнозировать возможные изменения в лесном покрове.

Одна из программ, составляющих «Сибирь»,— поиски способов использования углей восточных месторождений.

Их запасы в Красноярском крае колоссальны. Пласты Тунгусского каменноугольного бассейна занимают пространство, протяженность которого с севера на юг — тысяча восемьсот километров, с запада на восток — тысяча с лишним. Но это бассейн отдаленного будущего: северная природа, труднодоступность...

Нет смысла забираться в таежные хребты, когда прямо вдоль Транссибирской магистрали между лежащими к западу и востоку от Красноярска городами Ачинском и Канском на восемьсот километров протянулись мощнейшие пласты. В этом районе и создается КАТЭК, Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс.

К началу одиннадцатой пятилетки нефть составляла около половины потребляемого страной энергетического топлива, уголь — четверть. Между тем угля разведано гораздо больше, чем нефти. По мнению авторитетных ученых, было бы правильным в интересах грядущих поколений к концу века значительно повысить в топливно-энергетическом балансе долю угля, примерно сохранить такую же долю газа, нефть же использовать как сырье.

Главную заботу о снабжении страны энергетическим углем должны взять на себя молодые Канско-Ачинский, Экибастузский бассейны.

Если к началу первой пятилетки казался тихим и провинциальным Красноярск, то что же тогда говорить о его соседях? Я полистал старые справочники. В Ачинске — меньше двадцати тысяч жителей, четыре предприятия: кирпичный, пивоваренный, кожевенный заводы и мельница. В Канске — чуть больше двадцати тысяч

горожан, чугунолитейный и кирпичный заводы, две мельницы, артель инвалидов «Труженик».

Ачинск стал теперь значительным индустрнальным центром: около двухсот предприятий. Средн них — комбинат, поставляющий глинозем Красноярскому алюминиевому заводу, удобрения — сельскому хозяйству, цемент — новостройкам. Новый Ачинский нефтеперерабатывающий завод относится к крупнейшим в Снбирн. И, как бы завершая список перемен в судьбе снбирского «городка Окурова», — КАТЭК.

Я приехал в Ачинск поздно вечером. Сквозь сплошное стекло нового вокзала лился яркий свет. Где-то поблизости погромыхивал трамвай. Мне вспомнилось вдруг щелканье пастушьего бича: прежде стадо гоняли по главной ачинской улице, где его поджидали хозяйки, болтавшие на завалинках деревянных домишек...

Ачинск — на западном крыле КАТЭКа. Неподалеку от него город Назарово н молодой город Шарыпово, в первых микрорайонах которого нанболее нетерпеливые видят черты будущей столицы угольного края.

Большая часть здешних углей не скрыта в иедрах. Пласты их прикрывает лишь тонкий слой грунта. И какие пласты! Толщина главного достигает шестидесяти метров, есть и стометровые. А во многих страиах двух-трехметровый слой уже считается богатым.

Уголь КАТЭКа добывается открытым способом. Для этого способа, наиболее выгодного и удобного, Каиско-Ачинский бассейн располагает астрономическими запасами: 140 миллиардов тонн. Если подсчитать н то, что лежит поглубже, общая цифра запасов примерно учетверится.

Бурые угли бассейна не один десяток лет горят в топках сибирских электростанций. Однако перевозки топлива на дальние расстояния не всегда рентабельны. Для КАТЭКа определена генеральная линия развития: уголь в основном нспользовать на месте, а транспортировать получаемую прн этом эиергию.

Технология открытой добычи с помощью современной мощнейшей техники, в частности роторных комплексов и экскаваторов, способных брать в ковш до ста кубометров грунта, достаточно отработана.

Можно сказать, что нз всех проблем КАТЭКа нанболее простая — добыча. Сложнее с превращением дешевого топлива в дешевую энергию. Да, уже сегодня вполне успешно действует на местных углях Назаровская ГРЭС. Она велика по нынешним масштабам, но у сооружаемой Березовской ГРЭС № 1 масштабы завтрашнего дня: трубы — 360 метров, мощность — как у гидростанции в Саянах, выработка энергии больше, чем у Красноярской н Саяно-Шушенской, вместе взятых. Ведь от колебаний уровня реки она не завнсит, может круглый год работать с полной нагрузкой.

Угля хватит на одновременную работу десяти — пятнадцатн суперэлектростанций, но не будет ли подобная нагрузка чрезмерной даже для необозримых снбирских пространств? Район КАТЭКа не безлюдная пустыня, здесь лесные просторы, много голубых озер, веселых речек, привольных лугов. А недалекое будущее бассейна — колоссальные угольные разрезы, горы снятой по дороге к углю земли, отвалы золы н шлака, неутолимая жажда тепловых гигантских агрегатов...

Экологи спорят, сколько станций можно строить, чтобы рождение энергии не вызывало оскудения природы. Пока что чаще всего говорят осторожно: несколько. Уточнение последует. «Энергетические галактики», подобные КАТЭКу, не создавались еще нигде в мире, и на чужой опыт тут рассчитывать не приходится. Исследования продолжаются, очень тщательные и обширные: просчитаться опасно, Сибирь у нас одна, Сибирь надо беречь...

Первоначально предполагалось создать еще более мощные станции, чем Березовская № 1. Технически это вполне возможно, но экология — против. При самых совершенных электрофильтрах газы очищаются от пыли почти полностью, однако даже это «почти», рассеиваемое трубами высоко в атмосфере, не улучшает прозрачность воздуха.

Чтобы не накапливались горы золы, ею будут засыпать раны земли, образовавшиеся на месте выработанных разрезов. Сверху положат плодородный слой: его снимают перед началом работ и хранят для этой цели. Часть золы можно использовать в цементной промышленности и при дорожном строительстве. В золе много щелочей, с ее помощью можно повышать плодородие кислых почв.

На XXVI съезде партии говорилось об использовании угля для производства синтетического жидкого топлива. Сибирские химики убедились, что канско-ачинские угли вполне подходят для этой цели. Дело за разработкой высокопроизводительной, экономичной технологии, соразмерной масштабам КАТЭКа. Этим заняты многие научно-исследовательские институты.

Подготавливается проект мощного энерготехнологического комбината, который давал бы не только тепло и энергию, но также синтетическое жидкое топливо и другие ценные химические продукты. Доказано, что бурые угли КАТЭКа годны для получения горючего газа, кокса, полукокса, смол, нужных при производстве пластмасс, веществ, ускоряющих рост растений.

Насколько экономично превращение угля в жидкое горючее? В целом оно обойдется, как считают специалисты, не дороже продуктов переработки тюменской нефти. Правда, не самотлорской, а добываемой из более отдаленных и менее богатых месторождений. При освоении же способа гидрогенизации угля, его превращения в так называемую «угольную нефть», экономические показатели могут быть еще благоприятнее.

На земном шаре не так уж много государств, сходных по энергетическому потенциалу с Красноярским краем. Ресурсы его рек оцениваются в десятки миллионов киловатт, запасы углей — в триллионы тонн.

Значительную часть энергии край может направлять на Урал, в европейскую часть страны. Линии сверхдальних передач КАТЭКа проектируются до района Харькова. Край превращается в базу энергетики всесоюзного значения, если хотите — во всесоюзную электростанцию.

Белые лайнеры уходят из Красноярска на север. Здесь начинается один из наиболее популярных маршрутов. Рейс до острова Диксон, сторожащего выход из Енисейского залива в Карское море, позволяет увидеть Сибирь от средних широт до полярных окраин.

Если путешествие начинается в теплый день, видно, как курится

паром вода, охлажденная в глубинах Красиоярского моря и еще ие успевшая нагреться. Пассажирам предстоит волнующая встреча с Казачинским порогом, где суда на быстрине не могут разминуться н движение подчинено приказам семафора.

Тайга сопровождает Енисей с верховьев. Но главные ее владения начинаются у впадения в Енисей Ангары. Здесь царствует знаменитая ангарская сосна, древесина которой высоко котируется на всех лесных биржах мира.

В старинных русских сказках рассказывалось о чудесных реках, где вместо воды текло молоко, а берега были нз сладкого киселя. Ангара годится для индустриальных сказок XX века: электрическая река с берегами, начиненными свинцовыми, цинковыми, железными рудами. Месторождение, обиаруженное в самом ангарском устье, оказалось настолько богатым, что заставило изменить готовый проект Средне-Енисейской гидростанции. Теперь разработан новый, примиряющий интересы горняков и эиергетиков.

Громкая известность Ангары электрической началась с постройки Братской ГЭС, хотя у нее была предшественница — Иркутская гидростанция. В десятой пятилетке достигла полной мощности Усть-Илимская, в одиннадцатой строится Богучанская. Линии передач от ангарских гидростанций идут в Забайкалье, Кузбасс, к железным рудникам, горно-обогатительным комбинатам. Они питают лесопромышленные предприятия Братско-Усть-Илимского ТПК. Строить основной завод в Усть-Илимске помогали страны СЭВ, и теперь они получают свою долю беленой целлюлозы. А целлюлоза — это бумага, картон, вискозные ткани, целлофан, пластмассы, лаки и миогое другое.

На Енисее ангарскую сосну принимает молодой город, весьма точно названный Лесоснбирском. В полутьме короткой летней иочи берег на много километров высветлен огнями его лесокомбинатов. Года три назад я прожил в этом городе неделю — н всю неделю дышал удивительным, совсем не городским воздухом, иапоенным запахами свежей щепы и сосновой смолы. Лесоснбирск работает иа стройки страны и на экспорт. Он распиливает прямоствольный ангарский лес иа доски и брусья, изготовляет древесноволокнистые плиты, без которых ие обойдется ни строитель, ни мебельщик.

Плотина Средне-Енисейской гидростанции поднимется в скалистых берегах возле Лесосибирска. В этих местах иачинается Нижний Енисей — самая широкая, самая величествениая часть реки, катящей волны к Севериому Ледовитому океану.

Это край летних белых иочей, край сумеречных поляриых зим, все еще не легкий для жизни, ио именно поэтому влекущий сильных, волевых людей.

Если попытаться синтезировать образ Нижнего Енисея, то получится странное на первый взгляд смешение: таежный охотник верхом иа севериом олеие и алый флаг иа мачте морского ледокола, ломающего зимний покров реки; вертолет, перевозящий собачью упряжку в глубь тайги, и состав электровоза, иагруженный рудой; заповедное стадо привезенных с другого континента овцебыков и лунный кратер огромного рудника; подземная лаборатория в толще вечномерзлого грунта и пляска «ихарье», родившаяся в иезапамятные времена у кочевников тундры...

За Енисейском местами от берега до берега — двадцать километров. Река дробится на протоки. Все заметнее дыхание севера. Окна в домах приречных селений высоко от земли, чтобы зимой их не закрыли сугробы. Постепенно на берегах исчезают теплолюбивые, по сибирским понятиям, деревья и кустарники. Зубчатые ельники темнеют на фоне пылающего полуночного неба.

Впадающие в Енисей Подкаменная и Нижняя Тунгуски пересекают Эвенкийский автономный округ. Эвенки — коренные из коренных сибиряков. При относительной малочисленности они расселились почти на трех четвертых территории Сибири, создав самобытную таежную цивилизацию с древними традициями оленеводства. Индейцы северных окраин Америки не смогли прочно освоить гораздо менее суровые места прежде всего потому, что не знали оленеводства: на Аляске оно возникло лишь после завоза сибирских одомашненных оленей.

Самобытная цивилизация отнюдь не адекватна высокой культуре. Прекрасно приспособленные к таежной жизни, эвенки до революции не имели письменности и сохраняли родовой строй. О том, как им удалось за шесть десятилетий пройти путь, на который другим народам в свое время потребовались века, можно прочитать в интересном исследовании доктора исторических наук Василия Николаевича Увачана, сына неграмотного эвенка-кочевника.

Эвенкии, быть может, суждено начать сагу о большой нефти Восточной Сибири. Крупный знаток нефтяных месторождений Западной Сибири академик Андрей Алексеевич Трофимук говорит убежденно: «Ни для кого не секрет, что именно с Восточной Сибирью связаны перспективы будущего развития нефтегазодобывающей промышленности Советского Союза». Так вот, одна из первых нефтеносных скважин в бассейне Енисея — как раз на территории Эвенкии.

Нижний Енисей, его притоки Подкаменная и Нижняя Тунгуски также могут стать местом строительства мощнейших гидростанций. Да, сейчас у многих отношение к ним достаточно прохладное, кое у кого даже почти враждебное. Как, впрочем, и к проекту использования части стока Оби и Енисея для орошения земель Казахстана и Средней Азии.

Людей тревожат возможные необратимые последствия нарушения экологического равновесия на больших пространствах и потеря земель при образовании водохранилищ. Но остается фактом — прошу прощения за напоминание элементарных вещей,— что гидростанции не загрязняют среду обитания, служат людям много десятилетий, углубляют водный путь, уменьшают опасность наводнений. Плотины часто заменяют мосты. Наконец, самое важное: энергия рек возобновляется самой природой, тогда как многие, ныне главенствующие источники энергии постепенно истощаются. Гидростанции помогают сбережению нефти и газа, ценнейшего и невосполнимого сырья, которое очень понадобится будущим поколениям. Гидроресурсы Енисея далеко не исчерпаны. Для нижних плесов разрабатываются проекты Осиновской, Подкаменно-Тунгусской и Туруханской гидростанций. Место для первой, мощностью превосходящей Саяно-Шушенскую, выбрано на самом Енисее, в районе Осиновского порога. Вторую, по мощности сравнимую с крупнейшими волжскими гидростанциями, намечается строить на Подкаменной Тунгуске.

Третью, еще небывалой мощности — около 10 миллионов киловатт — на Нижней Тунгуске.

Это не сегодняшний, не завтрашний день. Вероятно, плотины новых гидростанций встанут в тринадцатой — четырнадцатой пятилетках, и можно не сомневаться, что при этом будут тщательно взвешены все «за» и «против» с учетом перспектив использования новых источников энергии, например термоядерной.

...При пересечении енисейским лайнером полярного круга происходит традиционная церемония. Правда, в отличие от праздника Нептуна при переходе экватора никого не купают и не обливают енисейской водой: она все же довольно холодна для этого. Ассистентами Нептуна, который облачен в меховую шубу, выступают белый медведь и морж, а дипломы, вручаемые туристам, скреплены печатью Полярной звезды.

Церемония происходит на подходе к порту Игарка. Это одновременно речной и морской порт. Напомню, что, хотя до устья реки еще около 700 километров, она на всем этом протяжении доступна для морских кораблей.

Игарка была построена полвека назад, чтобы дать выход сибирской древесине в европейскую часть страны и на мировой рынок. В ее земле — станция мерзлотоведения. Мы знаем: вечная мерзлота залегает почти под половиной территории страны. В ее поясе — нефть, газ, железные руды, важные транспортные магистрали.

У подземных «комнат», где работают мерзлотоведы, нет никаких искусственных стен и креплений. Мерзлый грунт тверд как камень. Температура в толще мерзлоты постоянна круглый год в течение многих тысячелетий. Под землей Игарки создан маленький «музей вечности»: в ледяных нишах — птицы, рыбы, растения. И еще газеты времен войны. Ящик с ними должны вскрыть к столетнему юбилею Дня Победы.

За Игаркой Енисей вступает в пределы Таймырского автономного округа. Здесь живут северные народы: селькупы, ненцы, долгане, нганасаны, эвенки, энцы... По площади округ — Франция плюс Италия. На этой территории даже в первые годы Советской власти работало всего пять учителей, не было ни одного города, ни одного промышленного предприятия, если не считать пекарен и кустарных мастерских для выделки звериных шкур.

Теперь на Таймыре — гигантские заводы, шахты, рудники, железная дорога, авиалинии, богатые колхозы, звероводческие фермы, стада в десятки тысяч оленей, морские и речные порты.

Центр округа — Дудинка. Я впервые попал туда в 1936 году: около тысячи жителей, кособокие деревянные дома, ездовые собаки на топких от подтаявшей мерзлоты улицах, кое-где «балки» — передвижные жилища кочевников, приехавших за товарами.

Нынешняя Дудинка издали напомнила мне норвежский полярный порт Хаммерфест: морские корабли на рейде, по холмам светлые прямоугольники многоэтажек. Однако вблизи Дудинка оказалась далеко не такой «причесанной», как «макушка Европы» с ее туристскими соблазнами и чучелами белых медведей у магазинов сувениров.

Дудинка воюет и с вечной мерзлотой (дома поддерживают сваи, забитые в мерзлый грунт иногда почти на высоту самого здания), и с Енисеем, где во время ледохода вода поднимается до двенадцати

метров, заливая портовые причалы. А эти причалы — для грузов Норильска, с которым Дудинка связана железной дорогой. На причалах больше кранов, чем в Новом Орлеане,— свидетельствую как очевидец, недавно побывавший в главном портовом городе на Миссисипи.

Уже середина тридцатых годов стала порой энергичного и романтического освоения Арктики. Полярные летчики на неуклюжих и тихоходных самолетах искали путь во льдах для кораблей и сбрасывали почту зимовщикам полярных станций. Арктика осваивалась широко и продуманно. В низовьях не только Енисея, но и других сибирских рек строили порты. Ледоколы и корабли ледового плавания прокладывали новые трассы. Союз корабля и самолета обещал многое. Советская воздушная экспедиция высадилась на Северном полюсе.

Главное же началось после того, как на Таймыре вырос полиметаллический комплекс Норильска, в северных районах Западной Сибири нашли нефть и газ, а в ряде мест океанского прибрежья — другие полезные ископаемые.

Была поставлена задача: во что бы то ни стало продлить арктическую навигацию. Ее решению помогали сверхмощные атомные ледоколы «Ленин», «Арктика», «Сибирь», а также специальные ледоколы, приспособленные для прокладывания пути во льдах замерзших рек.

Великолепный бросок «Арктики» к Северному полюсу был, конечно, эффектным и престижным. Но моряки высоко оценивают и рейс ледокола «Сибирь», который провел транспортный теплоход через считавшиеся прежде решительно недоступными воды между архипелагом Северной Земли и полюсом. «Сибирь» со спутником преодолели всю восточную часть трассы Северного морского пути и достигли Берингова пролива.

За последние годы советские моряки стали водить корабли по западному участку Северного морского пути не месяцы, а круглый год. Это трудно и рискованно. Но лишь так можно доставлять все нужные грузы портам, тяготеющим к развернутому в сторону полюса «главному фасаду» страны.

В разгаре полярной ночи над Дудинкой полутьма даже в полдень, небо полыхает северным сиянием. А у причалов — морские корабли, курящиеся паром, с надстроек свисают тяжелые сосульки. В свете прожекторов над трюмами плывут стрелы кранов, и их резкие тени мечутся в снежной мгле.

Моряки, пришедшие в Дудинку очередным рейсом, рассказывали мне о тяжелой зимней навигации 1979 года. Тогда в Арктике стояли «космические» морозы: 56—60 градусов. Дерево трескалось, раскалывалось, металл крошился. Вахту моряки несли в обледеневших шерстяных масках. От вибрации палубы стучали зубы. Возможность маневра сводилась к минимуму, вокруг идущего за кормой ледокола судна мгновенно смерзались льды. Удалось провести не все корабли, часть застряла. Но все же движение на трассе Мурманск — Дудинка не прекращалось.

А это сегодня жизненно важно для цветной металлургии Кольского полуострова, для гармонического развития хозяйственного и социального организма Норильска, где в единый комплекс связаны сам город, заводы, дающие стране никель, медь, кобальт и другие

металлы, порт на Енисее, железная дорога, газовые промыслы и газопровод, гидростанция на Хантайке н ее поселок Сиежногорск, строящаяся гидростанция на Курейке, аэропорт, дома отдыха, прекрасно оборудованные бытовые комбинаты и многое, многое другое.

Новая слава и гордость Норильска, крупнейший Надеждинский металлургический завод, позволил взяться за руды, использованне которых еще иедавио казалось почти невозможиым. Вступление в строй «Надежды» — так называют завод иорильчане — было в сущности вторым рождением комбината. «Надежда» нспользует уникальную, принципиально новую технологию, какой не имеет ни одио металлургическое предприятие в мире.

Первый металл «Надежды» был получен иакануне XXVI съезда партии. В одиннадцатой пятилетке Надеждииский металлургический завод станет работать иа полную мощиость. И уже иедалеко время, когда Большой Норильск станет опорой формирования огромного Северо-Енисейского террнториально-производственного комплекса, который еще шире будет использовать природиые богатства Таймыра.

Сибирь последией четверти нашего буриого столетия отделяет от Сибирн, встретившей век, целая эпоха.

Край, с которым прежде связывались представления о каторге и ссылке, стал процветающим мощным краем, где люди стараются добиться гармонии природы н цивилизации. Это вовсе ие легко н не просто. Но столько уже сделано! И кто же усомнится сегодня, что идущая державным шагом Снбирь и впредь будет увереиио приращнвать могущество великой страны и ее героического иарода!





ДЛЯ БЛАГА НАРОДА

Советский народ с огромным воодушевлением воспринял Продовольственную программу СССР и меры по ее реализации, утвержденные майским (1982 года) Пленумом ЦК КПСС. Это еще одно свидетельство постоянной заботы партии о повышении народного благосостояния, о полном удовлетворении возросших потребностей советских людей в продуктах питания.

Для реализации Продовольственной программы необходимо добиться всемерного повышения продуктивности земледелия и животноводства, нужно больше получить от пашни, луга, отчасти леса. Поэтому быстрый рост урожайности сельскохозяйственных культур был и остается одной из главных задач на будущее. И ключ к решению этой задачи, как указывалось на Пленуме,— использование преимущественно интенсивных факторов роста.

К этим факторам относятся всемерное развитие поливного, орошаемого земледелия, осушение переувлажненных земель, в значительных масштабах использование органических и минеральных удобрений, противоэрозионная обработка земли. Техника последнего двадцатилетия нашего века должна быть хорошо приспособлена к почвам и возделываемым культурам, к рельефу местности и погодным условиям каждого региона.

Наш ежегодник периодически рассказывает об агроценозах, умело созданных лучшими мастерами земледелия без какого-либо ущерба для природы, ее замечательных ландшафтах. Здесь выращивают наивысшие урожаи всех культур. Вот что говорил в своем докладе на Пленуме Леонид Ильич Брежнев: «Это требует внедрения научно обоснованной, хорошо продуманной системы земледелия, в полной мере учитывающей природно-экономические условия каждой зоны и области, каждого района, каждого хозяйства».

Разговор о подобных научно обоснованных системах, очерки и рассказы о мастерах высоких урожаев будут и впредь появляться в наших выпусках. Ведь к 1990 году в стране уже будут вовлечены в сельскохозяйственный оборот 23—25 миллионов гектаров орошаемых земель и 18—19 миллионов осушенных. Они будут давать гарантированные урожаи, мало зависящие от погодных неурядиц и стихийных явлений. Как это отразится на состоянии природы, на судьбе рек и лесов, на пока еще не предсказуемых погодных условиях — особая тема для ученых, писателей и журналистов, которые участвуют в создании сборника «На суше и на море».

До 1990 года в интересах народного хозяйства будет осуществлено строительство объектов первого этапа для переброски части стока северных рек в бассейн Волги, а также каналов Ростов — Краснодар и Дунай — Днепр. Вот где потребуется глубокое исследование ученых-географов.

Рассказать обо всем этом занимательно, точно и доступно — долговременная задача авторского коллектива сборника «На суше и на море».

Такая популяризация, несомненно, принесет пользу важнейшему делу осуществления Продовольственной программы.

Редколлегия сборника



ЛЮДМИЛА САВЕЛЬЕВА

ПРИТЯЖЕНИЕ ЗЕМЛИ

Очерк

«Нечерноземье» — это слово не сходит с газетных страниц. «Нечерноземье на марше», «Нечерноземье — ударный фронт» — внимание всей страны вот уже десять лет приковано к этим землям. Что такое Нечерноземье? Большой регион России из двадцати трех областей и шести автономных республик? Или небогатые земли, которые и дали название всему краю? Или деревушки, разбросанные на холмах, затерянные в лесах, и по соседству — современные поселки, целые агрогорода? Или шумный язык посланцев всех пятнадцати братских республик: работают на новгородской земле белорусы, на владимирской и ивановской — узбеки, на смоленской — литовцы. Это здесь, в Нечерноземье, оживает вся история России лишь при одном упоминании городов — Владимир, Суздаль, Псков, Новгород, Смоленск. Это отсюда, из Нечерноземья, идет мировая слава и вологодского масла, и ярославских сыров, и романовских овец. Край, о красоте которого не сказать точнее Паустовского: «Я не знаю страны, наполняющей большей лирической силой, чем средняя полоса России».

Нечерноземье прекрасно в любую пору. Есть своя прелесть и в весеннем пробуждении лесов, земли, рек, и в густой, щедрой зелени лета, и в том осеннем параде красок, когда деревенские мальчишки пекут на кострах картошку, а поля стоят наполненные, как тарелки до краев, хлебами. Запах хлеба плывет, пьянит, наполняет ощущением праздника. А зима — пора затишья сельских забот, снежного безмолвия? «Поля здесь белее хлопка», — шлет письмо на родину черноглазый узбек. А то вдруг разыграется вьюга, и закружится метель (пушкинская?) каким-то бесшабашным танцем.

И сколько ни случалось бывать в Нечерноземье, в каждый приезд, словно впервые, открываешь его красоту. Она так же не ярка, не броска, как, например, калининская речушка Осень.

Серебристой лентой вьется она среди полей, лесов, то играя на солнце, то озорно затаившись в ивняке. Трудолюбивая речушка — питает сенокосы, богата рыбой, а какой радостью одарит в зной своей чистой прохладой. Но разве раскроет она свою красоту с первого взгляда? Нет, надо измерить шагами ее берега, послушать ее неторопливый говор — попадаешь к ней в плен незаметно. И поймешь это неожиданно — где-нибудь в городской суете вдруг вспомнишь трудолюбивую ленточку и улыбнешься: «Название-то какое — Осень».

Нечерноземье сегодня на марше — это верно. И может, оттого что кипит оно преобразованием, обновлением, так много и проблем здесь переплелось? От домов, сугубо городских, в несколько этажей, уныло ординарных («скворечниками» прозвали их селяне) до истинно крестьянских — старых, но сбитых, с характером. От усадеб, радующих глаз, ухоженных и обласканных, до запущенных, неприкаянных, где ни деревца, ни кустика. От семей из калининского совхоза «Октябрьский», которым по их просьбе хозяйство продает в личное пользование коров (вот и директор школы недавно подал такое заявление), до семей совсем иных — едущих в город за молоком и прочими сельскими продуктами. От статистики, бесстрастно свидетельствующей о стабильном оттоке сельского населения, до писем со всех концов страны (уж всю карту по ним изучили!), приходящих в тот же «Октябрьский» с просьбой принять на работу. И крепкий семейный куст председателя колхоза «Дружба» Кудрявцева, прочно вросший в калининскую землю (все его трое детей работают в колхозе), и целые селения с еще добротными домами и ведром у колодца, но где нет ни души, и асфальт около уютных, утопающих в зелени коттеджей, имеющих все деревенские блага и городской комфорт,— все это Нечерноземье.

Да, современность все громче заявляет о себе. Звучат на сельских улицах записи моднейших эстрадных ансамблей, современные доярки отстукивают каблучками те же ритмы, что и москвички, а парни азартно спорят о кибернетике, и рабочий день в передовых хозяйствах восемь часов, как в городе. Все больше сложных терминов в деревенском языке — индустриальная технология, интенсификация, комплексная механизация, гербициды... И не надо агитировать за престижность профессии земледельца нечерноземной деревни: в тот же колхоз «Россия», что на Смоленщине, можно попасть не иначе как по конкурсу, выдержав годичный испытательный срок. И лишь одно не поддается изменениям и переменам — забота и тревога о земле, та крепчайшая связь с природой и окружающим миром, что отличала сельского жителя во все времена.

И в сгустке, переплетении разных проблем сегодня встает со всей остротой и силой главная — отношение к земле. Земля не имеет цены, земля — наше главное богатство. Эти определения, к сожалению, примелькались от частого употребления, мы произносим их по привычке, особо не задумываясь. Как сделать, чтобы каждый — будь то хлебороб, строитель, мелиоратор, архитектор, председатель колхоза — понял непреложную мудрость этих аксиом, прочувствовал и пропустил через себя? Ведь одна задача у всех — делать землю богаче и краше.

Обратите внимание: то и дело в Продовольственной программе СССР встречается слово «земля» — повышение эффективности и

урожайности земли, хозяйское использование земли, бережное к ней отношение. Беречь, хранить землю — это значит ухаживать за ней по-хозяйски. Пестрота урожаев на одной и той же земле, по соседству. С одной стороны, рекорды передовых хозяйств и, с другой — совсем иное положение дел в отстающих. Вот эту «пестроту» и предстоит преодолеть в ближайшие годы. Земля — всему начало. Помните, у Горького: «Земля должна быть огранена трудом людей, как драгоценный камень». Не скупится человек на заботу о земле, относится по-хозяйски — она не останется в долгу, отблагодарит щедрым урожаем. И в любом отстающем хозяйстве одна «болезнь» — неумение или нежелание работать на земле, и вместо честного признания этого — кивки и ссылки на частокол объективных трудностей: на погоду, климат, бедные почвы. Тесно переплетаются здесь категории экономические и нравственные.

Небогатые земли? Да, им не надо тягаться урожайностью с мощными черноземами. Но и в худосочные их не следует записывать. На юго-западном берегу Ильмень-озера раскинулись угодья новгородского колхоза имени Ленина. Земли — хуже не придумаешь: подзолы да тяжелые глины. А зерновых собирают по двадцать пять центнеров на круг. Или другой колхоз в глубинке Нечерноземья — «Заря» на Смоленщине. В самый неудачный год здесь меньше двадцати центнеров с гектара не собирают. А сколько в Нечерноземье хозяйств и до десяти центнеров не дотягивающих? И кого винить в том? Землю, погоду: то, мол, дожди залили, то солнца с избытком, а еще и с удобрениями плоховато? Нет, не надо лукавить. Все дело в том, какой человек на земле — хозяин или поденщик.

Я убеждалась в этом много раз, бывая в разных селах, краях, зонах, и всегда с интересом всматривалась в тех, о ком говорят: он — настоящий хозяин. С каким уважением это произносят, с какой гордостью и надеждой: ведь он-то и есть главная опора.

Чувство хозяина земли — особое. Потому, что оно присуще далеко не каждому, и потому еще, что обладает оно огромным нравственным зарядом: плохо работать — стыдно. Настоящий хозяин привычен ко всякой работе, делает ее по совести и твердо убежден, что главное его назначение — кормить людей хлебом, мясом, молоком,— всем, что родит земля. Это понимание, сознание себя как кормильца других и является вечной нравственной основой жизни деревенского человека. Отсюда и сила, и основательность, и душевная прочность, отсюда и цельность натуры: не к лицу кормильцу большой семьи теряться и пасовать перед трудностями, слабость духа проявлять... Он знает себе цену! Узнать его легко — по опаленному солнцем и ветрами лицу, по сильным натруженным рукам, но прежде всего — по особому отношению ко всему, что окружает. Даже по взгляду: это взгляд не постороннего созерцателя красоты, а созидателя ее. Любовь к природе, земле у него всегда выражается через действие: ведь кто, кроме него, позаботится? Нечерноземье — это прежде всего край увлеченных людей.

Таков Павел Александрович Зорин, районный архитектор из Калининской области. Тихий, застенчивый, синеглазый человек. Архитектор с высшим специальным образованием пока редкость в сельской местности. Вот и Зорин, по выражению одного из сокурсников, «похоронил себя в глуши». Бежецк — районный городишко, что за масштабы? А он, приехав сюда впервые, сразу понял:

все, теперь никуда не деться! Можно любить эти края только за то, что они есть. Но любить — это значит прежде всего отдавать.

— Ведь смотрите, что делается,— горячо, с азартом рассказывал Зорин,— начали ставить дома с плоской кровлей, их «лысыми» в деревнях прозвали. Каким стихийным ветром их занесло в русское село? Испокон веку главным украшением крестьянского дома была кровля. Двускатные, шатровые, бочковидные крыши с коньками и затейливой резьбой... И никогда не превышали они двух мер основания, и, какой бы дом ни строили русские плотники, строго выдерживали эти пропорции.

Мы ехали в колхоз имени Крупской, и всюду — голубые поля льна — район льноводческий. Мысли у нас с Зориным совпадали. Вот взять те же «скворечники» — дома в пять этажей. На кого они рассчитаны, кто решил вот таким образом стирать грани между городом и деревней? Несколько пятиэтажных домов, выброшенных в чистое поле, изолированных от палисадников и огородов,— и жители индустриальных пригорков уже только по прописке сельские. Это ведь из «скворечников» едут в город за продуктами.

Многое связывает человека с землей, на которой он живет, но прочнее всего — дом. Существует теснейшая зависимость между домом, в котором живет крестьянин, и его работой. У хорошего хозяина — порядок в поле, но у него и порядок в доме. Дом, убежден Зорин, отражает характер своего хозяина. И сколько угодно таких примеров. Вот украсил человек свое жилище — резьбой ли, садом, цветами,— не пройти мимо, залюбуешься. Здесь живет крепкий работник! А рядом — бурьян под окнами, ни деревца, ни кустика: знать, не лежит у хозяина душа к порядку, к красоте. И, можно точно сказать («Я проверял»,— смеется Зорин), в работе человек так же небрежен, безразличен. Каков дом — таков и хозяин.

— Очень нужны современному селу грамотные архитекторы,— доказывал Зорин (мне ли, себе, сокурсникам?).— То, что сегодня здесь сооружается, и в каких масштабах, темпах, послужит не одному поколению. Надо сохранить, уберечь, донести до потомков лучшие черты русского села и дома, надо увязать современный комфорт и индустриальный поток с дивной красотой природы. Нельзя уродовать села!

За разговором дорога пролетела быстро, вот мы и прибыли в колхоз. Здесь ожидалось событие: всем миром колхозники выходили закладывать большой парк. Парк в деревне, когда кругом леса?

— А чему удивляться?— не понял Зорин.— После тяжелого труда до леса не дошагаешь, а по парку прогуляться — одно удовольствие. И отдых, и общение с сельчанами. Резонно? Скоро и бассейн здесь начнем строить. Может, спросите, зачем? Речка, мол, есть. Но и зима случается...

Хозяйство, это сразу было видно, крепкое. Председатель колхоза, Александр Васильевич Груздев, не скрывая гордости, говорил о добрых приметах: много свадеб в колхозе, большая рождаемость. Строит колхоз много, серьезно, основательно. И с не меньшим оживлением, чем об урожайности зерновых, Александр Васильевич говорил о красоте домов. Надо, чтобы они перекликались друг с другом: ведь сельский житель — человек общительный! Пристрастие к архитектуре, вкус к ней обнаруживается и в груздевском лексиконе: то один специальный термин обронит, то другой. Откуда?

— Это Зорин меня перевоспитал,— рассмеялся Груздев.— Повезло нам с архитектором! В том, по-моему, и состоит главная задача районного архитектора, чтобы нам, упрямым крестьянским мужикам, замороченным делами, открывать глаза на красоту мира и учить жить перспективой. Я,— пояснял сравнением Груздев,— кормилец большой семьи и прежде всего должен обеспечить достаток в доме. Могу забыть о красоте. Но кто-то должен мне о ней напомнить...

Были мы и в других хозяйствах, и всюду Зорину были рады — с ним советовались, просили что-то прислать, подыскать, делились своими проблемами, уже не имеющими к архитектуре никакого отношения. Вот и прикипел, крепко прикипел Зорин к калининской земле, к внешне неторопливому течению жизни районного городка Бежецка. То лошадь простучит по мостовой, то деревенские бабенки о чем-то оживленно судачат у магазина — и все это теперь его, Зорина, родное. Впрочем, в райцентре его застать трудно. Колесит по району с утра до поздней ночи и живет всеми заботами села. Сейчас, к примеру, он всерьез занялся еще и дорогами. Ну что это такое: построят комплекс с полной механизацией, не на один миллион рублей, а кусок бездорожья в два километра пути до комплекса оставят. Много ли найдется добровольцев среди молодых ежедневно месить грязь по распутице? Все надо делать основательно — и труд, и быт, доказывает Зорин. По-современному мыслит, по-хозяйски. Мне уже встречался похожий на Зорина человек, такой же горячий в деле и застенчивый внешне, принявший все проблемы Нечерноземья, как свои личные. Солодун Николай Иванович, земледелец.

Далеко брянский городок Стародуб от Бежецка, а похожи они. Тем же внешне неторопливым течением жизни и большой ежедневной работой. Путь туда — через леса, где высоченные сосны подпирают небо, где темные ельники дружно соседствуют с березовым светом, а то вдруг заспешит мелколесьем, кустарниками да болотами, а по взгоркам — деревни. Малый город Стародуб, а история богатейшая. Все было в его жизни, отсчет которой идет от XI века. И в Киевскую Русь входил, и сгорел дотла в годину татаро-монгольского нашествия, был в составе Великого княжества Литовского, а три века назад окончательно утвердился в правах российского города. Один из многих райцентров, глубинка Нечерноземья. А едут и едут сюда делегации — ученых, историков, журналистов. И многие «целевым» назначением — в совхоз «Красный Октябрь». Когда-то одна из первых сельскохозяйственных коммун страны, а ныне хозяйство высокой культуры земледелия, награжденное орденом Трудового Красного Знамени.

Первыми в области краснооктябрьцы осваивают и промышленные технологии, и передовой опыт. Зерна получают ежегодно по 27 центнеров с гектара, картофеля — 230. И больше двадцати лет трудится в совхозе механизатор Николай Иванович Солодун. Еще мальчишкой пахал он в родном Степке на лошадях, семь классов образования имеет, а по опыту и знаниям — настоящий академик. За беззаветное служение земле одарила его Родина самыми высокими наградами: Солодун — Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР.

Казалось бы, трудно кого удивить рекордами в таком крепком

хозяйстве, как «Красный Октябрь». А Солодун — удивляет! Вот рядом лежат два поля. Одно солнце их греет, один дождь поливает. И техника одна людям помогает, и удобрение делят из одного мешка. А подошла осень — картошка уродилась разная. На целых десять центнеров щедрее гектар на том поле, где Солодун работал. Зерновые собрали — опять Солодун на первом месте. Сев по весне начали — Солодун раньше всех успел.

Выигрывает он совестью. Понятие, приобретающее в наш научно-технический век особую значимость. Ну хотя бы такой пример. Восемь лет службы отпущено инструкцией трактору — потом можно списывать. На практике зачастую до шести-семи дотянет, и на том спасибо. А у Солодуна десять лет служит и в отставку не собирается. Технику он хранит так же пристрастно и бережно, как трудовые награды. Или взять индустриальную технологию, великое подспорье земледельцу: освобождает от ручного труда. Казалось бы, все просто: выполни правила агротехники — и на поле ни шагу. Но разве и тут нет загадок? Выдалось влажное лето, и закручинился Николай Иванович. Заводские лапы тяжелые да крупные, влажную землю пластами ворочают, какой прок от них... Потерял покой. Но-таки придумал: приварил к лапам металлические прутья, и они теперь землю рыхлят аккуратно, мелко — дышит картошка? Дышит. И земля тоже. И Солодун радостный несколько дней — словно и ему самому стало легче дышать.

Кстати, любопытная перемена в современном крестьянине, которого порой упрекают: где, мол, мастеровитость дедов и прадедов, умельцев на все руки? Она, эта жилка мастерового, сохранилась и в наш век механизации. Техника еще не всегда совершенная, не всегда надежная, да и «ассортимент» ее оставляет желать лучшего — порой до чудес доходит изобретательность сельских механизаторов. Одна герметизация зерноуборочных комбайнов чего стоит!

Чтобы закупорить все щели, кто из дому тряпок притащит, кто иную хитрость придумает, а кто и так в поле выйдет. Называют комбайн красиво — степным кораблем. И вот, представьте, ушел корабль в плавание, а вслед капитану несется: местах в десяти будет протечка, пустяки! Там, в море, подлатаете! Такой, как Солодун, пока все не подготовит, в поле не выйдет. А другие? И между прочим, Солодуну перед жатвой совсем не помешал бы отдых — ему силы нужны для большой работы!

И вроде не к лицу хлеборобу ругать технику, свою помощницу, а коль ненадежная да неудобная? В кабине жарко, как в русской печке, очистителя пыли и в помине нет, а выхлопная труба прямо в ухо тарахтит. Тряска, пыль, грохот, духота — условия не райские.

Вспоминаю: конструкторское бюро, уют кабинетов с кондиционерами и спокойствие их обитателей: имеется еще, мол, ряд недостатков в машинах для села. И совсем иное дело, когда об этом говорят в поле те, кому вручается этот «ряд», и они — а ведь сильные люди! — порой теряются от беспомощности. Та же «Нива» пришла с завода полуфабрикатом — и хоть двадцать дней Солодун готовил комбайн к жатве, а уверенности нет: может подвести.

Именно об этом и шла речь на октябрьском (1980 г.) Пленуме ЦК КПСС: «Самые серьезные нарекания вызывают как технический уровень, так и качество многих выпускаемых машин». Эта же мысль заложена и в Продовольственной программе.

Солодун мягок, вроде бы робок, смущается. То с посторонними он тихий, смеются сельчане. Его в работе надо видеть! Видела и в работе, в страду. Прнхожу рано утром, только солнце взошло — а Солодун уже в поле. Стемнело, он еще там. Глаза в постоянном прищуре — это не лукавство н не какая иная хитрость, а от постоянного взгляда на небо, от солнечных ванн с нзбытком. Вот остановил свою «Ниву», молодо спрыгнул, что-то подкрутил, присел на минуту, пот со лба стряхнул, окинул взглядом поле... И по прнвычке, с тем же прнщуром взглянул на небо. Дума его всем ясна: ждалн дождя — не дождалнсь. Теперь бы не нагрянул!

Солодун — хлебороб вдвойне: растит и хлеб, н картошку. Второго «хлеба» — картошки — у него 137 гектаров, одним куском от сева до уборки. Однн треть совхозного урожая картофеля собирает. Казалось бы, надо еще двух, равных Солодуну, и нет проблем. А тут-то н появляется главная: проще десять механнзаторов обучить, чем еще одного Солодуна воспитать. Так н получается, что Солодун и есть главная загадка. С его вечной простотой: работать на земле надо так, как она того требует. С его установкой: не терять ни минуты впустую, даром. Вот н разговарнвая, он с некоторым сожалением посматрнвает на часы: время-то не терпит.

...Позолотит осень деревья — вновь спешит Солодун на поле. Август — сентябрь — время благодатной осенней вспашки земли, когда она сухая, мягкая, «пухкая, как подушка». А если потеряешь время — уже не ждн высоких урожаев: пойдут по полю крупные, большне глыбы — где там земле-матушке дышать? И надо видеть, как стонт Нnколай Иванович на поле. Боишься его в те минуты окликнуть, словно красоту вспугнешь. И как тут не вспомнить кем-то сказанные слова, что поле для Солодуна все равно что ребенок малый. Также холит его н лелеет, также болеет за него. Мягкий человек Солодун...

Да, земля держится на людях, на нх целеустремленности, трудолюбии и хозяйской мудрости. Земля сильна людьми, а они землей. Завнсимость тут прочнейшая. Вот тот же Солодун — основательный, рассудительный, неторопливый. Встретившись с ленью, небрежностью, равнодушием, вспылит, разгорячится н долго переживает. А когда в совхозе обсуждалн кандидатов на Государственную премню, мненне было единым: Солодун — первый претендент. Верно, многне в «Красном Октябре» добиваются высоких результатов н рекордов, по-ударному трудятся. Но ведь всем нзвестно: нет более неравнодушного к земле человека, чем Николай Ивановнч. Истинно государственный человек он!

Как-то написали о Солодуне очерк. И Николай Иванович там красиво говорнт о своей любвн к земле, о том, что жизни без нее не мыслит. Если брать по большому счету, в общем-то верно — н любовь к земле, н жизнь иная ему не нужна. Но только после того очерка несколько дней Николай Иванович не мог людям на глаза показаться. Ведь не говорил он никогда таких слов и не скажет. А когда слышит или читает громкие, всенародные прнзнания в любвн, становнтся ему неловко, словно фальшь какую чувствует. Любовь — это чувство глубоко ннтимное, задушевное, разве можно кричать о нем? Очень смущен был Солодун...

Вспомннаю, как он вел беседу с местными мальчишкамн. Страда уже спала, наступила передышка. Он их пытает: кто, мол, куда

после школы путь держит. Ребята друг перед другом стараются: один хочет стать конструктором ракет, другой — строителем, а третий в моряки собрался. «Эх, милые вы мои мореходы,— сказал Солодун,— у земли есть притяжение, и силу его вы еще испытаете!»

И точно — есть! Хотя когда-то это выражение — *притяжение земли* — казалось мне красивой выдумкой. Позже поняла — есть оно, это чувство, в жизни. «Оторвался от земли»,— говорим мы. Может, и впрямь есть корни, связывающие человека с землей, только невидимые постороннему взгляду? Как объяснить притяжение земли? Лучше расскажу одну историю.

Павел Николаевич Грошев родился и вырос в костромской деревне. Голодное послевоенное детство, уже в тринадцать лет — работник на земле, прошел все ступеньки крестьянской «карьеры» — от прицепщика до директора совхоза. За время его директорства совхоз из стабильно отстающих вышел в передовые, стал одним из сильнейших в области. Что ни показатель — то рекордный. В этом была и немалая заслуга лично Грошева. И авторитет в совхозе завоевал такой, что каждая его просьба законом для всех становилась, и землю хорошо знает и понимает — с детских лет постиг эту науку.

Забрали Грошева на повышение — стал он заместителем председателя райисполкома. Полгода выдержал, дальше — ни в какую: «В хозяйство, и только». Его не отпускают. Ну что это за причина: «По земле соскучился?» Над ним подшучивают: «А здесь что — море?» Но добился Грошев своего. Правда, за настырность ему дали совхоз, куда уже давно не могли подобрать директора. Никто не соглашался идти в «Сидоровский». В двух шагах развернулось строительство Костромской ГРЭС. Кому радость — совхозу помехи. Люди все разбежались: на ГРЭС и квартиры с удобствами, и нормированный рабочий день, и заработки высокие. В общем, куда тягаться отстающему совхозу с такой махиной?

Прошло несколько лет. И хотя ГРЭС все так же в двух шагах и квартиры дает еще быстрее, чем раньше, но «Сидоровский» не узнать. Крепкое хозяйство, прочно развивает свою экономику. Да и многие из тех, кто ушел, вернулись. В общем пришел Грошев, увидел, победил — снимайте фильм о герое?

А знаете, фильмы о таких, как Грошев, снимать обязательно надо. И непременно вникать в азбуку победы. Земля та же, погода погодой, а результат теперь иной. Главное, убежден Грошев, это земля и человек — хозяин на ней. Быть хозяином — это не значит иметь какие-то привилегии. Это прежде всего отвечать. Он не опекал, не заискивал — все отдавал совхозу, людям, земле. Он и жену свою «по знакомству» птичницей устроил («Давай, Нина, действуй. Кто, как не мы, пример должны показать?»). Он требовал, спрашивал, ругался, хвалил, он отстаивал порядок, и прежде всего хозяйское отношение к земле. Сельский житель Грошев, а, не смех ли, забыл, когда по грибы ходил. Кто по грибы, а он по полям: там его находки.

Такая особенность: сельские жители нелегко и непросто «переходят» в горожан. Иные, оторвавшись от родной околицы, теряются, сохнут, как дерево на чужой почве. Так и не став горожанами, они возвращаются в деревню. Этот нелегкий путь обретения через потери проделывают многие. И особенно сейчас, когда говорят об

обратной миграции — из города в деревню. Миграция такого рода становится все заметиее. Но возвращаются туда, где порядок, где ценят людей, труд и поиимают толк в работе иа земле. Возвращаются к таким, как Грошев.

Чем оиа, земля, привлекательиа, что в ией за магнит? Может, пройти по полю, с которым повенчан иа радость и тревогу, пройти хозяином и почувствовать свою зависимость от иего, а его — от себя? Может, увидеть хлебиое поле перед самой жатвой — и иет ничего для Грошева прекрасиее этой красоты? Ну а когда в райоие работал, разве ие ездил по таким же полям? Нет, здесь важио, что в этой красоте его, Грошева, прямой труд заложеи. И сколько таких разиых судеб, иепохожих характеров!

Ои всегда есть и будет, хозяин иа земле. И ои главиая иадежда и сила. Плохо, когда хозяина иет. Помию: засиежениое поле одиого костромского колхоза и комбайи, брошеииый в полном боевом снаряжеиии. Даже приводиые ремии при нем. Куда ои теперь, после такой зимовки? Комбайи виден каждому жителю деревни Татьянино, но ие иашлось в ией ии одиого человека, кого бы встревожила такая бесхозяйствеииость. Как такое случилось? Ведь и это тоже современиая деревня.

Или вот центральная усадьба вологодского колхоза «Россия». Стоит оиа на холме, и, куда ии гляиешь окрест, привольио раскинувшиеся поля. А совсем недавио иной вид открывался: островки с кустарииками и деревцами. В Нечерноземье не встретить простора, раздолья алтайских или ростовских степей. Мелкоконтурно оио, иечериоземиое поле. Например, все вологодское поле — это 135 тысяч кусочков, каждый по пять гектаров, а между ними леса, рощи, болота. Границы полей расширяют мелиораторы, наступая иа болота, мелколесье, рекоиструируя и саму землю: в четыре раза щедрее обыкновеииого мелиорированный гектар. Обиовлеииые угодья — золотой фонд земледелия. И порадоваться бы простору полей вологодской «России» — больше половины пашни теперь входит в золотой фонд, но ие получается радости. Золотой, да ие тот: по стоимости, ие по результату. Урожаи здесь получают по 14 цеитнеров с гектара: иа богаре и то выше иамиого. Отчего? Да от элементарной бесхозяйствеииости. Удобреиий внесли в десять раз меиьше иормы, землю ие берегут. То, смотришь, через недавио рекоиструированиое, совсем еще ие окрепшее после «операции» поле колхозиый пастух глазом ие моргиув гоиит стадо. Или тракторист, выбрав путь покороче, ведет трактор прямо по пашие. Нет в колхозе хозяииа! Нет человека, за землю болеющего!

Или поди разберись теперь, кто придумал «неперспективиые деревии», и разлетелось это выражение по всей России, а вслед за ним — и жители из этих деревень: кто захочет жить без перспективы? И, минуя неясиые, будущие перспективиые большие поселки, ушли в город. Но умиые руководители, настоящие хозяева, и тогда, когда все кричали о перспективах, делали по-своему, понимая, что модиое поветрие пройдет, а жизнь, как говорится, есть жизнь. Им ие измеиило видеиие реальности, и оии, иа свой страх и риск, обходили решения, которые потом получили характеристику поспешиых... Потому что ие иадо забывать о законах земли. Совсем ие случайио раскидаиы деревеньки вблизи полей: работа — дом не должны разделяться десятками километров бездорожья. Все связаио с

землей, с природой, это естественное течение жизни. Нет, не терпит суеты служение земле! Здесь, как сказал Грошев, надо сто раз отмерить, прежде чем решиться на какой-то кардинальный перелом. И это не есть консерватизм. Как и поспешность не есть проявление современного стиля работы на земле. Незнание земли, легкомыслие — все это потом возвращается печальным бумерангом. (Поучительный урок преподнесла земля тем же костромичам. В колхозе «Сандагорский», как следует не изучив, не рассчитав, взяли да и осушили всю пашню. А через два года пришлось сюда воду вести — безжизненной стала земля.)

Или вот мелькают на наших нечерноземных дорогах, а еще больше — на проселках деревушки, при взгляде на которые сразу понятно: живут здесь никак не работники. Точно, несколько стариков, упрямый народ, словно пытаясь переспорить судьбу, доживают здесь свой век. А встречаются и такие, где ни одной души нет. Но колышется море могучих, некошеных трав, давно не знавших косы, огороды, окруженные старыми березами и заросшие бурьяном да крапивой, запущенные сады, а ведь все это земля, облагороженная вековой заботой человека, богатая, щедрая.

Растет с каждым годом и это «поле» — уже больше 200 тысяч гектаров вот таких земель набегает по Российской Федерации, а мы отвоевываем плацдармы у болот... «Берегите, храните, как зеницу ока, землю»,— говорил Ленин. Нет, пока плохо бережем!

Продовольственная программа СССР — это комплекс мер, сведенных воедино и направленных на подъем всего нашего сельского хозяйства, нашей деревни, и конечно же нечерноземной зоны. Сама по себе программа не есть панацея. Без приложения конкретных больших усилий каждого из нас, без умения толково распорядиться средствами, отпущенными на развитие села, богатствами земли, программа ничего не решит. И потому с особой силой возрастает роль хозяина на земле.

Уходят поспешные моды и течения, а традиции остаются. Всегда сельский житель был человеком действия. Всегда дом и подворье — негромкое, но надежное место, где воспитывается привязанность к родному порогу, семье, околице, земле, трудовому коллективу. Всегда самый неуважаемый человек в деревне — тот, кто нерадив и относится к работе с прохладцей. И всегда — огромное уважение к настоящему хозяину, радетелю земли. Он не поддастся суете, он не поленится, сто раз отмерит, сделает все по совести. Он-то не подведет!







ВАСИЛИЙ ПЕСКОВ

ДИКИЙ МЕД

Очерк

Нас трое. На трех лошадях. Путь недальний, но и не близкий — километров за восемнадцать от деревни Максютово на реке Белой. Понятие «медвежий угол» для этих мест характерно не только в образном смысле — конный след по росной траве пересекают медвежьи следы. Лошади фыркают, поводят ушами, но люди спокойны, хотя ружьишко на всякий случай висит у Закú за плечами.

У нас, троих, и у медведя, которого мы не видим, но который нас может видеть, цель одинакова: добыть дикий мед из дупел, скрытых в первобытных здешних лесах. Конкуренция давняя, тысячелетняя. Название «медведь» дано человеком лесному зверю за постоянный интерес к меду — «мед ведает».

В большинстве мест медведи исчезли вместе с дикими пчелами. В других (крайне холодных местах) пчелы не водятся и мед медведям неведом. Но есть еще уголок, где сохранились дикие пчелы, сохранились медведи и сохранились люди, ведущие промысел меда.

Вот они передо мной покачиваются в седлах, последние из могикан-бортников. К седлу у Закú приторочен топор, дымарь, снаряжение для лазания по деревьям, два чиляка — долбленки из липы для меда. Все аккуратно подогнано, всему свое место, и только изредка при подъемах и спусках ритмично, в такт ходу лошади стукает деревяшка о деревяшку.

Едем вначале по сеновозной дороге, по полянам, уставленным копнами, потом по узеньким тропам и, наконец, лесной целиною. Передняя лошадь раздвигает густые травы в подлеске, и временами кажется: мы проплываем по зелени — видны лишь головы лошадей и головы всадников.

Вот, наконец, перед нами первое бортное дерево — большая сосна, стоящая у ручья над джунглями дудника и малины. Заки обращает мое внимание на клеймо — «тамгу». Заплывший, топором рубленный знак говорит о том, что дерево принадлежит бортникам деревни Максютово, а специальное добавление к знаку — свидетельство: владеет бортью Заки Ахметович Мустафьин.

На длинной привязи лошади пущены в стороне попастись. А мы приступаем к ревизии борти. Заки проверяет свой инвентарь и, охватив сосну длинным ремнем к и р á м о м, подымается по стволу.

Носками ног Заки безошибочно и быстро находит в сосне идущие кверху зарубки, а продолжением рук служит ему плетеный ремень. Взмах — и обнявший сосну кирам взлетает выше, еще один взмах, еще... Об этом дольше рассказывать — Заки уже у цели, на высоте примерно двенадцати метров! Петлю он замыкает узлом — ременный круг выше пояса подвижно соединяет его с сосной. Еще одна операция — укрепить на сосне приступку для ног. Цирковая работа! Справа, огибая ствол дерева, надо кинуть веревку и поймать ее слева. С третьего раза этот трюк Заки удается. Знак рукою напарнику — и на транспортной, от пояса свисающей веревке вверх поплыли дымарь, топор и сетка для головы. Все это сделано в три минуты, не больше. Теперь Заки одевает на голову сетку, быстро вскрывает борть, с веселым приговором «Предупреждаю...» пускает в дупло пахучее облачко дыма.

Пчелы, уже готовые зимовать, очень свирепы. Но для существ, живущих по законам инстинкта, дым означает лесной пожар, что надо без промедления спасаться. Это знали еще пещерные люди, поднимаясь к пчелиным дуплам с пучками горящего мха. Теперь же в руках у Заки железный дымарь...

— План выполнили. А сверху плана ничего нету! — кричит он с дерева.

Это значит, что пчелы заготовили меда без большого запаса, килограммов десять — двенадцать. Меда хватит лишь самим на зимовку. Такие запасы бортник трогать не должен. Заки приводит в порядок все входы в борть, приводит в готовность «автоматику» против медведей и спускается вниз.

И вот все снаряжение в походном состоянии. Три низкорослые лошаденки снова несут нас по дикому горному разнотравью.

Заки все борти свои (их сорок) знает так же хорошо, как семерых детей своих.

— Вот тут пчелки с нами, пожалуй, поделятся, — говорит он гадательно возле третьей по счету сосны с фамильным клеймом.

Опять почти цирковые приемы влезания к борти. Дымарь в руке, неизменная шутка — «Предупреждаю!..» и голос: «Давай чиляк!» Напарник Заки, Сагит Галин, быстро цепляет к висящей веревке липовую долбленку, и я вижу в бинокль подробности изъятия меда из борти. Деревянным ножом Заки ловко срезает висящие языки сотов и кладет их в чиляк. Движения ловкие, точные. Время от времени от хозяев дупла надо обороняться дымом, надо мокрой тряпицей, висящей у пояса, вытирать руки...

— Двенадцать — им, двенадцать — нам! — весело, как рыболов, поймавший хорошую рыбу, балагурит Заки, и тяжелый чиляк плывет на веревке к земле.

За день мы успеваем проверить шесть бортей и возвращаемся уже в сумерки. Четыре чиляка полные меда, по два за седлами у Заки и Сагита мерно качаются над дорогой.

В гриве своей спокойной кобылы я замечаю пчелу. Раздраженная, видимо, запахом пота, пчела ужалила лошадь, и это ей стоило жизни — хрупкое, уже засохшее на ветру тельце.

— Заки, почему она темная, почти черная?

— А потому, — отвечает едущий первым Заки, — что это «бурзянка» — дикая лесная пчела. Она сохранилась только в Башкирии, и только у нас, в Бурзянских лесах.

Добыча меда и воска — древнейший человеческий промысел. Можно представить одетого в шкуры далекого нашего предка, на равных началах с медведем искавшего в лесах желанные дупла. В отличие от медведя человек понял, что увеличит шансы добытчика, если будет выдалбливать дупла (борти) в деревьях,— охотник за медом сделал полшага к занятию пчеловодством.

Бортничество в богатой лесами Руси было делом повсеместно распространенным. Главной сладостью до появления сахара у человека был мед. Свет до появления стеарина, керосина и электричества давали лучина и восковая свеча. Мед и воск древняя Русь потребляла сама в огромных количествах. Мед и воск наравне с мехами служили главным предметом экспорта из Руси. «Бортные урожаи» особо были богаты в лесах Приднепровья, Десны, пограничных со степью лесах по Оке, по Воронежу, Сосне, Битюгу, Усманке.

С приходом в леса дровосека бортник вынужден был, спасая дупла, вырезать куски вековых сосен и вешать дуплянки в спокойных местах. Отсюда был один шаг уже и до пасек — дуплянки свозились поближе к жилью либо в особо благоприятные уголки леса. Пчелы были теперь под присмотром — медведю и лихоимцу уже не просто было ограбить дупло. Но скученность пчел порождала у них воровство и болезни, сильно сузила площади медосбора. При этом колода на пасеке оставалась по-прежнему диким дуплом — вмешаться в пчелиную жизнь было никак невозможно. Изымая мед из дуплянок, человек разрушал соты, пчелиные семьи при этом гибли.

Нынешний рамочный улей появился в 1814 году. Это было великое изобретение «великого пасечника» Петра Ивановича Прокоповича. (В деревне Пальчики на Черниговщине Прокоповичу поставлен памятник.) Рамочный улей позволил проникнуть в тайны пчелиной жизни, позволил оказывать пчелам помощь (временами они в ней нуждаются). Резко увеличивая продуктивность пасек, улей повсеместно и быстро стал вытеснять дуплянки. Пчеловодство сегодня — это царство ульев.

Улей, совершенствуясь непрерывно, в принципе оставался таким же, каким был предложен Прокоповичем. Но от борти, «вписанной» в первобытную жизнь леса, улей отличается так же, как первобытная охота от современного животноводства. И потому не чудо ли нынче встретить в лесу охотника за диким медом?! Такого же охотника, каким был он тысячи лет назад.

Почему древнейший человеческий промысел сохранился в Башкирии и нигде больше? Этому есть причины. Первая из них — особые природные условия, обилие липовых и кленовых лесов — источника массовых медосборов. Второе — башкирские леса до недавних времен оставались нетронутыми. Местное население земли не пахало, занимаясь лишь кочевым скотоводством, охотой и сбором меда. Лес для башкира был убежищем и кормильцем. И пчелы в нем — едва ли не главными спутниками жизни. Полагают даже, что слово «башкир» («башкурт», «баш» — голова, «курт» — пчела) следует понимать как «башковитый пчеловод». Таковым башкир и являлся всегда.

Во многих исторических документах и в записях землепроходцев рядом со словом «башкир» непременно находишь слово «пчела». «А кормит их мед, зверь и рыба, а пашню не имеют» («Книга Большому

чертежу», 1627 год). «Едва ли сыщется такой народ, который бы мог их превзойти в пчелиных промыслах... Редко можно было тут видеть такую сосну, около которой бы не жужжали толпы медоносных пчел. Были башкиры, у которых тысячи по две бортей». То есть по две тысячи дупел, разбросанных там и сям по лесам. Разбросанность обеспечивала максимальные медосборы и, конечно, сохранность лесного богатства — при набегах такую «пасеку» не ограбишь. Что касается сородичей, то строгие племенные законы повсюду остерегали покуситься на борть, помеченную «тамгой» соседа. (На Руси разорение борти каралось штрафом в «четыре лошади или шесть коров», а в Литве — смертной казнью.)

Бортное дерево для башкира было мерилом всех ценностей. Оно кормило несколько поколений людей, переходя от отца к сыну, от деда к внуку. За бортное дерево можно было выменять ценной породы лошадь, бортное дерево было лучшим подарком другу. «Счастливые борти» (дупла, где пчелы селились охотно), как корабли, имели названия. Стоят и поныне в лесах по-над Белой борти «Бакый», «Баскура», «Айгыр каскан», выдолбленные еще в прошлом веке.

Каждая борть в урожайный год давала до пуда ценнейшего меда. Мед был «валютой» башкирского края. Зимой охотник промышлял в лесу зверя, летом он промышлял мед.

Массовая распашка земель и сведение лесов в Башкирии начались поздно (сто с небольшим лет назад). И это продлило сохранность древнего промысла. Но бурная перестройка векового уклада жизни коснулась и старинного пчеловодства. Лишь с запозданием, но почти всюду охотник за медом превращался в пасечника, собирая сначала в единое место колоды и меняя их постепенно на ульи.

И все же остался в Башкирии островок древнейшего промысла. В глухих поныне, почти бездорожных отрогах Уральских гор леса сохранились нетронутыми. Сохранилась и черная лесная пчела, жизнеспособная, трудолюбивая, выносливая. В 1958 году природная зона обитания пчелы была объявлена заповедной. Бортничество стало и поощряться, и изучаться. В заповеднике работают лесники-бортники. Есть по здешним глухим деревням еще и любители древнего промысла. Дóма у них — пасеки, но три раза в год — зимой, весной и под самую осень — седлают они лошадей и только им известными тропами направляются в лес.

Во дворе у Заки листаем пожелтевшую книгу прошлого века о башкирах и бортничестве. Сравниваем инструменты и снаряжение, какими мог пользоваться прадед Заки, и нынешние. Все — ремешки, деревяшки, железки — одинаково по конструкции и названию. От современной жизни для бортного дела Заки приспособил лишь кеды, в них по деревьям лазать удобней, чем в шерстяных носках.

Строительство борти начинается с поиска подходящего дерева. В старой книге написано: «Увидев хорошую сосну, башкир немедленно вырезает на ней «тамгу» — эта сосна моя». Так же поступит бортник сегодня.

Сосна должна быть достаточно толстой (около метра диаметром). Очень желательна близко вода, очень важно, есть ли вблизи поляна с лесным разнотравьем и каков рядом лес. Есть и еще какие-то



тонкости, известные разве что пчелам, ибо заселяют они лишь треть приготовленных бортей, упорно предпочитая одни («счастливые») и оставляя другие осам и паукам.

Долбится борть на высоте от шести до двенадцати метров. Сначала бортник вырезает в дереве неширокую щель и потом уже специальными инструментами выбирает дупло высотою около метра, довольно просторное, но не грозящее дереву переломом. Внутренность борти тщательно зачищается круглым стружком и специальным хороших размеров рашпилем с рукояткою, как у лопаты. Леток для пчелы прорубается сбоку, а щель закрывают деревянной заслонкой, подгоняют ее со всей тщательностью — в дуплах пчелы переносят суровую зиму.

После этого борть оставляют сушиться. И только через два года ее можно готовить к заселению пчелами. Подготовка эта, как мог я понять со слов увлеченного делом Заки, похожа на подготовку к очень серьезной рыбалке. Тут нет несущественных мелочей. Бортник в этот момент не работает — священнодействует! Лошадь привяжет он в стороне от сосны, чтобы не было запаха пота. Одежда тоже не должна иметь пугающих запахов. (Заки: «Коровьего масла в это время не ем».) Очистив борть от всего, что могло появиться за время сушки, Заки натирает ее изнутри ольховыми или осиновыми листьями. Ставит внутри из жердочек крестовину — опору для сот и кленовыми шпильками укрепляет «приманку» — полоски вощины или сухие соты. Оформив как надо леток, он тщательно закрывает заслонкой большую щель, для утепления накрывает заслонку «матрацем», похожим на банный веник, и

заслоняет сверху еще горбылем. «Борть должна быть теплой, сухой, но иметь хорошую вентиляцию». В совокупности все это пчелы оценят сразу, как только борть обнаружат. Принудить их к выбору бортник не может. Его дело теперь — ожидание.

Роение пчел в Бурзянских лесах начинается в жарком июне. Семья с молодой маткой остается в дупле. А старая с роем взмывает над лесом и в поисках нужного ей жилья может лететь до пятнадцати километров. Высокие бортные сосны сверху очень заметны, и пчелы-разведчики не упускают возможности обследовать все, что увидят.

В середине лета, объезжая участок, бортник с волнением приближается к «новостройкам». И сердце его счастливо бьется, если сверху он слышит приглушенный пчелиный гул. В июле главный взяток — с цветущей липы. Июльский день буквально год кормит. Работая по семнадцать часов в день, дикие пчелы за сезон могут припасти в борти до двенадцати килограммов меду.

О том, что в борти кипит работа, известно становится не только тому, кто оставил клеймо на сосне. Свои клейма когтистой лапой ставит на дереве и медведь. Чутким ухом косматый любитель меда нередко ранее человека берет на контроль пчелиную семью. Конкурентами бортника могут стать муравьи, способные (окажись поблизости их муравейник) понемногу, но неустанно «чистить» борть. Среди любителей меда числятся также куница и дятел. За долгие времена эта пара приспособилась действовать сообща. Дятел настойчиво долбит доску над щелью, но пасует, обнаружив под верхней крышкой утепляющий «веник». За работу теперь берется куница, перегрызая мелкие ветки, а далее снова дело за дятлом.

Разумеется, бортник придумал немало хитростей уберечься от конкурентов. Помимо беспощадной войны с медведем (теперь заповедник эту войну ограничил) у бортн ставится много упреждающей грабежи «техники». Возможно, не самое эффективное, но занятное н древнейшее средство прогнать медведя — тукмак — висящее на веревке у борти бревно. Оно мешает медведю орудовать, и он его раздраженно пихает, но, чем сильнее бревно он толкнет, тем больнее, качнувшись, оно его ударяет. Сами пчелы, не щадя жизни, защищают свое богатство, выступая союзником человека, который потом забирает добычу, попугав пчел дымком.

Вскрывая перед осенью борть, сборщик меда видит в дупле висящие языки сотов — мед и воск. Того и другого пчела запасает с излишком, «зная», что капризы погоды могут сделать следующее лето неурожайным. Этот излишек бортник и забирает.

Борть служит обычно долго, так долго, как может стоять сосна, часто больше ста лет. Примерно раз в десять лет борть очищается, сушится и, как после постройки, стоит в ожидании новых поселенцев.

Поселяются пчелы также в естественных дуплах. Наибольшая радость обнаружить в угодьях такое дупло. Бортник его не коснется и будет беречь пуще глаза, ибо хорошо знает: ничем не нарушенный ход дикой жизни лучше всего сохраняет жизнеспособность пчелы. Дикие дупла — это рассадники бортевых пчел. (В старинной книге читаем: «Заселенная борть стоит рубль, семья-дичок — шесть рублей».)

Качество меда в диком дупле и в борти вряд ли разнится. Но

мед, привезенный из леса и полученный около дома, Заки различает: «Я сразу скажу: это — с пасеки, а это — из борти. Мед из улья мы спешим откачать, а в борти мед вызревает, к тому же он смешан с пергою. И в этом двойная его целебность — нектар и пыльца...»

— Борть человека переживает,— задумчиво говорит Заки, вынимая самодельным пинцетом занозу из пальца.— Мы с вами сегодня ели мед из борти, которую сделал мой дед. Счастливая борть! Отец говорил: «Эту борть береги всеми силами». Даже в письмах с войны спрашивал: «А как там борть у поляны Буйлау?»

Отец Заки до конца войны не дожил четырнадцати дней. Похоронен в братской могиле где-то в Германии. Сыну в том давнем апреле было тринадцать — самое время учиться бортному делу. В последнем письме отец, как будто предчувствуя смерть, написал: «Мои инструменты — теперь твои. Пользуйся. Бортное дело даст тебе силу и радость».

Все так и вышло в жизни Закия Мустафьина. На армейском призывном пункте положили в руку ему железку, сказали: сожми. Сжал — удивились, думали неисправен прибор. Еще попросили сжать. Расспрашивать стали, откуда, мол, сила. «А я говорю: бортник я, понимаете, бортник — лазаю по деревьям...»

...Радости этого человека можем мы позавидовать, представив его на лошадке, идущей с горы на гору, по лесу, звенящему птицами, пестрому от цветов, гудящему пчелами.

Профессия бортника нелегка, требует смелости, ловкости, острого глаза, хороших знаний природы, силы и страсти, сходной со страстью охотника. Заки это все в себе сочетает, авторитет его в здешних местах высокий, но к прочим его достоинствам надо прибавить еще и скромность. С любовью вспоминает отца, называет других максютовских бортников. Их сейчас шесть. О каждом Заки говорит с удовольствием. Но первым среди мастеров называет живущего где-то поблизости бурзянского бортника Искужу, возрастом близким к столетию. «В девяносто два года он лазил по соснам, как молодой!»

Наш разговор неизбежно касается также и тех, кто должен сменить стариков. Тут Заки долго мнет в пальцах шарик из воска и кивает на сына, с молчаливой улыбкой сидящего рядом.

— Ну, Марат, говори...

Я понимаю, как был бы счастлив отец, если бы сын вдруг сказал, что дорого и ему старинное дело. Марат, однако, по-прежнему улыбаясь, молчит, деликатно не принимая вызов отца поспорить.

— В нашем деле нужен охотник, страсть нужна,— с пониманием и примирительно говорит Заки.— В нашем деле невольник — не богомольник...

Надежды отца связаны с сыном Булатом. Он старший, последний год в армии. Пишет, что борти видит во сне и что даже на чемодане вырезал бортевой знак.

— У Булата дело пойдет. Тоскует... А я понимаю, что значит тоска по лесу...

Из этого разговора я понял: «проблема кадров» для продолжения промысла существует. Это заботит Закия Мустафьина, это забота всего заповедника, забота выходит и за пределы бурзянских лесов. И не с меркою только ценности меда из борти следует подходить к делу. Оно касается ценностей более значительных.

О многом в древней жизни людей мы судим по «черепкам», раскапывая в земле и в книгах свидетельства о былом. Островок же бортничества в Башкирии — не черепок былого, не полустертая надпись на камне о древнейшем из промыслов — живое дело, дошедшее из глубин времени! Целый, без трещин сосуд народного опыта и вековой мудрости! Бурзянский девственный лес — единственное в стране место, где под гул высоко пролетающих самолетов человек вершит старинное дело так же, как вершил его предок еще при жизни мамонтов. Всеми доступными средствами промысел надо поддержать. И не сделать при этом ошибки.

От одного вовсе не глупого человека я услыхал: «Надо им труд облегчить. Придумать, скажем, подъемник. Что же они лазят по соснам, как обезьяны». Сказавший это имеет к данному делу служебное отношение. И будем надеяться, эти заметки его образумят. Оснащать бортевое дело подъемниками или другим каким механизмом все равно что лошади «для облегчения» вместо ног попытаться приделать колеса. Лазанье по деревьям настоящего бортника не тяготит, как не тяготит альпиниста лазанье по горам, а охотника — по болотам. Это спорт для него, и удаль, и способ сберечь здоровье до конца жизни, как правило очень долгой. Помочь промыслу надо мудро и осторожно, всячески поощряя местных людей его продолжать, приобщая к нему не пришлого человека, пусть и с пчеловодным образованием, а местного парня, с детства знакомого с дикой пчелой. И если уж говорить о помощи бортнику, то непременно нужна ему обыкновенная лошадь, нужно доброе к нему отношение и поддержка в его заботах. Нужна такая же мудрость, какой обязаны нынешним процветанием чеканщики селения Кубачи и живописцы селения Палех. Не меньшая.

Заинтересованность наша в бурзянском бортничестве должна подкрепляться еще и тем, что только в здешних лесах сохранилась дикая лесная пчела, не подпорченная повсеместной гибридизацией с южными формами пчел. На всем земном шаре только «бурзянка» способна переносить суровые зимы с морозами в пятьдесят градусов и все другие невзгоды жизни в дикой природе. Для пчеловодства «бурзянка» — величайшая драгоценность, надежный страховой материал в селекции, веками проверенный генофонд.

Таким образом, ценность, как видим, двойная — и «сосуд» и его содержимое. Не расплескать бы, не уронить, не кинуть как устаревшую вещь на свалку — потомкам пришлось бы бережно собирать черепки...

Такие дела и заботы в «медвежьем углу», в бурзянских лесах... Живо сейчас представляю себе этот лес. Выделяются высокие сосны с «тамгой»... Если Булат Мустафьин уже вернулся в родную деревню, представляю его нетерпение проехать с отцом по лесу. Представляю долгие вечера в деревянном уютном доме. Булат рассказывает о службе, отец — о новостях леса. На столе большой самовар, коржи с сушеной черемухой и, конечно, посуда с мутноватым («пыльца и нектар вперемешку») бортевым медом. В такое время особо приятна беседа о лете, которое было, и о том, которое будет.





ИГОРЬ ФЕСУНЕНКО

ИЗ ТЬМЫ ВЕКОВ И ДО НАШИХ ДНЕЙ

(Лиссабон и лиссабонцы)

Очерк

Из тьмы веков

Поездка по такому городу, как Лиссабон,— это путешествие не только в пространстве, но и во времени, о скоротечности которого напоминают на каждом шагу неожиданные реликты прошлого: древняя «Испано-сюнза», пытающаяся обогнать юркий «фиат»; рельсы конки, вдруг проступившие сквозь свежий асфальт; бывший керосиновый фонарь, переделанный в электрический; монументальный, как банковский сейф, почтовый ящик, воздвигнутый на тротуаре еще во времена дилижансов и оказавшийся сейчас по соседству с автоматическим «драйв-банком», где можно получить деньги или сделать вклад на свой текущий счет, не выходя из автомобиля. Такие курьезы можно, впрочем, встретить в любом европейском городе, но в Лиссабоне они касаются не только архитектурных стилей или автомобильных марок. В Лиссабоне вы ощущаете дыхание прошлого, буквально попираете ногами памятники давно ушедших эпох. Тех, кто недоверчиво улыбается, читая эти строки, стоит пригласить на знаменитую лиссабонскую Руа-да-Прата — Серебряную улицу, заполненную мануфактурными лавками. Это одна из трех основных торговых улиц, выходящих на площадь Коммерции, что на берегу Тежу. Когда туристы бродят по ней в поисках недорогих сувениров и подходят к улице Консейсао, мало кто из них подозревает, что под ногами у них развалины римских бань, построенных предположительно во времена Тиберия, в I веке до нашей эры. В городе есть и другие памятники римской эпохи. Самый наглядный и впечатляющий находится неподалеку отсюда, между петляющими по склонам холма Сан-Жорже улочками Сан-Мамеде и Саудаде: это римский театр Нерона.

Когда и кем был основан Лиссабон, сказать трудно. Первые

страницы его историн безвозвратно утеряны во тьме веков. Как утверждают легенды, его основателем был Однссей — Уллис, который и дал городу созвучное своему имя: Олисип. Историки предполагают, что он был заложен финикийцамн в XII веке до нашей эры. Если такая гипотеза вериа, то это озиачает, что Лиссабон прнмерио на тысячу лет старше Парижа н на пять веков — Рима. Известно, что Лиссабон завоевывалн греки, карфагеняне, римляие. После распада Римской имперни сюда пришли племеиа свевов н вестготов. В XIII веке вся территория Пиренейского полуострова была захвачена арабами и берберамн, ну а потом началась знаменитая реконкиста. 25 октября 1147 года Лнссабон был освобожден от «мавров». С этой даты ведет свой отсчет уже гораздо более нзученная история города н страны.

Поднявшнсь на вершину Сан-Жорже, понимаешь, почему древнимн поселенцами именно здесь было выбрано место для будущего города: Сан-Жорже находнтся в устье впадающей в океан рекн Тежу, н с вершины холма прекрасно видны и река, н окрестные дали. Это давало возможность заблаговременно прнготовиться к встрече прнближающего́ся врага. Тежу служила неиссякаемым источником пресной воды н транспортной артерней, ведущей в глубь континента. Столь завидное расположение Олисипа всегда привлекало к нему вниманне завоевателей, и поэтому трудно найти другую европейскую столицу, нсторня которой была бы столь долгой и столь многострадальной. Трудно вспомнить другой город, который так часто подвергался бы осадам, пожарам н разрушениям. Но каждый раз город возрождался из пепла еще более прекрасный, чем прежде.

На вершине Сан-Жорже сохранился самый древний городской памятник н самая главная святыня Лиссабона: крепость, которая тоже носит название Сан-Жорже. С этой крепости и следует начинать знакомство с Лиссабоном, подобио тому как осмотр Москвы логичнее всего иачинать с Кремля. Но в отличие от Московского Кремля в старой лиссабонской крепости почти нечего осматривать, кроме тщательно отреставрированных стен. Крепость Сан-Жорже пуста н безжизненна, как театральная декорация давно снятого с репертуара спектакля. Но вряд ли найдешь более впечатляющее зрелище, чем вид португальской столицы, открывающийся со смотровой площадки у стен крепости. На первом плане, то есть прямо под ногами, совсем рядом — застывшее буро-красное море черепичных крыш. Крохотные внутренние дворики теснящихся по склонам холма домншек, цветы, вьющиеся по стеиам, разноцветное белье иа веревках, перекинутых от окиа к окну, связкн лука за форточкой, кошки, млеющне на разогретых солнцем каменных плитах.

Чуть дальше — городские улицы, неторопливые трамваи, уставленная автомашинами самая большая н самая парадная площадь Коммерции с бронзовым императором Жозе I.

За площадью — серая гладь Тежу, которая, родившись тонким ручейком где-то в отрогах Иберийских гор, на востоке Испании, пересекает весь полуостров, вбнрает в себя воды множества притоков н превращается прн впадении в Атлантику в широкий н полноводный нсток. На другом берегу реки видны окутанные дымом н пылью кварталы фабрнчных предместий: Алмады, Касильяс, Сейшала, Баррейру. Там уже нет ни памятников знаменитых



Лиссабон в XVI веке (верхний кадр)

властителям, ни храмов, вызывающих экстаз у вездесущих туристов. Там кончается экзотика и начииается суровая проза пролетарской жизни: рабочий люд отделеи от столицы кордоном реки. Это было удобно: в случае любых «недоразумеиий» — стачек, забастовок, демоистраций, волнений — войска и полиция могли легко изолировать заражеиные «смутой» районы от респектабельных кварталов.

До последиего времеии связь между Лиссабоном и его южными рабочими пригородами осуществлялась с помощью паромов и катеров, отходивших от пристани иа площади Коммерции. Мост же, соединяющий оба берега, находился отсюда километров за двадцать, в поселке Вила-Франка. Лишь в августе 1966 года был открыт гигантский подвесиой трехкилометровый мост, переброшенный в Алмаду прямо из центра города. Он был угодливо изваи имеием диктатора Салазара, ио после победы апрельской революции 1974 г. его переимеиовали в мост имеии 25 апреля. Строил это сооружение коисорциум, в котором главные роли играли американская монополия «Юиайтед Стэйтс Стил», шведская «Моррисои Кнудсен» и португальская «Сорефаме». Движение по мосту платиое, ио гигантские зарубежиые кредиты, получеииые в связи с его строительством, могут быть погашеиы, как полагают, только в 1987 году.

За мостом вскоре иачинается океан. Поэтому прервем созерцание лиссабоиской панорамы, открывающейся с вершииы холма Сан-Жорже, и отправимся вниз, к центру, по узким улочкам Алфамы. Тут-то и начиется иаше путешествие через века и эпохи.

Алфама

Это самый древний городской квартал. Сложился он в конце первого тысячелетия нашей эры, когда Лиссабон уже был завоеван арабами. Конечно, не сохранилось здесь строений тех далеких времен, если не считать небольших фрагментов воздвигнутой между X и XII веками мавританской крепостной стены. Они сейчас либо закрыты со всех сторон строениями, либо использованы как надежная опора при сооружении храмов, дворцов и более поздних городских стен. Найти древнюю кладку поэтому непросто. Но вот вы попадаете на узкую, как горное ущелье, улочку Жудиария, совсем рядом с рекой и портом. В этой всегда погруженной в тень каменной щели правая стена была воздвигнута из светлого камня почти тысячу лет назад! В ее толще на двадцатиметровой высоте вы увидите два узких и высоких готических окна. Они прорублены пять веков спустя.

Но впрочем, там, в Алфаме, как-то не тянет рассматривать древние архитектурные детали, потому что это, пожалуй, единственное место в Лиссабоне, где вы с первых же шагов по каменным плитам и длинным ступенькам, ведущим сюда либо сверху, от Ларго-да-Граса, либо снизу, от набережной порта, погружаетесь в неторопливо-размеренную, гостеприимно-благодушную, товарищески уважительную атмосферу, которая царит в этих кварталах, где живут портовые рабочие, мелкие чиновники, моряки, грузчики, торговцы, учителя, водители, художники и ремесленники, торгующие своими сувенирными изделиями у входов в рестораны или на смотровых площадках. В Алфаме вы так тесно общаетесь с лиссабонцами, словно входите в их дом.

Алфама — это петляющие по склонам Сан-Жорже улочки-щели, где можно одновременно коснуться руками стен двух стоящих напротив друг друга домов. Это дикий виноград и плющ, вьющиеся по древним камням, старинные фонари, раскачивающиеся на сквозняках, шелестящих по каменным коридорам.

Алфама — это уличные торговцы, раскинувшие свой нехитрый товар на циновке, брошенной на мозаичный тротуар. И копающиеся, не теряя достоинства, в этой пестрой горе тряпья в поисках блузки или лифчика нужного размера две-три Марии из соседнего дома. Обязательно Марии, ибо в Алфаме всех женщин почему-то зовут именно так. И пока Мария-Граса рассматривает чулки, а Мария-Анна прикидывает пояс (не узок ли?), Мария-Амелия примеряет юбку прямо на джинсы и, постанывая от усилий, безуспешно пытается застегнуть молнию на могучем своем бедре.

Алфама — это торговки рыбой, расположившиеся в переулке Сан-Мигель в тупике Посиньо, горластые и веселые. Каждая во весь голос пронзительным речитативом доносит до всех обитателей Алфамы так называемый «прегон» — куплет собственного сочинения, в котором превозносятся неоценимые достоинства ее форели, линигуадо или мерлузы, ее креветок, лангостин и гамбаш.

Алфама — это маленькие окна и двери, распахнутые на улицу, это старушки в черных платьях, присевшие на камни у входа. Это клетки с крикливыми канарейками, висящие за окном рядом со связками лука. Это соседки, обсуждающие свои дела из окна в окно через улочку прямо над головами прохожих. Это звонкий смех

путающихся под ногами детишек, синие всполохи телеэкранов, издающих одну и ту же музыку за каждой дверью и за каждым окном.

Алфама — это вечная нехватка воды в кранах (если они, эти краны, есть), и поэтому в любое время дня вы обязательно увидите девушку, женщину или старуху, несущую ведро или бак с водой. Это вечный, никогда не затихающий женский круговорот у лавадоурос — водоразборных колонок, установленных чуть ли не во времена реконкисты. За пользование ими хозяйка платит четыре эскудо в день, и помимо воды, помимо возможности выстирать белье прямо здесь, на улице, в специально сооруженных для этого цементных ваннах-«танках», алфамские Марии бесплатно получают возможность посудачить во время стирки, пожаловаться на дороговизну, на жару, на сердечные неурядицы, на жестокость домохозяина, который после рождества вновь собирается повысить квартирную плату.

Алфама — это дымок над жаровнями, где потрескивают каштаны. Это запах подрумянившихся на огне сардин, кислый душок сыра и пряный аромат дешевого вина, источаемый громадными черными бочками. Это дым сигарет и стук костей домино в микроскопических барах, которые ютятся чуть ли не в каждом подъезде. В них по вечерам собираются все жильцы этого дома, кроме тех немногих, кто не любит домино, а телевизор предпочитает смотреть в одиночку.

Первый раз, помнится, шел я по Алфаме не без некоторой настороженности. Мне казалось, что вот-вот меня должны окликнуть, остановить, спросить: «Кого вы, сеньор, собственно говоря, ищете здесь?» Но вскоре я понял, что никто таких вопросов никому здесь не задает: эти люди, во-первых, привыкли к праздношатающимся туристам, а во-вторых, обладают счастливым даром безмятежного сосуществования с кем бы то ни было. Если с ними не заговорить, они не обращают на вас никакого внимания. Если спросить о чем-нибудь, вам ответят, а нужно — и помогут. Но сделают это спокойно, с достоинством, без суетливой угодливости и не делая никаких намеков на какое-либо вознаграждение за услугу.

Алфама — это гигантское общежитие, нечто напоминающее исполинскую коммунальную квартиру, но без скандалов, без мучительного дележа газовых плиток и споров об оплате за электроэнергию. Алфама — это гордая бедность без приниженности, умение довольствоваться малым, Алфама — это улицы, где нет ни служебных, ни личных машин хотя бы потому, что по этим улицам нельзя проехать даже на мотоцикле. И если кому-то удается скопить денег на новый комод, кровать или диван, то эту обновку будут нести на руках через все эти каменные лестницы и закрученные вензелями переулки, обязательно извиняясь за нарушение привычного ритма жизни, за беспокойство, причиняемое соседям кроватью, которую невозможно было развернуть в тупике Святой Елены и которую поэтому пришлось поднимать в комнату на третий этаж через окно. Впрочем, бог с ней, с кроватью. А вот сколько доброжелательного веселья и всеобщих хлопот вызывает свадебное шествие! Именно шествие, а не езда на увитых лентами лимузинах. Когда счастливые новобрачные поднимаются с набережной по улице Сан-Педро или спускаются с Ларго-да-Граса на площадь Сан-Мигель, где их ожидают расставленные под единственной в квартале раскидистой

пальмой столы, во всех окнах им улыбаются и приветливо машут руками. А дети бегут и впереди и сзади процессии. Туристы щелкают затворами фотокамер. Колокольный звон ближайшей церкви катится по черепичным крышам, как футбольный мяч.

Нигде больше не увидишь в Лиссабоне таких шумных и нарядных празднеств, орошаемых вином, но никогда не омрачаемых скандалами и драками. Нигде больше не встретишь такого обилия домовых «клубов», «ассоциаций», товариществ и кружков — спортивных, культурно-развлекательных, музыкальных или «коммунитарных», ставящих своей целью благоустройство и улучшение условий жизни.

Такова Алфама вот уже десять веков. И видимо, будет такой еще долго-долго. Ведь сумела она отгородиться от городских властей и от воротил домостроительного бизнеса. Предприимчивая энергия градостроителей и хитроумная фантазия архитекторов обходят стороной Алфаму. Почему? Да потому, что, во-первых, ни у кого не поднимается рука ломать и перестраивать этот уникальный городской квартал. А во-вторых, и это главное, трудно здесь строить: тягачам и бульдозерам не преодолеть склонов Сан-Жорже, и разве проложишь здесь, в этих древних стенах, отвечающую современным требованиям систему водоснабжения? Вот и оставили отцы города в покое Алфаму, самый славный и самый удивительный квартал Лиссабона, родившийся тысячу лет назад.

«Похороним мертвых и позаботимся о живых»

В туристских путеводителях и исторических справочниках многовековую историю Лиссабона принято делить на два периода: до и после трагического землетрясения 1755 года. Это была одна из крупнейших в европейской истории катастроф, о которой английская газета «Миррор» писала так: «1 ноября утром около сорока минут десятого город был потрясен подземным толчком неслыханной силы. Его продолжительность была не более шести секунд, но сотрясение оказалось столь сильным, что разрушились все церкви и монастыри города, муниципалитет и прекрасное здание оперного театра. Не было в городе крупного строения, которое осталось бы невредимым. Четвертая часть жилищ была полностью уничтожена, погибли пятьдесят тысяч человек».

Больше всего людей погибло в церквах и храмах, переполненных в этот час утренней мессы, отправляемой в честь «дня всех святых». Среди тех, кто находился в домах, меньше всего пострадали жильцы верхних этажей. Большинство из тех, кто в момент толчка был на первых этажах, оказались погребенными под руинами.

Трагедию усугубили шестнадцатиметровая океанская волна, хлынувшая на низкий берег, и пожары, тут же вспыхнувшие в разных районах города. Воспоминания очевидцев и сохранившиеся документы живописуют картины всеобщего разрушения и ужаса. За первыми толчками последовали новые сотрясения и сдвиги почвы. С первого по восьмое ноября было зарегистрировано двадцать два толчка, уничтоживших все то, что еще сохранилось в первые минуты землетрясения.

О размахе страшного бедствия дают наглядное представление сохранившиеся до наших дней руины храма Кармо в центральной



Площадь Коммерции в Лиссабоне (XVII в.) — до землетрясения

части города. Рухнули своды этого собора, но уцелели стены. Так и стоит с тех пор этот свидетель катастрофы, превращенный сейчас в музей под открытым небом: крыши у собора так и нет. Заплатив сонному служителю несколько монет, посетители обходят скульптуры и надгробия, размещенные между колоннами, рассматривают остатки голубых изразцовых фресок на стенах, каменную резьбу вокруг заложенных кирпичами окон, спугивают бесчисленные стаи голубей, гнездящихся в этих величавых руинах.

Но самым зримым напоминанием о трагедии 1755 года служат центральные кварталы Лиссабона: во второй половине XVIII столетия на месте дымившихся руин вырос новый город, построенный по единому плану, в едином архитектурном стиле. От обширной площади Коммерции на берегу реки отходят семь строго перпендикулярных набережной и параллельных друг другу прямых улиц. Они пересекаются под прямым углом восемью столь же ровными улицами. По мере строительства каждую из них заселяло купечество. Причем в строгом порядке, который во многом сохранился до сих пор. И сейчас, скажем, на улице Августа разместились лавки с шерстяной и шелковой мануфактурой, на Серебряной — мастерские чеканщиков по серебру, на Золотой — ювелиров и часовщиков, на улице Башмачников — обувные лавки. Конечно, неумолимый бег времени накладывает свой отпечаток на старый Лиссабон, и сегодня никого не удивляет появление на Золотой или Серебряной улицах баров и кафе, магазинов фототоваров. Вывески могут меняться, старые хозяева уступают место новым, предпочитающим игорные автоматы или лотерейные конторы, но общий архитектурный облик «Байши» не изменился с той поры, когда во второй половине XVIII века город поднялся из руин после землетрясения.

Руководил этими обширными работами глава правительства энергичный и деспотичный маркиз Помбал — доверенное лицо немощного и беспомощного короля Жозе I. Именно Помбал в момент всеобщей паники и ужаса бросил клич: «Похороним мертвых и позаботимся о живых!» Помбал взял в свои руки бразды правления, лично рассматривал и утверждал градостроительные планы, разрабатывал системы налогов и пошлин, взимавшихся для финансирования строительства, жестоко судил казнокрадов и щедро поощрял патриотов. Этим, разумеется, маркиз нажил немало врагов, которые после смерти короля Жозе I отправили его в ссылку. Однако историческая справедливость восторжествовала: именем Помбала названа одна из самых красивых площадей Лиссабона, в центре которой стоит гигантский памятник маркизу, напоминающий издали заплывшую от подтеков стеарина толстую свечку, где фитилем служит черная фигура Помбала.

Памятник воздвигнут на пересечении основных транспортных артерий не только столицы, но и всей страны. С площади Помбала одна автострада ведет на юг, другая — на север, третья — на восток. На запад пути нет, ибо там — Атлантика, и неподалеку от Лиссабона, километрах в двадцати к северу, находится мыс Рока — самая западная точка Европейского континента. Здесь можно посидеть в баре, любуясь величественным маяком, купить сувениры, сфотографироваться и получить диплом, удостоверяющий факт посещения этой экзотической точки континента.

На этом высоком мысу, прислушиваясь к свисту никогда не утихающего ветра, глядя, как разбиваются волны о черные скалы, нетрудно вообразить себе мысли и чувства, которые обуревали пять веков назад португальцев, оттесненных по прихоти истории в самый дальний угол Европы. Где-то далеко в центре материка, за Пиренеями, за враждебной Испанией, всегда помышлявшей о том, чтобы наложить лапу на эту маленькую страну, мрачное средневековье сменила новая жизнь, вырастали города, прокладывались дороги и торговые пути, процветали ремесла и возникали университеты, дымились железоделательные предприятия и шумели ярмарки. Итальянские города монополизировали средиземноморскую торговлю. Ганза держала в своих руках все торговые пути в Северной и Западной Европе. И никому не было дела до далекой Португалии на самом краю Европы.

Сама судьба толкала португальцев в океан на поиски заморских земель, сначала африканских, а потом «индийских», о богатствах которых ходили фантастические слухи. Зачинателем португальского мореплавания, крестным отцом всех великих путешественников этой страны стал знаменитый инфант дон Энрике, вошедший в историю под именем Генриха Мореплавателя. Он создал первую в истории страны морскую школу в поселке Сагреш в провинции Алгарве, в самой крайней юго-западной точке страны.

Как-то раз попытались мы с оператором Алексеем Бабаджаном снять киноочерк о португальских морепроходцах и Генрихе Мореплавателе. Разыскали памятники и монументы в Лиссабоне, дом в поселке Синеш, где родился Васко да Гама. Но вот от школы в Сагреше никаких следов не осталось. Ничего не уцелело, кроме загадочного памятника — гигантской «розы ветров», сложенной из камней на том месте, где учились морскому делу питомцы Сагреша.

На поиски неведомых земель

Первые экспедиции были робкими: каравеллы осторожно ползли к югу вдоль находившегося в успокоительной близости от родины западного берега Африки. Началось все с захвата португальцами Сеуты в 1415 году. Затем с каждым годом корабли продвигались все дальше иа юг. Постепенно успехи придали мореходам уверенности в своих силах, начались более далекие вылазки в океан: острова Мадейра и Порту-Санту, Азорские острова. Все дальше и дальше на юг и иа запад уходили корабли. В 1487 году, спустя 27 лет после смерти принца Энрике, Бартоломеу Диаш добрался наконец до крайией южной точки Африканского материка, иазванной сначала мысом Мучеиий и переимеиованой затем в мыс Доброй Надежды. А спустя еще одиннадцать лет легендарный Васко да Гама открыл путь в Индию, бросив якорь в Каликуте 20 мая 1498 года. А дальше были ие менее фантастические подвиги: открытие в 1500 году Бразилии Педро Алваресом Кабралом, потом иастал черед Восточной Африки, Юго-Восточной Азии. Неутомимые португальские торговцы добрались до Китая и Тимора и прибрали к своим рукам всю торговлю с Востоком. В Лиссабон хлынул поток золота н драгоценностей, пряиостей и сладостей, слоновой кости и дорогих тканей. Страну охватила лихорадка. Отправлялись все иовые и иовые экспедиции. А высокомерная Европа вынуждена была обратить свои взоры к Лиссабоиу, который стал перевалочным пунктом и одним из самых оживлеиных портов континента.

Это было время славиое и трудиое, навсегда вошедшее в нсторию страны как самая яркая ее страница. Это было время, когда «мир,— как писал Фридрих Энгельс,— сразу сделался почти в десять раз больше; вместо четверти одного полушария перед взором западиоевропейцев теперь предстал весь земной шар, н они спешили завладеть остальными семью четвертями. И вместе со старинными барьерами, ограничивавшими человека рамками его родины, пали также и тысячелетние рамки традиционного средиевекового способа мышлеиия. Внешнему и внутреннему взору человека открылся бескоиечио более широкий горизонт...» *.

Памятником той буриой эпохи осталась знаменитая Белемская башня, воздвигнутая в первой четверти XVI века. Она до сих пор высится на иабережной Рештело иеподалеку от президентского дворца: напомииающее шахматную ладью сооружение размером с пятиэтажный дом, с верхней террасы башни принцессы и фрейлины махали белыми кружевными платочками морякам, уходившим в миоголетиие плавания. (И столько здесь откипело страданий, столько было пролито слез вослед отходящим каравеллам и галеонам, что долгое время так и называли это место: Прайа-даз-Лагримаш — Набережиая Слез.) Но коиечно, не только для этой сентиментальной церемоиии проводов возникла Белемская башня в устье Тежу: круглые башенки с бойницами иапоминают о том, что она должна была защищать от вражеских судов вход в Лиссабоиский порт.

Одиовременно с закладкой Белемской башни там же, в Рештело, было начато строительство грандиозного монастыря Жеронимуш,

* *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 83.

которое продолжалось почти целый век. В результате Лиссабон получил, пожалуй, самый яркий и выразительный памятник той эпохи, который сегодня наряду с крепостью Сан-Жорже, Алфамой и площадью Коммерции входит в обязательный ассортимент туристско-экскурсионного лиссабонского меню. Это наиболее типичный образец свойственного только Португалии архитектурного стиля «мануэлино». Если крепости, подобные Сан-Жорже, можно увидеть в Испании, Италии или Франции, то ничего подобного Жеронимушу в других странах — даже в соседней Испании — не найти, ибо, повторяю, «мануэлино» — сугубо португальский стиль, может быть, самый весомый вклад, который сделала эта страна в копилку мировой культуры. Сооружения, воздвигнутые мастерами школы «мануэлино» в XVI — начале XVII века, словно изливают в камне эйфорию, восторг и изумление, охватившие нацию в то время. Под несомненным и очевидным влиянием мавританских, африканских и даже индийских мотивов, наложившихся на еще привычные, традиционные каноны поздней готики, возникали монументальнейшие сооружения, насыщенные всевозможными резными или лепными украшениями, скульптурными группами, фигурами зверей, каменными цветами, чашами и абстрактными геометрическими композициями, сплетающимися в затейливую вязь.

Под скрытыми в полумраке сводами главного зала монастыря установлены величавые каменные надгробия двух самых великих сынов португальской нации. Здесь покоятся мореплаватель Васко да Гама и знаменитый певец Великих географических открытий поэт Луис де Камоэнс. О жизни и подвигах моряка мы знаем давно. Биография же великого португальского поэта в нашей стране не столь известна. В его судьбе отразились бурные противоречия той эпохи*.

Родился Камоэнс в семье обедневшего дворянина в 1524 или 1525 году. Биографы полагают, что будущему поэту и драматургу удалось получить отличное по тем временам образование. Юноша отличался чрезмерно веселым нравом, общался с девицами самого нереспектабельного Баррио Алто (Верхнего квартала) и однажды даже вынужден был за какой-то шумный скандал целый год отсидеть за решеткой. По примеру множества своих сиятельных, но оставшихся без эскудо в кармане соотечественников он завербовался в королевскую армию, потерял в Марокко глаз в одном из боев, в 1553 году отправился в Индию и изведал всю неописуемую гамму приключений, переживаний и бедствий, которые уготованы были в те времена отправлявшимся на Восток европейцам. В индийском городке Гоа он вновь оказался в тюрьме, на сей раз как несостоятельный должник. В китайском порту Макао его определили на должность мелкого чиновника, а затем он сдружился с несколькими вице-королями и был назначен даже управляющим одной из колониальных провинций, но не смог занять этот пост. В устье реки Меконг попал в кораблекрушение, потерял все свое имущество, но сумел добраться до берега вплавь да еще спас при этом рукопись своей поэмы «Лузиады». Долгие годы заграничных странствий не принесли Камоэнсу в отличие от многих его соотечественников бо-

* Подробнее см. ежегодник «На суше и на море», выпуск 20-й, 1980 года. *Р. Белоусов.* «Странствия Камоэнса».— *Прим. ред.*

гатства и успеха. И чтобы помочь ему вернуться на родину, группа друзей вскладчину оплатила его долги и проезд до Лиссабона. Камоэнс ступил на отчую землю в 1569 году. Публикация привезенной им с собой поэмы произвела весьма благоприятное впечатление при дворе, и поэту высочайшим указом даже назначается пенсия, весьма, впрочем, скромная и далеко не регулярно выплачиваемая. Умер он около 1580 года в нищете, и — обычный и горький удел великих людей! — лишь после смерти португальцы начали постепенно осознавать величие этого человека и значение «Лузиады» как самого выдающегося поэтического эпоса в истории страны.

В этой поэме Камоэнс создает собирательный образ своей родины на протяжении последних веков, рассказывает о Великих географических открытиях, о заморских владениях португальской короны, о подвигах, совершенных его соотечественниками во имя «торжества святой веры». Естественно, как и полагалось в те времена, в захватывающей дух истории странствований лузитан во главе с Васко да Гамой участвуют и боги, которые следят с небес за тремя отважными суденышками, пересекающими Индийский океан. Трогает и умиляет это наивное, но искреннее стремление Камоэнса осенить божественным благословением историческую миссию своих земляков-мореходцев. Но никакого подобострастия перед вседержителем поэт не испытывает, наоборот, он без тени сомнения сообщает взволнованному читателю, что за свои выдающиеся подвиги Васко да Гама даже был удостоен места на Олимпе и любви одной из богинь. И как отмечают сегодняшние исследователи творчества поэта, одной из самых интересных особенностей «Лузиады» стало утверждение торжества людей над богами.

«Иногда Лиссабон сердится...»

И вот теперь автор поэмы покоится в прохладном полумраке храма Жеронимуш в нескольких шагах от своего кумира и главного героя «Лузиады» Васко да Гамы. Потомки не оправдали их надежд. Сравнительно скоро после головокружительного бума первой половины XVI века, после того, как крохотная Португалия вдруг утвердила свой красно-зеленый флаг от Бразилии до Макао, от Азорских островов в Атлантике до Тимора в Индонезии, наступает разочаровывающее отрезвление: страну захватывает и бесцеремонно присоединяет к себе Испания, причем испанский король Филипп II в 1580 году объявляет себя по совместительству португальским королем «Филиппом I». Это унижение продолжается шесть десятилетий, до 1640 года, когда восставшая Португалия изгнала оккупантов. И в память восстановления, то есть «реставрации» независимости, на одной из центральных площадей города высится каменная игла обелиска Реставрадорес, на гранях которой высечены даты и места сражений с испанцами.

Затем приходит черед англичан. Они, правда, не высаживают на берега Тежу свои войска, а поступают иначе: подчиняют эту страну почти так же, как подчиняла Португалия свои заморские владения. Вот как охарактеризовал В. И. Ленин этот союз всадника и лошади, Великобритании со своим обессилевшим португальским партнером: «Португалия — самостоятельное, суверенное государство, но факти-



Землетрясение в Лиссабоне (со старинной гравюры)

чески в течение более 200 лет, со времени войны за испанское наследство (1701—1714), она находится под протекторатом Англии. Англия защищала ее и ее колониальные владения ради укрепления своей позиции в борьбе с своими противниками, Испанией, Францией. Англия получала в обмен торговые выгоды, лучшие условия для вывоза товаров и особенно для вывоза капитала в Португалию и ее колонии, возможность пользоваться гаванями и островами Португалии, ее кабелями и пр. и т. д.»*.

В начале XIX века за союз с англичанами Португалия расплачивается дорогой ценой: ее оккупируют наполеоновские войска, королевский двор бежит в Бразилию. Причем особо упорного сопротивления интервентам оказано не было, а великосветский Лиссабон с легкостью привык к незваным гостям и, как утверждают историки, с радушием принимал командующего оккупационной армией маршала Жюно в своих лучших салонах.

Затем англичане изгоняют французов, монархия восстанавливается, чтобы дотянуть до 1910 года, до буржуазной революции, завершившейся отречением короля и провозглашением республики, которая просуществовала недолго, всего полтора десятилетия. В 1926 году произошел фашистский переворот и в стране установился диктаторский режим, продолжавшийся до апрельской революции 1974 года.

Этот очень беглый экскурс в прошлое дает все-таки кое-какое представление о том, сколь бурной была история Португалии и

* *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 383—384.

трудной — ее судьба. И каждый ее этап, каждый поворот наложили в большей или меньшей степени свой отпечаток на облик города и страны, повлияли на формирование национального характера, создание того политического, социально-экономического, психологического климата, в котором живет сейчас португальский народ.

Что касается психологического климата и эмоциональной стороны жизни, то весьма любопытна оценка, которую дал в прошлом веке выдающийся португальский писатель Эса де Кейрош: «В Лиссабоне жизнь течет медленно, его обморочный пульс слаб и редок. Он лишен честолюбивых устремлений; нет в нем сияющих улиц, полнящихся топотом коней и возгласами всадников, вихрями золота и волнами сладострастных шелков; нет мелодраматических страстей, нет блистательного расцвета душ, влюбленных в искусство, нет феерических празднеств и судорог индустриальных умов.

Есть скудость жизни; холодный, здравый смысл; забота исключительно о пользе дела; нарочитая серьезность и мещански-блаженное обожание монеты в пять тостанов — монеты в пять тостанов, белой, чудесной, божественной, чистой, незапятнанной, утешающей, искупительной!»

Сейчас трудно судить, насколько точной была эта не лишенная язвительного скепсиса характеристика. Но наблюдательного и тонкого Эса де Кейроша нельзя упрекнуть ни в недостатке патриотизма, ни в неумении видеть и анализировать окружающий мир. Вот поэтичный, импрессионистский эскиз города, принадлежащий этому художнику слова: «Лиссабон сохранил еще изначальную томность света и свежести: невзирая на асфальт, на фабрики, на газовые фонари, на мощеные набережные, здесь весны все еще слушают слагаемые ветром стихи; и на кровлях все еще целуются голуби; и все еще будто слышно в тиши, как воздух струится сквозь щели каменных зданий, словно живая кровь меланхолического сердца города...»

Пожалуй, вполне приложимы к нынешнему Лиссабону последней четверти XX века и эти поэтические строки, и те суровые и едкие фразы насчет «скудости жизни» и «мещански-блаженного обожания монеты в пять тостанов». Правда, самой этой монеты давно уже нет: она пала жертвой всепожирающих инфляционных процессов, и сегодня лиссабонец вынужден «обожать» уже иные денежные символы и знаки, в основном бумажные, ибо монеты могут пригодиться разве что для приобретения коробки спичек или чашки кофе.

А остальное все то же: нет в Лиссабоне «сияющих улиц», хотя и порываются патриоты города сравнивать величавую авениду Либердаде с парижскими Елисейскими полями. Нет «мелодраматических страстей», нет «феерических празднеств», а «судороги индустриальных умов» по-прежнему отделены от города широкой лентой Тежу.

Продолжая цитировать Эса де Кейроша, примеряя его оценки к сегодняшнему Лиссабону, не могу не привести еще одно наблюдение писателя: «Как-то раз Париж рассердился и изгнал королей; в другой раз он рассердился и принял императоров. Иногда Лиссабон сердится — и окунается в политику.

Лиссабон тогда встает в позу, взывает, устраивает заговоры по углам, лениво разгоняется полицией — и снова идет, покрытый славой и гордясь свержением тираний, разглагольствовать на эту тему!»

Уже после того, как были написаны эти строки, Лиссабон по-настоящему «рассердился» дважды. Первый раз «вспышка гнева» привела к отречению короля Мануэля II и провозглашению республики. Второй раз это произошло 25 апреля 1974 года. Вскоре после этого я и увидел Лиссабон, «окунувшийся в политику», заклеенный, расписанный и разрисованный лозунгами, плакатами и призывами от тротуаров до крыш. Революционный энтузиазм не пощадил ни древние монументы, ни церковные храмы, ни аристократические особняки. Буквально каждый день в городе бушевали митинги, радиостанции транслировали патриотические песни и марши, слова «социализм» и «свобода» стали самыми употребительными не только в газетах, но и в обыденной речи лиссабонцев. Но поскольку слишком много было противоречивых «разглагольствований на эту тему» и слишком разобщенными оказались силы истинных патриотов, пытавшихся повернуть революцию в надежное и правильное русло, реакция сумела сдержать революционный порыв и сделать так, что в Лиссабоне и в стране — по крайней мере в тех кварталах, где живет «чистая публика», привыкшая к «мещански-блаженному обожанию монеты»,— вновь восторжествовал «холодный здравый смысл». История сделала еще один виток, и, на взгляд постороннего, не слишком проницательного наблюдателя, жизнь португальской столицы опять «течет медленно» и ее «обморочный пульс слаб и редок». Но так ли это?..

Лиссабонцы: эскиз группового портрета

Рассказав о городе, следует, видимо, сказать несколько слов о его жителях, о лиссабонцах, которые воплощают в себе все самые типические черты португальского национального характера: дружелюбие и оптимизм, какое-то извечное умение спокойно, с достоинством переносить житейские невзгоды, терпеливо ждать попутного ветра в море, конца нескончаемого автомобильного затора в городе, благоприятного поворота в своей многотрудной жизни.

Какой несокрушимой верой в будущее, в свою счастливую звезду, в попутный ветер и в благосклонность всевышнего должны были обладать первые мореплаватели, отправлявшиеся в неизведанные океанские дали на поиски неведомых и — кто знает? — может быть, и не существующих земель!

Какой жизнестойкостью, каким упорством, какой верой в силу и умелость рук своих должны были обладать уцелевшие после землетрясения и эпидемий, охваченные ужасом, страдающие от голода и болезней лиссабонцы в роковом 1755 году, когда они начали тушить пожары, разбирать руины, хоронить мертвых и отстраивать свой город!

Каким запасом оптимизма, какой неистребимой, неиссякаемой верой в правоту своего дела, в целесообразность и необходимость приносимых ради этого жертв должны были обладать коммунисты, которые почти полвека вели борьбу против фашистской диктатуры в тяжелейших условиях подполья, в обстановке невыносимых лишений и страданий!

...Когда мы пытаемся перебросить мост между разными эпохами, между далекими, казалось бы, ничем не связанными друг с другом



К очерку Людмилы Савельевой
«ПРИТЯЖЕНИЕ ЗЕМЛИ»

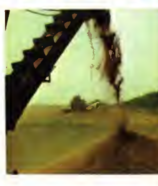
«Опять она, родная сторона,
С ее зеленым, благодатным летом...»
(Н. Некрасов)

Нива золотая

Звучит в Нечерноземье шумный язык посланцев всех братских республик: работают на новгородской земле белорусы, на владимирской и ивановской — узбеки

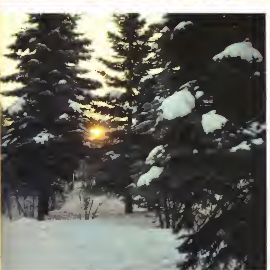
Запах хлеба плывет, пьянит, наполняет ощущением праздника...











«В очарованье русского пейзажа
Есть подлинная радость, но она
Открыта не для каждого и даже
Не каждому художнику видна».
(Н. Заболоцкий)

Позади — горячие дни уборки.
Теперь — домой...

«Чародейкою зимою
Околдован, лес стоит...»
(Ф. Тютчев)

Новое село.
Многое связывает человека с землей, на которой он живет. Но прочнее всего — дом... Совхоз «Искра» Солнечногорского района Московской области

Фото: А. Колпакова, В. Просвирина, С. Лидова









К очерку Василия Пескова
«ДИКИЙ МЕД»



Пейзаж бортиых лесных угодий

Медовая поляна

Бортник на дереве

Медовые соты

Фото автора



К очерку Игоря Фесуненко
«ИЗ ТЬМЫ ВЕКОВ И
ДО НАШИХ ДНЕЙ»

Площадь Россио

Центр города, крепость Сан-Жоржи

Алфама — древний район города

Алфама. Уличный базар

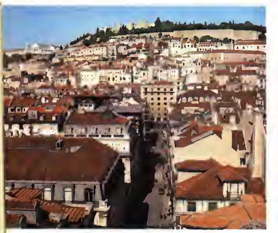
Алфама. Лиссабонский «коробейник»

Алфама. У колонки можно узнать последние новости

Храм Кармо после землетрясения

Памятник маркизу Помбалу

Памятник великим мореплавателям



















Белемская башня



Лиссабон. На авениде Либердаде

Вид на Лиссабон с рекой Тежу



К очерку Вячеслава Пальмана
«РИЖСКАЯ СОСНА»

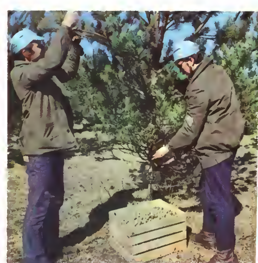
Саженцы сосны на орошаемом участке

Погрузка контейнеров с саженцами
«Брнка»

Сбор шишек на элитном участке
рижской сосны

Селекционное поле. Привитые сосны









К очерку Рудольфа Буруковского «КАУРИ — СВИДЕТЕЛИ ИСТОРИИ»

Мурекс брандарис, из тела которого приготовляли драгоценный пурпур

Турбинелла пирум — священная раковина индуистской религии

Желтые раковины — знаменитые каури, монетария монета... Раковины с золотистым колечком

Конус географус

Ахатина Фулика — знаменитый путешественник

Харония нодифера — рог Тритона древних греков

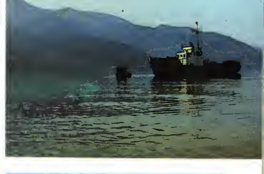






К очерку Николая Дроздова
и Алексея Макеева
«ГОЛУБОЕ ОКО СИБИРИ»

Северный Байкал



Кордон Сосновка. Здесь в 1914 году высадилась первая экспедиция ученых



Иван Свиридовнч Оробцов — храннтель заповедной земли





Ученые ставят соболю ушную метку

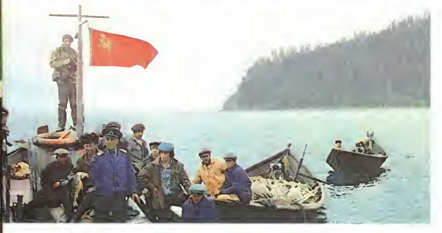


Так снимают соболя с ветки кедра









Горное озеро в Баргузинском заповеднике

Сибирская лайка — незаменимый помощник ученых, охотников и охотоведов

Одна из тысячи горных речек, впадающих в Байкал

Контрольный лов рыбы в Омулевой бухте. В сети попали сиг, омуль, окунь, сом, щука и харнус.

К очерку Владимира Терехова «ЗДРАВСТВУЙ, КАРАДАГ!»

Ялта. Скалы Карадага

Древовидный можжевельник

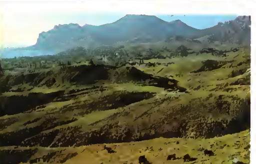
Скалы Коба-Тейе











Карадагские ворота

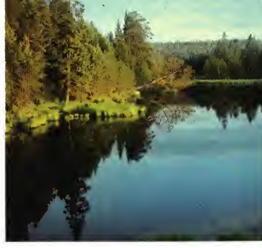
Камешки Карадага

Пионерское, Карадаг

Арка в скале

Фото Н. Орлова

К очерку Александра Рогова «В ОБЪЕКТИВЕ — ПЕСЧАНЫЕ ВОЛНЫ»



Гладь озер и лесные массивы — обычный пейзаж Соловецких островов

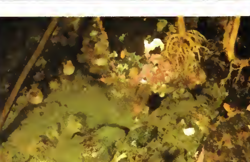
А на этом снимке видны ризоиды — разветвления на ножках ламинарий, которыми они прикрепляются к грунту

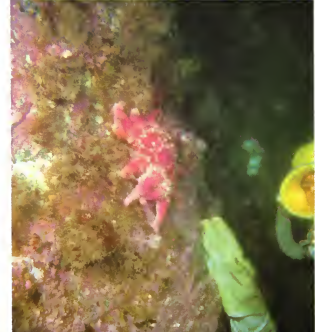
Морские обитатели поселяются и на отвесных стенах утеса, перед аквалангистом — морская звезда гросастер и поросль бурых водорослей

На глубине более 20 метров можно фотографировать только с подсветкой, лучи лампы-вспышки помогли увидеть здесь яркие краски водных обитателей — пятилучевой звезды и водоросли

На металлической конструкции прибора появился первый поселенец — краб хиас

Фото автора

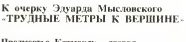












К очерку Эдуарда Мысловского «ТРУДНЫЕ МЕТРЫ К ВЕРШИНЕ»

Предместье Катманду — старая столица княжества Патан. Пагоды и культовые сооружения

На пути к Эвересту. Монастырь Тьянгбоче. Вдали (слева) — Эверест и Лхотзе

Караван с грузами экспедиции на высоте 5000 м

Тропа к Эвересту. Вдали — священная гора Амадвблам

Ледопад Кхумбу — трудное и опасное начало пути к вершине (слева — Эверест, в центре, вдали, — Лхотзе, в левом нижнем углу — морена ледника Кхумбу — место базового лагеря) ▷







Преодоление трещины в ледопаде Кхумбу. Высота 6000 м

Юго-западная стена Эвереста (8848 м), по которой совершено восхождение ▷

В базовом лагере поднят флаг СССР





Молитвенные флажки шерпов «защищают» нас от злых духов

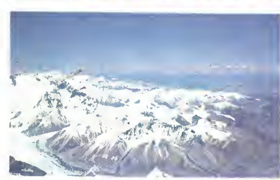
Наши друзья и помощники — высотные шерпы

Панорама с вершины Эвереста

Команда покорителей Эвереста после штурма вершины

Фото Э. Мысловского и В. Пучкова







поколениями, вдруг обнаруживаются самые неожиданные параллели и самые смелые ассоциации. Прослеживается преемственность не только национальной культуры, но и национального характера, закалявшегося и мужавшего на протяжении веков во многих битвах, о которых сегодня напоминают молчаливые памятники и монументы.

Город, в котором прожил какую-то часть своей жизни, остается в памяти не только своими площадями и улицами, памятниками и мостами. Вспоминая о Лиссабоне, я прежде всего вижу лица моих друзей и знакомых, людей, с которыми сталкивала меня судьба и работа: но кого из них выделить особо?

Рассказать ли о просидевшем двадцать три года в фашистских тюрьмах Жозе Магро? Или о проплававшем всю свою жизнь негре Себастьяне из Алфамы, который был судовым поваром и с гордостью рассказывал мне о том, как побывал в Одессе еще до второй мировой войны? О талантливейшем газетчике Марио Каштриме или об искуснейшем реставраторе средневековых музыкальных инструментов Педро Кабрале?

В этом пестром калейдоскопе встреч мелькают весьма необычные, можно даже сказать, экзотические фигуры вроде самого старого лиссабонского водителя такси Жеронимо Соареша, неторопливого, подтянутого, даже элегантного старика.

Не знаю, жив ли он еще. В 1978 году ему было восемьдесят два. Он любил вспоминать, как и все пожилые люди, добрые старые времена, когда такси было роскошью, а не средством передвижения. Когда можно было проехать весь город из конца в конец, не найдя клиента, и когда пятьдесят эскудо — сейчас это стоимость дешевого билета в кино — считалось хорошей выручкой за целую смену. Проработав почти полвека (и без единой аварии!), Жеронимо Соареш лишь в начале 70-х годов смог обзавестись собственной машиной. И жалко стало уходить на пенсию, когда «работаешь наконец-то на себя, а не на хозяина».

Жил он с ровесницей-женой в типичной для Алфамы двухкомнатной квартирке, где половину спальни занимает кровать, а в так называемом «зале» почти вся полезная площадь достается телевизору. «Тесно? Да, но зато я плачу за эту квартиру всего двести эскудо в месяц! Что такое двести эскудо? Это стоимость бифштекса в ресторане. Почему я плачу так дешево? Потому что квартирка снята тридцать лет назад, а тогда двести эскудо были совсем иными».

Еще один обитатель Алфамы — Арнальдо Феррейра. Фигура почти уже невероятная в современном Лиссабоне. Может быть, потому, что каждый вечер в строгом черном костюме спускается он по узким улицам Алфамы к площади Россио и авениде Либердаде, где дольше всего теплится не слишком бурная ночная жизнь Лиссабона: бары, театры, кафе. Молчаливо бродит он по тротуарам в своей черной шляпе с перчатками в руке, словно персонаж приключенческого романа. Вглядывается в этот зыбкий, освещаемый неоновыми сполохами мир. Останавливается, выпивает чашку кофе и идет дальше, равнодушный к любопытствующим взглядам туристов и к знакам женского внимания.

Этот черный костюм и этот традиционный ночной маршрут породили легенду о трагической смерти жены Арнальдо: траурный черный костюм хранит он якобы много лет и намерен хранить всю жизнь...

Но владелец костюма энергично опровергает эти слухн, когда его пытаются вызвать на откровеиность. Арнальдо — художник. Он пншет только Лиссабон. Старинные кварталы, древнне монументы, величественные храмы и узкие улочки Алфамы. Он работает весь день, а иочная прогулка перед сном — всего лишь эликснр бодрости, необходимое общенне с городом, психологнческая н эмоцнональная разрядка. «Почему черный костюм?.. Просто люблю так одеваться. Подтянутые, торжественно одетые людн на улицах придают городу нарядиый облик. К сожаленню, сейчас людн этого не понимают, особенно молодежь...»

Вряд ли может следовать этому совету другой лиссабонец, который тоже достонн занять место в «групповом портрете» жителей города. Его зовут Зеленая Рубаха. Пожилой, коротко остриженный человек с усталымн, но добрымн глазами каждое утро прнходнт к здаиию городского суда с пишущей машинкой. Он устраивается прямо на тротуаре, ставит машинку на подставку, саднтся на раскладной стульчик... и ... желающие могут воспользоваться услугами самой мнннатюрной, самой простой н, что самое главное, дешевой адвокатской конторы: Зеленая Рубаха отстучит на машннке без опечаток н ошнбок прошенне, заявленне, жалобу илн пнсьмо, заполнит анкету, поможет напнсать автобнографню. Гонорар — по соглашенню. Это может быть н бутерброд, и кружка пива в соседнем баре, н пара янц, которые смущенно вытащит из корзннки крестьянка, пришедшая в город в наивных понсках правды, которую не может иайти у себя в деревне.

Мне кажется, что едва лн не самой типической, почти снмволнзнрующей все особенности и противоречия современной лиссабонской жизнн стала странная фнгура человека, которого я увидел однажды в Алфаме.

«Шел бы ты работать, лодырь!»

Услышав этот яростный крик нз окна проезжавшей машины, я поразился. Португальцы вообще, а лнссабонцы в особенности — людн весьма деликатные н уравновешенные. Что-то нз ряда вон выходящее должно случиться, чтобы лнссабонец рявкнул иечто подобное. Машина уже укатила, прошелестев шинами по обкатаиной до блеска булыжной мостовой улицы Эсколас-Жерайс. Я оглянулся и увидел, что брошенные нз окна машнны слова адресоваиы пожилому человеку, сидевшему на табуретке у входа в полутемный бар. В руках у него была, как мне показалось с первого взгляда, ракетка для нгры в настольиый теннис. Человек этот не был лодырем н ни в коей мере ие заслужил оскорбительного окрнка. Ои выполнял работу нужную н важную: регулировал уличное движеиие в паутине переулков иа пересеченин улиц Эсколас-Жерайс и Саи-Внсенте. На самом краю Алфамы, близ площади Граса, есть участок, где оказалось невозможным проложить две трамвайные линии, и поэтому маленькие одновагонные трамваи вынуждены несколько сот метров проходить по одиой колее в обоих направлениях. Чтобы нзбежать столкновений, городская трамвайная компания решила поставить у концов этого опасного участка двух служащих с указателями в руках. Указатель простой: размером и формой

напомииает ракетку для пииг-понга. Одиа стороиа ракетки выкрашена в красный цвет, другая — в зеленый. Въезжающий на улицу Эсколас-Жерайс вагоновожатый или водитель машииы — для них сигналы регулировщика тоже обязательиы — ищет взглядом в привычиом месте человека с «ракеткой». Если оиа обращена к едущему зеленой стороной — можно ехать. Если красиой — иадо ждать, пока не пройдет уже вступивший с другого конца иа одноколейный участок встречный вагон или автомобильный поток. И каждый третий или пятый из водителей, спешащих по своим делам и натыкающихся иа красную «ракетку», обязательио крикнет что-нибудь вроде: «Шел бы ты работать, лодырь!» Нетерпеливых шоферов раздражает этот медлительный невозмутимый человек с красно-зеленым указателем. Водители, как правило, не знают, что на эту работу руководство городской трамвайиой компании иаправляет вчерашних вагоновожатых, потерявших здоровье, но еще не дослуживших до пеиси. И сидит, прислоиившись к стене дома, на маленькой табуретке или иа пустом ящике из-под бананов пятидесятилетиий больной человек, сидит под палящим солнцем или проливным дождем и слышит то и дело оскорбительные выкрики.

Слышит это и пятидесятидвухлетний Антонио Матос, который тридцать лет проработал вагоновожатым и переиес инфаркт. Теперь он иа посту в этом «проливе Граса» с красио-зеленой «ракеткой» в руках. Сидит и опасается, как бы вдобавок к заболеванию сердца не получить нервное расстройство: уж очень обидио выслушивать насмешки и угрозы. Но когда его спрашивают об этом, ои только улыбается. Антонио — философ, он рассуждает: «Люди бывают разные, вон, посмотрите иа свою руку: пять пальцев и иет среди них двух одииаковых! Так и среди людей: бывают сердитые, бывают добрые, не бывает только двух одииаковых».

А его сменщик Жулио Пирес Фраде, тот как раз попал сюда по причине нервиого заболевания, ио и он уверяет, что иасмешки водителей — не самое страшное в жизни. Гораздо трудиее переиосить дожди и холодный иочной ветер с реки.

Несколько лет иазад какой-то предприимчивый инженер из муниципалитета, посмотрев американский фильм, повествующий об электронно-вычислительных машинах, поставленных на службу регулирования уличного движения, решил привить черенок технического прогресса и в Эсколас-Жерайс: распорядился повесить в обоих концах узкого участка два синхроиизированных светофора. На одном загорается красный свет, иа другом в ту же секунду зеленый. Скажем, трамвай или машина движутся снизу вверх, от порта к площади Граса. Сколько иужно времени, чтобы не спеша преодолеть узкий участок? Минуты полторы. Прекрасио! Пускай светофоры работают две мииуты для движения сиизу вверх, а потом переключаются для пропуска встречиого потока.

...Но инженер ие учел, что жизнь не укладывается в прокрустово ложе технических схем, что стоит только такси задержаться на несколько секунд в узком участке у подъезда, чтобы высадить старушку с баулами и сумками, как оно выбьется из размереииого светофорного ритма и закупорит проход для ринувшегося иа зеленый свет автомобильно-трамвайного потока. Идею инженера пришлось похоронить, и, как писала лиссабонская газета «Сете», в современиую эпоху, когда русские бесстрашио штурмуют космос, в

Лиссабоне все еще приходится прибегать к услугам единственного в мире человека-семафора.

Что ж, можно добавить лишь, что это не единственный парадокс португальской столицы. О некоторых из них было рассказано в этом очерке.

Но как бы там ни было, космическая эра уже наступила, и несет она великие перемены.







ВЯЧЕСЛАВ ПАЛЬМАН

РИЖСКАЯ СОСНА

Очерк

1

Царицей лесов в Нечерноземном крае нашей страны была и остается сосна. Первенство тем более почетное, что на конкурсе лесных пород Восточно-Европейской равнины выступают такие деревья-красавцы, как величественный дуб — патриарх южнорусского леса; светлая береза — символ чистоты; благоухающая в цвету липа — любимица пчел; строгая монашка — ель; а также широколистный клен, великолепный вяз, тополь и ясень, ветла и ольха, рябина, дикая груша и яблоня, черемуха и осина. И каждая порода в отдельности, а еще лучше в живописном собрании, именуемом редколесьем,— все достойны высокого балла за очаровательный вид, красочную крону, аромат и пользу.

Но сосна!.. Она возглавляет парад деревьев.

Недаром же так привлекало это дерево взор великих живописцев. Сосну можно найти на полотнах художников многих стран — у Фра Липпи, Рублева, Тициана, Ван дер Вейдена, Рубенса, Рериха, Коро, Боттичелли, Васильева, Коровина. И уж конечно, у Шишкина, воспевшего сосновые боры во всей их красе и могуществе.

Мотивы сосны встречаются в росписи многих храмов на Руси, в Латвии, Эстонии. Изображение ее веточек и хвои можно обнаружить в резных каменных украшениях, в лепке на стенах древних церквей.

В ландшафтах умеренного пояса северного полушария сосна занимает главенствующее место. Красивы беломошные боры из колоннообразных сосен и группы этих деревьев среди поля, на вершине холмов. Чуден остров Валаам на Ладоге, осененный бронзовыми стволами сосен, прижившихся среди каменных скал. Крутой берег Западной Латвии, широким лбом вдающийся в Балтику, укрыт густым сосновым бором. Красоту западных склонов Урала создают все те же величавые сосны.

Великолепное творение нашей природы, сосна вписалась в просторы России и Прибалтики на правах доброго хозяина — величавого, строгого, благородного.

Как седая рожь на поле, так и бронзовая сосна в лесу определяют пейзажи нашей страны.

Сосны ведут свой род из глубочайшего прошлого. Пожалуй, эти деревья — одни из немногих растений, которым удалось пережить геологические потрясения на планете, случившиеся 250—350 миллионов лет назад, а потом и оледенения, более миллиона лет терзавшие Евразию и Северную Америку. Родовитостью сосна поспорит с любым из ныне существующих растений. Она вошла в эру человеческой цивилизации гордой красавицей, наполняющей атмосферу не только кислородом, но и целительным смоляным бальзамом, от которого гибнут самые живучие бактерии.

Благодаря исключительной способности оставаться постоянной в своем кариотипе* сосна оказалась наиболее долговечной среди деревьев. На Американском континенте нашли экземпляр одного из видов сосны, возраст которой определен в 4900 лет — старше пирамиды Хеопса! И это дерево было зеленым!

Сосна изменялась в веках лишь незначительно, приспосабливаясь к определенному ареалу жизненных условий. В северном полушарии насчитывают теперь около ста ее видов — все вечнозеленые, кроме лиственницы, все с хвоей, длина которой бывает и два сантиметра, и сорок. Из произрастающих в нашей стране самая длинная хвоя — 12—15 сантиметров — у сосны пицундской, сохранившейся всего в двух рощах — на мысе Пицунда в Грузии и на крутом морском берегу возле Джанхота, недалеко от Геленджика.

Человек отличал сосну среди других древесных пород еще в каменном веке. Она обогревала его и лечила. Сосновую смолу — живицу считали необычайно полезным снадобьем. В Прибалтике и Греции почитание сосновой живицы было связано еще и с янтарем — окаменевшей смолой, которую выбрасывало море. В те времена подобное чудесное превращение смолы казалось божественным. Так возникла легенда о нимфе Питис: бог северного ветра Борей превратил прелестную нимфу в сосну, приревновав ее к лесному божеству Пану.

Что ж, поэтичная легенда вполне соответствует красоте дерева. Особенно привлекательны сосновые сообщества — боры. В вечернюю пору, когда лучи солнца наискосок прорезают такой бор, золотисто-бронзовые стволы с зеленой крышей крон приобретают праздничную торжественность. Так и напрашивается сравнение с храмом. Сквозь ажурные кроны просвечивает небесная голубизна, земля окрашивается в теплые коричневатые тона. Грудь наполняет бодрящий воздух с запахом свежести и терпкой смолы. Тишина необыкновенная. Тени от деревьев не густы и не слитны, только в глубине бор чернеет загадочно и жутковато. Под ногами мягко пружинит толстая подстилка из хвои. Когда воздух к ночи холодеет, от боровой земли поднимается аппетитный грибной дух; муравьиный запах вливается в ночной аромат под соснами. Уютное тепло от нагревшихся за день стволов обнимает человека в предночи. И кажется, что именно здесь — колыбель всего живого.

Едва постигнув мастерство сооружения жилищ и выделки предметов быта, люди прежде всего оценили сосну за чистую древесину, которая хорошо обрабатывается, издает приятный запах и способна долго сохраняться.

С давних пор на сосну, этот великолепный дар природы, глядели

* Кариотип — однообразие вида по ядерному строению клеток.

все больше глазами потребителя. Ее длинноволокнистая древесина шла на целлюлозу и бумагу. Лучшие столярные поделки изготовляли из сосны. Смола стала сырьем для канифоли и скипидара. Хвоя годилась для витаминной муки. В начальные годы выплавки железа из руды уголь готовили из сосновых пеньков и кореньев, опустошая старые боры на десятки верст возле каждого завода. Словом, рубили сосну с таким усердием, что от боров нередко оставалась одна песчаная пустошь.

Рубка продолжается и сегодня. С тревожным ускорением.

Есть места в европейской части нашей страны, где за последние полвека сосновые боры едва ли не уполовинились. Так, в Вологодской области еще в 1927 году хвойные составляли девяносто процентов всех лесных пород. Сейчас сосна и ель едва тянут здесь на тридцать процентов. В Кировской и Пермской, Архангельской и Калининской областях сосны стало намного меньше. Местами уже не найти ни спелых, ни приспевающих боров. Только молодняк вперемешку с лиственными деревьями.

Сосна, недавно занимавшая 108 миллионов гектаров, то есть более восьмой части общей площади лесов по стране, ныне уже растет лишь на 70 миллионах гектаров. Более всего за Уралом.

Что же происходит на вырубках? Естественное возобновление? И да, и нет. Лесники этого очень хотят, но природа поступает по-своему.

Сосновый молодняк, проросший из опавших семян, поднимается медленно: в первый год — на высоту спичечного коробка. На вырубках тянется вверх не только сосна. Ее обгоняют травы, быстро растущая поросль березы и ольхи с осиной, которые вскоре и глушат сосновый подрост, образуя лес — не лес, а что-то густое и темное, под пологом которого тихо умирают молодые сосны.

Праздничный ландшафт, от века свойственный умеренному поясу нашей страны, конечно, меняется. Местами уже не сосна великолепная определяет его красочность, а лиственные породы, прежде всего береза и ольха.

2.

На западе и северо-западе Русской равнины есть одно особенное и пространно-лесистое место. От берегов Балтики через всю Латвию и Северную Белоруссию вдоль Даугавы — Западной Двины, на юго-восток и восток, по землям Псковской, Смоленской и Калининской областей протянулась широкая черно-зеленая полоса хвойных лесов. Вместе с Западной Двиной леса поворачивают на север к городку Андреаполю и разбегаются по западным склонам Валдая.

Это особенный ареал сосны и ели, лишь местами рассеченный вторичными лиственными лесами, болотами и пашнями Латгалии, Псковщины и Твери. Огромный массив хвойных прикрывает почти весь бассейн Западной Двины, верховья Днепра и Волги — трех могучих рек, начинающих жизнь у конечных гряд Валдайской возвышенности. Столь же густые сосновые и еловые леса заполняют берега латвийских рек Венты и Гауи.

Широкое тысячекилометровое пространство, протянувшись на восток от моря, с незапамятных времен служило своеобразной дорогой, по которой атлантические воздушные потоки, родившиеся

над океаном, двигались в глубь Евразии, иасыщая Русскую равнину влагой и теплом. Встречая колючие кроиы слитного леса, они затухали у подиожия Московско-Смолеиской гряды. Здесь возник особенный климатический региои. Погодные условия и растеиия, к ним приспособившиеся, создали своеобразиые лесные почвы, образовали свою водную систему. В этих условиях развивалась первоструктура сосны, которая вместе с елью н образовала устойчивые лесные массивы.

Еще в средиие века лесовладельцы и торговцы лесом, большую часть которого они отправляли через Рижский порт, заговорили об особенной рижской сосие, вкладывая в это понятие чисто деловой, потребительский смысл: рижская,— зиачит, первосортная, с отличиой древесиной, стволом исключительной прямизны и очень прочной структурой, что особенно цеиилось в эпоху парусиого флота.

Рижскую сосиу покупали охотно. И если лесопромышленникам иужны были мачтовые хлысты, то учеиых-лесоводов разиых стран заинтересовала живая сосна из бассейна Даугавы. Позже в Западиой Европе были сделаны посадки, особеино крупные во Франции, затем в Бельгии, Швеции, Нидерландах, Германии, Норвегии, даже в США и Канаде. В сравненин с экотипами из девяноста географических районов мира рижская сосна была признана лучшей.

В XVIII веке посадку ее широко практиковал генеральный инспектор французского флота Дюгамель де Монсо, имея в виду интересы кораблестроения. Изучением рижской сосны занялись такие лесоводы, как француз Л. Парде, поляк М. Гиертих, немец Э. Видеман. Опытные культуры сосны подтвердили цеииость экотипа, произрастающего в бассейне Даугавы и ее притоков (Венте и Лиелупе). После ряда академических исследований к ботаническому наимеиованию Pinus silvestrus было добавлеио еще три латинских слова: var Rigensis Loudon, что означает: «Сосиа обыкновениая, рижский подвид».

Так было узаконеио новое иазвание. Новый подвид.

Рижская сосна — это самой природой улучшенный подвид сосны обыкновенной, которая в свою очередь еще в первые века послеледиикового времени пришла иа Восточио-Европейскую равнину из-за Урала.

Великая рать хвойных пород иачала продвигаться на запад, север и даже юг, откуда уже иаступали на ожившую после ледникового плеиа землю н лиственные породы. Ель и сосиа опередили кедр н листвеиницу, которые так и остались по ту сторону Урала. Ель и сосна нашли на Русской равнине самые пригодиые для себя условия.

По мере продвижения к Балтийскому морю пришельцы в чем-то менялись, распространяясь всюду, где находили наилучшие для себя земли и климат. Ель предпочла северную часть равнины и более влажные места в райоиах южнее. Тут оиа и создала сообщество, которое мы называем тайгой. Сосна облюбовала бассейн Западной Двины и других латвийских рек, обосновавшись также на всех теплых песчаных грунтах даже в зоне тайги, где оиа продвинулась по берегам рек и озер далеко на север.

Условия жизни для сосны в бассейие Западиой Двины оказались, видимо, самыми подходящими. Они придали сосие великую жизнеспособиость н прекрасную форму — качества, наследуемые в потомстве. Чудо-деревья подиялись на песках Курземе, Латгалии и по всей

Западной Двине — от верховьев до устья. Плотные сосновые боры заполнили западное побережье, завоевали Видземскую возвышенность в центре Латвии, кольцом опоясали берега Рижского залива, создав возле самого моря особый лечебный микроклимат.

В этих местах сосна приобрела свои совершеннейшие формы. Поднялись стройные высокие деревья с рано отмирающими нижними ветвями, с узкой конической кроной, безукоризненно чистые, быстро растущие и такие густые, что один гектар хорошего бора оказался способным наращивать за сто лет до семисот кубометров древесины, то есть связывать за такой срок до тысячи тонн органического вещества. Это едва ли не самый высокий КПД солнечной энергии на Земле!

Сосновые боры оказались сущим кладом для наших прапрадедов, последующих поколений да и для нас самих. Земледельцы восточной Латвии довольно скоро свели сосну во всех своих районах. Соседи-псковичи тоже не отставали: им требовалась пахотная земля, и люди превращали лес в пашню, нисколько не задумываясь о будущем; ценную древесину выгодно продавали.

Сосновые боры стали редеть повсеместно. Уже и в дремучих лесах у истоков Западной Двины стучал топор. И вокруг блистательных озер Себежа, и на реке Венте, и по берегам Балтики. А тут новая беда: уже в наш век в конце шестидесятых годов два свирепых урагана повалили бездну сосен по всему западному берегу. Словом, будущее дерева рисовалось не в розовом свете. Площадь хвойных лесов продолжала уменьшаться в Латвии. В западных областях РСФСР происходило то же самое. Сосну и ель рубили даже у истоков Волги.

Но вскоре стало совершенно ясно, что без помощи хвойному лесу могут наступить далеко идущие перемены в природе и пора приниматься за восстановление хвойных пород. И если природа могла потратить на совершенствование хвойных лесов тысячи и тысячи лет, то на воссоздание их лесоводам отводился несоизмеримо более короткий срок.

3.

Начиная разговор об улучшении лесов Латвии и о рижской сосне, я должен почтительно снять шляпу и поклониться ушедшему поколению ученых и практиков, которые здесь очень многое сделали. Достаточно сказать, что осушением заболоченных лесов в Латвии занялись еще в середине минувшего века. Пусть это были не слишком обширные работы. Но они положили начало накоплению опыта лесной мелиорации — одного из путей для улучшения развития сосны. Нынешние мелиораторы, таким образом, могли начинать не с нуля. И семеноводство рижской сосны — второй способ ее сохранения — уходит на добрую сотню лет в прошлое. Здесь тоже случались удачи, которые нельзя забывать.

Были в этих полезных работах периоды взлета. Отмечались годы упадка. Еще сохранились заросшие и оплывшие канавы в лесах, отдельные старые и могучие деревья, которые мы теперь именуем «плюсовыми» — с них собирают семена. Остались рукописи, книги, заметки. Очень приятно отметить крепкое содружество латвийских



Плюсовые деревья сосны

лесоводов с представителями известной русской школы лесоводства. В наши дни это содружество окрепло.

Латвийские лесоводы нынешнего века, прежде всего недавно скончавшийся академик Арвид Янович Калниньш, ныне здравствующие доктора наук Артур Вилисович Кундзиньш, Гунар Александрович Игаунис, Каспар Кришович Буш, их учителя Георгий Федорович Морозов, Владимир Петрович Тимофеев — все они прекрасно понимали, что изучение условий жизни леса, местной сосны и дальнейшее ее совершенствование — одна из главных целей науки и практики лесоводства на много лет вперед.

Заметное ускорение научных разработок наметилось в 1946 году, когда в составе Академии наук Латвийской ССР был организован Институт лесохозяйственных проблем. Через восемнадцать лет он перешел в ведение Министерства лесного хозяйства и лесной промышленности республики. А в 1976 году на базе института родилось научно-производственное объединение «Силава». Руководителем института, а потом и объединения был назначен доктор

технических наук Имант Карлович Иевинь.

«Силава» — труднопереводимое на русский язык латышское слово. Ближе всего к нему подходит понятие «местность, богатая сосной, борами». Объединение занялось разработкой методов лесной мелиорации, созданием техники для механизации работ, семеноводством. Это был первый этап селекционной работы с лесными культурами, рижской сосной. «Силава» имела свой опытный завод, где делали новые машины и приспособления. Работал вычислительный центр и, конечно, опытная станция — база для самых различных исследований с уже сложившимися научными методами, поскольку существует она с 1928 года.

Научный коллектив «Силавы» не хватался за сиюминутные проблемы, а выделил два главных направления в лесоведении и лесоводстве. Первое — это разработка биологической модели объекта (лес — почва — вода — климат — человек), чтобы иметь возможность экологически оценивать любое хозяйственное вмешательство в природу и притормаживать все вредное, что не согласуется с законами природы. Диктовать только разумное вмешательство! Второе — селекция рижской сосны, создание условий для крупных посадок новой культуры.

Картина лесных далей возле опытной станции «Калснава» в Мадонском районе манит тайнами нехоженых троп, живописными приречными лугами по берегам Весеты с редкими стожками сена и черными от времени домиками, в которых никто не живет. Только могучие дубы и липы, группами стоящие на травяных излучинах возле домов, свидетельствуют о рукотворном своем происхождении.

На лесных делянках опытной станции проводят рубки ухода, санитарные рубки, но этот труд механизирован, лесорубов почти не видно, только машины.

Сама станция — это лабораторный и административный корпус с гулкой застекленной верандой, по стенам которой на второй этаж ползут плети декоративного плюща. Вокруг — парк. Огромный вяз закрывает торец корпуса и бросает зеленую тень в окно кабинета, где работает директор, лесничий Антон Янович Кажемак. Рядом распушилась идеальной формы колючая ель при всем параде: чуть не на каждой ветке — гирлянды шишек. Везде ухоженные газоны, со вкусом подобранные кустарники — словом, красота, которая свидетельствует о культуре хозяев этого места.

Несколько в стороне теплицы — два гектара под пленкой, просторные участки, где работают тракторы с разными навесными орудиями — от плуга и сеялки до опрыскивателей и фрез. Здесь выращивают сеянцы для ремонта леса на вырубках, полянах и рединах.

Вообще-то, теплицами сегодня никого не удивишь. В сотнях лесхозов по всей нашей стране построены и не без успеха используются тысячи пленочных теплиц. Преимущества выращивания сеянцев под пленкой повсюду очевидны: в два раза сокращаются сроки выращивания сеянцев до высадки в питомник или на постоянное место; в три раза меньше расход семян ели и сосны. Под пленкой за короткий срок можно вырастить крупномерные саженцы, которые отлично приживутся в лесных посадках.

Доктор сельскохозяйственных наук Гунар Александрович Игаунис говорит:

— Сейчас трудно представить себе лесхоз без тепличного хозяйства. Одна полусфера под пленкой на тысячу квадратных метров дает больше хороших сеянцев, чем полгектара питомника в открытом грунте. В «Калснаве» мы получаем за сезон около пяти миллионов сеянцев, а все питомники Латвии, насколько мне известно,— до тридцати миллионов.

Гунар Александрович здесь давно, его знают как человека, в высшей степени увлеченного делом, которое можно назвать детищем НТР. Оно придало лесоразведению новый импульс развития.

Вот уже десять лет на опытной станции выращивают сеянцы не из обычных семян, собранных при рубке леса, а из полученных от «плюсовых» деревьев, которые специально отобрали на лесных участках. И это самые лучшие деревья, их внешний вид и общее состояние более всего характеризуют именно тот подвид сосны, который получил название рижской. Первый шаг в селекции сосны, самой ценной для Прибалтики, для западных областей РСФСР и Белоруссии.

Второе десятилетие здесь существует и Центральный пункт лесного семеноводства, куда попадают все семена, собранные в Латвии. Руководит пунктом, ведет селекционную работу кандидат наук Вероника Теодоровна Бамбе.

Она сидит за большим столом в кабинете, слушает разговор о достижениях в этой области и, похоже, не разделяет взгляда на содеянное как на нечто выдающееся. Для нее селекция сосны привычное, хотя и сложное дело, требующее хозяйского глаза.

— Видите ли,— говорит она, наклоняясь над разложенными на столе бумагами,— этот труд не скоротечен, немедленного эффекта не дает, как, впрочем, и селекция других сельскохозяйственных культур. Нужно много терпения, чтобы неудачи не вызывали отчаяния, а, напротив, укрепляли желание добиться своего. Мы выработали довольно точный план на долгие годы; полагаю, что точно придерживаемся его. Исходные позиции освоены. Это отбор «плюсовых» деревьев, типичных для подвида, здоровых и красивых, с точки зрения лесовода. С этого мы начинали в 1964 году. Сегодня в республике 1457 «плюсовых» деревьев, с них собираем по нескольку десятков килограммов семян, высеваем в теплицах. Сеянцы доращиваются в питомнике. И там идет отбор лучших. Высаживаем отобранное на специальную семенную плантацию с комфортными условиями: готовим и удобряем почву, бракуем все деревца с малейшими отклонениями от нормы. Позже используем эти сосны для черенкования и прививки на сильные, тоже типичные подвои, чтобы получить таким образом уже клоновые экземпляры. Их оцениваем, лучшие остаются на семенной плантации, мы формируем у них кроны, чтобы росли они невысокими и раскидистыми. С этих трижды испытанных сосенок, когда начнут плодоносить, без особых затрат собираем шишки, семена.

— Суперэлита рижской сосны?

— Да. Продолжается свободное переопыление экотипов. Иногда из этих «аристократов» вдруг вырастают ординарные экземпляры. Бракуем, отправляем в лесные посадки. На семенной плантации оставляем только выдающиеся, отличные растения. Отбор всегда связан с элементами случайности. Даже если тройной отбор.

Разговор сугубо деловой, но заметно, что Вероника Теодоровна

что-то недоговаривает. Похоже, не хочет высказывать те самые трудиости, которые приводят на порог отчаяния.

— Вы не пробовали контролировать переопыление, как это делают селекционеры на полевых культурах? Ну скажем, собрать пыльцу с выдающейся сосны и нанести ее на женские стробилы столь же выдающегося экземпляра в семенной плантации?

Бамбе покачивает головой, улыбается.

— Пытаемся применять и этот способ. Просто рано еще говорить о результатах. Годы и годы ожидания...

— Есть ведь еще вегетативное размножение. Зелеными черенками.

— И этот способ ие забыт. Пока что больше иеудач. Зеленые черенки никак ие хотят укореняться. Поэтому мы и занимаемся прививкой. Уже вырастили четверть миллиона привитых саженцев. Между прочим, они стали основой при закладке 720 гектаров семенных плантаций рижской сосны во многих лесхозах Латвии. А вот зеленые черенки ели колючей укореняются в теплицах довольио хорошо. Мы расширяем диапазои применения этого приема. Он удачен и для многих лиственных пород.

— Есть ли клоновые сосны, которые уже плодоносят?

— О да! Я уже сказала: четверть миллиона сосен. Каждые семь из десяти на семенных плантациях первого порядка плодоиосят. Эти плантации — основиой источник улучшенных сеянцев. Пока мы продолжаем селекцию, лесоводы размножают в теплицах не просто сосну, а отборную, рижскую. Мы скоро заложим у себя новую семенную плантацию супер-суперэлиты. Для семян такого высокого класса отобрали из семисот сотен в питомнике тридцать самых-самых...

Откинувшись в кресле, Вероника Теодоровна вздыхает:

— Только вот увидеть боры из таких обиовлеииых рижских сосен иам самим вряд ли удастся. Ждать слишком долго...

Увы, селекционерам лесных пород приходится мириться с подобной перспективой. Век дерева дольше человеческой жизни. Тут, как нигде, иужна преемственность.

К счастью, у супругов Бамбе дочь выбрала родительскую дорогу. И если ей будет сопутствовать удача, если ие оступится,— вот она-то и увидит прекрасные боры из чистой рижской сосны. Во всем их великолепии!

Они и теперь поражают человека, эти иемногочисленные, стройные и высочеиные деревья — создание природы в минуты ее вдохиовения, деревья с точеным стволом, с изящной маленькой кроиой. «Плюсовые» экземпляры... Стоят они группами в лесных массивах «Калснавы» на побережье Рижского залива, в Межа-парке, в устье Гауи, на мысе Курземе.

Ряды рукотворной семенной плантации площадью в сорок гектаров поднялись в Смилтенском леспромхозе — все сосны как одна — ширококроиные, ие выше четырех метров, с гроздьями шишек по сильиым веткам.

Семеиа из Смилтеие дают жизнь сеянцам. Крошечные сосенки плотно сидят в широких грядах под плеикой — радующие глаз ярко-зеленые малыши, только иачинающие жизнь, чтобы через год-два разбежаться по лесным посадкам. Что ни сезон, то три тысячи гектаров улучшеиной сосны...

Разработанными в «Калснаве» методами в 28 питомниках Латвии сегодня выращивают около 30 миллионов саженцев, в том числе отборной сосновой молоди на площади в три тысячи гектаров, что составляет третью часть ежегодных восстановительных посадок.

Да, сосну много рубили, рубят и будут рубить. Ее площадь уменьшилась. И пришло время других, положительных перемен. Первые шаги для умножения чистых боров сделаны. Сосны становится больше. Не просто сосны, а рижской. Первоприродной.

Рядом с тепличным городком на опытной станции в 1977 году построили одноэтажный корпус фабричного типа. Это цех по производству крупноразмерных саженцев с закрытыми корнями. Зачем они нужны? Чтобы при восстановлении лесов весь посаженный молодняк приживался и быстро подрастал, а не погибал под сорным лесом!

Мы уже говорили, что обычные сеянцы часто не выдерживают конкуренции с лесной травой, кустарниками, шустрыми ольхой и березкой, гибнут от кратковременной суши, застойной мокроты в низких местах. Пропалывать посадки, рыхлить рядки, вообще следить за молодью лесники не успевают. И молодые сосенки — прежде всего они! — исчезают бесследно. Сколько посадок числится только на бумаге и тешит воображение плановиков, никто сказать не сумеет.

Изменить такое тревожное положение можно только одним путем: высаживать на подготовленных вырубках не однолетки с карандаш росточком, а крупномерные саженцы, уже набравшие силу. Чтобы сосенки быстрее приживались, им надо обеспечить питание хотя бы на первый сезон в новых условиях, не повредить, не подсушить слабые корешки при самой посадке.

Забота о будущих лесах заставила в ряде стран мира создать технологию получения саженцев с защищенными корнями. В Латвии она имеет название «Брика». Этим и занимаются на опытной станции «Калснава».

Теперь расскажем о технологии «Брика».

...Сеянцы сосны поступают из теплиц на конвейер. Машина подает к рабочим местам подушечки из торфяной массы, на них укладывают корни саженцев, закрывают другой подушечкой, и тот же конвейер отправляет их «на упаковку»: перфорированная лента из полиэтилена плотно склеивает торфяные брикеты и скатывает готовые сеянцы в рулоны по 25 или 50 штук. Далее рулоны пропитывают питательным раствором и отправляют на полигон доращивания, откуда их можно доставлять к месту посадки. Или хранить и год, и два, если нет пока для них площади.

Созданы специальные машины для посадки саженцев такого типа. Опыт показал, что приживаемость их в лесных посадках практически полная (97 процентов), сосенки растут быстро, не дают себя угнетать другим растениям. Уход нужен минимальный. Сколько посадили, столько в лесу и будет деревьев.

Технология эта распространяется в лесных областях нашей страны. Правда, медленно. Но она уже практикуется в Ленинградской, Псковской, Московской областях, в Литве и Белоруссии. А начало ее — в «Калснаве», вот о чем хочется напомнить! Бесчислен-



Питомник сосны в открытом грунте (Мадонский район)

ные экскурсии сюда вызваны интересом к новой технологии: всегда полезнее увидеть, чем даже многократно услышать.

Восемь лет в «Калснаве» выпускают такие саженцы. Срок немалый, пора бы всем заинтересованным ведомствам обеими руками ухватиться за удачный опыт. Сразу на память приходят Алтай и Красноярский край — сильно вырубленный лесной регион, где восстановлению сибирской сосны (сиречь кедра) как раз и мешает слабый стартовый рост сеянцев, приживаемость которых крайне низка. Делу помогло бы получение крупномерных саженцев типа «Бирка», способных выжить и в трудных условиях.

В научно-производственном объединении «Силава» быстро добились успеха. Создана единая цепь исследований и практических разработок; ведется широкая посадка высококачественных деревьев, лесов будущего, способных по своему биологическому потенциалу создавать за цикл развития (100—220 лет) наивысшее количество органического вещества на каждом гектаре, до шестисот — семисот тонн древесины, веток, хвои, что можно рассматривать как очень высокое достижение в лесоводстве.

Будущие боры из рижской сосны создает, оценивает и воспитывает небольшой коллектив ученых, десять — двенадцать человек.

А помогают им в «Калснаве» ученики ближней Плявинской средней школы. Много лет. И каждый сезон.

Доброе сотрудничество! Здесь воспитываются будущие лесники. Немало юношей и девушек, которые работают сегодня в питомни-

ках, теплицах, в цехе «Брика», на опытной станции, наверное, свяжут свою судьбу с лесом и его главной породой — рижской сосной.

Здесь мы можем отметить, что забота о благополучном лесе, развитие которого связано сотнями нитей с развитием лугов и пашен, рек и озер, очень органично входит в долгосрочную задачу советского народа по реализации Продовольственной программы. Эта программа, как известно, рассчитана до 1990 года и далее, когда существенно изменятся биоценозы, а мастера земледелия и лесоразведения в равной мере научатся эффективно использовать «главное природное богатство — землю», как сказано в материалах майского (1982 года) Пленума ЦК КПСС.

Природа неразрывна и едина. И если в какой-то слагаемой ее части произошли перемены к лучшему, они обязательно скажутся на других природных факторах. Несомненно, что хороший лес поможет пашне и лугу увеличить плодородие.

Лесоводы работают на будущее.

6.

Для новых и восстановленных лесов из рижской сосны нужны хорошие почвы, где проведена мелиорация.

Душой второго направления в творческом поиске, которое было названо выше разработкой «биологической модели объекта», надо по праву считать Каспара Кришовича Буша, доктора биологических наук, чье имя широко известно лесоводам нашей страны и зарубежным их коллегам.

От «Калснавы» до этой лаборатории, которую он возглавляет, около восьми километров по лесной дороге. Два потемневших от времени деревянных дома стоят на лужайке в очень красивом изгибе речки Весеты. От дома к дому тянется старая липовая аллея. Две группы еще более старых дубов отступили в сторонку. Ближе к лесу, на песчаном холме,— три такие огромные сосны с толстыми, причудливо изогнутыми ветками, что невольно остановишься в удивлении. Соснам поклониться хочется, как свидетелям далекой, уже седой старины... Под такими деревьями волхвы сиживали!

Видимо, в недавнем прошлом на этом месте стоял хутор. Пашни уже не видно: то ли лесом поросла, то ли травой взялась, только от примет земледелия остался лишь один большой сарай с сеновалом да несколько ульев с пчелами. Впрочем, пчел уже ученые для своего удовольствия держат.

Природная первозданность окрестности — лучшего и придумать нельзя!

Речка быстрая, чистенькая, с песчаными берегами, бежит — балуется, как ребенок, десятка метров по прямой не протечет, вильнет вправо, влево, оставит позади заливчик, мыс с кустами черемухи и шиповника, луговину, полную мятлика и овсяницы, скроется вдруг в сосняке и вновь заблестит плесами уже в черном еловом лесу. Вниз по течению глянешь — глухомань, даже бобры откуда-то пришли и живут припеваючи, нарыли хаток в торфяном берегу, обильным потомством успели обзавестись. Вверх по течению обратишь взор — и сразу в памяти встают канадские пейзажи,

известные по иллюстрациям в книгах Фенимора Купера,— такой прохладой и свежестью, такой первобытностью веет от нескончаемых лесов, просторного неба над ними, такой таинственно манящей кажется вздернутая над горизонтом Видземская гряда с пятнами темных хвойников на салатном фоне березняков...

Доктор Буш живет здесь летом. И наездами зимой. Поэтому с мая по октябрь его ни в «Силаве», ни дома не застать.

В Москве, на торжественном юбилейном заседании, когда отмечалось столетие со дня рождения выдающегося русского ученого Владимира Николаевича Сукачева, мне сказали, что доктор Буш непременно должен здесь присутствовать. Но разве в таком многолюдстве отыщешь нужного человека? Лишь когда гости уселись в зале, я вдруг услышал за спиной латышскую речь, оглянулся и рискнул спросить незнакомых людей, занявших соседний ряд:

— Простите, вы не из Риги?

— Да, из Риги,— ответила женщина.

— Я без особого успеха искал Каспара Кришовича Буша. Не знаете, здесь ли он?

— Похоже, что здесь,— как-то очень лукаво ответила собеседница и перевела взгляд на человека, сидевшего рядом.

— Буш — это я,— он подался вперед, насколько позволяла его полная фигура. Для убедительности он ткнул себя пальцем в грудь. Крупное лицо, освещенное благожелательной улыбкой, выражало любопытство. Светлые глаза мигали быстро и приветливо.

Мы познакомились. А в перерыве разговорились.

Доктор Буш, высокий и грузный, выглядел весьма солидно, его открытая натура располагала к себе, тем более что он явно ценил шутку. Когда смеялся, полные щеки и двойной подбородок забавно подрагивали, а глаза почти совсем закрывались,— словом, смеялся от души.

Уже в ту первую встречу он начал подтрунивать над литераторами за их нередкую «дамскую сентиментальность» при оценке явлений природы, за неуместное любование «благородными волками, лакающими молоко из блюдечка рядом с ягненком», и за «попытки наделить дельфинов почти человеческой способностью мышления». Показывая журнал с карикатурой — сплошные пни, оставшиеся от леса, и плакат над ними: «Храните лес!»,— он спросил:

— Плохо, да?

— Хуже некуда,— сказал я, сразу попавшись на приманку.

Буш рассмеялся так, что все в нем затряслось. И вдруг ошеломил:

— Ну а картина скошенного и убранного поля пшеницы без огрехов и стерни. Как вы ее оцените?

— Выражу полное удовлетворение, если чисто убрано.

— О-о! Пни — это тоже чисто убранный урожай древесины. Теперь между пней можно посадить сосну или подождать естественного ее возобновления. И снова поднимется густой лес. Плохо это? Или хорошо?..

И, подвинувшись ближе, нетерпеливо заглянул в глаза.

В самом деле. Убираем лен в поле или срубаем спелый лес — в обоих случаях пользуемся урожаем — созданием солнца, земли и труда. Потом возобновляем культуру, поскольку человечество не может жить без продуктов земли. Разница между земледелием и

лесоводством только во времени. Плохо получается лишь тогда, если в лесу остается мусор — ветки, вершинки, брошенные стволы, а в поле — солома или сорняки. Так что картина хорошо спиленного леса совсем не карикатура на плохих хозяйственников.

Потом мы заговорили о красоте и величии леса, о благотворном его воздействии на человеческую душу. Дубы, березы, сосны, лещина на полянах, полных света и тени,— какие это чудесные места в смешанном лесу нашей средней полосы! Буш кивал, а глаза его нетерпеливо разгорались: жаждал высказаться.

— Да-да, это отлично! Такой лес — очарование,— согласился он и, часто моргая, придвинулся еще ближе, словно готовясь поведать какую-то тайну.— Вы, конечно, правы. Такой лес вызывает к жизни добрые чувства. Я не против красивого. Но я хочу отделить красивое от полезного. Смешанный лес — это порождение человека, он великолепен для отдыха, для услады, он необходим в пригородных зонах, рядом с курортами, в приречных долинах возле жилья. Это парки и скверы. А вот лес промышленный — иной экотип, у него и вид, и действие на человеческие чувства другие, не так ли? Для умеренной полосы это однопородный лес, хвойный, из сосны и ели, ну, может быть, с небольшой примесью других пород. Такой лес создает сама природа. Вспомните тайгу. Да и мы растим хвойный лес, формируем, спиливаем, снова растим, как возделывает земледелец свои однолетние культуры в поле. Ведь там не смешивают овес с рожью, пшеницу с горохом, не правда ли? Однопородность необходима для получения высокого урожая — будь то зерно, картофель или древесина. Простая истина, а вот когда разговор заходит о лесе, ее почему-то воспринимают с трудом.

— Отталкивает сухая рациональность...

— Вероятно, так. И все же урожай древесины в лесу нужно планировать, как планируем мы урожай в поле.— Каспар Кришович с серьезным видом поднял вверх палец: — Смысл и логика современного лесоводства в том, чтобы разрабатывать по возможности простые экологические правила для леса. Такие же простые, как в земледелии.

— А вот мне такая точка зрения кажется субъективной.

— Не рискнул бы утверждать, не будь эта позиция плодом многолетних наблюдений и опытов.

— Но красота леса...

— Вам больше по сердцу смешанный лес — береза, липа, клен? Понимаю, вы выросли близ такого леса, привыкли видеть именно его. А разве чистый, полный солнца сосновый бор не вызывает мыслей о земном счастье, о величии и могуществе природы? Или сосны не рождают ощущения чистоты и благородства? Или вам не по душе полотна Шишкина? А «Дюны в Клапкалсне» нашего Валдиса Калнрозе или «Зима» Мелбардиса? А Рерих, наконец?

Простились мы дружески, договорившись встретиться уже в Латвии.

Встреча состоялась. Вместе с Бушем и генеральным директором «Силавы» Иевинем в погожий солнечный день мы отправились в «Калснаву».

Через три часа мы оказались в лесах «Калснавы», где-то в среднем течении Весеты. Каспар Кришович указывал, куда ехать, где повернуть и остановиться. Выходил первым и вел по просеке,

потом по тропам, сеть которых ему знакома, как улицы и переулки родной Риги. Мы ходили по обширному научному полигону, где в лесу расставлены приборы, датчики, пробиты скважины, сделаны посты на канавах осушения. Здесь идет изучение лесных почв, воды, сообщества растений.

Шагаем по сосновому лесу, переходим через канаву. Мостик поскрипывает под сапогами биолога, Буш оборачивается и успокаивает:

— Смелей, смелей. Раз подо мной не провалился,— значит, мостик сделан с большим запасом прочности.

Сосны стоят густо, они стройные, все — как близнецы. От бора веет здоровьем и умиротворяющим покоем.

— Вероятно, сказывается осушение?

— Не то слово, не то!— он останавливается и громко чеканит слова: — Осушение не просто помогает лесу, оно возрождает его, дает вторую молодость, вторую жизнь. Когда почвы приведены в оптимальное состояние, развитие деревьев уже нельзя определять в процентах. Правильнее говорить, во сколько раз усилилась жизнедеятельность, вот так! Мы с вами в 162-м квартале, это переходное болото, осушено в 1958—1960 годах. Куда исчезли все чахлые и редкие деревца? Где угнетенные округлые кроны? Этим красавицам, бывшим «гадким утятам», по двадцать — двадцать пять лет. И все — по двадцать метров ростом. Сегодняшний запас древесины мы определяем в 180—200 кубометров на гектаре, прирост в девять кубометров за сезон. Рывок! А ведь пять кубометров древесины по своему энергетическому ресурсу равны тонне нефти. Осушаем гектар мокрого леса и добываем за год тонну нефти на этом гектаре. Неплохо, а?

Со значительным видом он поднимает руку с вытянутым вверх указательным пальцем и очень серьезно, пророчески изрекает:

— Не та страна богата, у которой в недрах таится нефть, а та, на чьих просторах шумит зеленый лес! Нефть выкачивают, она исчезает бесследно. Лес рубят, а он опять растет — и так до бесконечности. Самовосстанавливающийся энергоресурс! Наше дело заключается в том, чтобы устранять помехи в развитии леса, ускорять процесс создания древесины за счет солнца, чья щедрость, к счастью, не имеет границ...

Он говорил, а сам переходил от одной сосны к другой, поглаживал желтые, налитые живительной силой стволы и откровенно радовался, что может показать столь реальные результаты человеческого труда.

Потом Буш перескочил через водосливную канаву и указал просеку, по которой вдаль уходили столбики приборов. Уверенно сказал:

— В Латвии много болот, около трехсот тысяч гектаров. Настоящие болота не мешают лесу, и мы их почти не трогаем. У них свой путь развития. А вот леса на переувлажненных почвах... Это так называемый «гидромелиоративный фонд», около шестисот тысяч гектаров по республике. Мы осушили более двух третей этого фонда. И всюду прирост хвойных пород увеличился в два-три раза.

— Лиственных тоже?

— Конечно. Но менее заметно, вполовину против хвойных. Не забудем, что гектар березы, осины или ольхи при самых хороших

условиях дает не более двухсот кубометров древесины, дровяной н низкосортной. А сосна и ель иа осушеиных землях — и четыреста н пятьсот кубометров. Деловой древесины!

— Но мокрая почва — это и есть болото? Результат обильных осадков и малого испареиия...

Буш отрицательно покачал головой:

— Мокрая почва не всегда болото. Процесс заболачивания гораздо сложней. Он связан не только с погодой, но н с гидрогеологией местности. Бывает низина и сухой, если подпочвы проницаемы, а бывают холмы и возвышенные места без застойной воды, но заболочеииые. Неболотные болота, так сказать. Хотите убедиться? Придется пройти еще километр-другой.

Остановились у канавы. По ией неспешно текла вода. На расстояиии двух метров от канавы н близко друг от друга из землн торчали трубы с пробками. Буш открыл первую.

— Скважина пробурена на глубину в два метра. Виднте воду? Постоянный уровеиь в шестидесяти сантиметрах от поверхности. Метровой глубины канава рядом, а вода не уходит. Вот эта труба рядом идет на глубину более двадцати метров. Вода в ией стоит выше уровня почвы. Почему? Не странно ли?

Это действительио не укладывалось в привычные понятия о поведеиии воды. Почему вода выше уровия земли?..

— Пьезометрический эффект,— сказал Буш.— Дело в том, что глубокие водоносные грунты местами выходят к поверхности и здесь разгружаются, создавая неожиданное переувлажненне почв. И губят лес. Мы прослеживаем места разгрузки глубиниых вод в лесу и разрезаем почву канавами, чтобы отвести эту воду. Если же пьезоводы мало н она ие угрожает развитию дерева, иаблюдается н положительиый эффект: вода выносит к поверхности пищу для корней нз глубин. Вот как все не просто. Бнологу нужно, оказывается, зиать н гидрогеологию. Мне в этом отношении повезло... Ведь я работал в Латгипроводхозе, рядом с опытными гидрогеологами.

Помолчав, он продолжал:

— К 1990 году в Латвии практическн будет осушен весь гидромелиоративный лесной фоид. Мы осушаем по 12—14 тысяч гектаров в год. Рижской сосие нужна хорошая земля. Вот так!

Мы уже возвращались, но Буш постоянно останавливался, чтобы рассказать о проблемах, которые важны ие только для Латвии.

— Более трудоемким делом я бы назвал вытесиение из смешанных лесов осины, березы, ольхи, которых еще очеиь много. Раз мы сделали ставку на сосну, будущие промышлеииые леса Прибалтики должны стать одиопороднымн. Наша цель — хвойиый высокопродуктивный лес.

— Принцип однородиости проверен опытами?

— Для наших условий кореиная экосистема — сосна и ель. Посадку ценных саженцев рижской сосны мы проводим только в чистых хвойниках. Нанболее продуктивный лес на наших подзолах должеи выглядеть так: 50 процентов сосны, 30 — ели н 20 процентов лиственных. Береза и осина. Но не больше. И дуб.

— Зачем же дуб? Он так медленно растет...

— Зато когда поднимется, иезаменим для укрощения ураганов. Нам ие так страшны пожары, как штормовые ветры, особенно у берегов Балтики. Дуб надо сажать именно там. И во всех других

местах — полосами, как ветроломные линии. Конечно, размножать надо его не желудями, а крупномерными саженцами, способными быстро прирастать.

— Разве береза не выполнит этой роли? Ее и сажать не надо.

— Очень гибка, она склоняется под ветром и пропускает его, а не ослабляет.

Мы вновь перешли ручей, задержались на мосту, любуясь безбрежностью лесных далей, которые открывались по долине до холма Гайзинькална и до Восточных Видзем, окружающих на севере Алуксненское озеро.

По дороге к машине Каспар Кришович остановился у пробных делянок 163-го квартала. Здесь еще двадцать лет назад на одной части смешанного леса вырубили березовый и осиновый молодняк, оставив только сосну. А на другой части дали расти и сосне, и лиственным породам. Поднялись несравнимые сообщества. На первой делянке стоял высокий, стройный сосняк, он наращивал за каждый сезон по восемь-девять кубометров древесины на гектаре. На второй, многоцветной и отрадной для глаза делянке, где вперемежку стояли и сосны, и березы, осины и ольха, все деревья выглядели более мелкими. В конкурентной борьбе они явно ослабили друг друга. Как же проигрывал этот лес в развитии, в способности связывать солнечную энергию, превращая ее в полезное и нужное нам органическое вещество — древесину!

Всякому свое. Смешанные леса — для парков вблизи городов, для услады и здоровья людей. Однородные хвойные — для промышленного назначения.

Так в своем первом «приказе по ведомству природы» давным-давно распорядилась богиня плодородия Кибела.

Так поступают признающие это мудрое распоряжение современные лесоводы-биологи.

7.

Сосна по-латышски называется priedes.

Это слово широко вошло в историю, быт, название хуторов, поселков, в имена и фамилии. Его корень звучит во многих других словах.

Есть городок Приекуле. Есть станция Приедайне. Фамилия известного писателя Латвии — Гунар Приеде.

До поселка Приедайне от Риги всего десять или двенадцать километров. Как от центра города до Межа-парка, этого изумительного соснового бора в окружении задумчивых озер.

В Приедайне тихо. Даже у станции и в поселке с красивыми дачами, чистыми улицами и асфальтом, уложенным на белый песок. Прогудит редкий неторопливый автобус, на минуту потревожит покой — и снова тишина. Голубое небо мирно просвечивает сквозь ажурную кисею хвои, запах смолы густо висит над песчаной почвой, покрытой толстой лесной подстилкой. Пятна солнца лежат на земле и высвечивают желтые стволы.

Дома среди сосен. Сосны в огородах, на улицах и уж, конечно, по высокому правому берегу широкой Лиелупе, по которой нет-нет да и пробежится ветерок, подымая рябь на темноватой воде.

Все прибрежье, куда достает взгляд, укрыто крупной сосной. Иду полчаса, час, а вокруг только сосны на давно усмиренных дюнах. Иду вверх, вниз, обходя редкие можжевеловые кусты, то и дело дотрагиваюсь до теплых стволов дремлющих сосен н ловлю себя на мысли, что мне очень спокойно, я беспричинно улыбаюсь, на душе тихо и безмятежно, как тихо в пятнистом от светотеней чудном бору, которому, кажется, нет конца н края.

Прнедайне... Сосновая...

В этот бор изредка прорывается запах нагревшегося моря, подсыхающих водорослей, выброшенных прибоем. Там, за протокой,— залив с постоянным упругим ветром. Здесь тишина, нгра процеженного сквозь кроны солнца н хрустящая подстилка хвои под ногами.

На крутой дюне, заросшей вереском, растет сосна-великан, рукастая, неохватная, с темнеющим на отломе дуплом. Мать-прародительница, остановившая когда-то свонмн разлапистыми корнямн подвижной песок и рассеявшая вокруг шишки, нз которых выросли дочки. Они стоят вокруг, как надежная опора старости.

Обхожу крутосклон, беру влево и оказываюсь у протоки. Моря еще не видно, но оно близко, ветер сообщает о нем запахом соленого простора н влаги. На той стороне тоже сосна, серо-зеленое одеяние балтийского берега. И лишь в одном месте сквозь зелень прорываются красные квадратики черепичных крыш.

Солнце бьет в глаза, оно уже низко над бором, над Юрмалой, над катером, идущим вверх по реке. Вечереет. Сильнее запах смолы, краснее в закатном свете сосны, длиннее тени, они уже сливаются в глубине бора в сплошную дымчатую завесу.

Придерживаясь берега протоки, возвращаюсь к поселку. Спокойно на сердце, голова свежа, ничего не тревожит. И так отрадно, словно ты опять молод, полон сил и все самые светлые надежды вот-вот сбудутся.

Мать-природа. Прнедайне...

Быть вам вечно!





РУДОЛЬФ БУРУКОВСКИЙ

КАУРИ — СВИДЕТЕЛИ ИСТОРИИ

Заметки конхиломана

Моллюски... Это очеиь большая группа животных. По числу видов оиа уступает лишь иасекомым. Науке известно сейчас около 126 тысяч видов современных и 45—50 тысяч вымерших видов моллюсков. Миого! Но что возникает в нашем воображении при этом слове: моллюски?.. У одних — образ чего-то скользкого и неприятного вроде слизняка (кстати, тоже моллюска), ползущего после дождя по лесной тропинке и оставляющего за собою влажно блестящую полоску слизи... Другие вспоминают прекрасную раковину, подобную той, которую Константин Паустовский сравнивал с окаменевшей пеной иежиейшего розового цвета. Каждый представляет свое. А я не могу все это разделить.

Среди моллюсков есть всякие: и красивые, и так себе, и просто противиые; полезиые и вредиые; безобидные и смертельио опасные, а многие, между прочим, даже вкусные! Древние говорили: «Habent sua fata libelli» — «Книги имеют свою судьбу». Я хочу сказать: «Habent sua fata conchi». Моллюски и их раковины тоже имеют свою судьбу. И я — человек к ним неравнодушный — не перестаю поражаться: каким удивительным образом, казалось бы, самая простая раковина может воздействовать иа человеческие умы, отражаясь в истории, фольклоре, искусстве, языке! А если я для вас ие авторитет, то позиакомьтесь с мнением других. Выдающийся современный математик Г. Вейль, говоря о раковине Турриτелы, восклицает: «Поистине замечательио, насколько точно ширина следующих одии за другим витков этой раковины подчиняется закону геометрической прогрессии!» Как видите, можно «поверить алгеброй гармонию» и, ие разрушив при этом ее очарования, лишний раз изумиться тому, как за бесконечной изменчивостью форм живой природы скрываются строгие законы. А вот что пишет Карел Чапек: «Чудесиа и величествеииа природа, и я, иеутомимый паломник по картиниым галереям и музеям изящных искусств, должен признаться, что наибольшее наслаждение я получил от созерцания раковин и кристаллов в Естественноисторическом музее». И далее: «...раковииы лучше всего, потому что вид у них такой, будто игривый дух божий, вдохиовленный собственным всемогуществом, сотворил их для своего развлечения. Розовые и пухлые, как девичьи губы,

пурпурные, янтарные, перламутровые, черные, белые, пестрые, тяжелые, как поковка, изящно-филигранные, как пудреница королевы Мэб, гладко обточенные, покрытые бороздками, колючие, округлые, похожие на почки, на глаза, на губы, стрелы, шлемы и ни на что не похожие, они просвечивают, переливаются красками, как опалы, нежные, страшные, не поддающиеся описанию... Когда я проходил затем по сокровищницам искусства, осматривал коллекции мебели, оружия, одежды, резьбы, фарфора... я снова видел: чудесна и величественна природа. Все это те же раковины, но возникшие по иной божественной и необходимой прихоти. Все это создал нагой мягкотелый слизняк, трепещущий в творческом безумии... Так будьте же подобны природе: творите, творите прекрасные, удивительные вещи с бороздками или витками, пестрые, прозрачные. Чем больше вы будете творить, тем ближе вы будете к природе. Нет ничего величественнее природы!» По-моему, к этому нечего добавить!

Я часто по делу и без дела открываю свой коллекционный шкаф, выдвигаю ящик за ящиком и в который раз уже пересматриваю свою коллекцию. Когда коллекционируешь достаточно долго и когда твоя коллекция из средства занять свободное время превращается в часть твоей жизни, каждая из ракушек обзаводится чем-то вроде шлейфа из коротких или длинных историй. И, открывая ящик за ящиком, я выпускаю их на волю, и передо мною встают картины, виденные мною самим на африканских берегах, всплывают слышанные и читанные истории. Каждый раз я словно открываю их заново. Их много. И несколько таких историй, найденных мною в коллекционном шкафу, я и хочу вам предложить.

...На базарной площади Ломе — столицы республики Того возвышается странное здание. Почему оно странное, я понял не сразу. Только потом до меня дошло, что в многочисленных оконных проемах нет стекол, и, хотя сквозь них видно было, что внутри буквально кишат люди, здание производило впечатление нежилого, особенно по контрасту с бурлящим вокруг многоцветным африканским базаром. Но оказалось, что базар продолжается и внутри здания. Мы убедились в этом сами. Там тянулись бесконечные ряды мелочных лавчонок. Чего там только не было! Мы шли, шли, и глаза разбегались! И вдруг... На прилавке перед дебелой красавицей африканкой лежит куча ракушек. Это были раковины типичной обитательницы мелководий Индийского и Тихого океанов — монетарии монеты. Бросались в глаза рядом с новехонькими ракушками, сверкающими как будто полированными боками, побелевшие и ставшие даже пористыми от старости экземпляры. Через сколько рук они прошли? Наверное, никто и никогда не сможет сказать.

Вот история ракушек лишь одного вида — монетарии монеты. За свои несколько тысяч лет она самым причудливым образом переплелась с историей многих народов. И честное слово, заслуживает целой книги. Но вот несколько ее фрагментов.

Далекая от моря провинция Северо-Западного Китая Ганьсу. Здесь эти раковины были известны уже несколько тысяч лет назад. Их находили и в местах древних поселений, и в более поздних захоронениях вместе с медными предметами и бусами из мрамора и

полудрагоценных камней. Они встречались в таких количествах, что заставили даже скептиков поверить в существование уже в те времена проторенных торговых путей из Ганьсу к морскому побережью, где обитают эти моллюски. Популярность монетарии монеты в Китае была так велика, что еще в бронзовом веке ракушка получила свое воплощение в искусстве. Изготовлялись, например, целые ожерелья, но не из раковин, а из золотых изображений в натуральную величину. Монетарии в течение нескольких тысяч лет составляли непременную деталь в орнаментальной росписи на керамической посуде Ганьсу. Но мало этого. Именно здесь еще за полторы тысячи лет до нашей эры их стали использовать в качестве меновой единицы. Раковины добывали на островах Рюкю и морем везли в Китай. Позднее они проникли в том же качестве в Корею и Японию. О том, какое значение монетария монета играла в повседневной жизни Китая на протяжении двух с лишним тысяч лет, красноречиво говорит, например, наличие в письменности этой страны двух специальных иероглифов. Они возникли еще в старокитайской письменности во времена династии Шан и назывались «пей». В современном китайском языке эти иероглифы являются корнями более чем двухсот слов, охватывающих круг понятий, связанных с деньгами, куплей, продажей и другими терминами торговли и денежного обращения.

Когда к началу нашей эры в Китае появились медные деньги, они стали вытеснять ракушки. Однако и в конце XIII века Марко Поло писал о провинции Юньнань: «Вместо денег у них в ходу белые морские раковины, те самые, что вешают собакам на шею. Восемьдесят таких раковин равняются одному серебряному сайе или двум венецианским грошам». Кстати, в провинции Юньнань монетария в качестве средства оплаты продержалась до конца XIX века.

В Индии монетария монета получила имя «каури», под которым теперь известны среди коллекционеров и остальные представители ее обширной родни. Появившись в Индии и прилегающих к ней районах еще до начала нашей эры, наибольшее распространение каури получили между IV и VI веками. Их ввозили с Мальдивских островов и с берегов Персидского залива. Постепенно стоимость каури падала. В середине XIX века в глубинных районах Индии несколько тысяч каури равнялись одной рупии.

Везде, где обесценивались каури-деньги, эти ракушки использовались для изготовления украшений, в частности сбруи слонов, верблюдов, лошадей и ослов.

Именно в этом качестве каури — местное название «вад» — были популярны у арабов. Их так и называли: «ослиные ракушки». Саади писал:

> Если б жемчуга звенели в каждой капельке капели,
> Сонмы ракушек ослиных на дорогах бы блестели.

И среди прочего товара везли караваны в своих вьюках множество каури. Одни из них шли из Ормуза (существовавшего когда-то на побережье Персидского залива большого портового города) к южному побережью Каспийского моря, в порт Мазендеран. Там их перегружали на суда, плывущие на север, к устью Волги, в город Итиль. Оттуда каури везли вверх по Волге, до Булгар — столицы

Булгарского государства, располагавшегося недалеко от устья Камы, где нх перекупали славяиские купцы. Онн плыли на своих лодках вверх по реке до системы волоков н добиралнсь до самой реки Волхов. А оттуда — прямой путь на Балтику и остров Готланд, имевший самые шнрокие связи со всей Европой. Стоит ли удивляться, что каурн находили в захороиении скандинавской принцессы раннего средиевековья н что в обычае мастеровых по всей Западиой Европе было обшивать фартуки этими ракушками?

Кстатн, в Древней Русн каури знали очень хорошо. И пусть ие подумают прочитавшие в повести Н. С. Лескова «Зверь» о том, как барин садится «...на седло, покрытое черною медвежьею шкурою с пахвамн н паперсями, убранными бирюзой н зменными головками», что речь идет действительно о змеях. Так, а еще ужовками, жуковинами или жерновками на Руси называли каури. Популярность была не случайиой. В так иазываемый безмонетиый пернод (XII—XIII века) имевшие хождения на Руси монеты (главным образом арабские серебряные днрхемы *, или куфические монеты, как их еще называли) стали исчезать из обращения. Их превращали в слитки — гривны, а поступленне новых монет прекратилось. Ввоза других зарубежных монет тоже не было, и в торговле пнобрели значеине валюты наряду с шиферными пряслицами каурн. Онн надолго заменили деньги на севериой Руси. Еще и сейчас их находят в погребеииях новгородской н псковской земель, а также в своеобразных кладах, иногда вместе с куфическими монетами. И так продолжалось до второй половины XIV века, когда в денежное обращенне вернулась металлнческая монета.

Другие караваны арабских купцов в теченне нескольких сотен лет шли через Персню, Аравийский полуостров, Египет до Судана, откуда затем направлялись на юг и на запад. Там, на берегу реки Нигер, в 1180 году возник крупный центр торговли — город Томбукту, лежавший иа перекрестке множества торговых путей. Так каурн стали завоевывать область озера Чад н рекн Нигер. Сиачала нх охотно брали на украшения, а в конце концов раковины монетарии монеты стали опять средствамн платежа, «валютой».

В XIII веке привезенные с берегов Персидского залнва ракушки стали грузнть на венецианские суда в портах восточного Средиземноморья и доставлять в Марокко. Оттуда нх несли верблюды по зиаменитому караванному пути через Сахару, вместе с не менее зиаменитой сахарской солью — в Томбукту н в страны бассейна Нигера.

Когда иа сахарных плантациях Нового Света понадобилась рабочая сила, начался своеобразный бум. Купцы словно обезумели. Онн по дешевке скупалн мальдивские каури на месте их добычи, везли в Гвинею, скупали рабов н переправляли их в Америку.

В Цеитральной н Западной Афрнке имела хожденне монетарня монета. В то же время на восточном побережье Африки была широко нзвестна монетария аннулюс. Правда, она не служила средством оплаты. На острове Занзнбар из нее делали украшения. В Уганде для этого же нспользовали снизки из каури по сто штук в каждой. Но в середине XIX века французскне н гамбургские купцы

* Дирхем — старинная арабская монета, равнялась 2,97 грамма чистого серебра, чеканилась с 695 года. Дирхем применялся в торговле арабов с другими странами, в том числе с Древней Русью в IX—XIII веках.— *Прим. ред.*

ввозят этот вид каурн в Гвинею, н с неожиданным успехом. Добыча его была дешевле, чем на Мальдивскнх островах, да и путь от Заизнбара до мест сбыта — в два раза короче.

Вот несколько цифр. В старых торговых книгах указывается, что в 1721 году с Мальдивских островов в Афрнку вывезли 150 миллионов раковин, в 1800 году — 950 миллионов, в 1858 году — с одних лишь Филиппин больше миллнарда раковин монетарии аннулюс! Всего в течение XIX века в Западную Африку ввезли по меньшей мере 75 миллиардов ракушек общим весом 115 тысяч тонн. Если уложить их рядком вдоль экватора, онн бы 37 раз обернулись вокруг Землн или четыре раза протянулись бы от Земли до Луны.

Непрерывный ввоз раковин на западное побережье Африки не мог не сказаться на «курсе» каурн. Одно время они вполне официально сопоставлялись с европейской валютой. Так, в XIX веке в Камеруне сто каури прнравнивались к одному пфеннngу. Но затем стонмость каури стала неуклонно падать, и это длилось до тех пор, пока онн не потерялн полностью значенне средства оплаты. И сейчас лнщь в отдельных местах ранее столь обширных областей Западной н Центральной Африки (страна Хауса в Нигернн, в некоторых местах Заира н Анголы) каурн сохранили слабую тень своего значения. Теперь онн непременный атрибут сказок. Фольклор да сохраннвшнеся ритуальные н танцевальные маски, украшенные орнаментом из каури,— вот все, что напомнnает о былом нх значеннн в жнзнн многих народов. И красавица на рынке Ломе продает нх поштучно и горстями на амулеты, украшения любителям и на потребу многочисленных гадалок. Они сидят на базарной площадн и, если захотнте, с помощью каурн за гроши предскажут вам все что угодно...

Трудно выбрать немиогое из моря былей и небылиц, сказок, поверий, анекдотов н даже стихов, которые посвящены ракушкам! Я вытаскиваю из шкафа и просматриваю ящик за ящиком... Вот мурексы, одновременно н строгне, и причудливые по своим очертаниям. Средн них — скромный мурекс брандарнс. Я купил трн раковины этого вида на рынке в Неаполе, выбрав из большой кучи. Она шевелилась, н я представил себе кучи брандарнсов где-нибудь в приморском античиом городе, Финикии илн Древнем Риме. Ударами камня раковину разбивают (любой конхиломан, я уверен, прн этом вздрогнет), мясо освобождают от осколков н бросают в котел. В нем будут варнть драгоценную краску пурпур. Для получения одного грамма краски нужно десять тысяч моллюсков! Когда Александр Македонский захватил в городе Сусе сокровищницу персидских царей, в ней нашли десять тонн пурпура. Любители арифметики могут сами подсчитать, сколько миллиардов раковин для этого понадобилось!

Но зато ткани, окрашенные пурпуром, не выцветали по 200 лет. И Тит Лукреций Кар недаром писал:

> Раковин пурпурных сок сочетается с шерстью столь тесно,
> Что никогда от нее отделиться он больше не может.
> Как бы ты шерсть отбелить ни старался потоком Нептуна,
> Даже все волны морей не отмоют пурпуровой краски.

Следующий ящик. Вот лежит раковина, которую в Индии называли чанк, панчаянья, валамнури, в Тибете — дунгхор, дун-карей-чил, в Китае — ю-суань-бай-лэй, а по-латыни — турбинелла пирум. Ее редкие левозавернутые особи — один из священных символов бога Вишну. А рядом с ней лежит раковина, в норме левозавернутая: карибский бусикон контрарнум. Он чем-то, хотя и гротескно, напоминает турбинеллу. И не зря голландцы когда-то ввозили их в Индию, а местные жители, не разбиравшиеся в систематике моллюсков, простодушно принимали их за левозавернутый чанк и платили немалые деньги!

В этом же ящике — харония нодифера — труба Тритона греческой мифологии, туманный горн греческих рыбаков, букцина римских войск. Рассказывают, что легендарный Минос, желая вернуть себе бежавшего от него и скрывавшегося великого мастера Дедала, разослал по всей ойкумене гонцов с харониями. Они предлагали всем желающим задачу: продеть нить сквозь все извивы раковины. Минос не без основания считал, что лишь хитроумному Дедалу это под силу. Царь надеялся, что он не сможет устоять перед такой головоломкой и выдаст себя. Так и случилось. Дедал «смоделировал» Кносский лабиринт и Тезея в нем: взял муравья, привязал к нему нитку и пустил внутрь раковины. Козявка пробежала насквозь, протащив за собою нить.

Следующий ящик. Конусы. Правильность их геометрической формы поначалу даже шокирует. Но при почти абсолютном геометрическом подобии как разнообразна их окраска и размеры — от малютки конуса кокцинеллы с Новой Каледонии до гиганта конуса прометеуса с побережья Западной Африки. А рядом с ними — грозный конус географус. Его укус смертелен для человека. И из его раковины делают свои деньги жители архипелага Бисмарка.

А вот кусок дерева, изъеденный шашнем. Этот моллюск, которого иначе называют корабельным червем, известен с давних пор! «Summa calamitas navia» — «Наивысшее бедствие кораблей» — так охарактеризовал его Карл Линней. О нем писали такие знаменитости древности, как Витрувий, Колумелла, Плиний, Теофраст, Полибий, Аристофан, Цицерон и Овидий. И не так давно о нем писал Константин Паустовский в повести «Черное море».

Последний ящик (а сколько я пропустил!)... Ципреи. Овальные, сверкающие своей фарфоровидной поверхностью. Как бы исписанные таинственными письменами арабики, похожие на птичье яйцо турдусы. (Быть может, их в средневековой Японии называли коясугай — «раковина, помогающая при родах». Женщины во время родов держали раковину в руке, веря, что она сохранит жизнь ей и ребенку).

А вот эта голубовато-серая, с парными черными пятнышками у переднего и заднего краев раковины... Ципрея лурида. Она похожа на какую-то неведомую зверушку. У женщин античного Средиземноморья лурида считалась священной, женской ракушкой. Верили, что она предохраняет от бесплодия. И звали ее и некоторые другие виды ципрей ласково: порцелла, порцеллета, то есть свинка. И не зря, когда Марко Поло привез из Китая фарфор, итальянцы назвали его порцелланом. Так и зовет его на разных языках — итальянском, французском, немецком, польском, английском и т. д. — почти полмира!

Я беру в руки ципрею пантерину, жительницу Красного моря и Восточной Африки. Вот уж кого не обидела судьба человеческим вниманием! Она служила талисманом еще 4000 лет назад в Древнем Египте. Ее находят в захоронениях времен Древнего Рима по всей Европе: во Франции, Швейцарии, Южной и Северной Германиях, Австрии, Англии и Польше. Я сам держал в руках осколок, найденный в Крыму среди развалин Пантикапея. Находили пантерину и во время раскопок древнего Мерва в Средней Азии. В Древней Греции она считалась священной раковиной Афродиты, в Риме — Венеры, а в Карфагене — богини Танит.

Подумать только, через сколько рук должны были пройти эти раковины, чтобы проникнуть столь далеко от мест своего обитания! В Древнем Египте с ее помощью делали папирус, а в средние века, как пишет знаменитый Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмед аль-Бируни, их называли «минкаф» и подвешивали на шею лошадям или лощили ими золото.

А вот... но поставим ящик на место и закроем шкаф. Потому что нет конца этим историям! Кто же виноват, что среди тех бесчисленных ниточек, тянущихся из глубин веков и сплетающих вокруг драматической истории человечества тонкое кружево былей и небылиц, найдется не одна, связанная с раковинами.





НИКОЛАЙ ДРОЗДОВ,
АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

ГОЛУБОЕ ОКО СИБИРИ

Очерк

Слово о Байкале

Это озеро сегодня нзвестно всему миру. Байкал неповторнм, подобного ему не найти на всей планете.

Русские землепроходцы появились на берегах Байкала в XVII веке. История сохраиила нх имеиа. Первым вышел к священному морю Курбат Иванов. Его товарищ Семен Скороход обогнул Байкал.

Роясь в книгах, мы иашлн такую запись: «Лежит Байкал, что в чаше, окружен каменнымн горамн, будто стенамн». Это нз записок Николая Спафария, русского посла в Китае. В 1675 году по пути туда он сделал остановку у озера н был очарован его величнем, первозданной красотой. Яркие строкн об Огиеиином море иа Руси оставил неистовый бунтарь и пламеиный публицист XVII века протопоп Аввакум.

Позже у озера побывают многне путешественники, назвавшие Байкал «самым прекрасным н самым дорогим украшеннем России», «бриллнаитом чистейшей воды в коре Землн», «священным морем Снбирн».

Немногне озера мнра привлекалн столь прнстальное внимание учеиых. Одни из байкаловедов, Мнхаил Михайлович Кожов, незадолго до смерти (в 1968 году) писал: «Байкал должен быть сохранен для будущих поколений как неповторнмое явленне нашей планеты».

Неповторнмое явлеине... Вспомним, что это самое глубокое пресное озеро. Глубина его — 1620 метров. Таких глубин ие имеют н многне моря. Здесь сосредоточена пятая часть всего мирового запаса пресной воды, восемьдесят процентов в нашей стране. И какой воды! Сквозь тридцатиметровую ее толщу видны каждый камешек, каждая рыбка.

Поразнтельно н то, что если большинство озер земного шара существует не более 15 тысяч лет, то возраст Байкала 25—30 миллионов лет. За это время здесь появился и развился богатейшнй животный мнр. Известно более 1800 видов животных, обитающих в озере, причем трн четверти их — эндемики, то есть нигде более не встречаются. Самобытность байкальской фауиы такова, что ее выделяют в особую, байкальскую, зоогеографнческую подобласть.

Усилившаяся в последнее время хозяйственная деятельность близ озера стала сказываться на чистоте его вод, на жизнедеятельности уникальной фауны. Немало тревожных сигналов появилось в прессе. В защиту озера выступили ученые, представители общественности. Для всестороннего изучения Байкала был создан Лимнологический институт Академии наук СССР.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР в сентябре 1971 года приняли известное постановление «О дополнительных мерах по обеспечению рационального использования и сохранению природных богатств бассейна озера Байкал».

Многое на Байкале уже изменилось к лучшему. Но до конца проблемы охраны озера все еще не решены. Поэтому в Основных направлениях, принятых XXVI съездом партии, записано: «Продолжить работу по охране и рациональному использованию уникальных природных комплексов, прежде всего Байкала».

Недавно съемочная группа Центрального телевидения совершила путешествие по озеру. Нас интересовала жизнь уникального животного мира самого озера и прилегающих к нему земель.

Край звериных троп

Первую поездку мы совершили в Подлеморье. В прошлом это одно из самых труднодоступных мест на Байкале. Здесь, на северо-востоке, между центральным гребнем Баргузинского хребта и побережьем, раскинулся край горной тайги, ледниковых озер, непроходимых зарослей кедрового стланика, звериных троп. В этих местах расположен старейший заповедник страны — Баргузинский.

От столицы Бурятии города Улан-Удэ до поселка Давша — центральной усадьбы заповедника — два часа лета. Летим полчаса, а озера не видно. Под нами, как в песне, «зеленое море тайги». Просим пилота приблизиться к кромке берега. Теперь в поле зрения три цвета: голубой — озеро, желтовато-белый — узкая полоска прибрежного песка и зеленый — таежные просторы. Противоположный берег Байкала закрыт утренней туманной дымкой. Поразила пустынность озера. До районного центра Усть-Баргузина не встретили ни одного суденышка.

— Весна в этом году затяжная,— заметил штурман,— еще неделю назад, в конце мая, по озеру плавало немало льдин. Вот только-только растаяли.

Мы поняли, что растаяли и наши мечты поплавать в Байкале.

Вот и Давша. Пока садились, насчитали около трех десятков домов. Поселок раскинулся на берегу Давшинской бухты. С двух сторон горбятся лесистые мысы. Место глухое и очень живописное.

Директор заповедника Геннадий Андреевич Янус провел нас в гостиницу — рубленый деревянный дом, в котором нам предстояло провести несколько дней. Во дворе под вековым кедром — деревянный навес и небольшая печурка.

— Здесь будете готовить еду,— пояснил директор,— а за водой придется ходить вон по той тропе к Давшинке. В этой речке весь поселок берет воду.

Мы просто мечтали пожить вот в таком деревянном доме на берегу Байкала, чаевничать под кедром и слушать звуки первоздан-

ной природы. Уже через полчаса под звонкий треск смолистых поленьев на печурке засвистел чайник.

Обжигая губы об алюминиевые кружки, пьем душистый чай с какой-то таежной травкой, которую принес Геннадий Андреевич. Он рассказал, что сибиряки вместо обычного чая в кипяток бросают смесь различных трав, добавляя листья смородины или малины.

Неожиданно наш оператор Борис Павлов поставил кружку на стол, осторожно взял кинокамеру, которая у него всегда под рукой, и стал подкрадываться к дому. Что такое? Он заметил гнездо трясогузки под окном. Родители прилетели и стали кормить птенцов.

— Раз вы начали съемки,— встал из-за стола и Геннадий Андреевич,— я вам покажу семью бурундуков. Они живут вон у тех поленьев. Если посидеть несколько минут затаившись, зверьки наверняка появятся.

Борис так и поступил. Вскоре бурундуки вылезли из укрытия, и ему удалось снять зверьков крупным планом. Это настоящие таежные жители. В заповедном поселке ко всем животным отношение бережное, и они не боятся селиться рядом с человеком. Вот так, с первых минут пребывания в Баргузинском заповеднике, мы стали знакомиться с его обитателями.

Директор рассказал, что здесь немало лосей, маралов, белок, северных оленей. Довольно много хищников — бурых медведей, лисиц, росомах. Встречаются колонки, горностаи, черношапочные сурки. Около сорока видов зверей обитает на заповедной земле. Обилие здесь и пернатых. Но прославились эти места главным образом благодаря баргузинскому, или подлеморскому, соболю.

Соболь Подлеморья

Во всем мире соболей издавна называли русскими, потому что только наша страна располагает промысловыми запасами этого ценного пушного зверька. Он бывает окрашен по-разному: от светло-коричневого до угольно-темного цвета. Больше всего ценится темный соболь. Именно такой обитает в Подлеморье.

В истории соболиного племени немало драматичных страниц. К началу нынешнего века зверька почти полностью выбили по всей Сибири. Над ним нависла угроза исчезновения как вида. Неотложно требовалось запретить охоту на него. В 1916 году для его охраны и был организован Баргузинский заповедник. В то время на территории заповедника обитало всего около трех десятков этих зверьков. Именно Баргузинскому заповеднику соболь обязан своим возрождением. Отсюда он стал расселяться по тайге. Немало зверьков перевезли в другие районы страны.

Повадки, жизнь соболей, способы их отлова в заповеднике знают многие. Главным специалистом считают Евгения Михайловича Черникина, старшего научного сотрудника. Он защитил кандидатскую диссертацию на эту тему. Ученый живет в заповеднике более пятнадцати лет и за эти годы исколесил подлеморскую тайгу вдоль и поперек.

Мы попросили его показать места, где обитает соболь. Нас интересовало, как ученые отлавливают и метят этого шустрого и ловкого зверька.

Евгений Михайлович со своим помощником Вениамином Петровичем Трониным согласился отловить при нас несколько соболей, хотя и предупредил, что дело это не простое. Можно ходить по тайге несколько дней и не повстречать ни одного соболя.

Ранним утром отправляемся в путь. Ученые уходили в тайгу, как говорится, во всеоружии. Взяли «кошки» для лазанья по деревьям, широкий пояс. С ними были две лайки — без них обнаружить соболя почти невозможно.

Передвигаться по тайге под силу лишь хорошо тренированным людям. Наше счастье, что из-за поздней весны еще не появились тучи гнуса. Часто останавливаемся, отдыхаем. Евгений Михайлович рассказывает о повадках соболя.

— Говорят, что он панически боится человеческого жилья? Может, поэтому его видят немногие?

— Это не так. Если соболя не преследовать, не пугать, он не будет сторониться человека, его жилья. Зимой рядом с нашим поселком видели следы зверьков. Нередко они подходят и к таежным зимовьям.

— Бывало, рыбу зимой на Байкале ловишь,— добавил Вениамин Петрович,— чуть зазевался — соболь тут как тут, подкрадется сзади, прямо у лунки добычу ворует.

Пока мы бродили по тайге, наши лайки часто обнюхивали поваленные деревья. Директор заповедника уловил наши вопросительные взгляды.

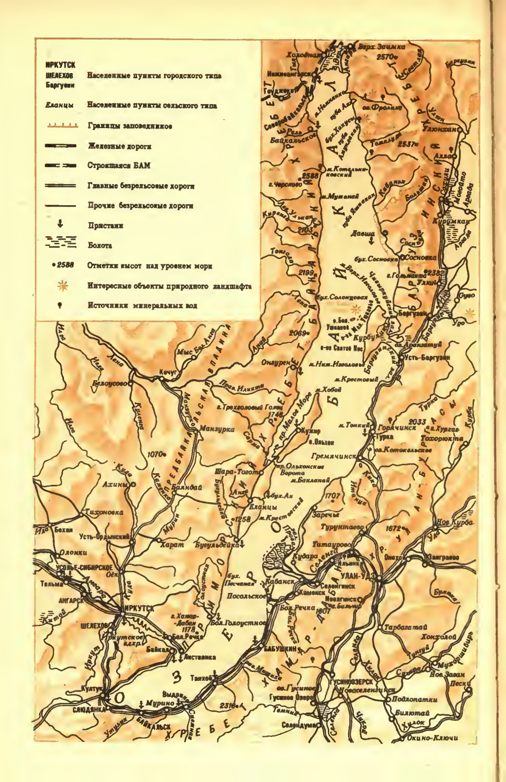
— По тайге соболь обычно передвигается низом,— пояснил Евгений Михайлович.— Он — барин, по колодинам ходит. На деревья забирается редко, но удивительно ловко шныряет среди камней и бурелома.

На этот раз нам не повезло. В то утро соболя мы так и не обнаружили, а тащить тяжелую съемочную аппаратуру в тайге с непривычки нелегко. Наши силы были на исходе. Пришлось расстаться с ловцами соболей. Мы вернулись в поселок, а ученые отправились дальше. На следующий день Черникин сообщил, что им удалось поймать двух соболей. Вернулись ученые поздно ночью, но с добычей. Эта новость очень обрадовала нас, хотя сам процесс отлова, к сожалению, снять не удалось. Черникин рассказал, как это происходило. Собаки обнаружили зверьков и загнали их на дерево. С соседнего дерева ловцы с помощью капроновой петли на палке и добыли соболей.

Но вот зато мечение, взвешивание, обмер и выпуск в тайгу мы смогли запечатлеть на кинопленке. Место съемок искали недолго, вокруг поселка — тайга. На берегу Байкала облюбовали просторную поляну. Стеной к ней подступали вековые кедры. Черникин одобрил: место отличное, соболиное. Здесь можно метить и выпускать зверьков. Развязали один полотняный мешочек. Из горловины вынырнула хищная мордочка. Ученый крепко держал зверька, чтобы тот не выскочил из мешочка.

— У них сейчас летний мех,— заметил Евгений Михайлович.— Он короткий, и соболь выглядит не очень-то красиво. Зимой он совсем другой.

Соболей взвесили, каждый потянул чуть больше килограмма. Оказывается, баргузинский соболь — один из самых мелких. Взрослые самцы весят около 1,2 килограмма.


ИРКУТСК
ШЕЛЕХОВ
Баргузин
Населенные пункты городского типа
Еланцы
Населенные пункты сельского типа
Границы заповедников
Железные дороги
Строящаяся БАМ
Главные безрельсовые дороги
Прочие безрельсовые дороги
Пристани
Болота
2588
Отметки высот над уровнем моря
Интересные объекты природного ландшафта
Источники минеральных вод
Верх. Заимка
Холодная
Нижнеангарск
Северобайкальск
Гоуджекит
Байкальское
Томпуда
Улюнхан
Курумкан
Сосновка
Баргузин
Усть-Баргузин
Кочуг
Белоусово
Мансурка
Онгурен
Ахины
Баяндай
Тихоновка
Бехан
Усть-Ордынский
Харат
Баргузей
Еланцы
Шара-Тогот
Хужир
о. Ольхон
Гремячинск
Горячинск
Турка
Турунтаево
Татаурово
Онохой
Заиграево
Кабанск
Каменск
Селенгинск
УЛАН-УДЭ
Посольское
Бабушкин
Танхой
Выдрино
Мурино
БАЙКАЛЬСК
СЛЮДЯНКА
Култук
Байкал
Листвянка
ИРКУТСК
ШЕЛЕХОВ
АНГАРСК
УСОЛЬЕ-СИБИРСКОЕ
Тельма
Олонки
ГУСИНООЗЕРСК
Новоселенгинск
Подлопатки
Билютай
Окино-Ключи
Селендума
Тарбагатай
Хонхолой
Мухоршибирь
Кудара
Ильинка
Зарeчье
Бол. Голоустное
Бол. Речка
Кяхта
ХРЕБЕТ ХАМАР-ДАБАН
ХРЕБЕТ УЛАН-БУРГАСЫ
БАРГУЗИНСКИЙ ХРЕБЕТ
БАЙКАЛЬСКИЙ ХРЕБЕТ
ПРИМОРСКИЙ ХРЕБЕТ
ЛЕНО-АНГАРСКОЕ ПЛАТО
ПРЕДБАЙКАЛЬСКАЯ ВПАДИНА
ОЗЕРО БАЙКАЛ
о. Бол. Ушканий
о-ов Святой Нос
пр. Малое Море
м. Котельниковский
м. Хобой
м. Крестовый
м. Тонкий
2570
2537
2282
2199
2103
2069
2033
1746
1707
1672
1607
1258
1178
1070
2316

Оба зверька хорошо перенесли довольно болезненную операцию — мечение. Теперь правое ухо каждого украшала легкая голубая метка из пластика. Добыв соболя, охотник обязан вернуть метку в заповедник. Почти каждая третья метка попадает к ученым.

— Евгений Михайлович, сколько вы окольцевали соболей?

— Уже более трехсот. По номеру меток всегда можно определить, где и когда зверек был пойман, какое расстояние преодолел за это время.

— Далеко уходят соболя отсюда?

— Судя по поступившим к нам меткам, до двухсот километров. Возможно, зверьки мигрируют и дальше. Благодаря мечению мы узнали, что соболь может быть кочевником, но может вести и оседлый образ жизни. Некоторые соболи жили на одном месте лет по десять, другие уходили за пределы заповедника в первый же год. Это зависит прежде всего от кормовой базы. Места здесь суровые. Численность грызунов — основного корма соболя — колеблется. Не каждый год бывает урожайным и для кедра — тоже любимой еды соболя.

— А сколько всего зверьков в заповеднике?

— По нашим подсчетам, около тысячи. Это, конечно, немного. Несколько лет были неурожайными для кедра, а численность грызунов низкой. Мало стало и соболей. Но в последнее время урожай кедровых шишек и ягод хороший, увеличилось количество мышевидных грызунов. Надо полагать, и соболя будет больше.

Пора выпускать пленников. По просьбе оператора Вениамин Петрович стал медленно доставать соболя из мешочка, чтобы успеть заснять всего зверька, а не одну голову. На какое-то мгновение ученый потерял контроль над соболем, и тот прокусил палец и острыми коготками оставил кровавую борозду на руке. Но Вениамин Петрович только обронил:

— Очень быстрый, ловкий зверек. Чуть зазевался — цапнет.

Очутившись на траве, соболь долю секунды стоял неподвижно, словно раздумывал, что ему делать, затем в несколько прыжков черной молнией шмыгнул в кусты и исчез в тайге. За ним последовал и другой зверек.

Черникин сказал, что всего в нашей стране от 700 до 750 тысяч соболей. Это немало, но тем не менее Евгений Михайлович назвал положение тревожным. Дело вот в чем. Официально в нашей стране добывают 160 тысяч соболей каждый год. По подсчетам ученых, это допустимо и соболиное поголовье в состоянии выдержать подобный «пресс». Но ведь существует такое явление, как браконьерство, достигшее, к сожалению, значительных размеров. Поэтому поголовье соболя находится под угрозой. Кроме того, промышляют его неравномерно. Например, в Западной Сибири добывают гораздо больше допустимого. По мнению Черникина, следует переместить центр его добычи в Восточную Сибирь. А в некоторых местах нужно снова запретить охоту на этого пушного зверька.

На южном кордоне

Как правило, границы заповедника обозначены кордонами, где живут лесники, выполняющие основную работу по охране заповед-

ной территорни. Однн нз дней мы решили провести на таком кордоне. Директор заповедника посоветовал побывать на южном.

— Езжайте к Свиридовичу, он любит прнннмать гостей. Думаю, останетесь довольны.

Южный кордон от поселка Давша в тридцатн километрах. Туда можно добраться только на катере. Невольно вглядываемся в глубину вод озера: чистое ли? Да, чище не бывает. Хорошо видно дно с россыпью белых камней, стайкн черных харнусов и других рыб.

Катер отошел от берега километра два. Взгляду открылась удивнтельная панорама первозданной природы. Ннкакимн словамн не опнсать эту красоту: заснеженные пики Баргузннского хребта, массивы горной тайгн, плотной стеиой подступающей к берегу. Шнрокне песчаные пляжн и вольные просторы озера-моря пустынны и потому кажутся таинственными. От этих пейзажей невозможно оторвать глаз. Так вот он каков, Байкал! Нужно увидеть н почувствовать самому это чудо прнроды.

Обычно воздают хвалу байкальской воде. Это справедлнво, но нельзя забывать и о другом чуде снбнрского моря — воздухе. Он чист н прозрачен, напоен ароматом кедровой смолы н разнотравья. Вдыхаешь его полной грудью н не можешь надышаться.

Часа через два катер развернулся н направился к берегу, где виднелось несколько деревянных строений. Это н был южный кордон Сосновка. К воде спускался его хозяин — Иван Свнридович Оробцов. Он встретил нас иа речном катере метрах в ста от берега, провел средн береговых отмелей н показал, где бросить якорь.

Кордон Сосновка когда-то был админнстративным центром заповедиика. Сейчас иедалеко от дома лесника стонт мемориальиая плита с надписью: «Здесь 1 июня 1914 года высадилась экспедиция в составе Г. Г. Допельмаира, К. А. Забелина, З. Ф. Сватоша, А. Д. Батурнна, Д. Н. Александрова. Результатом этой экспеднции явилось учрежденне в 1916 году Баргузинского соболиного заповедиика, ныие Баргузниского государственного заповедника».

Иван Свиридович — могучего сложения бородач. Он почти на голову выше всех нас, стройный, легкий в движении. Никогда н не подумаешь, что ему шестьдесят. Ои сразу расположил к себе доброй улыбкой, нскрящимися голубыми глазами. Живут онн с женой Евдокией Ивановной иа кордоие уже десять лет, а до этого Иван Свиридович проработал тринадцать лет лесником в Алтайском заповеднике. Он коренной сибиряк, дело свое хорошо знает н любит.

В Сосновке побывало иемало гостей, в том чнсле зарубежных. Много фотографнровали хозяина кордона. Немало снимков в разных изданиях, которые высланы ему на память. Норвежский н японский журиалы посвятили Ивану Свнридовичу красочные развороты: вот ои рубит дрова, косит траву, готовит баню, обходит свой участок.

Работники Центрального телевидения в Сосиовке впервые. Мы объясняем Ивану Свиридовичу, что хотим отобразить на пленке день лесника, обычный рабочий день. Он соглашается, и мы отправляемся в путь. Труд лесника не нз легких. Ежедневный обход довольно большого участка имеет цель учета животных. Но главное — охрана заповедной земли от всякого рода нарушителей, любителей легкой поживы. Не раз оружие браконьера было направлено в сторону лесника. К счастью, все пока обходилось благополучно.

В ведении лесника иемало горных озер, богатых рыбой. Их тоже иужно охранять от браконьеров. Прошли мы с ним н таежными тропами. Видели следы крупных зверей, чаще всего лосей. Под иебольшим кедром Иван Свиридович иашел огромный лосиный рог.

— Иван Свиридович, когда лось сбрасывает рога?

— Чаще в январе. Он чешет рогом о ствол дерева. Видите, глубокие борозды на стволе? Вот здесь был и уронил одии рог. А другой уиес куда-то.

— Можно определить возраст лося?

— Примерно—по числу отростков. Здесь их двеиадцать, добавьте еще года два. Стало быть, зверю около четырнадцати лет. А вот здесь рог погрызен. Это угощался медведь. Когда рог грызут мыши, они оставляют мелкие бороздки. А здесь следы медвежьих клыков.

— Значит, медведю тоже не хватает минерального корма?

— Да, вот он и пробует лосиные рога.

Лесник поведал много интересных историй о повадках диких животных. Как-то пошел ои с собачонкой иа покосы. И вот на лугу собака возьми и подними соболя. Тот панически боится собак. Деревьев поблизости нет, зверьку деваться некуда. Ои н вскочил леснику иа голову. Тот хвать зверька, соболь—кусаться. Да куда там! Принес Иван Свиридович зверька домой. Жена так н ахнула. Полюбовались соболем и отпустили в лес.

Частые гости иа кордоне—бурые медведи, особенно весной, когда бескормица. А иынешним маем от медведя погибла корова. Она паслась с телеиком на берегу. Медведь погнался за ними. Те бросились иа байкальский лед, уже рыхлый, корова и теленок провалились по брюхо. Теленка удалось спасти, а корова ушла под лед.

— Теперь остались без молока,—сокрушался Иван Свиридович.—Да и не только мы. Всех в Давше она снабжала молоком—хорошая была корова.

Вечером мы покидали кордон. Иван Свиридович и Евдокия Ивановиа долго стояли на берегу н махали вслед. Путешествуя по заповедиым местам, иередко встречаешь таких вот простых людей, посвятивших свою жизнь благородиому делу охраны природы.

Медвежий угол

В Подлеморье бурых медведей можно встретить повсюду: от берега Байкала до гольцов, то есть верхней границы леса. Большую часть года здесь для этих зверей обилие корма. Бурый медведь всеяден. Ои раскапывает кладовые бурундуков. Похищает кедровые орехи из запасов кедровок, грызунов. Летом здесь вдоволь голубики, чериики, смородины. Осеиью зверь лакомится брусникой и клюквой. И только весиой, когда мало корма, он нападает на лосей, маралов н других крупных животных.

Голодный медведь утрачивает страх перед человеком. Заходит в таежные поселки, грабит зимовья. Но там, где медведей преследуют, они трусливы и осторожны.

Медведи бродят по территории всего Баргузинского заповедника. Особенно миого их следов мы видели иа побережье Байкала. Самые крупные иам показал заместитель директора по иауке Анатолий

Васильевич Дворядкин. Что они ищут на берегу озера?

— В жизни бурых медведей,— рассказал он,— Байкал занимает особое место. Звери пробуждаются от зимней спячки в конце апреля. В мае появляется масса байкальского ручейника. Насекомые тучами летают в безветренную погоду. А на ночь забираются под камни. И медведи ходят всю ночь и даже утром, переворачивают камни, слизывают насекомых. В это время бычки мечут икру. Медведи лакомятся икрой, заходят в воду, могут и бычка поймать.

— Ручейник — мелкая добыча. Вероятно, попадается и покрупнее?

— Да. На Байкале добывают нерп. Бывают подранки, погибают животные и от естественных причин. Вот байкальские волны выбрасывают на берег погибших. Медведи их поедают. На побережье они находят бруснику, шишки кедра. Так что до середины июня предпочитают эти места, позже идут на луговые поляны.

— Можно их сейчас повстречать?

— Безусловно. Если затаиться среди бурелома, хорошо замаскироваться, обязательно увидишь косолапого. Следы совсем свежие. Несколько раз я их видел издали, но, заметив меня, они уходили в тайгу.

По подсчетам Дворядкина, в заповеднике обитает от двухсот до трехсот медведей. Их численность тоже зависит от кормовой базы. В неурожайные годы, когда мало кедровых орехов и ягод, попадаются павшие медведи, в основном молодняк, появляются шатуны.

— Анатолий Васильевич, медведь — хищник крупный. Не представляет ли он опасности для человека? Вот они появляются на берегу. Наверно, пугают ваших работников?

— Случаев нападения на людей у нас не наблюдалось уже лет пятьдесят. Но это не значит, что медведи вовсе не опасны. Изредка нападают на телят. В прошлом году медведь несколько часов держал людей в высокогорье, и они не могли подойти к палатке. Стучали палками о деревья, кричали, но медведь не уходил. Хотя и не предпринимал никаких агрессивных действий. В конце концов ушел.

— А если повстречать медведицу с медвежатами? Это ведь опаснее?

— Два года назад с директором заповедника произошел такой случай. Он шел по берегу Давшинки и повстречал медведицу, которая на него бросилась. Директор залез на дерево, но медведица не уходила. Геннадий Андреевич бросал в нее сучки, шишки. Бесполезно. Случайно он посмотрел на вершину дерева — а там притаился медвежонок.

— Понятно, почему медведица на него бросилась.

— Все же Геннадию Андреевичу удалось отогнать ее. Все обошлось благополучно.

Царь-дерево

Территория Баргузинского заповедника свыше 250 тысяч гектаров. Почти половину лесных земель занимает кедровый стланик, более десяти процентов этих угодий — сосна и лиственница, на четвертой части территории растет знаменитый сибирский кедр, а точнее — сибирская сосна (Pinus sibiricus).

Это самое знаменитое дерево в Сибири. Его называют царь-дерево, дерево-кормилец. Пожалуй, не найти в тайге зверя нли птицу, в меню которых не было бы кедровых орехов. Кедр кормит всю тайгу — н людей, н животных.

В верхних поясах заповедника пронзрастает низкорослый, стелющнйся вид кедра — кедровый стланик (Pinus pumila). У него шишка помельче, но качество орехов такое же, что н у кедра.

Кедр живет около пятисот лет. В заповеднике встречаются деревья, которым уже по четыреста. Они достигают высоты сорока метров, а ствол бывает в два обхвата. Настоящие великаны. В урожайный год на одном кедре можно насчитать несколько сотен шишек. На гектаре заготовляют более двухсот килограммов орехов.

Как собнрают кедровые шишки? Чаще всего таким способом: огромной деревянной колотушкой наносят удары по стволу — и шишки осыпаются. Лесоводы говорят, что частые удары по стволу наносят травмы дереву. Оно хуже растет н плодоносит.

Найден более прнемлемый способ добычи кедровых шишек — с помощью пиропатрона, в этом случае кедр сотрясается только один раз.

Но разумеется, наибольший вред тайге наносят лесные пожары. Мы пролетели на самолете сотни километров над таежными просторамн побережья Байкала н виделн немало лесных гарей. Они, как раны, на теле тайги. И в заповеднике попадаются следы пожаров.

С днректором заповедника Геннаднем Андреевичем Янусом на моторной лодке плывем в сторону гарн. С озера отчетливо видна граница пожарнща. Сходим на берег, идем вдоль сгоревшего леса. Ни пения птиц, ни шелеста листвы. Мертвый лес. Да н лесом его нельзя назвать — темные стволы деревьев. Лишь кое-где пробивается молодая березовая поросль.

— Пожар пронзошел по внне турнстов лет двадцать назад,— пронзнес Геннаднй Андреевнч.— Думаю, что совершенно случайно. Неосторожное обращенне с огнем. Людн мало подготовлены для отдыха в тайге. Нередко случаются пожары.

— Сейчас турнсты бывают здесь?

— После этого случая доступ турнстов к нам запрещен. По этой же причнне н в друrне заповеднники их перестали пускать. Лишь в некоторых проложены туристские маршруты, но они находятся под постоянным наблюдением лесников.

— Значит лн все это, что пожары чаще возннкают по внне человека?

— Думаю, что чаще всего тайга горнт от сухих гроз. Перед вашим прнездом разразилась сухая гроза. Мы боялись, как бы не загорелась тайга — в лесу сухо. Всю ночь в заповеднике никто не спал. Все были наготове. К счастью, опасность миновала.

Директор рассказал, что если в заповеднике загорается тайга, то на помощь прнходят н стронтелн БАМа. Трасса пролегает в двухстах километрах от заповедннка. Сотнн людей срочно перебрасываются на самолетах н вертолетах к месту бедствия.

— Сколько же лет потребуется прнроде, чтобы вот на этом пожарнще все восстановилось в первозданном виде?

— Около ста. Как видите, больше продолжительности жизни поколения людей.

Директор посетовал, что на заповедной земле еще немало

нерешенных проблем. Например, заповедной объявлена трехкилометровая зона акваторнн Байкала. Трудно охранять ее без достаточных технических средств.

Для осмотра территории заповедника днрекция вызывает самолет или вертолет. Но это связано с немалыми хлопотамн.

Самая актуальная проблема соболиного заповедника — малые его размеры. Они недостаточны, чтобы сохранить весь уникальный прнродный комплекс Подлеморья. Заповедник занимает лишь маленькую часть этого замечательного края. Даже живущий в центре заповедника соболь, пробежав два десятка километров за сутки, оказывается за пределамн заповедной зоны. А для эффективного воспронзводства этих зверьков она должна быть такой, чтобы в ее границах онн моглн мигрнровать не менее десяти дней. Значительное расширенне Баргузннского заповедника позволит, кроме того, сделать очень многое для нзучения Подлеморья н всего чудесного байкальского края.

Байкальский омуль

Из 1800 видов живых органнзмов, обитающих в озере, нанбольшее внимание всегда привлекает эта рыба. Еще перед началом экспеднции мы долго думали, как будем снимать омуля, кто расскажет об историн его промысла н состоянии дел сегодня. В Улан-Удэ нам посоветовалн обратиться к начальнику Байкалрыбвода Мнхею Васильевичу Багинову. В прошлом он сам рыбачил н прекрасно знает все состояние дел.

Михей Васильевич очень радушно нас встретил н обстоятельно ответил на все нашн вопросы. Прежде всего нас интересовало, почему в Байкале стало так мало омуля?

— Ознакомлю вас с дннамикой лова омуля по годам,— начал он.— Пик пришелся на 1942 год. Тогда рыбаки взяли 143 тысячи центнеров этой деликатесной рыбы. Это вполне объяснимо. Шла война, стране нужно было поставлять как можно больше продуктов питания. Но вот дальше уловы падают. Мннимальный прншелся на 1968 год — всего 11 тысяч центнеров.

— Почти в пятнадцать раз меньше...

— Да, такова статистика. Но не переловы, я считаю, прнчнна резкого снижения запасов омуля в Байкале. Если бы это было так, дело можно было бы поправить, запретив на какое-то время лов омуля. Главная прнчнна — ухудшенне кормовой базы. В пятидесятых годах в связн со стронтельством гидросооружений уровень Байкала повысился более чем на полтора метра. Это оказалось не совсем продуманным решеннем. Исчезли нерестилища бычка-желтокрылкн, молодь которого служит основным кормом для байкальского омуля. Вторая прнчнна — загрязненне нерестилнщ омуля нз-за молевого сплава леса в прошлые времена. Правда, сейчас уже древесину так не сплавляют, а в «сигарах», то есть в связках. Уровень Байкала вот уже много лет соответствует первоначальной отметке. И все же нерестилища бычка-желтокрылки так до конца и не восстановились. Все эти годы омуль был по существу на голодном пайке. Омуль стал мельче н не такой жнрный, как раньше. Сннзилась его плодовитость.

— И что же, все эти годы продолжался интенсивный лов омуля?

— Нет. С первого января 1969 года был наложен полный запрет на промысел ценной рыбы. Сейчас ведется лишь научный отлов этого вида, чтобы определить его запасы и выработать оптимальный режим вылова. Вы можете понаблюдать контрольный отлов омуля.

И вот по окончании съемок в Баргузинском заповеднике за нами, как и было заранее договорено, зашел катер. Ранним утром отваливаем от Давшинского причала и берем курс к полуострову Святой Нос. На следующий день в Омулевой бухте рыбацкие бригады должны были провести разведку. Об этом нам сообщил старший инспектор управления Байкалрыбвод Владимир Павлович Сновалин, который сопровождал нас в плавании по озеру.

День выдался пасмурный, ветреный, время от времени накрапывал дождь, но в Омулевой бухте было спокойно, и рыбаки поставили сети. Интересно было наблюдать за орланом, который высматривал добычу на мелководье. Усилия этого крылатого охотника увенчались успехом. Во время одной из атак он подцепил когтистой лапой большую рыбину и с трудом поднялся на нижнюю ветвь могучей сосны. К нему сразу устремились несколько ворон. Они расселись по сторонам в надежде поживиться остатками пиршества пернатого хищника.

Вскоре сети стали вытаскивать из воды. Десятки чаек повисли над ними и, возбужденно крича, стали пикировать к воде. Почти каждая взлетала с добычей.

Улов был обильным, и вот сотни рыбин, словно живое серебро, затрепетали на палубе рыболовецкого судна. Тут были сиги, сазаны, сомы, щуки, окуни, хариусы. Немало попалось и омуля. Как оценивает этот улов Владимир Павлович?

— Мы установили, что в улове около тридцати процентов омуля. Это больше нормы. Его не должно быть более восьми процентов.

— И что следует предпринять?

— Рыбной инспекцией этот участок будет временно закрыт. И рыбакам придется переменить район лова.

— Но ведь омуль может мигрировать.

— Для этого мы и проводим научную разведку. Нам нужно точно знать, каковы запасы омуля в тех или иных местах, как он мигрирует. Рыболовецких бригад на Байкале — десятки, и в каждой во время лова обязательно присутствует инспектор рыбнадзора. Только так мы можем контролировать работу промысловиков. Нельзя допускать, чтобы в рыбацкие сети попадало омуля больше нормы.

Итак, больше десяти лет промысловый лов омуля на Байкале находится под запретом. Что за это время изменилось? Насколько больше стало этой рыбы в озере? Эти вопросы мы задавали ихтиологам и рыбакам. Мнение ученых и практиков таково: критический момент в судьбе омуля миновал. За последние годы запасы его значительно возросли, примерно в два-два с половиной раза.

Научная разведка показала: омуля в Байкале 220—250 тысяч центнеров. Можно теперь ежегодно добывать до 20 тысяч центнеров. Но пока запрет остается в силе. Разрешен отлов только для нужд рыборазводных заводов.

Так как естественные нерестилища все еще не восстановлены, ставится вопрос об искусственном разведении омуля на рыбозаводах. На Байкале сейчас два омулевых завода — Большереченский и

Чивыркуйский. Их мощность — полтора миллиарда икринок в год. Недавно сдана первая очередь самого большого в стране — Селенгинского омулево-осетрового рыборазводного завода. Теперь ежегодно специализированные предприятия способны инкубировать четыре миллиарда икринок.

Выживаемость икринок на таких заводах 75—80 процентов, а на естественных нерестилищах — от одного до сорока процентов. Это ощутимая прибавка к рыбному богатству Байкала.

История байкальского омуля поучительна. Она свидетельствует, как важен глубоко продуманный научный подход к природным богатствам. Важно не нарушать естественные звенья. Восстанавливать их приходится ценой огромных усилий. Видимо, можно увеличить запасы омуля в Байкале до прежних объемов, но возродятся ли его былые качества? Это покажет время.

Нерпа — загадка Байкала

Байкал по-бурятски называется Бай-куль, что в переводе значит «богатое озеро». И действительно, не перестаешь удивляться его богатствам. И среди них нельзя умолчать о замечательном звере — байкальской нерпе. Мы довольно часто встречали их, путешествуя по озеру. Смотришь — торчит голова нерпы из воды метрах в пятидесяти от катера, и зверь долго сопровождает нас. Потом нерпа столь же внезапно исчезает, как и появилась. Капитан заметил, что нерпы очень любопытны. Вот зверек нырнул, теперь надо смотреть вперед. Он обгонит катер и будет с более близкого расстояния глядеть на нас. Все это очень оживляло наше путешествие.

Но вот что удивительно: как нерпа, морской житель, попала сюда? Существует несколько гипотез на этот счет. Одна из них: морской тюлень проник на Байкал из Ледовитого океана еще в ледниковую эпоху, очевидно по реке Лене. Ведь ближайший родич байкальской нерпы — кольчатая нерпа — обитает в Ледовитом океане.

Весит этот зверь до ста килограммов. Почти всю жизнь нерпа проводит в воде. Но не реже чем через каждые двадцать минут она должна появиться на поверхности, чтобы подышать воздухом. Зимой ей приходится делать отдушины во льду и тщательно за ними следить.

Корм байкальская нерпа добывает в воде. Она отлично плавает, развивая скорость до двадцати километров в час. Питается рыбой, в основном бычками, а иногда и голомянкой. О последней, пожалуй, стоит рассказать несколько подробнее. Эта рыба тоже одно из живых чудес Байкала.

Только недавно ее удалось снять в родной стихии из глубоководного подводного аппарата. Дело в том, что обитают голомянки в основном на больших глубинах — от 300 до 700 метров. Давление там достигает десятков атмосфер, температура никогда не бывает выше трех-четырех градусов. Голомянки не выносят теплой воды и погибают даже при температуре семь-девять градусов.

В районном центре Усть-Баргузине нас познакомили с ихтиологом Сергеем Владимировичем Лешиным, в лаборатории которого оказались две заспиртованные голомянки. Они случайно попали в рыбацкие сети.

Эта рыбка небольшая, в длину всего сантиметров двадцать, весит граммов пятьдесят. Все в ней удивляет. У нее ни единой чешуйки. Она почти прозрачна. У голомянки иет брюшных плавников, а грудные очень длинные, достигают почти половины длины туловища. Плавательного пузыря тоже нет, но плавучесть голомянок объясняется большим количеством жира — до 35 процентов веса тела.

Голомянки живородящи. За один раз самка выметывает две, а то и трн тысячи личинок.

Подсчитано, что запасов голомянки в Байкале многие сотни тысяч центнеров — больше, чем омуля. Но промыслового значения эта рыба пока не имеет. Трудность их добычи в том, что рыбы не образуют больших скоплений.

Все описанное выше и объясняет, почему голомянка — лакомое блюдо байкальской нерпы. Чтобы добыть ее, тюленю приходится нырять иа значительную глубину.

В феврале или марте у нерпы рождается детеныш, чаще один, реже два. Он покрыт густым белым мехом. Через две-трн недели меняет мех иа серый. Нерпенок растет быстро. Мать кормит его молоком месяца три, ио уже с первых дней начинает подкармливать рыбой.

Нерпы любят вылезать на каменнстые берега и подолгу греться на солнце. Известны излюбленные лежбища байкальской иерпы на Ушканьих островах.

Рыбаки иас заверили, что мы легко снимем этих зверей. Но вот иевезение! На подходе к островам мы вошли в пелену густого тумана. Он был настолько плотен, что в двадцати метрах ничего нельзя было разглядеть. Судно остановилось, подавая каждые две-три минуты протяжные звуковые сигналы, чтобы иа нас никто не иаткнулся. Простояли несколько часов, а туман так и ие рассеялся.

Тюленей на Байкале ие менее ста тысяч. Их издавна промышляют. Ценятся красивый мех иерпы н ее целебный жир. Ежегодно добывается около шести тысяч голов этого морского зверя. Это ие сказывается иа их числеииости иа Байкале. Вот пример рационального использованяя прнродных ресурсов.

Как зеницу ока

Всякое богатство нуждается в охране. Один день мы провели вместе с начальником районной инспекции рыбоохраны Баргузннского района Михаилом Иннокентьевичем Демидовым.

— Баргузинская рыбинспекция,— сказал он,— охраняет на Байкале ценные породы рыб — омуля, сига, харнуса, осетра. Одновременно ведется контроль за работой рыболовецких брнгад.

— Каковы средства н методы такой охраны?

— Помимо сил и средств самой рыбинспекции огромную помощь оказывает иаселение. Потому-то охрана ведется ежедневно н ежечасно. В районе семьдесят внештатных инспекторов. В 1981 году были составлены акты на 155 браконьеров. Все они понесли наказание. Отобраны орудия незакониого лова рыбы, наложены штрафы. На самых злостных браконьеров матерналы переданы в следственные органы.

Основная ценность Байкала — непревзойденная по качеству вода, среда обитания уникальной байкальской фауны. За миллионы лет древние эндемичные организмы приспособились именно к этим условиям жизни и чутко реагируют на любые перемены. Вот почему забота о чистоте воды — одна из важнейших государственных задач. Это сердцевина упоминавшегося выше постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Оно претворяется в жизнь. Чище стала речная вода, подпитывающая озеро. Построено и пущено в ход более ста очистных сооружений. На реках, впадающих в озеро, давно прекращен молевой сплав леса. В долгу перед Байкалом не остались и лесоводы. Не ведутся сплошные рубки. Древесина заготовляется только на узких лесосеках. Скоро и это будет вынесено за пределы водоохраной зоны Байкала.

Расчищены от бревен шестьсот километров побережья. Мы видели аккуратные штабеля на таком расстоянии от берега, чтобы и во время шторма волны их не доставали.

Но пока что ежегодно по озеру транспортируют миллионы кубометров древесины в плотах или «сигарах». Байкал часто штормит, «сигары» и плоты разбивает. Одиночные бревна волны выбрасывают на берег. Кроме того, при таком сплаве леса на дно озера ежегодно оседают тысячи тонн коры. Значит, лес перевозить нужно по Байкалу только на сухогрузных баржах.

И еще важная проблема: целлюлозно-бумажный комбинат, Селенгинский картонный комбинат и другие предприятия недостаточно хорошо очищают свои стоки, попадающие в озеро. Не всегда бережно относятся к Байкалу и строители БАМа. При прокладке тоннелей неочищенные стоки попадают в озеро. Нужно организовать работу этих предприятий по замкнутому циклу. А в перспективе они должны стать безотходными. Необходимо беречь чистоту байкальской воды как зеницу ока.

Приведем еще несколько цифр. В чудо-озере длиной 636 километров и шириной в самой широкой части 79 километров сосредоточено 23 тысячи кубических километров воды. Этот объем приблизительно равен годовому стоку всех рек земного шара.

Байкал питают 1123 реки и речки, а вытекает из него всего одна — Ангара. Специалисты подсчитали: если бы в озеро не поступало ни капли влаги, и то Ангара опорожнила бы Байкал лишь за 400 лет. Значит, проточность воды в озере слабая. Но из-за гигантских размеров водоема неблагоприятные перемены в нем протекают почти незаметно, и в этом их коварство. Поэтому самому незначительному источнику загрязнения несравненной по качеству байкальской воды нужно поставить надежный заслон.

«Часть души нашей...»

Удивительна природа окрестностей озера — разломы, водопады, ледники, «поющие» пески. На берегах озера-моря и в обрамляющих его горах открыто около ста горячих ключей, источников целебной воды. На побережье найдены пещеры и древние стоянки человека. Обилие грибов, ягод, великолепная рыбалка.

Все это привлекает множество туристов. В самые отдаленные уголки озера ежегодно проникает до трех миллионов «дикарей».

Некоторым из них не хватает культуры общения с природой. В этом мы убедились сами, побывав в популярном месте отдыха — Змеиной бухте. На этом замечательном по красоте месте полно мусора.

Рассказывают: совсем недавно в этой бухте было обилие змей — безобидных ужей. Отсюда ее название — Змеиная. Но нам с трудом удалось разыскать несколько экземпляров этих животных.

Видимо, отдыхающие считают своим «долгом» убить ужа, который встретился им в серном источнике или в самой бухте. Бессмысленная жестокость! Известно: ужи причинить человеку вреда не могут. Хочется надеяться, что их оставят в покое. В противном случае название Змеиной бухты будет лишь напоминать, что здесь когда-то обитали змеи.

На Байкале немало замечательных мест. И чем больше о них размышляешь, тем крепче убеждение: их нужно объявить заповедными.

В самом деле, на Байкале сейчас всего два заповедника — Баргузинский и недавно созданный Байкальский. Но последний так мал, что его скорее можно считать ботаническим. В нем может сохраниться только растительный мир, но не крупные животные, легко покидающие его пределы.

Ученые предлагают незамедлительно заповедать по крайней мере еще два уникальных природных комплекса. На северо-западе нужен заповедник для бурых медведей.

Другой заповедник целесообразно организовать в дельте Селенги. Это самая крупная река, впадающая в Байкал. Дельта ее раскинулась на площади в тысячу квадратных километров. Здесь гнездятся до 80 процентов обитающих на Байкале птиц.

Обилие рыбы, водных насекомых, множество островов, мелководных проток и озер делают дельту реки одним из основных мест обитания водоплавающих птиц во всей Восточной Сибири. Особенно велика численность пернатых во время осенних и весенних перелетов.

Селенга к тому же — колыбель байкальского омуля. Здесь воспроизводится до 60 процентов его поголовья.

В дельте Селенги существует Кабанский заказник. Но этого явно мало.

Многие годы обсуждается необходимость создания Байкальского национального парка. Это позволило бы решить многие вопросы рационального использования природных ресурсов, надежной охраны уникальной флоры и фауны, отдыха туристов.

«Байкал не только бесценная чаша с живой водой, он, кроме того, часть души нашей. В радостях и печалях, на пиру и во фронтовой землянке пели мы про Байкал, черпая из него заглазно наряду с другими великими источниками богатырскую силу нашу». Эти замечательные слова принадлежат известному советскому писателю Леониду Леонову. Ими и хочется закончить этот очерк.



ВИТАЛИЙ ВОЛОВИЧ

ЗНАКОМЬТЕСЬ —АКУЛЫ!

Очерк

Акула была и остается страшным, исключительно опасным и коварным хищником моря.

Жак-Ив Кусто

Среди многочисленных обитателей Мирового океана (а их, как утверждают ученые-биологи, свыше 150 тысяч) немало причудливых, таинственных и загадочных. Но никто из них не имеет столь громкой и мрачной славы, как акулы. С той поры, как человек дерзнул выйти в открытый океан, он считает их не без оснований злейшими врагами. Бесчисленные рассказы об акульей кровожадности, загадочные истории и легенды, где правда переплетается с вымыслом, закрепили за всем их древним родом репутацию ненасытных убийц. Но справедливости ради надо признать, что из многочисленного акульего племени, насчитывающего около 350 видов, в преступных деяниях против людей повинны весьма немногие. И первой в этом списке кровожадных акул стоит большая белая акула (Carcharodon carcharias). Нет равных по силе и свирепости этой «царице океана», прозванной «белой смертью». Немало жертв на счету могучей тигровой (Galiocerdo cuvieri), чья твердая, как броня, шкура исчерчена темными полосами, как у повелителя джунглей. Под стать им акула-молот (Sphyrna zygaena), уродливое чудовище с плоской головой, разделенной на две доли, словно рога, с крохотными злобными глазками, сверкающими на их концах. Не менее опасна для человека стремительная красавица мако (Isurus oxyrinchus), неукротимая в атаке, упорная в защите,— мечта спиннингистов-рыболовов всего мира; и медлительная, но хищная бычья (Carcharinus leucas), прозванная «морским мусорщиком» за любовь к отбросам; серо-коричневая песчаная (Carcharias taurus Rafinesque) с длинными, тонкими, как кинжалы, зубами, загнутыми внутрь; и стройная изящная голубая (Prionace glauca) с узкими плавниками, голубой спиной и ослепительно белым брюхом. А длиннокрылая (Carcharinus longimanus), чьи огромные грудные плавники и закругленный спинной словно заляпаны по краям пятнами белой краски; ее Жак-Ив Кусто считает одной из самых грозных глубоководных акул. Под подозрением и апатичная на вид белоперая, чьи плавники окантованы белыми полосами; коварная лимонная (Negaprion brevirortris) и даже морская лисица (Alopias vulpinus Bonnaterre) с хвостом, похожим на огромную сверкающую косу. Впрочем, весьма сомнительно, чтобы у пловца, завидевшего акулу, возникало жела-

ние выяснить, к какому именно виду и семейству она принадлежит, кровожадная она или вполне безобидна. Вероятно, стоит прислушаться к утверждению знатоков, уверяющих, что любую акулу длиной больше метра надо опасаться. Но часто ли они нападают? Оптимисты считают, что страхи перед акулами явно преувеличены и вероятность быть пораженным молнией гораздо больше, чем оказаться в акульей пасти. Но вот, по официальным данным, от нападения акул ежегодно гибнет от сорока до трехсот человек. А по неофициальным? Кто знает, сколько из тех несчастных, кто бесследно исчез после кораблекрушений, нашли свою смерть в зубах акулы. Но совершенно точно известно, что количество акульих жертв резко возрастает во время морских катастроф.

В пасть акулы попадают не только неосторожные купальщики, легкомысленные рыболовы или моряки затонувших кораблей. Их жертвами становятся порой даже опытные подводные пловцы, знатоки акульих повадок и привычек.

...Это случилось 22 сентября 1962 года у побережья Сан-Феличе Цирцео между Римом и Неаполем. Утро было ясное, безоблачное. Волны с легким шелестом накатывали на берег. Маурицио Сарра, перебрасываясь шутками с друзьями, приехавшими вместе с ним поохотиться под водой, натянул маску, надел ласты и, высоко поднимая ноги, вошел в прозрачную зеленоватую воду. Он медленно погружался, уходя все глубже, не обращая внимания на шнырявшую вокруг рыбью мелюзгу. Из-за скалы появился большой самодовольный группер и удивленно уставился на пловца, шевеля хвостом. Почти не целясь, Сарра нажал спуск, и гарпун, бесшумно выскользнув из ружья, впился в подрагивающие жабры. Струя крови появилась на раны, образовав алое колеблющееся облачко. Маурицио подтянул поближе загарпуненную рыбу, как вдруг... Серо-голубая тень метнулась к нему из глубины. Он сразу узнал ее. Это была сельдевая акула. Хотя древние греки и называли эту акулу ламна, что значило «чудовище-людоед», ее появление никогда не внушало опасений подводным пловцам. Но в этот раз акула оказалась настроенной необычно воинственно и сразу перешла в атаку. Все произошло настолько быстро, что Сарра не успел ничего предпринять. Акула яростно вцепилась ему в бедро, рванула в сторону и умчалась прочь. Истекавшего кровью пловца друзья торопливо вытащили на берег. Но пока подоспели врачи, все было кончено. Погиб Маурицио Сарра, знаменитый подводный исследователь и фотограф, автор нашумевшей книги «Акулы — мои приятели». Какая ирония судьбы!

И где только не нападают акулы на людей: среди бескрайних океанских просторов, у самого берега на мелководье, в синеватой глубине у подножия рифов, на залитом солнцем песчаном дне. Они атакуют свои жертвы в шторм и тихую безветренную погоду, днем и ночью. Лишь одно условие остается неизменным — температура воды. Да, акулы предпочитают только теплую, не ниже 21 градуса. Инциденты с акулами в более холодных водах — редчайшее исключение. Из 790 случаев нападений, изученных доктором Л. Шульцем, лишь три произошли в воде с температурой 18 градусов.

Но отчего акулы становятся людоедами? Ведь не потому же, что они «испытывают инстинктивное желание отведать человеческого мяса», как утверждает, иронизируя над теоретиками, Ханс Петерс-


1
2
3
4
5
6
7
8

сон*. Разве мало в океанах аппетитных кальмаров, жирных тюленей, донных рыб и осьминогов, которыми акулы без особых усилий могут утолить свой голод? Впрочем, аппетит у акулы весьма умеренный. Где уж ей сравниться с каланом, за один день уписывающим порцию, равную по весу четвертой части его собственного, или крохой землеройкой, поедающей за год пищу, которая весит в шестьсот раз больше ее самой.

Известный американский специалист по акулам Юджени Кларк установила, что недельный рацион этих хищниц не превышает 3—14 процентов их веса. А. В. Коплессон, врач-австралиец, посвятивший многие годы изучению акульей проблемы, с удивлением обнаружил, что четырехметровая тигровая акула за год пребывания в океанариуме съела всего 86 килограммов рыбы — чуть больше половины веса ее собственного тела.

И в то же время неразборчивость акул в пище просто удивительна. Чего только не находили в их желудке: консервные банки и почтовые посылки, подковы и дамские шляпы, ручные гранаты, поплавки от сетей, пакеты взрывчатки и многое другое. А однажды из брюха тигровой акулы, пойманной у берегов Сенегала, извлекли музыкальный инструмент. Это был туземный барабан там-там, и притом внушительных размеров — длиной 27 и шириной 25 сантиметров, весом в добрых 7 килограммов.

Во время второй мировой войны в желудке акулы, успевшей похозяйничать на затонувшем японском эсминце, американцы нашли... секретный шифр, сослуживший им немалую службу. Но пожалуй, самую каверзную шутку сыграла прожорливость акулы с экипажем американского брига «Нэнси».

...Шел 1799 год. Давно уже закончилась война за независимость Соединенных Штатов. Но американские каперы все еще бороздили воды Карибского моря, наводя страх на британских купцов.

Долго сопутствовала удача Тому Буржу. Его быстроходный бриг «Нэнси», точно призрак, появлялся перед торговыми кораблями и, совершив свое черное дело, вновь исчезал в просторах Карибского моря, оставаясь неуловимым для британских корветов и фрегатов. Но однажды фортуна отвернулась от американцев. Душная тропическая ночь опустилась на морскую гладь. Ветер стих, и паруса бессильно повисли на реях. Экипаж «Нэнси» погрузился в сон, и только часовые пристально всматривались в черноту безлунной ночи. Вдруг чуткое ухо вахтенного уловило подозрительные всплески. «Тревога! Англичане!» — что есть мочи заорал он, но было уже поздно. Английские фрегаты «Спероу» и «Феррент», словно тени, вынырнули из темноты. С грохотом впились в борта абордажные крючья, и не успели американцы прийти в себя, как палубу заполнили вооруженные враги. Сопротивление было бесполезным. Бурж понял это сразу. Впрочем, трюмы брига были пусты. Вовремя он спрятал свои трофеи в одной из потаенных бухточек Флориды. Но журнал, судовой журнал, в котором с морской точностью были

* Шведский океанограф, руководитель кругосветной экспедиции на парусно-моторном судне «Альбатрос» в 1947—1948 годах.— *Прим. автора.*

Виды акул: 1. Мако. 2. Тигровая. 3. Серая нянька. 4. Молот. 5. Песчаная. 6. Голубая. 7. Большая белая. 8. Лисица

занесены все «подвиги» экипажа «Нэнси»! Если он попадет в руки англичан, все погибло. Любой его страницы было достаточно, чтобы отправить всю команду пиратского брига на виселицу. В коридоре уже слышался топот приближающихся врагов. Недолго думая, Бурж открыл иллюминатор и швырнул журнал за борт. Раздался легкий всплеск, и море поглотило опасную улику. «Теперь, господа, можете входить»,— произнес Бурж вслух, потирая руки. Дверь затрещала под ударами. Капитан брига повернул торчавший в замке ключ и остановился на пороге каюты, протирая глаза, словно только что пробудился от глубокого сна и удивлен происходящим. На пороге каюты показался лейтенант Хью Вайли, командир «Сперроу». «Именем закона вы арестованы, капитан. Ваши похождения закончились, и теперь суд его величества вынесет давно заслуженный вами приговор»,— услышал Бурж.

Лишь только солнечные лучи окрасили горизонт, корабли подняли паруса. «Нэнси» под конвоем «Сперроу» взял курс на Ямайку, а «Ферреит», отсалютовав напарнику залпом бортовых орудий, отправился к берегам Гаити. Томас Бурж стоял на своем: его бриг — мирное судно и сам он простой торговец, за которым не числится никаких грехов. Капитан был спокоен: ведь единственная улика его преступлений — судовой журнал — покоится на дне Карибского моря.

Суд уже собирался вынести оправдательный приговор, как вдруг грохот пушек возвестил о входе в порт военного корабля. Это был «Ферреит». Не успела шлюпка пришвартоваться к пирсу, как из нее выскочил лейтенант Майкл Филтон. Через несколько минут он уже входил в сумрачный зал, обставленный тяжелой старинной мебелью. Быстрым шагом подошел он к столу, за которым восседали судьи, и положил перед ними толстую книгу в черном переплете.

Бурж похолодел от ужаса. Он сразу узнал свой судовой журнал! Теперь отпираться было бесполезно: улики оказались неопровержимыми. Но откуда же взялся этот журнал, который должен был лежать на морском дне?

«Ферреит» крейсировал у берегов Гаити, когда матросы заметили почти у самого борта спинной плавник огромной тигровой акулы. Упустить такой случай было непростительно. Крюк с толстым куском солонины полетел в воду — и через несколько минут акула неистово билась на палубе, круша все вокруг своим мощным хвостом. Ловко накинутая петля мигом усмирила разбушевавшуюся пленницу. Боцман ударом тесака распорол ей брюхо. Но что это? Какой-то странный предмет торчит в акульем чреве!

— Братцы, да это же книга! — удивленно воскликнул кок, прибежавший из камбуза, чтобы взглянуть на пойманное чудовище.

Сжимая в руках находку, боцман помчался в капитанскую каюту.

— Взгляните, сэр, что мы обнаружили в животе акулы.

Осторожно, чтобы не порвать набухшие от воды страницы, лейтенант Филтон раскрыл переплет... и вскрикнул от радости. Перед ним лежал изрядно намокший, но целый и невредимый судовой журнал «Нэнси». Правда, местами чернила расплылись, но большинство записей можно было прочесть без труда.

Столь удивительно сохранившийся документ — так называемые «акульи бумаги» и по сей день лежат под стеклом музейной витрины Ямайского института в Кингстоне, привлекая внимание туристов своей необыкновенной историей.

Пустой желудок заставляет акул нападать на людей. Это объяснение ни у кого не вызывало сомнений. Итак, голод — очевидная причина. Но единственная ли? Многие случаи агрессивного поведения хищниц никак не укладывались в привычную схему... Иногда повреждения, полученные людьми, были не похожи на укусы, а напоминали глубокие порезы. А бывало, что пловцы, обеспокоенные неожиданным покалыванием или царапаньем, выйдя из воды, с испугом обнаруживали на коже обширные ссадины и царапины, происхождение которых не вызывало сомнений.

В общем в поведении акул многое остается непонятным: то они равнодушно скользят мимо истекающего кровью беспомощного пловца, не проявляя к нему никакого интереса, то устремляются в атаку на вооруженного ныряльщика, не оставляя ему ни одного шанса на спасение. То они спокойно проплывают рядом с куском окровавленного мяса, то остервенело накидываются на тряпку, пропитанную мазутом. «Их (акул.— *Авт.*) поведение никак невозможно предсказать,— пишет У. Уиллис.— Я видел, как одна акула бросила голову дельфина и вместо нее проглотила смоченный в керосине чулок, которым я чистил фонарь».

Порой акула впадает в какое-то необъяснимое бешенство — «пищевое безумие», как его назвал профессор Перри Жильберт. В слепой ярости набрасывается она на любой предмет, находящийся на ее пути, будь то лодка, ящик, бревно, пустой бидон или клочок бумаги. Но вот прошел этот странный припадок, и акула как ни в чем не бывало спокойно возвращается к своим товаркам.

Обычно же хищница весьма осмотрительна и, встретив незнакомый предмет, подолгу кружит возле него, выясняя, не опасен ли он. Но чем больше проникается она уверенностью в своей силе и превосходстве, тем быстрее суживаются круги. Наконец акула решила атаковать жертву. Ее грудные плавники опустились под углом шестьдесят градусов, нос чуть приподнялся, сгорбилась спина. Ее напряженное тело и голова двигаются взад и вперед одновременно с движением хвоста. Лишь однажды смельчаку оператору удалось заснять этот момент на пленку, и это едва не стоило ему жизни. После мгновенной подготовки следует могучий рывок вперед — и акула хватает жертву. По наблюдениям И. Эйбль-Эйбесфельдта*, хищница, собираясь напасть, мотает головой, «словно заранее смакуя лакомый кусочек, подобно тому, как мы глотаем слюнки перед витриной кондитерского магазина».

Но иногда акула с ходу наносит своей жертве удар рылом. Проверяет ли она этим съедобность предмета или, может быть, хочет оглушить добычу? Во всяком случае последствия, как правило, бывают для жертвы печальными.

Природа наделила акул идеальным оружием для нападения. Их челюсти, усаженные частоколом зазубренных по краям треугольных зубов, обладают огромной силой. Четырехметровая акула может начисто отхватить ногу, а шестиметровая — без труда перекусывает человека пополам. В пасти акул разных видов насчитывается от двух-трех десятков до нескольких тысяч зубов; например, у гигантской акулы и китовой зубы располагаются в пять-шесть, а иногда в десять рядов и более. У кархародона в первом ряду их 24—26, а

* Немецкий ученый — зоолог, мореплаватель, этолог.

остальные загнуты внутрь и прижаты к десне, служат, так сказать, про запас. По мере стирания передних зубов задние занимают их место, словно патроны в обойме.

Американские ихтиологи определили, что каждый зуб акулы давит с силой трех тонн на один квадратный сантиметр. Нападая, акула сначала вонзает в тело жертвы зубы нижней челюсти, словно насаживая ее на вилку. Зубы верхней челюсти, выдающейся вперед, благодаря поворотам головы и вращательным движениям тела, как нож, кромсают ткани, нанося ужасные раны. Вот почему так высок процент смертельных исходов после акульих атак. Так, из 790 случаев нападения, изученных доктором Л. Шульцем, больше половины закончились гибелью людей.

Но порой и небольшие, казалось бы, совсем не опасные для жизни укусы приводят к печальному концу. У раненого, если медицинская помощь запаздывает, вскоре повышается температура, начинается озноб. Пострадавший погибает от заражения крови. Оказалось, что в акульей пасти обитают целые полчища вирулентных гемолитических бактерий.

Чем же руководствуется акула в поисках пищи? Обонянием, зрением, а может быть, слухом? Какое значение имеет каждый из этих органов на различных этапах атаки? Многие специалисты считают, что ведущую роль, определяющую поведение хищницы, играет обоняние. Огромные обонятельные доли в ее мозгу позволяют распознавать запахи на большом расстоянии. Акула может определить присутствие посторонних веществ в воде в концентрации один на несколько миллионов. Например, грамм крови, растворенной в шестистах тысячах литров воды, акула чует на расстоянии полукилометра. Ее плоская морда с широко открытыми ноздрями, выдвинутыми далеко вперед, воспринимает бесчисленные запахи моря, помогая найти пищу, даже если она находится «за тридевять земель».

Зрению тоже принадлежит немалая роль в поведении акулы. Правда, акулы довольно близоруки, совершенно не разбираются в красках и на большой дистанции мало полагаются на свои глаза. Однако, чем меньше расстояние до цели, тем выше значение этого органа чувств, что во многом объясняется его анатомическими особенностями. Как известно, глаз животных имеет световоспринимающие клетки двух типов — колбочки и палочки. Первые обеспечивают дневное зрение, от них зависят его острота и способность различать цвета. Вторые отвечают за ночное зрение. Колбочек в сетчатке акульего глаза немного. Зато палочек — изобилие. Это и делает глаз высокочувствительным. Этому также способствует особый, зеркалоподобный слой из кристаллов гуанина, выстилающий сетчатую оболочку глаза. Поэтому даже при самом тусклом освещении акула великолепно различает не только объект, но и малейшее его движение, особенно если фон контрастный. Хищница легко приспосабливается к резким изменениям освещенности, и чувствительность глаза к свету после восьмичасового пребывания в темноте, по данным доктора С. Грубера, возрастает почти в миллион раз.

Но не только зрением и обонянием пользуется акула в своих

непрестанных поисках пищи. Природа наделила хищницу органом, позволяющим улавливать на большом расстоянии малейшие колебания воды, вызванные бьющейся рыбой, падением в воду тяжелых предметов, взрывами. Не случайно во время морских катастроф акулы столь быстро появляются у места бедствия.

Орган этот, совмещающий функции сонара и радара,— так называемая «латеральная», или боковая, линия. Она состоит из тончайших каналов, находящихся почти под кожей по обеим сторонам тела акулы. Вдоль каналов тянутся пучки нервных узлов-ганглиев, из которых в полость каналов, заполненную жидкостью, выходят структуры, напоминающие волоски.

А обладают ли акулы слухом?.Многие биологи были убеждены, что они начисто лишены способности воспринимать звуки, утверждая, что латеральная линия вполне заменяет отсутствующие уши. Правда, известно было, что жители Соломоновых островов используют для привлечения акул к лодкам специальные трещотки — прикрепленные к длинному шесту пустые кокосовые орехи, которые опускают в воду и периодически встряхивают, чтобы они ударялись друг о друга. Дональд Нельсон был уверен, что акулы слышат, но как доказать это? Решение возникло неожиданно. Поскольку известно, что раненая рыба издает звуки, значит, можно записать их на магнитофонную ленту, а затем воспроизвести в воде. Если акулы способны слышать, то они не должны остаться равнодушными к таким сигналам. Исследователь так и поступил. К магнитофону подключили маленький репродуктор, надежно защищенный водонепроницаемой оболочкой, и опустили его под воду. Нажата кнопка, завертелись катушки, и «крик» загарпуненного каменного окуня огласил окрестности рифа, где давно уже никто не видел акул. Прошла минута, другая, однако ожидаемые гостьи все не появлялись. Неужели он ошибается? Ага, что это? Там, где белое подножие рифа исчезало в сине-черной глубине, мелькнула расплывчатая тень, и через мгновение огромная тигровая акула предстала во всей своей красе перед взором исследователя. Она направлялась прямо к репродуктору. Приблизившись почти вплотную к странному белому шарику, издававшему столь милые ее сердцу звуки, акула остановилась, словно прислушиваясь. За ней появились несколько лимонных, акул-молот и леукас. Опыт повторяли снова и снова, и хищницы каждый раз охотно приплывали, привлеченные рыбьими «криками». Впрочем, в скором времени (и это свидетельствовало, что они не столь глупы, как их считает человек) акулы сообразили, что многообещающие звуки, издаваемые странным предметом, не имеют никакого отношения к рыбам, и потеряли к нему всякий интерес.

А по мнению австралийских ученых, изучавших во главе с профессором Тео Брауном поведение тихоокеанских акул, последние не только слышат, но даже своеобразно реагируют на музыку. Например, плавные мелодии типа «Колыбельной» Брамса привлекают хищниц к источнику звука. Причем рыбины как бы впадают в транс, переворачиваются с боку на бок, вращают глазами, плавно водят хвостом. Некоторые же музыкальные экзерсисы доводят их буквально до бешенства. Современная поп-музыка отпугивает их. Правда, уважаемый профессор пока не предложил использовать современные ритмы в качестве средства отпугивания акул, но чем черт не шутит...

У акул есть еще однн орган чувств, назиачение которого долгое время оставалось неясиым. Еще в 1663 году знаменитый итальянский анатом Мальпиги обнаружил на передней части акулы, особенно в области рыла, множество крохотных отверстий, иапоминающих поры. Они вели в тонкие с расширением иа конце трубки-ампулы, выстланные изнутри клетками двух видов — слизистыми и чувствительными. Эти странные образования были детальио исследованы и описаны пятнадцать лет спустя Стефано Лореизини и были иазваны его имеием.

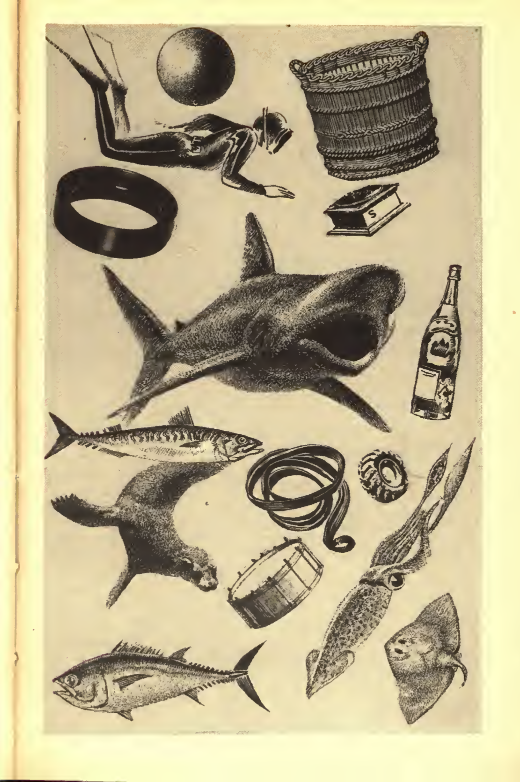
Дальнейшее их изучение привело ученых к заключению, что ампулы Лорензини — орган чувств, реагирующий на самые различиые раздражители: температуру, солеиость, гидростатическое давлеиие и, иакоиец, изменение электрического поля. Весьма вероятно, что с помощью этих ампул акула на последнем этапе атаки, то есть за иесколько сантиметров от цели, по электрическим импульсам, испускаемым биологическим объектом, определяет характер добычи.

С каждым годом расширяются знания об акулах, н все же во многом характер их остается загадкой. «Никогда ие нзвестно, что́ акула иамерена предпринять»,— гласит золотое правило подводных пловцов, н с ним спорить ие приходится.

Но если акула, повстречавшаяся вам иа пути, иастроена агрессивио, можно ли заставить ее отказаться от своих первоиачальиых намерений? Биологн отвечают — да! Давно замечено, что акулы обычно осторожны и довольио трусливы. Они иередко подолгу ходят вокруг облюбованной добычи н не станут атаковать, пока ие убедятся, что объект нападения — существо, уступающее им в силе. Значит, иадо убедить акулу в своем превосходстве, дать ей поиять, что оиа имеет дело с активиым, сильным противником, готовым к решительиой борьбе. Если же человек выглядит беспомощным, беспорядочно барахтается, словио ранеиая рыба, хищница обязательио перейдет в иаступлеиие. Эти акульи повадки во миогом иапомииают поведение собаки. Вот собака повстречала иезнакомца. Шерсть встает дыбом, глухое рычание вырывается нз ее глотки. Это угроза и предупреждение: смотри, мол, я тебя! Обратись испуганный человек в бегство, и собака может иаброситься иа иего. Но если прохожий не робкого десятка и иевозмутимо иаблюдает за маневрами барбоса, тот либо успокоится, отказавшись от первоиачальиых иамерений, либо, поджав хвост, отступит.

«Встретившись с акулой лицом к лицу,— гласят правила,— ие колотите беспорядочио по воде, ие пытайтесь удрать от акулы, это бесполезио и лишь ускорит роковую развязку. Какие бы чувства вас ни обуревали в этот момент, пересильте страх и постарайтесь доказать акуле, что закои природы на вашей стороие».

Поскольку выиграть едииоборство с акулой — вещь малореальиая, гораздо целесообразиее ие вступать с ней в близкий коитакт. Не фамильяриичайте с акулами, наставляют зиатоки, помиите, что даже самая крохотиая из них может иаиести серьезное увечье. Удержитесь от соблазиа хватить акулу за хвост, всадить ей в бок гарпуи или тем паче прокатиться иа ией верхом. Убив рыбу, ие таскайте ее с собой на кукане или в мешке. Заметив акулу, ие ждите, чтобы оиа сама проявила к вам интерес. Не купайтесь ночью в тех местах, где появляются акулы. Не входите в воду, если у вас на теле царапииы



или кровоточащие ранки. А тому, кто очутился поблизости от акул помимо своего желания, рекомендуется как можно скорее забраться в спасательную шлюпку. Если люди оказались в воде после катастрофы, прежде всего надо позаботиться о раненых. Это не только долг гуманности, но и требование здравого смысла: ведь кровь немедленно привлечет акул. Если нет никаких спасательных средств или их отнесло на значительное расстояние, потерпевшим рекомендуется не снимать одежду и особенно обувь, как бы она ни стесняла движений.

Уберечь от акульих зубов это, конечно, не сможет, но от ссадин при соприкосновении с шершавой шкурой акулы — несомненно. Кроме того, давно замечено, что хищницы гораздо реже атакуют одетого человека, чем обнаженного. Впрочем, оказавшись в шлюпке, также надо соблюдать правила предосторожности. Не следует, например, рыбачить, если поблизости шныряют акулы, опускать за борт ноги или руки да еще болтать ими в воде. Совершенно очевидно, что выброшенные остатки пищи, мусор, смоченные кровью вата и бинты служат акулам приглашением пожаловать на обед.

И все же жертвам авиационных катастроф и кораблекрушений одних советов, как бы они ни были мудры, недостаточно. Это стало особенно ясно в годы второй мировой войны, во время сражений на Тихом океане. Погружались в пучину вод развороченные торпедами корабли, падали, оставляя в небе дымный след, самолеты, исчезали в волнах, срезанные пулеметными очередями, морские пехотинцы. И вдруг в разгар военных операций у американцев неожиданно появился новый враг, не предусмотренный никакими уставами. Это был страх перед акулами. Словно эпидемия, он мгновенно распространился среди солдат и матросов экспедиционных войск, «разлагая, по свидетельству Бюллетеня ВВС США, моральный дух армии». Положение стало настолько серьезным, что президент Соединенных Штатов Франклин Рузвельт распорядился немедленно приступить к разработке действенных средств, отпугивающих акул. Были испробованы 78 различных препаратов: красители, химические раздражители, отравляющие вещества. Акулы гибли, не выдержав действия ядовитых снадобий, но ни одно из них не отпугивало акул.

В бесплодных поисках проходила неделя за неделей. Но вот однажды один из научных сотрудников взволнованный влетел в лабораторию: эврика! Многим биологам и морякам было давно известно, что акулы стараются держаться подальше от своих дохлых товарок. Стало быть, в их гниющем мясе и содержится желанный репеллент — вещество, которое должно отпугивать хищниц. Химики без труда выяснили, что это вещество — всего-навсего уксуснокислый аммоний. Именно он отпугивал акул.

А если одновременно воздействовать на их зрение, ведь вблизи от жертвы она руководствуется в первую очередь им? Не случайно же акулы обходят стороной спрутов, каракатиц и других моллюсков, вооруженных «бомбой» с чернильной жидкостью. Решено было создать порошок из двух компонентов — уксуснокислой меди и сильного красителя — нигрозина. Первая, разлагаясь в воде, образовывала уксусную кислоту, отбивавшую у акул аппетит, второй создавал черное облако, скрывавшее человека от их взоров.

Итак, репеллент, получивший громкое название «истребителя

акул», был готов. Оставалось выяснить, как относятся к нему сами «истребляемые». В океанариуме действие репеллеита выглядело весьма эффективно. Хищницы улепетывали прочь, лишь только в воду бросали пакет с порошком. Однако, как он действует в открытом океане, оставалось неясным.

Именно это и решили мы проверить во время плавания в Индийском океане. Судно подошло к гидрологическому бую, и, как обычно, научные отряды приступили к работе. А мы тем временем притащили на палубу груду пакетов с репеллентом и целое ведро окровавленных кусков корифены — подарок удачливых рыболовов. Условия работы были превосходными. У самого борта, как рыбки в аквариуме, плавали штук тридцать акул всех мастей и размеров, от полуметровых «малюток» до трех-четырехметровых тварей. Они старались держаться поближе к корме, откуда время от времени сыпались вниз кухонные отбросы.

— Ну что, начнем с проверки аппетита наших подопытных кроликов? — сказал Станислав, засовывая руку по локоть в ведро. Покопавшись, он выбрал кусок посолиднее и швырнул его за борт. Едва мясо шлепнулось в воду, акулы устремились к нему со всех сторон. И куда только девалась их флегма! Еще несколько кусков были проглочены с такою же быстротой.

— Проголодались, бедняжки? Погодите, мы вас сейчас попотчуем,— Володя связал вместе три пакета, разрезал ножницами предохранительные оболочки и осторожно, чтобы не перемазаться в нигрозине, бросил вниз.

Порошок быстро растворился, расходясь во все стороны черными, похожими на дым клубами. Вскоре на прозрачной поверхности океана образовалась огромная черная колеблющаяся клякса.

— Вот дают! — крикнул с мостика вахтенный штурман.— Да разве хоть одна уважающая себя акула сунется в такое болото?

Моряки, собравшиеся посмотреть невиданное зрелище, дружно засмеялись.

Тем временем Герман привязал кусок мяса корифены к поплавку из белого пенопласта и, прицелившись, бросил приманку в самый центр кляксы. Плюх! Вверх взметнулся фонтан черных брызг. Не прошло и пяти секунд, как в самой середине «отравленной» зоны появилась морда здоровенной акулы. Щелкнули челюсти — мясо и пенопласт исчезли в акульей глотке. Восторг толпы зрителей был неописуем. Каждый старался перещеголять друг друга в остроумии. Но мы сохраняли невозмутимость и повторили опыт. Увы, акулы поедали приманку, не обращая внимания на уксусную кислоту и черное облако нигрозина. Впрочем, все это было не так смешно, как казалось на первый взгляд.

— Вот вам и хваленый отпугиватель,— сказал капитан, внимательно следивший за ходом событий.

— Липа — этот американский порошок, одна реклама,— вмешался в разговор один из гидрологов.— Он и раствориться-то не успеет, как акула тебя сцапает. Ну подумайте сами: на каком расстоянии пловец может увидеть акулу? Метров за тридцать — сорок. А что для нее проплыть это расстояние?

— Насколько мне известно,— сказал судовой врач,— люди часто

вообще не видят акулу в момент нападения.

— Хорошо, допустим, что пловец все-таки ее увидел,— продолжал гидролог.— Пока порошок растворится, она уже будет тут как тут.

— Чего зря спорить? — подхватил штурман.— Даже если отпугнешь этим акулу, все равно защитное облако не вечно будет существовать. Его ветер и течение вмиг разнесут.

Мы и сами знали, что выяснять нужно очень многое, даже если репеллент окажется эффективным. Какой ширины должна быть защитная зона, образующаяся при растворении в воде порошка? Какая концентрация репеллента необходима?

Ответить на эти вопросы попытался американский ученый Х. Балдридж. Прежде всего он решил выяснить, с какой же скоростью обычно плавают акулы. Зависит ли это от их размера или вида. С этой целью в океанариуме на расстоянии 12 метров друг от друга установили две вешки. Подопытных хищниц выпустили «на дистанцию», а наблюдатели вооружились секундомерами. И тут ученые с удивлением обнаружили, что все акулы — и гигантские тигровые, и лимонные значительно меньшего размера — плавают с одинаковой скоростью — около метра в секунду. Таким образом, защитную зону с радиусом в десять метров акула преодолеет в считанные секунды. Но ведь атакующая акула может развивать скорость и в 15—20 раз больше. Успеет ли препарат подействовать?

Построив математическую модель защитного поля, Х. Балдридж заставил некую «гипотетическую акулу» приблизиться к «гипотетической жертве» через зону, в которой концентрация вещества увеличивалась от периферии к центру. Решение системы уравнений показало, что, будь препарат на несколько порядков токсичнее даже цианистого калия, ни умертвить, ни парализовать акулу он не успеет, не говоря уже о том, что пловец лишится жизни прежде, чем попадет в пасть акулы.

Однако в конце семидесятых годов неожиданно появилась надежда решить проблему. В Красном море обитает небольшая рыбешка со странным названием Ступня Моисея. Несмотря на отсутствие игл, острых колючек или панциря, она преспокойно плавает среди акул, не страшась их могучих челюстей. Оказалось, что стоит ей попасть в акулью пасть, как ядовитое облачко, выпущенное рыбкой, мгновенно вызывает паралич глотательных мышц. Возможно, расшифровав химический состав этого яда, ученые сумеют синтезировать препарат, с которым человеку уже будут не страшны акулы.

Лет двадцать назад австралийские специалисты предложили защищаться от акул с помощью химических препаратов, не растворяя их в воде, а вводя хищнице в тело оригинальным копьем со шприцем на конце. Испытали различные сильнодействующие вещества — цианистый калий, стрихнин, никотин. Они поражали хищниц быстро и бескровно. Метод казался весьма перспективным. Правда, оставалось неясным, как дозировать препараты: ведь одно дело метровая лимонная и совсем другое — шестиметровая тигровая акула. Надо было определить какие-то средние размеры хищниц. В течение нескольких месяцев выловили около тысячи акул 24 различных видов, обитающих в водах Флориды. Оказалось, что почти 90% акул весят менее 200 килограммов и имеют длину не более трех метров. Тщательно обсудив результаты исследования, ученые Ю. Кларк и

Л. Шульц предложили в качестве оптимального заряд в 10 граммов. Этого вполне достаточно, чтобы отправить ее в царство теней.

И все же наибольшей популярностью у ныряльщиков многих стран пользуются всякого рода огнестрельные устройства, так называемые «Пауэрхед» и «Бэнгстик» — длинные стальные трубки с патронником для пули крупного калибра н стреляющим механизмом. Стрелять надо в голову. Однако оружие это — палка о двух концах: грохот выстрела и акулья кровь могут привлечь к месту происшествия других хищниц. А кроме того, вовсе не исключеиа опасность осечки в момент выстрела.

Предполагались н другие типы защитных средств — колющне н стреляющне. Но все они не годились для тех, кто попадал в воду после аварнй кораблей или самолетов. Они были слишком громоздки и годились лишь на один раз. Поэтому морские и летные ведомства настойчиво требовали от ученых быстрейшего практического решения проблемы. Идею создания нового защитного средства подсказали нсследования американского бнолога А. Тестера. Ему удалось установить, что акулы различных видов — белые, тигровые, молоты,— даже лишенные зрения, чутко реагируют не только на опущенные в бассейн куски рыбы н кальмара, на ничтожные количества бесцветного экстракта нз них, но даже на воду, добавленную нз другого бассейна, где обитают рыбы.

Так, может быть, н человек прнвлекает внимание акул какими-то таинственнымн флюидами. Они могут содержаться в поте или других выделениях человеческого тела. А что, если веществам этим преградить дорогу в окружающую среду и тем самым лишить акул ннформации о присутствии в воде человека? Но как осуществить это? Завернуть человека в водонепроницаемую ткань? Облачить в спецнальный непромокаемый костюм? Может быть, предложил К. Джексон, посаднть человека в мешок-чехол, точно так, как поступают с одеждой, чтобы уберечь ее от моли? Во-первых, чехол не даст «флюидам» распространиться вокруг, во-вторых, скроет от глаз акулы очертания человека, и, наконец, вода в чехле, подогретая человеческим телом, будет намного теплее окружающей. Доводы былн достаточно убедительны, а нспытания подтвердилн надежность защнтного мешка Джонсона. Но чехол, сковывая движения, делал пловца беспомощным. Тогда высказали предположенне, что акула улавлнвает не только волновые колебания воды, но н электромагнитные нзлучення. Была установлена определенная связь между электромагнитнымн нзлучениями и поведением акул. Прн этом слабые нмпульсы привлекали хищниц, а сильные отпугивалн.

Амернканскнй ныряльщик-нзобретатель Джон Хикс шесть лет трудился над созданнем своего «акульего пугача» — нзлучателя электромагнитных волн. В Майами в прнсутствнн ученой комнссии он продемонстрнровал действне своего прнбора на внушнтельной стае акул. Стоило включить прнбор, н перед акуламн словно возникала невиднмая, непреодолнмая преграда. По словам Хикса, «акулы в панике бежали нз зоны действия прнбора, и чем крупнее была акула, тем воспрнимчивее оказывалась к влияиию электромагнитных волн». Теперь уже ряд американскнх фнрм усиленно разра-

батывают электронное оружне против акул. По сообщеииям амернканской печати, некоторые образцы его иастолько миниатюрны, что могут крепиться прямо иа снаряжеиии аквалангиста или комбинезон летчика. Такой нзлучатель можно использовать многократно в течение длительного времени, так как сухне батареи обеспечнвают его энергией на восемь — десять часов непрерывной работы.

А вот Д. Браун предложил нспользовать записанные на пленку крики бедствия, издаваемые дельфинами: стоит лишь воспроизвести их с помощью миниатюрного магнитофоиа, и дельфины — извечные враги акул — немедленно примчатся иа помощь и разгонят хищниц. Возможно, когда-нибудь удастся обучить дельфинов отпугивать акул в открытом океане, тогда водолазы и аквалангисты получат вериых и надежных защитников.

Но как ни важны индивидуальные средства защиты от акул, многочислеиные купальщики, заполняющие пляжи тропических побережий, нуждались в иных методах. Этого требовали не только соображения гуманности, но и коммерческие расчеты. Ведь каждый случай нападения акул на купающихся вызывал массовый отлив турнстов нз прнморских отелей. Наиболее простым и эффективным средством защиты оказались металлические заграднтельиые сети. Десятки километров таких сетей установлены под водой вдоль побережий Австралии и Южной Африки. Одиако это причиняет огромиый урои животному миру океана. Ведь только у берегов австралийского штата Квинсленд за 16 лет погибло, запутавшнсь в сетях, более 20 тысяч акул, 468 дюгоней, 317 морских свиней, 2654 морскне черепахн, 10 тыс. скатов. Иногда для большей надежности сквозь сетки пропускают электрнческий ток с напряжеиием, безвредным для человека, ио гибельиым для акул. Коиструкторы предложили использовать для отпугивания акул в зоне пляжа сжатый воздух. На дне укладывали трубы с отверстиями, сквозь которые выходили цепочки серебристых пузырьков воздуха, образовывая своеобразиую завесу, хорошо отпугивавшую акул. Но это устройство обходнтся слишком дорого. В Австралии над прнбрежной зоной популярного сидиейского пляжа Рондай-бич непрерывно в дневные часы патрулируют специальные вертолеты. А дежурные наблюдатели на вышках, приложив к глазам бинокли, пристально всматриваются в океанские волны: не покажется ли зловещий спинной плавник?

На иекоторых пляжах нспользуют для защиты купающихся так иазываемый «электрический барьер». Он представляет собой длиниый кабель, уложенный на дно неподалеку от берега и нспускающий электрические импульсы. Прн быстром нзмеиении полярности электрического поля у акул возникают непронзвольные мышечные спазмы, заставляющие нх устремляться прочь от барьера.

С каждым годом «акулья проблема» привлекала внимание все большего числа зоологов, ихтиологов, биологов. Необходимо было детальио изучить фнзнологические н аиатомические особеииости различных видов акул, проанализнровать условия, в которых акулы обычно совершают нападения, оцеиить эффективность существующих средств обороны и отпугивания и наметить пути их дальиейшей разработкн. Была создана специальиая Комнссия по изученню акул (КИА) при американском Ииституте биологических наук. На комнссню возлагался учет всех случаев иападения акул иа людей,

где бы они ни произошли. Комиссии поручалась координация исследований ученых разных стран в области общей биологии, анатомии и физиологии акул, изучения их миграций с помощью маркировки специальными метками и, конечно, разработки различных средств защиты.

На полках библиотеки военно-морской лаборатории в Сиеста-Ки (штат Флорида) уже хранится несколько тысяч досье с детальными описаниями каждого случая нападения хищниц. Чтобы облегчить пользование картотекой, записи ведутся чернилами разных цветов. Красным заполняются карточки, если нападение завершилось гибелью жертвы акулы, зеленым — при неспровоцированных нападениях, желтые чернила служат для описаний морских и авиационных катастроф, закончившихся встречей экипажей с акулами. Голубыми чернилами фиксируются случаи нападений акул на лодки.

Ученые приступили к всестороннему изучению биологии акул, но уже на первых порах встретились с непредвиденной трудностью. Оказалось, что акулы плохо переносят неволю и в «домашних» условиях вскоре становятся вялыми, апатичными. А некоторые их виды, например большая белая, мако, не могли протянуть и нескольких дней. Даже незначительные повреждения, нанесенные акулам при поимке, быстро приводили к их гибели. Это кажется парадоксальным, так как о живучести акул сложены целые легенды. Имеется немало свидетельств, как мстительные мореходы вспарывали брюхо пойманной акуле и, бросив за борт, подолгу злорадно наблюдали за мучениями своего извечного врага.

И вместе с тем, как установили биологи, акулы обладают завидным здоровьем: раны быстро заживают, антитела, вырабатываемые акульим организмом в широком спектре, обеспечивают не только быстрое исцеление от ран, но и защищают их от всевозможных инфекционных болезней. Полагают даже, что некоторые из этих антител задерживают развитие злокачественных новообразований, препятствуют размножению вирусов и бактерий, опасных для человеческого организма. А в семидесятых годах ученым удалось установить, что акулы обладают устойчивостью к воздействию рентгеновского и гамма-излучения. Подопытных акул облучали в дозах, превышающих смертельную для человека в тысячу раз. Однако они, как говорится, и ухом не вели. Даже восемь месяцев спустя при самом тщательном обследовании не удалось обнаружить никаких признаков лучевой болезни.

И все же акуле не сладко живется даже в собственном доме. С момента рождения и до самой смерти она, как библейский Агасфер, обречена на безостановочные скитания, не зная покоя ни днем ни ночью. Акула должна непрерывно двигаться, чтобы жабры ее омывались все новыми струями воды, из которых она извлекает живительный кислород, иначе ей грозит смерть от удушья, так как природа обделила ее механизмом, с помощью которого большинство других представительниц рыбьего царства прокачивают воду через жабры. Кроме того, акула лишена плавательного пузыря, и стоит ей прекратить движение, как она топором пойдет на дно.

Однако никто не сочувствует акуле, а темные очки, сквозь которые люди в течение столетий смотрели на весь ее род, и по сей

день мешают оценить огромную пользу, которую может она дать. Годовой улов акул (и то вместе со скатами) составляет всего триста — пятьсот тысяч тонн — ничтожный процент от мировой добычи морских животных. А между тем эта крупная рыба — удивительно выгодный объект промысла. Ведь можно использовать буквально все: ее мясо, жир, шкуру, хрящи, зубы, позвоночный столб. Удачный улов — и в руках рыбака оказываются тысячи килограммов акульего мяса. Но можно ли его есть? Вкусно ли оно?

Например, немецкий ученый К. Аппун, отправившийся в 1848 году по совету знаменитого естествоиспытателя Александра Гумбольдта в Венесуэлу, считал, что «мясо молодой акулы очень вкусно и на этом (венесуэльском.— *Авт.*) берегу всеми употребляется в пищу». Джек Лондон утверждал: «Очень многие из обычно употребляемых в пищу рыб далеко уступают по вкусу мясу акулы, поджаренному в томатном соусе». Известно, что акулье мясо широко используется в пищу жителями Африки, Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании. Подвяленное на солнце, так называемое «лукум», оно считается в Южной Аравии деликатесом и стоит недешево. Впрочем, и европейцы тоже по достоинству оценили мясо акул, особенно колючей сельдевой. Первой из европейских стран, поставившей на широкую ногу отлов акул, пищевую обработку и хранение их мяса, была Норвегия. Акульи балыки теперь нередко можно встретить на прилавках рыбных магазинов. Но вот, скажем, мясо белоперой акулы даже после всесторонней обработки — вымачивания в соленой воде и уксусе, поджаривания на масле и т. п.— нам не удалось сделать съедобным. Бифштексы получились жесткими, как подошва, и имели неприятный запах и привкус, придаваемые мочевиной, которая в значительном количестве (более двух процентов) содержится в крови акулы. Пришлось утешать себя мыслью, что нам попался несъедобный вид. Впрочем, и для таких видов есть прекрасное применение: высушенное и растертое мясо превращается в муку, содержащую до 85 процентов белка — ценной добавки в рацион домашних животных.

Но особо ценятся плавники акул. Увидев на одной из улиц Сингапура разложенные на тротуаре для просушки сморщенные желто-коричневые пластины, наполнявшие воздух отвратительным смрадом, мы никак не могли представить, что они имеют хотя бы отдаленное отношение к пище. Однако это и есть основа знаменитого «супа из плавников акулы», одно упоминание о котором заставляет течь слюнки гурманов всего света. В том, что слава этого блюда вполне заслуженна, мы убедились, отведав сей деликатес, похожий на слегка растаявший ароматный холодец буроватого цвета, в котором плавали длинные белые волокна.

Полезность шершавой акульей шкуры издавна оценили ее соседки-рыбы. Так, радужные макрели, подкравшись к акуле с хвоста, ловко трутся о ее спину, чтобы избавиться от надоедливых паразитов. В Древней Греции мастера-краснодеревщики использовали шкуру акулы при обработке изделий из эбена и палисандра, а рабы-каменотесы полировали ею мраморные глыбы возводимых храмов и дворцов. После второй мировой войны был запатентован промышленный способ выделки из акульей шкуры шагреневой кожи. Она может дать сто очков вперед и по красоте и по прочности всем известным кожам. Да и какое еще животное на Земле может

похвастать шкурой, прочность которой на разрыв превышает полтонны на квадратный сантиметр? Недаром говорят, что ботинки из такой шагрени легче потерять, чем сносить. Если заглянуть в Сингапуре, Бомбее или Гонконге в лавку, где торгуют изделиями из акульей кожи, глаза разбегаются — столько здесь изящных сумочек, тисненых бумажников, портфелей. А туфельки — прямо сапожный шедевр — легкие, элегантные, могут украсить самую стройную женскую ножку.

Нельзя, разумеется, умолчать об акульей печени не только потому, что она имеет необычайные размеры (например, у трех с половиной метровой тигровой акулы она весила более 77, а у четырехметровой акулы-молота — 65 килограммов) и из нее готовят нежнейший паштет — гордость сиднейских кулинаров. Она просто начинена замечательным целебным «рыбьим жиром», которому помимо медицины (в печени акулы содержится витамина А во много раз больше, чем в тресковой) находят применение в самых различных областях: в пищевой промышленности — для изготовления маргарина, в парфюмерии — для получения душистого мыла, в металлургии — для закалки специальных сталей.

Однако акулья печень хранила для медиков еще один сюрприз — изопропеноид из группы терпенов, выделенный из ткани акульей печени еще в 1916 году и названный скваленом.

Через пятнадцать лет химик П. Каррер установил, что сквален — промежуточный продукт синтеза холестерина. Дальнейшие исследования заставили врачей серьезно подумать о возможности его применения для лечения ряда сердечных заболеваний и даже некоторых форм злокачественных опухолей.

Фармацевты не оставили без внимания и увесистую акулью поджелудочную железу. Из нее научились извлекать инсулин и столь необходимый для лечения многих желудочно-кишечных заболеваний панкреатин. Устрашающие акульи челюсти, очищенные и отполированные руками умельца, превращаются в великолепный сувенир, а грозные треугольные зубы, которыми некогда унизывали свои боевые палицы племена, населявшие тихоокеанские острова и атоллы, ныне используются для изготовления дамских украшений.

Помимо всего прочего акула — объект для волнующей охоты. Тот, кто хоть раз держал в руках туго натянутый шнур, на конце которого мечется, то выскакивая из воды, то устремляясь в глубину, огромная хищная рыбина, никогда не забудет связанных с этим переживаний. Особенно увлекательна ловля акул с помощью спиннинга. Не случайно австралийские рыболовы-спортсмены ежегодно устраивают соревнования, привлекающие массу участников. Однажды одному из них пришлось пять с половиной часов тащиться на буксире у пойманной тигровой акулы, прежде чем удалось вытащить ее из воды. Вес хищницы превысил три центнера. Однако это далеко не предел. Как сообщала австралийская печать, рекордный вес акулы, пойманной у берегов Западной Австралии, составил более полутора тонн.

Итак, оказывается, что акулы не такой уж заклятый враг человека, как это считали раньше. Надо думать, что наступит время, когда надежные средства защиты рассеют вековечный страх перед акулами и люди по достоинству оценят этих грозных, но столь полезных обитателей Мирового океана.



САВВАТИЙ ШИЛЬНИКОВСКИЙ

ТРОПОЙ БЕРЕНДЕЯ

Новеллы

Главная артерия

Что н говорить, чем-чем, а водоемами прнрода Вологодской области богата, особенно ее северо-запад. Одних озер более полукилометра длиной свыше тысячи. Судоходные, сплавные реки и речушки несут свои холодные струи лесной водицы, настоянной на черничниках, по Северо-Двинской речной снстеме в Белое море. А иекоторые реки, иапрнмер Унжа, впадают в Волгу. Есть и загадочные, периоднчески исчезающие вместе с рыбьим населеннем озера. Многие речушки н озера называются Черными по темному цвету воды.

На Вологодчине созданы две крупные судоходиые водные системы — Северо-Двинская и Волго-Балтийская. Благодаря сооружению Рыбинского и Череповецкого водохранилищ одиа река превратилась в огромное проточное озеро, и теперь по Молого-Шекснинской низменности ходят теплоходы. Протяжениость водохранилища от низовья Шексны до плотины Пахомовского гидроузла 260 километров — целое море! Его так и называют — Череповецким морем.

Самая крупная водная артерия Вологодчины — Сухона. Она отиосится к Северо-Двинской речной системе. Длина реки — 560 километров. Она вытекает из Кубенского озера двумя рукавами и, соединяясь с рекой Юг, образует Малую Северную Двину, а после слияния с Вычегдой Малая Северная и становится Северной Двиной.

Крута нравом, непостоянна северяночка Сухона, хороша во все времеиа года! В весенний паводок возле Тотьмы скорость течения местамн близка к скорости Ангары — 12 километров в час. Теплоходы, идущие вверх, с трудом преодолевают порог Опоки, находящийся в 70 километрах выше Великого Устюга. Разбежавшись для иачала, река вскоре, словио одумавшись, течет тихоней, набирая силу на водосборах. Прн иезначительиой ширине глубина иа судовом ходу на плесах выше притоков Лежи и Вологды в среднем 6—8 метров. Встречаются плесы и до 16 метров глубиной.

Чем дальше бежит, тем больше изменяет характер Сухона. Как зверь, кидается ее стремительный поток от одиого берега к другому. Но прочны берега из твердых пород и каменистые гряды-бороны. И, крутя белые хлопья пены в суводьях прижимного течения, с шумом

откатываются отбойные струи и устремляются на стрежень.

На подходе к своей старшей сестре — Малой Двине — Сухона наконец смиряет свой нрав. Перед последним плесом волны уже не таранят обрывистый берег заповедного Шиленгского бора, а ласково набегают и, омыв разноцветные камешки на приплеске, спокойно откатываются назад. По склону коренного берега стоят, держась за него полуобнаженными корнями, скрюченные годами сосны. Тут же, цепляясь за выступы, шагают рядом с ними молодые стройные сосенки и, взобравшись наверх, смешиваются с колоннадой стволов соснового бора-черничника.

Великий художник — природа показала здесь все свое мастерство, выплеснув на высокий берег Сухоны зеленое море Шиленгского бора. В нем всегда светло и сухо. Ему не знакомы сумрак и угрюмость. Когда лучи солнца ласкают красновато-золотистые стволы, те кажутся отлитыми из благородного металла. Стройные, согретые солнцем, они гордо держат свои величавые кроны. На фоне могучей колоннады стволов нежным, робким цветком — ветреницей дубравной выглядит тонконогая березка, высматривающая в верхнем ярусе кусочек неба. Мириады сосновых игл смиряют даже сильный ветер. Запутавшись в хвое, он не воет голодным волком, а мерно вздыхает и даже начинает что-то напевать.

С высокого берега заповедного бора взору открывается панорама долины Сухоны. Зеркальная гладь воды с цепочками бон, голубой дымок рыбацких костров, бронзовые от загара ребятишки-рыболовы со своими неизменными спутниками — собаками. Голубые, оранжевые, белые палатки по берегам, словно разноцветные бабочки, присевшие на пригорке. Перелески, желтые квадраты хлебных полей. Сосновые боры — кисличники и черничники — чередуются с березовыми рощами. Увал за увалом уходят к горизонту в лиловой дымке лесные дали, синея глухолесьем. Аромат грибной сырости и хлебный дух полей сливаются воедино.

Не так уж бедна и сегодня рыбьим населением Сухона. Не оскудела и фауна лесов в ее долине. Поголовье лосей умножилось: их ежегодная добыча стала достигать трех тысяч голов. Численность бобров превысила семь с половиной тысяч, они стали сейчас промысловым видом, как и лоси. Аромат свежей ухи из сухонской стерляди известен далеко за пределами области. Не перевелся еще и в самой Сухоне и в ее притоках смелый и вместе с тем осторожный харнус. Нагуливают жирок и судачок, и сиг, не говоря уже о вездесущей зубастой прямой, как полено, щуке, скользком большеротом налиме, тупорылых головлях, лещах-подносах и прочей рыбешке вроде плотвиц и окуньков.

Гурина Ерга... Подлинный рай для любителей природы. Еще на подходе к реке слышен разговор прозрачных струй с замшелыми валунами на бырах-перекатах, напоминающий шум удаляющегося реактивного самолета. Круты повороты Ерги! Такие мысы-петли понаделала, что плотогоны здоровались, когда один плот буквально в нескольких шагах проносился навстречу другому. Но в верхнем течении Ерга мирная. Приглянулись когда-то эти места, богатые красной рыбой, красным зверем, птицей, малоземельному крестьянину Гурию с реки Устьи соседней Архангельской губернии. Распрощался он со своей Устьянской волостью, односельчанами и подался

с семьей на Ергу искать свою долю. И по сие время урочища на Ерге со следами хутора Гурия старожилы бывшей Нестиферовской волости называют Гурниой Ергой, чаще — просто Гурей.

Бегут и бегут через быры-перекаты Гурн, разговаривая о чем-то своем, кристально чистые струи. Серебром сверкают среди валунов в неверном лунном свете, колеблют густые метелки хвощей на застругах. Своя жизнь близ лесной текучей водицы. В ту пору, когда по зеленому ковру берегов разбросают свои голубые цветки незабудки, стонет Гуря гулом мошкары, комариным звоном... Чертит виражи в воздухе пучеглазая стрекоза-коромысло, гоняясь за мошками. Стремительно взмывает в небо и вдруг повисает в воздухе, трепеща целлофаном крыльев. Такова уж охотничья «стойка» насекомого. Словив мушку и отяжелев, опустилась стрекоза на низко склонившуюся над речкой былинку.

Плесь! И нет коромысла. Сбил ее стоявший в струях хариус.

Плесь! И нет черноспинника, угодил в зубастую пасть.

Жадно двигая жаберными крышками, щука заглатывала добычу, медленно отходя в темную глубину омута. И тут увидела обессилевшую плотвичку. Заглотив хариуса, хищница стремглав ударила в нее. Почувствовав неладное, выпрыгнула на полметра из воды. Раскрыв пасть, силилась выбросить живца. Но цепки, остро заточены крючки тройника, надежно удерживают хищницу на жерлице.

Жадности щук не устаешь удивляться. Мало того, что они поедают своих сородичей, птиц, лягушек, схватывают и стараются заглотить рыб, почти равных им по весу. Набив добычей желудок, щука не упустит случая взять еще рыбешку, заглотить которую уже не в силах. Вот и гуляет зубастая по водоему с двумя хвостами.

В пору перволетья, когда над Сухоной сходятся вечерние и утренние зори и прибрежные заросли ивняка оглашаются соловьиными трелями, посидеть с удочкой на берегу — одно удовольствие, а тут еще и такой разговор состоится:

— У вас нет ли девятого номера, хотя бы пяток крючков? Выручите!

— Гм... Девятого? А что?

— Да голавли... На Саралевской заструге... Берут на горох такие, что восьмерка ломается!

— Разве?

— Да хоть вяжи другой подсак. Покрупнее...

В эту пору ценится на берегу Сухоны уловистое местечко: как говорится, кто раньше встал, тот и лапти обул! А попробуй опередить иного рыбака, который днюет и ночует на берегу. Затаив дыхание, часами сидит под крутояром. Не любят такие выставлять напоказ свое рыболовное мастерство, богатый улов... Спроси у него, пусть и учтиво, вполголоса:

— Как лещик, поклевывает?

Промолчит или сквозь зубы процедит:

— Поклевывает... Да выплевывает!

Совсем другое дело парни-подростки, особенно сельские. Они всегда готовы поговорить по душам, рассказать о себе. Не уносится временем, жива в памяти одна такая встреча.

«Бежин луг»

Майский день угасал в малнновом обрамлеиии вечерней зари. Серебристое сияние заката обещало ведреную погоду. Небо иад головой было как опрокинутая бездонная чаша. Кое-где на нем робко зажнгалнсь первые звезды, когда я вышел нз попутной машины н направился к берегу Сухоны.

С прнгорка открывается знакомая паиорама: сиреневые косоугольники полей, зеленый ковер лугов, за которым большой серой подковой лежит полиоводный плес Сухоны — Челзан. Такне места ни однн рыбак ие обойдет! Сухона, вдоволь погулявшая в половодье, теперь «валилась». Еще не просветлевшая, рыжая вода иесла хлопья пеиы, оставляла у берега разный мусор, серднто всплескивала, встречая на пути крутояр коренного берега.

За выступом приткнулась к прнплеску рыбацкая лодка-казанка. В наступающих сумерках ее очертания были неясны. Над рекой поднимался туман. Недалеко от казанки возвышалась на берегу видавшая виды палатка. На прнплеске под берегом молча «колдовали» двое. Ниже по теченню, у зарослей ивняка, легкий ветерок теребил косматое пламя костра. Из кустов доносился лай встревоженной чем-то овчаркн. Под берегом слышалнсь голоса. Похоже было, что костер развелн деревенские подростки, тягаться с которыми по рыболовному делу не бернсь. Они знают ие только уловнстые места, каждую яму на плесе, карчу... Они всегда поделятся с незнакомым рыбаком насадкой, хлебом, предложат место у костра...

Упавший ветер отчего-то вдруг всполошился, и дым костра потянуло к воде, туда же наклонило красные языки ожнвшего огнища. Сумеркн будто раздвинулись, огонь осветил собаку и лежавшего на траве человека. Меня потянуло к огню. Желтая палатка, ее хозяева остались позади.

У огнища царилн запахн свежей ухи. Наварнстой, сдобренной печенкой, луком, лавром. Отменно вкусна свежая уха, когда рыбешка нз рекн сразу пожалует в котелок! Чернявый, в болотных сапогах паренек полулежал у костра, подвннув к себе прокопченный дымом костра котелок. На мое прнветствне он лишь кивнул головой, то лн прнглашая к огню, то ли давая понять, что для него безразлично, куда н зачем я иду; он был занят. Его вместительиая ложка, казалось, не остановится до тех пор, пока не зазвенит о дно котелка. Но этого не случилось. Завидный аппетит паренька подчинился древнему доброму правилу, живущему в тайге: еслн ты не однн, предложн часть того, что прнготовил, другому.

Чернявый отложил ложку, продвинул котелок к головешкам, н мы закурили разговарнвая. И тут нз-под берега доиесся короткий отрывнстый свнст. Парень встал, спешно стал спускаться к воде. Серой тенью метнулась вслед за иим овчарка.

Решив провести ночь в компании юиых рыболовов, я должен был сходить за дровамн, прнготовить чай и ждать, когда ребята проверят свон закидушки. Наступил колдовской час темнозорья. Замолкли в прнречной дубраве голоса пернатых. Тишина... Слышно, как шуршит в кустарнике полевка. Сгустилось сеево звезд на иебе.

Коротка майская иочь в долине Сухоиы. Нет в ней той непроницаемой темноты, как в пору глубокой осенн, и некогда лезть в голову человека мрачным мыслям. И берег, н вода в реке, и небо

еще были во тьме, но все ближе становится предрассветный час. Шалый ветерок раздул пламя костра, завил над травой синий дымок. Из-под берега вымахнула овчарка. Взглянув на меня, подошла к огнищу, покружилась, принюхиваясь к следам, и улеглась. Переживая что-то, она время от времени глухо ворчала. Глаза ее следили за всеми движениями незнакомого ей человека.

...Осторожные шаги поднимающихся на берег людей насторожили собаку. Я подкинул в костерок хвороста. Чертенком выскочил огонь из-под куска бересты и резво побежал по сухому лапнику, стреляя по сторонам сверкающими в темноте искрами.

Их было трое. На лицах подростков играла еще улыбка от пережитого только что непостоянного рыбацкого счастья. Литым серебром сверкнула при свете костра чешуя толстолобых голавлей в подсачке, бережно опущенном на траву. Я предложил ребятам согреться чайком, подкрепиться моим скромным запасом съестного.

Чай оживил ребят, они разговорились. Я лежал поодаль, куда тянуло дымом (комары меньше тревожили), и ничуть не мешал их беседе, которая со сломанных рыбой удочек, уловистых мест незаметно перешла на повседневные будни подростков.

Оказалось, что они совмещают учебу в городе с полевыми работами в родном совхозе. Видимо, они овладели сельскохозяйственной техникой и гордились этим. «Хорошая растет смена старшему поколению»,— подумалось мне.

Я гляжу на синие язычки головешек, они гаснут один за одним, не находя пищи. Голубоватое пламя завораживает. Есть в нем что-то чарующее, невольно вспоминаешь наших предков, поклонявшихся огню. Лишь темной ночью у костерка можно испытать это особое, волнующее чувство. Походный костер — это неотъемлемый элемент романтики дальних странствий, таежных троп, вагончиков и палаток первостроителей, которыми стремятся стать вот эти парнишки.

Далеко за излучиной реки тишину ночи встревожил гудок буксира, словно где-то басовито пропела гармонь. А здесь, у костра в долине Сухоны,— живая инсценировка рассказа И. Тургенева «Бежин луг». Все то же. И звездная ночь, и трава в росе на лугу, и темная гладь воды в реке, и встревоженный лай собак, и также мотается из стороны в сторону огонь костра, и деревенские ребята беседуют о сокровенном. ...Только разговор они ведут не о домовых и леших, а о тайнах Вселенной, о своем будущем, которое — они в этом твердо уверены — будет наполнено интересным, созидательным трудом.

Что ж! Иные времена — иные песни.

Обновление

В пору, когда талые воды ищут свой путь под снегом, точат его, роют в нем ходы, когда ширятся проталины, день ото дня все выше поднимается солнце, растет, набирает полноту день, ни отзимки, ни утренники надолго весну уже не остановят. Пусть иногда и нахмурится небо, снежок посыплется,— что ж, ничего: «Внук за дедом пришел!» — говорят в народе. Полежит снежок часок-другой и — сработает. Сам слезу пустит и зимнего с собой прихватит.

Пришла и в долину Сухоны долгожданная весна. Последние дни



доживает на окраинах полей крупитчатый снег. В лесу каждая листовая почка дает знать, что наливается соком земля. Березовые рощицы на пригорках загляделись в зеркальце прозрачной как слеза воды-снежницы. Солнце будто раскололось на мелкие сверкающие осколки и щедро разбрасывает их на лужицы талой воды, на лесные прогалины. Прозрачны дубравы. Голые ветви, обласканные теплыми лучами, кажется, замерли, готовясь к великому таинству...

Бывает, хлестнет в эту пору по проталинам, по холстинам остатнего снега весенний дождь, да такой, что пар поднимается над снежными лишаями. А сильный заоблачный ветер растащит тучи, в разрывы рванется солнце, и все кругом станет удивительно новым. Не будет места зиме даже в лесных закоулках.

Журчит живая вода, поблескивает, сбегая в лощины. Гудят овраги, сбрасывая талые воды на поймы. Бушует половодье. Далеко слышен шум полой воды в тревожной темени майской ночи. Этот шум не беспокоит, не раздражает, а, наоборот, обладает притягательной силой. Вот и идут устюжане на Набережную улицу, чтобы воочию убедиться, что лед тронулся и не так уж долго ждать лета...

Взломав ледяные оковы, широко раздвинув берега и сокрушая преграды на своем пути, река неудержимо стремится навстречу весне. Сколько мощи в этой картине. Забрала весна волю: кругом вода! Играют льдины на солнце, поблескивают в волнах, тревожно шуршат, притираясь одна к другой, выталкивают на берег обломки лесин и разный мусор, что оставила зима на снегу, со звоном сталкиваются на фарватере. А над широким разливом Сухоны, в

распахнутом настежь небе тоже... ледоход! Небесный. Рожденные ледянымн крнсталламн кучевые облака плывут в небе, словно торосы по синему морю.

Быстро разделывается Сухона с весенним паводком: сбрасывает воды старшей сестре — Двине. Бывает, н не прнннмает всю полую воду она! А что же Сухона? Потечет тогда обратно в свою колыбель — Кубенское озеро.

Сойдет паводок — не успеет просветлеть вода в Сухоне, а детвора уже резвится на приплеске. Обхватив ручонкамн коленки, поежатся ребятишки от холода, закроют глаза — н бултых! Прохожне только головой качают, вспоминая свое беззаботное детство, свою весну...

Тащит за шиворот нз подземных хором барсучиха своего малыша: солнышко ему полезно! Проснулся н отшельник-барсук. Отощал за зиму. Спустил жир, накопленный за лето. Выглянул нз норы: не рано лн? Напился нз ручья н отправился на понски корма.

По народному прнсловью, апрельские ручьн землю будят. Онн в берлогах медведей тревожат. Почешет миша когтистой лапой «подстриженный» мышами бок, принюхается к запахам леса. Выйдет нз берлогн н начинает по-хозяйски справлять одно за другим свон дела. Перво-наперво, хотя н не легко это, надо освободнться от «камня». Осенью, перед тем как залечь в берлогу, он н нашел в овраге «слабительное», пожевал — прочнстил утробу, но за зиму шерсть со слюной связала содержимое кишечника в твердый ком. Кучу жердья иногда размочалит косолапый, пока выжимает «камень». Справится с этим — берется за другое. У хорошего хозяина должны быть обозначены границы его владений. Как же! Чтобы неповадно было занимать его угодья сородичам. Вот н надо утверднть свое право на гнездовое урочище — «остолбить» его. Как можно выше старается мишка достать, содрать кору с дремучей елн, давая знать о своей силе: участок заият, проваливай подобру-поздорову!

Пока «столбил» свон владения, отросшне за знму крнвые когти прнвел в порядок: выправил на елках, заточил на камнях в овраге — можно н промыслом заняться. Плохо, что поесть как следует в эту пору нечего. Шастает по лесу, то корягу вывернет, то плоский камень перевернет. Но как нн старается, ничего существенного добыть не удается. Подчас ухватит в охапку лежащую на земле толстущую елку-ветровал н сдвинет с места, как хворостину. Сунется носом, когтямн поскребет — глядншь, что-то пожует. Немало тогда вреднт лесу, разрывая муравейникн н слнзывая их жителей вместе с потомством н постояльцамн. Не брезгует н падалью: голод — не тетка.

Когда зашумит окрест полая вода, вернутся нз дальних кочевок в долину Сухоны, в ее глухолесья, к своим родным логовам серые «помещики». Дикий, гнусавый вой в предрассветной мгле огласит окрестности:

— У-у-у-о-о-о-а-а-а!

Тоскливые звуки, набнрая силу, поднимаются все выше, охватывают урочище н замнрают октавой в тишине мглнстого болота. Перестав кормиться, поднимет голову, застрнжет ушамн лосиха. Крепче прижимается к лежке заяц-беляк, которому н пенек всегда волком кажется. Страшен обитателям леса серый разбойник, неутомимо преследующий добычу. В промозглых предрассветных сумерках мелькнут серые тенн по склону оврага и скроются в кустарнике.

Лишь тянется цепочка следов по выпавшей ночью росе. След в след. Точно не стая, а одинокий матерый волк.

Умытая вешними дождями, нагретая солнцем, обласканная пахучими ветрами, земля на полях ждет сеятеля. «Лист на березе в грош — сей, что хошь,— гласит народное присловье,— лист в копейку — сей, да скоренько, лист в пятак — хошь сей, хошь оставляй так» (посеянное не успеет вызреть). Над бурым после культивации полем в кувыркающемся полете радостно кричат франтоватые чибисы. Выбрасывая колечки дыма, мерно рокочет, точно плывет по полю, посевной агрегат. Белыми косынками скользят над ним в воздухе белокрылые чайки. Веселому рокоту мотора вторит задушевная песня тракториста. Она созрела в сердце, просится наружу, и нельзя молчать молодому парню, если машина тянет — что надо, зерно ложится в последний гектар ярового клина, а вечером ждет любимая девушка.

Может, это и есть счастье — водить трактор по полю из конца в конец, класть в истомленную ожиданием землю отборное зерно, рядок к рядку, делать проход за проходом, ждать всходов?

Да. Счастье. В эти часы полны радости даже скрипучие голоса чаек, а белоствольные березы на опушке словно улыбаются каждым листочком счастливому хлеборобу. Для него это не только работа на хлебной ниве от зари до зари, это его жизнь. У таких людей все счастливые минуты связаны с родными местами. Для них родное, знакомое с детства поле, березовые рощицы на пригорках несравненно дороже и милее любых заморских красот.

На льду — первозимок

Поглядишь вокруг с высокого берега Сухоны — дух захватывает... Дали затуманены снежной пылью. Зыбкий свет зимнего рассвета медленно растекается по снежной целине реки.

Тишина... Ни звука, ни шороха. На возвышении в стороне от тропинки стоит седой старик. Стоит неподвижно, словно боясь нарушить покой реки. На фоне льдистого неба его фигура кажется высеченной из серого камня. Опершись на узловатый можжевеловый посох и подавшись вперед, он самозабвенно смотрит в заснеженную даль. Будто все еще не насмотрелся за свою долгую жизнь.

На излучине реки колдует на льду человек. Неуемная рыбацкая страсть выгнала его из теплого жилища на речной лед, на стужу. Смеется иной раз кое-кто, глядя на сидящего часами у проруби рыболова, улыбчиво поучает: «Рыбка да рябки — потерять деньки!» Невдомек таким людям, что плохо жить без увлечения.

Поодаль от рыболова, настороженно поглядывая кругом, вприпрыжку скачет на льду сорока, смешно подергивая длинным хвостом. Она трусливо приседает, по-воробьиному, бочком подскакивает поближе и, вытягивая шею, вороватo высматривает: нельзя ли чем поживиться? Оценив обстановку, белобокая меняет тактику. Зная, что рыбак рано или поздно уйдет от лунки, а на льду кое-что останется, она трясет хвостом и трещит-верещит.

Не без умысла!

Трещит о том, что в такие холода рыба все равно клевать не будет, что мечта рыболова — лещи хотя и не спят, но цепенеют на

дне глубоких илистых ям, а лобастые голавли просят не будить... Рыбьему населению теперь не до жиру, быть бы живу! Только у скользкого пугала-налима сейчас бодрое настроение. Но у него, большеротого, все не так, как у других рыб, все наоборот, шиворот-навыворот. Его сородичи — тресковые — живут в морях, а он предпочел пресную воду. Все порядочные рыбы любят рассветный час, солнце, тепло, а налиму ночь, тьма, непогода, холод — самая благодать. По ночам все рыбы, уткнув морды в коряги, спят, а налим бродяжничает. Рыбы нерестуют в теплое время года, а налим — в самые лютые морозы. Все осторожны, а налим любопытен, любит даже глядеть на огонек.

Трещит сорока о том, что вот-вот сиверко поднимет снежную круговерть и поземка погонит всех рыболовов со льда.

...Догорает над Сухоной тусклая полоска заката. Едва заметные в сумеречном небе, неторопливо переговариваясь, пролетают над рекой стаи ворон, тянущие на ночлег. Быстро сгущаются сумерки. Чуть заметно курится серым паром черная вода в лунке рыболова, порождая седую изморозь, белую морозную стынь.

Летят перелетные птицы

На Вологодчине властвует золотая осень. Привычными мазками гениального художника красит она лес, неслышной поступью ходит в ягодниках по вырубкам, по болотам, золото и багрянец тихого листопада отмечают каждый ее шаг.

Гуляет осень по лесным увалам, шуршит опавшими листьями на тропе, ведущей на Красное болото, к истокам Себры — младшей сестры Сухоны. Чарует, радует глаз совершенством красок в ясный погожий день. Вешает утренние туманы над болотами, провожает ранними сумерками и прохладными ночами красное лето.

Гуляет золотокосая по лесным просторам в долине Сухоны. Порывами ветра качает кудри мокрых сосновых крон в темные сентябрьские ночи, гонит к югу по серому небу журавлиные стаи. Капли измороси висят рядками на ветках деревьев и холодно блестят в осеннем лесу. Посеребренные росой, мотаются по ветру ниточки паутины. Сыро. Солнце старается уже напрасно: на ветках деревьев, на траве сияют непросохшие ночные слезы, блестят черничники, шляпки грибов.

В ясные дни низкое осеннее солнце заглядывает под лесной полог, скользит по опавшей листве мягкими золотистыми зайчиками и, прячась за горизонт, оставляет тусклые мазки осеннего заката.

Кружатся в воздухе желтые листья по лесным прогалинам. Взлетают вверх, опускаются и снова взлетают, будто выбирают, куда лучше упасть, и бесшумно садятся на рубиновую россыпь клюквы, кое-где оставшейся на мшистых кочках Красного болота.

Летят перелетные птицы... Днем и ночью высоко в небе плывут стаи пернатых над главной водной артерией Вологодчины, держа путь на юго-запад. С первым эшелоном улетели кукушки, мухоловки, кроншнепы, ласточки-касатки, воронки, береговушки и отменные летуны — стрижи. В полете крупные птицы, выстроившись по ранжиру в клин, любят «поговорить», особенно гуси, а мелкота летит молча, лишь спустившись на отдых, устроит «перекличку» — защебечет.

«Кур-р-лу! Кур-р-лу!» — кого не чаруют, не волнуют эти гортанные звуки в небе? То стая серых журавлей покидает свою родину, унося от нас лето. Машет крыльями вожак — машут все, планирует ведущий — то же делает вся стая. «Гуси-лебеди летят, холода несут», — говорят в народе. А там, откуда они летят, золотая осень уже передала эстафету глубокой осени.

Скоротечно бабье лето... Каждый день его дорог. Как целебный напиток, впитывают обитатели леса его. Проливные в тумане дожди, облетевшая бурость черемух, мокрая чернеть березняков — пора, когда ни полозу, ни колесу хода нет, все ближе... И не сидится дома охотникам за дарами леса. Еще не отошли грибы, поспела на вырубках и болотах брусника, клюква. Нет слов, хороша брусника, собранная в пору золотой осени, и в моченьях, и в вареньях, и в сладких пирогах! Налилась она целебным соком, стала весомой, крупной. Немало и охотников до нее: все тропинки на болото, еле заметные летом, осенью становятся виднее. Но не каждому она доступна. Клюква — ягода смелых... Испокон веков клюквенные болота страшили опасностями, подстерегающими на каждом шагу. Это — ядовитые цветковые растения, коварные топи, непонятные блуждающие огни и загадочные туманы, дурманящие запахи, потеря ориентировки — пути с болота к дому. Народная фантазия даже наделила одну из болотных трав могучей волшебной силой. Это дербенник иволистый, прозванный плакун-травой, применяемой в народной медицине. Длинна цепь клюквенных болот — колыбели правобережных притоков Сухоны. На десятки километров тянутся они от Сарпатского до Половецкого болота, большинство их безымянны.

Ранним безветренным утром торжественно тихо на болотах. Порой прогремит крылом жирующий глухарь, истошно прокричит нарядная сойка — и снова звенящая тишина, только черный ворон кружит в тишине, наводя на падаль серых разбойников.

В пору золотой осени ползут по лесной дороге тяжелые ЗИЛы. По утрам идут от Луженги к Себре, под вечер — обратно, в город. Километр лесной дороги стоит многих километров шоссейной. Лесная дорога, как жилистая рука хлебороба, переплетена сеткой вен-корней. Стеной стоят по сторонам высокоствольные березовые рощи, осинники. Ни вправо, ни влево — все по колее. Ревут моторы, буксуют на осклизлых подъемах тяжелые трехосные «Уралы». И когда водитель, хмурясь, прибавляет газу, хлещут по кузову ветви деревьев, смолкают разговоры и в переполненном кузове.

— Держись за воздух, земля обманет! — смеется, жмет сосед соседа к борту.

Ягодники-болотники — народ компанейский. Веселый. Дружный. Знают: шутка — хорошая спутница даже на отдыхе, а дальнее болото — не мать родная.

Что там говорить, тертые калачи — эта братия в кузове машины! Хорошо знают, каким трудом дается поздняя осенняя ягодка. А потому и дружны все. Стала суше, ровнее колея впереди, и пошел по рукам ягодников китайский расписной термосок, открываются коробки папирос... И уже летят по лесу вольной птицей частушки вихрастого ягодника. Слушает притихший лес, перепархивая с дерева на дерево, мельтешит в подлеске встревоженная птаха.

Только поздним вечером доберутся ягодники по пешеходной



тропе до болота, оставив машнну у ручья. Переночуют, а утром, когда по болоту, будоража листву березняка, прокатится ветерок, побегут по углям костерка последние огненные судороги, окажется, что будто в награду за тяжелый путь н бессонную ночь кострнще они устроили на самой ягоде-целике. Не шастай, не нщи ее по болоту, сама в корзину просится. Ягода — к ягоде, кочка — к кочке!

Случается: доберутся на машине и до самого болота. Нагрузятся за день и под вечер обратно в город. Уйдет машина, а кое-кто останется на болоте. Вечереет, а они никуда не собираются уходить. Не сговариваясь, запалят охотничий костер. Пусть темень вокруг и промозглая ночь охватывает инеем мшнстые кочки на болоте. Хвостатой кометой мотается в темноте жаркое пламя смолистой сухостойной сосны. Огонь потеребливает сnверком, гуляющим по вершннам деревьев. Лицо греет огнищем, а спину холодит тянущим по болоту свежаком.

Взглянет украдкой ягодник на часы, думая о чем-то своем, потаенном... Закурнт, не первую уж, повернется на другой бок, спиной к огню н слушает непринужденную беседу компаньонов. Здесь у огнища, на дальнем болоте, каждый знает: за разговорами ночь кажется не такой уж длиннющей, слушай не слушай, а врать не мешай!

...Да, все-таки осень... Летят перелетные птицы... Осень, осень, раз горят на болотах костры, медведь не спеша зимовье свое устраивает: «косолапит» по оврагам на заднних лапах — место выбирает, передними рвет с корнями елочки-подростки, тащит в лапах

хвою, носит мох в охапке да хвалится-поуркивает: «Харр-р-р-р-аша пер-р-р-ина!»

Щедра, заботлива осень. Кого за моря-океаны в свое время пошлет, кому пух или теплый мех подарит... Никого не обидит, не обойдет своей заботой. Разве только того, кто лето прохлопал, осень протопал...

Предзимье

С первым снегом, с переходом среднесуточной температуры за нулевую отметку на Вологодчину приходит предзимье. Ноябрь — ледовый кузнец, соединяет глубокую осень с первозимьем.

В предзимье живая природа подготавливается к испытаниям в зимнюю пору. Земля сейчас получает тепла значительно меньше, чем отдает. Усиливается приток холодного воздуха Арктики. Резкие похолодания сменяются ростепелями. Дни все короче, темнее, небо в тяжелой облачности. Только 28 часов солнечного сияния отпущено ноябрю вместо 80 в октябре. Самый туманный месяц в наших краях! Моросят надоедливые холодные дожди пополам со снегом, волны холода сменяются угасающими порывами осени.

В чернолесье гремит под ногами мерзлый пожухлый лист. Стряхнув листву, посветлели дубравы и рощи в долине Сухоны. Почки лиственных деревьев и кустарников крепко сдвинули свои чешуйки, осмолились, готовы встретить все причуды зимы. Срезанная ветка уж не зазеленеет, не зацветет и в тепле комнаты, как бывает в пору вынужденного ее покоя. В голом лесу кроме хвойных с листвой остались полукустарнички брусники, голубики, багульника да некоторые травы — манжетки, грушанки, медуницы, сурепка, ярутка... Их прикорневые листья плотно прижались к земле, и слой снега защитит их от холода. Клетки растений прекратили рост, обособились и покрылись изнутри дополнительными оболочками, впадают в состояние глубокого покоя. Лишь с наступлением весны они выйдут из него.

Стынут день ото дня водоемы. И вот уже по всей Сухоне плывут тонкие ледяные пленки. «Сало пошло!» — говорят на Вологодчине. Через день-другой в толще воды рождается и плывет рыхлый внутриводный лед-шуга, забивая и кромсая сети рыболовов. Сало смерзается в льдины, и начинается осенний ледоход. Баррикадами стоят вдоль берегов Сухоны ледяные поля-забереги. Шуршит шуга, притираясь к льдинам, связывает, сплачивает их.

На тропе — первые зазимки... Снеги, снеги вперемешку с грязью. Но не зря говорят: «Первый снег не лежек». Выпадет будто на побывку пожалует. Полежит денек и сойдет, унесет с собой и остаток приземного тепла. Поседели луга в пойме Малой Двины, Сухоны. Продрогли, съежились поля. Все сильнее день ото дня стынет земля. Молодой ледок покрывает лужицы, слюдяными узорами обметывает берега ручьев. Остекляются тихие водоемы, запираются на ледяной замок. Невеселы ноябрьские деньки! Небо — в серой мгле. Чередит одна за другой пороша, а спрятать чернотроп никак не может. А раз нет у снега постоянной прописки, зиме фенологический паспорт не выдается.

Но вот однажды ночью дохнет Арктика холодом; подсыплет снежку, остановит ледоход, закует реки в ледяной панцирь.

Если для охотника-следопыта охота по глубокой пороше — одно удовольствие, то для любителя поохотиться с русской гончей — чистое наказание. Как ни породист, ни порат его четвероногий помощник, но проскачет рядом с лежкой, не учует запаха затаившегося косого. Ведь в заячьей шкуре нет потовых желез, и поэтому она не пахнет. Потеют у зайца лишь подошвы лап, на бегу оставляет он запах.

Кончились кровавые поединки у рогачей-сохатых. Сбрасывают они свое грозное оружие, держатся теперь стадами: так легче обороняться от волков. Страшен в приступе ярости этот горбоносый бородатый зверь на длинных ногах. Защищаясь от серых разбойников, лось молниеносным ударом копыта может срезать двадцатилетнее деревце. Хоть и силен этот великан наших лесов и отменный скороход — ни топи болот, ни завалы бурелома, ни снежные надувы не изменят направления его хода,— волчьей стаи побаивается.

Там, где острие просеки клином врезается в сосновый бор, в кроне кормового дерева жирует древняя нелюдимая птица, житель лесных дебрей — глухарь. Он не подпустит на расстояние выстрела охотника, а вот на человека, сидящего на тракторе, смотрит, как на предмет, не стоящий внимания. Почему? Наверное, потому, что частые встречи с грозно ревущим трактором убедили: зверь сильный, что медведь, ломает, волочит деревья, но всегда сыт, а поэтому не кидается ни на кого, даже нас, глухарей, не трогает!

Пушные звери, готовясь к зиме, сбросили летнюю и одевают теплую шубу. У нее покровный волос длиннее, пустотелый, как трубочки с закупоренными наружными концами. А волос летней шубы без таких «заглушек» и потому легок, продуваем. Что говорить, ловко придумано. Как тут не вспомнить слова баснописца: «Куда на выдумки природа таровата!» Знай учись у нее, человек, разным хитростям.

Тихо в лесу в пору предзимья, как в покинутом доме, словно выехали все жильцы и обстановку вывезли! Иногда только раздается скрип сухары или подаст сигнал тревоги, затрещит болтушка-сорока. Эта плутоватая шумливая задира то зайчонка обидит, то бельчонка... Не слышно неумолчных птичьих разговоров. Лишь изредка донесутся их робкие голоса да стук пестрого дятла в «кузнице». Вовсе не для забавы стучит клювом-долотом лесной «доктор» по стволу старой ольхи. Дятел — птица серьезная, «работает» он с увлечением, достойным подражания. Знать, срубили дуплистую осину лесорубы или от ветхости сама свалилась, и приходится птице строить новую квартиру. Не ошиблась птица с красным затылком в выборе дерева: ольха внутри гнилая, и дело спорится. Через несколько минут отверстие в дупло готово. «Кик!» — крикнул дятел, довольный своей работой, и уже стучит клювом в дупле да щепки на землю выбрасывает. Выберется наружу, осмотрится, что и как, и снова нырнет в дупло. «Здорово, доктор!» — крикнешь ему. Повернет голову, посмотрит неодобрительно, мол, не мешай, и снова за работу. Весной пара дятлов построит новое гнездо, а это займет синица, мухоловка или еще кто. Любят дятлы «плотничать», и в лесу его квартиры ценятся. Удивительно тонкий, изощренный слух у лесного «доктора». Он не долбит все деревья подряд. Постучав по коре, сразу определяет, есть ли в стволе ходы короеда. Долбит там, где спряталась его личинка. Сам кормится, и дереву польза!

Позднее, с первой протяжной песенки большой синицы, в бору далеко разносится барабанная дробь. Не дано дятлу голоса для весенних серенад, зато музыкальный инструмент у него — чудо! Немало опробовал он их, пока не нашел то, что надо... Устремляясь к солнцу, тянулся к иебу сук нз зеленой кроны сосны. «Подстриженный» глухарем, он подсох, лишился коры. Древесину высушило солнце, выгладил ясный месяц, до блеска отполировали ветрылнстобон. Приметил его нз тысячи других лесной «доктор». «Кик! Кик!» — радостно кричит, встречая зарю. Клювом, что длинными очередями, бьет по суку — зовет свою подругу, только мелькает красный затылок.

«Д-д-р-р-р-р-р-р-р!» — гремит по лесу, летит к солнцу дятлова серенада. Яркая. Зовущая. Необходимая...

Весь день не знает покоя, высматривает в подлеске корм лесной «санитар», кроха королек. Вот уж поистине: мал золотник, да дорог! Одет нарядно: красная шапочка, желто-зеленый передник, бурая курточка. Шныряет в чащобе — рукой подать, на человека — ноль внимания, а сам росточком с большого зеленого шмеля, а голос что у комара-пискуна.

«...Твят ...Твят ...Твят!» — доносится заднрнстый посвнст «акробата» леса. Поползень! Короткохвостая, голоснстая птаха, ловкая и смелая. Знай себе лазает по стволам деревьев как только вздумается: вверх, вниз головой, уничтожая насекомых — вредителей леса.

«Пинь, пинь!» — точно невидимая рука коснулась серебряного колокольчика где-то в подлеске. Это веселые певуньи-синицы. Теперь онн забросили ноты н в понсках корма лишь чуть слышно переговарнваются: «Чнс-чис! Пинь-пинь!» Ни одну трещинку в коре дерева не оставят без внимания. Очищают от вредных насекомых.

Случается нзредка встретить и живых игрушек в малиновых костюмах — хлопотливых, неугомонных кочевников-клестов. Подн ж ты! Морозы хозяйничают в лесу, медведь-великан в берлоге отлеживается, а кроха клест знай себе еловые шишки лущит, детишек растит да на радостях песни распевает! «Лю-лю-лю!» — будто дарнт свою любовь предзимью, да от волнения не договаривает.

Иногда при потеплении подадут голос н вестники зимы, откочевавшие с севера тнхопевы-снегири. Чинно-важно рассевшись на ветках чернолесья, они кого не порадуют своим степенством н ярким убранством? Их синяя курточка и черная шапочка как нельзя лучше подходят к алому переднику. А величальная их песенка — немного веселая, немного грустная и задумчивая — так тиха, что ее можно услышать, находясь совсем рядом с певцом.

Стынет Сухона. Тесно ей под ледяным паицирем. Нет-нет да н прошьет его рельефной дорожкой на молодом льду — наледями рядом с тропинкой. Сбегая с речного льда, она лентой стелется по долине н, ныряя в чернолесье, становится проселком. Петляет вдоль дорогн заяц-беляк, молодые осинки разыскивает. Посчастливится — встретит н упавший с саней клок сена. Как тут не потоптаться, не полакомиться сухой ароматной зеленью? Набила оскомину горькая осиновая кора. На радостях косой н скакать перестанет. Ходит!

Бывает, распогодится предзимье. Отступят циклоны на день-другой. Сильный заоблачный ветер растащит сплошную облачность, н в ее разрывах робко улыбнется низкое солнце. Светит ярко, а не греет. Оранжевой луковицей скатится по небосклону и растворится в

фиолетовых сумерках предзимнего заката. Ночью мороз за голые пальцы начнет цепляться. Беззвучен льдистый воздух, только выпавший накануне снежок заводит под ногами скрипучий разговор. Таинственно черно-бархатное небо в неверном свете двурогого месяца. Как опрокинутая бездонная чаша, оно чарует далекими звездными мирами. Звезд высыпается больше, чем клюквы на болоте. Ярко мерцает белым, оранжевым, голубым огнем созвездие Цефея. Тут и сам этот мифический царь, и царица Кассиопея, и прекрасная царевна Андромеда, и страшная рыба, пожиравшая людей, и народный герой Персей, убивший рыбу и спасший царевну, и даже конь героя — Пегас.

Полнеба отвели древние греки персонажам мифов и легенд. И надо знать их, чтобы ориентироваться в сверкающей звездной россыпи.

Полночь года

Утро... Над заповедным Шиленгским бором, над заснеженной долиной Сухоны низко-низко протащил сиверко тяжелые косматые облака. И повалил снег. А ветер, набрав силу, гонит новые облака, еще темнее, еще косматее, точно волчьи хвосты. Рванул сиверко, да так, что серая ворона, сидевшая в «дозоре» на макушке ели, не крикнув, кувыркнулась кубарем в подлесок.

Разыгралось глухозимье. С воем понеслись по долине реки его лихие спутники — морозы, вьюги-метели, колючие ветры. Поцелуют — мигом побелеет лицо! За два-три часа передвинут проселок на подветренную сторону, собьют с пути-дороги и опытного водителя, не только шофера-новичка. Заструились, завертелись воронки снежных вихрей, побежали наперегонки по долине к перелеску. Словно отдохнув, выбрались из него и уже кружатся на снежной целине. Исчезли следы на снегу обитателей зимнего леса, пропали звуки, все потонуло в этой игре ветра и снега.

И вдруг темный силуэт женщины выступил из этой круговерти. Массивная сумка на груди стесняла ее движения. «На тяжелый воз рукавицу брось»,— подумалось мне...

— Сюда! — кричу.

Женщина устало подходит, придерживая рукой кошелку.

— Давай помогу,— протягиваю я руку к кошелке.

— Нельзя, не положено,— упрямо дернула она подбородком.

— Нельзя, так нельзя. Пошли!

Давит ремень плечо, вбивает ноги по колено в снег, тяжела почтовая сума. А до деревни два километра. Ни пути, ни дороги в такую погоду! Газеты, журналы, быть может, абонентные пенсионные книжки и, разумеется, почтовые переводы, письма... Да, их давным-давно кто-то ждет не дождется...

Нет ни поля, ни леса. Кругом белая круговерть. Шагаем, точно волки: след в след. Так легче. Бегут снежные вихорьки по куску брезента, которым укрыта заботливой рукой почтовая сумка.

...Вечер. Стихла метель, сблизила оба берега Сухоны, и смотрят не насмотрятся они один на другого. Догорела тусклая зимняя заря за лесными увалами. Вверху вместо неба темный омут без звезд, без луны. Внизу, в провалах оврагов, прижались потемки. Отдыхает

Шиленгский бор, убаюканный метелью, и видит сквозь потемки, как к нему с далекой речки Ерги подбираются крепкие утренние морозы. Кажется, выживают оии из хвойных лап бора остатки влаги, порождая седую изморозь.

Полночь года... Скучная глухая пора! Волочит ветер серую муть облаков, жмет к лесу, ставшему сумрачным, словно иеживым. Все в нем спит и в то же время чего-то ждет... Подует ветер, и посыплется белое кружево с еловых лап, оставляя на снежной целине мелкие вороики хвои.

Тихо в лесу. Пустынно в поле... Кажется, ничего живого на земле ие осталось. Но это только кажется. Жизнь не замирает ни иа минуту. Ни в верхнем ярусе леса, ни в подлеске, ни даже под толщей снега. Зеленые, как в летнюю пору, укрыты сиегом тройчатые листочки кислицы. Попробуй, не ленись! Летом эта любительница тенистых ельников кисла, что щавель, а зимой — сама сладость. Только сойдет сиег по весне, зеленые куртины ее листьев в мшистых ельниках радуют глаз. В летние дни она как живой барометр: пусть зноем дышит полдень, но, если кислица сложила листочки, жди дождя.

Под снежным покровом дремлет лес, но там и сям проложеиа лыжня, тянутся ниточки следов лесных обитателей. Лишь «серые разбойники» умеют почти ие оставлять следа. Пройдет по вырубке в лесном острове стая, а кажется, что только одии зверь перешел чистину. Вот машистый иамет волчицы отрезал путь отступления косому, гонит зайца по склону оврага на верную смерть. Впереди, в развилке лощины, лопоухого ждут в засаде переярки... Пятна крови на сиегу — все, что осталось от беляка, а дальше сиова тянется цепочка волчьих следов. След в след.

Белый клии просеки надвое развалил залепленный снегом ельник и потонул в глухолесье. На просеке свежие наброды краснобрового рябчика. В кустах настрочили стежки бурые лесные мыши, землеройки... Вот ночиой след жирующего зайца-беляка. Потопал косой кормиться, тропит себе стежки-дорожки.

Вот рыжим цветком мелькнул в овраге лисий хвост, н еще раз, уже вдали. Не только ночью, но и дием промышляет голодная лиса Патрикеевна. Подбирает отбросы, иной раз и стащит что-нибудь у промысловика-охотника. Подбирается к жирующему беляку, да у зайца уши — торчком! Не так-то просто его сцапать: слух у него отмеиный. Только облизнется рыжая и потрусит в поля мышковать. На это она мастер первой руки. Стоит только разок мышке пискнуть под снегом, как лисица уже прижала ее. Как бы ни были заняты лесиые обитатели своими делами, а нет-нет да и с иеясным беспокойством осмотрятся по сторонам, иесколько раз понюхают воздух. Весна грядет! Каждый раз иеповторимо прекрасиая, ибо несет обновление жизии.



ЭРЛ СТЕНЛИ ГАРДНЕР

ДОЛИНА МАЛЕНЬКИХ СТРАХОВ

Рассказ

Говорят, будто стоит человеку почувствовать колдовские чары пустыни, как у него тотчас зарождается к ней любовь или ненависть. Что правда, то правда. К этому следует лишь добавить: если возникшее чувство — ненависть, оно зиждется на страхе.

Знатоки пустыни утверждают, что, раз сформировавшись, ваше отношение к ней останется неизменным, как бы долго потом вы ни прожили в ее песчаных просторах. Но здесь они заблуждаются. Мне довелось быть свидетелем одного случая, к которому это правило не подходит. Пустыню трудно понять, и правил к ней не подберешь.

Этот случай известен лишь немногим, он произошел с человеком, который в ту пору носил на шее собачий ошейник и обитал в юдоли маленьких страхов.

Нельзя сказать, что люди не знали о собачьем ошейнике. Хотя человек этот всегда наглухо застегивал свою рубаху, тщательно прикрывая ошейник воротом, один раз или дважды он забыл это сделать, и окружающие имели возможность мельком увидеть его кожаный ошейник, украшенный серебряной именной табличкой и маленькими заклепками из полированного металла.

Вести об этом немедленно расползлись во все стороны, как это бывает в пустыне, где слухи и слушки, переданные тихим шепотком, просачиваются из одного места в другое с неимоверной быстротой. Пустыня — это страна шепота. Пустынный суховей шевелит песок, который, шурша, обтекает стебли кактусов, и звук при этом получается такой, словно кто-то шепчется. Когда ветер крепчает,

От переводчика. Американский писатель Эрл Стенли Гарднер (1899—1970) — автор широкоизвестных романов и повестей, переведенных на многие языки (в том числе и на русский), о подвигах одного из удачливых и блестящих американских адвокатов-детективов — Перри Мейсоне, защитнике невинных людей, подозреваемых в совершении тяжких преступлений. Публикуемый здесь забытый рассказ «Долина маленьких страхов» — своеобразная творческая дань Гарднера той любви, которую он с юных лет питал к песчаным просторам пустыни. И что особенно важно отметить, природа пустыни подана Гарднером живописно и зримо и не является обычным фоном для основного действия рассказа. Природа у Гарднера выступает здесь как одно из действующих лиц повествования. В центре рассказа та же излюбленная тема автора — спасение человека, ложно обвиненного в не совершенном им преступлении. На языке оригинала рассказ опубликован в 1930 году.

песчинки начинают сильнее тереться друг о дружку, производя престранный шорох — тихий говор песков.

По ночам, завернувшись в одеяла, я не раз прислушивался к песчаному шепоту. Иногда померещится даже, что можно разобрать отдельные слова; засыпая же, вдруг вообразишь, будто услышал целую фразу, которую тихонько кто-то шепнул тебе на ухо. Но рядом никого нет — просто перешептываются сыпучие пески.

То, о чем я хочу рассказать, произошло у самой восточной границы Долины Смерти*, неподалеку от высохшего озера Амаргоса-Синк. Природа между горами Фьюнерал-Маунтинс («Погребальными») и хребтом Кингстон-Рейндж прямо-таки с ума сошла. Ей, похоже, было мало того, что тут протекает Амаргоса-Крик, эта речка-уродец. Многие квадратные мили здешней территории усыпаны лапиллями; в этом районе есть местность, именуемая Пепельными лугами из-за того, что вся она покрыта сплошным слоем вулканического пепла. Вдобавок к этому все окружающие горы раскрашены минералами в различные оттенки красного, коричневого и ядовито-зеленого цветов, а растительность настолько скудна, что о ней и говорить нечего.

Вода в большинстве здешних ручьев и источников непригодна для питья. Места эти изобилуют месторождениями всевозможных металлов, здесь имеется несколько действующих разработок, обеспечивающих занятость горстке местных старожилов, или, как их тут называют, старых песчаных крыс. Эти люди собираются и проводят свободное время в своих излюбленных заведениях, в числе которых есть один салун — всамделишный салун, а не пародия на него — и один самый настоящий танцевальный зал, куда приходят женщины; последние, пожив немного в пустыне, в конце концов покидают эти места, поскольку даже непритязательные девушки из дансинг-холлов не могут долго выносить суровых местных условий. Здесь легко потерять человеческий облик, всякое представление о приличиях и условностях цивилизованного мира.

Голые остроконечные горы на фоне знойного неба громоздят ввысь жуткие свои вулканические очертания, пустынные ветры, с шипением низвергаясь со склонов гор, глубоко вгрызаются в песок и гонят его шептать и пересыпаться по равнинам. Таково царство владычицы-пустыни.

И надо же было так случиться, что именно сюда пришел Фред Смит.

* Место действия рассказа находится на стыке двух американских штатов — Калифорнии и Невады. Долина Смерти (название связано с гибелью партии золотоискателей от зноя и нехватки воды в период калифорнийской «золотой лихорадки» 1849 г.) — межгорная впадина-грабен, самая глубокая (85 метров ниже уровня моря), пустынная и безводная, расположена между хребтами Амаргоса и Панаминт в северной части пустыни Мохаве, штат Калифорния. 10 июля 1913 г. там была зарегистрирована температура +56,7° С, считающаяся абсолютным максимумом для западного полушария. В 1933 г. Долина Смерти объявлена национальным заповедником. Горы Фьюнерал-Маунтинс (самый высокий пик 1946 метров) непосредственно служат ее восточной границей, а хребет Кингстон-Рейндж (самый высокий пик 2232 метра) расположен к юго-востоку от Долины Смерти. Пересыхающая река Амаргоса берет свое начало в штате Невада, протекает на юг по пустыне Амаргоса, огибает хребет Амаргоса, затем течет в северном направлении по Долине Смерти, в сухих песках которой исчезает окончательно. (Здесь и дальше — примечания переводчика.)

Этот человек назвался Фредом Смитом и, произнося свое имя, опустил глаза. Мы сразу поняли, что его зовут иначе и что придумывать себе фальшивые имена он не мастак.

Время от времени глаза его выдавали какой-то великий страх, невыразимый ужас, который тут же снова прятался в темные глубины его души. Смит боялся пустыни, но он страшился и того, что осталось позади, в его прошлом. Страх загнал его в этот забытый богом угол, и удерживал его здесь тоже страх.

Ему дали работу на руднике «Красная бонанца»*, должность на поверхности — от таких, как он, мало проку под землей, в темном безлюдье горизонтальных выработок.

Однажды на руднике появился Ник Крайдер — специально ради того, чтобы взглянуть на Смита. Ник служил участковым помощником шерифа и был, как и полагалось по его должности, весьма крутым субъектом. Я тоже находился на руднике, когда он туда зашел.

— А, новенький? — сказал Крайдер.

Смит в это время делал какие-то записи в табеле. Рука его стала дрожать так сильно, что перо выскочило за пределы графы.

— Да, сэр, — отвечал он, завороженно уставившись на серебряную звезду, которую Ник носил на жилетке.

— Откуда?

— Из Лос-Анджелеса.

— По какой причине уехал оттуда?

— Просто так — по разным причинам — ничего особенного. Там у меня не было возможности утвердить свой характер. Мне захотелось уехать в эти края и начать все заново.

Ник фиксировал его холодным и жестким, выражавшим неверие взором.

— Хорошо, я наведу о тебе справки. Смотри у меня! Если ты скрываешься от правосудия, то уж, будь уверен, я выведу тебя на чистую воду! — сказав это, Крайдер зашагал прочь.

Дождавшись, когда Смит вновь поднял глаза от земли, я заметил ему:

— На вашем месте, Смит, я бы не позволил разговаривать с собой подобным тоном. Если Ник Крайдер и впредь будет безнаказанно кататься на вас, да еще и шпорами погонять, то вы прослывете трусом у здешних ребят.

— А что мне делать? — ответил Смит. — Ведь он — полицейский.

— Прежде всего, Крайдер — задира, — сказал я, — как и многие мужчины. Человек же в этом мире заслуживает такого отношения к себе, какого он сам ожидает. Если вы будете вести себя, как щенок, который боится, что его ударят ногой, то вас все начнут пинать, а уж здесь-то люди пинают сильнее и чаще, чем в любом другом месте.

Я полагал, что слова мои заставят его встряхнуться, но ошибся.

Смит продолжал работать помощником табельщика. Дважды еще Крайдер встречался с ним и оба раза постарался вдоволь поизмываться над Смитом. Окружающие слушали и ухмылялись. После этого все стали относиться к Смиту с оскорбительным пренебрежением и заставили его воспринимать это как должное.

* Бонанца — богатый рудный карман.

Смит поселился в маленькой хижине, расположенной в долине за рудником. Раньше хижина принадлежала пожилому старателю, который затеял вдруг судебную тяжбу с хозяевами рудника и которого в одну из ночей застрелили. Крайдер не очень-то старался найти преступника. Разумеется, Крайдер был пройдоха. В городке, где открыто процветают игорные дома и питейные заведения, помощник шерифа должен быть либо пройдохой, либо тупицей, а уж Крайдера тупицей никак не назовешь.

Как-то в воскресенье после полудня я зашел к Смиту в надежде хоть немного приободрить его, но моя попытка оказалась пустой затеей. Уронив голову на руки, он сидел в своей темной хижине, затхлый воздух которой отдавал ночлегом и устоявшимися запахами стряпни. К ногам Смита жалась собака. По всем статям это был большой сторожевой пес, начисто лишенный, однако, бойцовского духа.

Когда я переступил порог дощатой веранды, Смит с искаженным от страха лицом вскочил на ноги, а пес, поджав хвост, забился под стол, сверкая оттуда желтым огнем своих глаз.

— Завели собаку?

— Ах, это вы! Да, подобрал этого пса на улице пару дней назад. Он убегал от мальчишек, которые швыряли в него камнями, а я пожалел и привел его в дом.

Перед моим внутренним взором сразу предстали маленький городок, раскинувшийся под обжигающим солнцем, пыльная улица, жестокие уличные пострелята, которые усваивают площадную брань едва ли не раньше, чем научатся говорить по-человечески.

— Собака с такими данными, будь она неробкого десятка, могла бы и не позволить швырять в себя камнями,— заметил я.

Фред кивнул головой, но было видно, что согласился он со мной больше из вежливости. Мы поболтали еще немного, и я ушел. Отойдя от хижины, я в сердцах плюнул в дорожную пыль в знак того, что умываю руки в отношении как самого Смита, так и его собаки.

Очередной ход в этой истории сделала Большая Берта. Прибыв сюда, она открыла закусочную и не спасовала перед здешними ресторанами — один из них не выдержал ее конкуренции, а владелец другого был вынужден сменить поваров.

Крайдер попытался было нагнать страху на Большую Берту; она выслушала все, с чем он к ней пришел, потом четко объяснила ему свою позицию:

— Слушай, ты, прощелыга с жестяной звездой! Я приехала сюда заниматься своими делами, честно и открыто. До этого я работала в цирке и прекрасно справлялась со слонами и тиграми, так что я теперь вовсе не собираюсь позволять какому-то проходимцу брать меня на пушку. Коли не нравится моя конкуренция — плати отступные! А если эти близнецы-бутлегеры*, которые пытаются командовать здесь ресторанным бизнесом, попробуют применить грубые приемы, пусть потом пеняют на себя, им тоже от меня не поздоровится!

Крайдер нанес ей визит, полагая, что без труда сдерет с нее плату за право торговать, якобы предусмотренную постановлением

* Бутлегеры — подпольные торговцы спиртным в период действия в США так называемого «сухого закона» (1920—1933).

городских властей. Но наш населенный пункт пока еще не имел статуса города, и, зная об этом, Берта наотрез отказалась платить.

Я сидел у нее в закусочной, когда Берта познакомилась с собакой. В тот день Смит первый раз вывел своего пса в город.

— Собакам сюда нельзя,— объявила Берта подошедшему к двери ее заведения Смиту.

Он кивнул, покорно соглашаясь с этим, н взошел на небольшое крыльцо, прнстроенное для защиты основного помещения от мух. Пес улегся снаружи.

— Яичницу с салом,— попросил Смит.

Берта поставила сковороду на огонь н разбила яйца.

Внезапно раздался собачий визг. Они оба, Большая Берта н Фред Смит, посмотрели в ту сторону, откуда донесся этот звук. По улице, поджав хвост, улепетывал пес. Возле двери закусочной хохотал Хэррн Фейн, швыряя в животное камнями.

— Это собака Фреда Смита,— поставила его в нзвестность Большая Берта.

Фейн зашел в закусочную н уселся на табурет.

— Плевать я хотел на то, чья это собака. Если у меня вдруг появляется охота бросить камнем в собаку, я никогда не отказываю себе в этом удовольствии. Что ты скажешь на это, Смит?

Фред Смит не поднимал глаз от стойки.

Через некоторое время Большая Берта вернулась к плите. Яичница, заказанная Фредом, была готова и подана ему. Ел он поспешно, явно стремясь поскорее убраться отсюда. Берта встретилась со мной взглядом н пожала своими большими плечами.

На улице, скуля, показался пес, дожидавшийся Смита; он кружил в отдалении, опасаясь приближаться к дверн закусочной на расстояние полета брошенного камня. Большая Берта вытерла руки о передник и подошла к двери.

— Иди сюда,— позвала она пса.

Пес остановился, глядя на нее своими желтыми глазами. Берта взяла из объедков кусочек мяса и свнстнула; пес начал прнближаться к ней, остаток разделявшего их пространства он прополз на брюхе, время от временн тихо скуля. Берта дала ему мясо н стала наблюдать.

В это время Фейн слез с табурета н топнул ногой. Пес жалобно тявкнул н бросился наутек, Фейн захохотал. Берта повернулась к нему.

— Когда я знакомлюсь с собакой,— сказала она ровным, холодным тоном,— не люблю, если мне при этом мешают. Это хорошая собака. Ее чем-то нспортили, н теперь она боится всего и всех.

Встретившись с ней взглядом, Фейн заколебался, хотя в этом маленьком городке посреди пустыни он привык делать все, что ему заблагорассудится — ведь в руках у него находился контроль над торговлей спиртным и над всеми дансинг-холлами. Разумеется, Крайдер состоял у него в доле н был с ним заодно.

— Не надо серчать,— пробормотал Фейн.

Большая Берта презрнтельно хмыкнула и снова позвала собаку.

— Собаке не следует связывать свою судьбу с человеком, который напуган,— сказала она, обращаясь к Смиту.

— Кто сказал, что я напуган? — спросил Смит, торопливо, большими глотками доедавший яичницу.

— Я сказала,— ответила Большая Берта.

Смит сунул через стойку монетку и поспешно покинул закусочную.

Большая Берта взяла собаку за ошейник.

— Ты останешься здесь, со мной,— сказала оиа псу.

Я попытался вмешаться:

— Эта собака — единственный друг Фреда Смита.

— Ничем не могу помочь,— отвечала оиа.— Я люблю животных. Это очень хорошая собака, ее нельзя губить только из-за того, что кто-то испытывает одиночество. Раньше эта собака была полноценной. Может, она потеряла хозяина или ее украл человек, который не зиает толка в собаках. Она утратила собственное достоинство — новый владелец, вероятно, бил ее вместо того, чтобы поговорить с ней. Сначала у нее возник небольшой страх, затем еще один, потом страх стал большим, н в конце концов боязнь сделалась ее прнвычкой.

— Теперь ее уже не излечишь от страха,— предостерег я, сам того ие желая, заинтересовавшись этимн рассуждениями.— Возьмите, к примеру, Фейиа — пес будет теперь бояться его до конца своих дней.

Фейн захохотал. Он принадлежал к людям того типа, которые нспытывают удовольствне, если человек или животное боится их.

Большая Берта фыркнула иа иас обоих.

— Много же вы понимаете! Разумеется, я не могу одними разговорами или наказаниями заставить пса преодолеть большой страх. Но я выведаю его маленькие страхн н устрою все так, чтобы он смог победить их, а уж с большими песик и сам потом справится.

Большая Берта завела пса за стойку и стала говорить с ним. Голос у нее был тихий, но властный. Пес время от времени скулил, как бы пытаясь ответить ей.

На следующей неделе я дважды видел пса, оба раза улепетывающим со всех ног. В первую из этих встреч я, по правде говоря, ие заметил, чтобы Фейн бросал в него чем-нибудь. Во втором случае я увидел движение его руки, бросавшей камень. Когда Фейн зашел в закусочную Берты, ои самодовольно смеялся. Я проследовал за ним.

— Фейн,— сказал я ему,— оставь кобеля в покое.

Он взглянул на меня враждебнымн, выражающими угрозу глазами.

— Разве это твоя забота? — поинтересовался он.

— Теперь будет моя.

— С чего бы это? — сказал Фейн.— Может, он братом тебе прнходится?

От моего удара левой он увернулся, правой рукой лапая кобуру с пнстолетом слева под мышкой. Тут мой правый кулак попал в цель. Фейн отлетел назад, наткнулся на табурет, ударился о стену и рухнул иа пол. Когда он падал, его рука оторвалась от кобуры, и я увидел блеск вороненой стали.

У меня оружия не было — люди в пустыне нынче, как правило, уже ие отягощают себя металлом. Мие оставался единственный выход — бросить, если успею, один из табуретов и, если повезет, блокировать пулю. Я схватил ближайший табурет.

— На сегодня хватит,— иебрежно проговорила Большая Берта, перегнувшись через стойку. В руках у нее был сделанный из

дробовика обрез, оба ствола которого целили Фейну прямехонько в живот. Тому пришлось опустить свой пистолет.

На место происшествия примчался Крайдер. Как и следовало ожидать, он принял сторону Фейна. Меня оштрафовали на 50 долларов и условно приговорили к месячному тюремному заключению — за нарушение общественного порядка, нападение и оскорбление действием.

Перед Бертой я извинился, объяснив ей, что терпеть не могу, когда люди издеваются над собаками. Она пожала своими широкими плечами.

— Пес сам должен уладить этот конфликт,— сказала она мне таким обыденным тоном, будто речь шла о воспитании подрастающего ребенка.— Если собака боится пинка, то всегда найдется какой-нибудь тип, который пнет ее. Человек-то ведь должен питать уважение к самому себе, чтобы его уважали другие. То же самое относится и к собакам.

Пес лежал у ее ног. Мне казалось, он понимает каждое произнесенное ею слово. Я сказал Берте об этом.

— Разумеется, понимает,— ответила Берта.— Это умный песик, только уж больно чувствительный, в этом и состоит его главная слабость. Но он обязательно излечится от своих страхов.

Пес порывисто подвизгивал ей.

— Как назвали его? — поинтересовался я.

— Рексом,— ответила она.

— Грозное имя. Назвали бы лучше Плаксой.

Берта нахмурилась.

— Если это, как я догадываюсь,— шутка, то совсем не смешная.

Прошло недели три, прежде чем я снова увидел Фейна и пса одновременно. Рядом со мной шагал Фред Смит, заискивающим тоном старавшийся реабилитировать себя в моих глазах. Говорил он слишком много и слишком быстро, и я не очень-то внимательно слушал его длинное разглагольствование о расстроенных нервах и здоровье.

Перед закусочной Берты Фред увидал пса и свистнул ему. Тот затрусил к нам через улицу; было совершенно ясно, что он рад Фреду.

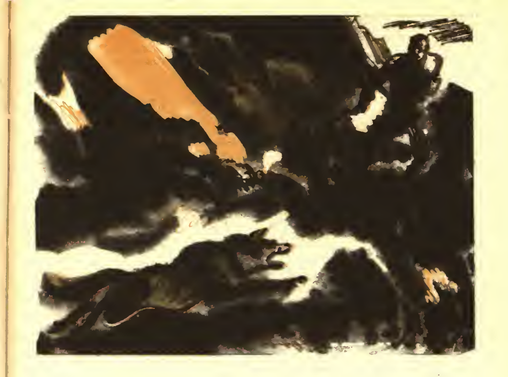
Неожиданно возле его лап взметнулось облачко пыли от упавшего камня. Я посмотрел в сторону угла дома и увидел там Фейна, подбиравшего с земли другой камень.

Лицо у Фреда сделалось белым. Он испуганно переводил свой взгляд с меня на Фейна, с Фейна на собаку.

Я не забыл слова Берты о том, что пес сам должен урегулировать свои взаимоотношения с Фейном, но я не забыл также и некоторых обстоятельств последней своей беседы с этим субъектом, поэтому я без колебаний устремился к нему. У полиции мог появиться повод засадить меня в тюрьму, теперь уже не условно, так как у нас с Фейном намечался случай поговорить, и на этот раз у меня тоже кое-что имелось слева под мышкой, словом, я был готов к любым крайностям, на какие мог пойти Фейн.

Пес, однако, сам исчерпал этот инцидент.

Какую-то секунду мне казалось, что ему хочется задать стрекача, но затем он вдруг резко повернулся к своему обидчику, зарычал, и этот звук как бы утвердил его решимость; он стал приближаться к



Фейну, и тот выронил камень, словно обжегшись им. Когда пес почувствовал, что Фейн испугался, он ринулся к нему.

Правая рука Фейна потянулась к кобуре за пистолетом. Собака припала на передние лапы, в ее глазах сверкал желтый огонь ненависти. Фейн обернулся через плечо, увидел распахнувшуюся дверь салуна и юркнул туда. В этот момент пес бросился на него, но дверь уже захлопнулась.

Я взглянул на Фреда Смита. У него на лице боролись противоречивые выражения гордости и стыда — гордости за пса, стыда за себя.

Мы с ним зашли в закусочную, и я рассказал об этом случае Берте.

Она спокойно восприняла мой рассказ.

— Он уже одолел свои маленькие страхи,— объяснила она,— и теперь готов расправиться с кое-какими из крупных. Скоро наш песик совсем выздоровеет.

Фред Смит навалился грудью на стойку. Он заговорил столь стремительно, что некоторые предложения слышались как одно слово.

— А со мной вы можете проделать то же самое? Можете вылечить меня от того, чем я болею? Я буду совсем, как собака. Я буду полностью повиноваться вам, стану делать все, как вы скажете. Я ничего не пожалею ради того, чтобы стать похожим на других людей, вернуть собственное достоинство, а то у меня сейчас прямо кошмар какой-то, а не жизнь.

Большая Берта внимательно посмотрела на него.

— Вам понадобится какое-нибудь напоминание о том, что вас дрессируют,— ответила она ему,— какая-нибудь вещь, которая находилась бы при вас постоянно,— перчатка на правой руке, например, или что-нибудь в этом роде.

— На все согласен,— сказал Фред.

— Так ли это?— усомнилась она и задумчиво прищурилась.

Я вышел. Мне показалось, что наедине им легче будет разговаривать. Я подумал также, что материнский инстинкт Берты заставляет ее принимать слишком большое участие в этом, с позволения сказать, человеке, который до такой степени испорчен страхом, что готов уже бояться своей собственной тени.

Примерно через неделю до меня дошли первые слухи о собачьем ошейнике, который Фред Смит носит под фланелевой рубахой. Человек, сообщивший мне об ошейнике, сказал, что это — признак безумия.

Я ему ничего не ответил, но с Бертой поговорил.

— Не кажется ли вам, что вы немного хватили через край, заставив Смита носить ошейник?— спросил я у нее.

Она пожала своими массивными плечами.

— Должна же я была как-то сделать, чтобы он помнил о своей дрессировке больше, чем о себе? К перчатке рука быстро привыкает, а вот свыкнуться с ошейником человеку не так-то просто.

— Это убьет в нем чувство собственного достоинства.

— Которого у него нет,— возразила Берта.

— Люди начнут насмехаться над ним.

— Это будет постоянно напоминать ему о том, зачем он надел его. Прежде чем он излечится, ему непременно надо принять участие в потасовке.

— И получить немилосердную трепку.

— Разумеется, но после этого он перестанет бояться избиения. К тому же когда остальные поймут, что он не остановится перед тем, чтобы дать сдачу, они оставят свою привычку задевать его.

— Дрессировать собак вы, может быть, и мастерица,— сказал я Берте,— но с людьми такие штучки-дрючки до добра не доведут.

Она даже не сочла нужным возразить мне.

— Сегодня у нас хороший ростбиф,— сообщила она.

Я съел примерно половину своей порции, когда в закусочную вошел Фред Смит. Должно быть, перед этим он участвовал в драке, которая окончилась его безжалостным избиением: губы у него были расквашены, один глаз закрылся вовсе, другой сильно заплыл; рубашка была разорвана и вся в пыли, под носом виднелись следы запекшейся крови.

Большая Берта обратилась к нему так, словно не видела ничего необычного в его внешности:

— Сегодня у нас ростбиф.

— Дайте порцию,— прошепелявил он разбитыми губами.

Она подала ему тарелку. Было видно, что он возбуждён сверх всякой меры — руки у него дрожали и вилка выбивала дробь о край тарелки.

— Пес готов вернуться,— сказала Берта.

— Вернуться?

— Да, вернуться к вам. Я выдрессировала его.

Смит выпил стакан воды большими глотками, поперхнувшись на последнем.

Меня за плечо тронул какой-то человек.

— Это вас зовут Данн?

Я утвердительно кивнул.

— Сэм Флинт послал меня спросить, не можете ли вы незамедлительно приехать на рудник. По очень важному делу.

Я оплатил по счету и вышел за этим человеком на пыльную улицу. Там нас ждала машина с включенным двигателем. Мы сели в нее, и мой сопровождающий резко перевел рычаг скоростей. Я заметил, что несколько других автомобилей в большой спешке тоже покинули свои стоянки.

— Что стряслось?—спросил я у человека за рулем.

— Снова ограбление машины с зарплатой.

— Бандиты захватили деньги?

— Да, и в придачу отправили иа тот свет Эда Манса.

Больше мой спутник ничего не говорил, я тоже. Подробности могут обождать—Сэм Флинт, главный администратор рудника, возможно, захочет рассказать их мне по-своему. Раньше, в молодые годы, это был прекрасный боец, теперь же он старел себе потихонечку, но все еще мог скакать верхом и управляться с оружием.

Когда я вошел в контору рудника, Флинт мерил шагами настланные из неструганых досок полы.

— Данн, я слышал, что ты воевал со скотокрадами где-то в Нью-Мексико?

— Да, участвовал в нескольких операциях.

— Говорят, ты умеешь читать следы?

— Приходилось.

— Хорошо. Руководство рудника нанимает тебя в качестве частного следователя. Жду от тебя результатов. Кроме того, нами объявлена награда в две тысячи долларов тому, кто арестует и докажет виновность человека, совершившего это преступление.

— Какое преступление?

— Убийство, ограбление. Угробили Эда Манса. Сейчас я выезжаю на место происшествия. Есть у тебя оружие?

— Лишнее не повредит.

Флинт выдал мне винтовку винчестер и допотопный кольт простого действия, из тех, которые перед каждым выстрелом требуют ручного взведения курка. Этот револьвер стреляет пулями, причиняющими человеку страшные раны.

— Пошли,—сказал он.

Горы под послеполуденным солнцем отбрасывали косы пурпурные тени. В разгар лета здесь светло до сравнительно поздних часов. Затих жаркий ветер. Линии горизонта уже застыли в неподвижности, закончив свою знойную полуденную пляску.

Сначала мы тряслись по асфальтовой «гребенке» шоссе, затем свернули на извилистую грунтовую дорогу, ведущую к автостраде на Лас-Вегас. Проехав миль пять-шесть, мы увидели кучку людей, пару автомашин н распростертую на земле фигуру человека, лицо которого было накрыто одеялом. Вид покойника никогда не радует глаз, а если человека застрелили в пустыне в жаркий день, он представляет собой зрелище, которое впечатлительным людям абсо-

лютно противопоказано. Кровь, там, где она просочилась из ран ие на песок, а иа небольшие камни, запеклась под жарким солнцем н превратилась из алой в черную. Вокруг, злобио жужжа, носились мухи, они облепили одеяло сплошной кишащей массой.

Сэм Флинт подошел к безжизиенному телу, Ник Крайдер стащил одеяло с трупа.

— Ои оказал яростное сопротивление,— сказал Крайдер, хотя это было ясно н без его слов. Песок вокруг испещряли многочисленные следы ног, некоторые вмятины были глубже остальных. На лице Манса виднелнсь ссадины, полученные до того, как пуля разиесла ему череп. На теле убитого имелись еще два пулевых ранения, одио в плечо, другое в живот чуть повыше пряжки поясного ремня. Пистолет, которым Манс был вооружеи, исчез.

Сэм Флинт читал следы иа песке, словио это были слова, напечатанные иа листе бумаги.

— Бандит-одииочка,— заговорил он.— Перегородил своей машиной дорогу и, угрожая пистолетом, заставил Манса выключить мотор и выйти нз кабины. Затем он обезоружил Манса н протянул руку за сумкой с деньгами. Тут Манс схватился с ним. Бандит, действуя пистолетом, как дубинкой, ударил Манса по лнцу, потом выстрелил ему в плечо, ио тот ие сдавался. Следующим выстрелом он был ранен в живот и упал иа спину. Выстрел, который разиес ему череп, был сделан уже после падеиия.

Ник Крайдер кивал головой, соглашаясь со сказанным:

— По-моему, так оно все и было.

Сэм Флинт пристальио посмотрел полицейскому в глаза.

— Седой Данн будет вести частное расследование этого случая. Администрацией рудника объявлена награда в две тысячи долларов.

Ник Крайдер сдвинул шляпу иа затылок. Заходящее солице высвечивало иа загорелой коже его лица крошечные хребты и долины.

— Выходит, я не пользуюсь у вас полным доверием?— спросил ои резким вызывающим тоиом.

Глядя ему прямо в глаза, Флинт ответил:

— Нет, ие пользуешься.

Крайдер обернулся ко мне.

— Хорошо, но тебе я должен сказать кое-что. Ты и прежде недружелюбно относился к иам, Данн. Поэтому можешь заниматься всем чем угодно, ио делать аресты и преследовать преступника ты ие имеешь права, это входит в мои служебные обязанности. Кроме того, у тебя нет разрешения носить оружие, если я не назиачу тебя своим помощником.

Он шагнул ко мне, но я жестом остановил его.

— Раз уж ты такой формалист,— сказал я,— вот тебе мой ответ: по закоиу я имею право иосить оружие, уходя иа охоту или возвращаясь с иее.

— К тебе это не имеет никакого отиошения. Нечего нз себя нзображать чиновника по особым поручениям, не имея иа то никаких законных полномочий.

Я рассмеялся ему в лицо.

— Я отправляюсь иа охоту. Только что вышел поохотиться.

В течение примерно минуты Крайдер раздумывал, как ему поступить, затем он обратился к Флинту:

— Хорошо! Не вздумайте только вмешиваться в мои действия. Преступник мне уже известен. Это Фред Смит. Он приехал сюда из Лос-Анджелеса, где разыскивается полицией. На самом деле его зовут Фред Гейтс, и он обвиняется в подлоге и растрате. Я наблюдаю за ним, и он это знает. Сегодня многие видели, что у него все лицо в синяках, значит, убийство и ограбление — это дело его рук. Я первый говорю вам об этом, стало быть, я имею право на награду, объявленную за поимку преступника.

Флинт откинул свои белые кудри с покрытого испариной лба.

— Арестуй и докажи виновность преступника, тогда и получишь награду.

Я осмотрел следы. Вокруг пулевых ранений в плечо и голову убитого имелись следы порохового ожога. Вокруг раны в живот следов сгоревшего пороха заметно не было, тут пуля вошла в тело под углом, а не в результате выстрела в упор.

Я отошел от дороги, высматривая в пустыне подтверждение своей догадки. Солнце уже скрылось из виду. На фоне вечернего неба вырисовывался зубчатый силуэт гор Фьюнерал-Маунтинс. Пустыней овладела безветренная тишина.

— Что ты там делаешь? — крикнул мне Крайдер.

— Прогуливаюсь,— прокричал я в ответ.

— Иди сюда, поможешь грузить тело в машину.

Я сделал вид, что не слышу его. После захода солнца здесь быстро темнеет, а мне нужно было кое-что найти.

Манса погрузили, и машина тронулась в путь прежде, чем я обнаружил то, что искал. За небольшой купой колючих кустарников находилось место, где кто-то недавно лежал, вытянувшись во весь рост. Когда я осматривал след, оставленный лежащим человеком, в глаза мне бросился блестящий латунный цилиндрик — выброшенная затвором винтовки стреляная гильза. Я поднес ее к лицу — она пахла недавно сгоревшим порохом.

Мне удалось проследить путь этого человека от самой дороги: он вылез из машины, использованной потом при ограблении, пошел наискосок по пустыне и спрятался за кустами.

Сэм Флинт приблизился к тому участку дороги, куда привели меня следы неизвестного.

— Нашел что-нибудь?

— Да. Их было двое,— я показал ему следы.— Когда Манса остановили, он видел перед собой только одного. Другой притаился в засаде. Манс выбрал удобный момент и схватился врукопашную с человеком, угрожавшим ему пистолетом. Он сорвал с него маску. Тогда сидевший в засаде выстрелил из винтовки, ранив Манса в живот. Другому бандиту удалось ранить беднягу в плечо. После этих двух выстрелов смертельно раненный Манс упал на спину. Третий выстрел был сделан по той причине, что Манс умирал недостаточно быстро. Бандитам необходимо было добить его — он видел лицо человека, остановившего его машину и потребовавшего деньги. Манс сорвал с него маску — у него на пальцах содрана бечевкой кожа. Он здорово, должно быть, рванул эту маску.

Сэм Флинт потер ладонью подбородок. Его глаза пристально смотрели на меня сквозь густеющие сумерки.

— Кто бы это мог быть?

— Нутром чувствую, что стоит взглянуть на Хэрри Фейна,—

сказал я,— нет ли у него иа затылочной части головы, возле шеи, рубца, оставленного бечевкой, когда Манс срывал маску.

— А кто находился в засаде?

Я пожал плечами, но мы оба посмотрели в сторону Ника Крайдера.

Вернувшись в город, я разыскал Большую Берту.

— Вы не знаете, с кем подрался Фред Смит?

— Он мне не докладывал.

— Куда ои направился от вас?

— Не знаю. Он не доел ростбиф, забрал собаку н побил ее. Должно быть, у него аппетит от возбуждения пропал.

Я пристально посмотрел на нее, ожидая, когда она поднимет на меня глаза, но ие дождался.

— Вы не слышали, никто не говорил об ограблении и убийстве перед его уходом?— спросил я.

Несколько мгновений она продолжала смотреть на пол, потом наконец взглянула мне в глаза.

— Вы с ума сошли!— яростно выпалила она, но слова эти были лишены убежденности, чувствовалось, что оиа испытывает сомнение.

Я пошел по тропинке, которая проходила за рудником к хижине Фреда Смита. Стало совсем темно, если не считать света звезд н серпа молодого месяца, который не достиг еще первой своей четверти.

Сначала у меня под ногами хрустел гравий, потом я пошел по песку, нздававшему негромкие, похожие на шепот звуки. Горы передо мной сдвигались все ближе, и вот я очутился в небольшой долине, переходящей в узкий каньон. В хижине горел свет, в окнах я видел движущиеся тени людей.

В хижине находились пятеро: Крайдер, Фейн и трое их дружков. Крайдер держал в руках черную сумку, забрызганную чем-то красным и пустую. Он выставил ее перед собой и показывал остальным красные пятна на ней. Фреда Смита в хижине не было.

Я повернулся, собираясь идти обратно, но тут услышал, что разговор зашел о линчевании. Послышались ругательства и угрозы.

Я понял, что Смит не пошел по тропинке домой, а поднялся из долины в горы. Тогда, обогнув хижину, я направился к горам, ступая по устилающему долину ползучему песку.

Бесплодная эта долина окружена горами, склоны которых покрыты разнообразно окрашенными вулканическими породами. То тут, то там торчат пучки полыни или колючий кустарник, иногда можно встретить чахлый кактус. Луна стояла низко, звезды давали немного света. Небо казалось перегороженным стеной молчаливых гор.

Через некоторое время я увидел, как темноту позади меня прорезал луч фонарика. Началась погоня. Двое совершивших преступление приготовились свалить все подозрения на ни в чем не повинного человека. Все планировалось так, чтобы ои не успел доказать свою невиновность. У меня был единственный шанс помочь ему— иаходиться между преследователями н намеченной ими жертвой.

Разумеется, никакими доказательствами виновности Фейна н Крайдера я ие располагал. Мне лишь было ясно как божий день, что в ограблении участвовали двое и что Манса убили только потому,

что он видел одного преступника в лицо, без маски.

Подойдя к тому месту, где между склонами гор начинался узкий каньон, я свистнул, давая знать о своем приходе.

— Смит!— позвал я.— Эй, Фред Смит! Это я, Седой Данн!

Но не было ни ответа, ни отзвука — пустыня поглощает эхо. Позади уже слышались шаги. Участники погони, освещая себе путь фонариками, быстро приближались ко мне.

Я знал, что если они заметят меня, то не раздумывая начнут стрельбу. Еще раз негромко позвав Смита и снова не дождавшись ответа, я подтянулся на руках, забрался на уступ в склоне каньона, улегся на пласт породы, который еще сохранял дневное тепло, и стал ждать.

Моих следов они не видели — шли, что называется, вслепую. Подойдя к склонам каньона, они разделились на две группы. Хэрри Фейн и Ник Крайдер стали подниматься на тот склон, где находился я. Послышался их разговор.

— Надо остерегаться Седого Данна,— это был голос Фейна.

— Он не осмелится ничего затевать,— сказал Крайдер.

Фейн насмешливо фыркнул:

— Много же ты знаешь! Он не терял времени даром, разнюхивая следы, и обнаружил место, где кто-то лежал за кустами и откуда стреляли в Манса.

— С чего ты взял?

— Сэм Флинт рассказал об этом кое-кому.

— Постой-ка, тут надо немного пораскинуть мозгами,— сказал Крайдер.— Это усложняет все дело.

— А я тебе что говорю?

Они сделали остановку, во время которой Фейн, не переставая, говорил, а Крайдер, раздумывая, молчал.

— Надо действовать очень осторожно,— заканчивал свою мысль Фейн.— Флинт сказал, будто Седой Данн знает о том, что Манс сорвал маску, и...

Послышался стук скатывающегося камня.

— На том уступе кто-то есть!— завопил Крайдер и прыгнул вперед. Раздался лай собаки. Крайдер направил фонарик вверх, на темнеющий склон. Какие-то мгновения луч шарил по склону каньона, затем высветил зеленые глаза собаки. Луч слегка переместился, и рядом с собакой из темноты возник Фред Смит.

— Я слышал ваш разговор,— сказал он.— Это вы убили Манса.

Я ущипнул себя: не сплю я? Неужто этот человек, покинувший укрытие и шедший прямо на двух вооруженных убийц, которые ради своего спасения должны его уничтожить, и в самом деле Фред Смит?

Не останавливаясь, он приближался к ним. Крайдер выстрелил, и пуля высекла искры из камня в нескольких дюймах от Смита, который, желая уклониться от неизбежной пули, оступился и упал, покатившись по склону вниз. Пес прыгнул вперед, сверкая оскалом желтых зубов.

Когда выстрелил Фейн, я решился вмешаться в происходящее и пальнул по фонарику. Попасть в него я не попал, но ответный огонь заставил преступников искать укрытия.

В этот момент пес настиг Фейна. Стремясь вонзить в его горло зубы, он в прыжке с такой силой ударился о грудь своего

противника, что оба, и человек, и собака, с глухим стуком упали на землю.

Фред Смит, низко пригнувшись, словно игрок в американский футбол, бежал по прямой на Ника Крайдера, а тот тщательно прицеливался — он не собирался промахнуться на этот раз.

Мне очень не хотелось опять вмешиваться, но, видя, что Фред Смит бежит явно навстречу смерти, я навел револьвер точно Крайдеру в бедро, высвеченное лучом фонарика, и выстрелил. Моя пуля опрокинула его в тот момент, когда Фред Смит готов был схватиться с ним.

На крики прибежали остальные участники погони. Я поднялся на уступе во весь рост и не давал им приблизиться. Внизу, в каньоне, Смит и пес продолжали схватку. Все было кончено через несколько секунд, и, надо сказать, это были тяжкие секунды. Дружки Крайдера вели себя враждебно по отношению к нам, но я держал в каждой руке по револьверу, и мы все вместе пошли назад, в город.

Крайдера пришлось нести, Фейн же не столько пострадал, сколько был перепуган. Когда собака прыгнула на него, он успел выставить перед лицом руки, и пес довольно сильно изжевал их.

После того, как мы прибыли в город, нам оставалось проделать сущие пустяки. Деньги, которые были отняты у Манса, мы нашли зарытыми возле дома Крайдера. Он и подбросил сумку из-под денег Смиту. Фейн, давая показания, постарался всю тяжесть вины свалить на Крайдера.

Но тому удалось доказать, что это он, Крайдер, находился за кустами в засаде и что именно Фейн произвел фатальный выстрел — тот, который раздробил Мансу череп,— и все из-за того, что Манс увидел лицо Фейна, сорвав с него маску.

Когда всеобщее возбуждение улеглось, стало ясно, что Фред Смит оказался чем-то вроде героя. Сэм Флинт удвоил денежную награду и поровну разделил ее между Фредом и мной. Я вспомнил слова Крайдера о том, что Смит вовсе не Смит, а Фред Гейтс, разыскиваемый полицией Лос-Анджелеса, но не стал никому ничего говорить. Меня нанимали ловить бандитов. Пусть Флинт сообщает, кому нужно, если захочет.

На следующий день ближе к вечеру Фред Смит скрылся. Он словно бы испарился из города, одновременно с ним исчезли Большая Берта и пес. Никто не знал, когда именно и куда они скрылись.

...Больше двух месяцев я ничего не слышал о них, потом вдруг получил по почте номер газеты «Лос-Анджелес таймс», снабженный пометками. Статья, обведенная карандашом, была довольно короткой.

На первый взгляд в ней не содержалось ничего особо интересного, это был репортаж о суде над тремя директорами одной корпорации. Они были осуждены за растрату, подделку финансовых документов и подлог. В статье сообщалось, что сначала эти деятели всю вину свалили на помощника управляющего, тот ударился в панику и скрылся из города, хотя и не был ни в чем виновен. Он просто испугался, что суд не поверит его показаниям и станет на сторону директоров. Затем он все-таки вернулся, пересилив страх перед выдвинутыми против него обвинениями и клеветой, потребовал дополнительного расследования и боролся до победного конца — ему

удалось найти свидетельства, разоблачающие сговор его противников.

Помощника управляющего звали Фред Гейтс. В статье говорилось, что после своего виезапного исчезиовеиия из Лос-Анджелеса он скрывался под имеием Фреда Смита.

Сюда они так и ие вериулись. По-прежнему пустует хижина покойного старателя. Гонимый ветром песок бьется о ее некрашеиые стеиы и что-то тихонечко нашептывает. Временами может показаться, будто ветхое жилище и сыпучий песок переговариваются, шепотом рассказывая друг другу носящиеся по пустыне слухи.

Не раз я прислушивался к этому шепоту, и порой мне представлялось, что старая хижина рассказывает кочующим пескам о том человеке, который одолел свои маленькие страхи, а затем ие побоялся схватиться и с большими.

Перевод с английского *Геннадия Дмитриева*





ВЛАДИМИР КОРОТКЕВИЧ

ОДУВАНЧИК У КРОМКИ ВОДЫ

Эссе

Есть у великого художника Н. К. Чюрлениса картина «Покой». Апология равновесия. Большой световой океан настолько тих и спокоен, что у самой кромки воды успел побелеть н не осыпаться одуванчик.

Покой давно. Пророс одуванчик, стал маленьким золотым солнышком, затем — опушился, потом — рассеет свой род по лнку земному.

Не знаю, как у других, а у меня эта картина вызывает единственную мысль: насколько же я сильный. Как я все могу. Захочу — топором тысячелетний дуб свалю. Захочу — раскрошу огромный, как дом, валун. Захочу — по бревнышку, по камешку разнесу древнюю крепость. Десятки тысяч рук возводили пирамиду Хеопса. А у меня две руки и (пока по ним не ударили) шар-баба, динамит, мелинит н еще всякая чертовщина. И — взрывной силы бумага от какого-нибудь ... гм! ...геодезнста, что шоссе должно пройти как раз через такой-то н такой-то храм или иной памятник культуры, открытый карьер лежит как раз под корнями дубового гая, который помнит времена Шекспира или даже Цезаря.

Бумагу, как дышло, можно повернуть, куда хочешь. На месте реликтового леса построить профилакторий (мой!) или крематорий (мой!), как будто рядом нет другого места. Как будто потомки, если онн захотят (а я к тому временн буду уже беззащитен), не снесут все это, чтобы здесь же построить свое, уничтожают нашу память, чтобы кто-то потом уничтожил память о них.

Выход, по-видимому, один: перестать гордиться своей силой (на твою силу всегда найдется другая), перестать видеть соперника в твоем предке, чтобы потомки не видели соперника в тебе.

Диалектика в том, что для хорошего — если это сделано хорошо — всегда найдется место. Рядом со старым и иовым. Диалектика в том, что одуванчик на кромке воды, конечно, беззащитен.

А ты на кромке жизнн?

Суть в том, что ты стал слишком сильным. Я вот так однажды толкнул просто ладонью дерево. Да, видимо, попал в какую-то там «амплитуду», и оно упало. А на нем было несколько гнезд! И птицы над этими скорлупками голосили весьма «сильно н слезно».

Мне была забава, а им... Этому есть живые свидетели. Но самый неумолимый — моя память и моя совесть.

Ты достиг таких иемыслимых возможностей, что страшно представить. Ты действительно (по праву или без права) — «царь прнроды» (ох, как мне хочется при одном слове «царь» взяться за мою добрую дубину, вырезанную в пуще!). Ты всемогущ. И именно потому, что ты всемогущ, особенно теперь, усвой первый принцип культуры: умей ограничивать себя. Даже если это в чем-то тебе лично повредит.

Не греби руками, лопатой — лучше отдай. Будешь богаче Креза, нбо приобретешь равновесие в этом мире, который тебя создал и который ты должен, как можешь, отблагодарить.

Это весьма простое кредо: живи в полном равновесии с прнродой, матерью твоей, перестань, наконец, видеть в ней врага, с которым нужно непрестанно воевать, отстаивая право на существование.

Она на твое право существовать руку не заносит. Если ты, конечно, умный и нежный друг. А если ты умеешь быть хорошим другом, умеешь любить, а значит, и быть любимым, научнсь осторожности, максимальной бережливости в своей любвн.

Вот рубят лес, оголены склоны оврагов, плывет оглушенная рыба, хлещет в реку вода из сточной трубы, завод коптит дымом небо. Э, милый, да ты иасильник! Там, где можно меры принять, ты творишь злодейство худшее, нежели убийство.

Глядите, вот овраги, карьеры, свалкн!

У нас столько еще пустых, когда-то предками фактическн опустошенных земель. Так, может, поначалу надо восстанавливать их? Научиться брать сполна из того, что у нас есть?

Едва ие самый большой человеческий грех — скупость! И та же самая скупость — одно из наибольших человеческих достоинств, если речь идет о кармане общества. Не «мой рубль», а «мой, твой, его». Берите из того, что есть. Не отнимайте лишнее у лесов, лугов, у животных и птиц, там живущих.

Знаю, что все эти ламентации (а по-нашему, попросту — вопли) могут не дойти по адресу. И потому давайте просто обратимся к вашему здравому смыслу, к тому, что вы не просто «хозяйственннкн». Это вас назначили — это вас и снять могут. Но никто (и в первую очередь ваша совесть) не снимет вас с должности мужей, отцов, товарищей. Это ваша пожизненная (и даже посмертная) должность. Пока можете — служите ей.

Служите Прнпяти, Днепру, Горынн, Браславщине — вечерией пылн на дорогах, по которым вечно ступать босым человеческим ногам! Вы н вашн внуки живете для этого. Человек запрограммирован для свежей воды, омытой дождем зелени, чистого воздуха. И потому, если мы даже в самых мелочах увечим еднннственную, раз н навсегда нам данную биосферу, мы увечим самих себя.

Могут спросить: «А чего ты кричишь, человек, если это н так всем нзвестно?» Да, «всем известно». Но существует на свете такая вещь, как человеческое легкомыслие.

Отравленная химией пчела, разбитая кем-то о камень бутылка — н вот детн твон не побегут босыми по траве, не закалятся, заболеют пневмонией, не получат во время болезни ложкн полноценного меда. Преувеличение? Глупость? Не такая уж н глупость, если подумать.

7 Заказ 1132

...Сколько же нас еще, «легкомысленных»?! Тех, кто говорит про «синие черточки, испестрившие карту», про болота, которые уже надо защищать. Потому что снижается уровень грунтовых вод, кое-где пересушиваются земли (и — парадокс! — лютует паводок), исчезают места, где рождались облака, в некоторых городах уже ощущается нехватка воды как следствие того, что ты провел в ненужном месте канал или срубил дерево над криницей, исчезла речка, где ты плавал ребенком, как Кутеянка под Оршей.

А моральный урон?

Шли мы как-то во время свадьбы приятеля над Волмой. Ночная река пахла рыбой, звезды горели в водах и на берегу. Это были светлячки... И вот. недавно я попал туда и увидел прямой, как стрела, канал, в котором нет места даже для пескаря.

Сын приятеля не увидит уже того, что видели в ту ночь мы. Пескари в этом канале не будут покусывать его за пальцы на ногах, когда он будет удить, стоя в воде. Он просто не полезет туда удить. И может, в нем именно поэтому умер поэт, и люди остались обворованными. Преувеличение? Одуванчик на кромке воды? Возможно. А может, и нет?

«Легко тебе говорить такое, если тебе не нужно заботиться о...» Ну, во-первых, мне всегда приходилось об этом заботиться. И не только о себе лично.

Дело в том, что человеку конечно же нужно есть и пить. Только ему не нужно брать там, где потом невозможно будет отдать. Необходимо разобраться, есть ли «до конца вредные животные», «пустые» рыбы, есть ли вообще на Земле никому не нужные сорняки. Нужно быть очень внимательным (это трудно, но необходимо). И просто добрым.

А то ты добрый в химхозе или в шахте: у тебя в руках взрывчатые вещества, ты следишь, чтобы твои люди не подорвались. А то, что частью «взрывчатки», которой взрывают кустарники, те же люди «подорвали» рыбу в реке,— на это тебе наплевать. Уплатил за охотничий билет — и все. А где такие животные, как тур, болотная рысь, черный заяц? На гербе какого-либо города? Разве что на гербе...

Скромно одетая женщина (а ударил вдруг сильный мороз) несла по улице Орши огромный марлевый узел, из которого во все стороны торчало что-то острое, фиолетового цвета.

— Что это, тетенька?

— А... Я, знаете ли, уборщица... в школе... Скворцы... Мороз... Так дети их штук триста подобрали и отогревали в классе. А там — не можно... А они еще напились чернил — даже клювы посинели... Вот и несу третий узел домой...

Видимо, нужно кое-кому брать пример с этой уборщицы. И если уж ставить памятник «часовым природы», то я поставил бы на пьедестале рядом с Лютером Бербанком эту бабулю с узлом.

Не будем бояться слов «спасение природы». Что не направлено на уничтожение природы, то идет на ее спасение. Дело, видите ли, вовсе не в едином государственном органе охраны (хотя и хорошо, что таковой имеется). Дело во всех людях, в их трепетном отношении к живому на ладони. Дело в бабуле-«орнитологе», дело в общественных инспекторах по охране природы, которые мерзнут где-то на берегу старицы, чтобы не позволить никому преждевремен-

но выстрелить по выводку уток, когда «хлопунцы» еще не поднялись «на крыло». Я не против азарта (сам мог прыгнуть за подстреленной уткой в трясину вместо собаки), но с возрастом понимаешь все больше, что и по тебе судьба может пальнуть, что самый лучший азарт — это быть в школьном лесничестве где-то под Цырином, переносить на новое место муравейники под Оршей, прививать ученикам в школе любовь к пуще, чтобы из них не выросли хищники, подкармливать оленей в Беловеже, воспитывать зорких и добрых егерей. Что там слава какого-то зверобоя Буффало Билла, который уничтожил несколько тысяч бизонов! Ты сделай так, чтобы на месте одного лося, одного бобра — стало три. Ты молод и славолюбив — вот она, твоя слава: сажать сады на полесских песках (из-за какого-то неуча выпущенных некогда на волю), беречь парки в Несвиже, Великом Можейкове, Константинове.

Ведь история каждого народа есть история постепенного познания им своей родины, освоения и украшения ее, осмысления самого себя как человека на этой Земле.

Сохнет в городе хвойный парк. Бывает, как, скажем, под Круглицами, туристы захламляют леса. Остановись и подумай: твои корявые руки лучше монтируются не с топорищем, а с пушистой хвоей молодых сосенок. И учти: сосна сохнет от шума, от клаксонов, она не любит крика больше, чем ты. Так почему же близкие берегут тебя, а ее — нет? Дай покой одуванчику на кромке воды ты, одуванчик.

...Странные овраги километрах в пяти на юг от Карелич. Прямо какой-то белорусский Дагестан. А ты не примирись с этим. Уничтожь эрозию, эту проказу земли. Посади там вербы (просто вбей в землю вербовый кол) и тополя — пусть держат корнями эту землю.

Или огромное водное наше богатство. «Страна двадцати одной тысячи рек и одиннадцати тысяч озер».

Звучит? Еще как звучит! Особенно если припоминаешь каждую речку и каждое озеро «в лицо». Великий Неман, праотец Днепр и его жены — Припять и Березина (он — язычник, ему можно), светлая сестрица Двина. И по всей Белоруссии слезины озер.

Только не каждая вода — вода. Вода тогда вода, криница и колыбель жизни, когда она чистая. И тут каждому необходимо помнить, что никакие титанические усилия гидрохимических лабораторий, следящих за этой прозрачной чистотой, никакие старания инженеров, скажем того же Новополоцка, по строительству очистных сооружений и устройств (чтобы ниже нефтеперерабатывающего завода в чистейшей воде плескалась вечерами рыба), никакие водные системы (чтобы ликвидировать жестковатый водный баланс некоторых городов) не помогут, если каждый человек не перестанет загрязнять ручьи и криницы, превращать даже самую маленькую речушку в приемник сточных вод.

Никакие лесоводы, ботаники, зоологи и охотоведы, никакие школьные лесничества не помогут, если каждый турист, курортник, грибник, охотник распояшется в нашем лесу, словно пьяный вандал в захваченном Риме. А наш лес — не древний город, отданный солдатне на глум и разграбление.

Он наш храм, наша гордость и, при случае, наше спасение, как это было в войну. А если он храм и спаситель, то и веди себя, как в храме или в доме спасителя.

Однако вернемся на свое болото. Болото — «проклятие», болото — «чума этой земли». Но вспомним лишь то, что большинство нашнх крупных рек (а сколько малых?) берет начало в так называемых «верховых» болотах. И если их осушают, мелеют реки, сохнут малые речушки и окрестные колодцы, снижается урожай. Потому что болото — резервуар воды на лето, болото — мать облаков и убийца засухи. Один Полесский, однн Березннский заповедник погоды не сделают. А болотные камыши могут во многом заменить дерево прн производстве дефнцитной бумаги. А клюква, собраиная с одного гектара болота, в два раза дороже древесины с гектара зрелого, мачтового бора.

Однако что я все о выгоде да выгоде? А закат, догорающий над болотом, а звон кос в косовицу, а вечерние танцы журавлей на болоте? Глядnте, скольким жнвотным, птицам и растениям дает жизнь и прнстанище это «проклятие»!

Без еды, под наблюдением врача можно жить месяц, без воды — пару дней, без воздуха... Да что там, без него мы не только задохнулись бы, но н замерзлн б, умерлн от радиации. И вот мы, радуясь «фабрикам дымным», забыли, что уже в этом воздухе н пыль, н пепел от угля и сланцев, н сероводород, н окислы азота. За год на Земле в воздух попадает полтора миллнона тонн пыли только от цементных заводов! А автомобильные выхлопы, а лесные пожары...

Конечно, ты не в состоянии вести борьбу с загрязнением один. Это дело государства: устанавливать аппараты для улавливания пепла, цементной н иной пылн, переводнть предприятия на газовое топливо, электрифицировать дороги и дома, делать циклонные топки. Твое дело — подать сигнал, если где-то что-то не в порядке.

Однако существует род деятельности, где ты и однн в поле воин. Пусть каждый посадит н вырастит хотя бы одно деревце в год — и вот на борьбу с «дымамн» выйдет только в Минске миллион, а по всей Белоруссии — девять миллионов активных зеленых воннов. Воинов, которым мы обязаны тем, что минский, гродненский, гомельский воздух все же чист! Каждый год обеспечь этому зеленому легнону подкрепление — и он одолеет все. Не будь врагом братнему войску, которое вышло защищать твои легкие, твою жизнь.

Совсем мало: только одно деревце за себя; одно за своего престарелого деда и одно — за свое еще несмышленое дитя. И ты обеспечишь деду более здоровую старость, сыну — нормальное развитие, себе — более долгую жизнь. А ее вторично тебе не дадут, на этот счет не сомневайся.

Воюй, где можешь. Потому что это единственная война, которую стоит вести. Сажай деревья у водоемов, не разрешай без надобности валить ни одного дерева, поднимай голос за увеличение срока запрета весеннего лова рыбы, за целесообразность промыслового лова только в конце лета, чтобы успела отнереститься и окрепнуть ценная рыба.

И жалей голосистых пернатых братьев своих, брат «двуногнй н без перьев» (по меткому определению Платона). Потому что летом н осенью небо над полями н лесами звенит от пения крыльев.

Наши охотннкн далеки от того, чтобы, скажем, стрелять в дрозда, аиста, скворца, чайку, но водоплавающей, боровой, степной

дичи куда хуже. Вряд ли в Белоруссии нашелся бы охотник азартнее меня. Пожалуй, не было такого зверя или птицы, на которых бы я не ходил. И вот лет пятнадцать назад, наблюдая за мелиорацией, вырубкой кустарников, лесными пожарами, разгулом браконьеров, я всерьез задумался и решил: ни у кого и никогда я не отниму выстрелом жизни, разве что у бешеного волка. Теперь я «охочусь» глазами, с фотоаппаратом или с ножом в лукошке на грибной «тихой охоте» и живу куда интереснее и, главное, с чистой совестью.

Звери и птицы по-прежнему вокруг меня, но они живые. И поверьте, куда интереснее видеть токование тетеревов, чем ворваться на ток злым роком, дробью и кровью.

Нужно, чтобы во всех лесных хозяйствах, а не только в некоторых не рубили дуплистых деревьев (это чья-то возможная квартира), не жгли на болотах траву (это чье-то укрытие), не пасли в лесу скот (это чей-то уничтоженный «хлеб»), ограничивали сбор грибов и ягод (их ешь не только ты, и для тебя они — одно из лакомств, а для зверя — жизненная необходимость).

Да, все это и лично в твоих руках. Корми птиц зимой, создавай им «галечники», чтобы могли «купаться». Даже «никому не нужные» мухоморы не сбивай ногами, потому что звери едят их перед зимой, чтобы выгнать паразитов и легче пережить голодную стужу. Даже рябину под своими окнами не собирай до последней ягоды — пусть немного съедят или стряхнут на землю птицы, которым она, возможно, будет спасением зимой.

Есть, конечно, в природе и такое, что уничтожают даже буддисты, которым запрещено всякое убийство вообще. Все эти кольчатые шелкопряды, сосновые клопы, бабочки-монахини, яблоневые моли и так далее. Так вот, если ты уж живешь по принципу «размахнись, рука», то размахнись этой рукой на них. А их, кстати, не так уж и много среди тех, что жизнью своей дарят нам пользу и красоту. И очень осторожно прибегай к химикатам, даже в своем саду.

Не разрушай муравейник — это хорошая форма чужой жизни. И, главное, не живи в этом мире интересами лишь своего ведомства.

Твое ведомство — весь мир вокруг тебя.

«Все во мне, и я во всем!»

Не вреди старому парку в твоей деревне, даже если он не под охраной государства (таких мало), не вреди живому — можешь нанести непоправимый ущерб. Последний зубр был убит в Англии в XII столетии, в Швеции — в XVI, а вообще уцелел в мире лишь благодаря тем зубрам, которые когда-то были вывезены из Беловежи.

Ну ладно, зубр спасен. И многие еще звери, птицы, насекомые. Спохватился человек. А вообще-то, и ныне еще около шестисот видов зверей и птиц на пути к вымиранию. Устроило человечество этакий звериню-птичий «геноцид», вместо того чтобы подкармливать, лечить, создавать новые места для жилья: извечную, но и исправленную, разумно направленную гармонию жизни.

Убивать, как я это давно понял,— некрасивая и паскудная штука. И никогда на охоте мне не было так легко и радостно, как, скажем, на отлове бобров для переселения их в новые водоемы. Как он, выпущенный, еще не верит свободе, как жадно, долго, радостно барахтается, плавает, ныряет (шуточки — сутки не мылся!), моет

шубу, не обращая внимания на близость людей и собак! И как он потом спокойно плывет куда-то в тихие воды, к закату, в поблекшую ленту вечерней зари...

Смывает вечерней водой и покоем свои «бобровые слезы».

В такие минуты с гордостью ощущаешь, что ты — человек, созданный природой и равный ей. Счастливые, незабываемые мгновенья!

И как созвучны здесь слова поэта:

Я стал доступен утешенью;
За что на бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

...Вот так. Сбереги росную паутину в осеннем просветленном лесу, дай старому дубу начать следующее столетие, помоги зверю, который с таким мужеством, сквозь века, продолжает свой род в борьбе с врагами, самым сильным из которых еще вчера был ты. Защити от ветра слабенький и сильный одуванчик на кромке воды.

Мир всему живому на этой чистой земле под вечной радугой в этом чистом и вечном небе.

Перевод с белорусского *Валентины Щедриной*





МАРГАРИТА НОГТЕВА

КРАСКИ ИСПАНСКОЙ ЗЕМЛИ

Очерк

Снежные пики Пиренеев оказались наконец позади, и наш самолет пошел на снижение. В иллюминатор хорошо было видно, как по змеящимся автострадам, словно заводные игрушки, мчатся машины. Красное предзакатное солнце казалось огромным надувным шаром, привязанным к рыжим холмам плоскогорья. Я вспомнила, что испанская земля красная... Как это — вспомнила? Разве я была здесь когда-нибудь?

Я собиралась в Испанию сорок лет, с того самого ясного солнечного дня, когда в довоенном подмосковном лесу мне повстречался смуглый мальчик. Глаза у него были, как вишни, а на голове чернела шапочка с кисточкой, похожая не столько на пилотку, сколько на морской кораблик.

— Испанка,— сказали мне про шапочку, а про мальчика: — Испанец.

Так в сердце мое впервые вошла Испания, чтобы впоследствии заговорить со мной на языке искусства. Потом, встречаясь взглядом с широко распахнутыми и по-детски изумленными глазами «святой Инессы» кисти Риберы, я вспомнила полный мальчишеского любопытства взор того маленького испанца в подмосковном лесу.

Кастильская земля — красная. В этом довелось мне убедиться в школьном музее села Песочное Выксунского района Горьковской области. Это родина комиссара Зуева, героического участника гражданской войны в Испании. Среди священных реликвий школьного музея была горсть испанской земли, привезенная комиссаром на родину. Бурая россыпь кремнезема.

Комиссар Зуев погиб на фронте Великой Отечественной войны и похоронен на сто пятом километре от Ленинграда. Поезд, проносясь мимо могилы комиссара, дает гудок, который вдруг явственно послышался мне в реве реактивного двигателя.

Аэропорт «Барахас» похож на гигантский стеклянный аквариум. Великаньи плавники воздушных лайнеров отливают холодной белизной заоблачных высот. Авиакомпания «Иберия» рекламирует свои услуги. Черный берет таможенника, кокетливо свернутый в трубку, засунут под погон. Жужжит транспортер...

Иду по бесконечным переходам аэровокзала и мысленно перено-



Кастильский пейзаж



Патио в мавританском стиле

шусь в сводчатые залы университетской библиотеки, где в юности с необъяснимым увлечением приобщалась к истории Испании. В древности Пиренейский полуостров назывался Иберийским. Между Иверией древней Грузии и Иберией античной Испании существовала некогда таинственная этнографическая общность. В V веке до нашей эры было известно Иберийское государство. Западная часть Средиземного моря на античной карте именовалась Иберийской, а северо-восточная окраина плоскогорья Месето в центральной Испании носила название Иберийские горы. Хеттско-иберийские языки были распространены на территории стран Передней Азии и Средиземного моря. Древнегреческий историк и географ Страбон отождествлял испанских иберов с кавказскими. Язык басков — осколок древнейшей языковой группы. Из иберийского семени пророс распространенный на черноморских берегах иберис.

Мы едем в центр испанской столицы вдоль многоэтажных строений, напоминающих то сложные геометризированные объемы, то различные вариации многообразных форм живой природы. По фасадам зданий ветвится узорная мощь барельефов. Сложными спиралями вьются лестницы, громоздятся сталактиты лесного декора. В архитектурных ансамблях угадывается творческий порыв Антонио Гауди, испанского современника Ле Корбюзье и Оскара Нимейера.

В парке Фуэнто-дель-Берро, облокотившись на античную колонну, ждал нас царскосельский Пушкин, изваянный советским скульптором Олегом Комовым. Остается только воскликнуть вслед за доном Гуаном: «Ах, наконец достигли мы ворот Мадрита! Скоро я полечу по улицам знакомым...»

Мадрид — багровый город, в каменных складках которого, словно в мантиях эльгрековских созданий, трепещут отблески огненных языков истории. Камень, из которого сложен Мадрид, похож на ереванский туф.

В полдень в столице включаются фонтаны, и в уличный водоворот машин врывается Севилла на мраморной колеснице в львиной упряжке. В ее руках свиток.

Символом Мадрида служит медведь. Он упирается массивными лапами в монолитный столб посреди площади Пуэрта-дель-Соль, откуда, словно солнечные лучи, расходятся главные мадридские улицы, закованные в каменный панцирь респектабельных зданий, расчлененных снизу аркадами, а сверху разграфленных солнцезащитными жалюзи и зарешеченными балконами.

Покровитель Мадрида — святой Исидор, землепашец с посохом в руке. Его раскрашенное изваяние можно увидеть в муниципальном музее.

По календарю конец мая, но в Мадриде нежарко. По местным понятиям, даже прохладно. Изредка дождит, и тогда город погружается в серебристое свечение асфальтированных магистралей, зеркальных витрин и шуршащих плащей фланирующей толпы.

Смягчается контур города, очерченный зубцами островерхих башен, гребнем крутых крыш, циркулем куполов, штрихами древесных ветвей. В эти часы пейзаж Мадрида импрессионистичен.

Более сорока лет назад Эренбург, будучи в Испании в разгар гражданской войны, сказал о стране: «Ее красота заведомо трагична». Отсвет этой красоты лежит на широкоскулом, по-крестьянски грубом лице Гонсалеса, нашего знакомого, вызвавшегося сопровождать нас в поездке по городу. Нет, он не профессиональный гид и даже не уроженец Мадрида. Ребенком был увезен в Советский Союз вместе с другими детьми республиканцев. Воспитывался, учился и рос в Москве. И вот теперь, обосновавшись в Мадриде, не хочет упускать возможности показать русским испанскую столицу, не забывая при этом щегольнуть прекрасным знанием Москвы.

У каждой столицы свое историческое ядро. Оно самобытно и не поддается сравнению. Но можно сравнить новые районы двух столиц. В них есть нечто общее. Но вот метро непривлекательно. Ободранные вагончики с дребезгом и скрипом вырываются из земных недр. В вагоне кто-то спит.

— Метро — пристанище бездомных,— говорит Гонсалес, потом рассказывает о мадридских новостях. Оказывается, в испанской столице на гастролях Ленинградский театр оперы и балета имени Кирова. Наш добровольный гид уже побывал на спектаклях. А в залах Прадо экспонируются шедевры Эрмитажа. Гонсалес сумбурен. Он хочет сказать сразу обо всем и успеть еще расспросить о Москве.

Общение с Гонсалесом помогает почувствовать дух сегодняшней Испании, для которой каждая весточка из Советского Союза словно веточка цветущего миндаля. Долгожданная ласточка надежды. Белый голубь мира.

Проезжаем Дворец конгрессов — овальное здание из стекла и бетона. Геометрическую простоту фасада завершает монументальная композиция в стиле росписи Леже. Над входом во дворец вьются флаги стран — участниц Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.



Мадрид. Памятник Колумбу

— Здесь находится советская делегация,— с гордостью сообщает нам Гонсалес.

Позднее он покажет нам написанные на стенах мелом слова: «Viva comunista» — и с радостью сообщит:

— Скоро вернется на родину «Герника» Пикассо*. Ждем не дождемся возвращения этого великого антифашистского произведения. Пикассо слишком долго находился под запретом. Посетите непременно Музей современного искусства. Увидите жемчужину раннего Пикассо «Даму в голубом».

В этот музей ведет широкая эспланада, переходящая в спиральную лестницу. Декоративные агавы, кактусы и юкки кажутся скульптурными изваяниями.

Неподалеку — Прадо. Впервые мы увидели его поздним вечером. Здание музея темнело наподобие огромного органа в глубине Плаца Кановас, вызывая в памяти строки Владимира Луговского: «В двенадцать ночи тяжек темный Лувр. Едва подсвеченные фонарями, громады камня медленно уходят по всем ночным законам перспективы...» Великие хранилища картин имеют нечто общее в своем внешнем обличье. В центре площади фонтан вздымал радужные арки. Казалось, это светящиеся пропилеи, огненный мост, ведущий к Прадо.

В залах Прадо кипят титанические страсти. Багровеют библейские раны на жилистых телах мучеников Риберы. Иероним Босх показывает уродство бесчисленных чудовищ. Тусклым золотом отливают тяжелые холсты Тициана. Отсвет первой любви несут крестьянские лица мадонн Мурильо. Жестокой аскезой веет от сосредоточенных молений Сурбарана, мистических видений Рибаль-

* Картина П. Пикассо «Герника» возвращена Испании в 1981 году.— *Прим. ред.*

ты. Горячий пепел душит грешников Эль Греко. Из пепла воспрянул трагический мир Гойи. Гризайли Гойи и Пикассо вступают в магическое колористическое единство, и тогда коренная общность творческой природы Гойи и Пикассо становится очевидной.

Разносторонний гений Веласкеса здесь особенно нагляден. Придворный живописец, сосредоточивший внимание на кружевных воротниках и накрахмаленных манжетах, лайковых перчатках и тяжелых складках бархатных мантий, вдруг предстает во всем блеске искусного баталиста. «Взятие Бреды» оглушает. Сверкает лес копий, вздымаемых испанскими солдатами. Сизой пылью задымлен их путь...

Веласкес прожил в Мадриде более тридцати лет. Его полотна пропитаны воздухом столицы.

Мы живем в отеле «Веласкес». Это в центре, на улице Веласкеса. Отель облицован все тем же розовым камнем, который придает мадридским кварталам спокойное багровое свечение. Интерьер отделан под старину. Тяжелая баро́чная мебель: витые ножки кресел, стульев и столов, канделябры на мраморных подставках, золоченые завитки зеркальных рам... Балконная дверь выводит в патио мавританского стиля, украшенный декоративными растениями. Внизу двор, узкий квадратный колодец, на дне которого густая запущенная зелень и аляповатые статуи. Почти не слышен гул столицы. Солнце, выглянув из-за тучи, неожиданно обожгло горячими лучами. Из серого небо сразу стало лучисто-синим, как шелковый штоф, которым обтянуты стены внутренних покоев королевского дворца.

«Небо над Мадридом называют небом Веласкеса»,— сообщает туристический проспект. Ни один испанский художник не смог передать все оттенки мадридского воздуха так, как удалось Веласкесу, уроженцу Севильи, призванному в столицу, чтобы живописать будничную роскошь королевского двора, портреты августейших особ, на лицах которых вечная тень дворцовых интриг.

Калле-де-Веласкес выводит на Калле-де-Алкале, ставшую центральной артерией города еще в средневековье. Не здесь ли совершал свои медлительные прогулки Веласкес, пытаясь стряхнуть с себя груз повседневных забот и глядя в небо...

Оно чаще всего безоблачное. Благодаря своему географическому положению Мадрид считается самым безоблачным городом в Европе. Он расположен посредине Пире́нейского полуострова на высоте 650 метров над уровнем моря. Атмосферное давление в среднем 706 миллиметров.

Ветер летит сюда с холмов Гвадарамы, неся, согласно справочникам, аромат пиний и цитрусовых. Свежесть утра мы ощущаем сквозь плотные портьеры гостиничного убранства, укрываясь спросонок красными шерстяными пледами поверх одеял. Однако чистота воздуха весьма относительна. Мадрид, как многие столицы мира, пропитан бензиновыми испарениями, от которых жители ищут спасения под зелеными кронами старинных парков. В воскресный день в парках полно народу. Сюда выезжают целыми семьями, располагаясь прямо на траве. Люди завтракают, играют с детьми, предаются беседам и развлечениям. Испанцы скромны в одежде. Спокойны строгие линии женских платьев, мужских костюмов. И только дети нарядны. Девочки похожи на маленьких инфант,

Севилья. Золотая башня

Севилья. Мост через Гвадалквивир

сошедших с полотен Веласкеса. Длинные оборчатые платья, распущенные по плечам волосы, живые розы, приколотые к корсетам или застрявшие в кудрях, отличают маленьких испанок. Мальчики тоже подчас одеты в костюмы, напоминающие бархатные камзолы средневековья, или матросские форменки. И тщетно я искала мальчика в черной пилотке с красной кисточкой, испанского мальчика из своего детства.

— В этом сезоне,— сообщает гид,— в моде сочетание красного с белым.— Алые юбки, словно окрашенные закатом паруса колумбовых каравелл, реют на фоне зеркальных витрин. Рекламные щиты демонстрируют длинноногих загорелых красоток в красных купальниках. Черные провалы метро выбрасывают барселонского моряка на освещенную рекламными бликами центральную площадь. Он напоминает мне черного альбатроса.

Мраморные львы вместе с вооруженными автоматчиками охраняют здание кортесов (испанский парламент). Незыблемой скалой возвышается над площадью Испании памятник Сервантесу. Красноватый, под цвет кастильских холмов, обелиск завершен аллегорическими скульптурами, поддерживающими земную сферу. Дон-Кихот и Санчо Панса — два всадника словно сошли со страниц каменной книги, которую держит на коленях сидящий в кресле Сервантес. Его беломраморное изваяние отражается в зеркальной глубине бассейна. Кажется, он парит над землей...

Современный Мадрид нельзя представить без Хемингуэя, посвятившего Испании многие страницы своих творений и понявшего душу испанской столицы, характер этого удивительного города. «Только в Мадриде вы почувствуете подлинную сущность Испании, ее квинтэссенцию,— писал Хемингуэй в романе «Фиеста».— А квинтэссенция может храниться в самой обыкновенной бутылке, и не нужны ей никакие пестрые ярлыки, как Мадриду не нужны национальные костюмы...»

Мы разыскиваем отель «Риц», в котором некогда останавливался писатель. Погружаемся в сияние зеркал и хрусталя вестибюля, усаживаемся в мягкие кресла. Чопорный портье следит за тем, чтобы посетители фешенебельного отеля были непременно в галстуках. «Риц» известен как отель миллионеров. Изучаем проспект. Оглядываемся по сторонам. Приходят на память записки Овидия Савича о защите испанской столицы в годы гражданской войны, прочитанные в Москве перед вылетом в Мадрид: «Гостиница в центре. Нас ведут по пышным лестницам, по коридорам. Номер с роскошной постелью в кружевах... Отдергиваю занавеску. На площади стоит что-то бесформенное: защищенный от бомб мешками с песком знаменитый фонтан...»

Может быть, Савич смотрел из окон этого отеля? Фонтан блещет и переливается всеми цветами радуги, взвивая к небу водяные столбы. Это фонтан Нептуна.

Мадрид, как и другие испанские города, которые нам довелось увидеть, подтверждает слова Гойи: «В мире нет ни красок, ни линий, есть только солнце и тени». Планировка испанских улиц рассчитана на то, чтобы в жаркий полдень на одной стороне обязательно была тень.

«Кто не видел Севильи, тот не видел чуда»,— говорят испанцы. Мы хотим лицезреть чудо и садимся в поезд. Маленькие, почти

игрушечные вагончики, узкие купе — словно трехъярусные каюты. К услугам пассажиров — переносные медные лестницы, по которым можно вскарабкаться на верхние полки. Поезд отходит ночью. Бархатная тьма в окнах. Редкие остановки. Белые станционные строения. Удар колокола — сигнал к отправлению.

Андалузия встречает розовым рассветом. Прохладно. Проезжаем небольшие селения, состоящие из плосковерхих домов, окруженных садами. Слово «Андалузия» арабского происхождения. Ал-Андалус — так называли в средневековье арабы Пиренейский полуостров, где некогда процветала мавританская цивилизация, оставившая неизгладимый след в истории европейской культуры.

Глядя на стройные ряды кокосовых и финиковых пальм, впервые задумываешься о близости Африканского континента. Из пальмовых стволов — столбы электропередачи. Пальмовые бревна лежат на земле... Пальмовые листья шевелятся на ветру, словно гигантские опахала. Взгляд останавливается на глянцевитой листве цитрусовых деревьев. Зеленеют маслиновые рощи, плантации перца. Рвутся ввысь стройные цветоножки агав, похожие на стволы молодых сосен. Перистые облака розовеют на рассвете, как оперенье фламинго.

История Севильи теряется в глубокой древности. Гиспалис — называли ее древние греки, а финикийцы — Севела, что означает «низменность». Вдоль севильских набережных Гвадалквивир течет тихо и спокойно. Вода темная. В прогалах между пальмами виднеются мачты парусников, торчащие, словно удочки. Снизу тянутся баржи, килевые суда с низкой осадкой, рыбачьи лодки. Через Гвадалквивир перекинут мост, связывающий старый город с новыми районами. Мост древен. Его постройка совпадает с возведением большой мечети, перестроенной позже в кафедральный собор, и относится к XII веку. Тогда Севилья была городом писателей, ученых, философов. В память о том времени осталась двенадцатиугольная золотая башня, внушительная и массивная, как и все творения арабских зодчих.

В парке Марии-Луизы под зыбкой тенью кокосовых пальм дети кормят белых голубей. Навязчивые торговцы предлагают сувениры: веера, похожие на огромных тропических бабочек, яркие кастаньеты, мониста, браслеты, бусы... Наш путь лежит вдоль павильонов стран Латинской Америки, построенных в начале века в честь четырехсотлетия открытия Колумбом Нового Света. Архитектура павильонов, соседствующих с мощными стволами тропических деревьев, отражает своеобразие южноамериканской природы и культуры. Тенистая аллея выводит к дворцу Испании. Перед ним расстелен мозаичный ковер из каменных плит. Восхищаешься ажурным литьем решеток, витражами, балконами, лестницами, фонтанами, акведуками. Сквозные галереи сообщают фасаду светозарность. Бесчисленные арки возносят, как птицу, дворцовое здание в безоблачное севильское небо. На изразцовых медальонах, вмонтированных в облицовку нижней галереи, запечатлены картины истории Испании.

Полвека назад выдающийся советский ботаник академик Н. И. Вавилов, изучая в местных хранилищах зоологические и энтомологические коллекции, а также гербарии первых экспедиций европейцев в Перу, Мексику, Чили, назвал Испанию «замечательным историческим музеем, где можно проследить различные этапы



Севилья. Кокосовые пальмы в парке Марии-Луизы

развития земледельческой культуры, искусства». Севилья — город-музей. Город-памятник. Хранитель великих богатств Колумбовой библиотеки.

Модель «Санта Марии», корабля, на котором Колумб отправился за океан, установлена в королевском дворце, в Алькасаре, в том самом зале, где, согласно историческим данным, путешественник получил высочайшее разрешение пуститься в плавание. Зал, обтянутый алым бархатом, ковровые ступени, ведущие к трону. Алтарь. Среди святынь алтаря — «Мадонна попутного ветра» работы севильского художника Алехо Фериандеса. В соседнем зале — старинные шпалеры, офорты, гравюры...

Гробница Колумба находится в севильском кафедральном соборе. Громада собора подавляет своими размерами. Его колокольня — самое высокое сооружение в городе, завершающееся флюгером в виде парящей в вышине женщины — хиральды, что означает «крутящаяся». Здесь, в Севилье, много веков назад получил распространение архитектурный стиль «мудехар», сочетающий элементы готики и мавританского зодчества,— стиль нарядный, изысканный, волнующий воображение. Ни один узор не повторяется: древние резчики соперничали друг с другом в полете фантазии. В мраморном саркофаге, покачивающемся на цепях над скульптурным олицетворением исторических сил, прах Колумба как бы в вечном движении.

Воздух Севильи напоен дыханием цитрусовых деревьев, эвкалиптов, кипарисов, пальм, увитых лианами. Стебли роз цепляются за решетки балконов. Коричневые лепестки роняет отцветающий банан. Если влагонепроницаемый банановый лепесток бросить в водоем, он



Севилья. Павильон на площади Испании

поплывет, как лодочка. Зеркальная гладь бассейна голубеет от нависшего над ней ковра цветущих глициний.

Бродя по узким улочкам Севильи, представляю себе героя романа Фейхтвангера «Испанская баллада» — купца Ибрагима, или, как его звали в роду, Иегуду ибн Эзру, друга и советчика эмира. Наверняка он часто появлялся в каменном лабиринте этих переулков. Над старинными подъездами свисают тяжелые витые фонари. Шланг, как змея, свернулся на мозаичном полу внутреннего дворика. Карнавальная толпа, текущая по средневековому городу, напоминает сцены из «Севильского цирюльника»...

Конец мая. Завершаются пасхальные торжества. Испания — страна католическая. Шуршат и развеваются мантии, черные плащи с красным подбоем. Рокочут гитары. Цокают конские копыта. Толпа гудит как улей, заполняя внутренние галереи севильского Алькасара. Школьники в расшитых золотом камзолах взгромоздили на плечи какое-то странное сооружение наподобие платформы, украшенной гирляндами алых цветов. Вероятно, это символ Голгофы.

Севилья разряжена, разодета. Она танцует. Людской поток увлекает в свою круговерть случайных прохожих.

— Кавалеры, не давайте дам в обиду! Уличные пираты охотятся за дамскими сумочками!

— Кому не везет в любви, поставьте свечу перед изображением Севиллы. Севилла — покровительница любовников и тореадоров.

Постепенно постигаешь своеобразие этого великого города. Восток, Африка, Новый Свет, Европа оставили свой неизгладимый

след на всем, что составляет облик Севильи.

Чтобы проникнуть в будущее, надо понять прошлое. Севилла — прорицательница, предсказательница, гадалка. В длинных оборчатых юбках таится вихрь танца. Вырез на блузе в виде червового туза. Поединок черных и красных картежных мастей. Три завитка в форме полумесяца — главные элементы в прическе севильской красавицы.

У старинных корпусов табачной фабрики статуя Кармен, великой цыганки, хранительницы тайн бессмертного кочевого народа, связывающего Европу с Индией. Только вместо знаменитой родинки брахманизма на ее лбу сверкает завиток ислама в форме полумесяца. Кармен — испанка, но ее танцы дышат зноем Южной Америки, передавая в ритмах ритуальное исступление жителей пальмовых берегов Карибского моря. В руках веер — словно огромная тропическая бабочка...

Когда в ночном кабаре смотришь исполнение знаменитого танца фламенко, неожиданно постигаешь, из каких элементов он состоит. Стук кастаньет как прищелкивание бичей караванщиков... Длинные заунывные мелодии пустыни чередуются с бешенством погони... То искушения неги, то опьянение сладострастием, то страх и трепет перед могущественными силами природы, вселенскими богами...

Тела танцовщиц напрягаются, как змеи перед прыжком. Стоит легкий звон, будто вибрирует чешуя гремучих змей. Пышные оборки кажутся украшением из листьев и перьев американских индейцев. В стремительном ритме танца наряд приобретает одновременно и тяжесть и легкость, будто ветер вздымает плотные и пыльные пальмовые ветви, шлейф расстилается, как волны океана в момент прилива, и с шумом вздымается вверх, как пламя ритуального костра.

Танцовщица превращается в птицу-феникс, в розового фламинго, улетающего в сторону заката, вслед за кораблями Колумба. Три материка говорят на языке танца, перебивая друг друга. Звучат тамтамы, визжат рожки, едва не лопаются струны гитары... Вот что такое фламенко. На лбу темнеет завиток в форме полумесяца.

Жемчужина мавританской Испании — Гранада. Мы едем вдоль морского побережья. Снова цитрусовые и оливковые рощи, пальмы, бананы... Холмистая сухая земля, напоминающая рельеф восточного Крыма. Сходство усиливается, когда взгляду открывается сверкающая водная гладь, рассеченная дамбой, по которой наш автобус выезжает к Кадису. Вспоминается дорога через Сиваш, когда с обеих сторон море. Острый запах водорослей, йода, свежий ветер. Лагуна зеленоватая и тусклая, как старинный шелк. Вдали золотится купол кадисского собора. Кадис основан финикийцами задолго до нашей эры, и название это означает «серебряная чашечка». Город лежит в серебристой дымке. Все его улицы, шумные, многоязычные, узкие и тесные от наступающих друг на друга зданий, ведут к океану. Отмели Атлантики сверкают, как зеркала.

— Кадис считается самым древним городом в Европе,— сообщает гид.

Нижние этажи заняты лавочками. На прилавках товары со всех концов света! В изобилии дары океана: огромные кальмары, креветки. Плавники рыб будто кили перевернутых лодок.

В ресторане многолюдно. В воскресный день испанцы предпочи-



Мост через ущелье по дороге в Малагу, сооруженный еще древними римлянами

тают обедать в полном семейном составе. Снова, как феи, грациозно ступают маленькие испанки.

На обед традиционное испанское блюдо «паэлья», наподобие плова, с той лишь разницей, что вместо мяса искусно приготовлены дары моря. В створках раковин запечены моллюски.

Океан потрясает необъятным простором и густой синевой. Темно-синяя бездна неотступно притягивает мысли и желания, вселяет жажду странствий. Волны вгрызаются в береговой ракушечник. Древние арабы не любили моря и боялись его, принимая за опасное чудовище. Зато далеким предкам современных испанцев в разрывах облаков, клубящихся над Кадисской бухтой, виделась мадонна попутного ветра и корабли, плывущие под парусом надежды.

От Кадиса в Малагу путь идет вдоль берега Средиземного моря. Это Коста-дель-Соль, что означает «солнечный берег». Разрывы круглых бухт, скалистое плоскогорье, подступающее вплотную к побережью, чередование морской синевы и зеленых пастбищ, масличных рощ и цитрусовых садов придают пейзажу графическую завершенность и контрастность. Океан остается позади. Перед нами



Графика малагских улиц

голубая горловина Гибралтарского пролива. В лучистой дали воздушным контуром вырисовывается африканский берег. Огромная песчаная подошва, зеленая глыба, сползающая в воду.

Мы мчимся по испанской земле. Щиты, расставленные вдоль дорог, уведомляют, что мы на родине корриды. А на эйлагах Сьерра-Невады, сверкающей на горизонте ледяными зубцами, нагуливают силу быки. Прав был Лорка, когда однажды сказал: «Карта Испании — это шкура быка». Не в эту ли шкуру залез Зевс, чтобы обратиться в быка и перевезти на своей спине дочь финикийского царя на остров Крит? Так Европа пересекла Средиземноморье.

Из бухты Альгесирас до Сеуты и Танжера всего несколько часов пути. Мы у ворот Африки. С восточной стороны бухту образует мыс Европа. У него мощный бычий хребет. Снова бросается в глаза сходство испанского и противоположного, африканского берега. В сороковые годы прошлого века на попутном паруснике пересек пролив русский литератор В. П. Боткин. «Берег Африки с этой стороны и самый залив совершенно походят на Испанию»,— заметил он в «Письмах об Испании», опубликованных Чернышевским в «Современнике».

Маяковский, проезжая Гибралтар летом 1925 года, увидел Испанию в блеске солнца: «Испанский камень слепящ и бел, а стены — зубьями пил...» Раскаленная до белизны дорога ведет в горы.

Почти в каждом испанском селении есть арена для боя быков. Между Тарифой и Альгесирасом на высокогорье приют для туристов — отель «Мезон-де-Санчо». Жгучее солнце. Крылатая тень пиний. Стойкий запах эфироносов. Сквозь морщинистую, выжженную солнцем землю пробиваются жесткой щетиной местные разновидности тимьяна и других ароматических губоцветных. Топорщится дрок, ладанник, звенят цикады, ящерицы шуршат в зарослях карликовых пальм. Желтые выступы ракушечника и песчаника резко контрастируют с голубизной неба. Вдали солнечная полоска моря, а рядом перед нами круглый желток арены для боя быков, силуэт танцующей Кармен и рекламный щит, призывающий насладиться ароматом малагских вин. Трафаретный гитарист в красном пиджаке и шляпе обещает упоительные романсы. Вдоль пустых рядов амфитеатра гуляет молодая женщина с мальчиком, похожая на юных мадонн Мурильо. Мальчик кормит голубей. Приближаемся к родине Пабло Пикассо — Малаге. Здесь его дом-музей. Он родился в семье учителя рисования дона Хосе Руиса. С четырнадцатилетнего возраста будущий художник помогал отцу дописывать голубиные лапки на картинах, изображавших благовещенье. Пикассо создаст потом своего голубя, который облетит весь земной шар. Это голубь Мира. Поль Элюар сказал о Пикассо: «Есть только один способ рисовать — это движение. Движение ума и кисти».

Слежу за движением светотени на пальмовых набережных Малаги.

Это белый город, словно высеченный из одного мелового массива. На фоне его ослепительной белизны черной тушью вырисовываются стройные ряды пальм, силуэты кораблей, тени пешеходов. Графичен рисунок улиц и площадей. Выше пальм взметнулись корпуса соборов. Коленопреклоненный Колумб вновь взывает к королевской милости. Пикассо можно было бы сравнить с Колумбом в истории искусства. Ему принадлежат слова, ставшие девизом для художников нашего времени: «Главное в искусстве не поиски, а находки».

Чтобы лучше понять творчество художника, нужно побывать у него на родине. Пикассо заново открываешь в Малаге, как в Хвалынске — Петрова-Водкина, а в Саранске — Эрьзю, хотя дерево, из которого ваял мордовский скульптор, произрастает в Южной Америке, а полотна Петрова-Водкина стоят в одном ряду с Матиссом.

В гулких нефах старинных соборов, глядя на фантастические оргии баро́чного орнамента, подчиняешься творческой силе, создавшей этот великий город. Древние римляне и мавры средневековья до сих пор состязаются в изяществе резца и смелости циркуля, в безупречности линий, способности возносить в небеса непомерную тяжесть камня.

Нас ведут в винные погреба для дегустации. В полумраке глухих подвалов сверкают созвездия старинных марок. В огромных бочках хранится огонь могучей хризолитной влаги, бродит кровь виноградников испанской земли.

Высшая точка Испании — гора Муласен (3478 метров над уровнем



Гранада с высоты птичьего полета

моря). Ее снежная вершина в кучевых облаках. Чем выше, тем зеленее пастбища. Погода изменчива. Дождь, а в разрывах туч — солнце. Выпирают ребра замшелого гранита. Желтеют выступы гнейсов и сланцев. На перевале остановка возле бензозаправочной станции. Бар. Кафе. На стенах рога, бычьи морды. Мебель обита кожей. Мы в краю пастухов.

Гранада возникла вблизи развалин кельто-иберского города Илиберис. Это связывается с легендарной девушкой, дочерью короля Испано, сына Геракла. Испано основал Гиспалис, ставший впоследствии славным городом Севильей. Одного из гранадских эмиров звали Мулагасен.

Город тесен. Он похож на плод граната, в котором зерна жмутся друг к другу подобно тому, как здесь лепятся дома к скалистым подступам Сьерра-Невады. В старину в долине реки Дарро намывали золото и серебро. У входа в Альгамбру продаются работы местных ювелиров. Подъезд к ней крут и тенист, дорога взбирается вверх сквозь густую зелень платанов и выводит на холм, обнесенный стеной с боевыми башнями. Стены из красного камня. Альгамбра по-арабски означает «красная». Ее строили между XIII и XIV веками. Строительство не прекращалось ни днем ни ночью. Ночные работы озарялись светом факелов.

Древнейшую часть Альгамбры составляет цитадель Алькасава. Дворец Альгамбра и сад Хенералифе (то есть «высокий сад») — образец паркового ансамбля.

Из Альгамбры открывается великолепный вид: на севере и западе

видны город и долина Гранады, на юге и востоке — вершины Сьерра-Невады. По ту сторону реки Дарро, иа севериом склоне, находится райои Альбасайн (по-арабски «город иа холме»), до сих пор сохраняющий мавританские черты. Гранада — последний оплот мавров иа Пиреиейском полуострове. Многочисленные народные романсы, вошедшие в репертуар средневековых менестрелей, доиесли до нас отголоски кровавых битв.

В аллеях Хенералифе вспоминаются «Альгамбрские сказки» Ирвинга, которые были хорошо нзвестны Пушкину. Не без их влияния появились в пушкинских сказках и звездочет, н шамахаиская царевна, н золотой петушок...

Сочинения Ирвинга привез в Россию подружившийся с ним секретарь русского посольства в Мадриде князь Дмитрий Иванович Долгоруков — член общества «Зеленая лампа», которого хорошо знал Пушкин. Так в бнблиотеке великого поэта появилось двухтомное французское издание «Альгамбрских сказок».

Наш гид — смуглый, стремительный в движениях астуриец, своим аскетическим телосложением похожий иа праведников Эль Греко,— с трудом сдерживает волнение. Он что-то горячо говорит иашей переводчице. Оказывается, астурнец учился в Гранадском университете, влюбился в этот город, и, с тех пор как под сенью Альгамбры прочел сказки Ирвинга, он считает своим долгом показывать людям эту великую красоту.

— Как видите, посвящение в тайны Альгамбры решило мою судьбу. Я стал экскурсоводом.

Спрашиваем, читал ли он сказки Пушкина.

— О, Пушкин, Пушкин,— повторяет ои.— Дон-Жуан!

План Альгамбры отличается нарочитой асимметрией. Мир Альгамбры ирреален, сказочен, бестелесен. Струи водометов тяжелы, как ниспадающие складки каменных масс. Мозаичный пол в косых шашках, восьмигранниках н ромбах динамичен. Всюду тонкий, как паутина, узор резьбы по ганчу. Барельефы не повторяются.

Беломраморная колоннада ведет в Львиный двор. Стены его облицованы голубоватыми плитами, а карнизы покрыты золотом. Узнаю мавританскую лазурь, слышу вечный спор солнца н неба, вижу неповторимый контраст пустыни. Недаром мавры называли Гранаду частицей неба, упавшей на землю.

Свое название двор получил от фонтана, поддерживаемого спинамн двенадцати алебастровых львов. Вспоминаются алебастровые залы Древнего Египта, чаши из гробниц фараонов, которые начинают светиться чудным пламенем, если внутрн их зажечь спичку.

Бродя по аллеям Хенералифе, постигаешь метафорический язык цветов и линий. Каждый цвет исполнен тайного смысла: красный означает любовь, зеленый — надежду, черный — печаль, синий — ревность, желтый — недоверне, сочетание пурпура с белым — радость и удовлетворение, коричневый цвет выражал мучения духа, а лиловое в сочетании с белым — это твердость человека, еще не потерявшего веру.

Этот язык, изобретенный маврами, использовался в религиозной живописи. Под сводами королевской капеллы кафедрального собора в Гранаде сквозь цветные стекла купола льются лиловые и фиолетовые лучи. Онн создают особый напряженный свет в полумраке

Дома в испанских селениях увиты розами



огромных нефов. Тяжело лиловеют мантии святых на полотнах художников испанского средневековья. Лиловым отливают витражи. Такой же кажется в предвечерней мгле Сьерра-Невада.

«Когда опустился вечер, лиловой мглой омытый, юноша вынес из сада розы и лунные мирты...» Этот юноша, конечно, Гарсиа Лорка, родина которого неподалеку от Гранады, в селении Фуэнте-Викейрос.

— Моя родина,— говорил Лорка,— это село и поле.

Дорога в Фуэнте-Викейрос идет среди полей, рыжих холмов, мимо зеленых островков оливковых рощ. Удивляет огромное количество пустующей — невозделанной земли. Гид объясняет, что хозяева этих земель уехали за рубеж. Зато буйно шелестит тополиная роща. Тополя в Испании выращивают специально для мебельной промышленности. Их древесина хорошо поддается обработке. Дерево дешевое, легкое, прочное. В мебельных магазинах Мадрида демонстрируются образцы современных гарнитуров в стиле ретро.

Фуэнте-Викейрос — аккуратное, белокаменное селение. Дома, увитые розами, балконы, нависшие над площадью. В правлении



Толедо — самый древний город Испании

Толедо. Река Тахо

сельскохозяйственного кооператива почти безлюдно. Все село на поле: конец мая — надо убирать урожай чеснока. Портрет Гарсиа Лорки во всю стену висит в конторе рядом с обязательным для всех испанских учреждений изображением короля.

В селении сохранился дом, где жил поэт-антифашист. В центре площади воздвигнут памятник ему на средства, собранные земляками. Автор — известный скульптор Каетано Анибал. Памятник открыт в 1976 году, в сороковую годовщину героической гибели поэта. Лорка родился 5 июня 1898 года. Этот день в селении объявлен днем поэзии, в который ежегодно проводится поэтический турнир. В нем участвуют учащиеся местного колледжа имени Гарсиа Лорки.

В Испании говорят: «Кордове — мысль, Севилье — страсть, Гранаде — память». Для нас Гранада — это память о Лорке.

Как известно, он был расстрелян в восьми километрах от Гранады на рассвете 19 августа 1936 года. Где это место? Что там растет — олива или мирт, а может быть, лавр... Иду туда. Навстречу движется трактор, им управляет фермер в соломенной шляпе-сомбреро. Сияют снега Сьерра-Невады...

Вечером встреча в муниципалитете Гранады с представителями местной интеллигенции. Интерес к нашей стране огромен. Поэты Гранады читают свои стихи, изысканные, отличающиеся сложной оркестровкой. Андалузия — родина европейской рифмы... В Обществе советско-испанской дружбы нас ждет встреча еще более непринужденная. К нам тянутся десятки братских рук. Немолодому человеку в рабочей спецовке вручаю значок с портретом Некрасова.

— Гранде русо поэта,— говорю я.

В наш век поэзия объединяет людей. Вопросы неожиданны. Например, где достать русско-испанский словарь. Многие хотят изучать русский язык. И это не дань моде. Есть неоспоримые историко-географические аналогии в развитии России и Испании. Это сходство отмечает современный испанский писатель Гильермо Диас-Плаха в своей книге «От Сервантеса до наших дней», изданной недавно на русском языке. «Испания и Россия складывались в пограничных зонах, на склонах Европы. Иберийский полуостров был западной оконечностью материка, обращенной в таинственную безбрежность Атлантики, а Россия на востоке граничила с не менее таинственным азиатским миром...»

Ночью покидаем Гранаду. Едем по Гран-де-Колон. Льется многоцветье рекламных огней, отражающихся в искусственных водоемах и фонтанах. Обилие струящейся, бьющейся и сверкающей воды призвано воплотить извечную тягу города к океану, тоску по рокоту соленых волн. В феерическом свете оживает коленопреклоненная фигура Колумба, неумолимого в своем стремлении пересечь океан. Здесь, в Гранаде, зимой 1492 года был наконец-то утвержден план путешествия Колумба, отплывшего 3 августа того же года.

Мы ждем встречи с Толедо, самым древним городом страны. Арабы называли его Лабтайт, но современное название уводит в еще более далекую древность. Древнееврейское слово «толедот» означает «ряд поколений». Толедо владели карфагеняне, римляне, готы, арабы... «В четвертый день творения бог создал солнце и поставил его над Толедо» — так легенда перефразируется Фейхтвангером в «Испанской балладе».

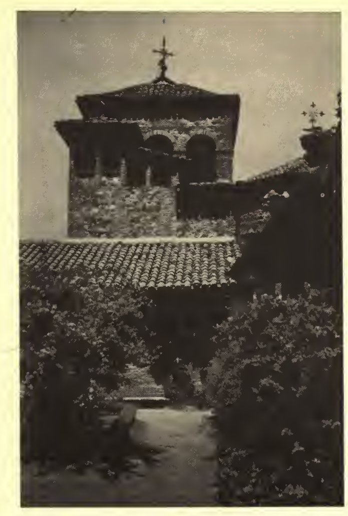
Кажется, что в Толедо сошлись все дороги истории. Еще Ле Корбюзье сказал, что планы всех древнейших европейских городов написаны ослом. Люди постепенно заселяли землю, тащась за ослиной упряжкой. Улицы Толедо, узкие и извилистые, похожие на ослиные тропы, подтверждают эту мысль Корбюзье. По сравнению с роскошью барокко толедские дома выглядят аскетическими.

В городе главенствуют цвета желтый и красный. Желтый — это цвет холмов вдоль покрытой ядовитой пеной реки Тахо. В Испании нет очистных сооружений, и сточные воды промышленных отходов устремляются прямо в реку. Красный — цвет вечернего солнца, прокатывающегося через городские ворота на огненной колеснице, это цвет маков, алыми языками лижущих скудную толедскую землю, цвет портьер в отеле Карла V, где мы остановились и куда под вечер пришли к нам четверо испанских коммунистов. И тогда Толедо, названный Рильке «книгой Бытия», открыл перед нами еще одну страницу истории.

— Для нас священной книгой бытия в годы франкистского режима была тайно отпечатанная на машинке книга Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке».

Толедо не устает открывать самое сокровенное. За спиной отеля Карла V — Алькасар, средневековая крепость, известная по истории гражданской войны. Возле Алькасара мемориал, где погребены жертвы кровавых сражений. Вдоль стены расставлены ставшие музейными реликвиями танки и зенитки образца 1936 года.

Ночью над зданиями, громоздящимися у скал, прокатываются грозы. Тогда город совсем такой же, как на картине Эль Греко «Гроза в Толедо». Эль Греко отдал ему всю свою страсть, кровь и



Дом-музей
Эль Греко
в Толедо

плоть. Художник неотделим от него, как вспышки ночных молний, как кровавые лепестки маков, пробивающихся сквозь неподатливый толедский кремнезем. Эль Греко широко распахивает двери своей мастерской перед всеми, кто в живописи продолжает искать ответ на вечные вопросы бытия. Здесь сохранилось все так, как было при жизни художника. В шкафу — модели из глины и пластилина, у окна мольберт с засохшими красками. Аскетическая скромность спальни, уют жилых комнат. В кухне камин, в котором тлели угли суровой толедской зимой... Невольно ощущаешь духовное величие художника, чье творчество оказало огромное воздействие на искусство нашего времени. «Объясняется это не только близостью Эль Греко к живописи нашего века, но и его неистовством, изумительным выражением человеческих страданий, взлета и бессилия» — слова эти принадлежат Эренбургу, которому довелось провести военной порой

в храме целую ночь перед величайшим творением Эль Греко, которое называется «Похороны графа Оргаса». Полотно это занимает всю стену.

Прощаемся с Толедо. Под зонтиками на центральной площади перед Алькасаром идет бойкая торговля сувенирами, изделиями местных мастеров — чеканщиков, горшечников, оружейников. Поражает обилие холодного оружия всех родов. Средневековые латы и шпаги, кувшины и тарелки из глазурованного толедского кремнезема.

Гончары, расположившись со своим товаром неподалеку от Ворот Солнца, на прощание демонстрируют нам разнообразные качества своих изделий, которые то звенят гулким серебристым звоном, то излучают тяжелый медный блеск. Старик гончар, до черноты иссушенный толедским солнцем и ветром, задумчиво пересыпает из ладони в ладонь красноватую россыпь кремнезема. Вот такую же горсть земли привез на родину почти полвека назад комиссар Зуев. В сердцах миллионов людей нашего века отозвалась судьба испанской земли, ее народа.

Испанская земля — красная.







ВАДИМ ИСТОМИН

НАЕДИНЕ С ПУСТЫНЕЙ

Документальный рассказ

От автора

Человек неожиданно оказывается один на один с дикой природой без тепла и пищи. Выстоять вопреки самым сложным условиям, проявить волю, выдержку, найти в себе силы, чтобы выжить, могут люди мужественные. Таков, иапример, легендарный Алексей Маресьев. В иаши дни в сходных обстоятельствах оказался военный летчик Юрий Козловский. И он тоже победил... Нередко люди сами себя подвергают труднейшим испытаниям и рискуют жизнью ради того, чтобы доказать другим, как велики возможности человека в борьбе со стихией природы, голодом, холодом и одиночеством. Без воды и пищи переплыл на утлой лодке Атлантический океан француз Ален Бомбар. Дважды повторил это самоиспытание либерийский врач Ханнес Линдеманн, находившийся в море по два с половиной месяца...

В перечень подобных примеров можно включить и случай, который произошел с молодым геологом — техником Аральской гидрогеологической партии Валентиной Кауртаевой. Вместе с водителем Владнмиром Адамчуком оиа выехала иа автомобиле-беизовозе «Урал» от Аральского моря в Актюбинск. Была осень, конец октября 1977 года. Шли проливные дожди. Солнце ие показывалось иеделямн, и сорнентироваться в пустынной степи оказалось невозможно. Они сбились с пути и поехали в сторону Каракумов. Вскоре машина застряла на бездорожье, заглох мотор. Через несколько дней, убедившись, что рассчитывать на быструю помощь со стороны не прнходится, Адамчук ушел на поиски людей, но, увы, заблудился в пустыне. Его нашли только иа 23-й день. А Валя Кауртаева, оставшись в машине, боролась за жнзнь почти месяц...

В основу повествования положены мон беседы с Кауртаевой и дневник, который она вела в эти днн.

1

Всю ночь ей снился хлеб. Пышный, с поджаристой румяной корочкой. И горячий, будто его только что вынули нз печи. Ей снилнсь золотые горы раскаленной пшеницы иа току. Она пересыпа-

ла твердые зериышки в ладонях, пыталась их жевать, но ничего не получалось. Приезжали машины н ссыпали пшеницу на землю. А потом неожиданно это зерио превратилось в белые булки: холмы из пышных булок! Она протянула к ним руки, но услышала за собой голос Адамчука: «Не трогай! Хлеб надо экономить...» Валя обиделась н пошла домой. Она вошла в избу и увидела за столом всю семью. Отец и мать сидели молча и смотрели на нее. А рядом братья — Павлик н Анатолий и сестры — Изольда, Галя и Маришка. Мать взяла со стола большой каравай и начала резать его на груди. Всем она давала по большому ломтю. «Ну что ты стонишь, дочка? — улыбнулась она Вале. — Иди к столу. Возьмн свой хлеб!» И Валя почему-то заплакала...

А когда она открыла глаза, не было нн дома, нн мамы, ни хлеба. Щекн былн мокрымн — во сне она, наверное, н в самом деле плакала.

«Это плохо, — подумала Валя. — Нервы сдают...»

Она лежала в отсыревшем спальнике и чувствовала, как медленно уходит нз него тепло. Взглянула в окно кабины — по стеклу струилась вода, по крыше все так же уныло стучал дождь. И когда только он кончнтся?!

Пошли уже десятые сутки с того дня, как она — техник гидрогеологической партин — выехала на попутном бензовозе «Урал» из базового лагеря своего отряда близ Аральского моря. Трн месяца она была в «поле». Порядком устала. Ей разрешилн пойти в отпуск в конце октября. Почти иеделю ждала оказию до Актюбинска. И вот иаконец в пятницу приехал этот бензовоз с малоразговорчивым воднтелем. «Владимир Онуфрневич Адамчук», — представился он офнциальным тоном, согласившись захватить ее с собой. Воднтель обещал ей, что в субботу оин доберутся до города.

...А ночью, уже в пути, их настиг проливной дождь. Прншлось ехать почти вслепую. И колеи дорогн, как назло, то н дело расходились в разные стороны. Здесь, в этой степной глухомани, и дорог-то в привычном понятии не было. Стоило машине илн трактору один раз проехать н проложить колею, как она надолго становилась проселочной дорогой и порой единственным ориентиром. И она зачастую ведет в «никуда» — иа бывший стан косарей, на заброшенную буровую. Не приведи бог в такое иенастье попасть без компаса в незнакомую степь!

...Переиочевали онн в кабине. Спали сидя, привалившись к дверце. А утром на землю лег плотный молочный тумаи. И снова пошел дождь. Адамчук ругал себя за то, что, как иарочно, именно на этот раз не захватил ни компаса, ни карты. Солнце ие выглядывало, и приходилось выбирать направление, иадеясь на чутье.

Дорогу развезло. Бензовоз постоянно застревал в грязн по самые мосты. Адамчук брал лопату, откапывал колеса, и машина, натужно ревя мотором, вылезала из ям. В субботу они проехали не больше 30 километров. В воскресенье и того меньше.

А в понедельник в плотном одеяле облаков появился голубой лоскут просвета. На несколько минут показалось солнце. Этого было достаточно, чтобы Адамчук с ужасом обнаружил, что онн упорно пробнваются ие к северо-западу, к Актюбинску, а к югу — в сторону Каракумов!

...На шестой день двигатель «Урала» не выдержал, и машина остановилась... Продолжая бесцельно лежать, Валя вспоминала, как ушел Адамчук. Это произошло позавчера, на восьмой день «путешествия». Утро снова выдалось туманным и дождливым. Владимир Онуфриевич и Валентина сидели в кабине.

— Думаешь, нас не найдут?— заговорила Валя.

— Вряд ли...— вздохнул Адамчук.— Погода, видишь, нелетная. И это может протянуться еще долго. А если на машине проедут недалеко от нас, могут и не заметить — мы-то застряли в низине... Нет, надо идти. А то просидим в кабине, пока ноги не протянем...

— Я попробую пойти с тобой,— сказала Валя.

— Нет,— Адамчук покачал головой,— лучше я один. Быстрее будет. Найду людей, добуду трактор и сразу вернусь... Ладно?

— А ты знаешь, где мы сейчас?

— Километров сто к югу, в сторону от дорог.

— Тогда и вправду лучше иди один. Быстро и долго идти я не смогу, а быть тебе обузой не хочу...

— Не боишься остаться одна?

Валя отрицательно мотнула головой.

— Ну смотри!

Адамчук зажег паяльную лампу с остатками бензина, и они подсушили свою отсыревшую одежду — носки, портянки, брезентовые штаны и ватники. Ватники дымились, но сохли плохо. Вата напрочь пропиталась сыростью. Валя сварила в ведре оставшийся кусок мяса. Когда она понесла ведро к машине, то только тогда неожиданно почувствовала, как сильно ослабла за неделю. Ее шатало, дрожали ноги.

— Ого, да ты качаешься!— подхватил ведро Адамчук.— Тебе-то уж точно идти нельзя...

Дымящееся мясо они разрезали перочинным ножом на тридцать две дольки. Каждая — размером с кусочек сахара. Валя пододвинула себе несколько кусочков:

— Это мне, а остальное тебе,— сказала она и отвернулась.

— Ты что?!— вскинулся Адамчук.— Сначала все хлеб подсовывала, говорила, будто есть не хочешь. И снова за свое! Только поровну... Нет, нет, тебе я оставлю больше. Я скоро все равно выйду к людям, а тебе еще ждать, пока я вернусь...

— Нет!— Валя зажмурилась.— Мне сидеть, а ты в дороге еще свалишься от голода... Забирай мясо...

Валя понимала, что, отдавая большую часть припасов, она обрекает себя на нелегкое испытание. Продержится ли она до возвращения Адамчука?

...Наконец после долгих препирательств Адамчук взял восемнадцать кусочков мяса — по шесть на день. Он надеялся дойти до людей за три дня. Вале оставалось четырнадцать кусочков.

Владимир Онуфриевич долго и тщательно заматывал портянки. Сверток с мясом он запихнул в карман, прихватил небольшую канистру с водой из лужи и монтировку.

— А это зачем?— удивилась Валя.

— Обороняться от волков...

На прощание они пожали друг другу руки.

— Держись!— сказал Владимир Онуфриевич.— Самое большее — вернусь через шесть дней... Держись!

2

Валя долго, до рези в глазах смотрела, как растворяется в туманной дымке маленькая фигурка. Наступила привычная, жуткая до одури тишина. И никак к ней не привыкнуть! Изредка, когда слышался слабый шум, Вале чудился звук далекого мотора — то ли самолета, то ли машины, она пыталась что-нибудь разглядеть через покрытые каплями дождя стекла кабины. Открывала дверцу. Нигде ничего не было — лишь тихо посвистывал ветер...

Оставшись в одиночестве, Валя решила привести в порядок свое «жилище». Вытерла кабину «Урала» ветошью, вымела всю грязь, расстелила на сиденье спальник — старый зеленый ватный спальник, который давно служил ей верой и правдой.

Этот первый проведенный в одиночестве день тянулся мучительно долго. Чтобы как-то скоротать время, она читала найденный в багажнике потрепанный журнал «За рулем», обрывки газет и прихваченный с собой учебник физики — Валя не оставляла надежды когда-нибудь поступить в геологоразведочный институт. Но чтение впрок не шло. Пробегая строчки глазами, она не понимала написанного. Мысли были о другом: вспоминала девчонок из общежития, они в Актюбинске и не подозревают, что она, Валя Кауртаева, сидит сейчас одна-одинешенька в кабине бензовоза посреди холмистой голой степи. Думала и о доме, перечитывала мамины письма.

Чувство голода, которое преследовало ее в первое время, почти пропало. А ведь все эти дни их рацион на двоих составляла буханка хлеба да кусок сайгачьего мяса, подаренного Вале пастухом-казахом накануне ее отъезда. Хлеб был съеден в первые три дня. И вот у нее осталось уже лишь тринадцать крохотных кусочков мяса. Валя решила распределить их так: по два в день. Получалось, что хватит на неделю. Но ее постоянно мучила жажда. Фляги воды, набранной в луже на дне оврага, едва хватало на полдня...

Она теперь все чаще ловила себя на том, что постоянно думает, как продержаться, как выжить, как не пасть духом. Вспоминала Робинзона Крузо. Робинзону было несравнимо легче — большой зеленый остров, полный дичи и плодов. И кроме того, у Робинзона был Пятница... Она думала об удивительной стойкости знаменитых полярных исследователей, про которых так любила читать. Вспоминала «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Таинственный остров» Жюля Верна, размышляла о том, как сумела выжить в нечеловеческих условиях четверка советских моряков, которых унесло на барже в Тихий океан.

Эти раздумья помогали ей не пасть духом. Она решила, что тоже должна справиться с голодом и с холодом. И если вчера ей казалось, что сумеет протянуть не более трех суток после ухода Адамчука, то теперь убедила себя, что неделю вполне продержится. Мясо она решила экономить и не есть до тех пор, пока не станет совсем худо...

А чтобы не скучать, нужно заняться делом. Она достала клубок шерсти, спицы и принялась вязать носки. У нее никогда раньше не получалась пятка. Но сейчас можно попробовать — времени предостаточно...

А кабина все больше остывала под порывами холодного ветра. Даже в спальнике было холодно. Вечером, засыпая, она уже в



который раз вспоминала Адамчука и с ужасом подумала о том, что он вполне мог замерзнуть — вчера был сильный дождь, а ночью ударил мороз. Промокшая одежда — не лучшая защита от холода...

Белые снежинки стали беззвучно падать на землю.

Пришла мама и положила ей на лоб прохладную ладонь...

3

Наступило 7 ноября. Проснувшись, Валя опустила стекло дверцы и задорно крикнула в степь: «Поздравляю всех с праздником Октября!» Потом неподвижно сидела до полудня, обхватив руками коленки, представляя себе, как идут праздничные колонны демонстрантов в Актюбинске. Идут ее подруги, машут флажками и яркими бумажными цветами... Немного позже она «переключилась» на парад и демонстрацию в Москве. Кругом счастливые, веселые люди. Они хлопочут, готовят праздничный обед, и никто из них и не подозревает, что в далекой степи медленно умирает от голода девчонка, которой жить да жить. Ей стало грустно и обидно. Сколько же ей лежать в холодной кабине, ждать, что вот-вот свершится чудо и она услышит и увидит самолет или машину?

...Днем показались кусочки голубого неба. Вот даже праздничная погода ее немного порадовала. И Валя решила наконец сделать вылазку в степь и осмотреть окрестности... Плотно застегнув ватник, чтобы не замерзнуть, она вышла из машины. «Урал» стоял

на склоне неглубокого оврага. Если подняться на ближайший холм, то можно увидеть, как за ним кончается холмистый кряж и начинается ровная степь. Туда и ушел Адамчук...

В этот день она записала в своем дневнике — маленькой школьной тетрадке в клеточку:

«Сегодня довольно холодно. Вода застыла даже в ведре, которое я поставила в кабине. С утра сходила за свежей водой в овраг. И убедилась, что далеко идти я вряд ли смогу. Силы с каждым днем уходят. И если меня в ближайшие дни не найдут, то я умру — и даже не от голода, а от холода. Подсчитала, что мяса, если есть по кусочку в день, хватит почти на две недели. Дни мне стали ненавистны. Уже ничего не хочется делать — ни вязать, ни читать. Это пришла депрессия. От нее люди и умирают. С нетерпением жду ночи. Только ночью освобождаюсь от тягостных мыслей... Скорее бы какой-нибудь конец. Я устала ждать...»

4

Минуло две недели, как они покинули отряд...

Валя достала из-под сиденья заветный бумажный пакетик, осторожно развернула его. Перед ней лежали все те же тринадцать кусочков вареного мяса, которые она берегла, стараясь держаться на одной воде. Она стала медленно их есть. Один за другим. Ах, как было вкусно! Потом все задрожало перед ней, как в мареве...

Валя очнулась в холодном поту, не понимая, что с ней случилось. «Неужели я ночью съела мясо,— с ужасом подумала она,— не отдавая себе в этом отчета?! Как лунатик?» Она выпростала руку из спальника, пошарила рукой под сиденьем, вынула пакетик и развернула — мясо лежало на месте!

Вот уже вторую ночь Валю мучили кошмары: ей снилось, что она доедает последнее мясо. Просыпалась с чувством непоправимости своего поступка. И чтобы этого действительно не случилось, пришлось спрятать драгоценный пакетик подальше.

И вот уже второй день приходят неотступные мысли о смерти. Она представляет себе, как ее найдут — мертвую. Ее почему-то заботило, какую дверь кабины при этом откроют: правую или левую? И как ей лучше лечь, чтобы вытаскивать ее тело было бы удобно? Иногда по ночам ей хотелось завязать на шее шнурок и заснуть, а потом вовсе не проснуться...

Ее охватывало отчаяние: ведь если бы ее искали, то уже нашли бы! Наверное, люди потеряли надежду и прекратили поиски. И это было ужаснее всего, ибо не оставляло веры в спасение.

Что же делать? Сидеть и медленно ждать смерти?! Ведь завтра пройдет последний, крайний срок для возвращения Адамчука... Жив ли он? В степи в это время года все может случиться. Он мог замерзнуть. Мог погибнуть, настигнутый волчьей стаей. Мог, наконец, просто-напросто заблудиться и свалиться от истощения и усталости... Может быть, подумала Валя, ей самой сделать попытку дойти до людей, бросить машину со спасительной кабиной? Все-таки это будет какое-то движение, борьба, а не пассивное ожидание...

8 Заказ 1132

В этот день туман рассеялся. Небо, казалось, посветлело, хотя в низких облаках по-прежнему не было ни малейшего лоскутка голубизны. Мелкие лужи вымерзли, земля сверху немного отвердела. И этот день Валя выбрала для того, чтобы попытаться отойти от машины на несколько километров и оценить свои силы.

Осторожно спустилась с подножки и почувствовала необычную легкость: шла, будто летела. Засекла время и направилась в ту же сторону, в какую пять дней назад ушел Адамчук.

Легкость исчезла уже через несколько десятков шагов. Идти стало трудно. Ее будто прижимало к земле неведомой тяжестью. Одолев не больше полукилометра, Валя повернула назад. Шла, боясь упасть. Казалось, упади она, встать уже не будет сил! Скорей бы дойти до машины! С трудом добрела до нее, вползла в кабину... Поход этот заставил ее уменьшить драгоценные запасы на один кусочек мяса.

На следующий день Валя решила еще раз проверить силы. Снова пошла к северу. Но вскоре остановилась: метрах в двухстах от нее на гребне холма стоял волк. Приученная к жизни в тайге, она с детства не боялась зверья. И если бы встреча с волком произошла где-нибудь в родных местах под Томском, совсем в другой ситуации, она, по-видимому, не так бы испугалась, как сейчас. Страх на мгновение сковал тело. Но она тут же справилась с собой и — откуда взялись силы! — быстро пошла к машине.

Волк же, постояв еще немного, не спеша протрусил по склону и скрылся.

...С этого дня Валя каждое утро видела в округе и даже возле самой машины множество волчьих следов. Наверное, думала она, почуяли скорую добычу...

Остаток дня Валя бесцельно пролежала, укрывшись спальником, как одеялом, и неподвижно глядя в потолок кабины, на котором, кажется, была уже изучена каждая царапина.

5

Тетка ее, Аграфена Филипповна, была, как мать, маленькой и подвижной. Старость и тяжелая жизнь в годы войны иссушили ее и согнули. Но она осталась такой же, как и в молодости, неунывающей и хлопотливой. Ни минуты не могла сидеть без дела. Все что-то делала, возилась, хотя уже не первый год жаловалась на боль в пояснице. Валя очень любила приходить в ее маленькую, почерневшую от старости, но очень чистую и аккуратную избу. Тетка Аграфена страшно радовалась, морщинки на ее лице разглаживались от улыбки. Она первым делом усаживала Валю за стол, сбитый из светлых тесовых досок, стертых за многие годы, и угощала ее шаньгами и парным молоком.

«Кушай шанежки, милая,— приговаривала она, садясь на лавку напротив и подперев щеку ладошкой.— Ах, счастливая ты, Валюша! Вот как ясно вижу: жизнь у тебя станет в счастье!»

Вспомнив тетку Аграфену, Валя подумала о том, что если она, тетка, нагадывала ей счастья в жизни, то как же ей теперь умирать? Неужто ошиблась добрая Аграфена Филипповна?

...Валя лежала, улыбалась своим воспоминаниям о доме. Она давно уже перестала улыбаться, поглощенная то раздумьями о помощи, которую ждала, то мыслями о скорой смерти. За окном кабины сгущались сумерки. Пришел еще один вечер — время размышлений.

Этот вечер оказался переломным в настроении Вали Кауртаевой. Словно миновал кризис тяжелой болезни, когда у человека, чувствовавшего себя обреченным, неожиданно наступает облегчение. Трудно сказать, что повлияло на нее? Воспоминание о пророчествах Аграфены Филипповны? Вязание, успокаивающее нервы? Или жажда жизни?

Валя вспомнила, как ходила она по тайге десятки километров, не испытывая ни страха, ни усталости. В последних классах школы она училась в интернате в соседнем поселке, откуда до родного Лугового без малого сто километров. В декабре, когда наступали каникулы, она и несколько ребят из ее поселка обычно уходили домой на лыжах, не дожидаясь случайной оказии. Уходили с раннего утра, затемно. Домой добирались поздно ночью. Бывало, и ночевали в лесу, устраивая себе шалаш из елового лапника, согреваясь у костра. Во время этих переходов они, хотя и выбивались из сил, старались не подавать виду, чтобы не показаться в глазах друзей слабыми. Тогда и закалялась у них сила воли, умение преодолевать боль и страх, тогда и учились помогать слабому, отдавая ему свою еду, перекладывая его вещи в свой рюкзак... И почему я, думала Валя, сдамся сейчас?

Она снова вспоминала тех моряков на барже, сумевших без пищи и воды продержаться полтора месяца. А у нее воды вдоволь — на одной воде можно прожить минимум неделю. И еще у нее — двенадцать кусочков мяса! Если съедать по одному в неделю, то пищи хватит на целых три месяца! Можно поискать травы или камыша — все сгодится... Одежда есть. Спички есть — целых десять штук! Правда, когда начнутся холода, кабина «Урала» перестанет быть надежным укрытием: металл быстро отдавал ветру тепло. Тогда можно вырыть землянку — земля под снегом лучше защитит ее от морозов...

«Жизнь дана мне, чтобы жить» — эта донельзя простая и неоспоримая мысль долго вертелась в голове Кауртаевой.

«Каждому,— размышляла она,— дано время, чтобы вырасти и полюбить, чтобы родить и воспитать детей, испытать и счастье, и муки. И если дана тебе жизнь, используй ее до конца...»

Ведь она еще ничего не успела сделать. Ни влюбиться, ни стать счастливой невестой. Как мало видела! Как мало испытала! Давно мечтала искупаться в теплом море и на следующий год собиралась поехать с подругой Валей Борцевой в Крым или на Кавказ. Неужели ничему этому не быть?

«Нет,— думала Валя.— Надо выжить во что бы то ни стало!.. Нельзя сдаваться без борьбы! Почему бы не попробовать — мой опыт пригодится науке, пригодится и другим людям, попавшим в такую беду...»

Впервые за последнюю неделю она в этот вечер заснула спокойным и крепким сном.

6

...Валя выглянула в окошко. Рассвет рассеял последнюю, спрятавшуюся в низинах мглу. Можно было выходить. Она надела свои новенькие шерстяные носки, сунула ноги в сапоги, застегнула телогрейку на все пуговицы, чтобы не мерзнуть... Шагах в двадцати от машины нашлось хорошее место для землянки. Склон холма был здесь особенно крут. Чуть ниже — яма, в которой она берет воду. Место самое подходящее...

Пока ходила по склону, почувствовала, что силы на исходе. Появилось ощущение, будто позвоночник уже не может держать ее тело прямо: земля тянула к себе, как магнит, пригибала, тяжесть давила на плечи. И надо было прилагать немало усилий, чтобы держаться более или менее прямо, не спотыкаться на каждом шагу и не падать.

Валя обследовала машину. Обнаружила какой-то металлический штырь, который можно было использовать при ходьбе вместо палки. Нашлась в хозяйстве Адамчука и короткая лопатка.

Валя взяла лопатку и еще раз изучила место будущего строительства подземного жилища. Копнула в полштыка и с трудом отбросила комок липкой глины. «Вот и заложила первый камень своего будущего дворца». Копала медленно, с частыми передышками. Лопата показалась очень тяжелой. Часа через два, сделав ямку в полметра, вернулась в кабину... От усталости дрожали руки. Но она заставила себя взяться за вязание. Решила сделать носки и для подруг...

...На следующее утро Валя обнаружила, что у нее неладно со зрением. Смотрит в окно — и ничего не видит, все перед глазами рябит и дрожит. «Это от голода,— заключила она.— Надо что-то срочно придумать». Ведь только завтра, в четверг, как она решила, можно будет съесть один из двенадцати кусочков мяса...

Она вспомнила, как кто-то ей рассказывал, что корни камыша съедобны. Надо поискать и обычной травы. Можно устроить охоту на сусликов — их попискивание она слышит по утрам. Можно сделать рогатку и попытаться подстрелить какую-нибудь птаху. «Хотя нет,— подумала Валя,— с рогаткой ничего не выйдет: у меня постоянно дрожат руки и я попросту не попаду в цель...»

Опираясь на свой штырь-посох, Валя походила по склонам холма и нашла, к своему удивлению, несколько зеленых травинок. Каким-то чудом вылезли они из каменистой, скупой земли накануне заморозков и сейчас заледенели. «Вот и свежемороженые овощи, и салат к моему мясному блюду»,— усмехнулась она, зажав в руке пучок травы, оказавшейся потом невкусной, горькой и жесткой.

В полдень она продолжала копать землянку. Каждый ком земли давался с трудом. В конце концов лопату пришлось выбросить — она была тяжела и неудобна в узкой и низкой щели, которую удалось-таки вырыть, с лопатой уже не повернуться — мешал черенок. Надо было искать что-нибудь другое — полегче. Валя порылась в ящике для инструментов, но ничего подходящего, кроме отвертки, не обнаружила.

Что же оставалось делать? Стоя на коленях, начала ковырять землю отверткой. Комки глины выгребала наружу руками. А потом приспособила старое помятое ведро. Собирала в него то, что удалось

Валентина Каургаева спустя три месяца после спасения



отковырять со стенок ямы, и выволакивала наружу. Каких трудов это стоило!

...Оставалось всего десять спичек. Десять спичек до весны! Надо что-то придумать, чтобы не тратить их попусту по вечерам, когда надо что-нибудь найти в рюкзаке. У нее есть солярка, есть флакон из-под одеколона — можно сделать лампочку-коптилку.

Весь вечер Валя возилась, изготовляя коптилку. Разломала у машины подфарник и взяла отражатель. Из бинта смастерила фитилек. Налив полный флакон солярки, зажгла. И лампа горела! Горела, конечно, плохо, чадила, но огонек был ровный, и света было достаточно даже для чтения... Интересно, как долго он будет гореть...

В сумерках свет в кабине еще больше сгустил темноту за стеклами, превратив их в зеркала — она видела свое лицо, осунувшееся, с глубоко запавшими глазами... Уже неделя, как Валя не рисковала смотреть на себя в зеркальце — было страшно увидеть, что исчезла былая привлекательность, что она стала похожей на старуху.

Теперь даже лежать ей было больно. Она так похудела, что выпирали кости. И, укладываясь спать, подолгу ворочалась с боку на бок. А когда ворочалась, к горлу тотчас подступала неприятная тошнота...

Тетрадка с записями кончилась. Замерзла паста в шариковой ручке. Порывшись в рюкзаке, Валя отыскала карандаш и блокнот с несколькими листочками. В нем она решила продолжать дневник.

Вот ее записи за три дня:

«День двадцатый. Тружусь над своим зимним жилищем. Дело, конечно, продвигается очень медленно. Но скоро надеюсь справить новоселье... За день чертовски устаю. Невыносимо болит спина,

ноги, руки. Все ладони в мозолях и волдырях. А перед сном еще нужно немного повязать. Начала вязать рукавицы — они мне очень пригодятся. Погода сегодня опять пасмурна. Видимости никакой...»

«День двадцать первый. Боюсь, что мне больше не суждено увидеть людей. Видимо, судьба постановила погибнуть мне здесь. Тот, кто найдет меня, взгляните на мое творение, на мою землянку не равнодушно — учтите, я работала по десять часов голодная... Сегодня торжественный день — я съела недельный кусок мяса... Уже двадцать суток не ела ничего горячего. Постоянно думаю, где и как добыть пищу. На корешках и траве долго не проживешь...

Пробовала докопаться до суслика, но у него такая бесконечная нора, что охота эта — пустая трата времени... Как я хочу к людям!»

«День двадцать второй. Сегодня второй раз за все эти дни плакала. Плачу не от того, что тяжело, что устала ждать. Просто перечитывала мамины письма, последнее из которых получила как раз накануне своего отъезда из партии. Она пишет, что ее здоровье неважное, что ей пришлось лечь в больницу. Я не помню случая, чтобы она когда-нибудь в своей жизни лежала в больнице. Видно, дело серьезное. Мама стареет... И будет ей еще хуже, прибавится горя, если расскажут ей о моем исчезновении...

Погода до середины дня дождливая. Всю ночь шел то дождь, то град. На улице все снова сыро и мокро. Поэтому решила сделать себе выходной и не работать. До своего жилища еще не ходила и даже боюсь идти — возможно, все обвалилось и весь мой труд насмарку.

Где, в какой стороне нас ищут?

Как хочется есть! Каждую ночь снится хлеб...»

7

Ей казалось, что она сходит с ума от постоянного одиночества и тишины. Слух ее так обострился, что даже в закрытой кабине она хорошо слышала шелест сухого камыша, который рос неподалеку, на дне оврага. Начались и звуковые галлюцинации — ей постоянно чудились голоса и звуки моторов, очень часто слышалась музыка.

Тишина стала ненавистной. Валя разговаривала сама с собой, громко пела песни. Но стоило ей замолчать, как от звенящей тишины снова раскалывалась голова...

На двадцать третий день Валя решила подсчитать, сколько времени ей нужно продержаться, чтобы дождаться весны. Составила в тетрадке календарь — вышло, как минимум, девяносто дней.

Она жила теперь размеренно и четко, экономила силы. Сначала собирала впрок корешки и траву. Подсушивала и прятала в свернутый из газеты кулечек. Все эти корешки, считала она, особенно пригодятся зимой. А сейчас их есть не обязательно... Заодно искала сухие шары перекати-поля, которые можно было использовать для костра, и складывала их возле землянки.

Передохнув, приступила к строительным работам. Стоя на коленях, ковыряла отверткой стены землянки, которая была еще

слишком мала — если лечь и вытянуться, ноги торчат наружу. Чтобы жить здесь зимой, землянку надо расширить и сделать там нары. А чтобы в ней можио было разжечь костер, иеобходимо наверху проделать отверстие. Вместо дверей вполне подойдет сидеиье нз кабины. А двери нужны! Зимой ие заметет снегом, да и хоть какая-то защита от волков...

По вечерам оиа вязала. Смастерила теплые рукавицы, шапочку н шарф. А потом как-то подумала: делать для себя смысла мало — и начала вязать кофту для своей хорошей знакомой — техннка нз Аральской гидропартии Валеитнны Кирпичевой. Когда-то Валя Кауртаева обещала Кирпичевой сделать такой подарок, да все не было времени. В «поле» ие до вязания — после работы она прнходила в общежитие усталая — ничего ие шло в руки. Но теперь, хотя Валя была сильно нстощеиа, она дала себе слово выполнить обещанное. Еслн ее найдут, кофта будет готова...

К вечеру обычно иачннал болеть желудок. Днем голод чувствовался не так сильно. А перед сном появлялось иепреодолимое желанне что-ннбудь съесть. Валя очень боялась, что в один такой вечер она не выдержит и съест все оставшееся мясо...

8

Наступило утро двадцать седьмого дня. Валя проснулась от холода. Мороз пробирал даже через туго завязаинный спальник, пощипывал ногн н руки. Окна покрылись инеем. Но даже через заиндевевшие окна кабины она увидела, что на «улице» очень светло. «Неужели,— подумала,— проспала до полудня?» Взглянула иа часы. Всего девять. Подышала на стекло, оттаяла пятнышко. И ей открылся удивительный вид — голубое небо, окрашенные оранжевым солнцем холмы! Это был первый день за месяц, когда не было нн тумана, нн дождя, ни града!

Валя улыбнулась, протерла глаза.

Хорошая ясная погода подняла настроение. И откуда только взялись силы! Она пошла к яме, чтобы умыться холодной водой. И пусть леденеют руки н мерзнет нос!

И тут же — за работу. Прниесла ведро свежей воды. Снова собнрала на знму перекатн-поле и сухой камыш. Запасы топлива Валя иачала складывать под машиной — дождь ие намочит.

Потом — снова работала в землянке. Вползла на коленях н начала яростно бить в стены отверткой. Мерзлая земля плохо поддавалась слабым ее ударам, ио все-таки отваливалась большими комкамн. Ведро едва наполнялось за полчаса. Валя выволакивала его иаружу, опрокидывала ведро и садилась на него отдохнуть. Яркое осеннее солнце стояло довольно высоко. Его теплые лучи ласкали лицо. Ах, как это было приятно! И словио вливались в нее свежие силы...

А когда она снова залезла в землянку, неожиданно услышала иеясный гул. Звук мотора? Не может быть! Чудится? Рука с отверткой застыла на весу. Тело напряглось струиой. Нет, иавериое, чуднтся... Она сидела в землянке и не знала — выползать ей или оставаться. Так не хотелось быть обманутой. Но шум мотора стал настолько явственным, что Валя накоиец бросила отвертку и выползла из землянки. Свет ударил в глаза, ослепил. Она прищурн-

лась, прикрылась ладонью, подняла лицо к голубому небу и увидела... самолетик!!! Это был самолет!!! Но он летел в стороне, очень высоко, удаляясь, превращаясь в маленькую точку...

Валя упала на колени:

«Самолетик, миленький! Ну! Не улетай! Вернись! Ну! Прилети обратно!.. Вот я, здесь! Здесь!»

Она рыдала долго и горько, слезы лились так, словно копились все эти четыре недели мучений. Она вытирала их кулаком, размазывая по щекам вместе с грязью...

«Если искали меня и пролетели мимо, не заметив машину, то сюда летчик уже не вернется,— думала потом Валя.— Сегодня ясная погода. Неизвестно, какой она будет завтра. Если снова туман, то поиски и вовсе могут прекратиться...»

Она исступленно била отверткой землю в своей норе, слезы текли по щекам, но она их уже не утирала...

Валя кончила работу, когда начало темнеть. С трудом вылезла наружу. Руки были стерты в кровь... Добравшись до кабины, девятой спичкой зажгла фитилек коптилки и достала блокнотик, приготовленный для прощальных писем. Карандаш вываливался из рук, даже держать его не было сил, ладони саднило от волдырей... Первое письмо было адресовано родным:

«Милая, добрая мамочка! Прошу тебя, только не плачь. Береги свое здоровье. Я не хотела причинить тебе горе своей гибелью. Я держалась до последних сил. Но, видимо, каждому уготована своя смерть. Кто-то умирает раньше, кто-то позже. Мне суждено раньше, от голода. Как жалко, мамочка, что я не успела рассчитаться с тобой за все хорошее, что ты мне сделала. Не успела вернуть тебе даже сотой доли. А ты ведь у нас слишком много пережила и перенесла...

А вы — Павлик, Толик, Марийка, Галя и Иза — берегите маму. Нас у нее много, а она у нас одна. Будьте внимательны и заботливы...

Папа, и ты должен быть внимательнее к маме. Ведь вы прожили такую длинную совместную жизнь, вы оба старенькие, и вам нужно крепко держаться друг друга.

Мамочка! Еще раз прошу не горевать. Береги себя для внуков. Они ведь у тебя такие симпатичные.

Прощай. Ваша дочь и сестра Валя (романтик)».

9

Наступил долгожданный четверг, когда она может съесть свои двадцать пять граммов мяса. Но после травы оно кажется безвкусным, хотя ест она с удовольствием и старается жевать долго.

В дневнике Валя записала:

«Если продержусь еще месяц (грандиозные планы!), то буду, наверное, еще в два раза миниатюрней. Страшно будет меня только в гроб укладывать...

Вчера, видно, у меня либо проявилась женская слабость, либо организм снимал напряжение. Ревела ужасно. Даже стыдно сегодня...



День проходит как обычно. С утра приступаю к вязанию. Это пока единственное занятие, которое не требует больших усилий и скрашивает одиночество...»

В этот ясный и солнечный день она не рискнула продолжать работу в землянке. Руки были стерты до такой степени, что даже спицы держать было больно. Она перебинтовала их и решила день переждать на «легкой работе».

Вале Борцевой, своей подруге, написала длинное письмо с поручениями — что сделать с ее вещами после смерти. Просила похоронить с фатой иевесты. Мешочки с вязанием и нитками просила отдать Кирпичевой.

...Засыпая, Валя загадала: «Если останусь жива, пусть приснится хороший сои. Сны с четверга иа пятницу, говорят, сбываются».

И ей приснился странный сон. Идет она по степи и видит старушку, сидящую прямо на земле. Спрашивает ее Валя:

«Нас найдут, бабушка?»

«Найдут, доченька... Найдут»,— она несколько раз повторила «найдут» и исчезла... А потом ей приснился дом.

Мама с папой стоят на крыльце и смотрят иа нее. Валя идет к дому, а Павлик бежит перед ней и кричит: «Валя приехала!..»

На следующее утро оиа долго не могла прийти в себя: болело все тело. Вспоминала ночной сон и спрашивала себя — почему она задала старухе вопрос: «Нас найдут?» Не «меня», а именно «нас». Наверное, имела в виду и Адамчука...

Почему-то ее окончательно оставили силы. Валя даже не могла заставить себя встать и пойти умыться. Лежала и вспоминала родных. Думала о том, что Валя Борцева обязательно съездит за нее в Ленинград и на море. А ей, видимо, суждено умереть здесь, в этой машине или в землянке, которую она вырыла себе, как могилу...

Но нет, так просто нельзя сдаваться! Да, да, она продержится назло смерти, как и решила — три месяца!

В одиннадцать она все-таки вышла из кабины и заметила, что вокруг машины стало больше волчьих следов. «Подбираются»,— подумала она.

...Вернувшись в кабину, подумала о том, что в ближайшие дни надо как следует оборудовать землянку. Ведь если на степь обрушатся холодные ветры с севера, если неожиданно, как здесь бывает, начнутся сильные метели, в кабине ей не высидеть.

...Что-то зажужжало в ушах. «Опять,— решила она,— звенит камыш...» Шум все ближе. И вот грохот мотора заложил уши. Она быстро открыла дверцу — над машиной пролетел Ан-2... Она почувствовала неожиданную слабость, не могла даже выйти из машины, чтобы взмахнуть рукой. Самолет прогремел над ней и стал удаляться. «Что это? Почему?» Ей сдавило горло. Она встала на подножку машины. Самолет уходил все дальше... «Куда же они?!» А потом он пошел на разворот. «Заметили!!!» Он сделал еще круг и стал снижаться в полукилометре от машины — там, где кончались холмы и степь была ровной.

Валя сползла с подножки и пошла навстречу тем, кто бежал к ней. Вот они все ближе. Двое в форме пилотов. И еще один в куртке.

Валя упала им на руки.

«Я жива, родненькие,— шептала она.— Все хорошо... Только есть очень хочется... Спасибо, родненькие...»

Вечером она крепко уснула в больнице поселка Сарбулак. И впервые спала без сновидений. Миновали двадцать девятые сутки испытания.

Послесловие

Владимира Онуфриевича Адамчука охотники увидели через две недели после того, как он покинул машину и отправился на поиски жилья. Он был измучен, предельно истощен и не мог стоять на ногах. Почти все эти дни он шел, кружась по степи, иногда по нескольку раз возвращаясь на одно и то же место. Сапоги развалились, и он их выбросил. Обмотал ноги лоскутами от порванной рубахи. Но скоро ноги превратились в сплошную кровоточащую рану.

Лишь после того, как был найден Адамчук, поисковые группы смогли определить приблизительно район местонахождения пропавшей машины. Авиаторы поднялись в воздух только тогда, когда видимость в этом районе улучшилась. А произошло это на двадцать восьмые сутки со дня отъезда Адамчука и Кауртаевой...

Итак, все закончилось благополучно. Уже через месяц, подлечив ноги, Владимир Онуфриевич Адамчук снова вышел на работу. А Валентина Кауртаева все-таки съездила в отпуск на Черное море, а вскоре после этого вышла замуж.



ГРИГОРИЙ РЕЗНИЧЕНКО

ЖИЗНЬ ДВИЖЕТСЯ СО СКОРОСТЬЮ ЛОШАДИ

Очерк

Несправедливость ие всегда связана с каким-нибудь действием; часто оиа состоит именно в бездействии.

Марк Аврелий

Небольшой поселок Спринг Гарден лежит в стороне от оживленных дорог, по которым с бешеной скоростью мчатся роскошные лимузины. За сотни миль от Спринг Гардена люди возводят гигантские небоскребы, строят корабли, самолеты, зажигают по вечерам электрические лампочки, разговаривают по телефону, включают телевизоры. Одним словом, пользуются всеми благами современной цивилизации. А здесь, в Спринг Гардене и десятке подобных поселков, разбросанных по склонам покатых холмов Пенсильвании, как только стемнеет, появляются в окнах небольших домов под серыми крышами и трепещут от легкого дуновения ветерка красные язычки керосиновых ламп.

В Спринг Гардене мы оказались почти случайно. Специально в эти края поездка не планировалась. Селение оказалось на нашем пути в Вестминстерский частный колледж, где нам предстояло выступить перед студенческой аудиторией...

Середина ноября. В Питсбурге неожиданно и резко похолодало. Небо заволокли низкие серые облака, подул холодный ветер. Вот-вот пойдет снег. Не успели мы отъехать и десяти миль от города, как в воздухе закружились лохматые снежинки. Дорога становится скользкой, и Джон Селтен, преподаватель колледжа, сбавляет скорость.

— Первый снег. В этом году он пошел раньше обычного на целый месяц,— замечает он, сворачивая с главной магистрали на узкую ленточку асфальта, убегающую вверх по горам. Маленькие деревни, одиноко стоящие фермы сменяет подчеркнуто темная на фоне опустившегося на землю белого покрывала полоса леса, и снова — одинокие фермы, деревни, леса.

В белесой, упругими волнами налетавшей на наш микроавтобус снежной пелене мы не сразу заметили, что места, в которые забросил нас случай, резко отличаются от привычного американского пейзажа: не видно столбов с множеством телефонных и электрических проводов, нет уличного освещения, световой рекламы, не обнаружили мы, сколько ни старались, ни одной телевизионной антенны. Казалось, что мы попали в средневековые поселения: серые дома, серые высокие заборы. Окрестности вокруг напоминают

деревню, брошенную жителями из-за какого-нибудь стихийного бедствия. Местность, иногда гладкая, ровная, иногда каменистая, поросшая кое-где лесом, простирается на десятки миль.

Джон Селтен, осторожно объезжая появившиеся на дороге сугробы, медленно, чуть растягивая слова, рассказывал:

— Когда я был еще мальчишкой и жил в небольшом пенсильванском городке Рединг, родители часто посылали меня навещать бабушку. Она жила на ферме в белом деревянном домике в нескольких милях от нас. А я взял себе за правило вместо того, чтобы идти к бабушке, бегать по утрам через поля на ферму, где жила семья эймишей, членов религиозной секты, поиграть с их детьми, прокатиться в длинных фургонах. Иногда я помогал им убирать пшеницу, кукурузу, табак. Мне тогда казалось, да и сейчас я так думаю, что эймиши живут в другом мире. Недавно я был в графстве Ланкастер, и опять меня охватило испытанное еще в детстве чувство удивления от того, как эймишам и в меньшей степени их соседям — меннонитам удается сопротивляться вторжению современной цивилизации.

Джон прервал свой рассказ. Вдали, на окраине Спринг Гардена, показалась заправочная колонка — у нас бензин был на исходе. Разразившийся энергетический кризис, о котором беспрестанно говорят во всем мире, а в США в особенности, диктует свои законы и сулит владельцам нефтяных компаний огромные, даже не снившиеся раньше барыши. А для потребителя это оборачивается постоянно растущими расходами на бензин, и Селтен заплатил около двадцати долларов, в пять раз больше, чем это стоило бы ему в 1970 году.

Деревня Спринг Гарден с двумя десятками белых и серых аккуратных домиков и таким же количеством больших деревянных амбаров, разбросанных друг от друга на приличном расстоянии, притулилась у самого подножия крутого, голого, как остриженная голова, холма с хохолком густого, но невысокого леса на вершине. Снегопад почти прекратился, а тот снег, что лег на землю, начал таять. Мы стороной объезжаем селение. По обочине дороги идет высокий, не по погоде легко одетый человек с большой окладистой бородой, в черной широкополой шляпе. Пустынно. На дороге, кроме нашей машины да идущего навстречу человека, никого. Джон сбавляет ход, давая нам возможность лучше разглядеть его. Поравнялись. Он поднял, приветствуя нас, руку.

— Такое бывает редко,— прокомментировал Джон.— Эймиши обычно нелюдимы.

Мы замечаем, что у одного, другого дома на длинной веревке между деревьями колышется в такт набегающему ветру застывшая от легкого мороза женская одежда.

— В тех домах скоро будет свадьба,— объяснял водитель микроавтобуса.— По традиции за неделю до свадьбы невеста стирает всю свою одежду и развешивает перед домом.

Получая от Джона все новые и новые сведения о жизни эймишей, мы просим преподавателя колледжа познакомить нас с ними. Действительно, редко сейчас можно встретить людей, которые не признавали бы достижений цивилизации, отказывались от ее удобств. Джон, взглянув на нас, пообещал в один из дней показать нам Спринг Гарден, познакомить с жизнью селения.

Селтен сдержал слово. Недели через две мы отправились в страну эймишей. В дороге иаш гид поведал нам кое-что нз истории этих людей.

Эймиши составляют часть религиозиого меннонитского движения периода Реформации, возникшего в иачале XVI века в Швейцарии и получившего иазвание по имени священника римской католической церкви Менно Симоиса, который присоедннился к этой группе в 1636 году. Спустя почти сто лет в меннонитском движении произошел раскол. Главная его причина — расхождение по поводу того, как должны относиться члеиы религиозной секты меннонитов к лицам другой религии, особенно к тем, кто отлучен от церкви. Эймишн, руководимые Д. Эйманом, швейцарским архиепископом (отсюда и происходит название секты), требовали полиого игнорирования подобных личностей. Меннониты к этой проблеме отнеслись более лояльно. Начавшиеся преследования вынудили эймишей покинуть Европу. И сейчас на Европейском континенте иет ни одного человека, исповедующего религиозные принципы эймишей.

В США они известны с 1727 года как первые поселенцы в Пеисильвании. Оии и поныне живут главным образом в этом штате. Но некоторые группы эймишей поселились в штатах Огайо и Индиана, а также Онтарио в Канаде. Сейчас их в Северной Америке насчитывается около 45 тысяч человек. Они консервативны в укладе жизни, носят одежду образца XVII—XVIII веков. Женщины надевают простые чериые платья, шапочки иа стянутых в узел иа затылке волосах н шали, а мужчины, традиционно ие бреясь, иосят широкополые шляпы с детского возраста. Одежда не имеет никаких украшений. Пришивать пуговицы к пиджакам, жилетам или платьям не положено. Их заменяют крючки и тесемки. Большинство эймишей живут почти так же, как их предки два века иазад.

В этом мы убедились, как только оказались в графстве Ланкастер, свериув с широкой асфальтированной дороги. Вокруг царствовало пасторальиое умиротворение. На равнинной глади хорошо ухоженных полей, чередующихся с перелесками, иас опять, как н в первый раз, поразило отсутствие привычных глазу телефонных и электрических столбов.

— Электричество не упоминается в священных книгах,— подчеркнул один из эймишей.

Кстати, таких, кто бы хотел побеседовать с иами, оказалось немного, а те, что шли навстречу, ставили непременное условне: не упоминать в печати их имен.

— Телефонов в иаших домах иет. Но мне однажды втайне от других все же пришлось им воспользоваться,— признался нам другой житель поселка.— Поздней ночью, когда у жены начались тяжелые роды, я рискнул вызвать врача из соседнего городка, где есть все, чего у нас иет. Иначе жена бы погибла. Один раз в своей жизни я ездил на такси. Привозил ветврача для осмотра моей лошади. В обоих случаях я поступал неправильно,— подвел итог своему рассказу эймиш.

Большинство здешних жителей ни прн каких условиях не нспользуют автомобилей н тракторов в сельском хозяйстве — основном их занятии, они отказались также от радио, телевидения, телефона н домашней бытовой техники. Но фермер, заинтересованный в получении большей прибыли, иногда может позволить себе



В лавке эймишей

послушать передающиеся по радио сведения о ценах на сельскохозяйственные продукты, о прогнозах погоды. Иногда он разрешает наемному рабочему, не относящемуся к секте, приносить на участок транзисторный приемник. Но это бывает очень редко. В своем труде крестьяне пользуются лишь повозками и простым сельскохозяйственным инвентарем, главная тягловая сила у них по-прежнему лошадь.

— О себе мы заботимся сами,— говорил бородач, которому мы пообещали не называть его имени. Эти слова прозвучали не столько с гордостью, сколько с безошибочной уверенностью, что на малейшую государственную помощь рассчитывать не приходится.

И действительно, эймиши живут сами по себе. Государство не ссужает им никаких средств. Зато налоги оно взимает исправно. Эймиши сами заботятся о своей земле, выращивают скот, шьют одежду. Строгие церковные правила не мешают им быть хорошими фермерами. Угодья в Ланкастере — одни из самых богатых. Графство нередко называют «садом Америки». Ведь и само название селения Спринг Гарден в переводе означает «весенний сад».

О нашем визите Джон накануне сообщил агенту по продаже земельных участков Гордону Клингу, который в этих местах был своим человеком и очень нам помог.

— Земля нынче в Америке подскочила в цене,— рассказывал Гордон Клинг.— Но эймиш ни при каких обстоятельствах не продаст свой участок постороннему. Он скорее уступит его за полцены кому-нибудь из числа своей секты. Если же появляется возможность приобрести землю у постороннего, эймиш готов выложить за нее втридорога.

Вчетвером мы едем к одному, второму, третьему дому, выходим из автомобиля, снова садимся в него, подъезжаем то к одной, то к

другой ферме, но все тщетно. Еще издали, завидев машину, люди отворачиваются, прячутся в доме, закрывают ворота, запираются. Никто не хочет общаться с нами. Даже Клинг не мог помочь, «заработав» за полчаса массу неодобрительных, косых взглядов. И тут Джона осенила великолепная идея. Мы направляемся в места, где он провел свое детство, благо это, по американским понятиям, совсем близко — сто миль с лишним, менее двух часов езды.

Через милю-другую проезжаем мимо похожих на длинные черные ящики повозок эймишей. Кучера, грузные бородатые люди, смотрят прямо вперед или отворачиваются, когда машина проезжает мимо.

Но вот и ферма эймишей, куда бегал когда-то поиграть Джои. Он вышел из машины, поглядел на табличку, где значилась фамилия владельца фермы: Вильям Смакер. Она оказалась незнакомой нашему проводнику.

— Мистер Вейлер давно умер,— уныло сказал Смакер, новый хозяин фермы, когда мы подошли к дому.— Я его зять,— хозяин замолчал, ожидая, не последуют ли какие-нибудь вопросы.

В руках он держал измятую, потертую кожаную конскую упряжь. Полевые работы закончились, и фермер решил, видимо, ее починить.

— Когда я был маленьким, часто играл на этой ферме,— сказал Джон, и лицо Вильяма Смакера немножко просветлело, стало приветливее. Селтен перешел к главному, ради чего мы приехали сюда.

— Эти двое,— представил он нас,— журналисты из Советского Союза, они хотели бы познакомиться с вами.

Фермер не проявил никакого интереса к стране, которую мы представляли, а при слове «журналисты» совсем сник, им снова овладела скованность, уныние появилось на лице. Он безразлично обвел глазами незнакомых людей. На вид Вильяму Смакеру было лет сорок. Лицо смуглое, бородатое, но без усов, эймиши их не отпускают. Тонкие морщинки рассекали округлые щеки. Плоская с широкими полями шляпа затеняла лицо, и глаз почти не было видно. Длинные волосатые руки Вильям почти не вынимал из карманов. На нем были грубые брюки, домотканая с высоким воротником рубашка.

Наступило тягостное молчание. Мы стояли у калитки, взгляды наши никак не могли встретиться.

— Здесь так много людей ходит, вопросы задают всякие... А нам хотелось, чтобы нас оставили в покое,— сказал вдруг низким голосом Вильям и, как нам показалось, испугался собственных слов. Бросил на землю упряжь, пошарил зачем-то в карманах и потом заискивающе добавил, обращаясь к Джону:

— Вы знали мою жену? Да, она была дочерью мистера Вейлера. Входите, входите, вы ее увидите.

Миссис Смакер, полноватая хорошенькая женщина средних лет, была одета в ярко-зеленое платье с повязанным поверх него красным фартуком до земли. Она стояла возле низенькой белой изгороди и кормила цыплят. Джону она сказала, что помнит его.

— Вы часто приходили к нам...

— Этих цыплят мы откармливаем на жаркое,— сказал муж.— Несушки там,— он показал рукой на огромное серое здание, постав-



Эймиши строят амбар. Постройка его общими усилиями — один из самых старинных обычаев эймишей

ленное на старый каменный фундамент,— в сарае. Этот сарай новый. Старый амбар Вейлера сгорел два года назад.

По старинному обычаю амбар или дом эймиши строят сообща. Когда здание сгорает или ветшает, хозяин договаривается с соседями о дне строительства нового. И вот с восходом солнца появляются со всем необходимым для стройки повозки, нагруженные лесом, и до ста мужчин собирается тут. Одного дня обычно достаточно, чтобы соорудить хозяйственное строение.

— Мы строили его два дня, слишком велик был старый фундамент,— пожаловался Вильям.— Куда мне такой большой, у нас одна лошадь и две коровы. Молока хватает всей семье, а у меня ведь восемь детей, но, правда, будут еще.

Около изгороди, за которой шустрые цыплята клевали зерно, возвышается небольшой холмик, поросший травой, с маленькой деревянной дверью. Это погреб, где семья Смакеро́в хранит мясные и молочные продукты. Рядом второй «холодильник». Он предназначен для овощей.

Вильям поднял с земли конскую упряжь, которую собирался чинить, и мы пошли в новый сарай. В просторном, ладно распланированном сарае безупречный порядок. Фермер повесил упряжь на один из штырей, вбитых в доску, медленно проговорил:

— Хорошая сбруя. Она служила еще моему деду. Когда-нибудь я передам ее сыну. Старшему восемнадцать. Он скоро женится, я думаю. Там,— Смакер показал в поле за сараем,— я построю для него дом. Так уж мы живем. Такой обычай. Когда сын женится, отец должен дать ему дом и землю, если у него есть возможность.

О том, как это происходит, Вильям рассказывал нехотя.

Свадебные обычаи, ухаживание за девушкой мало изменились с тех пор, как эймиши переехали в Америку. В шестнадцать лет молодой человек, скорее подросток, начинает ухаживать за девушкой. По воскресеньям молодежь собирается на вечерние песнопения гимнов обычно в амбарах. С девушкой, которая ответила парню взаимностью, юноша стремится уединиться. Они скрываются на кухне дома невесты или катаются по ночам на повозке будущего фермера. Округа о новой семье узнает в день свадьбы, но от родительского глаза ничего не спрячешь.

Когда юноша считает, что он может стать главой семьи, в свадебном обряде принимает участие его отец или кто-нибудь из родственников. Они отправляются в дом невесты и просят через ее отца согласия на брак.

Ноябрь у эймишей — месяц свадеб. В другое время года молодые люди не могут пожениться.

Свадьбы обычно проходят в домах новобрачных. Свадебные церемонии, чрезвычайно длинные, торжественно-скучные, длятся нередко по нескольку часов и заключаются в пении гимнов, протяжных народных песен. Определенное время отводится и венчанию в церкви. Священник с глазу на глаз рассказывает об их обязанностях, дает наставления жениху и невесте, выслушивает их клятвы и обещания в верности. Потом гости и родственники жениха и невесты садятся за стол. На свадьбах эймишей собирается до двухсот человек. Нередко они съедают все запасы продуктов, заготавливаемые за много месяцев до торжества. Виноградное вино и более крепкие спиртные напитки не в моде. Зато десерт состоит из двадцати пяти блюд.

После банкета мужчины собираются группками во дворе, обсуждают виды на урожай, делятся новостями, женщины моют посуду, убирают дом. Молодые парни развлекаются кто как может, девушки вместе с невестой отправляются прогуляться в окрестностях фермы. К вечеру холостяки выходят «на охоту» за женихом. Они ловят его и бросают через изгородь в руки женатых мужчин, символизируя тем самым расставание с ним и переход его из лагеря беззаботных холостяков в клан серьезных хозяев, возглавляющих семью. Замужние женщины приводят в дом жениха невесту и совместными усилиями перебрасывают ее через длинный черенок метлы, который держат параллельно полу. После свадьбы жених и невеста отправляются в повозке навестить родственников, друзей, получают от них свадебные подарки.

Вильям Смакер пригласил нас в дом.

— Чайку попьем,— сказал он,— как раз и время настало, полдник. Умоемся?

И он первым направился к старенькому рукомойнику, наклонил низко голову и начал пригоршнями бросать в лицо холодную чистую воду. Вытащил огромный носовой платок, служащий, видно, и полотенцем, приложил к глазам, щекам, смахнул воду с бороды, руки вытер о брюки.

Когда мы вошли в дом, Джон Селтен внимательно осмотрел его. Мало что изменилось с тех пор, как он бывал здесь. Посреди гостиной стоял деревянный стол, несколько грубой работы стульев с прямыми спинками. В углу большая черная чугунная плита, обогре-

вающая весь дом, охапка поленьев. Рядом детская, в ней качалка на изогнутых дугой основаниях. На окнах простые белые занавеси, две керосиновые лампы, третья висит под высоким потолком. В углу у входа несколько старых самодельных игрушек. И хотя на улице ярко светит искрящееся осеннее солнце, в доме — полумрак. Запах сырых детских пеленок ударяет в нос. Хозяйка в своем широком длинном платье входит в комнату и ставит на стол большой черный чайник. Две дочери накладывают в тарелки овощи, фрукты, подают домашние сладости, расставляют большие чашки. Ничто в этом доме даже не напоминает о двадцатом веке.

Это, видимо, и привлекло к здешним жителям местных предпринимателей. Лет пятнадцать назад они открыли вдруг, что эймиши (в США за ними давно закрепилось название «простые люди») могут приносить доходы. Сначала они продавали сувениры эймишей: грубо сработанные безвкусные куклы, полотенца с вышитой эмблемой эймишей, таганы. Потом наступило время создания «типичных ферм эймишей» для туристов. Но туристы — народ тертый. Посмотрев «типичную ферму», они повалили на фермы настоящие, чем вызвали гнев и недовольство любящих уединение хозяев. На дорогах Америки появилась реклама: «Посетите типичный дом эймишей!», «Купите типичные изделия эймишей»... Но «простые люди» выступают против торгашеской рекламы. Самое простое средство в этой борьбе — наглухо закрытые ворота обнесенных высоким забором ферм.

Никто из эймишей не имеет права носить оружие — таково требование их религии. Заметим, что это приятное исключение в стране, где каждый третий вооружен боевой винтовкой или пистолетом. Правда и то, что никто из «простых людей» не служит в армии. Эймиши почти никогда не фотографируются и не разрешают снимать себя на пленку заезжим туристам. Но эта кажущаяся свобода дорого обходится эймишам, которым в американском мире действительности приходится вести упорную борьбу за свое выживание.

Несколько лет назад сенат США принял закон, который обязывал всех, в том числе и эймишей, установить на повозках электрифицированные устройства для сигнализации о поворотах. Но электроток, по убеждениям «простых людей», противоречит божьему наказу. И они наотрез отказались следовать закону. Тогда полиция арестовала несколько человек, кое-кого оштрафовала. После такого инцидента некоторые эймиши повесили по бокам своих повозок керосиновые лампы с красными стеклами, но большинство просто перестали ездить в ночное время.

В течение десяти лет эймиши боролись за то, чтобы их освободили от налогов по социальному страхованию. «Мы сами о себе заботимся», — говорили они. Проблема стала настолько острой, что вопреки древним устоям группа эймишей решилась поездом поехать в Вашингтон, чтобы там сказать свое слово в поддержку готовящегося в сенате законопроекта в их пользу. Закон прошел большинством голосов, но в палате представителей его положили под сукно. «Простые люди» взбунтовались, начали писать петиции, собирать деньги на новую поездку, но она не состоялась. Спустя три года закон все же был принят.

— Немало проблем возникает, когда речь идет об образовании, —

рассказывал инспектор отдела образования графства Харри Лондас, показавший нам одну из своих подопечных школ.

Молодая девушка, преподающая здесь, без особого желания отвечала на наши вопросы. Она не признает религии эймишей, но епископ может не одобрить ее бесед с посторонними лицами.

— На работу меня пригласило местное правление «простых людей», которое содержит эту школу,— она скупым жестом обвела маленькую опрятную комнату, обогревающуюся черной чугунной печкой, в которой потрескивали дрова.— У нас здесь тридцать учеников, с первого до восьмого класса.

В одной стороне стояли маленькие парты для младших классов, старшие мальчики и девочки сидели по другую сторону.

— В то время как одни читают что-то, другие делают свои письменные работы, рисуют,— объяснила учительница.— Некоторые из наиболее способных слушают, чему обучают старших учеников.

По закону штата Пенсильвания, все дети до семнадцати лет должны посещать школу. Эймишей это не устраивает. Они приучают своих ребят с четырнадцати лет к труду в поле, прививают навыки ухода за скотом, домоводства. В этом возрасте дети обычно перестают ходить в школу. В ряде поселений эймиши создали свои частные школы, типа вот этой, с одной учительницей, которая не назвала своего имени.

— Обучение ведению хозяйства пригодится нашим детям в жизни больше, чем то, чему учат их в школе,— говорили упрямые эймиши.— Мы игрушки им дарим только такие, что связаны с хозяйством.

— Сейчас найдено компромиссное решение,— рассказывал Х. Лондас.— До четырнадцати лет дети посещают школу регулярно. Потом в течение трех лет в школе бывают по три часа в неделю, обучаются по специальной программе. Есть в графстве и одна средняя школа. Немногие дети, оканчивающие эту школу и религиозный колледж, становятся священниками.

Жизнь в стране эймишей почти замерла. Иногда кажется, что она все же движется, но движется медленно, со скоростью лошади — главной тягловой силы. И никто не смеет нарушить этот распорядок. Нарушителей отлучат от церкви, как в старые, очень далекие времена. Но находятся смельчаки и среди эймишей.

На рынке в городе Ланкастер, куда раз в неделю эймиши везут плоды своего труда и где всегда можно выпить стакан яблочного сока, выжатого в присутствии покупателя, мы разговаривали с Элизабет Глик. Это очень строгая, с простым лицом и хорошими манерами пожилая женщина. Расчесанные на прямой пробор волосы, собранные сзади в пучок и покрытые шапочкой, придавали ей благообразный вид.

— Я стою за этим прилавком пятьдесят лет,— говорила она.— Мы приезжаем сюда обычно в шесть утра на своей повозке. С фермы выезжаем в четыре часа. У меня одиннадцать детей и более сорока внуков. Да, не все мои дети остались со мной. Трое уехали в город, им не нравится жизнь предков.

Резюмируя наши встречи с эймишами, Джон Селтен говорил, что люди эти забыты богом и государством. Они лишены всяких демократических прав, в том числе права голоса. У них нет своей

газеты. Да что там газета! Языкового словаря эймишей — а они говорят на старонемецком языке — никто никогда не видел. Нет у них и своей литературы. И никто даже не пытается освободить их из рабства собственной религии. Официальные власти глухи к нуждам эймишей. Действительно, так ли уж проста жизнь «простых людей»?



РЭМ ПЕТРОВ

УСМАНКА, ВОРОНЕЖ, ЕНИСЕЙ

Лирический очерк



Моему отцу

Усманка

То, о чем я хочу рассказать, не имеет конца и всегда будет для меня прекрасным, потому что связано с познанием Родины, ее просторов и богатств.

А началось это так. Мне было семь лет, местный поезд вез нас в Сосновку. Наступил вечер, вагон громыхал мимо Отроженского депо, а из-за него поднималась большая оранжевая луна. Рядом сидели мой отец и его друзья — дядя Максим и дядя Миша. Я размышлял об устройстве механизма, с помощью которого, как сказал дядя Максим, отроженские рабочие поднимают луну. Мне и в голову не пришло, что это шутка. Сказанное подтвердили все, взрослые серьезные люди, взявшие меня с собой ловить рыбу. К рассвету мы должны добраться до Усманки.

От полустанка идем по утоптанной тропке среди вековых сосен; в темноте то и дело спотыкаешься о переползающие через тропу корни.

Веселая эта речка, Усманка. Вьется она в степи. Пока не подойдешь — не увидишь. То вовсе ручейком бежит, а то обернется темным глубоким омутом, изогнется песчаным плесом или зальет какую-нибудь низину и тогда сверкает среди осоки и щучьей травы. Вода в омутах прозрачная, и видно, как по дну важно гуляют окуни, а вверху скользят красноперки. Но и рыбы тебя видят. Бросишь удочку, обступят окуни веером червяка и стоят неподвижно, не решаясь взять подозрительную приманку. Ждал я, ждал и — надоело.

Солнце только взошло и не успело высушить росу. Оглянулся я и замер в восхищении. Каждая травинка сверкает, унизанная маленькими каплями-призмами. Но их по отдельности не разглядеть. Только полыхает разноцветными огнями широкая полоса, идущая прямо к солнцу!

Много раз впоследствии приходилось мне видеть утренние поляны. Весной, после ночного заморозка, когда на траве не капли, а кристаллы, мельчайшие ледяные иглы, восходящее солнце расцвечивало их куда более красочно. Но все увиденное служило лишь

добавлением к картине, которой я был потрясен в семилетнем возрасте иа берегу Усманки.

Я пришел в себя, когда подошли взрослые. Они наловили плотвы, красноперок, ершей. Расставили жерлицы и кружки для щук. И дядя Максим и дядя Миша посматривали на меня с удивлением, но не подшучивали, уловив мое состояние. Я же, как бы чего-то устыдившись, вспомнил, зачем мы сюда пришли. Надо поймать рыбу. Иначе что же я за рыбак! Схватил удочку и убежал на песчаный плес. Зашел по колено в воду.

Течение тащит поплавок мимо меня, тянусь за ним, снова и снова забрасываю удочку. Снова тянусь. Кажется, что рыба вот-вот клюнет. Но нет...

Кто знает, стал бы я бродить с рюкзаком и удочками по стране, любоваться природой, смог бы почувствовать сердцем красоту уральских озер, Енисея, да и увидел бы их вообще, если бы в то далекое утро ничего не поймал?

Солнце уже жгло плечи, а я все следил за поплавком. Насаживал червя на крючок разными способами и плевал иа него, как заправский рыбак. Не мог я вернуться с пустыми руками, просто не мог. И добился-таки своего. У края отмели на быстринке мне попались два пескаря. Радость успеха взорвала мое юное сердце. Наверное, я бы поймал еще, ио в этот миг захлебнулся звоном колокольчик на одном из щучьих кружков, и я увидел, как взрослые люди, словно мальчишки, бросились в воду, поднимая фонтаны брызг, и погнались за кружком. Где-то в зарослях травы догнали его и торжественно вернулись с большущей щукой в руках.

Кто был более счастлив — я или они? Взрослые тоже радовались, как дети.

Урал

Смерчем ворвалась война в жизнь людей, забрала на фронт отцов, нарыла щелей и бомбоубежищ, крест-накрест заклеила или заколотила окна, отобрала у людей радость, отдых, жизнь. Много лет прошло, прежде чем мне удалось снова побывать на рыбалке.

Урал... При одном этом слове в воображении возникают горы, малахитовые копи, заводы-гиганты. Но я расскажу о реке Урал, о тех местах, которые расположены в ста километрах южнее города Уральска. Это степь, полная тюльпанов весной, а в конце лета покрытая высохшим ковылем, полынью и колючками. Узкая полоска леса тянется лишь вдоль самой реки.

Полюбить степь нельзя, если этой любви нет в крови. Но понять открытую душу степи можно. В горах человек иногда чувствует себя ничтожной пылинкой среди заснеженных великанов. А степь как бы говорит: «Ты, человек, силен и смел, иди куда хочешь». Ее просторы манят, неодолимо влекут вдаль...

Быстро течет Урал. На излучинах вгрызается в коричневую степную землю, образуя крутые осыпи. Возле одного такого обрыва стоит строгий обелиск из светлого камня. Здесь погиб Чапаев. И село, в котором я живу, бывшая станица Лбищенская, теперь носит его имя.

У меня есть друг Фатей — казацкий сын. Мы вместе учимся в

пятом классе и ждем не дождемся лета. Все планы связаны с рыбалкой. Фатей — местный житель. Он никогда никуда не выезжал и даже не видел поездов. Но он прекрасно знает, что сазаны ловятся у песчаного плеса, чебаки — у обрывов. А вот там, где после поворота высокий берег реки постепенно переходит в отлогую косу, держатся судаки. Я жадно выспрашиваю обо всем этом, так как рыбацкая страсть, возникшая в то давнее утро на Усманке, уже не покидала меня. Рядом со мной Фатей чувствует себя опытным, видавшим виды рыбаком. Когда я делюсь с ним своим желанием поймать рыбу, пусть маленькую, чтобы снова пережить радость этого мгновения, он поучительно отвечает:

— Эка невидаль — поймать рыбу, важно — какую! Чебаков-то мы с тобой в любой момент наловим. А вот сазана поймай или осетра!

Но для меня эти рассуждения пока непонятны.

Широк разлив Урала весной. Уже по-летнему жарко, и вода теплая, но все еще мутная и стоит высоко. Мы добываем крючки, лески. Мастерим подпуски с тяжелыми гайками. Я сплю не дома, а на плоской крыше сарая и учусь вставать раньше солнца.

Километра два бежим мы, сверкая пятками, по утоптанной лесной тропке вдоль обрывистого берега Урала. Река плавно загибается направо, обрыв постепенно становится ниже, а лес неохотно отступает от воды. Вот и пушистые заросли тальника.

— Здесь судаков ловят,— бросает на ходу Фатей.

Наконец длинный песчаный плес. Обрывистый берег теперь напротив. Быстро разматываем подпуски и аккуратными витками укладываем на мокром песке, утрамбованном водой. Расправляем три коротких поводка с крючками, потом толстый шнур с большущей гайкой на конце.

— Не малы ли грузила? — волнуется Фатей.— Больно уж вода быстро прет.

Насаживаем червей. Далеко, метров на двадцать, закидываем снасти. Течение некоторое время тянет их. Потом лески натягиваются, как струны, под углом к берегу. Втыкаем в песок короткие гибкие прутики, за их верхушки привязываем лески, а на самый верх вешаем ракушки. Получаются настрожки. Они плавно гнутся.

— Если рыба дернет, ракушки свалятся,— объясняет Фатей.

Мы тихонько отходим в сторону и только теперь замечаем, какой холодный песок и какие синие у нас ноги. Трем их ладонями.

Из-за Урала восходит солнце. С той стороны, где степь. Горизонт совершенно чист. Вот показалась золотистая горбушка солнца. Растет. Сверкает. Наши фигуры отбрасывают на песок длинные смешные тонконогие тени.

Ожидание всегда рождает иллюзии. Не отрываясь, смотрю на настрожки, и кажется, что они дергаются. Но нет, течение шевелит натянутую леску. Но вот действительно короткий, как удар, толчок. Второй. Третий. Как при замедленной киносъемке, ракушка падает на песок. В следующее мгновение я, перебирая, вытягиваю подпуск. Витки лески ложатся на берег, а уходящий в воду натянутый конец снасти дергается, и я чувствую рывки и метание рыбы. Она все ближе, ближе. И вот уже у меня в руках. Золотисто-розовый сазанчик, широколобый и увесистый, с темной горбатой спиной. Он бьет меня хвостом по локтям, брызги летят в лицо.

— С полкило потянет,— говорит мой друг, но тут же срывается с

места и бежит к своему подпуску. Тянет, горячится...— Сазанчик!— кричит, а через несколько мгновений: — Еще один! Сразу два, на первом крючке и на третьем!

Уходим после полудня. Песок и земля раскалились так, что стараемся наступать туда, где тень, где не так жжет ноги. В мокром мешке десятка полтора сазанчиков, чехоней.

Спешим домой. Хорошо бы искупаться, но еще больше хочется есть. Завтра, конечно, снова помчимся на рыбалку.

Воронеж

Мне уже шестнадцать. Сдам экзамены — перейду в десятый класс. Урал, Фатей и рыбалки часто фигурируют в разговорах с друзьями-одноклассниками. Но здесь у нас река Воронеж. Вот она, в трехстах метрах от школы, видна из окна. Миновав городские кварталы, вьется среди лугов и перелесков. Там, за горизонтом, ее ждет встреча с Доном.

В начале июня приступаем к осуществлению задуманного еще зимой плана. Нас трое — Лев, Юрка и я. Лев — наша главная физическая сила. Он высокий, широкоплечий, с могучими бицепсами. Он уже лавливал рыбу на Воронеже со своим дядькой. Этот дядька, вернее его лодка, и составляет основу нашего плана. Льву поручено добыть лодку. Юрка никогда рыбу не ловил и ловить не собирается. Он — натура впечатлительная, весь в отца, известного воронежского артиста. Юрку больше всего интересуют ночевки у реки, в которой отражается свет костра, пусть даже над ухом и звенят комары. Правда, он настаивает на том, чтобы комары гудели за марлевым пологом. Это снаряжение поручено ему. На моем попечении удочки, перемет и все необходимое для ухи.

Отчаливаем часов в пять дня и плывем по течению. Позади остаются мосты, воронежская электростанция, окраина города, именуемая Чижовкой. Справа к берегу подбежал лес и снова отступил. Цветущие луга еще не скошены. В обрывистых берегах невысоко над водой сотни нор-гнезд. В них деловито влетают и вылетают береговые ласточки.

Плывем все дальше. Поворот налево, направо. Вот в береговом откосе бьет ключ. А вот затягивается ряской и травой старое русло. Солнце ниже, ниже. Вода, капающая с весел, вспыхивает красным, волнистая струя от лодки — тоже.

Даже сейчас, через много лет, я совершенно ясно вижу картину нашего ночного лагеря. Лужайка, на которой мы расположились, ровная, как стол, покрыта густой невысокой травой, в такой траве много щавеля. Лес охватывает лужайку полукругом, река изогнулась подковой. Полная луна изливает какой-то трепетный свет, и потому береза на противоположном берегу, из-за которой она выглядывает, и вода, в которой она отражается, и, конечно, костер — все живет, движется, дышит. Направо белое пятно полога. Мы сидим на бревне и ждем, когда закипит чайник. Перемет поставлен, донные удочки заброшены. Запахи и звуки ночного леса, луга, реки поглотили наши мысли, желания. Только костер не поддался тихой прелести ночи — трещит и разбрасывает искры.

Шелест листьев и сухой травы под чьими-то ногами нарушил

тишину. Не успели мы встревоженно переглянуться, как из темноты подошел к огню человек. Лицо его, заросшее густой бородой почти до самых глаз, и шапка длинных вьющихся волос с проседью сначала произвели на нас зловещее впечатление. Мы внутренне подобрались и сидели не двигаясь. Незнакомец присел на корточки и, вынув из огня небольшую головешку, раскурил трубку.

— Да вы не бойтесь, хлопцы. Я тут неподалеку лошадей пасу. Огонь увидел, ну и подошел.

— Чего нам бояться? Просто мы молча сидим. Очень тихо кругом,— сказал я, а Юрка добавил:

— Что-то не слышно, чтоб кони тут паслись.

Разговор не получился. Но мужчина посидел с нами немного, попыхивая трубкой. Сказал, что рыбалка — дело хорошее.

— От этого душа у человека мягче становится, не будет он других людей обижать,— проговорил мужчина на прощание и ушел.

Когда стихли шаги, Юрка зашептал:

— Это все не так просто. Никаких лошадей поблизости нет. И речи его — для отвода глаз. Я считаю, нам нужно дежурство установить, спать по очереди.

— Да брось ты, Юрка! — попытался возразить я, но Лев поддержал предложение о дежурстве.

Кинули жребий. Выпало первому дежурить мне, второму Юрке. Часов у нас не было, решили ориентироваться по луне.

— Астрономия — наука точная,— рассуждал Лев.— Луна сейчас у самой верхушки березы. Когда опустится на одну треть, буди Юрку. Еще на одну треть опустится — я заступлю. Все очень просто.

Трудно сказать, сколько времени я лежал и смотрел на звезды, положив голову на теплое от костра бревно. Ребята уснули. Костер затухал. Стало слышно, как вдали фыркают лошади. Я бросил на угли пучок сырой травы. Поднявшийся дым отогнал комаров, на время закрыл половину звезд и луну, которая по-прежнему плыла среди облаков между самыми верхними ветками березы.

Тогда я пошел проверять донки. Снял двух окуней и соменка, смешного такого — голова и хвост, а туловища почти нет. Пасть громадная. С краев верхней губы свисают усы. Поправил на крючках червей, забросил удочки снова. Положил в костер сучьев и опять улегся лицом к звездам.

Я думал о том, что в бесконечности Вселенной, где миллиарды солнц и еще больше планет, не может не быть какой-нибудь похожей на нашу. А вдруг где-нибудь вот так же лежит мой двойник и смотрит на звезды? Он сейчас на рыбалке у берега реки, только что поймал двух окуней и соменка. Я улыбнулся нелепости рассуждения. Подумал, что другие существа могут быть только похожи на людей, не более того, вот реки — другое дело. А рыбы? Какие там могут быть рыбы? Я не знал. Впрочем, я не знал даже, какие рыбы обитают в Енисее, Амуре или озерах Южного Урала. Кажется, в ту ночь мне впервые пришли в голову мысли поехать в дальние края, чтобы посмотреть, какие там рыбы, как их ловят.

Костер почти совсем потух. Я стал замерзать и решил, что пора бы сменить дежурного. Взглянул на луну, она не стала ниже. Может, я смотрю не с того места? Пошел туда, где мы сидели втроем. Нет, не ниже. Пожалуй, даже выше и значительно правее. Ее совсем не загораживали ветки березы. Как же так? Луна явно

поднималась. Эту возможность мы не предусмотрелн. Первое практическое использование астрономии провалилось, «часы», придуманные Левкой, подвели.

Побродив еще с полчаса, я натаскал сучьев для костра, залез под полог н растолкал Юрку. Улегся на мягкое, нагретое им место н, будто на огромных качелях, быстро полетел куда-то...

Утром от воды поднимается пар н, попадая туда, где прорываются сквозь листву солнечные лучи, обозначает их путь. Лев идет вдоль берега, проверяя удочки. Мы с Юркой в лодке. Она повериулась носом против течения, н ее не сносит, потому что я сижу на переднем сидении и держу шнур перемета. Слева н справа в нескольких метрах от бортов лодкн шнур плавио уходит в воду. Перебнрая перемет, медленно движемся к середнне речки. Уже два поводка появлялись из-под воды и опускались в нее с другого борта. Наживка не тронута. Третий поводок иатяиут, прогнбает шнур, дергает. Чем ближе к лодке, тем сильнее. Уже видно, как ходит кругамн рыба. Прыгает от нетерпения сидящий на корме Юрка. Под его сидеиьем вода, я бросаю туда выловленного подлещика, потом двух язей н окуня.

На берегу сложилн в ведро с водой всю рыбу — ту, что принес Лев, н ту, что попалась на доики. Солице выглянуло из-за деревьев. Самая пора ловить плотву и пескарей. Размотали поплавковые удочки, уселнсь на берегу. Юрка нервничает н не может понять, зачем ловить эту мелочь? Ему не терпится варить уху. Прншлось объяснить: мелкая рыба нужна для двойной ухи.

— Как это — двойиая уха? Смеетесь?

— Ничуть,— начал объяснять Лев.— Сначала варится вся мелочь. Как можно больше мелочи. Варить надо долго, чтобы весь «вкус» в уху перешел. Потом всю эту рыбу надо выкинуть н положить рыбины покрупнее и получше. Их уже долго варить не надо. Уха выходнт, как янтарь, понял?

Но Юрке скучно было сидеть н следнть за поплавком. У него не клевало. Мы отправили его разводить костер и чистить рыбу, а сами наперегоики таскалн пескарей. Попадались и плотвички.

Когда шли к костру, я рассуждал:

— Все-таки лучше всего ловить с поплавком. Доики, переметы, подпуски — не то. Забросил в воду, н, что там происходит, иеизвестно. Поплавок — другое дело. Смотришь на него, н все видио. Чуть клюнуло, замри, смотри, когда подсекать. Видно даже, какая рыба берет. Каждая по-своему. И ин о чем иа свете не думаешь, будто н не существует ничего. Однн поплавок.

— Я это называю выключением сознания,— задумчиво пронзнес Лев, потом добавил: — Дядька мой говорил, что интереснее всего ловить спинниигом. Это уже не удочка, а целый агрегат. Удилище шестигранное, клееное, из бамбука. Леска продернута сквозь кольца, на катушку наматывается. Кидают этой штукой блесну метров на пятьдесят. Мелочь на блесну не ловится. Берут щуки н другие хищные рыбы. Ну уметь, конечно, надо.

— Да, это уже настоящая охота,— отозвался я,— интересио бы попробовать.

Уха получилась на славу. Ели н похваливали. О миогом переговорили. Лишь о ночном посетителе не вспоминали.

Большое Миассово

Существуют расстояния, которые не измеришь шагами или километрами. Таковы, например, дистанции от задуманного до исполненного. Минуло много лет после ночной рыбалки, прежде чем мне удалось половить рыбу спиннингом на одном из озер Южного Урала. К этому времени я уже окончил институт, стал иммунологом.

Долго можно смотреть на воду уральского озера где-нибудь под скалой у берега, где мелко. Смотреть и любоваться ее прозрачностью н легкой голубнзной, совсем не той, что у моря, без зелени. Игрой отсветов на дне из полированных округлых или плоских камней. Мальками, за которыми по дну гоняются их тени — то отстают, то перегоняют, то забегают сбоку.

Большое Миассово озеро вытянулось вдоль Ильменского хребта на несколько километров, и, когда смотришь с какой-ннбудь лысой вершины, оно уходит вдаль иеширокой лентой с замысловатыми залнвамн. Называют их здесь курьямн. На десятки километров за озером лежит тайга. Вся в пятнах от мелких сверкающих озер и темных теией от плывущих по небу кучевых облаков. Южиоуральская тайга крупноствольная, светлая, пронизанная солнцем. Здесь много солнца, высокая трава, цветы. Стройные высокие сосны и веселые или грустные березы. Скалистые породы под разными углами то тут, то там выходят на поверхность. И ящерицы, греющнеся на солнце, напоминают о Хозяйке медной горы нз сказок Бажова.

У самой воды, там, где почва подмыта, видно, что она нетолстым слоем покрывает камни. Да еще в тех местах, где громадные утесы вдаются в воду. Одну такую скалу, окунувшуюся в озеро, как нос огромного корабля, я назвал Скалой змей. Там не было ядовитых змей, а только ужи. Они всегда грелись на солнце. И когда лодка подплывала к берегу, расползались, шипя и шелестя кожей по шершавому камню. Эта скала отделяет от озера Травяную курью, в которой я больше всего любил ловить рыбу.

Я жил в палатке у самого берега на бностанции, где работали мои друзья-биологи, и ловил щук спиннингом.

Рано утром, когда едва брезжил рассвет н воздух казался непрозрачным, а предметы танственнымн, я брал спиннинг, весла, и лодка моя скользила по серебру утреннего озера, которое, просыпаясь, как бы сбрасывало с себя остатки ночн.

Пробуждение начинается с легких струек пара, поднимающихся от тихой воды в холодный утренний воздух. Их становится все больше, туман невысоким слоем накрывает озеро. Из-за гор появляется солнце — яркое, расплывчатое от пара пятно. Через несколько минут туман отрывается от поверхности воды и на озере все становится четким — каждая камышнна, каждое ее отражение. И вот солнце уже сверкает на водной ряби, а туман, превратившись в длнное облако, движется на восток. На небе много облаков разных форм и размеров. Это уплывают облачные копии уральских озер.

В Мнассове две разиовидности щук — травяные н моревые. Первые живут недалеко от берега среди щучьей травы. Окраска у нных светлая. Больше трех-четырех килограммов такне рыбы ие тянут. А вот моревые держатся на середине озера. Онн темнозеленые и достигают веса пятнадцати — двадцати килограммов.

Я ни разу не поймал такой большой. Надо мной тяготел рок. Девять дней подряд я отправлялся с утра и возвращался к обеду. Девять дней я хлестал спиннингом гладкую или подернутую ветровой рябью поверхность озера. И ежедневно привозил по три щуки. Мои друзья уже не спрашивали, сколько я поймал, а только интересовались, каковы они сегодня.

Ловить спиннингом — это действительно большое искусство. Если ловишь удочкой, закинул ее и жди, ничего не делая. А здесь не то. В твоем распоряжении огромное пространство воды радиусом метров сорок. Радиус этот зависит от того, насколько ловко орудуешь спиннингом, как далеко можешь бросить блесну. Бросай в любую точку и веди быстро или медленно, поверху или опуская поглубже, ближе к траве или вдоль фронта камышей. Крутишь катушку, и рыбка-блесна бежит тебе навстречу, играет в прозрачной воде. В любой момент ее может схватить щука. Ждешь этого момента. Бросаешь и крутишь, бросаешь и крутишь. А щука где-нибудь у дна невидимкой стоит, и надо угадать, где именно, чтобы блесна рядом с ней прошла. Долго бросаешь блесну. Уже притупится внимание. И вдруг видишь, как зеленая торпеда стремительно атакует блесну. Иногда сзади нагонит, но чаще сбоку. Описав полукруг, подобно самолету на боевом развороте, схватит, рванет. Тогда не зевай! Изогнется удилище, прижмешь катушку ладонью, чтобы помедленнее разматывалась леска. А потом начнешь подтягивать щуку к себе.

Слабая это рыба. Недолго сопротивляется. Видимо, сказывается образ жизни: стоит под кустом и ждет добычу. Увидела, рванулась, сверкнула молнией, сцапала жертву и снова затаилась в засаде. Так и на спиннинге: метнулась раз, другой, третий, вот уже ослабла леска, вот уже ходит щука у лодки. Здесь-то и нужно искусство. Рванула сильно — отпусти леску, но не ослабляй, не то оборвет или сорвется с крючка. Метнулась в твою сторону — быстро подмотай катушку. Когда наконец рыба устанет и застынет бревном вдоль лодки, сумей ее вытащить за жабры или подсаком. Положишь в лодку и вот тогда начинаешь переживать все перипетии борьбы с ней. Ощущаешь и радость, и усталость.

Возвращаясь на биостанцию, я неспешно греб, докрасна раскаленный полуденным солнцем. По временам нырял с лодки в прозрачную голубизну. В глубине вода всегда была холодной, только верхний слой, не толще метра, прогревался за день.

По вечерам лодка моя отдыхала, а дневному улову отдавали честь за ужином обитатели биостанции — студенты-практиканты, дипломники, ученые из разных городов. Они рассказывали о своей работе, слушали лекции руководителя биостанции Тимофеева-Ресовского.

С этих лекций и началось мое увлечение таинственной наукой генетикой.

Енисей

Услышишь слово «Енисей» и представляешь могучую реку, которая течет через бесконечную сибирскую тайгу в Северный Ледовитый океан. Но начинается она в горах, где в нее впадают сотни скачущих с камня на камень речушек. Енисей протекает по



землям Тувы, прорезает Западный Саян и только после этого, полноводный и судоходный, катится через всю Сибирь в океан.

Четыре тысячи семьсот километров отделяют Москву от обелиска с надписью «Центр Азии», который поставлен в Кызыле — столице Тувы. В Туве нет железных дорог. В некоторые районы можно добраться только по воздуху или вьючными тропами. Одно из таких мест — Тоджинская впадина, со всех сторон окруженная хребтами Саяна.

Лежит эта чаша на высоте 300 метров над уровнем моря. По южному и западному ее краям бежит Енисей, еще совсем юный. А по северному — его приток Хым-Сара. Не залетают в эту впадину ветры. Солнечные лучи пронизывают хрустально-чистый воздух, небо безоблачно 300 дней в году. Климат здесь резко континентальный, зимой трещат морозы до 58 градусов, летом стоит 38-градусная жара. Ночи всегда холодные, даже в июне бывают заморозки.

Рюкзаки собраны, билеты на самолет до Кызыла в кармане. Мы с моим другом Евгением Романцевым едем в Тоджу. Я могу похвастаться 24-летним рыболовным стажем, он — на шесть лет больше. Но тайменей, которые водятся в верховьях Енисея, мы никогда не ловили. «Красуля, лень под названьем таймень,— вспоминаем мы слова натуралиста Сабанеева,— известен по всей Западной Сибири, где встречается как в больших реках, так и в речках, достигая громадной величины — до 48 и более килограммов».

Вот и поселок Тора-Хем — центр Тоджи. За пять с половиной часов донес нас воздушный лайнер до Красноярска. Затем летели

через Западный Саян до Кызыла. Складки гор и долины покрыты темно-зеленым лесом. Главные хребты скалисты, как Карадаг. Вершины заснежены, озера блестят, меж гор вьется Енисей. По пути к Тоджинской котловине опять хребты, леса и снежные вершины.

Поселок стоит у впадения в Енисей речки Тора-Хем. Живет здесь 800 человек. Не привыкли они к туристам. Нас принимают не иначе как за геологов. Это помогает быстро найти проводника и лодку с мотором. После длительных переговоров намечается маршрут: 60 километров вниз по Енисею до Хым-Сары, а потом вверх по этой реке. Там будто бы больше всего тайменей.

Наш проводник — Леня Чернев. Он знает тайгу, как свой дом, с детства занимается охотой, промышляет белку, соболя, собирает кедровые орехи. Леня согласился ехать с нами потому, что сейчас лето, август, и охотник за пушным зверем пока не очень занят.

Енисей не течет, а катит свои воды. Ударяясь о каменистое дно, они образуют струи, которые сталкиваются, пучатся, возникают воронки, гребни. Мы не плывем, а несемся вниз. Силы течения и мотора складываются, наша скорость достигает километров тридцати в час. Мелькают острова, протоки, перекаты. Романцев полулежит на носу лодки, Леня следит за мотором, я вычерпываю на корме воду.

Через два часа мы в устье Хым-Сары. Теперь держим путь против течения и больше не мчимся, а еле ползем. На быстрине лодка почти совсем останавливается, хотя мотор в десять лошадиных сил отчаянно ревет. Приходится выбирать, где течение потише. Пейзажи проплывают медленно.

Теперь я растянулся на носу лодки, опершись спиной о поклажу. Московские дела еще не выветрились из головы. Но вокруг было столько интересного, что вскоре я забыл о них и думать.

— Смотрите! — восклицает Леня. — Белка через Хым-Сару плывет. Видно, уходит от кого-то.

Впереди, распушив хвост по воде, на самой стремнине борется с течением рыжий зверек.

— Доплывет? — спрашиваю.

— Если таймень не схватит, обязательно доплывет.

По сторонам горы, покрытые лесом. Преобладает лиственница с мягкими шелковистыми листьями-иглами. Ее зелень густая и очень светлая, а стволы кирпично-красные, особенно с южной стороны. Но издали видна только зелень. Поэтому островки сосен кажутся рыжими на этом фоне. А кедровники, как тени облаков, темно-зеленые. Елей не много. Они вытянулись узкими высокими свечками. На южных склонах леса нет, они покрыты яркой травой и залиты солнцем. Леня называет их солонопеками.

Романцев у нас за старшего. Он опытный «бродяга», исходил Карелию, побережье Белого моря, хаживал на медведя в архангельских лесах. На привалах мы невольно подлаживаемся под его темп. Быстро разгружаем лодку, разводим костер, ставим палатку. Все втроем работаем дружно, и уже через несколько дней сами собой складываются обязанности каждого в нехитрой, но непередаваемо прекрасной лагерной жизни.

Леня молчалив, но, когда его расспрашиваешь, отвечает охотно. Романцев задает бесконечные вопросы об охоте, зверях, о тувинских

золотых приисках. Как-то заговорили о золотоискателях.

— Я,— сказал Леня,— на золотом прииске в Хорале долго жил. В старательской артели был. Старатели — пропащие люди. Золото моют, света белого не видят. Не по душе мне это. То ли дело охота. Зверя выследить надо. Суметь взять. Шкурку не испортить. Сдать ее. Вишь, однако, сколько дел. Это и есть моя работа.

Не описать видов, которые нам открывали повороты реки. То потрескавшиеся голые скалы вздымались вертикально над водой метров на двести. То ряды далеких, тающих в дымке лесистых холмов. То цепляющаяся за берег, но уже наклонившаяся над подмывающей ее водой сосна с покинутым гнездом коршуна. Не счесть, сколько часов мы хлестали спиннингами. Кажется, вдоль и поперек исполосовали Хым-Сару. Каждый день вылавливали несколько тайменей, но все небольших, килограмма на полтора-два. Да еще веселую рыбу хариус — форель сибирских рек.

На заходе солнца, когда мошкара жмется к воде, хариусы начинают свои танцы. Река покрывается сотнями всплесков и кругов. Это гоняются за мошками хариусы, выпрыгивают из воды, ловят на лету.

— Хариус плавиться начал,— говорит Леня.

Очень интересно ловить эту рыбу на крючок, к которому привязана маленькая метелка волос. Троишь таким крючком поверхность воды, хариус хватает его, как мошку.

Крупных тайменей попалось только два. Одного поймал Романцев, другого я. В самой верхней точке нашего маршрута — у впадения в Хым-Сару речки Кижи-Хем, у крутой излучины, с двух сторон окаймленной высокими каменистыми осыпями, была наша самая долгая стоянка. Четыре дня и пять ночей провели мы там. Оттуда уходили в тайгу еще более пышную, чем южноуральская, с зарослями черной и красной смородины, россыпью брусники, с таинственными звериными тропами, любопытными рябчиками, осторожными глухарями и сердящимися, цокающими на людей белками. Мы побывали в кедрачах, забирались на деревья, чтобы стрясти несколько шишек.

В то памятное утро я, как всегда, встречал солнце со спиннингом. Уже не одна блесна осталась на дне, зацепившись за камень. Поэтому я невольно чертыхнулся про себя, когда почувствовал: блесну под водой что-то держит. Но мгновение спустя огорчение сменилось радостным сознанием, что это не зацеп. Кто-то сильный и уверенный тащил блесну в омут под обрывом.

«Он»,— подумал я, раскручивая катушку.

Удилище изогнулось и загудело, леска натянулась, как струна.

«Хватило бы лески»,— пронеслось в голове.

А рыба все тянула и тянула. Леска резала воду. В омуте рыба остановилась. Чтобы ее стронуть, я чуть-чуть подкрутил катушку. И вдруг она, словно поняв наконец, что попала на крючок, рванулась вниз по течению, потом к берегу, потом в стремнину. С необычайной скоростью леска стала выходить из воды, и полутораметровый таймень, сверкнув малиновыми плавниками, вертикально выпрыгнул из воды. Показался во весь рост, перевернулся в воздухе и так же отвесно ушел в воду.

Трижды он выпрыгивал, трижды ослабевала леска, и каждый раз я успевал, откинув удилище, натянуть ее. Таймень был на крючке.

Полчаса я боролся с ним, прежде чем, подцепив багром за жабры, вытащил из воды. И вот он, красуля, килограммов на четырнадцать лежит передо мной. Как награда за многолетнюю верность рекам, рыбалке.

Вечером мы лакомились ухой из головы тайменя.

— Послушай, Женя,— обратился я к Романцеву,— о чем ты думал, когда тащил своего тайменя? Что чувствовал?

— Да как тебе сказать. Ни о чем вроде бы не думал. Но среди остроты переживаний и охотничьих страстей было какое-то странное ощущение. Будто проверялось на прочность все то, что я планировал, организовывал, делал, преодолевая препятствия, чтобы забраться в такую даль. Ты прав, конечно, когда говоришь, что важен не улов сам по себе, а все, вместе взятое,— новые места, неповторимая природа, встречи с людьми, разговоры и думы. Это так. Но вот не поймай мы с тобой по настоящему тайменю, не было бы полноты ощущений от пребывания в Туве, Тодже, на Енисее, Хым-Саре.

Через несколько дней мы вернулись в Тора-Хем и стали готовиться к отлету. К нам зашел Леня.

— Не пойму я, однако,— начал он,— зачем вы приехали. Породы никакой не собирали, карты не составляли. Рыбу, наловленную вами, я вон полбочонка насолил. В Москву, что ли, повезете?

— Нет, не повезем.

— Что же надо вам? Мокли в лодке, мерзли в палатке по ночам, в горы лазили за тремя кедровыми шишками.

— А помнишь, Леня, ты нам про старателей рассказывал?

— Ну?

— Так вот, есть два сорта старателей. Одни землю моют, света белого не видят, чтобы деньги, как ты сказал, прямо из земли да в руку. А другие стараются, чтобы истину найти. Тебе мой товарищ говорил, что мы болезни разные изучаем, чтобы людей лучше лечить. И вот сидят ученые-старатели и тоже света белого не видят. И одна у них цель: найти самое начало, самую причину болезни. И чем дальше, тем труднее золотую крупинку вымыть. Собьется ученый, не ту породу всю жизнь моет. И нет золота.

— Зачем, однако, в Туву ехать?

— Вот и возникнет желание,— продолжал я,— белый свет посмотреть, свои мысли из головы выкинуть да разглядеть их со стороны — ту ли породу моешь? А чтобы эти мысли выкинуть, надо голову чем-то занять, другим интересом. Вот ты, Леня, Москвы не видел. Скажи, хочется тебе в ней побывать?

— Ну?

— А зачем? Скажешь — интересно. Вот и нам Туву поглядеть интересно, тайменя поймать. И Байкал посмотреть хочется. Будет время — на Амур и Чукотку заберемся.

— Хо! На следующее лето, однако, в Москву съезжу. Посмотрю.

— А в Париж не хочешь?— засмеялся Романцев.

— Нет,— серьезно и веско ответил Леня,— я сначала Москву посмотрю.





МАНУЭЛЬ КОРДОВА-РИОС,
БРЮС ЛАМБ

КОЛДУН С ВЕРХОВЬЕВ АМАЗОНКИ

Отрывок из книги

Предисловие переводчика

В этой книге, вышедшей в Нью-Йорке в 1971 году, рассказывается поразительная история, которая произошла с перуанским юношей по имени Мануэль Кордова-Риос. Его захватили в плен индейцы из племени хуни куи (что означает «избранный», или «истинный», народ) и привели в свою далекую деревню в верховьях реки Мадре-де-Дьос. Считалось, что хуни куи были каннибалами, однако Мануэля они не собирались приносить в жертву ритуальным обычаям. Когда этот юноша, выросший в Икитосе в городских условиях, стал постепенно привыкать к совершенно новой для него жизни в сельве и понимать язык индейцев, он с удивлением узнал, что их планы в отношении него совсем иные. Он должен был стать предводителем племени! Присмотревшись к Мануэлю и приняв его в члены племени, индейцы решили, что он может сменить в будущем их престарелого вождя. Чтобы подготовить юношу к этой сложной роли, они приступили к его систематической тренировке. Ему пришлось научиться бесшумно передвигаться по лесу и перекликаться с товарищами, подражая крикам птиц; охотиться с помощью лука и стрел и распознавать по едва заметным следам присутствие врагов. В эту подготовку входило и участие Мануэля в тщательно разработанном обряде, когда употребляли так называемый «напиток, вызывающий видения». Этот напиток представляет собой растительный отвар, под воздействием которого возникают галлюцинации. К счастью для юноши, его не заставляли систематически принимать это «зелье», вызывавшее у него кроме видений тяжелые мышечные спазмы. И таким образом его здоровье не было подорвано. Впрочем, цель, которую преследовали индейцы, устроители данного обряда, была сугубо практической — в ходе этих сеансов в состоянии обостренного восприятия свершалось приобщение испытуемых к сокровенным тайнам сельвы, происходило обучение навыкам, необходимым для существования в девственном лесу. За время своего пребывания в среде хуни куи Мануэль познакомился с секретами индейской медицины, основанной на глубоком знании жителями сельвы лечебных свойств различных растений.

Семь лет прожил Кордова-Риос с индейцами — с 1907 по 1914 год. Но это происшествие стало широко известно лишь спустя полвека, когда произошла встреча Кордовы-Риоса с Брюсом Ламбом, американским специалистом по

9 Заказ 1132

тропическому лесоводству, некоторое время работавшим в Перу. Мануэль Кордова был его проводником по сельве. Ламба поразили обширные знания Кордовы в области народной медицины и его умение разбираться в полезных свойствах тропических растений. Постепенно Мануэль рассказал ему свою необычную историю, а Ламб издал этот рассказ на английском языке.

Публикуемый здесь отрывок из книги «Колдун с верховьев Амазонки» начинается с того момента, когда индейцы хуни куи напали на лагерь каучерос — сборщиков каучука. В это время в лагере находился только пятнадцатилетний Мануэль, оставленный за повара, а четыре товарища работали далеко в сельве. Связав юноше руки, индейцы несколько дней вели его через заросли.

Пленение

Должно быть, теперь мы были уже недалеко от деревни. Что принесет мне конец этого пути? Почему, собственно, индейцы еще не убили меня? Я был совершенно уверен, что они прикончили если не всех, то по крайней мере одного из моих товарищей-каучерос.

Дорога пошла в гору. Внезапно раздались пронзительные крики попугаев, и почти тотчас мы остановились на поляне, где находилась деревня. Там было полно обнаженных индейцев — мужчин, женщин и детей. Они столпились вокруг нас, отталкивая друг друга, чтобы лучше меня рассмотреть. Поднялся невероятный гам, но тут же смолк, когда сквозь толпу спокойно прошествовал худой, древний старик с длинными волосами. Он подошел к тому месту, где я стоял — руки у меня все еще были связаны за спиной,— и задумчиво посмотрел на меня.

Я тоже осторожно взглянул на него. Это был очень старый человек с ярко выраженным монголоидным типом лица. Несколько длинных желтоватых волосков на верхней губе и подбородке усиливали впечатление дряхлости. Копну красно-коричневых волос, падавших до середины спины, удерживала украшенная перьями головная повязка. И хотя все индейцы вокруг были обнажены, на нем была белая одежда без рукавов из грубой хлопчатобумажной ткани; она доходила почти до его костлявых колен.

Я решил не опускать глаз и ничем не выдавать своего волнения или страха. Вскоре шум возобновился: дети визжали, мужчины и женщины строили друг другу гримасы и громко вскрикивали, снова послышались пронзительные вопли попугаев.

Вождь вплотную подошел ко мне, осторожно развязал мои руки и велел страже снять с меня лохмотья, в которые превратилась моя одежда. Толпа все прибывала, в ней было, наверное, уже больше ста человек. Несколько очень старых женщин захотели поближе взглянуть на меня. Они потрогали мое крепкое тело и захихикали. Но одна из них оказалась в ином настроении. Она подошла с тяжелой палкой в руке и, свирепо глядя на меня, начала сердито ворчать. Внезапно со зловещим воем она подняла свою дубинку и бешено двинулась на меня.

Стоявший рядом старый вождь что-то коротко сказал. Главный из моих стражей резким движением выхватил палку из рук старухи и, ловко взмахнув ею, одним ударом сшиб старую женщину на землю.

Еще одно распоряжение вождя, и стражи повели меня вслед за ним. Мы вошли в самую большую конусообразную хижину, из которых состояла деревня. Ее крыша и стены составляли единое целое. Внутри было темно и дымно.

Чужая деревня

Когда мои глаза привыкли к темноте, я увидел, что под кровом этого большого конусообразного жилища находится множество людей. Единственными источниками света были два или три очага и с одной стороны — узкий дверной проем, сквозь который мог протиснуться лишь один человек. Пространство наверху было отведено под кладовую; с шестов, образующих стропила, свешивалось много различных предметов, а между вертикальными шестами, которые поддерживали крышу, висело несколько небольших гамаков.

Мне снова связали руки, но на этот раз спереди и довольно свободно, так что я мог ими пользоваться. Вождь указал на один из гамаков, и я сел. Он отошел в сторонку вместе с моими стражами, и они начали что-то обсуждать. Совещание длилось несколько часов, и все это время приходили и уходили разные люди. Около моего гамака несли бдительную вахту две или три старухи, вооруженные палками из пальмового дерева. Я все время чувствовал непривычный мускусный запах, исходивший от этих людей.

Вскоре молодая девушка принесла миску из тыквы, наполненную густым тягучим напитком. Сделав глоток, я отказался от питья. Девушка поговорила с вождем и вернулась с другим напитком, пахнувшим бананом. Я выпил его с удовольствием и почувствовал, что подкрепился.

Мне мало что запомнилось из первых недель жизни в деревне. Это был кошмар: находясь в очень угнетенном состоянии и размышляя о событиях, связанных с моим пленением и переходом по сельве, я пришел к выводу, что все мои товарищи убиты. Если даже кто-то и остался в живых, он нипочем не найдет меня здесь. Я думал о них, вспоминал о своей семье и погружался в безысходное отчаяние. Но постепенно оно сменилось решимостью так или иначе выбраться из деревни.

Из повседневных деревенских дел стало ясно, что моей жизни не угрожает непосредственная опасность. Я не понимал ни единого слова из тех разговоров, которые постоянно велись вокруг меня. Казалось, в этом доме всегда царила суматоха, там жили человек двадцать мужчин, женщин и детей; постоянно пылали два или три очага, тут и там бродили прирученные лесные животные, любимцы хозяев. В этом жилище без окон день мало чем отличался от ночи. Меня раза два в день выводили на прогулку, но всегда под охраной.

Проходили дни: я уже ловил на себе меньше любопытных взглядов, да и ужимки, которыми сопровождались эти взгляды, стали реже. А когда я понял, что дети тайком выражают мне дружеское сочувствие, то воспрянул духом. Ведь если бы взрослые относились ко мне враждебно, дети последовали бы их примеру.

Все же некоторые происшествия этих первых недель остались в моей памяти. Вскоре после моего появления в деревне несколько

мужчин притащили женщину, руки и ноги которой были связаны лианами, а рот заткнут. Они пронесли ее в ту часть дома, где жил вождь и куда поместили меня. Когда изо рта пленницы вытащили кляп, она в неистовстве пронзительно закричала, корчась на полу и пытаясь растянуть путы. Мужчины оставили ее на земле и вышли, у пленницы по приказанию вождя осталась старуха.

В первые два дня пленница впадала в ярость, с пеной у рта издавала громкие крики всякий раз, когда кто-нибудь приближался к ней. Однако оставшись одна, быстро успокаивалась. Очевидно она теряла силы, так как ее не кормили.

На третий день к женщине подошла одна из старух племени и долго наблюдала, как пленница корчится на полу, стараясь развязать путы. В конце концов старуха покачала головой и что-то пробормотала. Она вышла, но тут же вернулась, держа в руках пучок разных трав и деревянную миску с водой. Она нарезала траву и принялась разминать ее в миске до тех пор, пока не получилась густая зеленая масса. Потом старуха подошла к связанной женщине, которая снова начала биться. Тут старуха зачерпнула своего месива и стала разбрасывать его по бьющемуся, напрягшемуся телу пленницы, так что оно вскоре покрылось зеленой пленкой. Постепенно конвульсии прекратились, старуха ушла, женщина успокоилась и, казалось, уснула.

На следующее утро старуха перерезала веревки. Пленница больше не билась и не проявляла вспышек гнева. Ее за руку вывели из дома, будто она была в забытьи, позже привели назад, вымыли и посадили в гамак. Назавтра она послушно отправилась вместе с другими женщинами на работу. Возможно, она была рабыня, с которой, впрочем, плохо не обращались.

Я и раньше кое-что слышал об индейской медицине, но тут я все наблюдал своими глазами. Неужели нечто подобное готовилось и для меня?

Через несколько дней, возможно недели через две после моего появления в деревне — я потерял представление о времени,— меня вывели из дома. Все племя было в сборе. Мои стражи подвели меня к вождю, который стоял впереди молчаливой толпы. Он опять был одет в свое белое платье. Мне показалось, что толпа настроена миролюбиво, тем не менее меня бил нервный озноб. Однако я твердо решил не подавать вида, что испугался.

Вождь начал медленно петь и взял у своего помощника несколько веток, листья которых испускали благоухание. Продолжая петь, он коснулся меня этими ветками. Затем принесли чашу, наполненную жидкостью с сильным запахом. Один из помощников осторожно обмыл меня этой жидкостью, в то время как вождь по-прежнему пел.

Через несколько минут процедура закончилась. Толпа спокойно разошлась, никак не выражая своих чувств, но, по-видимому, удовлетворенная.

Я был заинтригован и ждал, что же последует за этим обрядом. Однако ничего больше не произошло, и его смысл остался для меня тайной: ведь я все еще не понимал ни слова из языка индейцев...

Прошло еще несколько дней, и тут я понял, что меня хотят обучить языку. Показывая на разные предметы или протягивая их мне, вождь произносил одно-единственное слово и смотрел на меня,

ожидая, что я повторю его. Он проделывал это дважды, чтобы я мог запомнить слова. Это занятие оживило однообразне моего невеселого существования. Поэтому я охотно принял в нем участие.

Однажды ранним утром меня снова вывели нз дома. Я увидел, что возле вождя, одетого все в то же белое платье, собралась толпа. Теперь он пел, стоя перед женщиной, которая держала на руках новорожденного младенца. Звучали те же самые песни, что и в первый раз, да и церемония с ароматнымн ветками и омовением повторилась. Закончив процедуру с ребенком, индейцы занялись мной, опять проделав все то же самое. Больше всего это походило на обряд своеобразного крещения. Уж не посвящали ли меня в члены племени?

Постепенно я получал все большую свободу передвижения, но стерегли меня по-прежнему очень строго даже ночью, никогда не выпуская нз виду. В моем словаре прнбавлялись новые слова. Мало-помалу налаживалось взаимопониманне.

Шлн неделн, н вот племя снова собралось на торжественную церемонню, которая отличалась от двух предыдущих. Вождь запел песню, которую я раньше никогда не слышал, а остальные вторили н началн танцевать на месте. Это тянулось долго. В конце концов вождь взял ветку с крупными листьямн н осторожно осенил ею мое тело по четырем направленням — на восток, иа запад, на север н на юг.

Затем индейцы отвели меня к протекающей неподалеку речке, где я теперь мылся каждый день. Здесь в большом сосуде, поставленном на огонь, они прнготовили ванну из трав. Когда онн с церемониями окунули меня в эту ванну, вода показалась мне чуть теплой. После этого ннденйцы жестами велелн мне сесть иа землю, подтянув коленн к подбородку, и не двигаться. На меня набросили какое-то грубое покрывало нз вытканной вручную хлопчатобумажной тканн. Оно целиком накрыло меня, так что я едва не задохнулся. В последнее время я становился все менее боязливым, так как в деревне шла спокойная жизнь. Но теперь меня снова охватил страх, нспытанный во время пленения и перехода по лесу. А вдруг это обряд жертвопрнношения? Не лучше ли вскочнть, оказать сопротнвленне, по крайней мере умереть защнщаясь?

Я попытался найтн успокоенне в молитвах, но не смог прнпомнить ни одной. Ведь прошло уже так много временн с тех пор, как я получил в школе в Икитосе скудное релнгиозное воспитанне. Время тянулось медленно, мон нервы были напряжены до предела. Я задыхался под плотной тканью, от неудобной позы судороги сводилн мышцы.

Наконец одним махом с меня сняли накидку. Зрнтелн нздалн возглас, который показался мне радостным. Я впервые увндел нечто похожее на веселое выраженне на лнцах собравшихся. Мужчины столпились вокруг меня, улыбаясь н что-то быстро говоря. Я ннчего не понимал, но по нх жестам видел, что стал одним нз них. Но я не имел нн малейшего представления о том, для какого дела я смогу быть прнгоден в этом странном мире.

Вскоре после этой церемонии меня отвелн в группу молодых мужчин. Каждому из нас далн по кусочку зеленого стебля и велелн его жевать. Вкус был вяжущим, но не противным. Через несколько часов у нас почернелн зубы. Позднее я узнал, что эта жвачка

называется пака никспо, а стебель срезается с одного лесного куста. Эта мера предохраняет зубы от порчи. Спустя недели две зубы снова стали белыми.

Видения

Прошло примерно полгода с тех пор, как я попал в деревню индейцев хуни куи. Я привыкал обходиться без одежды, есть пищу, состоящую из несоленого мяса лесной дичи, немногочисленных плодов примитивного земледелия и даров леса. К тому же я понимал уже некоторые индейские слова.

Становилось очевидным, что индейцы к чему-то меня готовят, так как моя обычная пища была сильно изменена. За этим исправно следили опекавшие меня старухи. В течение нескольких дней мне давали только тщательно прожаренную грудку лесной куропатки, жареную юкку и кашеобразную похлебку из вареных и толченых бананов или бататов. Каждые два-три дня меня заставляли принимать какие-то настои из трав с резким, странным вкусом, вызывавшие неожиданные реакции. Старухи зорко следили, чтобы я пил эти настои, уверяя, что они мне не повредят. Но одно из снадобий вызвало страшную рвоту, второе подействовало как слабительное, после третьего началось усиленное сердцебиение, лихорадка и обильный пот. Мне устраивали ванны и делали массажи, после которых я приходил в веселое настроение.

Все это продолжалось дней десять. Индейцы, включая вождя, который лично наблюдал за процедурами, выражали озабоченность по поводу моего здоровья и надежду на благополучный исход. В один прекрасный день все это завершилось постом и церемонией раскрашивания. На лица десяти мужчин красной краской были нанесены сложные узоры. За час до захода солнца в доме вождя собрались несколько человек, в которых теперь я признавал людей, занимающих в племени важное положение. После краткого совещания — в нем я, разумеется, не принимал участия — все построились гуськом и под мелодичное ритмичное пение медленно удалились в сторону сельвы. Вся деревня молча смотрела на нас.

Описание дальнейших событий в значительной степени основано на их позднейших повторениях. Тогда я уже начал достаточно хорошо понимать язык племени и смог определить с помощью своих товарищей, что мною было действительно увидено и услышано, а что возникло в каких-то уголках сознания.

Едва заметная тропинка вела вниз по отлогому склону покрытого лесом холма, мимо громадных деревьев. Через полчаса мы вышли на небольшую поляну, этакую прогалину в сельве, через которую бежал неширокий ручей.

Здесь огромные, тянущиеся вверх стволы деревьев казались еще более величавыми. Подлесок был вырублен, и поляна производила поэтому впечатление большого сводчатого храма. Пробивающиеся кое-где сквозь чащу солнечные лучи образовывали на земле яркие пятна. На закате птицы в сельве очень быстро повторяют трели, которые можно услышать на рассвете. Вот неподалеку раздался жалобный, похожий на звук флейты крик тинаму — лесной куропатки, издали ему ответил другой. Далекий хриплый вскрик лесного

сокола эхом отозвался вдали. Где-то иаверху, в кроие гигантского дерева, слышался гомои обезьян-ревуиов, стаей устраивавшихся иа ночлег.

На иашей уедииеииой лесной поляие разливалось спокойствие, обычио сопровождающее закат солнца. Один из индейцев принялся подражать крикам разиых птиц, и из глубины леса ему ответили сразу с иескольких сторон. Это озиачало, что иас надежио охраняют и мы можем ие опасаться иеожиданиой помехи. Старый вождь ие скрывал своего удовлетвореиия.

Все в нашей группе, кроме меия, знали, что должио было произойти. Они спокойно взялись за какие-то приготовления. Четверо индейцев потихоньку отошли и заняли сторожевые позиции с четырех сторои поляны. В цеитре развели иебольшой огонь, воспользовавшись для этого тлеющими углями, принесеииыми из деревни в глииявом горшочке. На иекотором отдалении от костра, по кругу, были расставлеиы иизкие деревянные скамеечки.

Один из охранявших иас индейцев прииес большую охапку сухих листьев и, положив ее рядом с костром, сиова удалился. Вождь запел, ему мелодичио вторили остальные. Из охапки листьев он взял несколько малеиьких пучков. Темп пеиия ускорился. В костер положили ветку, и оттуда медлеиио подиялось густое облако едкого белого дыма. Никакого движеиия воздуха ие чувствовалось в иапряжеииой тишине сельвы. Вооружившись широким веером из блестящих птичьих перьев, вождь иаправлял большие клубы этого благовоииого дыма на каждого, ие обходя при этом своим вниманием и меня. Тут затянули другую песню, зиачеиие которой я узиал поздиее. Казалось, обостреииость ощущений, пение и благовонный дым создали в иашей группе атмосферу, подобную трансу. Все движеиия и действия производились с величайшим спокойствием.

Резкая смеиа настроеиия произошла в тот момент, когда рядом с костром поставили средних размеров глиняный сосуд, богато украшеиный узорами. В сосуд опустили иебольшой черпак и наполиили темио-зеленой жидкостью чашечки, сделаиные из скорлупы пальмовых орехов. Вождь подиес их всем, в последиюю очередь мие. Затем он поднял свою чашку, дав этим понять, чтобы мы пили.

На какое-то мгиовение я заколебался и хотел было отказаться, но уже наполовину погрузился в транс. Одним глотком, как это сделали все остальные, я выпил зелеиую жидкость. Оиа оказалась нежным по вкусу иапитком, похожим иа отвар зеленой кукурузы. Выпив это зелье, все спокойио уселись иа скамейки рядом с костром. Пение продолжалось и стало более оживлениым, выразительиым и трепетиым. Каждый участник вплетал в иего свою собственную гармоиичную партию, а затем опять пели все вместе.

В моих ушах сначала слабо, затем все усиливаясь, возник высокий воющий звук. Ои продолжался, пока всю мою нервную систему не потряс яростный удар. У меия возиикло ощущение сильиой тошноты, а потом в моих чувствах наступила полная неразбериха. Зрительио воспринимал я беспорядочные чередования всевозможных цветов и очертаний. Преобладали синие и зеленые оттеики, их разиообразили яркие пятна другого цвета. Ощущеиие блажеиства сопровождало эти цветовые видения. Миожество неясиых предметов появилось перед глазами. Это были животиые и растения сельвы.

В конце концов, потеряв всякое представление о времеин, я впал в полнейшую апатию, которая перешла в глубокий, хотя и неспокойный сон.

Я проснулся, когда прорвавшийся сквозь лесную завесу луч солнца ударил мне в лицо. Я чувствовал себя опустошенным, совершенно оторванным от реальности, иеспособным различать очертания окружавших меня предметов; лишь хор миожества лесных птиц стал возвращать меня к действительности. Увидев, что я прихожу в себя, мон товарищи словами н жестами стали поощрять меня вернуться в реальный мир.

Мужчины сидели рядом и, по-видимому, обменивались впечатлениями прошедшей ночи. В полдень мы вернулись в деревню, но я уже был далеко не тем человеком, который покинул ее накануне. Какое-то время, особенио по ночам, ко мне долго еще возвращались обрывки видений.

С тех пор я стал значительно быстрее воспрнннмать зиачение ндейских слов. Но понадобилось еще иесколько месяцев, прежде чем я иаучился говорить достаточно бегло.

Вскоре я попал в лесной лагерь, где мне предстояло обучиться прнготовлению напитков, которые вызывают видения. Как-то ранним утром мне велели выйти из деревни вместе со стариком, которого они иазывали Никсн Ксума Ваки, то есть человеком, приготовляющим напитки. Сначала нас сопровождала небольшая группа хорошо вооруженных юношей, но онн вскоре исчезли в лесу.

Мы неторопливо, меняя направленне, двигались по лесу н к вечеру вышли на поляику у небольшого ручья. Здесь вокруг очага лежало несколько больших камней и было устроено маленькое укрытие — жерди, покрытые пальмовыми ветками. Тут же мы нашли целый набор глиняных горшков, черпаков и кучу дров.

Устраиваясь на ночь, мы разожгли костер, повесили под навесом небольшие гамаки, съели по кусочку копченого мяса и запили его фруктовым соком из одного горшка. Никсн перекликался по-птичьн с какими-то невидимыми стражами в лесу. Время от времени ои повторял эту перекличку и ночью. Было очевидно, что нас хорошо охраняют, чтобы нам иикто не смог помешать и чтобы я ие пытался убежать. В течение ночи Никси Ксума, подбрасывая дрова в огонь, тихоиько иапевал какую-то песию, слова которой я ие мог разобрать.

На рассвете меия разбудил повторнвшнйся иесколько раз крнк лесиого голубя н быстрый, дробиый стук дятла на дуплистом дереве. Холодок н сырость ночного воздуха еще внсели над лагерем. Когда же сюда, сквозь чащу деревьев, проникли солнечные лучи, кверху начал подииматься светлый туман. Туканы затеяли свой хриплый перезвон, и вскоре лес наполнился дневнымн звукамн, совсем не похожими иа иочные.

Когда я оторвал голову от гамака, то увидел, что старый Ннксн снднт у костра н прнсматрнвает за огнем. Он кнвком прнветствовал меня н еще раз обменялся птичьими крнкамн с нашнмн невиднмымн стражамн. Мы поелн н сталн расставлять вокруг очага большие и маленькие глиняные горшки. Затем Никси знаком дал мне понять, чтобы я пошел вслед за ним в лес. Он захватил каменный топор и нож нз бамбука.



Впервые после пленения я оказался более или менее свободным в этих джунглях, но я знал, что мы здесь не одиноки. У меня промелькнула было мысль о побеге, но я сразу же отогнал ее.

Мой спутник двигался в переплетенном лианами подлеске легко и бесшумно, едва задевая за листок или ветку. Я с трудом поспевал за ним. Мне казалось, что все колючие и вьющиеся растения нарочно цепляются за меня. В одном месте я задел за куст, мимо которого только что прошел Никси. Из небольшого, похожего на бумажное гнезда, висевшего под широким листом, на меня обрушился рой жалящих ос. Мое голое тело горело от укусов, и я опрометью бросился прочь. Через несколько минут я получил от Никси противоядие, какие-то листья. Боль прошла сразу же, как только я разжевал и положил их на укушенные места.

Теперь мы пошли неторопливым шагом, и я смог понаблюдать, как это Никси так ловко пробирается через кустарник. Гораздо позднее, когда все мои органы чувств приспособились к жизни в новых условиях, я научился в любых обстоятельствах передвигаться по сельве ничуть не хуже других членов племени.

Через час мы пришли к громадному дереву. С его верхних веток свисали бесчисленные пряди какого-то вьющегося растения толщиной с мое запястье. Никси внимательно, со всех сторон осмотрел это растение: его кору, корни, поинтересовался толщиной его ветвей и даже почвой под ним. Все это сопровождалось пением. Наконец старый Никси всей своей тяжестью налег на одну ветку и дернул ее вниз. Та не поддалась. Тогда Никси, перебирая по этой ветке

руками, легко и быстро начал влезать на вершину дерева. Здесь он перерезал одну из ветвей, и она с треском упала вниз. Спустившись на землю, Никси с моей помощью принялся рубить эту лозу на куски длиной в три фута. Мы набрали их полные охапки и принесли в лагерь.

Потом снова отправились в лес, но уже в другую сторону. Там внимание моего спутника привлек небольшой куст с крупными листьями. Он научил меня отличать его по необычной окраске коры и форме листьев. На коре были разноцветные причудливые отметины, как пятна на коже удава. Листья имели копьевидную форму, которую еще больше подчеркивали необычные прожилки. Никси заботливо отобрал несколько дюжин листьев, мы их сорвали и вернулись в лагерь.

Теперь начались серьезные приготовления, которые проходили почти под непрерывное пение. Прежде всего мы разрубили лозу на куски длиною в один фут и хорошенько растолкли их на плоском камне большим деревянным молотком. Старик пел:

Никси хони, лоза, вызывающая видения,
Пророческий лесной дух,
Источник нашего разумения,
придай свою волшебную силу нашему напитку,
просвети наш разум, награди нас предвидением,
открой нам дурные замыслы наших врагов,
умножь наши знания,
расширь понимание нашего леса.

После этого Никси осторожно уложил на дно большого глиняного горшка слой растолченной лозы, а поверх веером принесенные нами листья. Проделывая все это, Никси снова запел:

Куст с отметиной змеи,
дай нам свои листья для нашего напитка,
принеси нам благосклонность удава —
источник удачи.

Так, чередуя слой толченого растения и слой листьев, мы наполнили горшок больше чем наполовину и прозрачной водой из ручья залили листья. Под горшком развели небольшой огонь и варили эту смесь несколько часов. Она потихоньку кипела, пока в горшке не осталось меньше половины жидкости. Тогда мы сняли горшок с огня и, немного остудив, выбросили из него остатки растений. Потом все это варево несколько часов остывало и оседало, и только после этого мы осторожно разлили прозрачную зеленую жидкость по горшочкам, плотно закрыв их крышками.

Мы были заняты всем этим в общей сложности три дня, делая все спокойно и осмотрительно. Нескончаемые песни, обращения к духам лиан и к другим лесным духам сопровождали каждый наш шаг.

Этого сока, приготовленного так тщательно и благоговейно, хватило не на один сеанс фантастических видений на уединенной лесной поляне.

Несколько дней спустя после того, как мы с Никси вернулись из

леса, принеся горшочки с сильно действующей зеленой жидкостью, к вождю пришел один из охотников. Вечер еще только начинался, когда мы уселись вокруг небольшого очага, горевшего в центре жилища вождя. Охотник Ксурикайя — Цветная Птица — спокойно вошел и занял свое место. Казалось, все только и ждали его прихода. Разговор перешел на охотничьи темы, и вот уже Ксурикайя рассказывает длинную, невеселую историю своей неудачной охоты: «Недавно я наткнулся на большое стадо диких свиней, которые обычно бродят по отведенной мне для охоты территории. Я ошибся и подошел слишком близко к стаду. Старый вожак увидел меня и своим хрюканьем поднял тревогу раньше, чем я успел выпустить стрелу. В мгновение ока все стадо сразу же пропало. Похоже, что свиньи ушли с моей территории. По крайней мере они уже не ходят там, где обычно кормились. Они исчезли без следа.

В другой раз я подманивал тинаму. Я что-то уж очень долго подзывал его криком, наконец он появился. Я убил его, но он оказался весь в червях от прежней раны.

Стая обезьян-ревунов ухитряется с верхушки дерева справлять на меня свои надобности — и это на моей территории! В это самое время куда-то запропастились мои стрелы. Лесные олени издалека чуют мое приближение и уходят, запутывая следы. На фруктовых деревьях, плоды которых лакомы для лесных животных, в этом году не выросло ничего, кроме листьев.

Мою семью кормят другие охотники, так что мне становится очень стыдно. Я не сумею расплатиться с ними, пока не переменится мое счастье».

В конце концов вождь Ксуму сказал: «Приходи завтра вечером, и мы еще раз осмотрим твое охотничье снаряжение».

Ксуму оповестил об этом через старух нескольких лучших охотников племени. На следующий вечер они уселись вокруг его очага, и разговоры затянулись до полуночи.

Ксурикайя принес свое охотничье снаряжение. Оно состояло из ловушек, сделанных из крепких бечевок разной толщины и смазанных воском, а также из большой открытой корзины, сплетенной из пальмовых листьев. Она была того типа, каким пользуются для ловли мелких лесных куропаток, которые устраиваются спать стайкой на земле. Сюда же входили различные копья для ночной охоты, большой лук с дюжиной разных стрел и, наконец, бамбуковый нож, который носят на бечевке, обмотанной вокруг шеи.

Все эти предметы были пущены по кругу. Их осматривали и отмечали все изъяны. Так, Ксурикайя не обработал тщательно ловушки травами, чтобы устранить запах человека. Корзина для куропаток была великовата, и это мешало управляться с нею в густом подлеске и ловить птиц. А копья, безусловно, были испорчены злыми духами. Чтобы привлечь благосклонность лесных духов, надо было подправить в некоторых местах рисунки на луках и стрелах.

Осмотрев снаряжение Ксурикайи, охотники начали задавать ему вопросы о том, как он готовится к охоте: не забывает ли о настоянных на травах омовениях, которые приносят удачу и уничтожают запах человека; что ест, отправляясь охотиться на тех или иных животных; какими пользуется амулетами, чтобы обнаружить дичь.

Затем все перешли к обсуждению недавних событий и неудач, преследовавших Ксурикайю на охоте. Наконец, сидевшие вокруг очага охотники пришли к выводу, что необходимо провести в лесном святилище обряд видений.

На следующий день вождь собрал тех же самых людей и подробнейшим образом объяснил, какую пищу и слабительные средства нужно употребить при подготовке к предстоящему обряду.

Прошло несколько дней, в течение которых выполнялись эти предписания, и вот наступил черед церемонии раскрашивания лица. К вечеру наша группа, не торопясь, отправилась к затерянной в лесу поляне, совсем как в предыдущий раз. Процессию возглавлял вождь Ксуму, за ним шли Ксурикайя и я, следом — знатоки-охотники.

На этот раз я уже гораздо больше понимал, о чем идет речь, и яснее представлял, что происходит. К тому же мне теперь было кое-что известно о предстоящем событии. Мы двигались через лес той же самой дорогой среди гигантских деревьев и вышли на поляну. Солнце клонилось к закату, и на кронах деревьев играли сверкающие блики, но мрак лесной чащи лишь иногда прорезал какой-нибудь случайный луч.

Стражи заняли свои места с четырех сторон поляны. Разожгли небольшой костер, и престарелый вождь, вызывая пением лесных духов, положил на огонь сухие листья. К небу с треском поднялось облако благовонного дыма, которым вождь окурил всех нас.

В этот раз в чашечках из скорлупы пальмовых орехов пустили по кругу зелье, которое я помогал приготовлять. Я решил не терять над собой контроля и принять более полное участие в предстоящем обряде.

Мы выпили свою порцию хони ксума, зелья, вызывающего видения. Пение постепенно поднималось до самых высоких нот, причем каждый добавлял свою партию к пению вождя. Отдельные голоса соединялись вместе на ключевых словах, и это придавало потоку звуков особую выразительность. Но вот через несколько минут пронзительный звук снова зазвучал в моих ушах, и, как только его биение слилось в один непрерывный гул, последовал жестокий мышечный спазм. На этот раз тошноты не было, но меня заполнили ощущения, которые невозможно выразить словами.

Я полностью потерял представление о времени, и вполне возможно, что пережитые мною впечатления были мимолетными. Начали преобладать цветные видения, а пение, казалось, вторгалось в сознание и вело за собой эти видения. Сначала они были беспорядочными, бесформенными, окрашенными в цвета, среди которых преобладали ярко-синие тона. Затем стали появляться и реальные существа окружающего леса, вначале смутно, с расплывчатыми очертаниями, но вслед за этим все четче.

Зазвучала песня удава, и по лесу медленно заскользил гигантский боа-констриктор. Синие пятна подчеркивали запутанный рисунок из переплетенных узоров, которые, казалось, плыли над спиной удава. В его глазах и на языке пылал огонь. Четкие узоры на змеиной коже пламенели яркими и разнообразными красками.

Позднее мне довелось узнать, что индейцы восхищаются способностью удава бесшумно двигаться по лесу и настигать других животных. Если потрогать удава руками и прикоснуться пальцем к узорам на его коже, это принесет удачу на охоте... Поэтому-то

видения с участием удава, сопровождаемые особым песнопением, начинают все обряды, благоприятствующие охоте. За удавом последовало еще множество других змей.

Затем появились птицы, главным образом из семейства ястребов, в которых, как считают, заключен источник знания о лесе. В сопровождении особой ястребиной песни в видениях сначала возник громадный хищный орел, который летел сквозь чащу, совершая молниеносные повороты. Наконец он сел, сложил огромные крылья, показав мощную белую грудь, а затем и черную как смоль спину. Повернув голову и собрав на ней перья в великолепный хохолок, орел сверкнул в нашу сторону мрачными желтыми глазищами и щелкнул крючковатым клювом.

Орла сменил коршун, который поедает змей, этот лесной часовой, подающий сигнал тревоги пронзительным, далеко разносящимся криком. Он опустился на землю и запрыгал с опущенными книзу крыльями, как если бы нападал на змею. За ним последовала вереница птиц, которые идут в пищу. Каждая из них воспроизводила крики, которые она издает по различным поводам, и показывала свои характерные привычки, что должно было помочь в охоте на этих пернатых.

Наконец, проследовали четвероногие животные, крупные и мелкие, каждого сопровождала особая песня. Это шествие длилось всю ночь, так что я просто не в состоянии всего описать. Теперь я уже не могу точно сказать, что из всего этого родилось в моем воображении, а что пришло с последующим опытом.

Утром звуки леса и редкие солнечные лучи пробудили всех нас от неспокойных снов. По кругу пустили обычную, незабродившую фруктовую кашицу. Обменявшись с остальными охотниками впечатлениями о прошедшей ночи, вождь принялся расспрашивать Ксурикайю: «Ты видел действо, слышал крики, разговаривал с духами. Теперь-то ты сумеешь с ними справиться?» «Великий вождь Ксуму Нава, Повелитель всех духов, предводитель ксуни куи, мое знание восстановилось, возросло. Теперь лес даст мне все необходимое»,— ответил тот.

Вождь повернулся ко мне: «Сегодня хони ксума проникла глубже. А скоро мы попробуем еще раз».

Я только и смог, что кивнуть в ответ.

Вскоре мы вернулись в деревню, где нашего прихода уже ожидала толпа любопытных. Из отдельных замечаний и быстрых взглядов, брошенных в мою сторону, я понял, что все с удовлетворением следили за моими успехами.

И снова я стал гораздо лучше понимать язык индейцев и разбираться в том, что происходит в деревне. После этого второго обряда с видениями та роль, которая предназначалась для меня в этом странном мире, начала проясняться из событий повседневной жизни селения.

Вождь или пленник?

Вместо послесловия

Что же дальше произошло с Мануэлем Кордовой? Вот краткое изложение последующих событий.

Люди племени хуни куи были настоящими лесными жителями. Их деревни располагались на полянах, окруженных стеной девственного леса. Через два-три года, когда почва на небольших полях и огородах истощалась, они снимались с места и переносили деревню на новую поляну. Охотясь или собирая в лесу плоды, они по нескольку дней не возвращались в деревню. Индейцы чувствовали себя в сельве как дома и повсюду умели отыскать пищу. Посылая стрелу из лука, они убивали животных, ловили птиц и пресмыкающихся, находили мед, собирали съедобные цветы, листья, плоды, коренья и клубни.

Как-то вождь рассказал Мануэлю, что хуни куи не всегда жили в таком глухом лесу. Они покинули родину своих предков после бесчисленных набегов белых пришельцев, которые появились в сельве в надежде разбогатеть на добыче каучука. Чтобы прогнать индейцев, они убивали мужчин, насиловали женщин, уводили с собой детей. Тогда еще совсем молодой Ксуму привел свой народ, спасая его от гибели, через заросли девственного леса в эти места, куда еще не добрались каучерос...

Старый вождь Ксуму объединял все племя. Он распределял охотничьи территории и участки под посевы. Он прекрасно знал лес на несколько дней пути во всех направлениях. Ксуму обучал Мануэля всему, что могло пригодиться ему в его новой жизни. Он брал с собой юношу на прогулки в лес и показывал полезные растения, употребляемые в пищу или в качестве лекарства. Мануэль и раньше слышал о необыкновенном искусстве индейцев в лечении болезней и теперь с увлечением перенимал этот опыт. Старый Ксуму терпеливо объяснял назначение различных растений, открывая секрет приготовления из них лечебных настоев и отваров.

Пришел день, когда вождь выразил Мануэлю полное доверие. В то утро юноши тренировались на поляне в стрельбе из лука по мишени. Ксуму вышел из своего дома, неся ружье, захваченное когда-то у каучерос. Протянув его Мануэлю, он предложил ему выстрелить по мишени. Громкий звук выстрела и меткость стрелка поразили индейцев. Отныне Мануэль получил право охотиться с ружьем. Ему дали понять, что теперь его безоговорочно считают членом племени.

Так протекала жизнь Мануэля, пока однажды вождь не попросил его обучить хуни куи добывать каучук. Он объяснил, что собирается обменять его на ружья, чтобы обороняться от угрожавших племени врагов. Мануэль охотно согласился, увидев в этом хоть какую-то возможность повлиять на ход событий. Он вспомнил то, чему научился за недолгое время работы с каучерос, и с помощью каменных топоров и примитивных мачете, которыми располагали индейцы, наладил добычу каучука. Индейцам нелегко было привыкать к такому изнурительному труду. Но это были сильные и ловкие люди, они быстро научились валить деревья, делать надрезы в коре, откуда сок вытекал в вырытые в земле и устланные листьями углубления. Затвердевшие куски клали под пресс, устроенный из стволов больших деревьев, и получали компактные блоки, которые было удобно переносить на спине.

Из отрывочных разговоров индейцев Мануэлю не удалось понять, где находится фактория, куда предстояло отнести первые двадцать блоков. Он вместе с индейцами несколько дней шел по лесу. Когда наконец они вышли к реке, у него невольно возникла мысль о побеге. Но он тут же отказался от нее, решив, что вряд ли индейцы приведут его на большую факторию, где он сможет ускользнуть от них. И действительно, они выбрали крохотную бразильскую факторию из двух-трех домиков, одиноко стоявших на берегу реки.

Для торговых переговоров хуни куи снарядили Мануэля, отправив его по реке на иебольшом плоту и наказав купить на вырученные деиьги ружья. Если же ему будет грозить опасность, сказали они, он должен подать сигиал криком орла.

Странное впечатление осталось у Мануэля от посещения фактории. Ои отвык иосить одежду, штаны н рубаха показались ему тесными и неудобными, а звуки родного испанского языка — непривычными. Но в общем все прошло вполие удачно, ие вызвав у хозяина фактории никаких подозрений. На вырученные деньги Мануэль прнобрел шесть ружей и прнпасы к ним, топоры, мачете, рыболовные крючки, ножи, зеркала, а заодно штаны и рубаху. Увндев на календаре дату 15 июня 1910 года, он подсчитал, что провел в лесу более двух с половиной лет. Ему хотелось задать тысячу вопросов владельцу фактории, но он боялся вызвать ненужные осложнения — ведь если нстина приоткроется, еще неизвестно, как поведет себя хозяин и индейцы, следившне за каждым шагом Мануэля. Но все же он согласился иа предложение хозяина открыть счет в банке н положить на иего оставшнеся после покупки всех товаров деньги. Из разговора с хозяином ему стало ясио, что фактория иаходнтся недалеко от границы между Перу и Бразилией иа реке Пурус.

Деревня встретила вернувшихся мужчин радостными возгласами. Все с любопытством рассматривали прииесенные вещи, вертели зеркала, с удивлением рассматривая свон лица. Лишь через несколько дней жизнь вошла в привычную колею.

После посещеиия фактории у индейцев нсчезли последиие подозрения в отношеиии Мануэля. Ои уходил теперь с небольшой группой иа охоту н проводил в сельве по многу дней, без труда находя обратную дорогу. Старый вождь был очень доволен и, наблюдая за Мануэлем, говорил: «Теперь ои навсегда останется с нами и будет хорошим вождем для моего иарода».

Но и враги хуни куи тоже поняли намерение старого Ксуму. Однажды, когда Мануэль был в лесу и собирал плоды на дереве, рядом с его плечом в ствол воизилась стрела. Соскользнув на землю, он схватил ружье н выстрелил в том иаправлении, откуда прилетела стрела. На выстрел прибежали его товарищи, добывавшие иеподалеку каучук, но нх понски не дали никаких результатов.

Этот случай дал возможиость Мануэлю наконец узиать, почему имеино его хуии куи предиазначали на роль вождя. Когда вечером старый вождь Ксуму собрал мужчин, чтобы обсудить дневное пронсшествие, ои напомиил им, что Мануэль был ие первым юношей, которого готовили к этой роли. Оказалось, что жертвой врагов недавио пал собствениый сын Ксуму. Тогда-то хуии куи решили захватить юиошу-чужеземца, который, став нх вождем, сумеет добыть огиестрельиое оружие н научит индейцев обращаться с иим. И вот когда этот план так успешно удался, врагн снова задумали его сорвать. «Если хуни куи,— сказал старый вождь,— не сумеют уберечь Мануэля, оии останутся без вождя, ведь мне теперь иедолго жить».

Ксуму был действительио очень стар. Все члены племенн относились к нему с глубокнм уваженнем, смешанным с чувством поклоиеиия. Оии поимални, что вождь хранит в себе всю иакопленную за долгую жизнь мудрость н нспользует ее на благо своего народа. Но вот однажды после полудня, как это бывало ие раз, Мануэль сопровождал Ксуму во время прогулки по лесу. Внезапио у старнка подвернулась нога, н ои рухнул иа землю. Подбежавшие индейцы осторожио подняли его, отнесли в деревию и положили в гамак. Дни старого вождя были сочтены, ои приготовился к смерти, ибо, как сказал он сам, ие способен сменить свою кожу иа иовую, потому что согрешившне предкн утратили этот секрет. Он тихо угас, заснул. Старые жеищины обериули его тело в узкие полоскн высушеииого луба. После этого тело поднялн наверх н подвесили иа стропилах дома, где всегда было дымно. Там оио провисело несколько месяцев, а когда его спустили вниз, оно уже превратилось в мумию и стало похоже иа высушеииый ствол

дерева. Старухи принялись растирать суставы особым составом, пока им не удалось подтянуть колени к подбородку, придав телу сидячее положеине. Затем его поместили в большую, специально изготовленную для этого случая глиняную урну, туда же положили еду и все то, что принадлежало Ксуму при жизни: церемониальные лук и стрелу, жезл для танцев, украшенную перьями рубашку и многое другое. Сверху урну прикрыли другой и замазали место соединения смолой. Под траурное пение погребальную урну поставили в глубокую яму, вырытую на краю поляны. Засыпав могилу землей, индейцы посадили вокруг нее съедобные растения, чтобы дух старого вождя никогда не испытывал недостатка в пище.

Пока тело вождя не было предано земле, жизнь в деревне замерла. Мужчины почти не охотились, женщины забросили свои поля. Но вскоре после похорон мужчины пришли к Мануэлю н сказали, что утратили свои охотничьи навыки н им необходимо восстановить их. Поэтому Мануэль должен провести в лесу обряд видений, сделать то, чему иаучил его старый Ксуму. Это озиачало, что хуни куи признали его своим вождем.

Однако сам Мануэль чувствовал, что ему не хватает глубокого понимания сущности человеческих отиошеиий. Ему не всегда удавалось контролировать поведение односельчан, что так естествеино и просто осуществлял Ксуму. Мануэлю было нелегко направлять события в нужную сторону. А в деревне порою возникали серьезные осложиения, потому что некоторые мужчины стали проявлять буйный нрав, склоииость к ссорам н вовсе ие желали отдавать отчет в своих действиях.

Мануэль испытывает большое иервиое иапряжеиие, тревожное чувство нарастает. Он старается как можно больше времени проводить в лесу — иа охоте или добывая каучук. Но после того как на иего было совершено новое покушенне, старики потребовали, чтобы он ие выходил из деревни. Это вынужденное безделье приводило Мануэля в отчаяние. Ведь то, что было хорошо для старого вождя, казалось невыносимым для молодого. Он воспользовался просьбой индейцев достать для них стальные топоры и мачете н решил возобновить добычу каучука.

Уже дважды после смерти Ксуму Мануэль водил индейцев иа факторию н вот сейчас собирался туда в третий раз. Путь к реке едва не закончился трагически. Ночью разразилась страшная буря с грозой н тропическим ливнем. Люди в страхе жались друг к другу, ошеломленные ураганным ветром, громом и молниями. Вокруг с треском падали огромные деревья. Наутро непогода утихла, но почва превратилась в жидкое месиво. Средн хаоса поваленных деревьев нелегко было передвнгаться с тяжелым грузом на спине.

Как и раньше, Мануэль один отправился на факторию. У маленькой прнстани он увидел разгружающееся небольшое судио, н в голове Мануэля тотчас родился план побега. Он обменял каучук на инструменты н другие нужные индейцам вещи, попросив у хозяина лодку, чтобы отвезти товары. Индейцев он сумел убедить, что ему необходимо вериуться за ружьями, которые якобы должны выгрузить с судна утром. Хозяину же факторнн Мануэль сообщил, что решил оставить тяжелое занятие каучеро, которое становится все менее доходиым, н вериуться домой в Перу. Ои попросил его подготовнть счет для оплаты в банке, купил гамак н сел иа судио. Мануэль вздохнул с облегченнем только тогда, когда, выпуская из трубы снопы искр, пронзительно свнстя в облаках пара и шумно работая машинамн, оно двинулось вниз по реке. Но долго еще в голове у него проиосилнсь яркие картины последннх лет его жизни, он беспокойно ворочался в гамаке н заснул лишь под утро.

«Цивилизованная» жизнь вначале показалась Мануэлю невыносимой. Одежда стесняла двнжения, пища, соленая н прнправленная специями, вызывала непрнятные ощущения, а привычка говорить на испаиском языке возвращалась очень медленно. Пассажиры, заметив не совсем обычное поведение молодого человека, задавали ему множество вопросов. Мануэлю с трудом удавалось отделаться от ннх ничего не значащими ответамн. Ему

представлялось, что события прошедших семи лет покажутся этим людям, не знакомым с жизнью в тропическом лесу, просто досужим вымыслом. Но он радовался тому, что сохранил до конца самообладание и воспользовался первой же возможностью возвратиться домой. Подсознательно он никогда не отказывался от этой мысли. Но он не мог не беспокоиться и о том, как он сумеет войти в эту прежнюю жизнь, ведь близкие наверняка считали его погибшим.

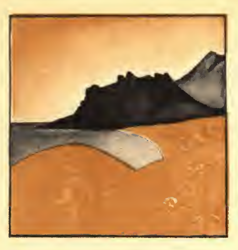
Наконец пароход пришел в Манаус — большой оживленный порт на Амазонке. Первая прогулка по городу потрясла Мануэля — настолько отвык он от городской суеты. Через два дня, получив деньги в банке,— при этом ему пришлось привести правдоподобное объяснение, почему он возвращается без своих товарищей,— Мануэль поднялся на борт большого парохода, который и доставил его по Амазонке в родной Икитос.

Вернувшись к прежней жизни, Мануэль Кордова-Риос не раз задавался вопросом, как идут дела у его хуни куи. Он собрал сведения о местах, где они жили, и узнал, что там в лесу все еще стоит изолированная от внешнего мира деревня индейцев. Сам же он стал успешно применять приобретенные сведения о лечебных свойствах растений для исцеления болезней и получил в Перу известность умелого лекаря.

Перевод с английского *Галины Матвеевой*







ВЛАДИМИР ТЕРЕХОВ

ЗДРАВСТВУЙ, КАРАДАГ!

Очерк

Он виден издалека. Но неопытному глазу трудно узнать его среди соплеменных гор. Если едете в Феодосию из Старого Крыма, не пропустите, когда справа на самом горизонте обозначатся темно-синие иззубренные вершины и почти черный купол меж ними. Это и есть Карадаг.

Раз или два показавшись над плоской спиной протяженного плато, он скрывается из глаз. Но его облик столь необычен, что невольно ищешь вершину взглядом там, где она вот сейчас скрылась, желая увидеть снова, боясь пропустить момент, когда она вновь возникнет, венчая собой Коктебельскую долину.

Со стороны Судака рассмотреть Карадаг издалека не удается — остроконечные белые вершины кружатся хороводом, толпятся, будто стараются заслонить его, скрыть от чужих глаз. И только изрядно попетляв среди гор, поднявшись на возвышенность за поселком Курортное, увидишь его купол и зубцы, вознесенные над морем. Картина не менее впечатляющая, чем со стороны Планерского.

Но лицом своим Карадаг обращен к морю. По мере приближения к нему его синяя громада темнеет, приобретает массивность, и начинаешь различать детали. Башни, стены, храмы, «мегалитические скульптуры» высечены на колоссальной высоте приморского обрыва. Величествен этот «город» — почти на шесть километров тянется отвесная горная круча вдоль пучины вод. Эти впечатляющие руины созданы самой природой.

Это руины вулкана.

Гроза земных городов — вулканы тоже проходят свой круг: рождаются, живут, умирают.

Гора лишена нарядности и южного блеска, присущего остальным вершинам полуденной Таврии. У нее нет льняной белизны известняков. Она встает сурово и загадочно, словно явление совершенно иного мира. Скалы, пропасти ее темны и жутки. Они гипнотизируют, пугают и неодолимо влекут к себе. Как магнит.

Не отсюда ли и название? Карадаг на любом из тюркских языков означает «черная гора». Но, как это часто бывает, дословный перевод вряд ли отражает всю суть. Черными обычно называют

горы, покрытые лесом. Карадагом изначально называлась лишь вершина массива — куполовидная гора, та самая, что теперь именуют Святой. На ней и по сей день стоят леса, правда изрядно поредевшие и измельчавшие. Наверняка название Карадаг свидетельствует о лесистости горы в прошлом.

Кроме того, в определение «черная» вкладывается эмоциональный смысл. Это синоним слова «злая».

Если учесть, что плавание под утесами и среди подводных скал Карадага небезопасно и в наши дни, то, вполне возможно, в средние века, из коих гора вынесла свое имя, местные мореплаватели, рыбаки нарекли так неприветливые, неприступные кручи и старались держаться от них подальше, во всяком случае в непогоду.

В солнечный же день с моря утесы, когда приближаешься к ним вплотную, вовсе не выглядят мрачными. Обожженные в печах Плутона, они несут на себе печать подземного огня: будто ржаво-бурая окалина покрывает их. Оранжевые пятна мха и лишайников, нежная зелень (осенью соломенная желтизна) травы и на самом верху на фоне ослепительно голубого неба редкие купы кустов и деревьев. Резкие грани трещин, ущелий, разрубивших вкось и вкривь, сверху вниз и снизу вверх эту массу круто замешанной окаменевшей магмы.

Потрясающая мощь! Настоящее пиршество тектонических сил. Хаотический взрыв, застывший на века. И ощущение нереальности. Откуда оно? Видимо, от неподвижности этих огромных масс. Остановись, мгновение? Но движение не прекращается. Просто человеческий взгляд слишком скоротечен, чтоб заметить его. Человек давно знаком с Карадагом. Наверняка бывал на его склонах древний охотник. На рубеже нашей эры весь массив уже был обжит. У морского побережья (Лягушачьей бухты) на склонах, в седловинах перевалов, на вершинах некогда стояли селения, крепости, храмы. На приморском плато Тепсень (у Планерского) в виду горы существовал, должно быть, весьма крупный город с торговой гаванью на месте нынешних пляжей.

Стены средневекового храма у самых белых скал стояли еще лет двадцать назад.

Все необычное особенно волновало сердца, возбуждало фантазию, мысль. Ученый, наверное, сказал бы так: топонимика Карадага чрезвычайно подробна. Здесь нет ни одной безымянной вершины, хребта, перевала, скалы, ущелья, бухты... Кто знает, как называли их древние? Названия гор не в пример именам городов живут недолго. Несколько карадагских топонимов дошло к нам из тюркского или даже греческого средневековья: хребты Карагач, Хоба-тепе, Кок-Кая, ущелье Гяур-бах, урочище Ливадия... Забываются одни имена, на смену им приходят другие. Центральную вершину, давшую название всему массиву, с некоторых пор зовут Святой горой (но рядом есть вершина поменьше — Малый Карадаг).

Выдолбленную морем отдельно стоящую арку теперь называют Карадагскими воротами или Золотыми (по аналогии с воротами древнерусских городов) и почти не вспоминают в живой речи название старое — Шайтан-капу (Чертовы ворота).

Отдельные вершины и скалы чаще всего называют по их характерным очертаниям: Шапка Мономаха, Парус, Маяк, Пряничный конь, Сокол, Слон, Лев, Сфинкс, Воин и т. д. Разбойничья

бухта обязана названием своей потаенности. Сердоликовые бухты именуют так потому, что здесь на пляжах часто можно встретить окатанный сердолик.

Одна из бухт зовется Барахта. Игра слов. Кто-то сказал (приписывают Маяковскому) — и вот подхватили.

Длинная узкая скала спускается по склону наподобие крепостной стены — это стена Лагорио. Подобно падающей башне наклонилась над прибоем скала Левинсона-Лессинга. Они названы в честь ученых — первых исследователей древнего вулкана.

Любоваться ландшафтом можно везде. Они ведь всюду уникальны, неповторимы.

Карадаг же очень декоративен на фоне моря. Как сфинкс в пустыне. Восхищение и ужас, дикость и величие, суровость и торжественность, прелесть и таинственность. Паустовский щедро одарил его эпитетами.

Карадагские пейзажи вдохновляют, побуждают к творчеству. И это не пустой звук. Многие писатели и художники обязаны Карадагу своими произведениями. Для многих он сам стал предметом изображения.

Пусть славой своей он не может тягаться с Везувием и Фудзи, но его писали многие живописцы — Айвазовский, Богаевский, Билибин, Иогансон, Рудиев, Фесслер, Калмыков и другие. Подлинным певцом Карадага был Волошин — художник и поэт, чей дом в Коктебеле (Планерском) стал настоящей обителью муз. Видел Карадаг Пушкин — оставил рисунок. В доме Волошина теперь Дом творчества литераторов. И близкий Карадаг имеет самое прямое отношение к творчеству гостей этого Дома.

Попробуйте сказать геологу, мол, Ай-Петри тоже красив. В ответ он лишь снисходительно улыбнется и скажет, что Ай-Петри питает лишь поэзию, а Карадаг — и науку! Весь он — геологическая поэма. А как же иначе. Незаурядная внешность не может скрывать заурядную сущность.

Еще первые ученые — исследователи Крыма — Паллас и Габлитц обратили внимание на экзотические карадагские скалы. Но лишь через сто лет после них Прозоровский-Голицын и Лагорио узнали в Черной горе вулкан. А узнав, построили первую его схему. За эталон взяли Везувий. И получилось: Святая гора — центральный конус вулкана, окружающие ее хребты — остатки кальдеры.

Однако при более внимательном изучении оказалось, что дело обстоит далеко не так просто. Карадаг принес геологам массу неожиданностей и загадок. Разгадать некоторые из них до конца пока так и не удалось. Но общая картина, да и многие частности теперь более или менее ясны.

Распутыванием карадагских головоломок занимался большой отряд ученых, среди них Соколов, Муратов и особенно академик Левинсон-Лессинг.

Так в чем же геологическая незаурядность Карадага?

Начнем с того, что это массив сложных очертаний. Расположен у самого моря. Высшая точка — гора Святая (577 метров) находится почти в центре массива. Вдоль берега выгнулся дугой Береговой хребет. Его делят на участки с такими названиями: Карагач, Хоба-тепе, Магнитный, Кок-Кая. С материковой стороны тянутся параллельно друг другу еще три хребта: Сюрю-Кая, Балалы-Кая,

Икилман-Кая. Их разделяют долины, балки; Беш-таш, Карадагская, Туманова, Кордонная, Кокташская, ущелье Гяур-бах — крупнейшие из них.

При более внимательном рассмотрении оказалось, что северо-западные хребты сложены породами, к вулканизму не имеющими никакого отношения,— известняками. Так что идея кальдеры оказалась несостоятельной. Мало того, гора Святая и Береговой хребет сложены хотя и вулканическими, но разными породами. То же касается отдельных участков Берегового хребта. В общем пестрота выявилась необыкновенная. Андезиты, дациты, трассы, липариты, спилиты, каратофиры, базальты, туфобрекчии залегают, чередуясь самым замысловатым образом. Разобраться в этой мешанине мудрено.

Сначала жерло вулкана искали на Святой горе, затем в скале Сфинкс и других. Главное жерло находили в толще хребта Хоба-тепе. Теперь склонны считать, что его не было вовсе, как не было и вулкана, похожего на Везувий,— была группа вулканов, или групповой вулкан: извержения осуществлялись по многим каналам и трещинам, во многих местах. Случалось, вулкан надолго затихал.

Процессы горообразования и эрозия овладели гигантским остывшим сооружением Плутона.

Вновь просыпались раскаленные недра. Изрядно одряхлевший вулканический массив в самых неожиданных местах и направлениях разрывали тектонические трещины, открывались новые жерла. Свежая магма изливалась на прежние магматические отложения. Лава текла по склонам, с неба сыпались пепел и камни.

Снова вулкан начинал возноситься из руин. Так повторялось много раз.

Земная кора вздымалась, трескалась, проваливалась и вновь вздымалась...

Сбросы и надвиги так перетасовали всю «колоду» отложений, что местами пласты встали «на дыбы», надвинулись друг на друга, нарушив свое естественное чередование — местами молодые отложения оказались погребенными под более старыми.

Реконструировать весь вулкан в его первоначальном виде совершенно невозможно. Именно бесчисленным разломам, сбросам и тому подобному обязан Карадаг своей фантастической живописностью.

Вулкан затих окончательно, когда на месте Крымского полуострова плескалось море, в юрскую эпоху, 130—160 миллионов лет назад. Его измятый остов был захоронен осадками многих морей, затем тектоническими силами вынесен на поверхность. Вот тут и поработали всласть вода и ветер, как заправские археологи, они освободили руины древнего вулкана от осадочных пород.

Однако мы не погрешим против истины, если скажем, что вода, ветер и вкупе с ними тектонические силы создали Карадаг таким, каким мы его видим теперь. И продолжают трудиться над обликом массива, стирая черты вчерашние, создавая завтрашние. Морские волны подтачивают скалы у основания, то здесь, то там с круч срываются камни.

Но почему среди вулканических толщ Карадага столь много смешанных отложений — так называемых «туфобрекчий», состоящих из обломков и магматических и осадочных пород? Что за порода трасс? Ее считали окаменевшим пеплом. Теперь, после микроскопи-

ческих исследований, находят, что она близка к туфам. Но как все-таки голубоватый трасс от них отличен!

Здесь и там среди хаоса туфобрекчий — призматических пластов кератофиров и андезитов — встречаются отложения, состоящие из округлых включений, так называемых шаровых, подушечных лав. Они свидетельствуют о том, что извержения происходили под водой. В туфах встречаются морские раковины (аммониты). Эти находки говорят о том же.

Значит, не просто вулкан, а вулкан подводный!

Есть основания полагать, что половина его по сие время пребывает в морской пучине — миллионы лет назад гигантский разлом, как ножом, срезал часть Крымских гор, и она ушла на дно Черного моря.

Кто знает, может, как раз там и хранятся ключи к остальным загадкам Карадага?

Итак, единственный в Европе более или менее сохранившийся вулкан юрской эпохи, ископаемые руины древнего подводного вулкана — вот что такое Карадаг. Но и это не все. Здешние скалы привлекают внимание и по другой причине.

О карадагских самоцветах известно давно. Местные жители наловчились после каждого шторма собирать на пляжах окатыши яшм, трасса, халцедонов, опалов. Особо ценятся агаты, сердолики. Трофеи охотно приобретают как наилучший сувенир.

Но откуда эти «цветы недр» попадают на пляжи? Осколки самоцветов вместе с заурядной щебенкой осыпающихся круч падают в море. Волны обтачивают их, шлифуют и выбрасывают на берег.

Красивые и весьма ценные камешки придают романтическому ореолу Карадага особый оттенок. В толщах древнего вулкана в виде прожилок и миндалин среди других минералов и поделочных камней хранятся горный хрусталь, цитрин, аметист, обсидиан, яшма, опалы (в том числе молочно-белый кахолонг), самоцветы группы кварца — агаты (сардониксы, оникс, моховик), плазма, гелиотроп, сапфирин, сардер, сердолик. Из минералов группы цеолитов встречаются натролит, анальцим, десмин, гейландит, шабазит и другие.

Карадаг называют кладовой самоцветов. Но если говорить серьезно, то не в самоцветах дело, запасы которых, кстати, весьма далеки от промышленных; дело в многообразии и редкостном сочетании минералов. Карадаг не кладовая, а скорее коллекция, музей. И главная ценность его совсем не прикладная, а научная. Это научный и учебный полигон, природная лаборатория, созданная будто специально для того, чтобы изучать процессы минералообразования.

От восторженных слов о Карадаге не смогли удержаться даже те, кто к профессиональным литераторам себя не причислял. Не прошел мимо древних вулканов один из родоначальников советской минералогии, Ферсман. Выдающийся палеонтолог академик Павлов сравнил Карадаг с Йеллоустонским национальным парком.

Идея объявить Карадаг заповедным родилась давно. Но все же кто первый высказал ее?

В начале века первый директор Карадагской научной станции Слудский, пророчивший массиву большую туристскую славу, предложил исключить его из сферы хозяйственной деятельности и сделать объектом экскурсий и научных исследований. В 1922 году

учредить на Карадаге национальный парк предложил академик Павлов. Через три года было принято соответствующее постановление. Но обстоятельства складывались несколько по-иному.

Трасс — прекрасный строительный материал, сырье для цементного производства. И запасы трасса значительны. Его добывали на Святой горе с 1913 года, отправляя в Новороссийск в качестве ценной добавки к цементному сырью. Было заложено два карьера. Планировалось добычу увеличить и даже построить непосредственно у карьеров цементный завод. Однако в послевоенные годы в окрестностях Новороссийска был найден заменитель трасса — трепел, и карадагские карьеры закрыли.

Но возникла другая проблема. Геологи, изучая местные трассы, обнаружили, что они содержат в значительном количестве весьма ценный для промышленности минерал — цеолит. Поэтому шли разговоры о возобновлении разработок трасса.

Потихоньку добывали самоцветы. Еще в прошлом веке галька с карадагских пляжей оседала не только в коллекциях туристов, но и попадала, например, в Петергофскую гранильную фабрику. В тридцатые годы некоторые крымские артели, занимавшиеся изготовлением сувениров, использовали карадагский поделочный камень. Но, несмотря на то что в отдельные периоды камень вывозили многими центнерами, это нельзя было назвать промышленной добычей.

В 1979 году было принято постановление объявить горный массив Карадаг государственным заповедником. Отныне всякая хозяйственная деятельность здесь исключается.

Долго обсуждалось, каким быть заповеднику: ландшафтным ли, минералогическим или горно-лесным. Решили: быть ему комплексным. Конечно, главная его ценность — ландшафт, минералы. Но и живая природа Карадага уникальна. Тут произрастают разные виды растительности в сочетаниях, характерных только для Карадага. Находясь на границе природных зон, массив испытывает влияние степных, горно-лесных и южнобережных ландшафтов.

Пусть лес теперь не тот, что раньше, но он сохранился. Рядом с зарослями дуба пушистого и скального, ясеня, клена, граба, карагача, рядом с редкими куртинами лещины можно встретить серебристый лох, скумпию. Наравне с шиповником, терном, ежевикой широко распространено держидерево.

В редколесье, имеющем парковый характер, много ягодных и плодовых деревьев и кустарников: лесная груша, груша лохлистая, кизил, боярышник. С первых дней весны под пологом леса и на полянах появляются цветы: пролеска, хохлатка, чистяк, подснежник, шафран, фиалка, адонис весенний, пион. Но раньше всех цветет кизил. Он пользуется каждым теплым днем февраля, а то и января — торопится дать плоды. В марте — апреле на солнечных склонах расцветают тюльпаны, желтые и синие ирисы. Есть тут и такое интересное растение, как ясенец — неопалимая купина. Осенью голубеют цветы безвременника — странного луковичного растения, в одиночестве цветущего на зиму.

Географы до сих пор не пришли к единому мнению относительно границ Южного берега Крыма (ЮБК). Одни ограничивают эту физико-географическую область с востока окрестностями Феодосии, другие — Алушты. Как бы там ни было, на кручах и в долинах Карадага много растений, характерных для ЮБК. На южных

склонах, особенно прнморских, нередкн древовидный можжевельиик, терпентиновое дерево (оно же кевовое, скипидарное, дикая фнсташка), каркас, эфедра.

Есть и эндемики — житняк карадагский, лен Палласа, тюльпан коктебельский, эремурус Юнге, боярышник карадагский — всего шестьдесят видов, пятнадцать нз них занесено в Красную книгу СССР в качестве нсчезающих. Вся же местная флора насчитывает 1040 видов, в том чнсле 15 видов деревьев и 50 кустарников. Изучить, сохранить этот геиофонд — задача не только почетная, но н трудная.

Животный мир Карадага скромен, но не менее своеобразен. На ием тоже печать разных стихий н ландшафтов.

Многочнсленна и вездесущая армия насекомых. Но жизнь этих маленьких существ слишком своеобразна, их мнр ие похож иа тот, в котором мы живем. И мы прнвыкли не замечать нх. Еслн они сами не напомнят о себе. Из местных же иасекомых, пожалуй, только цикады и способны заявить о себе во всеуслышанне: в знойиый летний полдень, кажется, сам воздух звеинт от их стрекота.

Тут обитает 27 видов млекопитающих: мелкне грызуны, суслик, белка, заяц, еж, барсук, степной хорь, лисица и другие. Встречается 150 видов птиц, 3 вида земноводиых и 7 видов пресмыкающнхся. До снх пор еще здравствует леопардовый полоз, в нных местах крымского южнобережья, похоже, исчезиувший. Это безобидиое, даже полезное животное, грацнозиое, удивительно нарядиое — настоящее украшение местной фауны.

Для начала под заповедник отвели 20 квадратных километров. Однако, чтобы обеспечнть некоторый пространствеиный резерв для существования в естественных условиях биоэкологнческих сообществ, в ближайшие годы заповединк будет расшнреи до 3200 гектаров. Его граница пройдет по окраннам поселков Курортное и Планерское, совпадет с шоссе Щебетовка — Планерское.

Базой для развертывания заповедиика выбрано Карадагское отделенне Иистнтута бнологии южиых морей АН УССР, расположенное в устье Карадагской балкн. Сотрудники отделения (оно органнзовано недавио, прежде была Карадагская бностанция, а еще раньше — просто Карадагская научная станция) всегда иаходились в курсе всех карадагских проблем. Они осуществилн научное изученне массива, выступили горячимн поборникамн идеи создания Карадагского заповедника.

Станция была организована московским врачом Вяземскнм в 1901—1914 годах, причем с большими трудностями, иа частные пожертвования. Это пример беззаветиой предаииости и бескорыстного служеиня иауке.

Сейчас отделеине ннститута изучает экологию, биохимню и физиологию морских животных, физиологню водорослей. Одии из осиовиых вопросов — эиергетика движения морских животных в физиологическом и бнохимическом аспектах. В прекрасно оборудованиом дельфииариуме ведутся иаблюдеиия за поведеиием дельфииов, морских котиков, тюлеией.

Все это тесиейшим образом связано с заповединком. Ведь Карадагская иаучиая станция в свое время была преобразоваиа в сугубо морскую бностанцию имеино потому, что море в окрестностях Карадага более всего для этого подходит: здесь 95% видового состава всей чериоморской фауны. Море тут мало затронуто

хозяйственной деятельностью и может служить эталоном чистоты. Поэтому в зону заповедника входит шесть квадратных километров прибрежной акватории и морского дна. Поистине увлекательны и многосторонни задачи у молодого заповедника! Первое, что следует сделать,— это провести инвентаризацию, определить, чем же располагает заповедник. Работа нескорая. Но с первого же дня работы надо было — лелеять, беречь, охранять его ценности. От кого охранять?

Среди тех, кого Карадаг вдохновил на высокие слова,— известный ученый Зенкевич. Не в силах сдержать восторга перед чудом природы, желая разделить свои сильные и чистые чувства с другими, он воскликнул: «Все должны побывать на Карадаге!»

Многочисленные путеводители рассказывали о нем, приглашали, зазывали. И вот результат: популярность Карадага выросла неимоверно. И уже не только писатели и художники, а и легкие на подъем туристы наводнили уединенные урочища удивительного вулкана. В любое время дня и ночи, особенно в летний сезон, по склонам и кручам, по рощам и пляжам, в одиночку и группами появлялись желающие вкусить от красот уникального памятника природы.

Еле намеченные тропы превратились в торные пути, лишенные растительности,— предвестники будущих промоин и оврагов. Потихоньку стал исчезать лес — вначале сушняк, потом и живые деревья. Тайные урочища и нежные лужайки превратились в шумные биваки.

Потревоженные беспокойным соседством Карадаг покидали птицы. Последнее орлиное гнездо (на Золотых воротах) было разорено в шестидесятых годах.

Увлечение Карадагом не всегда носило чисто платонический характер. Начали с пляжей. А когда на них собирать стало нечего, двинулись выше. И уже не безобидные дилетанты, не бескорыстные рыцари красоты ощупывали каждый камень, осматривали каждую щель — профессионалы, ювелиры.

На месте жилы знаменитых парчовых яшм зияет канава. Ее выдолбили горе-старатели. Причем самим старателям при варварских способах разработки доставались крохи — остальное дробилось, бессмысленно терялось.

Несколько сот тысяч человек в год посещало Карадаг в составе организованных экскурсий. Сотрудники Карадагской станции рассказывают, что у автобусной стоянки к концу дня скапливалась копна полевых цветов — каждый считал своим долгом набрать по пути букет. При посадке в автобус увядшие цветы летели в кювет...

Но у Карадага никогда не было недостатка в защитниках. В то время как руки равнодушных бросали в родники объедки и жестянки, руки других заботливо убирали мусор. Одни, излазав кручи, ныряли за самоцветами на морское дно в аквалангах, другие тащили в гору рюкзаки с цементом, чтобы замазать раны в самоцветных жилах, замаскировать от жадного глаза то, что можно было еще спасти. Одни руки выводили «автографы» на приморских скалах, другие соскребали и эти «красоты».

Трудно начинать новое дело. Не укомплектованы штаты, не хватает средств. Но приходят энтузиасты — они хотят помочь заповеднику, Карадагу, работают день, два и больше бесплатно. Это не только местные жители, но это и москвичи, и ленинградцы, и

туляки. Они любят Карадаг, любят горы бескорыстно, как и подобает относиться к своей Родине.

Вот уже н таблички, обозиачивающие границу заповедника, и нзгороди. Сколько бивачного мусора было вынесеио с территории в рюкзаках егерями и добровольцами, сколько его было собрано и захоронено в ямах!

Почему нсчез в иных местах леопардовый полоз? Его распугали и уничтожили курортники н туристы, при слове «змея» судорожно хватающиеся за палку или камень и убивающие безобидное животное. Этого не должно пронзойти иа Карадаге!

Так от кого охранять? Ведь и туристы бывают разные. Только что мы привели примеры их помощи заповеднику. От алчных и жестоких людей, относящихся к природе да и ко всему иа свете сугубо потребительски. И таких, к сожалеиию, иемало!

Несколько лет прошло с тех пор, как опустились шлагбаумы на карадагских проселках. Результаты ие замедлили сказаться. Возвратились бакланы. Скала Маяк, навериое, сиова обретет свое старое имя: Большой бакланий базар. В лесах заповедника объявился кабан. Правда, не радует этот гость сотрудников — беспокойный зверь, иеуживчивый, много вреда от иего и растениям, и мелким животным. Как дальше поступить с ним — еще предстоит решить. А как быть с другим новопоселенцем — серой вороной? Ее привлекли туристы, вернее — помойки возле родников н биваков. От вороиы тоже страдает хрупкий мир карадагской прнроды. Обижает она мелких птиц, разоряет гнезда, преследует зайчат — урон ощутимый.

И хотя кое-что изменилось иеобратимо, например склоиы, на которых местным лесхозом в шестидесятые годы иарезаны террасы, верится, что природа Карадага обретет свою первозданиость.

Уже никто не мешает карадагским птицам высиживать и выкармливать птенцов. Никто ие рвет охапками прекрасные карадагские цветы. Пресечена «самоцветная лихорадка».

Но не останется Карадаг для любого из иас чудом за семью замками. По-прежнему актуалеи призыв: «Все должны побывать иа Карадаге!»

И вот сотрудники заповедника изучают оптимальные условия проведения экскурсий. Определяют приемлемые маршруты, сроки, количество осмотров заповедника.

Здравствуй, Карадаг! Мы придем к тебе в гости. Но мы будем знать о тебе больше, чем прежние посетители, потому что постараемся не навредить твоей суровой, но хрупкой красоте.

А рядом с Карадагом Коктебель. Это название можно перевести как «край голубых холмов». Его судьба своеобычна, как и весь его образ. Я имею в виду не только поселок Планерское, не только дом Волошина, но весь этот иеобыкновенный, обостряющий чувства и мысли край с желтыми августовскими косогорами, синими оврагами, с библейски пустынной долиной Мертвой бухты.

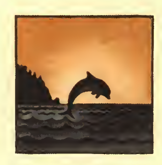
Говорят, на смену нынешиему трехтысячному поселку уже заготовлен проект двадцатитысячного курортного города. Представьте ощущение людей, которые приедут сюда за тысячи километров, чтоб встретиться с морем, солнцем, травой и тишиной, а найдут все тот же асфальт, бензиновую гарь и толкотню...

Карадаг заповедан — хорошо. Но как же — Коктебель? Ведь они

друг от друга неотделимы. Сколько романтически настроенных душ ратует за то, чтобы заповедный режим распространить и на Коктебель! Ведь в Крым едут не столько для того, чтобы развлекаться, сколько для того, чтобы слиться с Природой.

И разве можно представить, что дом Волошина, сама память о поэте затеряется среди бетонных коробок?

Конечно, поселок модернизировать надо. Конечно, курортники должны пользоваться комфортом. Но надо сделать все, чтобы оставить эти задумчивые холмы нетронутыми. И через сто и через двести лет человек должен приезжать сюда на свидание с Природой, на встречу с самим собой.





АЛЕКСЕЙ РЫЖОВ

КУДЕСНИК

Рассказ

Разлнв в самом разгаре. Прогромыхав в узких речных горловинах, вздыбливаясь сине-зелеными торосамн, вдоволь набаловавшнсь в бесчисленных заторах, ушел лед.

Успокоилась река, освободившись от долгого ледового плена. Но не спешит лукавая, разгулявшись, сбросить свои озорные воды в узкое, давно обмелевшее, густо поросшее водорослямн русло. Вольно ей теперь, свободно. Ничто не стесняет игривого молодого бега на этом залитом солнцем просторе. И река нежится, блаженствует, наслаждаясь весенним празднеством прнроды.

Еще глядятся в мутноватое зеркало разлива высоко подтопленные пойменные дубравы н черноольшаники. На время паводка река спрямила свон многочнсленные знгзаги и петлн... Ее витой стрежень временно пролег через невысокий глнннстый берег, на котором каким-то чудом прнжился жиденький куст ивы. Гнбкая, вильчатая верхушка ее клонится и клонится в сторону течения. Клонится, но не сдается, не ломается. И нет сил у разбушевавшейся рекн одолеть это жнзнелюбнвое растение.

Парят на теплых воздушных струях внзглнвые чнбнсы. Облюбовалн онн полузатопленный кочкарник на берегу реки и резвятся, со звоном режут тупымн округлымн крыльями прозрачную голубнзну безоблачного неба. А то вдруг неожиданно падают на землю, на мнг показав белоснежное оперенне нежных подкрылнй.

В бездонном вешнем небе молодым барашком блеет бекас. Заберется озорная птнца в немыслимую высь, под самое солнце, и рннется оттуда ошалело к сверкающей водной гладн, высекая нз синих сводов неба упругими рулями хвоста красивые нежные звуки.

Очнулась от знмнего сна земля. Зазеленели свежимн красками влажные холмы. С гребннстого угора яркой нзумрудной скатертью сбегает к реке озимое поле. Агатово чернеют нешнрокие клинья еще не тронутой плугом зябн. В ложбинах курится седой жидкий парок. Спешат подсохнуть холмнстые поля, готовятся прннять семена, чтобы вознаградить осенью человека за его труд и заботу обильнымн хлебамн.

На крутой глнннстой осыпи, у глубокого оврага, солнечными брызгами полыхает мать-н-мачеха. Изрытый вешними потокамн его

высокий склон празднично горит живым янтарем. А в самом овраге, на дне, где журча катится по осоковому ложу бочажистый ручеек, стоит раскидистая ива, усыпанная с ног до головы нежными желтыми барашками. Гудят в ее медовой кроне пчелы. Спешат великие труженицы делать свое извечное дело. И радуется душа в надежде, что снова будет хороший взяток раннего меда!

В деревне, что стоит на невысокой горе, самозабвенно поют петухи, кудахчут куры, нетерпеливо мычат коровы. С громким криком, свистя широкими крыльями, пролетели к реке домашние гуси.

На Маленьком бережке, возле Агеевской пристани, людно. Ну как не порадоваться малахитовой зелени, появившейся из парной, влажной земли, звону птиц, чистому, высокому небу, бескрайнему разливу еще неугомонившихся вод.

Тут, на бережке, и древние старики и старухи, и пожилые, только начавшие седеть и лысеть деревенские жители. Особняком держится непоседливая молодежь. Взоры всех устремлены на искрящуюся гладь реки. Все возбуждены, нетерпеливо чего-то ждут. Идет смотр древнего искусства мастеров-лодочников, которые именно этим прославили здешние места.

И вот началось...

На искрящиеся просторы весеннего разлива то и дело от невысокого берега отчаливают лодки. Грузно плывет чья-то утлая долбленка. Тяжело вспарывает она тупым носом шероховатую от ветра поверхность реки. Надсадно ревет мотор. Его пронзительный металлический голос звучит на предельно высокой ноте, а скорость неуклюжей посудины не возрастает.

— Ну, ну, потуровливай!—торопит незадачливого рулевого Михайла Попов, здешний рыбак.

— Да нет уж, Сергеич, не потрафит он тебе. По посуде видать—не потрафит,— замечает Иван Григорьевич, сосед Попова.

— На такой несуразице на смотр явился!—негодует Михайла.— Кто это?—нетерпеливо справляется он у соседа, вытирая тыльной частью ладони слезящиеся глаза.

— А кто его знает!—отвечает Иван Григорьевич, до боли в глазах вглядываясь в кормщика.—Э-э, да это, кажется, Николай Серов,—узнает он наконец рулевого.—Разве у него лодка!— пренебрежительно машет он рукой.—Корыто!

Лодки следуют одна за другой. Над рекой стоит неистовая трескотня лодочных моторов. Доносится бензиновая гарь. Однако все они не намного лучше первой. Ход их тяжел. Обводы грубы. Маневренность неважная. Интерес собравшихся на берегу людей к этому никем не запланированному зрелищу заметно падает. Начинаются обычные весенние разговоры о выпасе скота, о посадке овощей на огородах, о посевах хлебов.

— Эх-хе-хе!—вздыхает с сожалением бородатый старик в яловых высоких сапогах.—Нечего, видно, нынче ждать хорошего!— качает он грустно головой, и седая его борода переливается шелковистыми волнами по расшитой на груди полотняной рубахе.— Не прежние времена, видно, уж и не пригрезится таперича таких гонок!

— Да уж раньше-то праздник так праздник был,—вспоминает восхищенно другой бородач с солидной лысиной на макушке.—

Бывало, катят—будто на тройке орловских рысаков гоият, дух захватывает!

— Вспомнили,—иедовольно бросает розовощекий, русоголовый пареиек,—про эпоху царя Гороха! Тогда и река была ие такая, и люди другие—богатыри!—язвит ои, ловко подражая тоиу седых бородачей, стараясь вызвать их иа разговор о стариие. Однако мудрые старцы, многозиачительио переглянувшись, иаправились было неторопливо к деревие. За ними потяиулись и другие.

Но вдруг из-за крутого поворота реки, откуда-то сверху, от Соиковского залива на речиые просторы вырвалась еще одиа долблеика, сразу привлекшая всеобщее внимание. Едва касаясь воронеиым килем вспеиеиных ветром вод, она стремительио, будто иа крыльях, поиеслась вперед.

Люди, как по команде, остановились, устремив свои взоры к этой удивительио иарядной посудинке. Со всех сторон послышались восхищеиные возгласы!

— Вот это да-а-а!

— Здорово-о-о!

— Молодец!..

Река играет, переливается серебристой рябью. Вот проиосятся жидеиькой стайкой скворцы. По недалекой пашие деловито расхаживает в угольио-чериом фраке грач. Около колхозиой коиюшии, то и дело взбрыкивая, резвится гиедой жеребчик-сосуиок. Мать его спокойио стоит возле телеги, греется на солице, а нахальиые, крикливые галки, гомоня, выщипывают у иее на остром хребте линялую шерсть для гиезд. Но иичего этого иикто ие замечает. Все виимание собравшихся у реки людей отдаио лодке. Разве будешь любоваться картинами погожего вешиего дия, когда она так лихо иосится, то появляясь иа пенистом высоком гребие, то исчезая за подиятой ею же волиой. Где-то иа самом стрежие реки лодка неожидаиио делает чересчур смелый поворот и так сильио креиится, так круто ложится иа левый борт, что у меия захватывает дыхание. С замиранием сердца жду: сейчас она переверится вверх диом—и прощай веселье, праздиичиое настроеиие людей. Придется срочно вылавливать рулевого из реки, да и выплывет ли ои: весенняя вода холодна, как лед.

— Что ты делаешь, безумец!—ие сдержавшись, кричу я исступлеиио, тщетио иадеясь, что лихач кормщик услышит меня. Но не то что ои, меня ие слышат даже здесь, иа берегу. Все увлечеиио иаблюдают за вихревыми пируэтами легкой долблеики.

— Давай, давай! Подиажми! Не жалей газу!—возбуждеиио кричат рулевому с берега. Его азартные трюки захватили всех иастолько, что иад толпой стоит восторжеиный рев, будто это ие берег тихой реки, а бушующие трибуны столичиого стадиоиа во время решающего матча.

Мои опасеиия оказались иапрасиыми. Лодка как ни в чем не бывало делает головокружительный вираж за виражом. Ее рулевой как бы дразиит собравшихся иа берегу одиосельчан, демоистрируя иеобыкиовеиные качества своей посудинки.

— Ну и озориик! Ну и молодчииа!—восхищается лихостью рулевого Михайла Попов. По довольиой улыбке, по загоревшимся старческим глазам вижу, что старик ие только одобряет такие трюки, ио и гордится своим земляком.

— Разве можно так? Зачем такое неоправданное ухарство? — откровенно возмущаюсь я, хотя в душе тоже не могу скрыть своего восхищения акробатической ловкостью кормщика.

Старый рыбак некоторое время смотрит на меня как бы с сожалением. Ну что ты понимаешь в этом древнем искусстве? — как бы хочет сказать он мне этим взглядом.

— Можно! — отвечает он убежденно и, озарившись радостной улыбкой, добавляет: — На такой красавице хоть до моря-окияна поезжай-плыви — не страшно!

Я и сам начинаю понимать, что речное суденышко сработано на славу. Но с похвалами не спешу, слушаю внимательно мудрецов старожилов, кто весь длинный век свой прожил тут, у воды. Но, любуясь чудесным суденышком, все же не могу скрыть тревоги за лихого рулевого.

А лодочка мчится и мчится. Легкая, изящная, она вся в каком-то неистовом порыве. Того и гляди оторвется от поверхности серебристых вод и, взлетев в прозрачную синь небес, ракетой помчится вслед за только что просвистевшей тугими крыльями большой стаей диких уток!

— Такое не часто, брат, увидишь и на больших реках! — продолжает свои комментарии Михайла Попов. — Принатурился здорово, поганец! — говорит он по адресу рулевого. В устах старого рыбака и ругательное слово звучит сейчас похвалой. А я все продолжаю рассматривать лодку. Она маневренна, вместительна, аккуратна. Пожалуй, немножко не хватает ей тех обводов, которые были присущи устойчивым судам древних новгородцев или поморов. Но в ней есть что-то свое, чисто вятское, гармонирующее и со здешней природой, и с характером издавна живущих в этих лесных краях людей.

— Что за искусный мастер-чудодей смог изготовить эту сказочную посудинку? — спрашиваю Михайлу.

— Э-э, да ты что, не знаешь разве? Это же наш, агеевский, стало быть, доморощенный мастер, Егор Колотыгин!

— Ну и диковинка! Отличное суденышко! — все больше и больше неподдельно восхищаюсь я, осматривая подплывающую к нам юркую долбленку.

— Знамо дело, рук не оставлено. Да опять же — лучшего мастера на сто верст в округе не сыщешь. Это ведь не лодка, а птица! — говорит старый рыбак приподнято.

Хотя я постоянно не живу в деревне, но об искусстве Егора Колотыгина и мне кое-что известно. Казалось бы, невеликое дело дать жизнь небольшой речной посудинке, однако оно дается далеко не каждому мастеру.

Работу эту Колотыгин начинает ранней зимой. Еще по неглубокому снегу долго, не спеша ходит он по глухим лесным кварталам, вдоль и поперек старательно прочесывает отдаленные дремучие урочища, так называемые суземы и корбы, подбирает для своих долбленок наилучшие осины. Наметанным глазом опытного мастера придирчиво осматривает со всех сторон облюбованное дерево. Топорищем с нанесенными на нем сантиметровыми делениями прикидывает его диаметр. Тщательно, без устали шарит глазами от комля до вершины: нет ли злостных губителей осины — грибов-трутовиков, «табачных» сучков и морозобойных трещин? Старатель-

но простукивает обушком топора каждое дерево, терпеливо определяет качество древесины на слух. Выбирает для поделок только здоровые, без гнили, проростей н водослоя деревья. Обходнт стороной кривые, косослойные, суковатые, с глубокими ройками на стволе, с низко опущенной кроиой. Для такого изделия, как лодка, подобные порокн дерева недопустимы.

По диску солнца скользнула легкая тучка н тут же бесследно нстаяла в безбрежной голубизне. Михайла прнставляет ладонь козырьком ко лбу, осматривает водиую гладь, как бы еще раз оценивая ареиу, на которой только что резвилась прнчалившая возле нас лодка. Он подходнт к ней и ласково, как живую, поглаживает ее по темному крутому боку.

— Ласточка! — говорнт он.— Однако же голыми руками такого чуда не сотворишь! — и Мнхайла увлеченно знакомит меня с превеликим множеством «струментов» трудолюбивого мастера.

Оказывается, во дворе у Егора на различных полочках разложено ненсчнслнмое миожество всевозможных стамесочек, резаков, иожовочек, разнокалиберных рубаночков, молоточков, сверл, стругов, скобелей, коловоротов и других, одиому ему ведомых орудий труда. И весь этот иабор нужных ему железок тщательно, с большим умеинем заточеи, заправлен и бережливо храним мастером. Однако наибольшее тщанне ои проявлял в нзготовлении основиого ннструмента лодочника — хитроумного тесла. В сущности тесло ие такая уж и сложная штука. Это особый топор с лезвнем, приспособленным для обработки левого или правого борта, выборки неиужной древесины в донной части долбленки. Прн этом лезвие топора по всей рабочей части вплоть до самого обуха кузнецами тщательно выгнбается аккуратным лоточком н умело закалнвается. Его охлаждают при этом ие в воде, а иепременно в машинном масле, медленио, перноднчески извлекая нз него и опуская туда вновь. Такое тесло прочно, надежно, острие его не крошится н не сминается при рубке мерзлой древесины н крепких сучков.

Топорище для тесла нзготовлял Егор либо нз клена, лнбо из березы, предварительио просушивая его до костяной жесткости иа русской печи. При этом нн в коем случае не годятся пиленые доски. Нужно дерево, расколотое в раднальном направлении. Такой строгий подход к выбору матернала обеспечивает изделию прочность. Черенок тесла мастер обрабатывает с особым рвеннем. Над иим ои прямо-таки колдовал. Он иеторопливо колол древесину иа плахн заданной толщины. Затем осторожно тесал их острым топорнком-одиоручником, легонько касался заготовки стругом, проходился по ней любовио рашпилем, удаляя малейшие иеровиости, бугоркн, рубчики, затесн, зазубринки.

Перед тем как укрепить черенок в просторном отверстии тесла, мастер еще долго обихажнвал его мелкозернистой иаждачной бумагой и, наконец, захватив с полу щедрую горсть ажуриых, пахнущих древесиой свежестью стружек-завитушек, еще две-трн минуты терпелнво шлнфовал нзделне. После всего этого топорище получалось идеально гладким, отливая на свету блеском полировкн. Такой черенок иикогда ие набьет на руках мозолей...

Рулевой, краснвый русоволосый парень, улыбаясь, стоит в просторной корме долбленкн. На его взъерошениой, спутанной шевелюре золотой россыпью нскр горнт водяная пыль.

— Ну, брат, потешил старика! — удовлетворенно говорит Михайла рулевому.— Спасибо!

— Не за что,— добродушно смеется тот, и на его открытом лице нет и тени высокомерия, вызванного всеобщим вниманием.

— Да, большой труд надо затратить, чтобы такую посудинку сотворить! — раздумчиво продолжает свой рассказ старый рыбак об искусстве лодочника, снова повернувшись ко мне лицом.

...Подобрав нужное дерево, Егор неторопливо валит его, в ту сторону, где меньше хвойной молоди, чтобы не нанести урона лесу. Из ствола вырезает нужной длины чурак. Долго поворачивает его и так и сяк кондаком — простейшим ручным инструментом для этой цели,— внимательно рассматривая чурак и решая, как лучше начать раскрой.

Наконец, прочно закрепив чурак, мастер острым как бритва топором обозначает нос лодки в вершине кряжа, в комле — корму. И только после этого ловкими виртуозными взмахами топора вынимает кормовую (широкую) и носовую (узкую) «пашины» будущей лодки. Осторожно соединяет их друг с другом нешироким, сантиметров в восемь — десять, пазом-прорезью.

Пройдя снаружи раскроенной заготовки рубаночком, Егор ручным коловоротом по всему корпусу будущего суденышка делает неглубокие, сантиметра в три-четыре, глухие отверстия. Располагает их через два вершка в ряду и через четверть метра ряд от ряда.

Затем от оставшейся осиновой вершины отрезает полувершковой толщины колесо, берет из костра заранее обожженную липовую головешку. Привычно гасит ее, опуская несколько раз в глубокий снег. И до жирной черноты натирает получившимся мягким углем одну сторону колеса. После этого крошит его стальным тесаком, получая древесные гвоздики, легко забивает их в сверления в теле заготовки. Сторожок, так называется у мастеров такая зачерненная деревянная шпилечка, предохраняет при долбежке от сквозных прорубов стенки посудинки. Ее черная головка в сахарно-белом теле осины хорошо видна. Это и помогает изготовить борта долбленки по всей длине одинаковой, заданной толщины. Можно сделать лодочку с толщиной бортов не более двух сантиметров. Просушенную на летнем солнце подобную скорлупку нетрудно переносить даже на руках.

Завершив раскрой изделия, мастер тут же берется за тесло. Начиная с кормовой «пашины», удаляет всю ненужную древесину. Работа эта хотя и тяжела, но интересна, требует напряженного внимания и твердой руки, особенно когда дело идет к концу. Малейшая неосторожность, слишком сильный удар теслом — и острое лезвие инструмента тут же легко пронзит мягкую, как репа, чистую, как первый снег, тонкую стенку почти готовой лодочки. И пропал многодневный напряженный труд! Начинай все сначала.

Но если все идет благополучно, то через три-четыре дня заготовка выделана начисто. И тогда по морозной мартовской заре, когда весело, по-весеннему тенькает большая синица, а ошалелый от любви дятел старательно выводит на сухом сучке свои призывные трели, мастер начинает готовить переносные козлы. На них кладет упругие слеги: одну под корму, другую под носовую часть долбленки. Не без труда водружает свое гулкое, как дуплистое дерево, изделие на эту подставку. И разводит под ней большой костер.

10 Заказ 1132

Багряные языки сердитого пламени жадно лижут крутые бока будущего суденышка. Оно быстро сохнет, румянится, розовеет, затем, накаляясь, темнеет и бесчисленное количество раз воспламеняется. Но этот озорной, только что занявшийся огонь тут же безжалостно сгоняют большие мокрые мочальные кисти в виде помела. А мастер, розовея лицом от жара костра, упрямо колдует над своим детищем. Он все шире и шире разводит парные, гибкие борта лодочки, закрепляя их еловыми распорками. Подправляет то в одном, то в другом месте пучины, выступы, провалы. Искусно выгибает все тело лодочки так, чтобы она была приятна глазу, легка в беге, не буровила носом воду, не огрузла бы излишне кормой.

Наконец горячую, парующую нутром долбленку бережно снимают с козел. Почерневшие, слегка обуглившиеся бока ее погружают в высокие мартовские снега, охлаждая и гася дымящееся тело посудинки.

И вот лодка готова! Остается врезать в нее упругие еловые распорки, установить в нужном месте строганые «беседочки» да нашить на борту неширокие гибкие реечки, если нужно увеличить грузоподъемность суденышка. И для долговечности просмолить...

Егор никогда не подводил своих заказчиков. Дефектную посудинку на любом этапе изготовления без сожаления бросал и тут же брался за новую поделку.

Мужики, глядя на брошенные заготовки, а иногда уже почти завершенную долбленку, сокрушаясь, сочувственно говорили Егору:

— Такой труд даром пропал! — И внимательно осматривали брошенные поделки.

— Даром? — удивлялся лодочник.— Нет, братцы, даром никакая работа не пропадает. В ней человек терпению, мастерству учится!

Мужики не возражали. Понимали, что Егор говорит святую правду-матку.

— Себе потачку только дай, живо-два все свое рукомесло профтулишь. Один «тяп да ляп» останется! — рассуждал седой мастер.

...Народ давно уже потянулся к деревне, а мы все никак не можем расстаться с лодкой. Михайла Попов заходит то с левого, то с правого борта, с видимым любопытством заглядывает в ее нутро, туда, где умело пригнанные еловые тугунки-копани упруго держали тонкие ее борта. Как живую, любовно гладит ее по «щекам» и носовой части. Затем подходит ко мне и торжественно провозглашает:

— Эт-то же настоящее искусство! Оживить дерево... это, эт-то... не каждому дано! — говорит он, волнуясь, с запинкой.

— Да-а, искусство,— охотно соглашаюсь я.

— Ну как ты, из простого осинового бревна такую легковесную скорлупку смастерил. Чудо да и только! — без устали восторгается старый рыбак.

«Оживить дерево». Если подумать, в этих словах все: и уважительное отношение людей к мастеру, его упорству, терпению, трудолюбию, и утверждение нужности редкого уже теперь ремесла, в которое он вкладывает частицу своей души...

Михайла поведал мне о жизни мастера.

— Сиротой рос Егор. Рано без отца остался. С малолетства познал труд. Был лесорубом, грузчиком, сплавщиком леса, плстни-

ком обозного цеха. Однако где бы ни работал, своего любимого лодочного дела никогда не бросал.

— Много ли он за свою жизнь лодок смастерил? — спрашиваю Михайлу.

— Э-э, и не перечесть! — махнул рукою Попов и начал перечислять: — Для рыбаков и охотников, для лесников и плотогонов, для пастухов и сенокосников, для колхозов, пионерлагерей, сплавных контор — для всех, кому неотложно требовался водный транспорт, делал чудо-посудинки, чудо-лодочки добрый мастер!..

Слушал я Михайлу внимательно и думал о том, что живет на древней вятской земле очень нужное людям мастерство искусных лодочников. Хорошо, что не иссякло оно. Ведь река для здешних жителей — настоящая водная магистраль. По ней денно и нощно люди едут в гости друг к другу, за сеном и дровами, по ягоды и грибы, едут в магазин, больницу, в город на базар.

Без лодки — ни шагу. Ну а раз так — надо, чтобы радовала она сердце, какая же без радости жизнь?





ФЕДОР ХУДУШИН

БЛАГОУХАЮЩЕЕ ОЧАРОВАНИЕ ПРИРОДЫ

Эссе

Взываю к памяти твоей, читатель, чтобы еще раз ощутить подкупающее очарование шолоховской палитры, которая столь щедро раскрывается с первых же страниц «Поднятой целины». Начальные представления о хуторе Гремячем возникают у нас отнюдь ие из зрительиого восприятия рисуемой картины, а по сложиой ассоциации — нз аромата, источаемого растеииями. В коице января, овеяииые первой оттепелью, здесь хорошо пахнут вишневые сады, нх тоикий аромат стойко держится до синих сумерек, когда ветер приносит на смену ему промерзший горький запах полыни.

Один этот штрих сразу же наполняет жизнью создаваемое художником слова полотно. Мы как бы воочию видим ряд белых домиков, утопающих в вишневых садах, хотя речь здесь идет ие о хуторе как таковом, а лишь о запахах, столь контрастных прн смеие дня и ночн. Вишни хорошо пахнут, стало быть, источают приятный аромат; полынь, напротив, иесет ощущеине горечи; ее запах иеприятный, хотя н терпимый.

Насчитывается иесколько разиовидностей полыни, включая полевой сорняк, отдающий горечью, и степную траву, несущую терпкое благоуханне. Но более существенны различия возрастные. Даже сорняк, пока он не выкинул метелку, обладает приятным запахом, особеино еслн его листья потереть между пальцами. Майская полынь нередко прнменяется в медицине и гастрономии.

Впрочем, времена меняются, глубокие преобразования на селе коснулись н полынн. Где она ныне, эта горькая трава, не легко ее встретить! Раньше полынь разрасталась в полях, на межах крестьяиских иаделов да так укоренялась, что справиться с ией хозяину-единоличнику было невмоготу, а примириться не позволяло человеческое достоинство. И как бы в оправдание деревня придумала пословицу-поговорку: «Не я полынь-траву садила, сама, окаянная, уродилась!» Потому и хлеб крестьянский отдавал горечью, которая служила своего рода символом всей крестьянской жизни. Трактора распахали межн единоличников и под кореиь уничтожили постылый сорняк. Проходя зимней ночью по улице того же хутора Гремячего или другого селеиия, ты уже ие ощутишь теперь терпкой горечи, и сама мысль о ией вряд ли придет тебе в голову.

Мир запахов, которые дарит нам природа, богат и разнообразен. Не в них ли непревзойденное очарование растительного царства! Впрочем, они не всегда ароматны, чаще встречаются горькие, терпкие, пряные, кислые, пресные, приторио-сладкие или даже дурманящие. Хвойный лес в летний солнечный полдень издает запах смолы — его ощущаешь даже на вкус, словно пьешь живительный иектар. Лиственные деревья благоухают свежей зеленью, причем каждое обладает своим запахом, скажем, береза — терпкой горечью, осина — грибной сыростью, у тополя запах не тот, что у ольхи и акации. Свой аромат несет вяз и клен, можжевельник н рябина. По запаху узнаешь тальник на берегу речки. Неповторимы запахи свежевспаханного поля, когда солнце прогревает влажную землю,— они напоминают хлебную опару, поставленную накануне, вселяют покой, умиротворение н рождают смутные грезы о вечности бытия. А как хорошо выйти на воздух в теплое майское утро после ночного дождя! Земля, обласканная первыми лучами солнца, парит, благоухая, и ты жадно вдыхаешь целебный иектар и, переполненный радостным ощущением созвучия в прнроде, говоришь себе: благодать-то какая!

Чтобы хоть немного разобраться в запахах, надо принять в расчет круговорот времен года. Благоухание в природе имеет сезонные различия. Запахи весны возникают с первыми оттепелями и сгущаются, усиливаются по мере пробуждения растительиого царства. Праздничное настроение приносит цветение садов, источающих тонкий, нежный аромат. В эту дивную пору весеннего обновления природы кто нз нас не нспытывает обостренное ощущение жизни, радость бытия?

Лето несет свои запахи — зиойный аромат созревающих плодов, медовое благоухание липового цвета, земляничную духовитость скошенных трав. А созревающая нива, пропитанная солнцем, влагой, воздухом, вбирает в себя все запахи земли, обогащая и усиливая их...

В осенних ветрах мы улавливаем сильный настой антоновских яблок, целебную свежесть мяты и, коиечно, манящие в лес грибные запахи.

Как-то маститому ученому академику Д. Лихачеву журналисты задали необычный вопрос, любит ли он собирать грибы. «Да,— ответил учеиый.— Но еще больше люблю запах грибов. В лесу. В сосновом... В ием взгляд ие вязнет. Сосновый лес — мой храм...» Кто из нас не согласится с этим признанием! Впрочем, уместно одно уточнеиие. Вряд ли правомерно противопоставлять сосновый лес лиственному. Лнствеиный по-своему хорош и не уступит сосновому в силе очарования. К тому же в листвеином лесу в сырую, прохладную погоду грибной аромат чувствуется сильнее. Впрочем, о вкусах не спорят.

Зима приглушает, ослабляет запахи лесного царства, но не истребляет, не гасит их полностью. Ведь деревья продолжают свою жнзнь, хотя и пребывают в дремотном состоянии. Хвоя по-прежнему источает запах смолы, а ветер разносит его далеко по округе. Лиственные леса слабее заявляют о себе, но в лесном сообществе запахи достигают заметной концентрации. Порой кажется, будто снег обладает пахучестью, откуда бы она у него? Как бы то ни было, снег пахнет... снегом. Вешние воды несут свои запахи,

впрочем, опять же не свои, а тех почвенных компонентов, которые вымывают в пути.

В библейском тексте говорится, что «бог создал мир пахучим». Да, объективный мир невозможно представить себе без запахов, как и без звуков. Мир без запахов и звуков — это безжизненный мир, нечто подобное Дантову аду, где обитают бесплотные тени. Мир реальный, живой полон звучания и запахов, постоянно заявляет о себе то благоуханием, доставляя удовольствие, то зловонием, вызывая отвращение и брезгливость. Запахи имеют не только эстетическое, но и сугубо практическое значение. Они в известных пределах позволяют ориентироваться на местности, служат источником определенной информации, а иногда выступают сигналом опасности, бедствия. Вспомним недавнее засушливое лето в европейской части нашей страны, когда горели леса и торфяники. Дым застилал горизонт, и удушливый запах преследовал всюду.

Поэтому так важно уметь правильно воспринимать запахи и распознавать их источники. Казалось бы, любой нормальный человек наделен этой способностью. В действительности же у каждого свое собственное, присущее только ему обоняние, своя мера остроты, тонкости, совершенства восприятия запахов. Есть люди — феномены в этом отношении. Известно, например, каким тонким обонянием отличался Жан-Жак Руссо. В кругу друзей он признавался, что «мог бы сделать описание запахов всех существующих на свете цветов». Подобные способности все же редкость. Обычно люди не претендуют на особую тонкость распознавания запахов, довольствуясь тем, что отличают их по контрасту. Однако важно отметить, что человеческое обоняние не остается неизменным на протяжении веков. Некоторые пастушеские народы считали высшим удовольствием вдыхать запахи внутренностей жертвенного животного. У наших современников подобный обычай может вызвать лишь недоумение. Теперь «в ходу» благоухания, о которых, возможно, понятия не имели наши далекие предки. Отсюда следует, что способность обонять не дана природой раз и навсегда, она утончается, совершенствуется по мере научно-технического и социального прогресса.

В ряде стран Востока в древние времена возник культ ароматических запахов. С ним связаны также обычаи, как умащивание тела благовонными маслами, вдыхание запахов сандалового дерева, кальяна, сжигание ароматических палочек перед статуей Будды или Конфуция. Христианская церковь во время богослужений окуривает своих прихожан ароматным дымком тлеющего ладана из кадильниц. Но и здесь веяние времени берет свое. Большинство подобных религиозных традиций отошло в прошлое. Зато значительно расширилось применение ароматических веществ в косметике, пищевой промышленности, медицине. Весьма велик спрос на парфюмерию. Но деревенские жители не отказывают себе в удовольствии вдыхать ароматы местной флоры. В избах на севере благоухает свежая хвоя, в степной полосе полы устилают луговыми травами, в украинской хате часто ощущается устойчивый запах чабреца. Всюду в почете цветы.

Освоение благоухающего богатства природы — одно из слагаемых общего развития цивилизации, повышения культурного уровня. Люди в первую очередь постигали необходимые для сугубо практических сторон жизни свойста тех или иных растительных форм и как

бы попутно, между прочим, обнаруживали притягательную силу их чудодейственных запахов. Надо было определенное время, опыт поколений, чтобы твердо установить: ароматическая сила миндаля — в семенах, имбиря и ириса — в кореньях, коричного дерева — в коре, сандалового дерева и атласского кедра — в древесине, лаванды, мяты, фиалки — в листьях и корнях.

Но все это были лишь исходные данные. В дальнейшем пришло познание более глубоких свойств ароматических веществ. Ботаник, занимающийся селекцией эфиромасличных культур, может рассказать о них много интересного. Скажем, эфирное масло фиалки душистой пахнет не фиалкой, а свежим, с грядки, огурцом. Оно необходимо, чтобы придать свежий запах парфюмерным изделиям. Для придания духам желаемого запаха обычно используется так называемый «фиалковый корень», который не имеет отношения к самой фиалке, а представляет собой корневище некоторых видов ириса (германского, флорентийского, бледного). Вот и получается, что масло, извлеченное из ирисового корневища, пахнет фиалкой, а цветки ириса источают запах ландыша, иногда даже шоколада, но только не фиалки. И еще диво: эфирное масло из семян кориандра вмещает композицию благоухающих источников из семи слагаемых — лимона, апельсина, фиалки, розы, лилии, липы, жасмина. Такая естественная композиция — клад как для парфюмерии, так и для гастрономии.

Трудно поверить, но самые истоки парфюмерии ведут к дымным кострам. Бедные модницы на заре цивилизации! Чтобы обрести приятный для окружающих запах, они вынуждены были проводить изрядное время в дыму костров, оплачивая горючими слезами желанную привлекательность. Избавление от таких страданий пришло далеко не сразу и с совершенно неожиданной стороны. Алхимики, мудрейшие из людей своего времени, верили, что существует некий «философский камень», способный превращать любые материалы в золото и серебро. Стремясь открыть тайну этого чудодейственного превращения, они плавили металлы и минералы, синтезировали различные вещества, подвергали перегонке многие растительные формы. И вот в этих-то многолетних поисках, хотя каждый из алхимиков вел их обособленно, втайне от других, они совершали открытия, которые порой значили не меньше, чем познание тайны получения золота. Но этими открытиями поначалу нисколько не дорожили, даже пренебрегали — ведь цель опытов состояла в немедленном обогащении. Лишь со временем они были оценены по достоинству и составили основы химии как науки. В ряду таких открытий, больших и малых, совсем пустячным показалось получение душистой жидкости, а она-то как раз и стала впоследствии символом роскоши и богатства.

Разумеется, парфюмерные средства получали и другим путем — приготовлением всякого рода отваров и настоев. Технология промышленного выпуска косметических средств складывалась на основе всестороннего опыта.

Но в истории человечества ароматические запахи связаны не только с парфюмерией и косметикой. Известны случаи, когда благоухание обретало властную силу над человеком. Со школьной скамьи ведома нам легенда о половецких братьях Отроке и Сырчане. Весьма поэтично ее изложил Аполлон Майков в стихотворении

«Емшан». Спасаясь от преследования Владимира Мономаха, Сырчан укрылся в зарослях Дона, а Отрок бежал в горы и волею судеб стал владыкой надо всем Кавказом. Когда не стало Владимира Мономаха, а с ним миновала опасиость иабегов могучего князя, Сырчан сиаряжает посла к Отроку, чтобы просить его вернуться в донские степи.

«Скажи ему, чтоб бросил все,
Что умер враг, что спали цепи,
Чтоб шел в наследие свое,
В благоухающие степи!
Ему ты песен наших спой,—
Когда ж на песнь не отзовется,
Свяжи в пучок емшан степной
И дай ему — и он вернется».

Надо отдать должиое этому половцу: ои хорошо зиал, как вызвать образ родиой стороиы, ностальгию у изгианника. Ни просьбы, ни песни не пробудили в душе владыки Кавказа дорогих сердцу воспомииаиий. Но пучок емшана — благоухающей степиой травы сделал свое дело. Обливаясь слезами, Отрок поспешил в родные края. Легенда имеет адрес, конкретные исторические и географические координаты и подкупает своей жизнеииой правдой. Дело не в том, было ли в действительиости подобиое событие. Оио могло быть, пусть иесколько в ином, расхожем, варианте. Важио другое: как велика роль запахов в жизни.

Казалось бы, запахи ие закрепляются в памяти, поскольку ие обладают устойчивостью и лишеиы иаглядиости. Одиако зримо воспринимается благоухающий объект. Здесь ие прямая, а опосредованиая связь с памятью. Стало быть, запахи все же запоминаются. Пучок емшана пробудил в человеке дорогие воспомииания и властно позвал его туда, где ои был когда-то счастлив.

Да, запахи можно запомнить на всю жизнь, если они связаны с сильными переживаниями, с потрясеииями. Об этом свидетельствует дневниковая запись Анны Ахматовой: «Запахи Павловского вокзала. Обречеиа помнить их всю жизнь, как слепоглухонемая».

Благоухающее богатство природы рождало стимулы предприимчивости, которые оставили свой след в истории. Достаточио напомнить об эпохе Великих географических открытий, о морских экспедициях Васко да Гамы, Колумба, Магеллана и других первооткрывателей. Что заставляло этих мужественных людей идти на риск в поисках иеведомых стран или кратчайших морских путей в прославлениую Индию? Среди многих причин не на последием месте стояла торговля пряиостями, приносившая басиословиые доходы. Вся ценность этих экзотических растений состояла в их совершенно необычных, пряных вкусе и запахе. Прошли века, и многое диковинное стало обыденным. Мировая торговля связала все страны и коитиненты, а потому в гастроиоме любого, даже заполяриого города можно без хлопот приобрести такие дары земли экзотических стран, как ваниль, корицу, гвоздику, чай, кофе. Между тем они несравнеино обогатили иаш мир, палитру наших ощущений.

Отдали щедрую дань природным ароматам в своих описаниях новых земель русские путешественники Н. М. Пржевальский,



П. К. Козлов, В. К. Арсеньев... Вот картина, которую наблюдал Арсеньев в отрогах Сихотэ-Алиня: «День угасал. Нежное дыхание миллионов растений вздымало к небесам тонкие ароматы, которымн так отличается лесной воздух от городского... Над каждым деревом вилась кверху быстро вращающаяся тонкая струйка, похожая на дым. Чем выше хвойное дерево, тем больше и темнее была струя». Путешественник обратил внимание в Уссурнйской тайге на багульник, выделяющий такое обилие эфирных масел, что у непривычного человека может появиться головокружение. Можно прнвести иные столь же яркне свидетельства благоухающего очарования таежных мест.

Каждый географический ландшафт в силу своеобразного комплекса природных условий иесет и особые запахи. В хвойном лесу они иные, чем в лиственном. То же можно сказать о степях черноземной зоиы с ее травами и нивами. Здесь запахи другие, чем в степном Заволжье. Особые они в пустыне или солончаковой полупустыне. В европейской части России нам хорошо знакомы и близки благоухания ландыша, незабудки, полевой ромашки, а в странах Средиземноморья наслаждаются, вдыхая аромат мирта, лаванды, маслины, розмарина, магнолии. Русские поэты не прошли мимо чарующих запахов черемухи, липы, сирени, а поэзия южных стран возносит хвалу благоуханию эвкалиптов, кипарисов, олеандров или других, часто неведомых нам растений. Но есть в этом многообразии благоухающих растений и нечто общее: все оин усиливают наше очарование прнродой, делают жизнь светлее, красочнее, богаче.

Запахи родного края особенные, не такие, как в иных землях. Они составляют одно из слагаемых ощущения родины, где человек родился и вырос, сформировался физически и духовно.

Вернемся к легенде о степной траве емшан. Эта трава, разновидность полыни, росла в первозданной придонской степи. Как же выглядела эта степь? Раскроем повесть Гоголя «Тарас Бульба». Вот описание пути в Запорожскую Сечь, который вызвал у писателя искренний восторг: «Черт вас возьми, степи, как вы хороши!» Правда, Гоголь живописует не придонскую, а приднепровскую степь. Но ведь наши предки называли междуречье Днепра и Дона одним общим именем — Дикое поле. И во времена Мономаха, и в более поздний период Запорожской Сечи эта местность оставалась незаселенной и нераспаханной. Самое характерное для нее — высокий травостой; в нем скрывались всадники, только виднелись их шапки. Вот гоголевское признание: «Ничего в природе не могло быть лучше; вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов». Где цветы, там и благоухание. Как же описывает его художник? «Вечером вся степь совершенно переменилась. Все пестрое пространство ее охватывалось последним ярким отблеском солнца и постепенно темнело, так что видно было, как тень пробегала по ним, и она становилась темно-зеленою; испарения подымались гуще, каждый цветок, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовонием».

Там, где цвели и благоухали буйные травы, ныне раскинулись сады — яблоневые, вишневые, абрикосовые, далеко простираются виноградные плантации и хлебные нивы. Иной набор ароматных источников появился в степном краю, и иная гамма запахов характерна для него. Стала ли она беднее? Разве только потому, что ширится городская застройка, где сравнительно меньше зелени. Но города благоустраиваются, хорошеют не только потому, что ширится строительство новых зданий и сооружений, но и больше стало на улицах наших зеленых друзей — растений. На землях, где когда-то кочевали половцы, ныне шумит большой и на редкость красивый город Донецк. Собственно, красивым он стал в послевоенные годы, когда заново был отстроен на пепелище и озеленен. Чего стоит один только факт: по весне здесь в скверах, на площадях и бульварах высаживают свыше миллиона кустов роз — по одному на каждого жителя! Стоит иначе, чуть шире, взглянуть на дело, и симфония цифр зазвучит торжественнее: миллион кустов роз — достояние города, следовательно, достояние каждого его жителя. Миллион кустов роз дарит город каждому из своих горожан — вот оно, истинное богатство! Не о таком ли городе Солнца, городе радости мечтал Кампанелла, узник неаполитанских застенков, прозревая сквозь завесу времени нашу коммунистическую явь!

Перед нами пример полного обновления флоры в масштабах большого региона. Для других районов более характерно выборочное обновление растительных форм. Вишневое дерево, как заметил К. Маркс при анализе немецкой идеологии, появилось в Европе сравнительно недавно благодаря развитию международной торговли. Именно торговле обязана была Россия появлению у нас таких пришельцев из Нового Света, как табак, кукуруза, помидоры и многие цветочные формы. Стало быть, обновление и пополнение благоухающих источников во власти человека. Тут, разумеется, первое слово

прииадлежит селекционерам. С их помощью казанлыкская эфнромасличиая роза прижилась на крымской земле и успешно продвигается к северу. В то же время усилиями советских селекциоиеров выведены новые сорта эфиромасличиой розы — красиая, крымская, фестивальная, мичуринка, пионерка, Таврида. Некоторые парфюмерные ароматы, такие, как лавандовый, кориандровый,пришли на крымскую землю с юга Франции. А крымские сорта многих плодовых и декоративных растений успешно приживаются иа шнроте Москвы, Новгорода, Вологды. В руках селекционеров та волшебиая палочка, с помощью которой возможны столь диковинные превращения в окружающей иас среде.

Сбывается смелая мечта юиого Фридрнха Энгельса, высказанная им в стихотворении «Вечер»:

Цветущим садом станет вся земля
И все растенья страны переменят,
И пальма мира Север приоденет,
Украсит роза мерзлые поля.

Благоуханне в чем-то блнзко, созвучно пластической красоте форм. Во всяком случае оно вызывает сходные положительные эмоции. Как н при встрече с Прекрасным: легко иа сердце, мельче невзгоды, светлее вокруг, ближе путь к звездам!

Но вот вопрос: существует ли особая эстетика запахов? Гегель, как нзвестно, подразделял внешние чувства на теоретические (зрение и слух) и матернальные (обоняние, вкус, осязание), а участием в художествениом наслаждении иаделял только первых. «Обоняиие, вкус и осязание,— писал он,— имеют дело с матернальиым, как таковым, н его непосредствениo чувственнымн качествами: обоянне — с материальными частицами, исчезающими в воздухе, вкус — с растворяющимися материальиыми предметами, а осязание — с теплом, холодом, гладкостью н т. д. Эти внешние чувства ие могут поэтому воспринимать предметов искусства, которые должны сохранить свою реальиую самостоятельность и не допускать чисто чувствеииого отиошения. Приятное для этих внешних чувств ие есть прекрасное в искусстве».

Гегель утверждает, что прекрасиое в искусстве служит удовлетвореиию духовиых потребностей, а обоняние — одно из виешних чувств, которое нмеет дело с материальиым, как таковым. Отсюда следует, что ие существует искусства, осиованного иа запахах, в отличие, скажем, от звуков, форм, цветов, слов, составляющих основу музыки и живописи, ваяния и архитектуры, поэзни и театра. Правда, иногда говорят об искусстве составителя духо́в. С таким же осиованием можно говорить об искусстве повара или кондитера. Это нскусство особого рода: прн всей его сложиости и тонкости оно лишено художественного значения н потому не претендует на удовлетвореиие духовных потребностей.

И все же запахи невозможио выиести за скобки эстетического. Ведь благоухающие нсточники сами по себе составляют мир прекрасного, будь это цветы, травы, деревья, и неуднвительио, что благоухание надежно и устойчиво ассоциируется с прекрасным. Больше того, оно делает это ощущеиие сильиее, роскошнее, богаче.

Тот факт, что тончайшие ароматы пленяют и радуют иас,

свидетельствует в пользу эстетического, которое присуще человеку и проявляется в его отношении ко всем окружающим его вещам и явлениям. Вся полнота эстетического раскрывается в искусстве через художественный образ. Вместе с тем эстетическое в той или иной мере составляет живую ткань всего, что окружает нас. Его источник в труде, где возникает и реализуется прекрасное. Аккумулятором эстетического выступает сам человек, творящий мир по законам красоты. Критерий прекрасного он соотносит со всеми реальностями материального и духовного свойства, не исключая благоуханий. Здесь уместно сослаться на свидетельства Генри Бестона — автора книги «Домик на краю земли», на то место, где он говорит о запахах: «Хотя глаз — властелин мироощущения человека, его главные эстетические ворота, процесс формирования эмоционального настроя или мимолетного явления земной поэзии — ритуал, и к его совершению могут соответственно призываться остальные чувства.

Ни одно из чувственных воспоминаний не обладает такой мощью, не распахивает так широко дверь во владения нашего мозга, как обоняние».

Присущее человеку эстетическое отношение к действительности — важнейший компонент культуры. Повышение культурного уровня составляет предпосылку усложнения и утончения потребностей. На этом пути вырабатывается отношение к запахам, стремление вдыхать благоухание цветущих трав, других растений. В этом смысле всеобщее признание получил розовый куст. Его роскошные цветы, полные изящества, нежности, издают к тому же тонкий пьянящий аромат. Классическая поэзия недаром же усмотрела в этих цветах символ любви.

Цветы вообще обладают особой, прямо-таки неотразимой привлекательностью: покоряющей нежностью тонов, радужными переливами цвета. Их мир богат и разнообразен, каждый цветок несет неповторимую форму и цветовую гамму, по-своему красив и привлекателен. Поразительно, как щедра и изобретательна природа в цветовых сочетаниях!

А между тем природа, создавая цветок, была занята своим обычным делом — творением жизни. Здесь главное — обновление биосферы, момент непрерывного круговорота биологического вещества. Цветок — нежное и, кажется, совершенно беспомощное создание — обладает в действительности потенциалом колоссальной силы. Он составляет самый прочный, самый надежный, единственный и незаменимый фундамент жизни, по крайней мере всех высших ее форм! Его назначение — производство семени, исходного материала для нового поколения данной растительной формы. Но с какой роскошью, с каким блеском реализуется этот животворящий акт! Любой, самый знающий биолог, если он не безнадежный сухарь, постигая в цветочных формах тайну жизнеутверждающего начала, не может не испытать восторга, душевного трепета при виде этой волшебной цветовой гаммы.

Потому-то усложнение человеческих потребностей придало иной смысл и иное назначение цветам. Для многих наших современников они приобрели не столько биологическое, сколько сугубо эстетическое значение. Этот факт, свидетельствующий о духовном богатстве людей, возымел немалые общественные последствия. В сущности

мы выделили цветы из большого биологического круговорота. Одно дело — цветущий сад с его перспективой плодоношения, другое — теплица, где выращивают цветы ради самих цветов, не интересуясь семенами. Теплица олицетворяет ныне индустрию цветоводства — самостоятельную отрасль народного хозяйства. Выращивание цветов обрело характер самоцели, поскольку мы испытываем в них настоятельную эстетическую потребность. Когда-то поэт сказал: «Коль нет цветов среди зимы, то и грустить о них не надо...» Современная теплица отменила эту сезонность. Есть цветы среди зимы! Есть цветы круглый год! И это одно из приобретений цивилизации.

Разумеется, мы не перестали любоваться полевой ромашкой, луговой фиалкой и ландышем на опушке леса. Но уже не довольствуемся ими одними. Цветы, выращенные в теплице, на садовых и парковых клумбах, богаче, роскошнее, наряднее. Мы подчас забываем, что предок пышной розы — дикий шиповник, что исходной формой дельфиниума послужил сорняк, растущий во ржи и пшенице, что в полях под Москвой можно встретить невзрачный цветок, превращенный усилиями селекционеров в роскошный гладиолус.

Но прелесть цветов не только в их внешнем виде, но и в тончайшем аромате, который они источают, доставляя нам огромное удовольствие.

Человек сумел осуществить тонкую дифференциацию запахов и выделил самые приятные. Он экспериментирует с ними, совершенствует их путем селекции растений, сочетания определенных компонентов в парфюмерном производстве. Речь идет о приятном, которое имеет материальную природу, но предназначается для удовлетворения потребности, выходящей за пределы первой жизненной необходимости. И все же потребность ощущать благоухание имеет общечеловеческую основу. Аромат каждому приятен, каждому доставляет удовольствие. И оно тем сильнее, чем богаче общее развитие человека, тоньше его эмоциональное восприятие объективной реальности. Пусть оно в конечном счете не достигает уровня художественного наслаждения, тем не менее это наслаждение охватывает сферу не только физического, но и духовного.

Однажды столичный корреспондент побывал на плантациях Научно-исследовательского института эфиромасличных культур в пригороде Симферополя и в беседе с руководителями этого учреждения спросил, не расточительно ли отдавать столь богатые земли для получения парфюмерных ароматов? Не лучше ли выращивать здесь хлеб, фрукты?

Оказывается, продукция, получаемая с одного гектара мяты, равна по стоимости урожаю пшеницы на вдвое большей площади. Что касается розовых плантаций, то здесь соотношение десять к одному. Такова экономическая сторона дела. Надо еще принять в расчет целебные свойства благоухающих веществ. Напрашивается еще один аргумент, который выходит за пределы утилитарного. Эфиромасличные культуры, прежде всего розы и другие цветы, несут в себе еще огромную эстетическую ценность как воплощение прекрасного, нежного, благоухающего. Идеалы коммунизма не противопоставляют материальные блага духовным, а берут их в единстве, и потому здесь вполне уместна формула: хлеб и розы.

Легенды минувших веков повествуют о пристрастии людей к источникам благоухания, об ароматах, которые влияли на судьбы.

Но что эти легенды в сравнении с делами и свершениями наших современников — строителей общества всеобщего счастья. Одно из таких дел, казалось бы обыденных, не претендующих на особое признание, в действительности может служить примером того, как созидается коммунистическое завтра. Речь идет о селекции цветов.

В мире насчитывается 150 тысяч сортов гладиолусов, выведенных с начала их культурного возделывания, то есть с 1841 года. Но работа селекционеров продолжается, и новые сорта пополняют всемирную коллекцию излюбленного цветка. Недавно советский селекционер А. Н. Громов получил сорт, обладающий приятнейшим ароматом. Если учесть, что гладиолусы — цветы без запаха и наши симпатии вызывают они лишь внешним видом, легко понять, как велика эстетическая ценность нового сорта. Еще одна особенность этого растения: аромат усиливается по мере того, как нарастает интенсивность солнечного света. Вполне логично новый сорт был назван «Ра» — «Солнце».

Ученый-экспериментатор затратил целых четырнадцать лет на выведение сорта. Вероятно, каждый поймет и оценит, как велика мера терпения и настойчивости селекционера, как глубоко проникновение пытливого ума в сферу живой материи, в тайну биологического процесса. Что же послужило стимулом в таком сложном и кропотливом деле, которое с известным основанием тоже можно назвать высоким искусством? Конечно, преданность красоте, преданность бескорыстная, но вполне земная. Вот штрих из воспоминаний селекционера Громова, который говорит об огромной нравственной силе, связывающей прекрасное с жизнью: «Осенью 1942 года мы, юннаты, ходили каждый день к раненым бойцам в госпиталь. Что мы им могли носить? Свои цветы. Однажды на третьем этаже здания попали в отдельную палату. Там лежал летчик. У него было разбито лицо, он видел, но не мог реагировать, не чувствовал запаха, вкуса. Мы были мальчишками, мы ничего не понимали, дали ему свои цветы. Он взял их, поднес к лицу и вдруг заплакал. Няни, врачи были потрясены. Когда его оперировали, этот мужественный человек не издал ни стона, ни звука. А здесь... И вдруг они все поняли. Он заплакал от бессилия: он даже не чувствовал запаха цветов... На следующий день мы нарезали ему гладиолусов. Они были очень красивые, и на них можно было только смотреть. И как он на них смотрел!

Вот тогда-то я дал себе слово, что буду выращивать гладиолусы. Нет, не потому, что они не пахнут. Потому, что мы, мальчишки, принесли немножечко счастья тому измученному войной летчику».

Сила, связывающая прекрасное с жизнью,— это сила самой жизни, которая немыслима вне прекрасного. Мы создаем жизнь по законам красоты, для которых открывает невиданный простор наша социалистическая действительность. Красота природы входит в программу созидания нашего светлого будущего, ибо без нее нет полноты человеческого счастья.

В повседневную жизнь прочно вошли духи, призванные имитировать запах одного или нескольких цветов. Но это нисколько не заменяет аромата самого цветка. Мы по-прежнему благоговеем перед этим нежным созданием природы, ибо в нем источник прелести для нашего взора и обоняния. А духи, в чем их ценность? Это вещество, вторичное по своей сути, постоянно напоминает нам о

природе, о роскоши и богатстве растительного царства, дарящего свой волшебный аромат — тончайшую квинтэссенцию его жизнедеятельности.

Пусть не существует искусства, основанного на запахах. Но отсюда не следует, что искусство в процессе эстетического освоения действительности может игнорировать запахи как принадлежность самой жизни. Они органически входят в живую ткань художественных произведений — прозы и поэзии; в богатейшей сокровищнице человековедения им принадлежит особое место.

В свое время К. Бальмонт сделал поэтическое открытие, вообразив солнце носителем всех благоуханий земли. Стихотворение называется довольно смело «Аромат солнца». Приведем небольшой отрывок.

Запах солнца? Что за вздор?
Нет, ие вздор.
В солнце звуки и мечты,
Ароматы и цветы —
Все слилось в согласиый хор,
Все сплелось в одии узор.
Солице пахиет травами,
Свежими купавами,
Пробуждеиию весиой
И смолистою сосиой.
Нежио-светлокаменными,
Ландышами пьяными,
Что победио расцвели
В остром запахе земли.
Солице светит звонами,
Листьями зелеиыми,
Дышит вешним пеньем птиц,
Дышит смехом юных лиц.

Максим Горький высоко ценил стихи Бальмонта — «простые, красочные и сильные», считая автора «дьявольски интересным и талантливым». Эту оценку полностью подтверждает и стихотворение «Аромат солнца».

Выше мы упоминали «Поднятую целину», хутор Гремячий с его запахами вишневых садов. А что сказать о «Тихом Доне»? Шолохов раскрыл здесь все разнообразие запахов донских просторов, без них наше представление об этом крае было бы обедненным, неполным. Мы как бы вдыхаем густые запахи цветущих садов, улавливаем аромат меда, пахнущего чабрецом, троицей, луговым цветом; в утренней тишине сада ощущаем запах крапивы и росы, доносящийся из сенцев запах перекисших хмелин и пряной богородицыной травки; слышим парной запах скотьего база, ременной сбруи, человеческих тел; заглядываем в кизячник, где густо пахнет сухим навозом, выпревшей соломой, объедьями сена. А вот картина засушливого лета: «Терпкий воздух был густ, ветер сух, полынен; земля, пропитанная все той же горечью всесильной полыни, тосковала о прохладе». Подобных картин, раскрывающих глубины жизни через запахи, много в романе, и это усиливает его эстетическое начало, реалистическое звучание.

Благоухающая природа органически входит в содержание лирической поэзии. Особое место здесь принадлежит Афанасию Фету. Его лнрика, раскрывающая очарование прнроды, ие могла пройти мимо источаемого ею аромата.

Прнветствую тебя, мой добрый старый сад,
Цветущих лет цветущее наследство!
С улыбкой горькою я пью твой аромат,
Которым иекогда мое дышало детство.

Поэт утверждал: «Цветы и песни с давних лет в благоухающем союзе». Его душа наполнялась восторгом в атмосфере цветущего сада, и потому самн стихи как бы дышат ароматом:

«Благовонные красы под алмазами росы»;
«У дыханья цветов есть понятный язык»;
«Вечный край благовонных цветов»;
«Цветом липы воздух пьян»;
«Чтоб восприняли мы сердцами весь аромат ее души!»

Отзывчива на благоухание природы лира Ивана Бунина. Ароматы как бы сами собой вливаются в сюжетную канву его пронзведений и, наполняя их, становятся иеотъемлемой принадлежностью пейзажа. Вот взятое наугад описание соловьиной иочи:

Когда же, медленно слабея,
Дождь отшумел и замер гром,
Ночь переполнила аллеи
Благоуханьем и теплом.
Пар, неподвижный и пахучий,
Стоял в хлебах. Спала Земля,
Заря чуть теплилась под тучей
Полоской алого огня.

А вот отрывок нз его прозы: «Помню большой, весь золотой, подсохший н поредевший сад, помню кленовые аллен, тонкий аромат опавшей листвы и — запах антоновских яблок, запах меда и осенней свежести».

Кажется, у Бунина много общего с Фетом — те же тенистые аллеи, кусты роз и жасмина, всякого рода уединенные уголки. Но не они однн. Мир его шире, благоухающие нсточники богаче. Ои, иапример, замечает острый запах лопухов, ржаной аромат иовой соломы и мякины; теплый запах талых крыш, дыма, жилья. Входя в дом, различает запахн старой мебели красного дерева и сушеного липового цвета. Бунин неравнодушен к грнбному благоуханию: «Грнбы сошли, но крепко пахнет в оврагах сыростью грнбной». Самое удивительное в том, что в запахах он улавливает не только настоящее, но и минувшее, как бы чудом сохранившееся в настоящем. Так, в запахе дикой травы ои ощущает древние времена.

Иной мир и иные благоухающие нсточники открываются в лирике Сергея Есенина — поэта самобытного и истинно народного. Он донес до читателя специфический запах крестьянской избы, нсточающей нежный аромат рыхлых драчен в соедииении с терпким духом хомутного дегтя. Но есть и образы высоких обобщений: «Изба-старуха челюстью порога жует пахучий мякиш тишины».

Не раз возвращается он к запахам, связанным с крестьянским трудом: «Ароматией медуницы пахнет жней веселых пот», «Черная, потом пропахшая выть, как мне тебя не ласкать, не любить?», «Духовитые дубравы кличут ветками к реке», «Тянусь к теплу, вдыхаю запах хлеба».

Порой он воспринимает запахи по настроению: «И душа моя — поле безбрежное — дышит запахом меда и роз».

Для сельского жителя средней полосы особенно близок и дорог аромат яблочного благоухания, в первую очередь антоновки, аниса, коричных. Южане ценят запах цитрусовых — лимона, мандарина. Горожанин и на юге и на севере равно пристрастен к аромату чая и кофе. Но есть аромат более сильного свойства, хотя мы часто не замечаем его. Речь идет о хлебе. Хлебный запах может служить общим эквивалентом благоухающей природы — приятно-духовитый, бодрящий, ласково-теплый, дарящий самую большую радость, ощущение жизненной силы. В нем соединились запахи земли, солнца и трудовых усилий. Ему посвятил стихи советский поэт В. Гришин.

Удивителен запах хлеба!
Этот запах нам с детства знаком.
Пахнет хлеб и степью, и небом,
И травой, и парным молоком.
Пахнет хлеб раскаленным подом,
Теплым снегом, и вешней грозой,
И мужицким соленым потом,
А порой и мужицкой слезой.
Ах как вкусен хлеб! До чего же
И душист он и пышен, как пух.
Лишь пресытившийся не может
До конца оценить хлебный дух.

Благоухающее очарование исходит порой не только от природных источников, но и от самой жизни. Ароматом полнится жизнь. Мы ощущаем его не обонянием, а сердцем, когда добиваемся желанных успехов, осуществляем большую цель, пробиваясь через тернии к звездам.

Мы живем в знаменательный век планомерного облагораживания природы, оптимизации общения с зеленым царством, что составляет одну из предпосылок всеобщего добра и счастья, одно из слагаемых программы коммунистического созидания. Закладываются новые сады и парки, леса и полезащитные полосы. Селекционеры выводят новые сорта культурных растений. Благоуханием и красотой полнятся наши края. Это о них стихи поэта Леонида Мартынова: «Земля, великая красавица, еще красивее становится».





АЛЕКСАНДР РОГОВ

В ОБЬЕКТИВЕ —ПЕСЧАНЫЕ ВОЛНЫ

Очерк

Трудно сказать, что для меня значит больше: профессия инженера-механика или увлечение подводными исследованиями. Конечно, работа есть работа, но вот уже более двадцати лет я провожу отпуск в подводных экспеднциях. Не одну сотню часов плавал в глубинах морей с аквалангом за плечами н подводным фотоаппаратом в руках. И по сей день не расстаюсь со снаряженнем легководолаза, потому что люблю море и крепко дружу с людьми, которые первыми привлеклн аквалангистов к морским экспеднциям. Нашн маршруты пролегалн в самые отдаленные уголки страны, даже в те моря, которые ранее казались недоступнымн.

И с кормы судна, и сквозь стекло легководолазной маски хорошо видели мы, что нет двух одинаковых морей и в глубине у каждого свой аромат, свой цвет и свое неповторнмое убранство. Любая акватория — Каспий ли то был или Японское море, Баренцево илн Берннгово — хранит и на побережье, н в глубине следы деятельности человека. И необычайно увлекательно изучать взанмосвязн живого морского мира, его природные механизмы. В этом мы оказывали помощь специалистам.

Первые шагн давались трудно — море не вдруг открыло для нас свои глубины, везде это была грозная и своенравная стихия, с которой требовалось обращаться умело, не рнсковать без надобности. Постепенно прнходил опыт, а с ним уверенность в свонх силах.

Охотно принял я предложение участвовать в экспедиции, изучавшей рельеф дна Белого моря. Она была необычной — предстояли наблюдения за движением донных песчаных волн. Подобных исследований ранее не проводили, поэтому предстояло решить немало интересных н сложных задач. Работы велнсь вблизи Соловецкнх островов, и база экспедиции находилась на этом заповедном архипелаге.

Белое море можно разделнть на семь районов: воронка, горло, бассейн и четыре залива. Воронка связывает горло с Баренцевым морем, а заливы смотрят в разные стороны света.

Соловецкие острова лежат на условной границе между бассейном н Онежским заливом. Колебания уровня воды и прилнвно-отливные течения в указанных районах неодинаковы, наиболее днвамичны они

именно на этой границе. Здесь в 1973—1974 годах лабораторней лнтодннамнкн Института океанологии АН СССР именн Ширшова былн обнаружены на дне моря песчаные волны необычайно крупных размеров: расстоянне между соседнимн гребиямн волн доходило до шести метров, а в высоту онн достигали трех-четырех метров. Песчаные волны непрестанно перемещаются: приливно-отлнвные и постоянные течения сдвнгают нх. Это движенне нмеет определенные направления н скорость, и требовалось изучить его. Потоки воды меняются дважды в сутки, это дает возможность в динамике наблюдать процесс перемещения песка. Наблюдения предстояло проводнть в районе Соловецких островов, в местах, удаленных от берегов н открытых ветрам н течениям. Здесь нужен был помимо всего прочего еще н фотоаппарат-робот, который должен был бы работать сутки или двое незавнсимо от состояння стнхии. Фотографнровать же водолазы могли только в краткие промежутки времени, не более 30 мннут в суткн, когда вода была относительно спокойна между прилнвом н отливом.

Тот, кто уже погружался здесь, рассказывал нам, что после краткого затишья вблизн островов начинали вихрнться потокн и струн, которые отрывалн аквалангистов от дна н уносили их в сторону.

Экспеднцией руководил Марк Толчннский — мой товарнщ по клубу аквалангистов в МВТУ имени Баумана — ученый и энтузиаст подводных нсследований. Пригласив меня, он сразу поделился заботамн о подводном аппарате-фоторегнстраторе. Подобного аппарата просто не существовало. А экспеднция уже работала, были обследованы и отобраны для съемок участки дна с необычнымн волнамн, отлажена методнка погружений. И Марк решил нзготовить прнбор собственнымн силами. Он должен был быть безотказным и таким, чтобы можно было нспользовать для его нзготовления обычные узлы н деталн. Здесь нам помог общий знакомый Виктор Суетнн. В то время мы с Внктором работалн в техническом комитете Федерацнн подводного спорта СССР, общалнсь с ведущимн специалистамн разных областей науки и техники.

Прибор получился необычный, но к летнему сезону фоторегнстратор отладилн, н мы сталн готовиться к встречам с глубинамн Белого моря. Вместе с увлеченнымн своим делом океанологами-легководолазамн нас ожидали морские рейсы на катерах, знакомый звон воздушных пузырьков в голубых толщах вод. Для меня это была седьмая экспеднция на Беломорье, для Виктора — вторая, но ннтерес к походу у всех нас был очень велик.

Стоял июль, когда мы — съемочная группа экспеднции — подплывали к Соловецким островам. Турнстский теплоход «Югорский Шар» должен был прнчалнть в бухте Благополучия, где нас обещалн встретить. Марк писал, что вышлет один из двух катеров, так называемый «малый рыболовный бот». Мы очень надеялись на него, нбо до места расположения базовой экспеднции было сорок миль морем, а багажа набралось многовато. Сухопутным путем поэтому добираться было крайне сложно.

На море штиль. Светит солнце, которое в полночь лншь на несколько мннут окунулось в воду. Оно скрылось на севере, а не на западе да и поднялось нз моря почти в той же точке. Вслед за солнцем, как в сказке, из морской дали вынырнули верхушки

деревьев, потом появился могучий лесистый холм, и Соловецкий остров с куполами церквей стал быстро приближаться.

Корабль медленно скользил по глади моря, и казалось, что берега острова берут «Югорский Шар» в плен. Слева на нас наступал сплошной массив леса, а справа — гористый полуостров, на котором возвышалась могучая монастырская стена. Веселая толпа туристов, собравшаяся на палубе, уже мысленно была там, в знаменитом монастыре.

Берега, к которым мы подплывали, оказались сильно изрезанными. Вблизи виднелись маленькие островки, отмели и отдельные камни. Прямо за причалом берег круто поднимался вверх. Уровень воды обозначен был валунами, которые блестели шапками водорослей, омытых набежавшей от судна волной.

В прозрачной воде нам с палубы видны были заросли морской капусты — ламинарии, а на прибрежных камнях бахромой свисали ленты другой бурой водоросли — фукуса пузырчатого. Это исконные обитатели арктического моря, произрастающие близ берега.

Белое море — единственное в Северном Ледовитом океане, большая часть которого расположена южнее полярного круга, но оно издавна известно как студеное и по праву считается арктическим. Когда-то оно входило в состав теплого Литоринового моря, существовавшего в атлантическую эпоху, и как память об этом в прибрежных районах Беломорья сохранились некоторые теплолюбивые — бореальные животные и растения. Мы с Виктором знали об этом и кроме работ с фоторегистратором надеялись на подводные встречи с этими реликтами.

Берег был безлюден, и маленький причал казался среди величественной природы лишним. Солнце, просвечивая сквозь стену сплошного леса, украсило вершины деревьев золотым ореолом. Великаны сосны и ели в убранстве мха и лишайников представляли картину сказочную. Лес был могучим, и как-то не верилось, что вокруг студеное море, берущее острова в шестимесячный ледовый плен.

Теплоход причалил, и поток туристов устремился к древним строениям. Мы выгрузили вещи, но радостное настроение от первой встречи с заповедными островами постепенно стало исчезать. Ни катера, ни какой-либо вести не было. Ждали до вечера. Потеряв надежду на приход катера, стали искать сухопутный транспорт до бухты Сосновой. Выручил водитель грузовика, сказавший, что нам повезло: ведь в бухту редко кто едет, могли и заночевать на берегу.

Дорога шла лесом, трясло немилосердно на ухабах и корнях, но настроение поднялось. «Берендеев» лес своим обликом и запахами не мог не очаровывать. Сквозь густую его поросль мелькали голубые озера, мы переезжали через каменные мостки давнишней, но крепкой постройки. Вдоль дороги попадались часовенки, иногда рукотворные каналы, обложенные камнями. Это был водный путь внутри острова — система озер, соединенных естественными протоками и искусственными каналами.

Еще в XV веке обосновались монахи на этих скудных и суровых землях, обжили их и развили разные промыслы. Добывали из морской воды соль, занимались земледелием, били зверя, ловили рыбу. По указу Петра I изготовляли железо, научились ловить и выращивать затем в быстрых карельских реках моллюсков-жемчужниц. Монашеская братия была хорошо организована и умела

привлекать к работам ремесленников и крестьян.

На отвоеванных у леса землях выращивали рожь, ячмень, овес и просо. Это трудно, но достижимо, а вот как удавалось здесь, у полярного круга, культивировать арбузы и розы? Ведь произрастали эти теплолюбивые южные пришельцы не в оранжереях, а в естественных условиях, в открытом грунте. А секрет был несложен: просто из бани были проведены под землей трубы с горячим паром.

На острове за 65-м градусом северной широты и по сей день в открытом приполярном саду на хуторе Горка можно видеть ботанические чудеса — выведенные на Соловках яблони, орешник и клен. Но вот ни арбузов, ни роз уже нет, потому что баня не работает, а система труб разрушилась.

Секирная гора, хутор Горка, деревянная Андреевская церковь сказочной архитектуры на Большом Заецком острове, гора Голгофа на Анзерском острове — все это летопись истории Соловецких островов, не говоря уже о величественном памятнике — Соловецком монастыре. Можно с уверенностью сказать, что другого такого городища у нас нет. Основание монастырской стены сложено из валунов, вес каждого из них достигает восьми — десяти тонн.

Величавы памятники за этими стенами — соборы, церкви и палаты, соединенные крытыми переходами. Долгое время эти массивные стены были защитой России от приближавшихся с севера врагов. В XVI — XVII веках Соловецкий монастырь не раз успешно отражал нападения ливонцев и шведов, а в 1854 году, во время Крымской войны, выдержал девятичасовой обстрел артиллерией трех английских кораблей.

И вот проезжаем на грузовике мимо заброшенных пустошей — бывших пашен, разрушающихся часовен и зарастающих каналов. К сожалению, сказывается недостаток средств на реставрацию. Нельзя без возмущения смотреть и на следы пребывания туристов — груды ржавых банок и битой посуды.

Глубокой ночью прибыли на базу экспедиции. Лагерь был раскинут на берегу бухты Сосновой. Вокруг лес и море. Стараясь не нарушать покоя, царившего в палаточном городке, поставили свои шатры.

Утром узнали, что из строя вышли оба судна. Подвели старенькие катера, купленные экспедицией у местного рыбколхоза. Сначала ремонта потребовало одно судно, потом другое. «Целую неделю только и занимались починкой,— объяснил нам Марк.— Хорошо, что приехали, помогайте».

Аварийное судно на приливе пришвартовали к берегу. В отлив, когда оно стало обсыхать, под его борта подвели распорки — благо плавника повсюду много. В полный отлив у нас была вполне пригодная верфь, но сроку морская стихия нам отвела всего полчаса. За это время успели насадить винт и закрепить его. Пришла вода, и наш корабль закачался на волнах.

Настала пора готовить фоторегистратор. Мы с Виктором закрепили на штативе обтекаемую, эллиптической формы камеру. Штативом служила тренога, собранная из уголкового проката. Впереди камеры на метровую длину и намного в стороне от оси съемки были закреплены два рефлектора с импульсными лампами-вспышками, от камеры и ламп шли кабели к герметичной коробке, в которой находилось питание — набор портативных батареек. Вся система



Главный конструктор фоторегистратора Виктор Суетин готов передать аппарат в подводную лабораторию

была герметична и могла выдержать десять избыточных атмосфер давления, что соответствовало стометровой глубине погружения аппарата в воду.

Необычная съемочная техника в умелых руках Виктора ожила — испытания прошли успешно: слышно было, как внутри бокса работают механизмы, исправно чередовались вспышки осветительных ламп. Мы провели съемку с частотой 48 кадров в сутки.

Перед выходом в море ознакомились с техникой безопасности при погружении у Соловков. Здесь важна была тщательная подготовка, спуски следовало точно приурочивать к перемене направления течения. Определяли по таблицам время «тихой воды» — смены прилива и отлива, затем подсчитывалась длительность перехода на катере к месту погружений аквалангистов, и только после этого суда выходили в море.

Теорию организации погружений надо было подкрепить практикой, да и вообще следовало нам проверить и себя и снаряжение после годового перерыва. Решили в «тихую воду» выйти в море. Выплыли из бухты Сосновой на лодке, выбрав маршрут к подводной скале, которая в полукилометре от берега скрывалась под волнами. Сначала в связке с аквалангистом, уже освоившим погружения у Соловков, должен был пойти я, затем Виктор. Я взял с собой обычный подводный фотоаппарат, а напарник — двухметровую пику. Мы знали, что скала отвесно уходит в глубь моря на 20—25 метров, а там, у ее основания,— песчаное дно.

Спускаемся в воду. До этого в Белое море я погружался десятки раз, но подтверждалась интересная особенность: каждое новое погружение воспринималось как самое первое и приносило свои особые ощущения.

Вот н в тот раз, прыгнув в воду, я очутился средн знакомых струй воздушных пузырьков, но преломление солнечных лучей образовало вокруг неповторимое голубое сияние. Цветной калейдоскоп радует глаз, но прямо иад головой прыгает иа волнах диище лодки, и я побыстрее ухожу вглубь, чтобы избежать опасного столкновения.

Преодолеваю метра трн, н смутно различимая скала становится отчетливо видимой. На ее вершине, сопротивляясь водным потокам, прижились ламинарин, их обтрепанные концы загнулись в одну сторону,— значит, есть течение. Вода в море движется даже н в минуты, когда нет прилива, и мы, влекомые мягкой, ио упругой силой, скользим вдоль утеса вниз.

Перед глазами темный гранит с редкими пучками растеиий, ио неожиданно стена переходит в уступ, и мы зависаем иад ступеиью огромной подводной лестницы, основание которой покрыто друзами мидий н светлыми наростами, средн них морские звезды. Нащупываю нарост, напоминающий поролоновую игрушку,— это губка.

Наконец уступы и уступчики, которыми покрыта скала, кончились, н мы увидели дно. Около скалы песок вынесло течением, под утесом ложбина, переходящая в песчаную гряду. Но это была вполне «нормальная» полуметровой высоты волна, а ие «гора», с которой я мечтал встретиться. Дно вокруг скалы ие было плоским, среди песчаных волн возвышались гряды камней и отдельные островки, которые, навериое, н задерживали стремительные потоки воды, мешая образованию крупных песчаных валов.

В одном месте темнели углубления, похожие на норы. К одиой нз них подплыл мой спутник, в тот же миг нз темиой щелн вылетел клубок мути, н крупная рыба повнсла иа пике. Принятая мною за камень голова зубатки привлекла внимание аквалангиста, ио за свое любопытство он мог поплатиться, хорошо, что хищница сомкнула челюсти на металлическом пруте. Извиваясь и скользя по стержню пики, рыба все ближе подбиралась к руке незадачливого иаблюдателя.

В то мгновение в руках у меня был фотоаппарат, и вместо съемкн я кинулся на выручку товарища. Размахивая фотобоксом, не приспособленным для рукопашной схватки, все же ухитрился зацепить им зубатку. Мне удалось отстранить ее от руки аквалангиста, но на мои удары рыба отреагировала, как злая собака на палку: она разомкнула челюсти и, бросив пику, кинулась ко мне. Миг, и зубастая пасть сомкнулась иа одиой из рукояток аппарата. Теперь я почувствовал могучую силу ее тела, трудно сказать, кто кого разворачивал и крутил в морской воде — я рыбу или оиа меня. И хотя борьба шла с переменным успехом, мне все же удалось прижать противника к скале. Мой напарник сумел пустить в дело свое оружие и пронзил зубатку острием пики. Однако рыба продолжала терзать мой фотобокс.

Так, переплетенные в боевой схватке, мы н всплыли на поверхность, н здесь зубатка, выбросив из пасти фототехнику, принялась цапать все, что попадало ей в пасть. Общими усилиями закинули мы

неистовую рыбу в лодку, но и там она причинила хлопоты — гребцам не сразу удалось утихомирить ее: ведь у них не было оборонительного оружия. Обычно беломорские рыбаки, выходя в море, берут с собой деревянные колотушки, чтобы оглушать вынутых из сетей свирепых зубаток, пасти которых вооружены острыми и крепкими, как гвозди, зубами.

Наконец и мы забрались в лодку, но время потеряно, а прилив набирает силу. Пришлось Виктору тренироваться в следующий раз.

Настал день выхода в море. Фоторегистратор на борту, заряжены акваланги, проверены гидрокостюмы. Подсчитано время перехода — и мы в рейсе. Идем на юг, приливное течение помогает, на отмеченном буйками участке моря оба катера встают на якорь. Наконец белые листы пенопласта — буи на поверхности моря — утихомирились и лишь слегка покачиваются на якорных шнурах. Наступает минута, к которой готовились несколько месяцев: двухметровая тренога медленно опускается в воду. Боцман и двое матросов — почти вся команда катера — бережно травят пеньковые канаты, и рама с осветителями и аппаратом скрывается в беломорской воде.

Погружение аппарата закончено, ослабло натяжение канатов. Пришла очередь аквалангистов. Вдвоем с Марком спускаемся по трапу в воду. Напарник в легководолазном костюме «мокрого» типа — черная микропористая резина плотно обтягивает его тело. Этот костюм отличается от моего «сухого» тем, что его резина смачивается водой как снаружи, так и изнутри, поэтому давление на обе поверхности одинаково. Тело водолаза в таком гидрокостюме не испытывает давления воды снаружи, и одежда подводника не стягивается в жесткие и неудобные складки. Но «мокрый» костюм неудобен в основном тем, что вода проникает к самому телу. На мой взгляд, это костюм для теплых морей, хотя Марк и научился погружаться в нем в холодные глубины Белого моря. Однако более 30 минут, по утверждению участников экспедиции, легководолазы в костюмах «мокрого» типа работать не могли.

Я надел свой залатанный «Садко-2» — костюм «сухой», если он не порван. В этом костюме погружался я и в Баренцевом и Беринговом морях, и в теплых водах Каспия, но нигде не испытывал потребности побыстрее выйти на поверхность из-за того, что сильно замерз. В костюм этот вода не поступает извне, в нем нетрудно расправить складки, образовавшиеся на глубине, он легко продувается воздухом изнутри. Хотя «Садко-2» немного громоздок по сравнению с «мокрым», но я был доволен им. Ведь мне приходится много фотографировать под водой, а в этом случае требуется терпение.

Итак, мы вдвоем с Толчинским в беломорской воде. Опять, как и прежде, много лет назад, когда мы с ним впервые открывали для аквалангистов глубины студеного моря, он стремится куда-то вбок, все вперед и побыстрее.

Марк нырнул вниз, а я, перебирая одной рукой ходовой канат, опускаюсь не так резко. Перед спуском я брызнул на стекло маски немного холодной воды, чтобы оно не потело при погружении. Теперь мокрые края маски, холодя лицо, напоминают о том, что я в глубине, и заставляют сосредоточиться. В свободной руке у меня фотобокс с аппаратом «Салют». Правда, в хорошем качестве будущих снимков я не очень уверен, ведь осветитель от моего

аппарата с двумя лампами-вспышками и системой питания пошел на комплектование фоторегистратора.

Под нами 20 метров глубины, поэтому не сразу увидел я его раму. Но вот серебристая поверхность бокса аппарата и белый металл рефлекторов начинают просвечивать сквозь сине-зеленый сумрак. Наконец видна и вся рама. Зрелище удивительное: металлическая ажурная конструкция с обтекаемыми приборами тремя лапами оперлась на синеватую гряду. Вправо и влево от нее протянулись линии неровных замерших песчаных волн, их бесконечные ряды теряются во мраке, и от этого видимая мной площадка кажется выпуклой, с освещенным центром и размытыми краями. Так и напрашивается сравнение с пейзажем чужой планеты. Но парящий над этой поверхностью человек возвращает меня к действительности. Марк поворачивает ко мне лицо и дает сигнал — мы у цели. К нам спускается еще один аквалангист, вдвоем с Марком они будут размечать площадку перед камерой — будущее поле съемки. Сначала намечают ось съемки, проведя параллельно гребню «дюны» черту. В этом направлении по хорошо видной на песчаном грунте канавке они втыкают вешки-реперы — стальные прутики, окрашенные черной и белой красками. Втыкаются вешки на глубину 50 сантиметров, что вполне достаточно, на поверхности остается полтора метра.

Я фотографирую треногу, течение лишь напоминает о себе, но удержаться на одном месте уже не так-то легко. Аквалангисты работают у самого дна, и им во много раз труднее, чем мне. Чтобы погрузить вешку в плотный, перемытый морской водой грунт, легководолазы долго крутятся, вдвоем нажимая на нее. Они помогают себе, подгребая ластами. Их действия выглядят странно. На поверхности земли нам их не понять — нажимая на лопату или кол, втыкая их в грунт, мы используем наш собственный вес. У легководолаза этот вес уравновешен выталкивающей силой воды. Аквалангист как бы парит в глубине, испытывая чувство, похожее на невесомость. Это приятное чувство, хочется еще и еще раз погрузиться в толщу воды. Но при работе на дне «невесомость» — помеха. Вот и мои напарники, втыкая тонкие прутки, что на суше не вызвало бы никаких затруднений, тратят очень много времени и сил.

Но вот наконец продольный ряд реперов установлен, теперь дело за поперечным. Это и будет масштаб, который поможет измерять смещение дюны. В продольном ряду шесть вешек, поперек устанавливают восемь, крайние — для большей надежности.

Течение все нарастает, и едва я отплываю от рамы, за которую держусь, как поток подхватывает меня и тянет вверх. Делаю рывок, усиленно работая ластами и подгребая одной рукой. Мне удается спуститься немного вниз и продвинуться к ходовому канату. Схватываю его и, подтянувшись, обвиваю ногами.

Дело принимает серьезный оборот — ведь еще надо поставить треногу, развернув ее на ось съемки вдоль гребня песчаной гряды. Но вот ребята закончили разметку, втроем собираемся у основания рамы. Свой аппарат кладу рядом, и мы, держась за треногу, начинаем ее приподнимать. Это не так трудно: фоторегистратор здесь намного легче, чем на суше.

Наконец справляемся с этой задачей. Во время установки треноги аппарат один раз сработал, — значит, прошло тридцать минут. Итак, аппарат действует. Яркая вспышка осветила кусочек морского дна,



На одном из сотен снимков, которые выполнил робот-фоторегистратор, запечатлены гребень волны, вешки-реперы, стайки рыб и обрывки водорослей

тренога установлеиа, и, хотя первый кадр был снят случайно, мы спокойны за остальные снимки, оии будут фиксировать гребень волны и расскажут о том, что с ней происходит. Пробная съемка началась.

Плыву за своим боксом, оставленным иа дие, и опять дивлюсь подводиому пейзажу. Песчаные волны впечатляют — таких больших мне еще видеть не приходилось. Например, песчаные гряды иа дне Каспия многочисленны, ио это просто легкая рябь по сравнеиию с великанами, распростертыми подо мной. Дно моря-озера покрывали ряды песчаных волн в несколько вершков высотой. Песчаные поляны на дие Япоиского моря также разлииованы невысокими волнами, в Бериинговом море песчаные участки мие ие встречались вообще. Есть иаиосы песка и в Черном море, но и там гребни их иевысоки. Навериое, это все объясняется иезиачительиыми по скорости сгонными и нагонными течениями. Приведенные примеры относятся к морям с малыми приливами, а в Белом море высота прилива достигает в местах, где проводились работы, двух метров.

Подплываю к гребию песчаной волны. В свете ламп-вспышек она мне показалась голубой. Сейчас, в момеит борьбы с течеиием, когда потоки воды срывали с ее макушки вихри песчаных струй, мне было ие до этого. Мой красивый, ярко окрашеииый фотобокс выглядел уиылой серой кочкой, наполовину занесенной песком. Еще полчаса, и мне бы его не отыскать, ведь вокруг поднималась настоящая песчаная буря. Мимо меня проиосились обрывки водорослей и струи песка. Подхватив аппарат, я устремился вверх. Внизу остались и тренога, и окружающие ее песчаные великаны.

Появляюсь на поверхности в отдалении от катера, ложусь на спину и регулирую ритм дыхания. Сбить ритм, работая на глубине в закрытом гидрокостюме, дело гиблое. Акваланг неумолимо выдает только расчетное количество воздуха, потребное для хорошей вентиляции легких. Поэтому резких движений продолжительное время аквалангисту делать нежелательно: попробуйте побегать в противогазе, и вы поймете, что это такое — сбить дыхание. Зная все это, я развернулся головой против течения, лег на спину и, подгребая ластами, стараюсь оставаться на месте. Мне сбросили с борта конец с привязанным к нему буем. Жду, когда его подгонит течением.

Благополучно возвращаюсь на борт. На поверхности воды потоки также сильны, течение повернуло наши легкие суденышки, и команды катеров ждут разрешения запустить машины, надо начинать подрабатывать винтами, чтобы удерживать катера на месте. Существует правило: нельзя запускать двигатель, пока водолаз в воде. Наконец все собрались на палубе, и можно поднять якоря.

Подъем якоря на малом рыболовном боте — дело несложное, но боцман и два его помощника не могут справиться с этим. Якорь вдруг стал очень тяжелым. Не успев полностью раздеться, спешим на помощь. Наконец на поверхности, к общему изумлению, появляется фоторегистратор — аппарат и верхняя часть треноги. Один из якорей зацепился за кабель вспышки и, оборвав его, согнул стальной уголок стойки рамы.

Вся наша работа пошла насмарку. Стало ясно, что течение тащило катера, якоря их не держали. Мы получили урок от своенравной стихии. Смирились с тем, что и отрицательный результат все же нам что-то дал. Горюем, но шутим: «отрепетировали» разметку поля съемки и установку треноги. И еще уяснили немаловажное: на катере надо отдавать два якоря — с кормы и носа.

Вскрыв бокс аппарата и пострадавшую лампу, убедился, что внутренних повреждений нет, вода туда не попала. Все обошлось более или менее благополучно, но на ремонт требуется время и материалы, а прилив набирает силу. Решили возвращаться на базу.

Ремонт и наладка отняли еще три дня — больше, чем предполагалось. Как сказал Марк, наш эксперимент вскрыл его слабое звено. Как знать, не преподнесет ли морская стихия еще несколько сюрпризов?

Повторное погружение прошло более удачно и быстрее. Работы провели утром, в отлив, а предыдущий раз выходили в море днем — перед приливом.

Я опять фотографировал под водой, солнце лучше освещало место съемки: ведь отлив угнал двухметровый слой воды. Меня обнадежили проявленные в походной лаборатории пленки, на них получились вполне сносные изображения. На моей — три кадра из сюжета подводных работ, а на случайно снятой фоторегистратором была видна перчатка водолаза и кусочек «дюны». На негативе хорошо просматривалась структура поверхности дна, а это было самым важным — ранее мы могли только предполагать, что яркость ламп и резкость изображения рассчитаны правильно.

На сей раз суда ставили на якоря с особыми предосторожностями. А перед спуском аппарата на дно капитаны развернули катера навстречу ожидаемому течению и закрепили кормы вторыми якоря-

мн. Треногу опустили быстро, но место работ, как и полагали, оказалось несколько в стороне от прежнего, поэтому разметку делали заново, снова разворачивали аппарат по оси съемки.

И вот опять передо мной череда песчаных гребней. Кажется, что волны сказочного моря замерли в стоп-кадре, они сине-зеленого цвета, и их очертания теряются вдали. У подножия треноги начинался обрыв, в который я раза два съезжал, подмяв ластами гребень. Параллельно исследуемому откосу, на расстоянии семи-восьми метров, виднелась соседняя гряда, светлой полосой уходившая в обе стороны. За ней угадывалась следующая, а далее видна была только плотная дымка — завеса морской воды. Я смотрел на геометрию морского дна и думал, удастся ли нам разгадать закон его построения? Под ногами были и волны-великаны и мелкие заструги, похожие на снежные иаметы в поле. Эти последние шли поперек основной структуры. Какие силы образовали их?

Я знал, для чего нужно определить динамику песчаных наносов. Это важно, так как данные о направлении и скорости движения песчаных гряд нужны ученым, гидростроителям. Подобные волны могут поглотить на своем пути неудачно расположенный причал, засыпать затвор проточной части гидротурбины приливной электростанции или причинить другой ущерб. Район распространения песчаных образований надо знать и рыбакам. В таком районе нет водорослей, а значит, не поймать рыбакам здесь кормящейся рыбы.

Но можно задать вопрос: неужели так уж страшны эти песчаные волны? Ведь они не выходят на берега.

Да, это так. Пока даже песчаные дюны прибрежной зоны и барханы пустынь мгновенно не поглощают города или реки. Сейчас строителям движущиеся пески опасны локально, надо уметь защитить от них строящееся шоссе или железную дорогу, опоры электропередачи, буровую вышку геологов или домик гидрометеоролога.

Но наши работы не напрасны, даже если мы выясним, что подводные песчаные волны движутся в замкнутом цикле, как барханы во многих пустынях; тогда нужно будет четко установить границы опасного района и стараться не строить здесь подводных сооружений.

Ну а если строить все же придется? Вот тогда на основании уточненных законов перемещения донных образований ученые дадут рекомендации строителям.

Ведь из истории известны многочисленные примеры, когда неразумная или недальновидная хозяйственная деятельность причиняла огромный ущерб, порой непоправимый. Взять хотя бы сведение лесов, вызвавшее эрозию почвы и гибель плодородных ее слоев. И во многих случаях в таких местностях появлялась пустыня с ее неумолимыми песками.

Человечество накопило много знаний и опыта, касающихся разумного хозяйствования и природопользования, но еще больше предстоит познать. И наша экспедиция с ее очень узкими, но важными задачами преследовала те же цели.

...Пока я разглядывал волны и фотографировал их, мои напарники закончили работу, и мы благополучно по ходовому канату поднялись вверх. Якоря подняли быстро, хотя и ждали с замиранием сердца: вдруг опять покажется фоторегистратор? Но все прошло



Аквалангист обследует установленный на дне фоторегистратор

нормально, значит была надежда на успех.

Через сутки отправились за отснятой пленкой. Аппарат приподняли из воды, вскрыли, вынули кассету, вложили новую и опустили конструкцию под воду. Три водолаза поставили треногу на место, и эксперимент был продолжен.

Результаты съемки оказались удовлетворительными. Все 100 кадров были отсняты, и, на наш взгляд, они поддавались расшифровке. Мы отметили достаточную резкость изображений. Хватило и света — все реперы видны на поле съемки. Некоторые кадры были затемнены взвешенными в воде частицами, время их экспозиции соответствовало наиболее сильному течению. На некоторых кадрах получились стайки рыбок, на других ленты водорослей, которые зацепились за рамку регистратора или вешки. Кстати, по их положению можно было судить о направлении течения. Расположения реперов на соседних кадрах мало чем отличались друг от друга, различия касались только движущихся предметов — рыбок, медуз, водорослей. Для определения смещения песчаной волны требовались тщательные замеры в лабораторных условиях.

Программа наших работ была выполнена: мы провели испытания аппарата, определили его надежность, уточнили методику съемки. Определили и пути усовершенствования аппарата.

В оставшееся время мы с Виктором поплавали и поснимали под водой. Мы знали, что вокруг островов много водорослей, и не случайно здесь организован комбинат по сбору этого ценного морского продукта. Рядом с нашим лагерем жили добытчики ламинарий. Слоевища этих растений, которые так и хочется назвать листьями, длинными рядами сушились на жердях вблизи берега. Добывали ламинарию надводным способом. Сборщики на лодках

специальными косами резали пучки водорослей и поднимали на берег. Работа эта требует недюжинной силы и ловкости. Обычно лодка раскачивается на волнах, добытчик, балансируя на подвижной опоре, двигает косой и вытягивает на поверхность тяжеленные пучки блестящих от воды растений.

Наши ребята видели на противоположной стороне острова другой отряд исследователей, которые испытывали драгу для сбора водорослей. Там были и аквалангисты, проводившие подводные наблюдения за работой этого нового нужного агрегата. Подводники рассказывали, что сначала ножи для срезания водорослей постоянно ломались, натыкаясь на камни, на которых держатся растения. У специалистов, создавших и испытывавших драгу, были свои трудности первопроходцев. Мы их понимали и верили, что рано или поздно водорослеуборочная машина появится на голубых нивах.

Добыча водорослей у берегов Соловецких островов ведется давно и, наверное, приносит ущерб сбалансированному «организму» подводного мира. Учитывая то, что надводный промысел на заповедных территориях запрещен, следует, видимо, и добычу водорослей вблизи архипелага значительно ограничить или запретить вовсе.

Я погружался в местах, где много ламинарий, фотографировал интересные сцены. Здесь, на дне, у оснований ножек водорослей немало мидий, а там, где мидии, обитают и морские звезды. Среди зеленых лент растений плавают прозрачные маленькие креветочки. Они, как солдатики, стоймя зависают на одном месте, перебирая ножками. Если лежать неподвижно на дне, то прямо на тебя может выплыть треска или стайка молоди сельди.

В одно из таких погружений я наблюдал за гагой, которая охотилась. Утка нырнула в мою сторону и, подгребая крыльями, тыкала клювом в укромные уголки морского дна. В воде она, наверное, больше доверяла осязанию, чем зрению. Гага держалась возле камней, но клюв ничего не находил. Я изумлялся ее выносливости — она оставалась под водой очень долго. Пока она плавала, я успел раза три вдохнуть живительную струю воздуха из акваланга. Утка сторонилась воздушных струй из аппарата, но продолжала плавать поблизости. Вот она наконец-то нашла поживу, в ее клюве дергался крабик, похожий на паучка. Молниеносно долбанув его и схватив за клешню, гага устремилась к поверхности. Я лежал неподвижно, боясь спугнуть охотницу.

Утка всплыла, и я не мог видеть ее маневров с крабом. Видны были только лапки, которые забавно шевелились. Плавая под водой, гага держала их поджатыми, наподобие реактивного самолета с убранными шасси. Но вот крабик стал тонуть, плюхнувшись на поверхность воды. Гага нырнула за ним и снова потащила вверх. Краб опять упал в воду, он шевелил оставшимися лапками и неуклюже опускался вниз. Вдруг откуда-то сбоку в горизонтальном полете появился еще один охотник. Его черно-белая окраска в подкрылках выдавала в нем гагуна. Он подплыл под водой к тонущему крабу и схватил его, продолжая плыть. Зазевавшаяся утка нырнула, но вместо добычи нашла лишь взвихренную воду. Она ринулась за обидчиком, возникла потасовка. Обе утки вынырнули на поверхность, и из круговерти их тел в воду упал полуживой краб. Утки не стали преследовать его, и тот скрылся в зарослях. Я встречал крабов без клешни или лапы, попадались и экземпляры, у

которых одиа клешня зиачительио меньше другой. Члеиистоногие способны восстанавливать некоторые части тела, и я надеялся, что пострадавший крабик выживет.

Вскоре мы покидали Соловецкие острова, кусочек суши, поросший вековым лесом, холмы, озера, протоки, купола церквушек среди зелени леса, каменные стены моиастыря, проложеииые людьми дороги и тропы. И к этой картине добавлялось увидеииое за голубым барьером — неотвратимо иадвигающиеся в сине-зеленой мгле бесчисленииые песчаные гряды, у которых своя красота и свои взаимосвязи с живой и неживой природой. Там, под покровом воды, борются за существование и заросли ламинарий, и косяки сельди, и свирепые зубатки, и ныряющие гаги, и ползающие крабы, и многие другие животные и растеиия.

Теперь там, в глубине, пролегли людские тропы, оии пока ие видны, но оии появились, и их будет все больше. Важно, что эти тропы прокладываются для блага людей и природы. И хочется, чтобы иа подводных дорогах никому никогда не встречались груды ржавых банок и битой посуды. Это, коиечио, не самое страшное, ио отсюда иачинаются первые шаги людей, равнодушных ко всему, кроме собственного благополучия. Среди моих товарищей-аквалангистов таких нет, и я уверен, ие будет. Ведь мы, используя иавыки легководолазов, ие только и ие столько созерцаем подводный мир, сколько приходим ему иа помощь, хотя бы уже тем, что изучаем его и рассказываем о иём.

Мы проложили тропу познания у «голубой» песчаной волиы, рядом иаши товарищи проложили борозду иа водорослевой ниве. Но и та, и другая тропы под коитролем учеиых, и мы увереиы, надежным и действенным.

Отплывая с Соловецких островов, мы знали, что будем виовь готовиться к разгадке тайны песчаных образований и поможем учеиым узнать их путь и обуздать их силу. Значит, еще не раз побываем в этом суровом и прекрасном заповедном краю.





ГЕОРГИЙ ПЕРМЯКОВ

СЛЕДОПЫТ И ПЕВЕЦ ПРИМОРЬЯ

Штрихи к портрету В. К. Арсеньева

Немало замечательных путешественников посвятили свои труды притихоокеанским землям России. И когда мы говорим об исследовании этого обширного края, нельзя не вспомнить Владимира Клавдиевича Арсеньева. С горсткой людей, иной раз в тяжелых условиях изучал он Командоры, Приохотье, низовья Амура, север Сахалина, горы Сихотэ-Алиня и другие районы Приморья, заливы Японского и Охотского морей, грозные горы Баджала. По главной своей специальности он был этнографом. Его яркие книги «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала», «Сквозь тайгу», «В горах Сихотэ-Алиня» обильно насыщены сведениями о жизни и быте народов Дальнего Востока. Книги Арсеньева получили всеобщее признание, переведены на многие языки. Они прославили русского исследователя в Англии, Франции, США, Японии, Польше, Болгарии, Индии, Китае, Югославии и других странах.

В музеях Владивостока, Хабаровска, Комсомольска, Уссурийска, Совгавани, Благовещенска, Москвы, Казани, Ленинграда созданы арсеньевские стенды или демонстрируются добытые им экспонаты. Именем Арсеньева названы горная вершина, селения, город в Приморье. Арсеньев по делам своим стоит в такой когорте славных первопроходцев, как Дежнев, Поярков, Атласов, Крашенинников, Невельской. Многочисленные мемориальные доски на побережье Тихого океана рассказывают о его свершениях. И все же многие страницы жизни этого выдающегося исследователя все еще не известны широкому читателю. В этом очерке сделана попытка осветить отдельные штрихи его биографии.

Источники. Вышло несколько биографических книг об Арсеньеве — Н. Рогаля, Н. Кабанова, М. Азадовского и автора этих строк. Однако пока не изданы «Воспоминания» его супруги Анны Константиновны (1879—1963), сына Владимира, дочери Натальи (1920—1970), брата Александра (1883—1962), его соратников, друзей и сослуживцев. Это тысячи машинописных страниц. В них много драгоценных сведений о Владимире Клавдиевиче. Наш очерк в значительной степени основан на рассказах этих людей, а также архивных документах.

Экзотика. Много диковин на Дальнем Востоке — огромные тиг-

ры, священный женьшень, гиганты махаоны, исполинские ели, трехметровые крабы, жемчуг величиною с грецкий орех, пятиметровая рыба калуга, громадные осьминоги, морские бобры-каланы, чей роскошный царственный мех не изнашивается чуть ли не столетие. Еще юношей узнал Арсеньев о русских землепроходцах и богатствах притихоокеанской земли. Получив военное образование, он после нескольких лет службы в Польше поехал на Окраину, как называли тогда наш Дальний Восток.

Отец. Несколько слов о семье Владимира Клавдиевича. Отец его, Клавдий Федорович, был человек железной воли, неустанно трудившийся всю жизнь. Работал он почтальоном и кассиром, потом начальником товарной конторы, и в конце концов его назначили начальником Московской окружной железной дороги. Это был тонколицый, с усами и бородой, в очках, строгий, но справедливый человек. В его семье было десять детей, из них — четверо сыновей. От своего отца будущий путешественник унаследовал честность, тягу к знаниям и непримиримое отношение ко всякого рода угнетению.

Мать. Его мать, Руфина Егоровна, урожденная Кашлачева, родилась в семье костромского лесника. Она работала сельской учительницей, а после смерти отца переехала в Петербург, где и вышла замуж. Она привила детям, и в первую очередь сыну Володе, большую любовь к природе.

Детство. Жизнь юного Володи — это частые и долгие походы в лес, на реки и озера, упорное чтение, домашние занятия с отцом, который хотел сделать своих детей образованными людьми. Клавдий Федорович собрал немало интересных книг. Особенно увлекался Владимир Даниэлем Дефо, Густавом Эмаром, Стивенсоном, Жюль Верном, Майн Ридом, Фенимором Купером, капитаном Марриетом, Конан Дойлем. Стояли в книжном шкафу энциклопедии Брокгауза и Граната, подшивки журналов «Нива», «Вокруг света», «Природа и люди», «Живописное обозрение». Для любознательного, живого и памятливого Володи все это было истинным богатством. Отец приучал его читать, работать и учиться строго по расписанию. «Составить расписание легко,— говорил он,— а вот исполнять его трудно. Учись делать все, что сам себе обещал». Расписание и непременное его выполнение прошли через всю жизнь Арсеньева. Каждого, кто знакомился с жизнью Владимира Клавдиевича, поражает множество дел, которые он сделал за свою сравнительно короткую жизнь.

Кашлачев. Много дал Арсеньеву его дядя Илья Егорович Кашлачев, по прозвищу Черномор, в прошлом сельский учитель-естественник. Это был смуглый, худощавый и подвижный человек. Он знал в лесу каждое дерево, каждую былинку. «Дядя Илья ввел меня в храм природы»,— вспоминал о нем Владимир Клавдиевич. Кашлачев жил на станции Саблино, южнее Петербурга. Летом семья Арсеньевых нередко ездила к Черномору в гости. Здесь дети, среди них и Володя, дрожа от страха, искали в лесу голубые огни кладов в день Ивана-купалы. Братья ходили в полночь на кладбище Трофимов ручей, где из причудливых клочьев тумана рождались кикиморы, лешие и вурдалаки.

Первые походы. У Кашлачева была четырехвесельная шлюпка «Стрела». В 15 лет Володя Арсеньев и его юные друзья совершили



Дядя Арсеньева — Илья Егорович Кашлачев (Черномор)

на ней трехнедельное плавание по реке Волхов на Ладожское озеро. По совету отца и дяди Володя вел в пути «судовой журнал» — предтечу своих будущих походных дневников.

Романтика. Много лет Володя был увлечен музой дальних странствий. В его ушах шумели океанские волны «Фрегата «Паллады»» — любимой книги семьи. В своем воображении он видел золотые саркофаги и древние пирамиды Египта. Ему грезились алмазные россыпи Южной Африки и клады инков. Мечты о большом путешествии не давали Володе покоя. Позднее, на Дальнем Востоке, Арсеньев побывал в бухте Постовой. Сняв головной убор, подолгу стоял он на берегу, близ которого на небольшой глубине покоится громада трехмачтового фрегата «Паллада». А в крепости Чныррах, что в 15 километрах ниже Николаевска-на-Амуре, Арсеньев благоговейно целовал пушки, снятые с этого фрегата.

Первые рассказы. Анна Константиновна — жена Арсеньева и «дядя Шура» — его младший брат Александр поведали о первых литературных опытах будущего путешественника. Впечатлительный Володя свои думы и впечатления часто доверял бумаге. Так появился его первый рассказ «Живой в саркофаге» — об ученом,

проникшем в запретную пирамиду. По совету отца Володя завел блокнот, куда записывал свои мысли, планы, отдельные удачные выражения, идеи. В этом блокноте были и рисунки: Володя недурно рисовал. Заметим, что полевые дневники Арсеньева изобилуют отличными цветными зарисовками. Тогда же Володя стал по-детски наивно копить деньги на кругосветное путешествие. Ему самому это совершить не удалось. Зато старший брат Анатолий, ставший капитаном дальнего плавания, побывал на многих морях и океанах.

Театр. Клавдий Федорович проявлял большую заботу о культурном досуге семьи. Он брал абонементы в театры Петербурга. Ходили на спектакли и концерты поочередно. Володя восхищался Шаляпиным, Верой Паниной, Вяльцевой, Собиновым. Жадно ловил он со сцены вольнолюбивые монологи; как и его братья и сестры, преклонялся перед Верой Фигнер, просидевшей в Петропавловской крепости 20 лет, перед Софьей Перовской, казненной за свою революционную деятельность.

Мечта и реальность. Много лет мечтая о кругосветном плавании, Володя, разумеется, так и не сумел скопить на это денег. Тогда он решил стать инженером-кораблестроителем, полагая, что эта профессия близко связана с романтикой дальних странствий. Но в высшее морское инженерное училище его не приняли, как человека «недворянского происхождения». Это был большой удар, от которого юноша не сразу оправился.

Армия. В 19 лет Арсеньев зачислен в 145-й Новочеркасский полк. Экстерном сдав экзамены за весь курс кадетского корпуса, поступает в 1893 году в Петербургское юнкерское училище. Он носит щегольскую форму, лакированные штиблеты и фуражку, оправленную в золото. Но домашним говорит: «Наше училище — машина. Утром — труба, молитва, завтрак, шагистика, устав. После обеда — труба, шагистика, молитва, устав». И все же здесь Володя получает немало полезных знаний. Его учат чертить простейшие карты, руководить отрядом, ставить биваки, обороняться малыми силами, вести путевые записи. Он изучает физику и математику, к которым всегда имел склонность, иностранные языки. Иногда биографы Арсеньева пишут, что он был топографом. Это неверно. Топографией он в училище не занимался.

Мечты о больших походах по России Арсеньева в училище не оставляют. Он читает Пржевальского, восхищенный его открытиями. Все внимательнее вчитывается в материалы Козлова, Роборовского, Певцова, Потанина, Грум-Гржимайло, Хабарова, Атласова, Головнина. Его герои теперь Крузенштерн, Коцебу, Лаптевы, Литке, Макаров, Поярков, Семенов-Тян-Шанский, Чириков, Шелихов. Одно время Арсеньев твердо вознамерился изучить озеро-кристалл Байкал и написать о нем книгу. Он хочет побывать в Саянах, на Памире, Тянь-Шане.

В 1896 году 24-летний Арсеньев с отличием окончил юнкерское пехотное училище. В польском городке Ломжа близ Варшавы, в 14-м Олонецком полку, поручик Арсеньев провел четыре года. В 1897 году он женился на Анне Кадашевич. Многолюдная свадьба состоялась в Петербурге.

В Ломже Арсеньев овладевает польским языком. «В какой стране живешь, той страны язык знай» — было его правилом. На досуге изучал природу, устроил домашний террариум, собирал растения. Он

интересовался польской историей и литературой, читал великого польского поэта Адама Мицкевича в переводах и подлиннике.

Переезд на Окраину. Арсеньев решает ехать на далекую Окраину — Дальний Восток и отдать свои силы его освоению. «Восток России за нами должен быть закреплен навечно»,— говорил он. Но командование дивизии было против перевода на Восток.

В конце концов поручик добился своего. И вот долгий путь по железной дороге, затем пароходом по Зее и Амуру. 17 августа 1900 года Арсеньев во Владивостоке. За месяц до этого в Петербурге у него родился сын Владимир.

Владивосток тогда назывался крепостью. Арсеньев вначале исполнял обязанности адъютанта батальона Первого крепостного полка, а затем занимал ряд должностей в учебной команде. Окраина делилась в то время на четыре региона — Камчатку, Приморье, Сахалин и Амурию (нынешнюю Амурскую область). Окраина была шестой по площади губернией России, а протяженность ее границ была равна половине экватора. Плотность же населения составляла всего 0,4 человека на квадратную версту, это почти в 60 раз меньше, чем в Европейской России.

Вольные просторы звали к себе. Но служба есть служба. Арсеньев командует ротой, потом его назначают полковым квартирмейстером. И лишь в 1903 году он занимает желанную должность — начальника конно-охотничьей команды, то есть команды разведчиков-добровольцев.

Диковины. С первых же дней жизни на Окраине Арсеньева покорила ее необыкновенная тайга. Для петербуржца все здесь было в диковину: целебная черемша, лечебная коломикта, волшебный лимонник, неуловимый горный эдельвейс, мавзолейная сосна, на чьей коре природа изображает иероглифы; 30-метровые лианы-удавы толщиной с руку человека, целебные трепанги, медузы-убийцы «крестовички», гигантские скаты.

Старший друг. Прямым начальником Арсеньева в крепости Владивосток стал полковник Орлов — высокий, светлоглазый бородач. Подавляющее большинство офицеров считало свою службу на Дальнем Востоке истинным проклятьем и крахом карьеры. А тут поручик Арсеньев прибыл на Окраину по доброй воле. За это Владимира Клавдиевича очень ценил Орлов. Он поощрял и поддерживал походы Арсеньева вокруг Владивостока, на юг Приморья, к Озеру тысячи птиц — Ханке, к Посьету. Орлов учил: «Владимир Клавдиевич, все записывай! Делай карты, как умеешь. Знакомь нас с местами. Учи языки местных жителей». С помощью Орлова Арсеньев с первых же месяцев стал записывать местные обычаи и верования. К 1911 году он составил обширный орочско-удэгейский словарь.

Воля Арсеньев. К нему переехала семья. Владимир Клавдиевич нянчит своего первенца Владимира, которого сокращенно называли Волей. К ужасу матери, он говорит: «Посажу Вольку сейчас на коня и отправлю в тайгу». Владимир Владимирович здравствует и поныне. Ему 83 года, он опытный краевед, большой знаток Дальнего Востока, где прожил почти всю жизнь.

1902—1903 годы. Походы Арсеньева становятся все более дальними и людными. Он собирает важные военно-статистические сведения по югу Приморья. И всюду отыскивает памятники стари-

ны, составляет их подробную опись. Он продолжил, например, работу археолога Ф. Ф. Буссе по описанию памятников средиевековых чжурчженей. Уже тогда он послал интересные экспонаты в музеи Петербурга н Москвы. В 1902 году во Владивостоке вспыхивает эпидемия холеры. Много теплых слов надо сказать о военных санитарах крепости. Они многое сделали в своей самоотверженной борьбе с эпидемией. Не остался в стороне и Арсеньев. 1902 год памятен еще и тем, что его укусил крупный щитомордник. Змеиный яд долго давал о себе знать. А в 1903 году путешественник заболел сибирской язвой.

Доктор Кирилов. Во Владивостоке Арсеньев сдружился с врачом Николаем Васильевичем Кириловым, который лечил солдат, ужаленных змеями, пострадавших от ядовитых медуз и гром-гусеницы, прикосновение к которой парализует руку. Кирилов был революционно настроенным человеком. И когда военный трибунал приговорил его к заключению в крепостной тюрьме, Арсеньев носил ему передачи, передавал письма родных н знакомых.

Арсеньев и солдаты. Среди солдат было много малограмотных или вовсе не грамотных. Арсеньев стал проводить с ними различные беседы на естественнонаучные темы, мало-помалу подрывая их религиозные верования, при поддержке Орлова наладил занятия по обучению грамоте. «Русскому солдату,— говорил Арсеньев,— если дать образование, он станет непобедим». Солдаты любили и уважали его. «Человечный мужик Клавдич»,— простодушно говорили они.

В 1905 году во время первой русской революции солдаты крепости подняли бунт и заточили иенавистных офицеров в тюрьму. Арсеньева же никто не тронул. Этот факт и участие в революционном движении его брата Александра н сестры Лидии военные власти не забыли. Семь лет его не повышали в чине, хотя на Окраине производство по службе шло ускоренными темпами.

Исследователь Дальнего Востока. Еще в Польше Владимир Клавдиевич начал собирать библиографические материалы об Окраине. В этом списке были Крашенинников, Миллер, Маак, Врангель, Беринг, Гек, Катанов, Винтер, Словцов, Венюков, Миддендорф, Стеллер, Максимович, Матюшкин и десятки других имен. Иные книги не говорили о самой Окраине, но толкали на ее изучение. Часть книг Арсеньева хранится в библиотеке Географического общества Приморья во Владивостоке.

Памятной стала для Арсеньева его встреча (в 1901 или 1902 году) с известным дальневосточным мореплавателем н китобоем Фридольфом Кирилловичем Геком. В 18 милях от Владивостока в местечке Седими стояла заимка этого обрусевшего финна. Гек был первым гарпунером на Дальнем Востоке. 40 лет бороздил он воды от Ледовитого океана до Японского и Желтого морей, от Камчатки и до Охотья, от Анадыря и Чукотки до Шантар н Сахалина. Он дал имена многим землям, мысам и заливам, и его собственное имя осталось на географической карте. С ноября по март Гек жил на своей заимке, а весной уходил в многомесячное плавание. Он был высок, сухощав и темноволос, носил добротные темные костюмы и галстук-бабочку. Гек скупо, но точно рассказывал Арсеньеву о своих плаваниях, о жизни. Окончив мореходную школу и получив диплом капитана дальнего плавания, Гек много колесил по свету, приобрел огромный опыт. Оказалось, что он читал лекции в



В. К. Арсеньев, фотография 1928 года

Мореходной школе в Николаевске-на-Амуре, был в комиссии, принимавшей экзамены у будущего адмирала и ученого курсанта Степана Макарова. Свои рассказы Гек неизменно заканчивал так: «Владимир Клавдиевич, больше внимания Окраине! Больше внимания нашему Северу! Велики здесь богатства. Больше пишите, книга — великий голос». Всю жизнь Арсеньев следовал этим мудрым советам.

Русско-японская война. В 1904 году началась война с Японией. Арсеньева, офицера, хорошо знающего Приморье и местную обстановку, назначают главой военной разведки крепости Владивосток. Теперь Владимир Клавдиевич часто бывает на границе с Кореей. Оттуда через реку Тюмень-ула ждали внезапного нападения японцев. Разведчики Арсеньева и он сам не раз брали «языков». Тут ему очень пригодилось знание корейского языка, которым он овладел в первые годы жизни на Окраине. Сохранились корейские альбомы Арсеньева и его научные труды по Корее, прежде всего о проникновении американских миссионеров в эту страну. За боевые действия во время русско-японской войны Владимир Клавдиевич получил два ордена и медаль. В конце 1905 года на него обратили внимание в штабе

Приамурского военного округа, что находился в Хабаровске. Теперь он живет на Амуре — реке Пояркова, Хабарова, Невельского. В Хабаровске было тогда около 50 тысяч жителей. Город Арсеньеву понравился: целебный воздух, теплые летние ночи, рядом тайга, полноводный Амур, прекрасная охота.

Крупным центром краеведческой работы был Хабаровский музей. Арсеньев часто выступал здесь с лекциями. С 1910 по 1917 год он был по совместительству директором музея, которым руководил и позднее, уже после революции,— с 1924 по 1926 год. В Географическом обществе и в штабе округа Арсеньев докладывает о планах экспедиций в горную страну — Сихотэ-Алинь и на берега Японского моря. Здесь же Арсеньев обдумывает походы по Амуру — от истоков до устья; на Сахалин, Камчатку, Командоры, Чукотку, а также в неприступные горы Янде-Янге. Готовясь к испытаниям походной жизни, Арсеньев для закалки зимой по утрам обливается холодной водой, ходит в легкой шинели, изучает местные способы передвижения по реке, а также на собаках и оленях.

Экспедиции 1906-1910 годов. В этот период Арсеньев с небольшим перерывом осуществляет две нелегкие летне-зимние экспедиции на Сихотэ-Алинь, на берег Японского моря и на север Уссурийского края. Напомним, что Уссурийский край — земля между реками Уссури и Амуром, Японским морем и Кореей. Сихотэ-Алинь — богатая горная страна, протянувшаяся в длину более чем на 1200 километров и шириной до 250 километров. После опасных и трудных экспедиций ученый мир Дальнего Востока, а затем и всей России называет Владимира Клавдиевича Колумбом дальневосточных Альп. Он стер там немало белых пятен.

Сборы. В начале XX века при организации экспедиций еще не использовали радио и самолетов, населенные пункты на Дальнем Востоке отстояли друг от друга на сотни километров. Любой длительный поход был сопряжен с немалыми опасностями. Необходимо было все заранее тщательно продумать. Арсеньев брал с собой минимум вещей и еды, например лишь половину бинокля Даже фотоаппарат не всегда захватывал, хотя фотоснимки — хороший документальный материал. Особенно следил Арсеньев за витаминным составом рациона. «Цинга победила железного Беринга»,— говорил Владимир Клавдиевич. И непременно брал флаконы с луковым соком, сушеные черемшу и лук, шиповник и коломикту, которую очень ценили удэгейцы. В экспедициях Арсеньева все пили только кипяченую воду.

Дерсу Узала. Кому не известен обаятельный образ гольда Дерсу Узала? Фильмы о нем обошли страны мира и получили высокую оценку. В 1906—1908 годы Арсеньев совершал с Дерсу походы. Одно время гольд жил в Хабаровске у Арсеньевых. А 13 марта 1908 года его убили уголовники близ Хабаровска. С тех пор для Арсеньева этот день стал траурным. Арсеньев собирался написать о Дерсу еще одну книгу. В воспоминаниях близких есть эпизоды о гольде, о том, как он спас жизнь Арсеньеву. Эти эпизоды и вошли в изданные путешественником книги.

Письменный стол. Арсеньев много работал за столом, поэтому хочется обрисовать его письменный стол. На нем всегда поддерживался идеальный порядок. На некоторых выдвижных ящиках значилось: «При пожаре выносить в первую очередь». На столе была

картотека, посвященная описаниям природы классиками русской литературы, лежали человеческий череп и краниометр: Владимир Клавдиевич занимался антропометрией. Карандаши и ручки он держал в большой артиллерийской гильзе. Одно время в его кабинете висел скелет человека. Но однажды во время бури он сильно раскачался и напугал Волю. Поэтому скелет подарили медицинской школе.

Дневники. Свои путевые дневники Владимир Клавдиевич берег как зеницу ока. «Они соль и пот моей жизни»,— говорил он об этих толстых тетрадях в коленкоровом переплете. Хранились они в металлическом несгораемом ящике. В них было много записей, вошедших в его будущие книги. «На таежном воздухе, в лесной тиши хорошо пишется»,— говорил Арсеньев.

В походах он вел несколько дневников: путевой, геологический, этнографический, погодный, литературный и другие. Есть в них и рисунки, в том числе цветные. Здесь он помещал собранные им рисунки на бересте, бумажные кружева, местные деньги, предметы быта и религиозного культа. В дневниках много цветных карт, засушенных растений, среди них «серебряная звезда» — эдельвейс.

Расспросы. Арсеньев говорил, что по тайге надо ходить, как по храму. И в пути спрашивал у местных жителей, не знают ли они, где залегают редкие металлы, уголь, где богатый лес, хорошие земли, где растут те или иные растения. Владимир Клавдиевич ратовал за охрану леса и его обитателей. Сохранился его печатный отчет «О работе Владивостокского общества любителей природы за 1901—1905 годы», проникнутый заботой о спасении животных Окраины от истребления.

Анна Константиновна рассказывает, что примерно с 1906 года Арсеньев начал писать рассказы о природе и людях Окраины. Он посылал их в Петербург, Москву, Киев, Одессу, Казань, но под псевдонимом, так как офицеру тогда возбранялось выступать в печати под своей фамилией.

Святой час. Как и его отец Клавдий Федорович, Арсеньев не жалел времени, чтобы сделать своего сына Волю хорошим краеведом и патриотом. Когда бывал в городе, ежедневно с 9 до 10 вечера занимался с Волей. Занятия непременно шли у карты. «Ни одной книги без карты,— учил он Волю.— Все, о чем прочел, обязательно найди на карте». Сам Арсеньев знал многие места Окраины превосходно. «Воля, в тайге нужно знать каждый крупный кедр»,— шутил Владимир Клавдиевич во время занятий с сыном, которые называл «святым часом». Это были интереснейшие беседы бывалого путешественника и любящего отца. Владимир Клавдиевич рассказывал о местных жителях Дальнего Востока, описывал флору, фауну, реки, моря, знакомил с легендами. Даже если приходили гости, Арсеньев не бросал занятий.

Скромность. Арсеньев запрещал соратникам нарекать географические точки его именем, а таких попыток было немало. Лишь после смерти Владимира Клавдиевича в его честь стали называть села, деревни, реки, города, горные вершины. Орочи как-то решили назвать Арсеньевским одно селение в Приморье и сообщили об этом Владимиру Клавдиевичу. Он тут же отклонил просьбу и сообщил, что первым это село описал топограф Устинов из Никольск-Уссурийска. Тогда на карте и появилась Устиновка. Арсеньев всегда упоминал в

Анатолий Арсеньев, старший брат Владимира Клавдиевича



книгах и статьях своих помощников. В дневниках, лекциях и отчетах он неизменно перечислял фамилии соратников — стрелков, проводников, офицеров, ученых и руководителей.

Переписка. Успехи в изучении Окраины, отзывчивость и готовность помочь каждому, кто ею интересуется, влекли к Арсеньеву людей со всех концов страны. Он вел обширную переписку. При большой занятости каждый день отправлял хотя бы одно письмо. Почерк у него был прямой, красивый и четкий. Даже в годы интенсивной работы над дилогией «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала» он аккуратно отвечал на все письма. Правда, ему помогала супруга, сын, брат с женой Верой Яковлевной. Он не просто отвечал на письма, а высылал своим корреспондентам фотографии, выписки из дневников, карты, отправлял в дар книги и редкие экспонаты. Музеи Москвы, Казани, Одессы, Иркутска, Благовещенска получали от него порой целые ящики таких экспонатов. Жена и брат считают, что за 30 лет жизни на Дальнем Востоке наберется несколько тысяч корреспондентов Арсеньева.

Владимир Клавдиевич письма и печатные работы подписывал тогда так: Арсеньев-Уссурийский или Арсеньев-Сихотэ-Алиньский.

Ои завел иесколько альбомов, в которых хранил письма выдающихся людей, в том числе академика Павлова, Семенова-Тян-Шанского, академика Комарова, Анучина, Горького, Нансеиа, Козлова, Гека, Потанина, Пальчевского и многих других. В Николаевске-иа-Амуре Арсеньев приобрел редкие письма Георгия Седова н Можайского. В альбомах же был и автограф адмирала Макарова, которого Арсеньев глубоко чтил.

Географическое общество. В 1909 году Арсеньев был принят в Географическое общество. Оио помогло ему совершить несколько походов, издать труды, выступить в Петербурге в учеиом кругу. «Я — дитя Географического общества,— часто говорил путешественник.— Без него я не стал бы Арсеньевым». С февраля 1927 года ои — почетный члеи общества. Кроме того, он был членом географических обществ США, Англии и Общества изучеиия Маньчжурского края. У иего было миого самых иеотложных практических дел: иадо как-то использовать ту селедку, что массами выбрасывает в шторм на западный берег Сахалииа; иадо изучить Море розовых чаек — удивительную гигантскую 120-километровую полынью у южного побережья Чукотского полуострова от бухты Провидения до залива Креста; иадо освоить япоиский способ добычи морской капусты, запасы которой на шельфе иеисчислимы; надо бороться с браконьерами, которые хозяйничали в лесах Дальнего Востока.

Поездка в столицу. В ноябре — декабре 1910 года Арсеньев читает серию блестящих лекций в Петербурге н Москве. К ним ои долго готовился, иачертил цветную, богато иллюстрированиую карту Уссурийского края. Начиналась она от севериой части Сахалина и простиралась до Корен. На карте были изображены представители местных иародностей в иациональных костюмах, обозначены горы, реки, озера, важнейшие города и селения Приморья. Карта была объемной и наглядиой. В столице эту карту по праву назвали пронзведением нскусства.

Читая лекции офицерам, учеиым, юнкерам, студентам, он каждый раз прнзывал молодежь ехать иа Дальний Восток. «Людей у иас мало,— говорил он.— Окраине и ныне иужны Дежиевы и Атласовы. Придет к иам безымянный отважный человек, а уедет Ермаком или Шелиховым». Лекции Арсеньева внимательно слушал знаменитый русский путешественник, исследователь Монголии и Тибета Петр Кузьмич Козлов, который сказал: «Капитан Арсеньев совершает подвиг. Исполать ему!» Ои поздравил Владимира Клавдиевича, дружески облобызал н пригласил к себе.

Беседа с Козловым. У Козлова дома были чудеса: древние рукописные книги, предметы азиатской старины, письма Пржевальского, Роборовского, Потанина, Грум-Гржимайло, Певцова, ученых Европы. После беседы с Козловым 38-летний Арсеньев понял, что в нсследованиях и путешествиях нужеи масштаб, что иадо стать «освобожденным для науки» офицером, какими были Пржевальский, Роборовский и сам Козлов. (В 1911 году эта цель осуществилась, Арсеньев остался офицером, но мог работать по министерству земледелия.) Владимир Клавдиевич познакомился с путевыми записями Козлова, побывал в архивах и музеях, где хранились собранные им материалы по Центральной Азии. Козлов подарил Арсеиьеву письмо Пржевальского, ставшее подлинным сокровищем Владимира Клавдиевича.

Блестящие лекции в столице, похвалы больших ученых вынудили военных чиновников забыть о его демократизме, участии в революционном движении его сестры и брата. Едва Арсеньев вернулся в Хабаровск, как ему присваивают звание капитана. В 1913 году он уже подполковник, а затем и полковник.

Начало работы над дилогией. Еще в первой большой экспедиции 1906—1907 годов Арсеньев стал вести литературный дневник, который позднее и составил основу знаменитой дилогии «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала». Хабаровская газета «Приамурье» в 1913 году опубликовала отрывки из этих книг. Сестра жены Арсеньева Лидия Константиновна вспоминает, что в Петербурге зимой 1910 года Владимир Клавдиевич диктовал ей куски «По Уссурийскому краю», так как она знала стенографию. В это время Арсеньев был директором Хабаровского музея. Он широко раскрыл его двери для учащейся молодежи, всех слоев населения, привлек к работе помощников-добровольцев. Каждому активисту директор выдавал наградной билет, который сам подписывал. Он превратил музей в инструмент просвещения народных масс и пропаганды богатств Дальнего Востока. В музей приводили на экскурсии и солдат. Арсеньев особенно охотно выступал перед ними, прося после окончания военной службы не покидать этого края.

Следопыт Арсеньев. В лесу Арсеньев удивлял спутников своим умением легко читать тайные знаки таежной жизни. По ведомым только ему следам он определял: «Впереди шалаш у реки», «Недалеко хорошее место для привала», «Тигр поблизости». Старательный ученик своих проводников и внимательный наблюдатель, он стал подлинным следопытом. Около 30 проводников сопровождали его экспедиции, и у каждого Владимир Клавдиевич учился читать приметы на земле, траве, камнях, узнавать следы животных. Брат Александр вспоминает, что Арсеньев хотел написать книгу «Следопыт в тайге», чтобы передать накопленный опыт и знания. Путешественник изучал народную медицину, интересовался средствами борьбы с цингой.

Арсеньев всегда берег лес от огня и приучал к этому всех. В каждой деревне, селе или заимке Владимир Клавдиевич часто говорил об этом. Носил с собой впечатляющие фотографии горящей тайги и показывал их в городе и в селах. Селянам он объяснял гибельные последствия лесных пожаров. Его крайне возмущали иные переселенцы, которые умышленно поджигали лес, дабы иметь больше пашни.

Проекты Азийских походов. Беседуя в Петербурге с Арсеньевым, исследователь Центральной Азии Петр Кузьмич Козлов дал совет организовать крупные экспедиции, обещавшие значительные открытия. С тех пор Владимир Клавдиевич стал путешествовать по... картам Кореи, Китая, Монголии, Тибета. Зимой он раскладывал карты на полу, диванах, столах, даже на шкурах тигра и медведя в гостиной. «Квартиру превращаешь в штаб»,—шутила Анна Константиновна. Изучая карты, Арсеньев совершал мысленные путешествия, в которые никогда не думал отправляться. Приехавший в Хабаровск брат Александр, инженер-землеустроитель, тоже очень хорошо знал карты. Дядя Шура, как его звали домашние, порой тоже участвовал в обдумывании гипотетических «Азийских переходов» Арсеньева.



Дядя Шура, землемер,— младший брат Арсеньева

Таежные друзья. Когда читаешь отчеты, записки, доклады и ходатайства Арсеньева, видишь, как он убедительно и страстно, а порой с негодованием заступался за угнетенные народы Окраины. Много добра сделал он орочам, гольдам, удэгэ, тазам, нивхам. И лесные люди всегда помнили своего «капитана». Зимой они приезжали в Хабаровск на нартах к Арсеньеву в гости. Гольды, удэгэ и тазы ставили палатки во дворе Арсеньева, где и ночевали в любой мороз, не желая спать в душных комнатах, где «лесом не пахнет», где «дышать нечем». Арсеньев угощал их пельменями, крепким чаем, борщом со сметаной, компотом, который гости особенно жаловали. К больным он приводил русских врачей, покупал им лекарства. Анна Константиновна вспоминает, что, если представители удэгэ, орочей, тазов и гольдов ходили к генерал-губернатору или другим представителям власти в Хабаровске, Арсеньев сопровождал их. Порой он был переводчиком.

Крепкая дружба с местным населением позволила Владимиру Клавдиевичу записать рецепты многих народных лекарств и снадобий, названия целебных трав. По крупицам собрал он ценный лечебный опыт людей тайги, начисто отвергая шаманство. Наиболее

эффективные методы лечения Арсеньев давал для проверки известным хабаровским врачам.

Рождение дилогии. Из дневников видно, что Владимир Клавдиевич даже во время таежных походов неустанно занимался литературным трудом. У него существовало даже специальное расписание на этот счет. Близкие считают, что он начал писать дилогию после 1906 года. В 1910 году он сообщает этнографу Штернбергу: «Я думаю, что в два года закончу свои две книжки «По Уссурийскому краю»». В 1912 году Арсеньев пишет, что отменил все дальнейшие походы, дабы литературно отчитаться за прошлые экспедиции. А в июле 1915 года уведомляет ботаника Комарова: «Я только что закончил свой большой труд «По Уссурийскому краю»».

О некоторых деталях рождения дилогии рассказывают близкие. «Умей работать для науки и умей ясно писать для народа»,— перефразировал Тимирязева Владимир Клавдиевич. И он стремился создать общедоступную книгу о своих лесных странствиях. Жена и сын переписывали его черновики. Порой Владимир Клавдиевич писал при свечах: это напоминало ему тайгу. Арсеньев был требователен и к точности изложения, и к научной правдивости. «Не могу пустить в печать, пока не проредактирую все, что касается растительности»,— писал он Комарову. Рукопись своей книги он дал на рецензию этнографу Лопатину, ботанику Десулави, лингвисту Азадовскому, естественнику Гамаюнову, биологу и охотоведу Дзюлю, краеведам Михельсону и Глуздовскому и другим. Каждое дельное замечание Арсеньев учитывал и немедленно вносил исправление в текст.

Дилогия Арсеньева вышла в свет в 1921—1923 годах во Владивостоке. Советская власть поддержала автора. Приморский совнархоз выдал автору несколько сот экземпляров книги. Владимир Клавдиевич отправил их молодежи столицы с призывом осваивать Дальний Восток. Многие дальневосточники говорят, что приехали сюда после знакомства с произведениями путешественника.

Вокруг дилогии завязались споры. Строгие документалисты считали, что первое издание дилогии вышло именно в указанные выше годы. Но вот близкие Арсеньева — жена, сын, брат, сестры, дочь, племянники — утверждают, что книга выходила в Петрограде или Москве еще в 1916—1917 годах. Так ли это? Не верить свидетельству близких нет оснований. Надо думать, что, может быть, где-то сохранились экземпляры этого редкого издания, выпущенного, вероятно, мизерным тиражом.

Маньчжурия. В 1916 году Арсеньев ездил в Маньчжурию и прочел в Харбине серию лекций об Уссурийском крае, бассейне Амура, сибирских народах и шаманах. Выступал он в Обществе русских ориенталистов. В Маньчжурии он завязал связи с русскими специалистами, работавшими на Китайской восточной железной дороге. С их помощью он пополнил коллекции Хабаровского музея и был избран почетным членом Общества изучения Маньчжурского края.

«Ледовый поход». Нет цены воспоминаниям сына Арсеньева Владимира Владимировича о «Ледовом походе». В отличие от Тибетского, Маньчжурского, Корейского или Монгольского гипотетических путешествий экспедиция на Север к Ледовитому океану была задумана всерьез. С весны 1911 года, после возвращения из

Петербурга, Арсеньев стал обдумывать масштабный поход. Вспоминая советы Гека и Кирилова, он выбрал Север. Владимир Клавдиевич стал перечитывать документы, книги и статьи о Дежневе, Лаптевых, Атласове, Стадухине, Беринге, Чирикове, Врангеле, Шелихове и других первооткрывателях. «Я удивился,— вспоминает Владимир Владимирович,— что в рассказах отца на иаших вечерних занятиях вдруг появились холодные места Окраины: Леиа, Яна, Индигирка, Охотье, Гижига с ее 15-метровыми приливами, Якутия, Чукотка, Колыма, Ледовитый океан, море Бериига. На полках отца теперь прибывали книги и справочники, вырезки журиальных и газетных статей о северо-восточных землях России. Я терялся в догадках». «Хочу пойти в Ледовитый поход»,— наконец объявил Арсеньев сыну. Началась долгая и тщательная подготовка. Анна Константиновиа стала выписывать мужу иужные места из словарей и справочников, касавшиеся народов, обитавших вдоль «Угун Аяна» (Дальнего Пути). Так Арсеньев назвал свой Северный поход. Он решил проложить маршрут строго по 135-му меридиану, на котором стоит Хабаровск.

В 1913 году знаменитый норвежский полярный путешественник Фритьоф Нансен приезжает в Хабаровск. Здесь ои знакомится с планом «Ледового похода» и дает Арсеньеву советы, как победить мороз и льды. У Арсеньева уже готова к этому времени подробиая цветная карта «Угун Аяна». На ней красным пунктиром обозначен весь огромный собако-оленный путь из Хабаровска к Ледовитому океану. В эту рискованную экспедицию Арсеньев хотел взять 12 выносливых и смелых людей, готовых отдать жизнь для достижения цели. Анне Константиновие этот «Угун Аян» очень не нравился, и она называла его «Поход навстречу смерти», «Поход на тот свет». Путь из Хабаровска к Ледовитому океаиу можно было проделать проще — выйдя в верховье реки Лены или реки Колымы, а затем сплавиться по ним в океан. Однако Арсеньев разработал более сложный маршрут — река Алдан, его притоки, река Адыча, мало изученная река Яна и по ней — в Янский залив моря Лаптевых. Помогать Арсеньеву в 4000-верстном походе должны были русские, якуты, орочены, тунгусы, ламуты, эвены-эвенки. Владимир Клавдиевич знал, что участников экспедиции ждут 50-градусные морозы, гнус, болота, заломы, болезии, непропуски, безлюдье и голод. «Ледовый поход» делился на «пешую часть» — в 4000 верст и «морскую часть» — в 7000 верст. Проделав всю запланированную научную работу, можно было вернуться во Владивосток морем. Даже сейчас, в век радио, развитого ледокольного флота и полярной авиации, такой путь представляется тяжелым и опасным. «Ледовый поход» должеи был стать самым длинным меридиональным путешествием за всю историю. Арсеньеву советами и средствами помогали множество людей. Арсеиьев намеревался отправиться в путь в 1915 или 1916 году, после сдачи в печать своей дилогии. Но начавшаяся первая мировая война нарушила все планы.

Во владивостокском отделении Географического общества хранятся северные фотографии, собранные Арсеньевым. Здесь Камчатка, Анадырь, Охотье, Чукотка, Колыма, Якутия, остров Врангеля, мысы Дежнева и Сердце-Камень.

Владимир Клавдиевич не оставил идеи совершить переход «Угун Аян» до коица своих дией, ои говорил: «Имей я три жизни,

прострочил бы ногами Северо-Восток России. И мы бы кое-что сделали для прекрасной Северной русской земли».

Камчатка. Камчатка для него всегда была землей притягательной. Огромные вулканы, гигантская трава, в которой исчезает всадник, медведи-исполины, несметные стада рыбы, гиганты крабы, глухие леса, каланы. Камчатка была слабо заселена: в Петропавловске в 1913 году насчитывалось всего около 1000 жителей. И вот в 1918 году Арсеньев плывет на Камчатку. Его первый камчатский дневник пока не обнаружен. Напомним, что Арсеньев много лет лелеял мысль написать о Камчатке такую же художественную книгу, как н об Уссурийском крае. В ряде своих работ Арсеньев ратует за то, чтобы оградить полуостров от браконьеров, сохранить богатства его фауны. Арсеньев знал, что в составе экспедиции Витуса Беринга находился натуралист Георг Стеллер, сделавший много редчайших записей. Но большинство из них пропало. На Камчатке, на Командорах, в Николаевске, Охотске, на Сахалине Арсеньев расспрашивал знающих людей о судьбе утраченных рукописей. Но поиски оказались безрезультатными.

Охота за Арсеньевым. В октябре 1917 года полковник Арсеньев был уволен из армии; за ним началась форменная охота. Трудолюбивый, знающий, честный, он пользовался большим авторитетом в различных кругах Дальнего Востока. Многие белогвардейцы приглашали его сотрудничать с ними. Арсеньева хотели заполучить пепеляевцы, калмыковцы, семеновцы, колчаковцы, сановники всякого рода белых приморских «правительств». Иных из них Арсеньев даже не пускал на порог. Про атамана Калмыкова Владимир Клавдиевич говорил: «Кровавый Малюта Скуратов». Атамана Семенова он называл «разбойником с большой дороги». Давление на Арсеньева со стороны разного рода самозваных правителей было столь назойливым, что Владимир Клавдиевич подчас отправлялся в мнимые «походы», лишь бы не встречаться с «мумиями», то есть политическими мертвецами. Домашним же он говорил: «В годину испытаний Россию не брошу».

Клад Арсеньева. Арсеньев снимал дачу в густом лесу Хехцира, что в 30 километрах южнее Хабаровска. Здесь он иногда прятался от надоедливых беляков. Но даже сюда заявлялись их вербовщики. В 1918 году Арсеньева предупредили, что со дня на день на его дачу нагрянут семеновцы с предложением войти в их вооруженные силы. Зная грабительский норов семеновцев, Владимир Клавдиевич решил спрятать ценности от бандитов. Он взял 20-литровую квадратную в сечении банку и разрезал ее пополам. В одну половину вложил дневники, что были с ним, свою двухтомную работу «Страна Удэгэ», золотые и серебряные медали, часть рукописей, а также другие ценные для него вещи. Обе половинки он соединил и запаял шов. Эту банку он с сыном Владимиром тайно закопал за дачей. Действительно, вскоре в Хехцир нагрянула группа семеновцев. Получив твердый отказ Арсеньева, они в ярости, расшвыривая все, обыскали дачу и подполье, но ничего не нашли. Уехали, пригрозив пустить «красного петуха». Арсеньеву пришлось уехать во Владивосток. Лишь через много лет он вернулся в Хехцир. Увы, пожар уничтожил его дачу. Огонь и время сделали свое: все заросло кустарником. Как Арсеньев ни искал клад, обнаружить его не удалось. И поныне «сокровище Арсеньева» хранится на старом



Дерсу Узала:
фото 1907 года

месте. На Хехцире покоится н прах проводника Арсеньева гольда Дерсу Узала. Специалисты-металловеды считают, что луженая бензиновая банка цела и сейчас, а ее содержимое лишь отсырело.

Развод. Арсеньев не раз говорил: «Один сын — не сын. Два сына — полсына. Трн сына — это сын». Он хотел иметь много детей, как н его отец Клавдий Федорович. Но Анна Константиновна после затяжной болезни не могла одарить его потомством. Они развелнсь. В 1919 году Арсеньев женился на Маргарите Нниколаевне Соловьевой (1892—1936), которая была на 20 лет моложе его. В 1920 году у них появилась дочь Наташа (1920—1970). Первую семью Арсеньев перевез из Хабаровска во Владивосток и до смерти своей помогал Анне Константиновне, часто навещал ее и сына. Анна Константиновна знала Арсеньева 40 лет, была его верным товарнщем, их дружба не прерывалась и после развода. Подробные, почти на 1000 страницах воспоминания Анны Константиновны содержат немало ценных сведеннй. В пятидесятых годах она, Владнмнр

Владимирович с женой и тремя сыновьями переехали в Находку. Там семье Арсеньева предоставили просторную виллу. Общественность страны тепло отметила 80-летие Анны Константиновны. Писатели Эренбург, Соболев, Твардовский, Михалков прислали ей поздравительную телеграмму. Умерла Анна Константиновна в 1963 году в Находке, 84 лет от роду.

Приглашение в США. Как уже говорилось, Арсеньев был членом Географического общества США. В годы разрухи после гражданской войны он получил нз США письмо с предложением направить сына Владимира в США, где ему гарантировали хорошее образование. Арсеньев ответил отказом: «Пусть Россия разорена, но это наша Отчизна». Не хотел ехать к американцам и сам Владимир. Подобные приглашения Арсеньев не раз получал из Великобритании и Германии.

Поручительство коммунистов. Едва на Дальнем Востоке установилась Советская власть, Арсеньев начал оказывать ей деятельную помощь. Он сообщил сведения о тайных продовольственных складах, данные об амуниции, взрывчатке, снарядах, патронах. Передал штабные карты с горизонталями, дорогами и неизвестными тропами. В архиве хранится поручительство за Арсеньева от 1920 года известных всему Дальнему Востоку коммунистов. Маркова, Часовитина, Рубцова. Три старых большевика со всей определенностью заявляют, что Арсеньев безраздельно предан Советской России. Сохранилась редкая фотография, на которой запечатлен командир Красной Армии Рубцов н полковник старой армии Арсеньев.

Сергей Лазо. Жена дяди Шуры Вера Яковлевна рассказала неизвестный ранее эпизод нз жизни Владимира Клавдиевича. Он был знаком и поддерживал связь с Сергеем Лазо и Константином Сухановым — героями гражданской войны на Дальнем Востоке. Этот факт Вере Яковлевне сообщила ее сестра, жена военного специалиста А. К. Станишевского, который работал в штабе вместе с Лазо, а ранее с Сухановым. Станишевский и познакомил Арсеньева с этими героями революции. Недаром, по свидетельству близких, Владимир Клавдиевич так тяжело переживал смерть Суханова, а позже гибель Лазо и его соратников.

Москва и Чита. Немалый вклад внес Арсеньев в изучение Камчатки. После посещения Огненного полуострова и до 1925 года Арсеньев по совместительству работал в Управлении рыбными и морскими зверопромыслами. В 1924 году началось плановое освоение н развитие Камчатки. Арсеньева часто приглашают в Читу и Москву, где он дает советы, как и что брать в природных кладах Камчатки для народа. В эти годы он встречается со Всероссийским старостой М. И. Калининым. В 1924 году, когда отмечалось 200-летие Академии наук, Арсеньева приглашают на торжество как представителя дальневосточных ученых. В 1927 году он едет в Японию, где читает лекции.

Письмо Горького. Советское правительство уделяло все большее вниманне Дальнему Востоку, который уже не называют Окраиной. Все большее количество хорошо оснащенных экспедиций едет на Тихий океан. И каждый руководитель считает своим долгом посетить Арсеньева, получить от него дельный совет. Дилогию Владимира Клавдиевича зачитывают до дыр. В 1928 году состоялось его заочное знакомство с Горьким. Дядя Шура вспоминает о первом



Братья Арсеньевы: Александр, Анатолий, Владимир, 1928 год

письме Алексея Максимовича. Это было в феврале или марте 1928 года. Владимир Клавдиевич находился на работе, ему позвонили из дому: «Володя, большая радость! Тебе прислал письмо сам Максим Горький!» На письменном столе Владимир Клавдиевич обнаружил длинный голубой конверт иностранного образца и книгу в почтовой упаковке. Это было ставшее позже широкоизвестным письмо с добрыми словами о дилогии. Горький писал, что Арсеньев в этих книгах совместил в себе натуралиста Брема и писателя Фенимора Купера, что его вещь — прекрасное чтение для молодежи, что произведения Арсеньева следует переиздать в Москве. «Какое внимание! Какое внимание!» — растроганно повторял Арсеньев, перечитывая горьковское письмо. Арсеньев получил и том «Клима Самгина» с автографом.

В двадцатые годы Арсеньев часто наведывался в Москву. Он встречался с писателями столицы, выступал на литературных вечерах и диспутах. Дилогию Арсеньева переиздали в столице. В Москве Владимиру Клавдиевичу передали лестные слова Горького: «Еще какие нужные книги напишет нам этот таежный самородок Арсеньев». Между ним и Горьким завязалась дружеская и деловая переписка. Сам Владимир Клавдиевич, следуя горьковским традициям, активно помогал молодым литераторам Приморья, обращавшимся к нему за советом и поддержкой. Признанный авторитет в вопросах дальнейшего освоения Камчатки, Командор и Приморья, он много ездит по краю, помогая пострадавшим от тайфунов и наводнений. В 1930 году прославленный полководец гражданской войны В. К. Блюхер приглашает Владимира Клавдиевича к себе, чтобы узнать его мнение, как быстрее развивать экономику края. Летом 1930 года Арсеньев работал в устье Амура и на озерах Орель-Чля, где сильно простудился.

Болезнь буквально сжигает Арсеньева. 4 сентября 1930 года в расцвете сил, на 58-м году жизни, он скончался во Владивостоке. Его хоронил весь город. Холм венков покрыл могилу. Позднее

писателю поставили скромный полированный гранитный памятник. Анна Константиновна и сын Владимир, как реликвию, хранили завещание Арсеньева, в котором он просил сделать на могиле в качестве эпитафии такую надпись:

> «Ты мой учитель, мой утешитель и друг,
> Ты мой храм, моя Родина —
> Шумящий, шелестящий тихий лес».

Клады Арсеньева. Полвека назад ушел от нас Арсеньев, но он всегда с нами. 30 лет на Востоке России искал он клады для народа — плодоносные земли, уголь, серебро и золото, самоцветы, руды. Он помогал угнетенным, он учил, руководил, писал, исследовал. После Арсеньева осталось немало кладов, которые надо найти. Прежде всего это «хехцирский клад», тайник, в котором хранится «Страна Удэгэ» — труд всей жизни Арсеньева. Не найден и «клад Дерсу Узала» — плантация женьшеня, где ныне растет не менее ста драгоценных растений. Наконец, это рукописи его книг и утраченные дневники, которые, возможно, лежат в старых сундуках где-то в Приморье; быть может, в «красном» доме, где последние годы жил путешественник и где, по словам его дочери, имелся тайник в стенах. Где-то лежат толстые тетради — сборники легенд и сказок народов Дальнего Востока о тигре, женьшене, калуге, медведе. Надо найти первое издание дилогии, вышедшее в Петербурге или Москве. Возможно, эта книга найдется в зарубежных библиотеках.

Много работы предстоит и биографам Арсеньева. Надо искать польские дневники и записи. Весной 1900 года, уезжая на Дальний Восток, он оставил их в своей семье в Петербурге. В газетах и журналах Европейской России и Украины в 1895—1910 годах публиковались его рассказы и очерки, подписанные различными псевдонимами. Где-то лежит небольшой архив, который собрал соратник Арсеньева киевский студент П. Бордаков. Важно найти альбомы писем и автографов известных людей, собранные Арсеньевым. Надо разыскать подробную карту «Ледового похода». Могли уцелеть карты Азии, где рукой Арсеньева начерчены подробные маршруты его «путешествий-сказок» по Монголии, Корее, Маньчжурии и в Тибет...

Много совершил Арсеньев за свою жизнь, прославив себя и свою страну. Потому и немало нужно сделать, чтобы получить портрет этого человека во весь его богатырский рост.







ВЕРА ВЕТЛИНА

ПО СЛЕДАМ ТРАВОЗНАЕВ

Очерк

На всякую болезнь зелье вырастает.
Народная мудрость

Один многоопытный врач так говорил своим пациентам: «Запомните: ваш первый и самый главный лекарь — это вы сами. Второй — природа. И только на третьем месте мы, дипломированные врачи. Если вы по нерадивости или по незнанию повредите своему организму, созданному природой необыкновенно крепким и совершенным; если вы игнорировали естественные целебные силы, окружающие вас, тогда приходите к врачам. Мы будем восстанавливать утраченное здоровье при помощи средств, которыми располагает современная медицина».

Советская медицина достигла больших успехов. Новые горизонты ее развития открывает постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по улучшению охраны здоровья населения», принятое в августе 1982 года. Однако нельзя забывать и о возможностях первого лекаря, то есть о нас самих. Об этом убедительно говорит в своих «Раздумьях о здоровье» Николай Михайлович Амосов, академик, один из крупнейших авторитетов отечественной медицины. Предлагаемый им режим ограничений и нагрузок доступен каждому.

Но мы любим сытно и сладко поесть, игнорируя первое из четырех условий здоровья, о которых говорит Н. М. Амосов,— ограничение в еде. Кстати, на одном из египетских папирусов археологи обнаружили следующую надпись, сделанную ученым древности еще 3600 лет назад: «Человек ест слишком много. Он живет (то есть ему достаточно, чтобы существовать.— *В. В.*) только на одну четверть того, что он ест; на остальные три четверти живут врачи».

Нам нравится при любой возможности понежиться в постели, а после «сидячего» рабочего дня еще посидеть у телевизора, отучая сердце работать, как ему положено. Физические нагрузки — второе

условие здоровья — прн отсутствии мускульной работы, даже такие, как полноценная утренняя зарядка, энергичная ходьба, кажутся нам обременительными.

Мы боимся сквозняков и холодного воздуха, оберегаемся простуды и натягиваем на себя семьдесят семь одежек, спим под ватным одеялом, плотно закрыв на ночь форточку. И простуживаемся без конца именно потому, что игнорируем третье условие здоровья — закаливание. Так же беспечно относимся к четвертому условию — сбережению нервной системы от различных стрессов.

Вот почему поток людей, спешащих в поликлинику, пока что не редеет. У современной медицины много действенных способов поставить нас на ноги. Целая армия врачей, располагающих всевозможными лечебными средствами и совершенной аппаратурой, стоит на страже нашего здоровья.

Одиако подумаем, не пренебрегаем ли мы прежде всего защитными силами своего организма н лечебным воздействнем природы? Вряд ли нужно убеждать сейчас кого-либо в оздоровительной силе свежего воздуха. Кому не известно, как легко дышится в лесу, на берегу озера или реки? Воздух там насыщен целительными аэроионами и летучими веществами растений — фитонцидами, убивающими вредоносных микробов. Зимний морозный воздух усиливает обменные процессы. Пройдя многовековую проверку народным опытом, сохранилось в арсенале врачебных средств и лечение солнцем (гелиотерапия), водами (бальнеотерапия). Но наверное, древнейшим н вселяющим нанбольшие надежды в наш бурный век остается лечение травами — фитотерапия.

Ризотомы, ведуны, травщики́

Главной пищей первобытного человека были растения. Разыскивая травы, плоды и кореиья, он не только утолял голод, но с их помощью избавлялся от болезией и травм. Житейский опыт древнего жителя планеты заставлял делать выводы о целебных или вредиых свойствах растений. Помогали в этом н наблюдения за дикими животными, которые безошибочно находят именно ту траву или корни, которые необходимы для лечеиия. Знания накапливались по крупицам в течение многих тысячелетий. Бесспорно, случались н драматические ошибки, стоившие человеческих жизней.

Археологические раскопки позволяют утверждать, что ие меиее 6000 лет назад шумеры и другие древнейшие народы мира пользовались лекарственными растениями в свежем виде, готовили из них порошки и настои. Еще шире пользовались растениями в лечебных целях вавилоияне, пришедшие иа смену шумерам во втором тысячелетии до иашей эры, а затем ассирийцы. Вавилонское царство с его богатой и разиообразной флорой было родиной многих лекарствеиных растений. Отсюда сведения о целебных свойствах растений были заимствованы и расширеиы египтянами, а их зиания пригодились в Древней Греции, где траволечение достигло высокого у́ровня. Этим в Греции занимались уже не жрецы, как в Египте, а учеиые. Сбором растеиий руководили специальные «корнерезы» — «ризотомы». Первый дошедший до иас труд по лекарственным растениям принадлежит крупнейшему мыслителю и врачу Древней Греции Гиппократу.



С древнейших времен существует народная медицина Востока. Больше двух с половиной тысяч лет насчитывает медицина Китая. В первых веках нашей эры возникла на основе более древней индийской тибетская медицина. Уникальным трудом остается индийская «Наука о жизни» («Яджур веда») и составленный на его основе трактат тибетских ученых «Сущность целебного» («Жуд-ши»).

Своими путями развивалось траволечение на территории нашей страны. В местах древних стоянок найдены сосуды с остатками трав, которыми лечились жители этих поселений. Скифы, населявшие Северное Причерноморье два с половиной тысячелетия назад, не только использовали многие дикорастущие лекарственные растения, но и разводили их в садах и огородах. Древнеримский ученый Плиний Старший указывал, что скифские травы вывозились в Грецию и Рим, где высоко ценились.

Познания скифов перешли через греков к лекарям Киевской, а затем Московской Руси. Часто сведения о целебных свойствах растений обрастали суевериями и легендами, но среди ведунов и знахарей было немало искусных природоведов.

С развитием письменности, с ростом торговых и других связей появились пособия по лекарственным растениям — травники, цве́тники, переводные и оригинальные, стали появляться иноземные снадобья.

Первая аптека на Руси была открыта в 1581 году в Москве при Иване Грозном. Она помещалась в кремлевских палатах и обслуживала царский двор. Управляла ею Аптекарская палата, основанная в том же году. Порядок в аптеке был строгий. Выписанное придворным лекарем снадобье готовилось фармацевтом в присутствии приказного дьяка и лекаря. Затем все трое должны были его попробовать, после чего лекарство давали больному. Позднее Аптекарская палата была преобразована в Аптекарский приказ, которому надлежало руководить сбором лекарственных трав.

С середины XVII века начали собирать лекарственные травы по всей Руси. Каждое воеводство должно было заготавливать определенные травы, которые часто присылали взамен податей. Заготов-

ку вели специальные травщики. Воеводам был дан строгий наказ: «Чинить им во всем спомогательство». Воеводы должны были следить, чтобы травщики работали добросовестно, по правилам, записанным в специальной грамоте, а «буде травщики очнут травы и цветы и коренья собирать оплошно и ты б чинил наказание: бил батоги».

Много сделал для развития лекарственного дела на Руси Петр I. По его указу в 1714 году в Петербурге был создан «аптекарский огород», своего рода первая опытная станция по изучению лекарственных растений. Петр сам сеял там травы и приказывал присылать семена из других городов. На месте «аптекарского огорода» теперь в Ленинграде расположен Ботанический сад Академии наук СССР, а район, где он находится, до сих пор называется Аптекарским островом.

Когда в 1724 году была основана Петербургская Академия наук, изучение лекарственных растений приобрело новый размах. Один из первых русских академиков, солдатский сын И. И. Лепехин, особо интересовался народными лечебными средствами. Он писал: «...лучшие лекарственные средства не умствованием врачей, но употреблением простолюдинов открыты были». Изучая народную медицину, И. И. Лепехин описал сотни видов растений, имеющих лечебное и хозяйственное значение. Ему принадлежит мысль, что для лечебных целей надо пользоваться в первую очередь не чужими, иноземными растениями, а местными.

Народная медицина — это итог многовекового практического опыта, подлинная сокровищница знаний, накопленных путем бесчисленных проб и ошибок. Напластования суеверий, невежества, порой засорявшие ценный опыт, постепенно опадали, как шелуха. Растительный мир планеты предлагал и предлагает огромный выбор всевозможных целебных средств.

Траволечение господствовало в медицине долгие века. Но с развитием наук, и прежде всего химии, растения как источник лекарственных средств стали отходить на второй план. Дело в том, что химические препараты — это «чистые», неизменные по составу, точно дозированные сильные лекарства. С их помощью удается побеждать острые инфекционные заболевания, благодаря им исчезают такие давние и грозные враги человечества, как туберкулез, чума, холера. Они необходимы, когда требуется быстрый терапевтический эффект.

Но вероятно, возможности химии все же были переоценены. Непрерывно растущий поток синтетических средств довольно часто перекрывает остальные виды лечения, в том числе фитотерапию. Ведь быстро избавиться от недуга — о чем еще можно мечтать? Но эти сильные средства оказались обоюдоострым оружием. Врачам теперь приходится порой бороться с их нежелательными побочными действиями. Появились неизвестные прежде «лекарственные болезни» — результат неумеренного пользования сильнодействующими синтетическими препаратами.

Снова, но уже на новой, современной основе возникает интерес к использованию природных лечебных средств. Практика показывает, что препараты, приготовленные из растений, оказывают, как правило, слабое побочное действие.

Сложный комплекс веществ, дозированных в растении природой,

благотворно действует на весь организм в целом, повышая его сопротивляемость, активизируя обмен веществ. И сегодня, несмотря на все новые успехи в синтезе химических медицинских препаратов, около половины лекарственных средств изготавливается из растений.

Однако было бы ошибкой призывать к безоглядному и беспорядочному пользованию лекарственными растениями. Многие из них сильно ядовиты, другие в этом отношении недостаточно изучены. Среди ядовитых растений аконит (борец), дурман, белена, красавка, копытень, ландыш, тот самый ландыш, который радует нас по весне изящными цветками и широко используется в медицине. Он ядовит, и сильно, во всех своих частях.

Все дело в соответствующей обработке и точной дозировке. Вот почему самолечение травами так же вредно, как и бесконтрольное пользование химическими препаратами. Только врач может руководить траволечением. В его распоряжении результаты исследований, которые ведет сегодня наука фитотерапия.

Профессора в кирзовых сапогах

Многие наши замечательные путешественники внесли большой вклад первооткрывателей и в изучение мира растений. Это П. П. Семенов-Тян-Шанский, Н. М. Пржевальский, К. И. Максимович, В. К. Арсеньев, Н. И. Вавилов, В. Л. Комаров и многие другие. Их последователи и ученики продолжают научный поиск сегодня.

«Не следует краснеть, заимствуя у народа средства, служащие к его излечению»,— говорил Гиппократ. Современная наука о лечении растениями принимает этот мудрый совет. Она ищет подтверждения лечебных свойств уже известных трав, ведет поиск новых видов с более ценными свойствами. Он идет во всех зонах Советского Союза. Особенно активно — на Дальнем Востоке и в Сибири, на Кавказе и в Средней Азии. Уже установлено, например, что на Дальнем Востоке в народной медицине использовалось больше 500 видов растений, а изучена из них лишь небольшая часть. Среди неизученных также и сотни видов лекарственных растений Сибири. Ученые надеются найти средства против многих тяжелых болезней. Постепенно открывает свои клады богатейшая сокровищница флоры Кавказа. Вот несколько имен нынешних следопытов.

Обратимся прежде всего к Дальнему Востоку, краю своеобразному, полному загадок природы. Его растительный мир теперь начинают называть подлинной аптекой биологически активных веществ. Одним из тех, кто год за годом, десятилетие за десятилетием подбирает к природным сейфам ключи, можно назвать профессора И. И. Брехмана. Тема его исследований — поиск биологически активных веществ, содержащихся в растениях, и использование их для повышения жизненных сил человека. Начали эти исследования в ленинградской школе фармакологов, возглавлял которую заслуженный деятель науки РСФСР профессор Н. В. Лазарев.

В результате длительных экспериментов ученый выделил в самостоятельную группу новый тип лекарственных средств — так называемые «адаптогены». Это вещества синтетического и растительного происхождения, которые повышают сопротивляемость ор-



ганизма человека к неблагоприятным условиям среды. По предложению профессора Лазарева за изучение адаптогенов дальневосточной тайги много лет назад взялся его ученик И. И. Брехман.

Первым объектом исследований стал легендарный женьшень, лечебные свойства которого окружены многими былями и небылицами. В 1957 году в Москве вышла из печати книга И. И. Брехмана «Женьшень», в которой научно доказана исключительная ценность этого корня для повышения жизненных сил человека. Даны рекомендации по его применению.

Но женьшень, служивший человечеству тысячи лет, исчезает по мере хозяйственного освоения тайги. Теперь и там его встретишь не чаще, чем жемчужину на дне моря. Он занесен в Красную книгу. Возникла необходимость найти растения, которые могли бы заменить женьшень.

Тысячи километров по тайге, тысячи опытов в лабораториях проделали дальневосточные ученые. Особое внимание они обратили на растения из семейства аралиевых, к которому принадлежит женьшень. Эта группа растений подавала наибольшие надежды.

В 1968 году выходит новый труд И. И. Брехмана «Элеутерококк». «Чертов куст» — под таким нелестным названием издавна известен на Дальнем Востоке колючий и невзрачный на вид кустарник, образующий в тайге непроходимые заросли. Его научное название элеутерококк, и принадлежит он к тому же семейству аралиевых, что и женьшень.

«Чертов куст» старались обходить стороной. Но один из ученых как-то обратил внимание на косулю, с жадностью поедавшую колючие и жесткие ветки элеутерококка. А ведь вокруг было много куда более привлекательного корма. «Вероятно, лечится», — предположил ученый. Он поделился своими наблюдениями с И. И. Брехманом. В результате долгих и тщательных исследований многих ученых был сделан вывод: элеутерококк по своему целебному воздействию на организм не только не уступает женьшеню, но и в некоторых отношениях превосходит его.

Теперь мы можем купить в аптеке настойку элеутерококка,

которая возвращает силы, поддерживает жизненный тонус. В арсенале врачей появились и другие препараты из растений, обладающих стимулирующим эффектом. Их открыли и поставили на службу медицине дальневосточные ученые.

«Профессор в кирзовых сапогах» — так называют сибирского ученого Георгия Васильевича Крылова. Его специальность — лесоводство, и, наверное, нет лучшего знатока лесов Западной Сибири. Его голос в защиту сибирского кедра — один из самых убедительных. Профессор, которого трудно застать в кабинете, черпает научные данные в постоянном общении с лесом.

Вспоминается одна из встреч с Георгием Васильевичем в Горном Алтае. Тогда он готовился в очередной раз отправиться к алтайским вершинам на поиски золотого корня. Народная медицина, лекарственные травы еще одно весьма плодотворное увлечение ученого. И среди всех трав, привлекающих его внимание, самая заветная, самая желанная, но и самая неуловимая — золотой корень.

О нем известно с древних времен, ореолом таинственности окружены целебные свойства растения. Тибетские монахи, знавшие о свойствах корня, под страхом смерти запрещали пользоваться им простому люду. Алтайское поверье гласит: «Тот, кто отыщет золотой корень, будет до конца дней своих счастлив, удачлив и здоров, проживет два века». Коренные алтайцы, знавшие, где встречается редкостное растение, скрывали места его обитания от охотников за желанной добычей. Поэтому предание о силе золотого корня, передававшееся из уст в уста, продолжало жить на Алтае, а где его искать, как он выглядит, почти никто уже толком не знал.

За изучение золотого корня взялся Г. В. Крылов. Безуспешными были первые попытки ученых отыскать это растение в Алтайских горах. Не зная точных примет растения, они просто проходили мимо него. Много раз отправлялись в горы экспедиции ботаников и лесоводов, возглавлявшиеся Г. В. Крыловым. И наконец, в 1961 году после многолетних поисков в кедровом лесу на высоте около трех тысяч метров над уровнем моря произошла первая встреча с незнакомцем. Он оказался изящным растеньицем с небольшими мясистыми листьями и плотным щитком зеленовато-желтых цветков на многочисленных стеблях.

Родиола розовая — таково ботаническое название золотого корня. Но почему «розовая», если цветки желтые, и почему «золотой корень»? Если выкопать толстое ветвистое корневище растения и очистить от земли, оно заблестит тускло-золотым цветом. Отсюда название — «золотой». Когда надрежешь корень, видно, что внутри он лимонно-желтый, а запах его напоминает аромат розы. Отсюда видовое название родиолы — «розовая».

Исследования, проведенные в Томском медицинском институте, подтвердили достоверность народного опыта. Препараты золотого корня, как и женьшеня, обладают стимулирующим действием. Они улучшают самочувствие, повышают работоспособность, как умственную, так и физическую, целебны при функциональных заболеваниях нервной системы. В аптеках уже появляется жидкий экстракт родиолы, который следует принимать лишь строго по рекомендации врача. Выпускается тонизирующий напиток из золотого корня. Его можно рекомендовать почти всем. Усилиями многих ученых, и прежде всего «профессора в кирзовых сапогах» Г. В. Крылова и

томского ученого, профессора А. С. Саратикова, изучившего стимулирующее и адаптогенное действие родиолы розовой, золотой корень из легенды вошел в повседневную жизнь.

Растение это пока еще встречается также на Крайнем Севере Европейской части СССР и на Дальнем Востоке, в горах Южной Сибири и Средней Азии, в Забайкалье и Туве. Золотой корень очень вынослив. Скалы и каменистые склоны высокогорья, осыпи и речные галечники — места его обитания. Но откройте Красную книгу СССР. Среди перечня исчезающих растений, требующих особой охраны, вы найдете и родиолу розовую. Растущая популярность уже привела к истощению природных запасов золотого корня и может стать для него роковой. Сберечь его — дело всех любителей природы. Кстати, он может расти на любом клочке земли, хотя бы и на приусадебном участке.

Тот, кто бывал на Черноморском побережье Кавказа, не может не поражаться изобилию природы.

Аджария, Батумский ботанический сад... Замечательный русский ботаник, географ и путешественник, профессор Андрей Николаевич Краснов, объехав и исходив чуть не весь земной шар, в 1912 году основал здесь, на солнечном побережье Грузии, живой музей и лабораторию растительных богатств. Он мечтал о великом переселении на эти земли всего ценного, чем богата мировая флора, что способно расти в южных районах нашей страны. Трудами ученого сначала в коллекции Батумского ботанического сада, а затем на плантациях Закавказья появились чай и цитрусовые, бамбук и хурма, многие другие хозяйственно полезные растения.

Широкие исследования растительных богатств мира связаны с именем выдающегося ученого, академика Николая Ивановича Вавилова. Один из его учеников, Михаил Михайлович Молодожников, взял на себя нелегкий труд — «приручать» к нашему отнюдь не жаркому климату тропические и субтропические растения с особо ценными лечебными свойствами.

Несколько десятилетий назад на Яве от тяжелой болезни почек избавился богатый голландский плантатор, признанный европейскими врачами безнадежно больным. Исцелила его индонезийская травка, которой пользовалось местное население. Вскоре эту чудодейственную травку под названием «почечный чай» выпустила в продажу предприимчивая немецкая фирма.

В конце тридцатых годов несколько зернышек «почечного чая» были привезены в Советский Союз и переданы Сухумской опытной станции Всесоюзного института растениеводства. Зернышки взял под свою опеку М. М. Молодожников. Высеял, но, несмотря на тщательный уход, выжило всего лишь одно растение. Однако через десяток лет в Кобулети, недалеко от Батуми, где был создан специальный опорный пункт лекарственных растений, благодаря усилиям того же М. М. Молодожникова уже существовала целая плантация «почечного чая». А теперь в Аджарии выращиваются миллионы потомков одного-единственного зернышка с Явы. Саженцы растения были вывезены из СССР на Кубу, теперь оно выращивается и на острове Свободы. Таков итог огромного труда советских ученых, и прежде всего М. М. Молодожникова.

А вот еще один примечательный пример. Объявив блокаду молодой Стране Советов, ряд капиталистических государств прекра-



тил среди других товаров ввоз к нам хинина, единственного в то время надежиого средства для борьбы с малярией.

Советские ученые начали искать заменители противомалярийного препарата. В Кобулети М. М. Молодожников одновременно развериул опыты по выращиванию перуанского хинного дерева. Замысел был смелым. Хинное дерево цинхоиа чрезвычайно чувствительио к холодам, и даже в мягкие зимы молодые деревца неизменно погибали. Растение ие соглашалось привыкать к иовым условиям. После многолетних иеудач остановились на единственной возможности. Хинное дерево стали выращивать как одиолетнее растение. Весной высаживают укореиившиеся черенки. К осени, до холодов, молодые деревца на плантации достигают примерио метровой высоты. Тогда их срезают под корень и отправляют на переработку. А следующей весной повторяется все сиова.

Мы уже забыли, что такое малярия. Одиим из тех, кто помог избавиться от этого изиурительного иедуга, был М. М. Молодожников. Ему в большой степени принадлежит и заслуга введения в культуру таких целебных тропических растений, как алоэ древовидиый, пассифлора инкариатная и другие. Сорок пять лет отдал ученый этой важной работе.

Говоря об исследователях целебных трав, обогативших отечествениую медицину иаших дней, иельзя не упомянуть Питирима Сергеевича Массагетова, ученика известного ботаника и географа Василия Васильевича Сапожникова.

Урожеиец Алтая, П. С. Массагетов свое первое ботаническое путешествие для изучения опыта народной медицины и поиска иовых целебных растений совершил в 1921 году, когда в стране еще не закончилась гражданская война, царили голод и разруха. Один, на свой страх и риск и более чем скромные собственные средства, располагая лишь двухколесиой повозкой и лошадью, он преодолел за 144 дня свыше 3000 километров. Путь молодого учеиого пролегал по глухим, безлюдиым местам из Сибири через Семиречье в Среднюю Азию. Результаты этой экспедиции стали заметным вкладом в иауку.

Затем последовали новые н новые путешествия в разиые уголки страны, самые дальние, самые неисследованные. Больше тридцати экспедиций! Семнадцать лет в общей сложности в походах и поисках драгоценных крупиц нового, которые, как известно, даются великим трудом.

П. С. Массагетов написал около ста книг, статей, очерков. Его можно считать основателем новой области иауки — алкалоидиой химии, изучающей одно нз важнейших действующих иачал в лекарственных растениях — алкалоиды. Среди открытых учеиым новых видов целебных растений несколько иазваны его именем. Последняя книга П. С. Массагетова, скончавшегося в 1972 году, называется «Заветные травы». Она вышла в издательстве «Мысль» в 1973 году.

Эстафета научного поиска продолжается. Центром его в нашей стране стал ВИЛР — Всесоюзный иаучно-исследовательский институт лекарственных растений, иедавно отметивший свой полувековой юбилей. Исследования института миогогранны. Ботаники и агрономы, фнзнологи н химики, селекционеры и фармакологи, врачи н инженеры изучают здесь, под Москвой, эффективные способы использования растений в борьбе с болезнями. У института девять опытиых станций в разиых географических зонах страны, свой экспернментальный завод по выпуску иовых лекарственных средств. Гордость ВИЛРа — созданный не одним поколением учеиых Ботанический сад, в котором собрано более 2000 видов лекарственных растений.

Институт пользуется международным авторитетом. Ои сотрудничает с рядом ннститутов стран социализма, обменивается с зарубежными коллегами других государств опытом, растениями, проводит совместные исследования.

Я хожу по аптеке

У Семеиа Кирсанова есть такие стихи:

Я не степью хожу —
Я хожу по аптеке,
Разбираясь в ее
Травяной картотеке.
Беспредельная степь,
Бесконечная степь,
Ты — природой написанный
Мудрый рецепт.

Думается, что каждому было бы не вредно разбираться в картотеке трав, живущих рядом с иами.

Вы идете по тропинке. Что тут около иее за травы? Самые обыкновенные: спорыш («травка-муравка») да подорожник, одуванчик или пастушья сумка, крапива. Они же надоедливые сорняки сада или огорода. Тысячн лет воюют с ними люди, а они не поддаются. Стоит ослабить бдительность — уже лезут там и тут, вытесняя милые нашему сердцу реднс н огурцы, салаты н шпииаты.

В иароде давио пользовалнсь этими зелеными изгоямн наших



полей и огородов как лечебным снадобьем. Лист подорожника прикладывали к ранам и нарывам. Его так и называли — порезник или пораннник. Спорыш (он же птичья гречиха, гусятник) в виде настоя пили при лихорадке, болезнях печени и почек. Крапиву пускали в ход как кровоостанавливающее и ранозаживляющее средство. «Емлем сырую крапиву, толчем и положим к свежим ранам, так раны вычистит и заживет»,— говорится в «Травнике». Одуванчик издавна считали своего рода жизненным эликсиром, северным женьшеием, применяли «для очищения крови», от разных других болезней. В наши дни он получил признание и в научной медицине.

Не пренебрегают медики и пустырником. По своему успокаивающему действию он не только заменяет, но и превосходит всем известную валериану, снижает артериальное давление и становится одним из важных средств при лечении гипертонии. Другим активным средством в борьбе с гипертонией служит сушеница топяная, обитательница сырых мест и надоедливая сорная трава. Препараты сушеницы, не так давно включенной в Государственную фармакопею СССР, обладают к тому же сосудорасширяющим и успокаивающим действием, способствуют заживлению ран, применяются при язве желудка и двенадцатиперстной кишки.

Богата и разнообразна «травяная аптека» в наших лесах, в горах и на лугах. Все новые виды дикорастущих лекарственных трав после тщательных испытаний находят применение в медицине.

Но нельзя забывать об оборотной стороне медали. При росте популярности дикорастущих лекарственных растений они нередко становятся объектом промысла жаждущих наживы дельцов. Порой просто хищнически ведется сбор целебных трав, запасы их в природе иссякают. Даже такие, казалось бы, вездесущие растения, как подорожник, ромашка аптечная и пустырник, теперь выращиваются для нужд медицины на специальных плантациях. Бережливое отношение к нашей «зеленой аптеке» поэтому становится прямой обязанностью не только тех, кто по долгу службы имеет с ней дело, но и каждого жителя нашей страны.

Заглянем теперь в один из «филиалов» природной аптеки. Прежде всего иа огород. А потом зайдем иа кухню к хорошей хозяйке. Не трудно будет убедиться, что по крайней мере половина блюд готовится у нее из овощей и трав с лекарственными свойствами.

Овощи издавна получили признание ие только за свои диетические, но и лечебные свойства. В византийской сельскохозяйственной энциклопедии X века «Геопонике» описывается целебное действие редьки и тыквы, свеклы и укропа, чеснока и огурцов. Целые страницы посвящены капусте.

Наукой подтверждено, что капуста богата солями калия, кальция, фосфором. В ней 16 аминокислот, восемь витаминов. Среди них недавно обнаруженный учеными витамин U (от латинского «улькус» — язва), способствующий заживлеиию язв желудка и двенадцатиперстной кишки. В сырой белокочанной капусте найдена тартроновая кислота, препятствующая ожирению. Поистине овощ-врачеватель, достойный хвалебного гимиа.

А лук, по народной пословице, годится от семи недуг. Открытие лечебных свойств лука, как и чеснока, вероятно, произошло в доисторические времена. От каких только болезней не применяли их разные народы с древнейших времен до наших дией! Древние египтяне считали эти растения священными. Они были посвящены богине Изиде, и простому иароду есть их запрещалось. Во многих областях России существовал обычай носить на шее, на специальном шнурке, головку чеснока в качестве амулета от всяких болезней. Научной медициной подтверждены лечебиые свойства лука при некоторых болезнях желудочно-кишечного тракта, атеросклерозе и гипертонии, гриппе и ангине. Еще выше лечебная эффективность чеснока, обладающего сильнейшим фитонцидным действием.

А без сочной сладкой моркови хозяйка и обед не сможет приготовить. Этот повседневный в нашем меню овощ оказался кладезем биологически активных веществ, в том числе витаминов C, B, B_2, B_3, D_1, P, H, E, K. Один перечень их вызывает уважение. И еще — провитамин A, многие фермеиты, важные микроэлементы (йод, бор). И минеральные соли, среди которых преобладают калий, кальций, фосфор, железо. Свежая морковь каждый день — надежный рецепт для предупреждения и лечения многих недугов.

У хорошей хозяйки в большом ходу разная зелень, прежде всего укроп, петрушка. Их аромат, свежесть облагораживают любую пищу. И польза для здоровья велика. В народной медицине с давних пор применяют настои, отвар семян и листьев укропа при бессоннице и расстройстве пищеварения, при одышке и болезнях дыхательных путей. Зелень укропа оказывает антибактериальное действие, повышает сопротивляемость организма. Все большее внимание медицины привлекает петрушка. По последним исследованиям, она активно стимулирует работу почек, укрепляет пищеварительный аппарат, благотворно влияет на зрение.

Не менее богата целебными веществами «аптека садовая» с ее ягодами и фруктами. Об их лечебных свойствах известно более широко. Недаром те, в чьем рационе овощи и фрукты занимают почетное место, отличаются завидным здоровьем.

Побывайте на любом из семи рынков Еревана. Непривычного северянина поражают горы всевозможных плодов земли. Хозяйки

несут с рынка цветную капусту величиной с арбуз, килограммы сладкого перца, отливающего красным лаком, налитый янтарным соком виноград и словно бы раскаленные докрасна, помидоры. И непременно зелень, не тощие ее пучки, а солидные связки. Это укроп и петрушка, сельдерей и кинза (кориандр), базилик и различные другие пряные травы. То же в Грузии, Азербайджане. Не в этом ли пристрастии к зелени, овощам одна из причин долголетия, которым отличаются народы Закавказья?

Итак, природная аптека в нашем распоряжении. Она рядом с нами. Многовековой народный опыт, развивающаяся наука фитотерапия подсказывают пути к здоровью, долголетию.







ВИКТОР ГРЕБЕННИКОВ

ЭТОТ УДИВИТЕЛЬНЫЙ МИР

Очерки

Голоса поднебесья

В далеком теперь уже 1959 году, примерно в марте (еще повсюду лежал глубокий снег — дело было под Исилькулем Омской области), я вышел за город с этюдником. Забрел довольно далеко. Погода была переменчивой: дул влажный ветер, на солнышко то наползали высокие полупрозрачные слоистые облака, то закрывали его бегущие понизу рыхлые тучи. Освещение менялось ежеминутно, и я не спешил начинать этюд, а даже подумывал, не вернуться ли домой.

И вдруг услышал неведомо откуда странные звуки. Они напоминали не то гудки, не то крики людей, не то голоса музыкальных инструментов. Непонятно было, откуда лились эти звуки, и отрывистые, и сливающиеся в мягкие переливчатые аккорды низкого тона. Торжественные, странно волнующие, пока негромкие, они, казалось, заполняют собой весь небосвод. Ощущалось лишь, что доносятся они издалека.

Я внимательно всматривался в облачное небо, в леса, синеющие у горизонта, в ближние рощицы-колки, темные, но уже чуть подернутые едва заметным предвесенним багрянцем. Увы, источника странных звуков, становившихся по временам исчезающе-тихими, а потом более явственными, обнаружить не удавалось.

Но вот стало ясно: звуки приближаются и летят определенно сверху.

Я снова поднял голову и, жалея, что нет бинокля, до боли в глазах стал рассматривать участок неба, откуда звучала странная музыка.

Из-за низкого облака показалось несколько величественных белых птиц с длинными шеями.

Лебеди!

Завороженный, я смотрел туда, где, идя неровной шеренгой, выплывают из-за туч все новые и новые птицы, тяжело взмахивая широкими крыльями. Их было не менее двух десятков. Мгновение — и луч солнца, пробившись между облачными слоями, скользнул по стае, на полминуты высветив ее. И огромные птицы засияли удивительно белым светом на фоне открывшегося в тот миг, к

12 Заказ 1132

счастью, куска синего-синего неба, напоминая что-то давным-давно виденное, знакомое, волнующее.

Стая спускалась все ниже, делая полукруг. Может быть, потому, что сбившиеся с курса в низких облаках, птицы увидели наконец землю, и штурман-вожак дал новое направление.

И вот тут я вспомнил: да ведь то, что я видел, напоминает полотно художника Рылова «В голубом просторе». С юных лет оно всегда волновало мое воображение: белые освещенные солнцем лебеди, вытянув шеи, пробиваются сквозь упругий холодный синий воздух над таким же синим морем к видневшимся вдали островам. Моря, правда, сейчас здесь не было. Но вместо него раскинулась бесконечная снежная степь с темно-розовыми островами-колками. И впечатление было то же самое, что от картины Рылова,— волнующее, радостное, свежее, зовущее к какой-то неведомой людям свободе, которой одарены лишь птицы,—тысячекилометровой свободе бескрайних синих просторов...

Да, именно такое впечатление осталось от неожиданного небесного зрелища! Дальний перелет могучих, но уже явно уставших птиц еще не завершен — им надо добраться на родину, на далекий Север, где надлежит начать и завершить труднейшее, полное опасностей дело: устроить гнезда, отложить яйца, вырастить потомство. А к осени подготовить его к обратному перелету, не менее трудному.

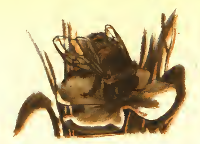
Долго стоял я, провожая взглядом лебедей. Изменив курс, птицы перестроились, и из беспорядочной стаи получилась четкая вереница с вожаком впереди. Над лебедями неслись влажные весенние облака, то открывая синие прогалины, то закрывая их, а белые птицы, с трудом преодолевая сильный встречный ветер, улетали все дальше и дальше. И совсем уже растаяла вдали лебединая стая, но еще долго слышались трубные волнующие крики. А я все стоял посреди безлюдных снежных равнин, подняв голову вверх.

Шли годы. По роду своей работы я получил возможность гораздо чаще бывать на лоне природы, пристально вглядываться в небеса. Правда, основные объекты моих наблюдений, насекомые, живут больше на земле и растениях, но весною и осенью я нередко направляю в небо бинокль в надежде увидеть перелетных птиц. Иногда пролетит стайка уток или чаек, а то чибисы мелькнут своими бело-черными крыльями, с тонким свистом пронесется в голубой выси десяток-другой острокрылых стрижей.

А вот крупных птиц — гусей, лебедей, орлов — во время перелетов видишь все реже и реже. Журавлиные клинья, которых в сороковых годах в этих краях встречалось великое множество — иной раз они шли буквально волна за волной,— стали редкостью, да и размеры стай далеко уж не те. Может, журавли сменили маршрут? Как бы то ни было, небеса в окрестности Исилькуля лишены ныне романтичного зрелища.

Ну а что же лебеди? Увы, после той памятной встречи их мне довелось видеть всего дважды: один раз на дальнем озере заметил две пары белых птиц, да еще раз, тоже весной, низко-низко пролетела всего одна птица. С тех пор — как отрезало, будто и не было той чудесной картины, что описана здесь.

И я теперь с тревогой думаю: неужто моим детям и внукам, людям грядущих поколений, кому доведется жить в этих краях, не суждено увидеть волнующее зрелище — снежные голубые просторы,



а над ними стаю белых ширококрылых птиц? Неужто они останутся лишь на репродукциях картины Рылова?

Где вы, лебеди, отзовитесь!

На заливных лугах

Есть под Воронежом поселок Рамонь, а недалеко от него небольшой научный городок, в котором я жил и работал, увы, всего один год. «Увы» — потому что уж очень по душе пришлись мне те милые края, истинно русские, с лесами и оврагами, ручьями и речками, плодородными полями, но почти по-южному долгим летом и мягкой зимой. Однако пришлось с ними вскоре расстаться: в который уж раз позвала к себе Сибирь...

Ярче других из того «воронежского года» запомнилась мне одна картина: цветут заливные луга. Сразу же за зданиями научных учреждений начинался овраг, переходящий в лог, сначала небольшой, затем обширный и глубокий. Справа от него — село Айдарово, подальше — деревушка с патриархальным названием Старое Животинное. Местность, где лог впадал в долину речки Воронеж, именовалась Займищем, недалеко от которого и начинались заливные луга. Пешком туда добраться можно было, лишь когда сходила вода и начинали цвести травы.

Не знаю, удастся ли передать это цветение словами — тут больше подошла бы кисть. Но мастерство нужно незаурядное, чтобы изобразить красками ту дивную картину. А было там всего четыре цвета... Зеленая трава, но не просто зеленая, а сочнейшего, изумрудно-янтарного оттенка, подобного которому на обычных «сухих» лугах не увидишь. По этому фону были щедро рассыпаны цветы. Куртины желтых лютиков напоминали скопления множества солнц, расположенных капризно-неравномерно: кое-где луг буквально заливался желтым.

Зато очень аккуратно по этому дивному ковру были рассыпаны сиреневые, закрученные пышной спиралью пирамидки мытника и коричнево-фиолетовые плотные колокола рябчиков, обращенные вниз, так что лоснящиеся их донышки отражали небо, и потому на цветы ложились матовые лиловые блики.

Вот это сочетание — зеленого, желтого, сиреневого и фиолетового — было настолько сочным, богатым, ярким, что в глазах рождалось необыкновенно приятное мерцание, не дающее оторваться от этой картины, которую оживляли шмели: залезали в колокола рябчиков, и те клонились под тяжестью грузных насекомых...

До лугов было довольно далеко, но мы много дней подряд ходили в эти удивительные места и все не могли насытиться их трепетносочной красотой.

А потом все это скосили. И было по-детски обидно и досадно: неужели люди не видят такую красу или, видя, намеренно ее губят, чтобы не увидели другие? Я, разумеется, отлично знал, что лучшего сена, чем с заливных лугов, не бывает. И конечно же косцы видели всю эту прелесть и потому отдавались работе с удовлетворением. Очень хорошо радость этого труда передана в замечательной картине известного художника Пластова «Сенокос».

А тамошние травы, как видно, давно привыкли к ежегодному кошению. И в начале лета до самой поры сенокосной сияют-переливаются зеленым, сиреневым, желтым и фиолетовым заливные воронежские луга — за Рамонью, за Айдаровом, за Животинным, на Займище — во славу природы и на радость людям.

И все же досада в душе осталась. Почувствовав, что воронежская благодатная земля ждет от меня не созерцательной любви, а каких-то конкретных дел, я до тех пор не успокоился, пока не принял активного участия в организации микрозаповедника местных насекомых и растений под той же Рамонью.

Вроде это уж совсем иная история, но упоминаю об этом потому, что, если бы не видел я цветения заливных лугов у речки Воронеж, не так бы вошел в душу этот край, и очень возможно, я отступил бы перед трудностями, связанными с организацией второго в стране специального заповедника насекомых.

А он, опекаемый ныне Всероссийским институтом защиты растений и Воронежским сельхозинститутом, процветает и по сей день...

Золотоглазые эльфы

Художник-анималист Н. Н. Кондаков, автор большого числа точнейших изображений рыб, насекомых, птиц и зверей, иллюстрирующий многие научные издания, в том числе Большую советскую энциклопедию, поздравил меня как-то с праздником такими словами: «Надеюсь, в ваших заповедниках для насекомых уже и эльфы развелись и вам-то они уж наверняка покажутся — не будут прятаться, как от недобрых людей!» При этом послании был приложен рисунок эльфа, как себе представляет этих сказочных существ художник.

Николай Николаевич попал, что называется, в самую точку. Эльфы действительно у меня завелись, правда, обличье у них немножко другое: нежные крылья длиннее и шире, а глаза — большие, сияюще-золотые.

И они тоже часто предстают передо мной, особенно теплыми летними ночами. То порхают меж темными кустами, то прилетают прямо в лабораторный домик, что мы ставим на лето в микрозаповедниках под Исилькулем и Новосибирском: эльфы летят ночами на свет лампы и тихонечно ходят по столу, позволяя даже брать себя в руки и любоваться ими вблизи.

А как же иначе: в микрозаповедниках — маленьких огороженных природных участках — не косят, не ездят, не пасут скот, а ходят лишь по узеньким тропинкам, поэтому всякая живность тут благоденствует, плодится и размножается.



Как, и эльфы?

Да, и эльфы!

Только кто сказал, что эльфы имеют облик маленького человечка? Таких рисуют сказки и легенды. А верно ли, что крылатый человек так уж сказочно красив? И потом, ведь подобная «конструкция» попросту не работоспособна: крыловым мышцам нужно совсем иное туловище — такое крылатое существо, даже семикрылый серафим, камнем упадет вниз...

И тем не менее эльфы существуют. Они многочисленны и куда более изящны и красивы, чем человекоподобные. Это — златоглазки. Удивительные, очень милые насекомые из отряда сетчатокрылых. Они действительно ведут таинственный образ жизни и очень помогают людям, как и подобает эльфам.

Стройное изящное тельце этих «посланцев ночи» светло-зеленого цвета, четыре совершенно одинаковых прозрачных крыла, пронизанных нежным и сложным кружевом жилок, сложены домиком, когда златоглазка сидит или ползет; небольшая голова, на которой сияют переливчато-золотым блеском выпуклые глаза,— вот облик существа, с которым я знаком очень близко. Именно с этими золотоглазыми эльфами, прилетающими из лесного мрака на свет лампы в лабораторный домик, я подружился несколько лет назад при следующих обстоятельствах.

Редакция журнала «Защита растений» попросила меня сделать цветные рисунки златоглазки, ее яиц и личинок. Дело в том, что эти личинки чрезвычайно полезны — они в массе истребляют тлей, потому-то златоглазок не только охраняют, но и научились разводить в больших количествах. В ту пору наступила уже поздняя осень. Где взять живых насекомых? Именно живых — у мертвых златоглазок тельце сжимается и буреет, меркнет непередаваемый золотистый цвет волшебных глаз; сухая же личинка вообще сморщивается до неузнаваемости и чернеет.

Выручил энтомолог Г. А. Бегляров из Подмосковья, работающий в лаборатории, где разводят золотоглазых эльфов: прислал по почте яйца и корм для будущих личинок. Я немедля взялся за оборудование маленькой «фермы» на подоконнике для разведения этих созданий, чему очень помогла инструкция, приложенная к посылке*.

У златоглазок (другое их название «флерницы») все чудесно и необыкновенно. Начать хотя бы с яичек, отложенных самками. Ни

* Методические указания по массовому разведению и испытанию эффективности златоглазки обыкновенной.— «Колос», 1972, с. 32.

за что не подумаете, что это яйца насекомого. Иной раз встречается такое: на листьях кустов, чаще с нижней стороны, торчит пучок длинных и тонких стебельков с продолговатыми белыми шишечками на конце — скорее что-то растительное, из царства грибов или плесеней. Но нет: это златоглазка-мама, откладывая яички, предусмотрительно сажает их на тоненькие, но упругие и длинные стержни — чтоб не достали насекомые-хищники и прочие охотники до подобных лакомств.

А там, в овальном футлярчике, покачивающемся от ветра на длинной стойке, формируется личинка. Вот уже просвечивает розово-зеленое ее тельце сквозь матовую оболочку яйца. Личинка тужится, кожица эта лопается, и на свет появляется вовсе не напоминающее эльфов дитя, крохотное существо, которое, однако, хорошо знает, что делать: сползает по стерженьку на лист растения и тут же начинает рыскать в поисках тлей. Следует заметить, что флерницы «ставят» (слово «кладут» тут вряд ли подходит) свои яички только там, где для их детей уготован такой корм.

Зубастые личинки нежных эльфов — неописуемые обжоры. Прокалывая своими шприцеобразными жвалами тлей, они высасывают из них все, лишь сухая шкурка остается. Личинки одних видов флерниц пренебрегают шкурками, других — цепляют шкурки на свою волосатую спину, маскируясь таким образом то ли от врагов, то ли для незаметного подкрадывания к жертвам. К слову сказать, в отличие от своих взрослых крылатых родителей зубатики эти активны днем, а ночью спят.

Шустрые хищницы быстро растут. А когда совсем отъедятся и станут достаточно большими, чтоб превратиться во взрослую златоглазку, сползают с растения вниз и ткут шелковый коконочик, круглый-круглый, как некий «спускаемый аппарат» инопланетного звездолета. Через некоторое время его обитатель, уже изрядно преобразившийся (личинка стала куколкой), начинает изнутри пропиливать жвалами стенку шарика. Пропил этот идет по окружности, и в «кабине» откидывается идеально круглая крышечка. Куколка у златоглазок подвижная: выползает через образовавшийся «люк», и последнее превращение — во взрослое крылатое насекомое — происходит на лоне природы.

Так бывает в естественных условиях. А на «златоглазьих фермах», откуда рассылают истребительниц вредителей в теплицы, на огороды и поля, специалисты отказались и от растений, и от тлей. Вместо тлей личинок флерниц кормят яичками зерновой моли ситотроги, производство которых было налажено раньше для разведения крохотных наездничков-трихограмм, истребляющих яйца разных вредителей. Развитие детей златоглазки проходит в нехитрых садках — своего рода «сотах», склеенных из бумажных полосок и прикрытых стеклом. В каждой ячейке — несколько зубатиков «на откорме» и порция еды — яички ситотроги, напоминающие продолговатые красные огурчики.

Всю эту простую, но необычную зоотехнию пришлось спешно освоить и мне. Съедят личинки корм и готовы приняться друг за друга — аппетит у них сильнее волчьего! Тут надо не зевать, предложить им новую порцию красных яиц. Но как? Поднимешь стекло — сотни шустрых хищниц разбегутся и по чужим ячейкам, и за пределы «сота».

Для временного усыпления насекомых (пчел, шмелей и других) применяют углекислый газ: подуют им в гнездо, и обитатели его быстро делаются неподвижными. А потом «просыпаются» живыми-здоровыми. Тут пригодились баллончики для сифона и нехитрое приспособление из резиновой груши и трубки, которое применял знакомый мне шмелевод для работы со своими жалоносными подопечными. Несколько секунд — в бумажных сотах прекращается всякое движение, и можно поднимать стекло.

А дальше техника такая: стекло тоненько смазывается медом, обсыпается кормом (яйца прилипают к меду) и водворяется на место. Через несколько минут затворницы приходят в себя и начинают прокалывать и сосать свежие красные «огурчики». В теле зубатиков просвечивает красное — это от корма. В природных условиях чаще попадаются личинки флерниц с зеленым или серым нутром — по цвету съеденных ими тлей.

Впрочем, маленькие хищницы истребляют не только их, а и многих других вредителей — червецов, щитовок, медяниц, даже гусениц бабочек-совок: всего в их меню числится 76 видов насекомых и 10 видов клещей.

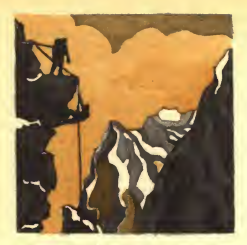
...Вскоре в ячейках забелели первые шарики коконов, потом окуклились и все личинки. Я вытряс из «фермы» добрую пригоршню кокончиков!

Проследив за вылуплением златоглазок, выполнив и отослав все нужные рисунки, я вдруг оказался перед проблемой: что же делать дальше с несколькими сотнями прозрачнокрылых эльфов, которые в моей оконной вольере все выходили и выходили из своих круглых «кабин»? Взрослые флерницы вовсе не хищницы, они потребляют подобающую эльфам пищу — цветочный нектар и пыльцу, и потому мои золотоглазые питомцы с удовольствием лизали мед. Но для полного блага и для воспроизводства новых поколений им, согласно инструкции, требовалась весьма сложная витаминно-белковая добавка — автолизованные (перебродившие) дрожжи, да не простые, а пивные... Да и, кроме того, создавать домашнюю фабрику по производству эльфов не было никакой необходимости.

И вот в один прекрасный день я вытащил садок на балкон, поднял повыше и вытряхнул его содержимое. Нежно-зеленая трепетная тучка из нескольких сот тонкокрылых созданий стала неспешно разлетаться по улице.

Наверное, снизу наблюдать это зрелище было очень любопытно. Солнце искрилось во множестве широких крылышек златоглазок: несколько прохожих остановились и долго с удивлением глядели вверх, в сторону моего балкона...





ЭДУАРД МЫСЛОВСКИЙ

ТРУДНЫЕ МЕТРЫ К ВЕРШИНЕ

Очерк

Третье мая. Последняя ночевка перед вершиной. Высота 8500 метров. Наша палатка на ветру среди белых снегов кажется совсем крошечной. Я иногда позже, прокручивая все в памяти, смотрел на нее как бы со стороны, и мне уже потом становилось страшно. Она казалась затерянной и одинокой. И в ней два человека. Два человека, которые ни о чем друг с другом не говорят, ни о чем друг друга не просят, ие пытаются согреться, спрятать замерзшие руки и ноги в теплый мешок, ни о чем конкретно не думают — нет сил. Даже не спят, а так, полудремлют... Ждут утра. На такой высоте люди не спят... Двое ждут утра, н им холодно.

Человек может привыкнуть ко всему, но к холоду привыкнуть невозможно. Это говорил Амундсен, знаменитый полярный исследователь, достигший Южного полюса. Он знал, что говорил. Он нспытал холод на себе. Холод проникает повсюду: в палатку, спальные мешки, теплую одежду. Даже, кажется, сквозь кожу. И от него никуда ие деться.

Володя Балыбердин ворочается с боку иа бок. Боится пропустить рассвет — опоздать на вершину. Скоро начнет светать. Мы должны будем выйти вверх. Встанем в пять утра, поставим примус, разогреем чай и начнем собираться. До вершины останется 348 метров: 348 — туда и 348 — оттуда. Но идти мы их будем больше 20 часов. Почти сутки.

А потом мы вериемся, и Володя скажет, что никогда еще не был так близок к концу.

Но все это произойдет позже. А тогда, в шесть утра, мы молча соберемся н молча пойдем вверх...

Ровно два месяца назад, ранней весной, 2 марта, мы улетали нз Москвы. Пасмурной, холодной Москвы. Шел сиег. Как всегда, куча дел оказалась оставленной на последний день, и он прошел в суете. Наша группа уезжает первой: Коля Черный, Володя Балыбердин, Володя Шопин, тренер экспедиции Анатолий Георгиевич Овчинников и я. Мы до приезда основной команды должны выбрать место для базового лагеря и проложить путь через ледопад Кхумбу.

Днем тороплюсь домой — хоть немного побыть в семье. По дороге покупаю торт, курицу, шампанское. Все собрались — жена,

две дочки, приехала мама. Будем прощаться. Молчим перед дорогой.

В аэропорту суета. У нас перегруз почти на сто килограммов. Надо доплачивать. У кого-то не оказалось нужных медицинских справок, и его не хотят сажать в самолет. Требуют справки. Их привозят на такси из дому.

Наконец попадаем в самолет. Занимаем места и ждем взлета. Наверное, только когда наш самолет оторвется от земли, можно вздохнуть облегченно — не высадят. Выезжаем на взлетную полосу, долго грохочем, разбегаемся и взлетаем. Ну вот и все...

Я хорошо помню тот день. Окончательное решение врачей было таким: 6000 метров высоты для меня — предел. Выше нельзя. Это сразу сделало мое пребывание в экспедиции делом ненужным и бессмысленным. 6000 метров — высота для Эвереста до смешного мала. Все. Теперь можно ехать на юг, загорать на пляже, купаться в море.

Столько лет мечтать о вершине, готовиться к ней, ждать — и вот теперь любоваться на нее с высоты 6000? И знать, что это была единственная в твоей жизни возможность подняться туда. Тебе за сорок. Этой горы у тебя больше не будет.

Но врачам моя гора была, естественно, ни к чему. В общем-то я их понимаю — каждый делает свое дело: я — свое, они — свое. В конце концов они вроде как бы обо мне заботились: усиленно убеждали, что у меня сердце болит, а я это от них скрываю. От таких убеждений оно и в самом деле могло заболеть. Но у меня не болело. И потом я же не новичок в горах, бывал на многих труднейших восхождениях — свой организм знаю неплохо.

...В конце концов окончательное решение было такое: не выше шести тысяч. Вот и все, думал я, устало возвращаясь из спортивного меддиспансера, был Эверест, и нет Эвереста.

Трудно сказать, чем всегда была для нас эта вершина. Что это была за гора! Мы знали о всех попытках штурма Эвереста, о всех поражениях и победах. Мечтали об этой горе, но по разным причинам организовать советскую экспедицию все не удавалось. И многие поколения наших альпинистов так и состарились с этой мечтой.

Когда я был студентом, занимался альпинизмом в МВТУ. Мы копили весь год деньги на путевку в альплагерь, отказывая себе в еде, подрабатывали ночами, но путевку покупали. А как мы добирались до гор! Денег на дорогу у нас, естественно, уже не оставалось. Мы брали на всех один билет, сажали кого-то, вручали ему все грузы, а сами в этом же поезде ехали «зайцами».

Тогда, конечно, восхождения у нас были не сложными, мы еще только учились ходить в горах. Постепенно маршруты становились все более трудными, мы — все более опытными, а Эверест по-прежнему оставался мечтой. И вот теперь наконец есть реальная экспедиция, реальная возможность взойти на эту гору, а у меня эту возможность отобрали. Глупо это...

Все решил Евгений Игоревич Тамм, руководитель нашей экспедиции. Он мне сказал: «Поехали. Разберемся на месте». Это была уже надежда. Хоть небольшая, но все-таки. С ней можно было лететь в Непал.

...10 мая мы вылетели из Катманду в Луклу — местечко в шести днях ходьбы от подножия Эвереста. Туда должны были прибыть

наши грузы, но они не пришли. Мы с Колей Черным остаемся их ждать, хотя времени уже совсем нет. Надо идти ставить базовый лагерь. График срывается. От нечего делать осматриваем окрестности.

Местное население живет бедно, но оптимизма хоть отбавляй. Веселые, любопытные, все они хотят знать, все им интересно, непосредственные и доверчивые, как дети. Многие из них работают носильщиками — таскают грузы для экспедиций, этим и кормятся.

16 марта. Наконец-то мы в базовом лагере. Сразу же включаемся в работу — ставим палатки. И вовремя — начинается сильный снег. Забираемся в палатку и в тепле обсуждаем наши проблемы. Завтра уже выход. Отдыхать некогда. Пойдем искать дорогу через ледопад Кхумбу. Скоро придет основная группа.

Наутро, чуть начинает светать, наскоро завтракаем и выходим на ледопад. Идем связками: я с Колей Черным, Володя Балыбердин с Володей Шопиным. То тут, то там встречаются обрывки веревок, лестниц от чьих-то старых экспедиций. На ледопаде можно работать только с утра: днем солнце начинает припекать, и становится опасно. На следующий день мы с утра снова работаем в ледопаде. На следующий день — снова... Ледовая проза жизни.

В высотных экспедициях на вершину приходится один лишь миг. А перед этим недели перетаскивания грузов, обработки маршрута, установки лагерей. В общем изнурительная работа на высоте, от которой, честно говоря, иногда немного тупеешь. У нас как-то раз был такой разговор: Евгений Игоревич попросил нас проявлять наверху больше инициативы и творчества, конечно не нарушая основных приказов. А кто-то из ребят, кисло улыбаясь, возразил: там, наверху, не до творчества, там ходишь, говоришь и думаешь почти как робот.

Кстати, именно поэтому очень важно, с кем ты идешь в одной связке. Там, вверху, знакомиться с человеком, узнавать его характер уже поздно. Надо чувствовать друг друга и доверять товарищу. Иначе тяжело. Раньше я очень долго ходил в одной связке с Валей Ивановым. Мы с ним дружили более двадцати лет, прекрасно понимали друг друга, могли целый день идти и молчать, вечером поставим палатку: «Ку-ку... До завтра!» На следующий день снова в путь.

Дело не в том, какие у людей характеры. Они могут быть самые разные. Важно просто знать, что твой товарищ тебя не подведет. В этой экспедиции мы с Валей оказались в разных четверках. Он руководил одной, я — другой. Тут я был сначала в одной связке с Колей Черным, а потом с Володей Балыбердиным.

С Колей работать легко. Мы уже хорошо знали друг друга по прежним восхождениям, и, хотя характеры у нас совсем разные, работали мы нормально и старались идти на взаимные уступки. Коля тонко чувствует настроение в команде. Наверное, поэтому за ним утвердилась шутливая репутация: умеет предсказывать невероятные исходы восхождений. А для солидности он облекает это в игру: раскладывает пасьянс. На самом деле просто Коля понимает: что-то в группе не так, какое-то напряжение, внутренняя тяжесть, что ли, или отношения не те. Предрекает: «Сегодня идти не стоит,

ничего хорошего не будет». И грустно добавляет: «Пасьянс не сошелся...»

Сегодня мы отмечаем день рождения самого юного нашего товарища — Миши Туркевича. Ему 29. Чнсто символически выпили по рюмочке. Слушаем магнитофон. Чувствую, что настроение что-то не очень веселое, как-то не по себе. Мучает неопределенность. Все время надо мной внсит запрет врачей — 6000 метров...

Ухожу в палатку, читаю книгу. Стараюсь вспомнить что-нибудь веселенькое. Например, наши сборы в 1975 году у ледника Гармо. У нас там проводилось множество разных соревнований и конкурсов. И почти везде я занимал последние места. И только одно — «плавание в тазу» — мне удалось выиграть. Суть «плавания» была проста — в таз с водой засовываешь голову, а все вокруг стоят и смотрят, сколько ты так протянешь. Проверяется твоя стойкость прн отсутствии кислорода. А в конце сборов, как самому проигравшему, мне дали утешительный приз — батон за 13 копеек.

Меня многие считают покладистым, мягким, сговорчивым. Это не совсем так. Просто я терпелив. Есть люди, с которыми ты хочешь быть вместе, а есть, с которыми не хочешь. И таких, как правило, больше. Но общаться надо уметь со всеми.

Мало ли чем н кем ты недоволен. Вот н жена у меня тоже, наверное, давно уже недовольна, что я каждое лето уезжаю в горы. Мало того, что мужа дома нет, приходится и волноваться за него: с головой он спустится со своей вершины или без. За всю нашу с женой совместную жизнь мы н разу ее день рождения вместе не справили. День рождения у нее летом, а летом я всегда уезжал. Думаю, ей это порядочно надоело, но она терпит. Потому что пытается меня понять... Ладно, хватит. Завтра новый день, рано вставать н идти работать на ледник. Надо спать.

Встаем в четыре утра. Очередь работать нашей четверке. Небо серое, тоскливое. Холодно. Безнадежно хочется спать. Сейчас бы назад, в теплые мешки...

На высоте 6100 метров ставим две палатки, собираемся идти дальше, однако видимость резко ухудшается. Идти нельзя. Забираемся в палатку, лежим, разговариваем. Утром с нетерпением ждем солнца. Его нет. А видимость все такая же плохая. Но не идти нельзя. Прнходится следить за каждым шагом, чтобы не провалиться в замаскированную снегом трещину... После связн по радио с Таммом в 2 часа дня ставим палатки н начинаем готовить обед. В 8 часов ложимся спать. День был тяжелый, но, кажется, мы справились. Под шуршание снега блаженно погружаемся в сон...

А поспать в эту ночь нам, увы, не удается. К двенадцати поднимается легкий ветерок, который очень быстро переходит в ураган. Палатка начинает гудеть и трястись. Обрывается сначала одна оттяжка, потом другая, потом третья. Лежим, молчим. Надо выходнть, что-то делать. Если сорвет палатку, мы останемся в такой ураган на леднике без прнкрытия. Тогда до утра не дотянем.

Мрачно вспоминаем, как эта самая палатка перед восхождением проходила проверку в аэродннамической трубе н выдержала там все предлагаемые ей испытания. Такого, видно, не учли.

Продолжаем молча лежать в полной темноте. Чего-то ждем. Каждый, наверное, надеется, что кто-то встанет первым. Хотя понятно, что вылезать скоро придется всем. Чувствую: шевелений

нет. Одеваюсь, собираюсь и выползаю. Ветер валит с ног. Смотрю, Володя Балыбердин тоже ползет, потом другие. Работать приходится голыми руками, иначе веревки не связать. Руки коченеют, не сгибаются. Кое-как заканчиваем работу и ложимся спать.

И тут ветер начинает палатку в буквальном смысле рвать на куски. Образуется дыра, в нее врывается ветер и снег. Балыбердин затыкает дыру своим телом — ложится в спальном мешке к ней спиной. Остается ждать: сорвет или не сорвет. Если сорвет, не переночуем. Ураган грохочет так, что кажется, на палатку несется огромный реактивный самолет...

Как только начинает светать, решаем, что надо, как говорится, сматывать удочки. И как можно скорее. В спешке собираемся и не находим пуховую куртку Шопина — в ту черную дыру утянуло. Он надевает пуховой жилет, закутывается в теплые вещи и скорее вниз — в базовый лагерь.

Наверное, если бы горы могли говорить, они бы точно выразили свое удивление: «Ну чего им тут надо? Что они все сюда лезут и лезут — мерзнут, мучаются, суетятся, калечатся, выясняют между собой отношения? И кому это надо вообще?» Лично у меня самого такие мысли возникали не раз. Иногда на каком-нибудь восхождении стоишь целый час на одном месте — в неудобной позе, страхуешь товарища, а то и вовсе на одной ноге, как цапля, и никуда не можешь отойти. За шиворот падает снег, руки и ноги отмерзают, хочется есть, пить, спать, но стоишь и так безнадежно думаешь: «Ну кто тебя сюда загнал? Скорей бы уж вниз, домой, чтоб не видеть этих гор и не слышать о них!»

Кстати, любопытная закономерность: в горы в основном ходят люди технических специальностей. Очень мало среди альпинистов историков, писателей, журналистов, философов. А почему? Непонятно. Наверное, писатели и философы очень много думают. А в горах на высоте мысли короткие: как бы долезть, не сорваться, не улететь. Мыслишь геометрически: от точки до точки. А если очень часто задавать себе вопрос: «Зачем это надо?», то хорошо тебе будет очень редко.

24 марта — официальное открытие экспедиции и начало работы уже непосредственно на горе. Мы, как и положено, собрались все на торжественную линейку, подняли флаги Непала и Советского Союза. Аплодисменты, киносъемка, речи... Через некоторое время Сережа Бершов по рации торжественно сообщил, что в скалу горы Эверест вбит первый крюк. Теперь вверх!

Еще в Москве у нас был подробно разработан график нашего восхождения: каждая из четверок должна по плану сделать три выхода вверх на обработку маршрута и установку лагерей. А последний, четвертый выход — сразу на вершину. Но в действительности все вышло не совсем так гладко, как мы запланировали. Маршрут был новый, он оказался труднее, чем мы предполагали, погода плохая — и график временами сбивался.

Нашей группе везло на внимание прессы. Перед нами вышла работать группа Иванова, вышла, почти не отдыхая, сразу же после прихода в базовый лагерь. Времени на отдых не было — график торопил. Ребята, прокладывая путь во второй лагерь, прошли 16 веревок, но подходящего места для лагеря так и не нашли. Мы выступили вслед за ними и, проработав весь день, нашли наконец это

место. В Москву полетело сообщение: «Группа Мысловского установила второй лагерь». В Москве насторожились — второй лагерь был выше моего запрета на высоту. Е. Тамм, правда, уже передавал радиограммы, что я в хорошей форме и работаю нормально.

Затем отправилась группа Казбека Валиева — наши алмаатинцы. От второго лагеря очень сложный участок — разрушенные скалы. Ребята прошли семнадцать веревок блестяще. Однако веревки кончились, н им ничего не оставалось делать, как спускаться вниз. Снова наша очередь. Прошли три веревки и установили третий лагерь.

В Москву опять передали: «Группа Мысловского установила третий лагерь». Выходило так, будто никто другой не работает, одна группа Мысловского за всех вкалывает. И при том того самого Мысловского, которому врачи вообще запретили работать на высоте. Из Москвы пришел очередной запрос. Тамм сообщил, что я чувствую себя нормально и нужен экспедиции. Он за меня отвечает.

Честно говоря, это неприятное состояние, когда ты можешь кого-то подвести. Да еще не сам лично, а твое сердце. Меня так убедили, что оно должно непременно заболеть, что я все время ждал этой боли н потому внимательно за собой следил. Боялся подвести Евгения Игоревича. Работал не торопясь, не перегружаясь, нз-за этого получалось, что я работаю медленнее обычного.

В лагере первая крупная неприятность. По рации сообщают: во время одного из выходов вверх на высоте тяжело заболел Слава Онищенко. Горная болезнь в опасной форме. Узнаем, что он даже не смог сам поговорить с Евгением Игоревичем. Значит, совсем плохо. Славу срочно спускают. Мы с Володей Балыбердиным в темноте выходим в первый лагерь, готовим место ночевки для Славы.

Наконец видим: идут! Идет Слава сам, но его поддерживают с двух сторон ребята. Ему дают большую порцию кислорода — три литра в минуту. Это его и спасает. Размещаем Славу. Поим чаем. Ночь проходит тревожно. На следующий день его уводят вниз. Грустно... вот уже первый участник выбывает из команды восходнтелей. Последует ли за ним кто-нибудь еще?

Устанавливаем третий лагерь на высоте 7850 метров, и спускаемся в лагерь два. Приболел Володя Шопин — жаловался на ноги. У Коли Черного появился кашель и сильно болело горло. Стал пропадать голос. Он говорил так тихо, что мы грустно шутили: «Опять Коля раскричался». Ребятам пришлось уйти вниз. Они уходили расстроенные: во-первых, переживали, что оставляют нас одних, во-вторых, сами выбиваются из графика, значит, их восхождение будет в какой-то мере под сомнением. Но оставаться в таких случаях нельзя. На высоте любая болезнь прогрессирует с огромной быстротой.

Кашель поначалу мучил нас всех. Утром, когда мы просыпались, по всему базовому лагерю, нз всех палаток раздавался хриплый кашель. Прямо не альплагерь, а туберкулезный диспансер.

В 19 часов поднялся к палатке третьего лагеря. Опоздал к вечерней связи. Меня встретил взволнованный Володя. Евгений Игоревич внизу тоже волнуется. «Ну вот,— сказал я,— кажется, все нормально...»

Проводив ребят вниз, мы с Балыбердиным решили немного подняться по направлению к четвертому лагерю. Володя шел

впереди, без кислорода, я медленно, с трудом передвигая ноги, за ним. Высота подходила к отметке восемь тысяч метров. Мы на такой высоте еще никогда не были. Иду медленно. Ноги свинцовые.

Иду и думаю: «И все-таки идти можно...» И мы идем!

Итак, наша группа сделала три своих обязательных рабочих выхода наверх. Свое отработала. Теперь по плану мы должны идти на вершину. Но перед этим нашей четверке нужен отдых. Решаем с Таммом и Овчинниковым, что спустимся вниз морально отдохнуть от этих голых серых камней. Потом так же сделают и другие четверки.

В книге Короленко «Дети подземелья» есть слова, что серые камни высасывают из людей жизнь. Вот и тут вроде этого. Хочется чего-то живого, яркого, закрываешь глаза, а перед тобой серые камни, белый снег — и больше ничего.

Внизу долго бродим по лесу. Находим место, где мы никого не видим и нас никто, лежим на траве. Вечером организуем роскошный ужин. Спать ложимся при звездах. И так теперь будет четыре дня.

Через два дня нас вызвала база. Шопину и Черному приказано возвращаться назад в лагерь, готовиться к выходу наверх — переносить кислород из одного лагеря в другой. Мы ничего не можем понять. Ведь наша четверка на отдыхе, еще и двух дней не прошло! Все страшно расстроены. Молчим. Понимаем, что наша четверка отныне разбита, вместе нам уже восхождение не сделать. Я не понимаю, зачем понадобилось нас разбивать? И почему именно нас? Но приказ есть приказ.

Расстроенные, ребята собираются уходить. Мы с Володей встаем и решаем идти с ними. Вместе пришли, вместе уйдем. Да и отдыхать, честно говоря, уже не хочется...

Володя Шопин и Коля Черный вместе с шерпами уходят поднимать кислород из второго лагеря в третий. Шерпы потихонечку начинают сдавать. Коля идет первым и постоянно уговаривает их идти дальше. Так они проходят десять веревок. Пошел снег — скалы стали скользкими. Срывается один шерп, потом другой. К счастью, все обходится, но идти дальше они отказываются.

Коле становится хуже: от боли в горле почти не может говорить. Он возвращается в первый лагерь. К этому времени в базовый лагерь вернулись все четверки. Они сделали свои обязательные три выхода вверх, и по идее теперь надо было начинать штурм вершины. Но так уж получилось, что пятого лагеря на высоте 8500 еще не было. Не успели поставить. А без него начинать штурм нельзя.

Значит, кому-то надо было идти и ставить пятый лагерь. А что такое ставить пятый лагерь? Это снова тяжелые дни работы на высоте, а потом спуск вниз, и останется ли потом возможность взойти на гору — неясно. Скорее всего нет. К этому времени как раз должен начаться муссон.

Идти из пятого лагеря прямо на вершину? То есть проработать три дня на отрезке от 8250 до 8500 метров, а потом без отдыха вверх? На такой высоте ни отдых, ни сон силы уже не восстанавливают. Скорее всего и это нереально.

Решаем, кто пойдет. Иванов против того, чтобы шла его группа. Он считает, что ребята еще не отдохнули. Да и после того как они установят пятый лагерь, шансов попасть на вершину у них мало. В общем-то он прав. Остальные группы тоже уходят на запланированный отдых вниз. Идти нам? Но нас с Володей двое. Двоим нам будет

еще тяжелее справиться с этой задачей. Но мы — вроде как отдохнувшие.

Мы с Володей все обсудили. Кто-то ведь должен это сделать. Мы все понимаем — идем работать, и шансов на восхождение мало. Но попытаться взойти на вершину обязательно надо, у нас просто нет другого выхода. Сделаем все, что сможем...

Готовимся к выходу. Перебираем рюкзаки, подгоняем к ботинкам кошки. Идет снег. Лагерь полупустой, все группы ушли на отдых вниз.

Собрались, лежу отдыхаю. Думаю о нашей команде. Какие мы? У нас прекрасные ребята, прекрасные альпинисты, почти каждый — лидер в своей прежней команде, ни разу не было случая невыполнения приказа. В общем все сделают как надо. Жалко только, что мы раньше мало знали друг друга. Наверное, самый оптимальный вариант команды — это команда, уже давно ходившая вместе. Вот у нас есть алмаатинцы. Они вместе в горах уже давно. Все друг о друге знают, понимают друг друга с полуслова. Им легче.

Вообще команда — сложная штука. Интересно, что почти все международные экспедиции кончались неудачами, хотя там были лучшие альпинисты из разных стран. А дело в том, что в этих экспедициях никто не хотел работать друг за друга, идти за кого-то вверх, вкалывать, ставить лагери, носить еду, которую потом съест кто-то другой. Они же друг друга не знали. Зачем было стараться?..

27 апреля. Сегодня все просыпаются рано, собираются провожать нас с Володей Балыбердиным вверх. Последние сборы, легкий завтрак — и мы уходим. Ребята смотрят нам вслед.

Я иду впереди, как вдруг слышу сзади легкий треск. Оборачиваюсь — Володя стоит по колено в воде, утренний лед не выдержал. Решаем отойти подальше и переодеться, когда провожающим нас не будет видно. Я прошу Володю немного потерпеть. А то смех ведь: пошли штурмовать вершину и провалились, не пройдя и сотни метров.

Отойдя чуть подальше, остановились и сели. Володя надел мои запасные теплые носки, и мы зашагали снова. Сначала ноги у Володи мерзли, но потом выглянуло солнышко и высушило мокрые ботинки. Я про себя улыбнулся: «Суеверные люди, наверное, испугались бы такого начала пути и повернули назад».

Мы решили двигаться не спеша, чтобы приберечь силы на последующие дни. В первый лагерь поднялись, когда там еще были Володя Шопин и шерпы. Они собирались спускаться вниз. Решаем с Володей Балыбердиным попросить одного из шерпов — Наванга — идти с нами вверх, помочь с грузами: втроем намного легче. Тем более что Наванг не участвовал в переноске кислорода из второго лагеря в третий — у него были обожжены глаза. Я прошу у Евгения Игоревича разрешения, что в случае удачи Наванг пойдет с нами на вершину.

В третьем лагере во время ночевки Наванг долго молился. Нам с Володей он повязал на шею красные ниточки, освященные ламой, листочки с молитвой разбрасывал по ветру, и ветер нес их в сторону Эвереста. В общем все было обставлено в лучшем виде. А самое печальное: пока он молился, я никак не мог заснуть. Наконец наш друг угомонился, но до рассвета оставалось уже совсем немного.

С утра, не выспавшись, двинулись в путь. Володя ушел вперед.

За ним — Наванг, а после — я. Поднялись немного, смотрю: Наванг остановился. Я подошел к нему, спрашиваю: «В чем дело?» На глаза показывает — снова болят. Прошли еще несколько метров, Наванг опять останавливается. Подхожу, а он: «Извините, не могу. Не пойду...» А у самого слезы на глазах. «Ладно,— говорю,— спускайся вниз».

Не может,— значит, не может. Шерпы — ребята честные. Они старались нам помочь, чем могли. Но горы они не любят. Вернее, слишком любят, до обожествления. Идут вверх и боятся божьего гнева. Молятся, просят их простить, клянутся, что лезут не по своей воле.

Пока я с Навангом выяснял отношения, Володя ушел вверх, разрыв между нами был где-то часа в полтора. Но мы видели друг друга и даже могли переговариваться. Идти становилось все труднее, ноги не слушались, дыхания не хватало. Рюкзак, и без того не легкий, от усталости и высоты казался тяжестью непомерной.

А тут еще повалил снег, скалы сделались скользкими — идти стало совсем трудно. В общем дотемна уже никак не успеть. Снял рюкзак и пошел вверх налегке, решив, что с утра спущусь за ним. Утром Володя пошел вверх — в сторону пятого лагеря, а я — вниз, за оставленным грузом.

Я уже почти подходил к четвертому лагерю. Оставалось совсем чуть-чуть. Впереди был очень трудный участок. Правда, небольшой — всего три метра, зато три метра отвесной скалы. Володя дал мне с собой второй зажим для веревки. И тут я допустил просчет. Не отрегулировал длину веревки, один зажим подошел вплотную к другому и примерз к веревке. Я попытался его отодвинуть, но у меня не хватило сил — тяжелый рюкзак тянул вниз.

Все произошло моментально, ноги потеряли опору, ощутили пустоту. Еще секунда — и я повис на веревке почти горизонтально. Разгрузить зажимы и освободить их не удавалось. Пока боролся, стараясь выбраться, силы иссякли. Дышать становилось все труднее и труднее...

И тут до меня дошло — кончился кислород. Еще немного, и я потеряю сознание. И тогда все. Останусь висеть на этой веревке, пока не замерзну.

Последняя надежда выбраться отсюда — освободиться от рюкзака. Стащил рукавицу — рука мгновенно закоченела от холода. Единственной мыслью было: «Быстрей! Могу не успеть». Кое-как стащил рюкзак на руку, но рука не смогла его удержать... Рюкзак полетел вниз. А вместе с ним мои запасные рукавицы, веревки, крючья, кошки, кислород...

Едва держась на ногах от усталости, добрался до четвертого лагеря. Говорю: «Вот, пришел...» Володя Балыбердин, наверное не менее измученный, чем я, отдыхал, замерзшими руками пытаясь зажечь примус, чтобы подогреть чаю. Известие о том, что у меня все улетело вниз, он принял молча — огорчаться не было сил.

Утром Володя из чехла палатки соорудил для меня небольшой рюкзачок-котомку, и мы с ним пошли наверх. От вчерашнего срыва осталось чувство досады и напряжения. Хотя известный наш альпинист Виталий Абалаков как-то раз в шутку сказал, что каждый

уважающий себя восходитель раз в три года обязательно должен сорваться.

3 мая. Последняя ночевка перед вершиной. Ночь прошла в полусне, у меня даже не оставалось сил снять ботинки. Володя ворочается. Холодно...

Действительно, человек может привыкнуть ко всему, только ие к холоду. Можно привыкнуть к страху. В принципе страх даже чувство полезное. Он делает тебя более осторожным, рассудительным. И потом, переборов его, ты в чем-то сам нзменяешься. Когда-ннбудь это стоит испытать каждому.

Итальянский альпинист Рейнгольд Месснер — единственный, совершивший восхождение на Эверест в одиночку и без кислорода,— потом вспоминал о своем страхе: «Иногда страх превращает меня в дрожащий комочек, мне хочется съежиться, вжаться в стенку, плакать н, главное, не смотреть вниз. Мне страшно, что испугаюсь одиночества и не устою».

И я ему верю. Страх в горах — чувство знакомое. Страх. Но не ужас. Ужас переходит в панику, а паника в горах — это конец. Месснер ходил в горы один, он рассчитывал только на себя. Это жестокая игра. Впрочем, достойная восхищения. У нас в стране запрещено ходить в горы в одиночку, считается, что это излишний рнск. Месснер же полагал, что только один человек может ощутить себя по-настоящему свободным, сильным, ощутить великолепное одиночество, а, иначе говоря, может быть, счастье.

Не знаю, возможно, он и прав, но мие лично кажется, что ходят людн одни часто потому, что не могут найти себе партнера, с которым хотят н могут пойти вместе. Другое дело — уметь ходить одному. Вот это необходнмо.

Скоро рассвет. Горы начнут светлеть, станут золотистыми, потом нежно-рыжими, потом вспыхнут ослепительно красным светом.

Но мы все это почти не заметим. Мы встанем, попьем чаю и пойдем вверх. У нас впереди — 348 метров. 348 метров тяжелой работы. А сил уже совсем мало. Мы пойдем молча вверх — Володя впереди, а я за ним, медленно передвигая ноги, останавливаясь на секунду, чтобы передохнуть, взглянуть вперед, а затем продолжить этот короткий бесконечный путь.

Я стоял перед выбором: то ли увеличить подачу кислорода и, значит, пойти быстрее. Но тогда возникает опасность, что кислорода не хватит на обратный путь. Уменьшить, поэкономить? Значит, резко сбросить темп движения. После стольких дней работы на высоте без отдыха сил с каждым часом н так остается все меиьше и меньше.

Я выбрал первое — увеличил подачу кислорода. Володя шел впередн без кислорода, мы часто останавливались, переводили дыхание, чтобы собраться с силами и идти дальше. Мы шли н шли, а вершины все не было и не было. Володя, отчаявшись, передал по рации: «Сколько же можно?!»

...А вскоре он ступил на вершину. Через несколько минут на нее

взошел и я. Сел на снег — ну вот н все. Прнехали. Дальше идтн некуда. Потом меня будут много н долго расспрашивать, что я чувствовал в эту минуту. Счастье? Вряд ли. Восторг? Нет. Облегчение? Усталость? Может быть — не помню...

Помню сине-белый купол неба, белый, до боли белый снег, холод, свободу, пустоту, молчащего Володю... Вдали Тнбет, рыжне скалы, облитые солнцем. А потом появились облака, и ослепительное виденне исчезло.

Мы нсполнили ритуал, сфотографнровали друг друга. Теперь надо идти вниз. И вниз, похоже, будет идти труднее. Мы это уже понимали. Кислород на исходе, силы тоже. Времени — трн часа дня. Для вершины это слишком поздно.

Через два часа начнет темнеть. Надо успеть дотемна спуститься в пятый лагерь, иначе нам предстоит холодная ночевка, которую мы вряд ли перенесем...

Володя все понял раньше меня. Мы в пути былн уже шесть часов, а не прошли н ста метров. Наступает темнота. Володя включил рацию: «Кончился кислород, н нечего пить. Кажется, мы не успеваем...» — сказал он.

Не успеваем... Альпинисты хорошо понимают эти слова. Ночевку на такой высоте без палатки, горячего питья и кислорода не переносил почти никто. Для себя я решил, что мы будем идти не останавливаясь всю ночь, пока не доберемся до пятого лагеря. Будем идтн, пока сможем. Двигаться — значит жить.

Я не хотел вызывать на помощь ребят. Кто-то из-за нас может потерять возможность подняться. Володя решил по-другому. И теперь, вспоминая ту ночь, наш путь н зная все про свон руки, я думаю, он поступил правильно.

Из пятого лагеря нам навстречу вышли Сергей Бершов и Миша Туркевич. Через некоторое время мы почувствовали, кто-то идет. Услышали голос: «Где вы?» А еще через несколько мннут, страшно обрадовавшись, увиделн ребят.

Они прннесли горячий чай н кислород. Потом мы сиделн, пили чай н отдыхали. Сергей спросил:

— Вы как?

— Нормально.

— Идти сможете?

— Сможем.

— Мы хотим подняться вверх, а потом вас догоним.

— Давайте.

Туркевич связался с Таммом, объяснил ситуацию, попросил разрешения на подъем. Тамм сказал: «Нет». Потом замолчал.

Что он решал в эти мннуты, когда четыре человека ночью на высоте 8750 ждали его ответа? Надеялся ли он на нашн с Володей силы? Мечтал лн увидеть на ночной вершине советских альпинистов? Или просто прикинул, что в пятом лагере сейчас Ефимов н Иванов н, если мы средн ночи придем туда вчетвером, никто нз нас не отдохнет — палатка-то одна. И Тамм дал «добро».

Луна ярко освещала скалы н нас четверых у края черного неба. Постояв еще секунду, мы расстались. Ребята направились вверх, а мы внНз.

С каждым метром мы шли медленнее и медленнее, иногда останавливались совсем, временами мне казалось, что надо сесть и не двигаться. И сразу станет хорошо, тепло, спокойно и ничего больше не понадобится...

Мы остановились у крутого спуска. Дальше идти рискованно: скалы стали совсем скользкие, а кошек у нас не было. Мы отошли немного влево от основного пути, стали ждать Бершова и Туркевича. Время остановилось. Мыслей не было. Сидели и молчали... Через час ребята нас догнали. Они побывали на ночной вершине! Мы обули кошки и пошли вниз. Торопились спуститься, пока светит луна. Внезапно луна скрылась — и мы провалились в темноту. Продолжали двигаться медленно, на ощупь, как в полусне.

А потом начался рассвет, спасительный рассвет. И все самое страшное сразу осталось позади.

В пять утра мы пришли в пятый лагерь. Встреча была короткой. Ефимов и Иванов торопились на вершину. Поздравив и напоив нас чаем, они ушли вверх, освободив нам палатку. И тут я впервые понял, что почти не чувствую рук. Ребята стали растирать мне кисти, и я ощутил боль. Пальцы не гнулись. Сережа Бершов связался по рации с доктором, и тот приказал немедленно начинать делать уколы, благо в пятом лагере была аптечка.

Ребята торопились добраться скорее до третьего лагеря и поэтому решили идти не останавливаясь. Но я уже с трудом передвигал ноги и очень хотел пить: наверное, давали себя знать обмороженные руки. Когда спустились в четвертый лагерь, я сказал, что никуда больше не пойду, пока не попью чаю и не посплю хотя бы минут пятнадцать. Лег, уткнулся лицом в рюкзак и провалился в сон.

Когда я проснулся, в лагере никого не было, ребята уже двинулись в путь. Надо было догонять их — скорее спускаться. Каждый раз, когда приходилось браться за что-то руками, пальцы сводила боль.

Через некоторое время я почувствовал себя хуже и остановился, чтобы поправить кислородную маску. Пальцы в перчатке не двигались, я решил ее снять, но рука ворочалась плохо, перчатка выпала и ушла вниз. Останавливаться было нельзя, так что дальше пришлось спускаться без перчатки. Я не переживал из-за рук — не было сил. Впрочем, до меня еще не дошло, что с ними. Я хотел лишь одного: скорее спуститься, и тогда, мне казалось, все будет хорошо, все встанет на свои места... На мое счастье, через какое-то время я увидел поднимавшегося наверх Казбека Валиева и попросил у него запасную пару варежек. С трудом натянул их на окоченевшие руки.

Из третьего лагеря мне навстречу вышел Сережа Бершов: Евгений Игоревич уже волновался внизу, что меня долго нет. В лагерь пришли, когда было уже совсем темно. На следующий день стали спускаться дальше.

С каждым часом я все больше и больше ощущал растущую боль в руках.

Вот и все. На леднике нас уже ждали — бежали навстречу... Улыбались, обнимали, спрашивали, поздравляли. Забрали наши

рюкзаки, напоили вкусным питьем, о котором я так долго мечтал.

В лагере весь вечер было шумно и весело. Готовился праздничный ужин. Наш шеф-повар Володя Воскобойников пообещал даже испечь торт. Шерпы смеялись и танцевали — радовались, как дети. Все кругом нас расспрашивали о вершине, о луне, о солнце, о скалах. В этой суете всеобщей радости я даже забыл о боли в руках, об усталости и вообще о том, где мы были.

А потом, на секунду оставшись один, я остановился, сел и вдруг понял: «Вот и все. Была мечта, с ней я жил многие годы. Была гора — самая большая в мире гора, на которой я не был. Была тайна. Была звезда. Была — и нет. И никогда больше не будет».

А потом меня позвали есть торт.

Затем события развивались очень быстро — мои обмороженные руки дали о себе знать. Одни пальцы стали воспаляться и увеличиваться. Другие — усыхать и уменьшаться. Врачи боялись, что я их потеряю, и поэтому говорили, что меня нужно срочно отправить в Москву.

В Москве была весна, два дня я пробыл среди родных, счастливых и радостных, и лег в больницу — небольшой трехэтажный особнячок с аллейкой и фонтаном — Ожоговый центр Института хирургии имени Вишневского. Здесь я был, наверное, самым легким больным. Мне всего лишь резали пальцы. Обезболивающие лекарства после операции я принимать отказался — от них состояние было какое-то дурное. Оно меня раздражало.

Днем ко мне в больницу приходили друзья, родные. Приезжали даже мои студенты, просили обязательно, как только выйду из больницы, присутствовать на защите их дипломов. Словом, народу было полно, и в этой дневной суете, расспросах и разговорах, боли я почти не замечал.

А потом наступал вечер, гости расходились, я возвращался в палату и оставался наедине с собой и со своими руками. И никак не мог отвлечься от этой ноющей боли. Утешал себя, что такая большая гора имела право потребовать за вторжение такую незначительную плату, как мои пальцы.

5 июля прилетели наши ребята. Руки мои стали уже немного подживать, и я смог поехать в аэропорт, чтобы встретить команду. Неделя пролетела незаметно, и постепенно ребята стали разъезжаться по домам — к семьям, к работе.

В один из дней, перед чьим-то очередным отъездом, когда мы сидели и прощались, Коля Черный вдруг грустно улыбнулся и сказал:

— А все-таки нам — тем, кто не поднялся,— лучше, чем вам. У вас была мечта, а теперь ее нет. А у нас осталась. Хорошо, когда что-то остается...

Ребята разъехались по домам, а мы так практически и не побыли вместе. И когда теперь увидимся, неизвестно.

Впрочем, расстаемся — спокойно. Свою задачу наша команда выполнила — мы взошли на эту гору. И это самое главное.



ВЯЧЕСЛАВ МАРКИН

ТАМ, ГДЕ ВОДЫ АМУРА СЛИВАЮТСЯ С МОРЕМ

Очерк

Тут кончается Азия, и можно было бы сказать, что в этом месте Амур впадает в Великий океан, если бы поперек не стоял остров Сахалин...

А. П. Чехов

Великая река

Богат реками Дальневосточный край. Змеясь, вырываются они из угрюмых ущелий массивных гор Джугджура, Герана, Становика, весело сбегают с лесистых склонов Сихотэ-Алиня и Малого Хингана. Текут на восток — к океану, на север — в Амур, на юг — в Амур, на запад — в Амур... Почти все речные пути ведут в Амур, бассейн которого охватывает территорию почти в два миллиона квадратных километров. Это один из величайших речных бассейнов мира. Больше десяти тысяч рек образуют его.

С самолета хорошо видно сплетение рек. Многие широки и полноводны. И глаза невольно ищут, где же Амур — самая главная река Дальнего Востока. И тут трудно ошибиться. Размеры Амура совершенно исключительны. Он настолько широк, что больше похож на огромное вытянутое озеро...

С Ан-24, летящего из Хабаровска в Николаевск-на-Амуре, можно рассмотреть многочисленные острова, протоки, мысы, старицы, озера, соединяющиеся друг с другом и с главным стволом речной системы. Между озерами — обширные заболоченные пространства, отодвигающие бескрайний массив тайги от речных берегов. Амур величаво катит свои волны к Тихому океану, круто поворачивая от Хабаровска на северо-восток, а затем — прямо на север, на восток.

И в Хабаровске не перестаешь дивиться величию реки. Другой берег еле виден, но и это всего лишь берег острова, за которым еще протока. Удивительны знаменитые амурские волны — высокие и крутые, как на море. Шторм взбаламучивает воды Амура, они становятся темно-шоколадными, как у горных рек. А штормы на великой реке не редки. Название реки по-монгольски звучит Харамурэн (Черная река). Видимо, отсюда и происходит сегодняшнее имя реки.

Амур — одна из немногих могучих рек мира, почти не подвергшихся преобразованию человеком, чего не скажешь уже ни о Волге, ни о Енисее или Оби... Лишь совсем недавно воздвигнута

первая в бассейне Амура гидроэлектростанция на Зее, крупнейшем ее притоке. Подобная ей строится на Бурее. Однако сам Амур нигде не перегорожен плотиной, нигде не превращен в искусственное море. Свободно течет он в своих исконных берегах, разливаясь в устье широким потоком — в половодье до двадцати и больше километров.

В 1639 году, когда к Ламскому (Охотскому) морю вышел казачий отряд Ивана Москвитина, об Амуре среди казаков ходили лишь смутные слухи, как о реке большой и богатой. Обосновавшись в тот год в устье речки Ульи, они доплыли на юг лишь до устья Уды и оттуда привезли в Якутск рассказы об Амуре и жителях на его берегах — нивхах и даурах. Одна за другой отправлялись экспедиции на поиски реки, где, по слухам, возможно хлебопашество. Однако не дошли до нее ни отряды Максима Перфильева, ни Екалия Бахтиярова, посланные якутским воеводой Головиным.

Но вот в июле 1643 года двинулась через таежные дебри большая (из 132 человек) экспедиция Василия Пояркова. По Лене, Алдану, Учуру дошла она до Станового хребта. А там Поярков, оставив часть казаков на зимовку, с группой в девяносто человек совершил зимний переход через хребет и вышел в верховья Зеи, по которой на трех плоскодонных дощаниках доплыл до Амура. С семьюдесятью спутниками двинулся он вниз по великой реке, миновал устья Сунгари и Уссури и через месяц плавания добрался до того места, где Амур впадает в море, на берегу которого жили нивхи. А следующей весной Поярков вышел через Амурский лиман в Охотское море.

Все лето продолжалось плавание по бурному неприветливому морю, пока суда не были выброшены на берег, совсем неподалеку от устья реки Ульи, где зимовал шесть лет назад Иван Москвитин. В июле 1646 года Поярков вернулся в Якутск. Его беспримерное путешествие продолжалось три года.

Дерзость первых

...Прилетающих в город Николаевск-на-Амуре встречает установленный прямо перед зданием аэропорта транспарант, на котором начертаны строки дальневосточного поэта Петра Комарова:

Землепроходцы прошли босые,
Топором прорубая путь,
Не забудь их, моя Россия,
Добрым именем помянуть.

Конечно, оказавшись в низовьях Амура, на крайнем востоке Евразиатского материка, невозможно не вспомнить тех, кто пришел сюда первым,— легендарных первопроходцев, первооснователей. О них напомнит и обелиск в городском парке с корабликом наверху, старинной пушкой у подножия и надписью: «Адмиралу Геннадию Ивановичу Невельскому от почитателей его подвига». И внизу — дата: 1913...

Это год столетнего юбилея человека, с именем которого связаны самые первые шаги в освоении Нижнеамурского края.

Стоит над Амуром, близ речного вокзала, памятник Невельскому.

Ему посвящена и значительная часть экспозиции Николаевского краеведческого музея, где директор Владислав Иннокентьевич Юзефов, большой патриот Нижнеамурья, краевед в самом высоком смысле этого слова, может с мельчайшими подробностями воссоздать историю возникновения города. Сейчас он занят хлопотами о восстановлении крепости на мысе Чныррах, памятника русского фортификационного искусства середины XIX века. Она помогла отразить англо-французское нападение во время Крымской войны в 1856 году. Тогда в устье Амура вошла эскадра, и особенно ясным стало значение решительных действий Невельского за пять лет до войны.

А было так. Молодой командир транспорта «Байкал» капитан-лейтенант Невельской представил правительству проект исследования устья Амура. Это казалось дерзостью, потому что уже было принято высочайшее решение об Амуре. «Весьма сожалею. Вопрос об Амуре, как о реке бесполезной, оставить...» — начертал Николай I на представленном ему канцлером Нессельроде заключении правителя Российско-Американской компании Врангеля. По заданию компании в Амурский лиман летом 1846 года заходил бриг «Константин» под командованием поручика Гаврилова. Промеры показали очень малые глубины. Сделан вывод — Амур не пригоден для судоходства. Было подтверждено и существование перешейка между Сахалином и материком, о котором сообщали авторитетные мореплаватели Лаперуз и Крузенштерн, твердо считавшие Сахалин полуостровом.

Невельской усомнился в этом. И не дожидаясь ответа из Петербурга, заручившись лишь поддержкой генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева, он, как писали в документах того времени, «на свой риск, кошт и страх» направил транспорт «Байкал» в Амурский лиман.

12 мая он вышел из Петропавловска-на-Камчатке, 7 июня вошел в Охотское море, через двадцать дней встал на якорь в северной части лимана. Все шлюпки были спущены на воду, и офицеры транспорта приступили к описанию берегов и русла. Старший офицер «Байкала» лейтенант Казакевич первым вошел в Амур и начал промеры глубин вверх по течению до нивхского селения Чадбах. Фарватер был найден. Миф о непригодности устья Амура для судоходства был развеян. Тем временем Невельской прошел на «Байкале» через самое узкое место Татарского пролива, там, где на карте был обозначен перешеек. Но вместо него оказался пролив шириной в четыре мили, с наименьшими глубинами в пять саженей (больше девяти метров). Это открытие сделано 22 июля. А четвертого сентября, встретившись на рейде города Аяна с судном генерал-губернатора Муравьева, прямо с палубы «Байкала» Невельской прокричал взволнованно в капитанский рупор: «Сахалин — остров! Вход в лиман и в реку Амур возможны для мореходных судов с севера и юга! Вековое заблуждение положительно рассеяно! Истина обнаружилась!..»

Невельской поспешил в Петербург. Но там к его открытию отнеслись поначалу недоверчиво, примирившись с «бесполезностью» Амура. Но в конце концов была образована Амурская экспедиция во главе с Невельским, которого произвели за опись амурского устья в капитаны первого ранга. Ему было разрешено основать в устье Амура поселение.

Впрочем, оно уже было основано (Невельской опять поступил своевольно). В заливе Счастья зимовал оставленный год назад мичман «Байкала» Дмитрий Орлов. В июне 1850 года «Байкал» снова зашел в залив, названный так в память о счастливом избавлении транспорта, севшего в этом месте на мель. Но теперь название звучало символично. Невельской был счастлив от сознания достигнутой цели. Счастлив был он, застав в полном здравии зимовавшего на Амуре первым Орлова. Счастлив был приступить к строительству первого русского зимовья Петровское.

В августе 1850 года на мысе Куегда взвился русский военно-морской флаг. Высаженные на лесистом берегу шесть матросов во главе с прапорщиком Петром Поповым заложили будущий город. На следующий год был официально основан Николаевский пост, первым начальником которого стал лейтенант Николай Константинович Бошняк, совершивший в следующем году поездку на Сахалин и открывший на острове месторождение каменного угля...

Гарнизон Николаевского поста, возглавлявшийся Бошняком, зимовал в якутской юрте, поставленной большим знатоком северных обычаев приказчиком Российско-Американской компании Березиным. Одновременно шло строительство первых домов: офицерского флигеля, казармы, бани. В 1855 году в лимане стояли семь судов Камчатской флотилии. Когда они ушли, в Николаевске осталось пятьсот человек. Это был крупнейший населенный пункт в Нижнеамурье. Но уже основаны поселки в Императорской (ныне Советской) гавани, открытой Бошняком, на побережье заливов Ольги и Посьета, возникли Находка и Владивосток...

Все же Николаевск довольно долго оставался административным центром громадного края — от верхнего течения Амура до берега океана. До самой Читы в этом крае не было городов. Николаевск ежегодно принимал караваны барж, отправлявшихся из Читы. Эти «амурские сплавы» сыграли большую роль в освоении края. Первый сплав возглавил в 1854 году открыватель амурского фарватера Казакевич, ставший губернатором образованного вскоре Приморского края. В октябре 1865 года, когда контр-адмирал Казакевич покидал Николаевск, местная газета «Восточное Поморье» писала, что лишь только корвет «Америка» под флагом адмирала снялся с якоря, все суда флотилии и крепость Чныррах салютовали ему. Город простился с последним из своих основателей. Тогда его население, как писала газета, составляло уже больше четырех тысяч человек.

Николаевское морское училище закончил прославленный адмирал Степан Осипович Макаров, приехавший в только что возникший город со своим отцом, черноморским флотским офицером. Будущему адмиралу было тогда девять лет. В Амурском лимане и Охотском море прошла первая практика Макарова на судах Тихоокеанской эскадры, отсюда не без помощи Казакевича молодой гардемарин попадает в крепость Кронштадт, где начинается новая глава его жизни.

В 1868 году в Николаевске прожил полгода Пржевальский, совершавший путешествие по Уссурийскому краю. На доме, где жил знаменитый исследователь, установлена ныне мемориальная доска.

В 70-х годах прошлого столетия слава Николаевска, первого

порта на тихоокеанском побережье России, несколько меркнет. На Амуре возникла Хабаровка, превратившаяся вскоре в большой город. Быстро растет и Владивосток.

Фронт освоения

Антон Павлович Чехов прнехал в Николаевск ровио через сорок лет после того, как на пустынном берегу взвился флаг Невельского. Книга «Остров Сахалин» иачинается такими словами: «5 июля 1890 года я прибыл иа пароходе в город Николаевск, один из самых восточных пунктов нашего отечества. Амур здесь очень широк, до моря осталось только 27 верст; место величественное и красивое, но воспоминания о прошлом этого края, воспоминания спутников о лютой зиме и о не меиее лютых местных нравах, близость каторги и самый вид заброшенного, вымирающего города совершенно отнимают охоту любоваться пейзажем...»

Очень одиноко н бесприютно было Чехову в этом «заброшенном, вымирающем городе». Но об Амуре он писал с восторгом: «Я в Амур влюблен; охотно бы пожил иа нем года два. И красиво, и просторно, и свободно, и тепло. Швейцария н Франция никогда не знали такой свободы. Последний ссыльный дышит на Амуре легче, чем самый первый генерал в России» (нз письма А. С. Суворину от 27 июня 1890 года).

За 30 лет до Чехова, в 1860 году, в Николаевске побывал известный географ Венюков. Он был недолго. В том же году, весной, в станицу Хабаровка прибыла лесоустроительная экспедиция во главе с Александром Федоровичем Будищевым, уроженцем волжского городка Камышина. Он был командирован министерством государственных имуществ «для приведения в известность лесов». За четыре года Будищев с этой работой справился — огромный массив лесов Приморья и Приамурья был обследован с большой тщательностью. На площади более двух тысяч десятин в районе теперешней Совгавани им была осуществлена первая промышленная таксация. Уже после смерти, которая унесла первопроходца приамурской тайги очень рано, в 38 лет (он похороиен в станице Казакевичевой, близ Хабаровска), вышли в свет два тома: «Описание лесов Приморской области» и «Леса Прнамурского края». В предисловии автор указывает, что его экспедиция «искрестила Приамурский край по всей снстеме орошающих его рек и водоразделов». Эта работа была отмечена золотой медалью Русского Географического общества.

Миогие прошли потом по стопам Будищева — выдающиеся геологи, ботаники, топографы... И вот в 1933 году в тысячекилометровом таежном безлюдье был основан город Комсомольск. Сегодня ои протянулся иа десятки километров по левому берегу Амура. Это заводы, институты, музеи, парки, театры, жилые массивы.

От этого крупного промышленного и культурного центра на Амуре проложеиа железная дорога к Тихому океану. Но — мимо Николаевска. Город остался в стороне. Многие грузы доставляют к океану по Амуру, и это создало основу для постепенного роста Николаевского перевалочного порта «река — океан».

Но медленно, очень медленно продвигался к Николаевску «фронт освоения». Сам же Николаевск за годы Советской власти преобразился неузнаваемо. Здесь большой судостроительный завод и рыбокомбинат, леспромхоз, зверопромхоз. Миогое здесь указывает на связь города с окружающей его тайгой, связь органичную, еще не прервавшуюся, как кое-где в других местах.

В Николаевске можно узнать о возникшем в тайге поселке Многовершинном. Это первый иа Нижнем Амуре центр горных разработок. У него большое будущее.

Вызванные к жизнн БАМом Комсомольский и Совгаваиский ТПК несомненно заденут Николаевск. Его порт будет работать н иа БАМ. Его лесоразработки будут увеличеиы с расчетом вывоза древесины н по БАМу...

Сбережение тайги

Лесозаготовки — дело леспромхоза. Лесхоз занимается лесовозобновленнем. Очень хорошо, когда две эти организации действуют согласованно н вырубаются только те деревья, которые мешают нормальному развитию леса, а вырубки засеиваются темн породами, которые росли здесь нскони. На практике же ие всегда так получается. Часто план лесозаготовок выполняется гораздо эиергичнее, чем лесоразведения. Иногда можно услышать: «Все равио пал уничтожит лес...»

Здесь есть доля правды. Палы, пожары — страшиое стихийиое бедствие в приамурской тайге. И так было всегда. Пожар может быть вызван ударом молнии. Но чаще иеосторожное обращение с огнем приводит к грандиозным пожарам. Стоит только подуть ветру, если образовался хоть иебольшой очаг, а в ветрах у берега океаиа недостатка не бывает...

Как писал профессор Скалои, «тайга есть гарь, по сути дела, в разных стадиях восстановления». Главное здесь, видимо, именно в том, какая стадия. Восстанавливается тайга после пожара очень медленно. И на десятилетия гарь оккупируется тоикоствольиой и кривой березкой Миддендорфа. Это ерник, через который ужасно трудно пробираться, хотя ои очеиь мало похож на могучий лес, что шумел в этом месте.

Пожары в одно мгновение уничтожают тайгу, все ее великолепне н разнообразие; момеитально рвутся все сложиые экологические связи, созданные тысячелетней эволюцией. Когда огоиь, уничтоживший все живое, затихнет, медленно иачинается возрожденне леса. Пройдут десятилетия — тайга сиова шумит, н глаз ботаника может обнаружить в ней какие-то иовые, ранее отсутствовавшие элементы. Правда, иногда десятилетий мало для полного восстаиовлеиия. Некоторые породы деревьев растут очеиь медленно. Есть н такие, что после пожара не возобиовляются совсем. Это те виды, что чудесным образом заиесеиы в наше время из давио минувших эпох — реликты доледникового пернода, сохранившиеся только в не покрывшихся ледниками относительно невысоких горах у Тихого океана...

Древнейший из древиейших реликтов — тис острокоиечный, обитающий в Приамурье с мелового времеии. Это дерево, живущее

больше тысячи лет, растет чрезвычайно медленно — всего по два сантиметра в год. И не во всяком лесу можно увидеть его шаровидную крону и красно-бурые стволы с шелушащейся корой. Тис любит тень и растет только на северных склонах в содружестве с голубой аянской елью и грациозной пихтой. Этим лесам цены нет.

На Нижнем Амуре тис не так высок, как в Приморье и на Южном Сахалине, но сохранить его и здесь необходимо.

В низовья Амура не заходит кедр корейский — едва ли не самое ценное дерево Приамурья и Приморья. Его можно встретить лишь в окрестностях Софийска. Здесь все-таки север, и этот роскошный многовершинный великан принимает форму стланика, льнущего к земле.

А вот аянская ель в Нижнеамурье торжествует. Она — лесообразователь. И дерево это не менее уникально, чем тис. В ее голубоватой хвое содержится в шесть раз больше эфирных масел, чем у обычной европейской ели. Оно тоже реликт доледникового времени. И отличается солидной продолжительностью жизни. В бассейне озера Кизи была спилена ель в возрасте 439 лет. Но вот беда — еще Будищев более ста лет назад заметил, что аянская ель усыхает. Сейчас этот процесс повсеместно продолжается на Дальнем Востоке. Причину видят в усиливающемся из года в год дефиците влаги и постепенном летнем потеплении. Аянская ель плохо переносит избыток тепла и недостаток влаги. Может быть, влияют и другие факторы. Скорее всего комплекс их. Все вместе они вызывают преждевременное старение ели.

Амурские искатели растений

Удивителен этот край еще и тем, что здесь можно сделать настоящее открытие в геоботанике: обнаружить новые ассоциации растений, понять сложное переплетение взаимосвязей в биоценозе и даже обнаружить неизвестные науке виды...

Вот вернулась из тайги экспедиция, все лето бродившая по приамурской тайге. Тесная комната заставлена зелеными вьючными ящиками, баулами, спальными мешками в чехлах. На только что отпечатанных фотографиях — экспедиционный быт: палаточный городок на берегу таежной реки, костер, люди, немного похожие на средневековых рыцарей в своих «энцефалитках» и накомарниках...

«Геологи!» — обычно решают встретившие такой караван в тайге. Но иной раз ящики с образцами оказываются не так уж и тяжелы, потому что уложены в них не образцы горных пород, а плотно увязанные гербарные папки с засушенными растениями.

Нет, это не геологи. Из тайги вернулись геоботаники — те, кто изучает закономерности географического распространения растений.

Экспедиция, которую я встретил, была снаряжена кафедрой ботаники Хабаровского пединститута. Многие годы заведовал ею Андрей Петрович Нечаев, совершивший за свою жизнь сорок экспедиций в леса Дальнего Востока. Пути, намеченные им, продолжают прокладывать ученики. Профессор Нечаев привил им огромную любовь к природе Приамурья, которая перешла к нему от отца — ботаника, от выдающихся исследователей растительного ми-

ра, лекции которых слушал он в Ленинградском университете: Комарова, Буша, Криштофовича.

Большой удачей было для него знакомство с Арсеньевым, прославленным автором «Дерсу Узала». Молодой Нечаев помогал Арсеньеву на лекциях: менял диапозитивы в проекторе. И однажды услышал от него: «Я верю, ты будешь знать леса и луга... Это надо увидеть и одолеть ногами». Нечаев, дальневосточник по рождению, исходив вдоль и поперек обширный этот край, знал его прекрасно. Но был особенно любимый уголок...

Работая в юности директором одного из заповедников, в первый же свой отпуск отправился Нечаев на Шантарские острова. Они совсем близко от Николаевска, в суровом Охотском море. Когда-то этот необитаемый архипелаг исследовал академик Миддендорф. Нечаев открыл на нем около двухсот новых видов растений. По Шантарам защитил он свою кандидатскую диссертацию. А к концу жизни снова вернулся на Шантары. И привез оттуда пять тысяч гербарных папок — богатейшую коллекцию. Его заветной мечтой была организация заповедника на этих островах.

Он не дождался исполнения этой мечты: в очередной экспедиции со студентами в уссурийской тайге, так им любимой, завершилась его жизнь. Остались гербарии, книги, более пятисот статей, заметок, рассказов, посвященных необыкновенной природе Дальнего Востока...

Итак, из тайги вернулись ученики и последователи Нечаева. Что же они привезли?

Ассистент кафедры Нина Телекало возглавляла отряд по определению ресурсов стеблелиста мощного — растения, на которое лишь недавно обратили внимание ученые как на исключительной ценности лекарственное сырье. Стеблелист может встать в ряд со всемирно известными женьшенем, элеутерококком, заманихой. За четыре полевых сезона составлена карта ресурсов стеблелиста в бассейне Амура — его запасы указаны на ней в килограммах на квадратный метр...

Одна из книг Нечаева называется «Зеленые стрелы» — она о растительности Приамурья, о зеленых «стрелах Аму́ра», поражающих в самое сердце, пробуждающих неодолимую любовь к этой уникальной природе. Больше ведь нигде не встретить такого переплетения элементов арктической, сибирской, монгольской и маньчжурской флоры.

Контрастность условий благоприятна для видообразования. Так считает кандидат биологических наук Светлана Дмитриевна Шлотгауэр. Она подчеркивает, что найти новый вид в Приамурье вполне реально. Она рассказала о том, как на высокогорном плато поарктически сурового хребта Геран случайно наткнулась на крохотную камнеломку. Это был совсем не известный науке вид. Экспертиза в Главном Ботаническом саду АН СССР подтвердила: да: действительно, новый вид! В списках флоры Дальнего Востока появилась «камнеломка Светланы».

...От изучения необъятного разнообразия видов и форм ботаники переходят к практическому овладению всем этим богатством. Стеблелист, например, начинают возделывать на плантациях. А сколько еще таких же вот нужных медицине растений можно заимствовать у тайги?!

Но главное — хорошенько понять, как живет тайга, какое место занимают в ней растения — от гиганта кедра до миниатюрнейшей камнеломки. У каждого место свое, особенное.

Собственно, весь отмеченный необычайным разнообразием растительный комплекс Прнамурья именно поэтому заслуживает самого пристального внимания. И тут ждут не менее значительные открытия, чем совершенные в этом краю более трехсот лет назад Москвитиным н Поярковым, сто тридцать лет назад — Невельским и Бошняком...

Такие мысли приходят в голову, когда выедешь из Николаевска и с высокого берега лимана вдруг откроются неоглядные дали, в зеленый иаряд тайги одетые сопки...

По-видимому, точно такой же ландшафт открылся перед глазами казаков-первопроходцев Пояркова. Столь же девственным застал его Невельской. И Антон Павлович Чехов видел его. Быть может, даже и черных подпалин «горельников» было ничуть не меньше, чем сейчас: лес горел н в отдаленные времена...

Можно ли представить здесь пейзаж индустрнальный? Наверное, можно и должно. Ведь недра Приамурья сказочно богаты. Еще не все открыто. Совсем недавно выявлены месторождения алунитов (ценного алюминиевого сырья), фосфорнтов (они необходимы для удобреиия полей)...

Фронт освоения лишь только прнближается к Нижнеамурью. И самое время напомнить: ценность того, что на поверхности, ничуть не меньше запрятанного в глубины земные...

Проблемы Нижнего Амура

Их много, н все они грандиозны, под стать здешним пространствам. Чего стоит, например, проект переноса устья великой реки в Татарский пролнв, на 250 км к югу! Эта идея высказана давно. Ее осуществление, возможно, дало бы Нижнеамурью иемало.

Во-первых, пронзошло бы резкое изменение климата края, потому что Амур в этом случае соединится с теплыми Японским н Желтым морями и навнгация в низовьях реки продлится. Вдобавок нсчезнут разом все неудобства, причиняемые судоходству мелководным Амурским лиманом. Комсомольск, а за ним и Хабаровск станут тогда морскими (а вернее, океанскими) портами, н путь из них во Владивосток, Находку и на Сахалин сократится на полтысячи километров. Ну н кроме всего этого будет осушено громадное заболоченное пространство Нижне-Амурской низменности, которое заметно пополнит резерв сельскохозяйственных угодий Дальнего Востока.

Что же для этого иужно? Всего лишь спрямить русло Амура в районе озера Кизи, соединенного с рекой протокой, и преодолеть водораздел шириной 8,5 км. Длина канала по проекту не превысит 45 км. Правда, есть опасения, что ухудшится климат иа севере Сахалина. И это заставляет воздерживаться от реализации проекта.

Существуют и другие предложения, связанные с существенной реконструкцией природной среды, поэтому здесь иеобходимы мудрая иетороплнвость н осторожность. Нужно все рассчитать и взвесить до мельчайших деталей.

А пока, быть может, все же разумнее заняться в Прнамурье лесовосстановлением — возместить ущерб, нанесенный пожарами и не всегда разумными порубками. Полезно было бы создать в Нижнеамурье два-трн заповедника для охраны еще нетронутых, неповторимых уголков прнроды.

Много заботы требует восстановление рыбных богатств Амура. А ведь устье Амура и Амурский лиман, по словам ихтиолога Леванидова, сотрудника Тихоокеанского института рыбного хозяйства н океанографнн ДВНЦ АН СССР,— это гигантская ловушка для лососей. Огромными стадами идут онн за песчаный бар на нерест, идут против течения, теряя силы, меняя облик до неузнаваемости: у горбуши, например, вырастают зубы, появляется горб и тело покрывается малиновыми пятнами.

Все лососевые, идущие на нерест, учитываются спецнально созданными рыбоводно-мелиоратнвнымн станциями. Оказывается, есть у рыб нзлюбленные места нереста. Например, в реке с орнгинальным названнем Мы, впадающей в Амурский лиман, мечет икру почти треть всего нерестового стада горбушн н до 90% нерестящейся летом кеты. Именно там, где лососевые особенно хорошо нерестятся, нужно бы построить рыборазводные заводы. Их требуется не так уж много — около двадцатн пяти на весь Амур, прозводить они должны не более шестисот миллионов икрннок в год. Тогда даже прн однопроцентном возврате личинок будет обеспечено восстановление стада.

Лососевые уднвительны тем, что онн возвращаются на нерест в те же реки, на те же нерестилнща, где появилнсь на свет. Ученые называют это «хомннгом», чувством «родного дома», нспользуя которое можно создать «одомашненные» стада лососей н рыбоводческие «фермы», аналогичные животноводческим на суше...

...Дорога приводит на мыс Озерпах, к рыбокомбинату. Здесь кончается лиман, н амурская вода вливается в воды Тихого океана. Он прямо на востоке. Но узкая низменная полоска Сахалнна загораживает его. Сахалин рядом — всего полчаса продолжается полет до города Охн от Николаевска на рейсовом Ан-24. А океан сам прнходит на Нижний Амур. Он заявляет о себе муссонными лнвнямн, после которых Амур разливается на 20—25 км. Его богатырское дыханне доносится с океанскимн судамн, разгружающимися на прнчалах Маго, со стадамн кеты н горбушн, возвращающимися каждое лето и осень к родным нерестилищам. Несомненно, близость океана сказывается н на характере людей Приамурья, духовных потомков первопроходцев, на величии их дел н замыслов.





ВАЛЕРИЙ ГУЛЯЕВ

ТАЙНА «СВЯЩЕННОГО КОЛОДЦА»

Очерк

Волшебные книги

Древних майя никак не назовешь народом-призраком, бесследно исчезнувшим в глубинах прошедших тысячелетий. До сих пор почти два миллиона прямых их потомков населяют юг Мексики, Гватемалу, Белиз и часть Гондураса. В вечнозеленых джунглях Центральной Америки найдены руины десятков великолепных майяских городов. Полки музеев Старого и Нового Света полны изящной расписной керамикой, статуэтками, украшениями из нефрита, кости и раковин — вещами, добытыми археологами в ходе раскопок майяских поселений и могильников. Но парадокс в том, что еще сравнительно недавно об истории этой самой блестящей цивилизации доколумбовой Америки было не известно практически ничего. Подлинные названия городов и областей, имена правителей, полководцев, художников и жрецов, важнейшие события истории этого народа — все это оставалось для исследователей книгой за семью печатями. И никто не имел ни малейшего представления, как проникнуть в эти тайны.

Положение изменилось, когда ученые обнаружили и перевели с языка майя рукописные тексты книг «Чилам Балам», названные по имени знаменитого индейского жреца-прорицателя, жившего на полуострове Юкатан незадолго до прихода испанцев. Книги эти были созданы майя уже после их завоевания, в XVI—XVII веках, чтобы сохранить в памяти потомков воспоминания о великом и славном прошлом народа. Книги написаны на языке майя, но буквами латинского алфавита и содержат причудливую смесь из сведений исторического, мифологического и астрономического характера. Видимо, какая-то часть этих книг была переписана прямо с древних иероглифических рукописей, избежавших гибели на кострах испанской инквизиции. Другие записывались «по памяти», то есть со слов старых мудрецов — хранителей исчезающих знаний. Туда же вошли и более поздние события из жизни майя XVI—XVII веков и даже переводы... из церковных испанских книг. Задача исследователей состояла в том, чтобы из хаотического нагромождения вымысла и правдивых фактов выделить достоверные сведения о древних майя и

создать связную историческую картину. На помощь пришли свидетельства ранних испанских летописцев, монахов и чиновников, которые застали еще культуру индейцев во всем ее блеске и великолепии. Немалую пользу принесли и многочисленные археологические находки в древних городах, обнаруженных в джунглях. Общими усилиями ученых разных стран удалось наконец проникнуть и в это «царство молчания», и древние майя заговорили во весь свой могучий голос. И если раньше все, что было известно об этом народе, казалось чуждым и очень далеким, отраженным только в древних памятниках архитектуры и искусства, то теперь его история, по крайней мере последний отрезок — с X по XVI век, предстала во всей ее драматической сложности, насыщенной войнами, восстаниями и династическими распрями. Об одном из наиболее волнующих и ярких эпизодов из жизни майя минувших эпох и пойдет речь. Место действия — полуостров Юкатан (Мексика). Время действия — за триста лет до Колумба.

Город у двух колодцев

В конце XII века на этом полуострове сложилась весьма напряженная политическая ситуация. Правители Чичен-Ицы — самого могущественного города в этом районе — собирали со своих соседей все бóльшую дань. Эта дань была и обременительной, и кровавой. Десятки людей требовались для регулярно исполняемого обряда человеческих жертвоприношений в «Священном Колодце» Чичен-Ицы. «У них еще недавно был обычай,— писал в XVI веке испанский епископ Диего де Ланда,— бросать в этот колодец живых людей в жертву богам во время засухи... Бросали также многие вещи из драгоценных камней и предметы, которые они считали дорогими. И если в эту страну попадало золото, большую его часть должен был получить этот колодец из-за благоговения, которое испытывают к нему индейцы...»

Засуха для этих мест — явление довольно частое. На полуострове Юкатан, плоской, выжженной солнцем известняковой равнине, нет ни рек, ни ручьев, ни озер. Лишь редкие естественные колодцы — глубокие карстовые воронки — хранят живительную влагу. Испанцы, вслед за майя, называли эти колодцы сенотами (искаженное майяское слово «ц'онот» — колодец): там, где были сеноты, еще в глубокой древности появились крупные центры цивилизации. Место, на котором в VI веке нашей эры возник город Чичен-Ица, особенно благоприятно в этом отношении. Здесь желтую юкатанскую почву прорезали сразу два больших естественных колодца, расположенных на расстоянии около 800 метров друг от друга. Само название города навсегда увековечило этот факт: «чи» на языке майя означает «устье», «чен» — «колодец», а «ица» — название племени или этнической группы майя. «Устье Колодцев Ицев» — так переводится название города.

Один из этих колодцев, известный у местного населения под именем Штолок (что означает — «игуана»), находился ближе к центру города, его края были менее обрывисты, чем у второго сенота, а потому он служил главным источником питьевой воды.

Другой сенот — знаменитый «Колодец Жертв» был расположен в



Работы Эдварда Томпсона в «Колодце Жертв», Чичен-Ица

пяти миuутах ходьбы от главного храма города «Эль Кастильо» (другое название — «Храм Кукулькана»), то есть «Крылатого Змея».

Недавно мне довелось осмотреть его. Даже сейчас, восемь веков спустя после описываемых событий, испытываешь иевольный трепет, стоя иа краю гигантского провала с его желтовато-белыми отвесными стенами, покрытыми зеленью ползучих растеиий. Отверстие круглой воронки диаметром свыше 60 метров прямо-таки завораживает, притягивает к себе. Изрезанные трещинами пласты известняка круто опускаются к темно-зелеиой воде, скрывающей в своих глубинах тайны ушедших столетий. От края колодца до поверхности воды — более двадцати метров. А глубина его, как мне сказали, превышает десять метров.

Стоит ли удивляться, что мрачная красота сенота с его высокими, почти отвесными стенами вызывала у древних майя суеверный страх? Видимо, поэтому с давних пор это место избрали для жертвоприиошеиий богам.

По мнению большинства ученых, возникновеиие страшного и омерзительиого ритуала, которым печальио зиаменит «Священный Колодец», отиосится к довольно позднему времени. В X веке на Юкатан из Цеитральной Мексики и с побережья Мексиканского залива (Табаско, Кампече) вторглись полчища завоевателей — тольтеков и их союзииков — майя-ицев и тутуль-шивов. Они овладели многими городами. Была захвачена и Чичен-Ица (город иосил тогда другое иазвание). Завоеватели принесли с собой новые обычаи и обряды, иовые черты в архитектуре, искусстве и религии. Среди этих нововведеиий был и кровавый обряд человеческих жертвоприношеиий. Главным местом его отправления выбрали «Священный Колодец». Впрочем, не исключено, что этот мрачный ритуал

13 Заказ 1132

зародился гораздо раньше — еще в середнне первого тысячелетия нашей эры. По глубокому убеждению майя, в колодце жил бог дождя Чак. «И он требовал,— пишет английский археолог Энн Уорд,— более приятных даров, нежели тела военнопленных. Поэтому у местных индейцев существовал обычай во время засухи выбирать для него невесту из самых красивых и знатных девушек города... Невесту одевали н украшали в Храме Кукулькана и затем велн к сеноту вместе с музыкантамн, певцами н свитой нз жрецов, воннов н знатн. На краю колодца находились небольшой храм и каменная платформа, слегка нависавшая над краем. Здесь и совершались последние церемонии. Когда они достигали кульминационного момента, девушку со всеми ее украшениями толкали вниз, н она падала в воду, в объятия бога дождя».

Вся картина этого жестокого обряда — прекрасная юная дева на краю страшного обрыва, торжественно воскуривающне благовония мрачные жрецы, молчаливая толпа горожан в красочных одеждах, а затем толчок, отчаянный крнк, далекий всплеск вннзу — производила сильнейшее впечатленне. Из самых далеких уголков страны приходилн к «Священному Колодцу» тысячи паломников, чтобы бросить в него свои дары всемогущему богу дождя Чаку — покровителю земледельцев.

Правителн города не жалели средств для пышного обрамления страшного зрелища. Главный храм Чичен-Ицы, посвященный богу ветра Кукулькану — Крылатому Змею, одному нз самых главных в пантеоне майя, был обращен фасадом к колодцу н соедннялся с ним особой «Дорогой Жертв», выложенной каменнымн плитамн.

«Посланец богов»

Этот мрачный обряд был н весьма удобным способом для сведения личных счетов с соперникамн. Одну такую нсторню почти детективного характера сохранили древние хроникн майя. Вот что в них говорнтся:

Было двадцатилетие 13 Владыки,
когда получили дань верховные правители.
Тогда началось их правление;
тогда иачалось их царство;
тогда им иачали служить;
тогда появились обреченные в жертву;
их иачали бросать в колодец,
чтобы услышали правители их пророчество.
Не пришло их пророчество.
Это был Хуиак Кеель из рода Кавич,
Кавич — имя того человека,
который высунул голову из отверстия
колодца иа южиой стороие.
Так это свершилось.
Он пошел объявить свое пророчество.
Начало свершаться его пророчество,
когда ои стал говорить.
Его иачали провозглашать владыкой.
Они посадили его иа трои владык.

Его начали провозглашать верховным правителем.
Он не был владыкой прежде,
он был только на службе у Ах Меш Кука.
Теперь же был провозглашен владыкой,
обреченный в жертву Ах Меш Куком.

Из этого туманного отрывка можно все же понять, что некий Хунак Кеель, находившийся на службе у правителя Майяпана — Ах Меш Кука, был избран последним для принесения в жертву богам в сеноте Чичен-Ицы. Но, сумев каким-то образом выбраться из колодца, Хунак Кеель объявил собравшейся толпе, что боги назначают его правителем Майяпана, и вскоре действительно воссел на царский трон. Ах Меш Кук вынужден был покориться самозванцу, так как ему приходилось считаться и с незыблемыми религиозными канонами, и с симпатиями народа к «избраннику богов». Впрочем, весь драматизм этого события вряд ли можно до конца понять, даже изучая сообщения древних летописей. Попробуем все же реконструировать события на основе имеющейся информации.

Итак, правитель Майяпана Ах Меш Кук решил избавиться от своего вероятного соперника — военачальника Хунак Кееля, отправив его в качестве «посланца» к богам, обитавшим в глубинах «Священного Колодца». Правитель хорошо знал, что назад такие «посланцы» никогда не возвращаются. И вот на каменной платформе у края колодца разыгралась поразительная сцена. Один за другим исчезали в бездонной пучине дьявольского омута сбрасываемые туда люди. Приближалась очередь Хунак Кееля. И в этот напряженный момент он принимает единственно правильное решение. Выскочив вперед, храбрец взбежал на платформу храма и на глазах изумленной толпы бросился вниз с двадцатиметровой высоты. А несколько мгновений спустя зеленая вода сенота вспенилась, и на поверхности появился Хунак Кеель. «Я вернулся! Я вернулся! — доносился его ликующий голос из каменного жерла колодца.— Боги говорили со мной и назначили меня владыкой Майяпана!»

Отвага молодого военачальника покорила толпу. Ему бросили веревку и вытащили из колодца. Ах Меш Кук вынужден был признать свое поражение и уступить царский трон.

Став полноправным хозяином Майяпана, Хунак Кеель решил сполна рассчитаться с заносчивыми правителями Чичен-Ицы. Повода для войны долго искать не пришлось. В Чичен-Ице в то время царствовал халач виник (правитель) Чак Шиб Чак. Его младший брат Хун Йууан Чак, владыка небольшого городка Ульмиль, похитил во время брачного пира невесту у правителя Ицмаля — Улиля. Имя невесты — Иш Цив-нен — известно из старых летописей в книгах «Чилам Балам». Это происшествие и послужило сигналом к войне союза трех городов — Майяпана, Ушмаля и Ицмаля — против могущественной Чичен-Ицы. После ряда успешных сражений объединенные войска захватили Чичен-Ицу и подвергли ее страшному опустошению. В плен попал даже верховный жрец города — Хапай Кан, главный распорядитель кровавых жертвоприношений. Ненависть победителей к этому человеку была столь велика, что они, поставив жреца у стен какого-то каменного здания, буквально изрешетили его своими стрелами.

Уцелевшие жители во главе с Чак Шиб Чаком бежали на юг, в

непроходимые девственные леса в районе озера Петен-Ица (на севере нынешней Гватемалы), где создали новое государство, просуществовавшее до конца XVII века.

Чичен-Ица так никогда и не возродилась, хотя время от времени окрестные индейцы появлялись на ее руинах и совершали в «Священном Колодце» жертвоприношения богу дождя Чаку. Испанские летописи XVI века сообщают, что последние жестокие обряды в Чичен-Ице были совершены накануне прихода европейских завоевателей. Но сам город был уже мертв по крайней мере в течение нескольких веков. И только развалины массивных каменных зданий, разбросанных на огромной территории, свидетельствовали о его былом величии. А «Священный Колодец», скрывающий в своих глубинах кости бесчисленных жертв, со временем превратился в грязный сток, заполненный зеленой мутной водой, камнями и илом.

Эдвард Томпсон ищет клад

В 1863 году французский исследователь Брассер де Бурбур неожиданно обнаружил в архивах Севильи рукопись уже упоминавшегося выше епископа Диего де Ланды «Сообщение о делах в Юкатане», датированную 1566 годом*. Разнообразные сведения о майя, приводимые епископом, в том числе и о сокровищах «Колодца Жертв» Чичен-Ицы, вскоре стали достоянием широкой публики. Но можно ли было верить епископу? Не окажутся ли приводимые им факты о грудах золота и скелетах на дне сенота только легендой, пустым вымыслом?

Долгое время так и считалось. Но вот нашелся смельчак, который решил доказать правоту Ланды. Им оказался двадцатичетырехлетний консул США в Мериде (Юкатан) Эдвард Герберт Томпсон. В 1904 году он отправился в Чичен-Ицу, поверив древней книге, к которой никто не относился всерьез, и оказался прав, как некогда Шлиман в своих поисках гомеровской Трои.

Купив у местного землевладельца за гроши весь участок, где находились руины Чичен-Ицы, консул принялся за работу. Его вела вперед лишь одна цель — во что бы то ни стало найти на дне забытого колодца сокровища древних майя. Целые дни проводил теперь Томпсон возле таинственного сенота. Сначала осмотрел остатки святилища на краю колодца. Затем, сбрасывая вниз от края ритуальной платформы деревянные чурбаки, имитирующие человеческие фигуры, Томпсон определил то место, куда падали в древности несчастные жертвы, украшения и бесчисленные дары богомольцев. Но как извлечь все это из карстовой воронки? Предприимчивый янки нашел выход. Ему удалось доставить из США простую, но надежную землечерпалку и два водолазных костюма. Нехитрый снаряд установили на краю сенота, и работа закипела. Однако шли дни, а стальной ковш поднимал наверх только груды ила, черепки глиняной посуды да куски полусгнившего дерева, перемешанные с костями оленей и ягуаров. Томпсон стал уже сомневаться, действительно ли это и есть «Священный Колодец».

* В переводе на русский язык книга выпущена издательством АН СССР в 1955 году.—*Прим. ред.*



Золотой диск с изображением битвы тольтеков и майя

Близился сезон дождей с его тропическими ливнями и ненастьем. Планы корыстолюбивого консула повисли на волоске. Но вот в один из пасмурных дней ему наконец улыбнулась удача. Ковш землечерпалки доставил наверх вместе с грязью два желтых комочка душистой смолы копала. Томпсон подержал их в руке, разломил и бросил в тлеющий костер. Облачко душистого дыма от вспыхнувших комочков мгновенно пробудило в душе авантюриста какие-то смутные воспоминания. «Подобно солнечному лучу,— писал он впоследствии,— пробившемуся сквозь густой туман, в моей памяти вновь ожили слова старого Х'Мена, мудреца из селения Эбтун: «В старину наши отцы сжигали священную смолу... и с помощью ароматного дыма их молитвы возносились к богу...»»

Два комочка смолы рассеяли сомнения Томпсона: место, где он так долго работал без видимого успеха, действительно «Священный Колодец». Но где же тогда жертвы? И словно в награду за долготерпение консула землечерпалка стала поднимать на поверхность многочисленные драгоценные находки: золотые и медные диски с изящной гравировкой, украшения из зеленого нефрита, бронзовые колокольчики, глиняные чаши, топоры и, что самое главное, человеческие кости. Среди них было несколько женских черепов. Скептики вынуждены были признать достоверность старых преданий о «Священном Колодце» Чичен-Ицы.

Уезжая из Мексики, Томпсон «прихватил» с собой и всю



Золотой диск со сценой человеческого жертвоприношения. «Колодец Жертв», Чичен-Ица

богатейшую коллекцию находок. В США он передал ее Музею Пибоди при Гарвардском университете. И когда эти вещи и человеческие кости попали в руки специалистов, их удивлению не было пределов: легенда о «невестах бога дождя» лопнула как мыльный пузырь, но родилась новая научная сенсация. Предметы, привезенные из полузабытого города юкатанских майя, оказались подлинным сокровищем для изучения древней истории Центральной Америки. Они принадлежали многим народам и племенам, населявшим значительную часть Нового Света — от Северной Мексики до Колумбии.

««Священный Сенот» Чичен-Ицы на Юкатане,— писал известный антрополог Э. Хутон в 1940 году,— был одним из главных источников романтических историй о майя. Колодец образовался в результате падения свода пещеры над одной из подземных рек, которая пробила себе путь сквозь известняковые пласты. Согласно древним преданиям, во времена стихийных бедствий и невзгод в колодец бросали девушек и вместе с ними разного рода драгоценности. В начале этого века Эдвард Томпсон решил проверить достоверность этой легенды с помощью землечерпалки. Археология сказала свое веское слово: со дна колодца вместе с илом были подняты украшения из нефрита, золота и меди и множество других предметов. Кроме того, из сенота удалось извлечь ряд человеческих

черепов и костей, что подтверждает, по-видимому, слова старых летописей о человеческих жертвоприношениях. Всего из колодца были извлечены останки сорока двух человек. Кости прекрасно сохранились. И хотя, согласно легенде, все они должны принадлежать принесенным в жертву девицам, это отнюдь не так: 13 черепов принадлежат взрослым мужчинам в возрасте от 18 до 55 лет, 8 — женщинам от 18 до 54 лет и 21 — детям от 1 до 12 лет... Три из восьми женщин, которые были сброшены в колодец, имели еще при жизни серьезные травмы головы, видимо, от тяжелых ударов по черепу; одна женщина пострадала от перелома носа. Такие же прижизненные травмы имели и многие мужчины, брошенные впоследствии в сенот. Все, вместе взятое, свидетельствует о том, что эти взрослые люди, до принесения их в жертву богу дождя, отнюдь не пользовались среди майя каким-либо уважением и почитанием».

Эти скупые строки научного отчета специалиста-археолога поставили точку на затянувшемся споре ученых с любителями красивых легенд. Майя действительно бросали в колодец людей. Но жертвами их страшных богов были отнюдь не юные хрупкие девицы, а мужчины, женщины и дети.

Возвращение к сеноту

Вот уже многие десятилетия культурные ценности, принадлежащие по праву мексиканскому народу, находятся в США. Лишь в начале 60-х годов представители Музея Пибоди «в знак дружбы» передали Мексике 94 предмета из коллекции Томпсона, насчитывающей несколько тысяч вещей. Интереснейшая страница древней истории майя по-прежнему оставалась закрытой для мексиканских ученых. Тогда и пришло решение послать собственную экспедицию для исследования «Колодца Жертв».

В 1961 году подготовка экспедиции в основном была завершена. В ее состав вошли археологи из Национального института антропологии и истории в Мехико во главе с доктором Эйсебио Давалосом Уртадо, аквалангисты из мексиканского клуба водного спорта и специалисты по подводной технике. Было решено, что для исследований в сеноте будет использован оригинальный землесос, который успешно применялся при работах в затонувшем городе Порт-Ройял на Ямайке.

В колодец спустили большой деревянный плот, укрепленный на стальных бочках. Через отверстие в центре плота вывели наверх трубу землесоса. Вокруг ее основания натянули проволочную сетку, которая должна была улавливать все предметы, выброшенные землесосом вместе с водой и грязью. И вот наступил долгожданный момент: один конец трубы лежит на дне колодца, под многометровой толщей воды, а у другого конца, на плоту, в напряженном ожидании застыли участники экспедиции. Прошло несколько минут, и из жерла трубы ударил пенистый фонтан мутной воды, который обрушился на проволочную сетку.

К концу дня в ячейках сети лежало уже множество обломков глиняной посуды и кусочков желтого копала — душистой смолы, употреблявшейся древними майя для религиозных церемоний.

А на дне колодца, в вязкой грязи, самоотверженно трудились



Землесосная установка мексиканских археологов в «Колодце Жертв», Чичен-Ица

аквалангисты. Они ощупывали каждую расселину, каждую выемку на дне, доставая то, чего не мог захватить землесос. В первый же день они нашли керамический кубок и необычайно интересную фигурку идола высотой около 30 сантиметров из чистого каучука.

Число удивительных находок быстро росло: бусы всех сортов, кусочки полированного нефрита, золотые подвески и десятки медных колокольчиков. Любопытно, что последние почти не имели язычков. Майя обычно «убивали» приносимую в жертву вещь, ломая ее, прежде чем бросить в колодец.

Священный сенот открыл перед учеными своеобразную подводную кладовую, где были собраны изделия не только майя, но и других народов, живших вдали от Юкатана. Как же могли попасть эти вещи на дно сенота? На этот вопрос отвечает епископ Ланда в своей книге, где он пишет, что «занятием, к которому майя имели величайшую склонность, была торговля».

По обширной сети прекрасных мощенных камнем дорог — сакбе или на лодках, морем, отправлялись караваны купцов с Юкатана в Центральную Мексику (в империю ацтеков) и на юг, в Гондурас, Коста-Рику и Панаму. Туда майя везли соль, хлопчатобумажные ткани, мед и рабов, в обмен они получали бобы какао, нефрит, изделия из золота и меди. У майя практически не изготовляли металла. Поэтому почти все металлические предметы, найденные в колодце, привозные. Это и медные с позолотой кольца из Белиза, и бронзовые колокольцы из долины Мехико, и золотые фигурки божков из Панамы, Колумбии, Коста-Рики.

Финикийцы Нового Света

Каких-нибудь двадцать лет назад в ученых кругах безраздельно господствовала точка зрения, что древние майя были малоподвижным и замкнутым народом, сознательно укрывавшимся в непроходимых джунглях от всякого рода чуждых влияний. Южные границы их владений были закрыты горными хребтами Гватемалы и Гондураса. Три четверти полуострова Юкатан окружено морем. Сухопутные подступы к нему со стороны Мексики преграждались бесконечными болотами Чьяпаса и Табаско. Это и позволяло майя, по мнению многих авторитетных исследователей, развивать свою самобытную культуру почти в полной изоляции от внешнего мира. Становым хребтом майяской культуры считалось примитивное подсечно-огневое земледелие, а главной идеологической силой общества — изощренная религия.

Поглощенные бесконечными заботами о своих маисовых полях, земледельцы не помышляли ни о чем другом. Им были совершенно чужды какие-либо проявления воинственности. «Война,— писал один американский археолог,— никогда не играла в истории майя такой важной роли, как, например, у египтян и греков». Религия постепенно проникла во все сферы жизни общества, а ее представители — жрецы сосредоточили в своих руках всю полноту власти. Простой же люд только из-за поклонения богам обеспечивал духовных владык всем необходимым и принимал участие в строительстве дворцов и храмов.

Но эта стройная на первый взгляд концепция, созданная еще в тридцатых — пятидесятых годах С. Морли, Э. Томпсоном, А. Киддером и многими другими исследователями культуры майя, не выдерживает натиска новых археологических открытий.

Прежде всего вряд ли древние майя сознательно стремились к изоляции. История человечества почти не знает таких случаев. И вместе с тем она изобилует массой конкретных примеров совершенно иного рода.

«Сказки «Тысячи и одной ночи»,— пишет известный немецкий этнограф Ю. Липс,— стали незабвенным памятником важнейшего торгового пути из Багдада в Басру, а по древним крупным торговым артериям, соединявшим Урал с Каспийским морем, на протяжении всей истории переселялись из Азии в Европу все новые и новые массы людей. По древним «шелковым путям», которые вели от Самарканда к Гиндукушу и от Гоби к Пекину, совершал свои путешествия Марко Поло... В Америке участники торговых экспедиций майя преодолевали огромные пространства. Были найдены даже карты знаменитого пути, который вел от Шикаланго (южное побережье Мексиканского залива, штат Табаско.— *В. Г.*) через девственный лес к золотоносным районам Гондураса...»

Археологические раскопки последних лет доказали наличие широких торговых и культурных связей майяской цивилизации с самыми далекими областями Мексики и Центральной Америки. В самом сердце «Древнего царства» — в вечнозеленых джунглях Петена (Северная Гватемала) находятся руины крупнейшего города майя первого тысячелетия нашей эры — Тикаля. Он стоит вдали от моря: в 175 километрах по прямой от Гондурасского залива, в 260 — от залива Кампече и в 380 километрах — от Тихого океана. И тем не

менее в городе обнаружено множество «даров моря»: раковины спондилус, иглы морского ежа, кораллы, губки, жемчуг, позвонки морских рыб. В пышных гробницах местной знати часто встречаются предметы, привезенные из Центральной Мексики. Столица важнейшей мексиканской цивилизации того времени — Теотихуакан — отстоит от Тикаля по прямой более чем на 1200 километров. Их разделяют высокие горные хребты, широкие реки, болота и бесконечные леса. А в Теотихуакане найдено множество черепков майяской керамики и резные вещицы из голубовато-зеленого нефрита. По предположению ученых, здесь находился квартал торговцев майя. Точно такая же картина наблюдается и в Тикале. В городе обнаружено несколько зданий и храмов, построенных по чисто теотихуаканским канонам архитектуры. Есть там и скульптуры некоторых центральномексиканских богов.

В городе Копане (Гондурас), расположенном на самом юге территории майя, под каменной стелой VIII века в тайнике найдены обломки золотой статуэтки. Анализ металла доказывает, что она была привезена в майяский город из района Коклé в Панаме.

Еще больше данных о торговых связях майя с соседними областями мы имеем для периода, непосредственно предшествующего испанскому завоеванию (XII—XVI века). Здесь на помощь чисто археологическому материалу приходят свидетельства письменных источников.

Эрнандо Кортес на пути к Гондурасу в 1525 году побывал в богатой провинции майя-чонталь — Акалане и описал ее столицу — многолюдный торговый город Ицамканак. «В Акалане,— отмечает конкистадор,— есть многочисленные торговцы и люди, торгующие во многих местах и богатые рабами и другими вещами, которые обмениваются в этой земле. ...Как мне удалось узнать, здесь нет иного верховного правителя, кроме наиболее богатого торговца, имеющего большую торговлю по морю с помощью своих судов, и таковой есть Апасполон... И это по причине того, что он очень богат и торгует до такой степени, что даже в городе Нито (атлантическое побережье Гватемалы.— *В. Г.*)... имел квартал со своими агентами». Перед нами — бесспорный образец индейской торговой республики, напоминающей во многих отношениях знаменитые торговые государства средневековой Европы — Венецию и Геную.

На южных границах территории майя находились в XVI веке еще два важных торговых центра: Нито (в устье Рио-Дульсе, Гватемала) и Нако (на реке Улуа, в Гондурасе). Именно сюда регулярно наезжали за какао и другими товарами юкатанские купцы и вездесущие торговцы из Акалана.

Важным перевалочным пунктом, где скрещивались многие сухопутные и водные торговые пути, был и Четумаль (юго-восточное побережье Юкатана). Эта область славилась своими плантациями какао и обилием меда.

Нередко наиболее почитаемые религиозные центры были одновременно и крупными торговыми пунктами. Так, к святыням острова Косумель у северо-восточного побережья Юкатана, где находился особо почитаемый идол богини Луны и деторождения Иш Чель, ежегодно собиралось множество пилигримов из Табаско, Шикаланго, Чампотона и Кампече. По некоторым сообщениям, эти богомольцы были и торговцами, о чем говорит обилие на острове самых

разнообразных предметов, привезенных издалека. То же самое касается и Чичен-Ицы с ее «Священным Колодцем», привлекавшим ежегодно массу верующих со всех концов Мексики и сопредельных областей.

Основываясь на этих фактах, американский исследователь Джон Эрик Томпсон предположил, что в древности существовал морской путь вокруг всего полуострова Юкатан: от Шикаланго (Табаско) на западе до южной части Гондурасского залива на востоке.

Известный историк А. Миллер (США) говорит, что море играло в жизни древних майя огромную роль как в практическом, так и в ритуальном смысле. Море давало индейцам обильную пищу и служило удобной магистралью для перевозки громоздких и тяжелых товаров. Море было той широкой дорогой, по которой прибывали к майяским берегам из дальних стран диковинные экзотические товары. Таким же путем, как правило, проникали на Юкатан и различные чужеземные влияния — религиозные, философские, культурные.

Но именно оттуда, из голубых бескрайних просторов, внезапно налетали на цветущие города майя страшные тропические ураганы, сея смерть и разрушения. Оттуда же, словно проклятие богов, возникали вдруг на горизонте легкие ладьи доколумбовых пиратов, периодически совершавших опустошительные набеги на прибрежные селения. В числе этих пиратов были и людоеды-карибы с Малых Антильских островов. «Двадцатилетие 5 Владыки, пришли иноземцы, пожиратели людей, иноземцы без юбок их название, страна же была опустошена ими». Так лаконично описывается один из подобных набегов карибских племен на побережье Юкатана в 1359 году в древней книге майя «Чилам Балам» из Чумайеля.

Таким образом, для майя, особенно для обитателей восточного побережья Юкатана, море было важнейшей и определяющей силой в их жизни, силой одновременно и доброй и злой. Но как могли отважиться на противоборство с коварной морской стихией люди, жившие фактически в каменном веке? До сих пор существует мнение о крайне низком уровне развития мореплавания и кораблестроения у индейцев доколумбовой Америки. Считается, что они не могли на своих утлых челнах совершать сколько-нибудь дальние походы в океанские просторы и ограничивались самыми короткими рейсами у побережья.

Для такого вывода имелись веские причины. Когда солдаты Кортеса и Писарро сокрушили столицы самых могущественных государств индейской Америки — Куско и Теночтитлан, местное мореплавание практически свелось к нулю. Грозные флотилии боевых лодок ацтеков и майя были рассеяны и потоплены. Торговые связи между индейскими городами насильственно прекращены. Мир доколумбовых индейских цивилизаций постигла невиданная по масштабам катастрофа.

Стоит ли удивляться, что в считаные годы после конкисты не осталось буквально никаких следов и от высокого мореходного искусства индейцев. И когда изучением традиционной индейской культуры занялись наконец профессиональные археологи и этнографы, вместительные и прочные торговые ладьи индейских мореходов выродились в жалкие лодочки, избегавшие выходить в открытое море. Туру Хейердалу пришлось с риском для жизни пройти на

бальсовом плоту, построенном по древнеперуанской модели, тысячи миль в Тихом океане, чтобы доказать скептикам высокие мореходные качества этого неуклюжего на вид судна.

А что же древние майя? Неужели они действительно были робкими земледельцами, накрепко привязанными к своим жалким хижинам и маисовым полям в глубине вечнозеленых джунглей? Отваживались ли они выходить в открытое море? И если да, то на каких лодках или судах?

По иронии судьбы наиболее полные сведения о мореплавании древних майя содержатся в воспоминаниях и хрониках тех самых людей, руками которых оно было уничтожено.

Наиболее детально описал морскую ладью торговцев майя еще в начале XVI века Христофор Колумб — первооткрыватель Нового Света. 30 июля 1502 года знаменитый адмирал, в четвертый раз отправившийся искать счастья за просторами Атлантики, обнаружил еще один клочок суши. Это был остров Гуанаха, расположенный близ северного побережья Гондураса. Сам того не ведая, великий мореплаватель оказался буквально в двух шагах от тех сказочно богатых «восточных царств», о которых он так долго мечтал. В нескольких десятках километров к северу от этого островка лежала обширная и богатая страна с многолюдными городами и цветущими селениями — «страна оленя и фазана», так называли ее местные жители — индейцы майя.

Но Колумб повернул на юг и, медленно плывя вдоль центральноамериканского побережья, с каждой пройденной лигой (лига — староиспанская мера длины, равная примерно 5,6 километра) удалялся от этой страны с высокоразвитой культурой. И если бы не случайная встреча на перепутье морских дорог, мы, вероятно, так никогда бы и не узнали, что первым европейцем, увидевшим майя, был сам первооткрыватель Америки. Впрочем, предоставим слово летописцу.

Неподалеку от острова Гуанаха, в Гондурасском заливе, пишет брат знаменитого мореплавателя — Бартоломе Колумб, «мы встретили индейскую лодку, большую, как галера, шириной в 8 шагов, сделанную из одного ствола дерева. Она была нагружена товарами из западных областей... Посредине лодки стоял навес из пальмовых листьев, защищавший от дождя и морских волн. Под этим навесом разместились женщины, дети и весь груз. Люди, находившиеся в лодке, хотя их было 25 человек, не стали защищаться от преследовавших их шлюпок. Поэтому наши захватили ладью без борьбы и привели всех на корабль, где адмирал вознес всевышнему благодарственную молитву за то, что без всякого ущерба и риска для своих он узнает о делах этой земли».

Испанцев поразило все: и размеры индейского судна, и численность экипажа, и то, что его члены держались независимо и смело. Но особенное удивление вызвали одежда и внешний вид: невысокие стройные люди с невозмутимыми лицами, в изящных, с яркими цветными вышивками рубахах, плащах, набедренных повязках и юбках из хлопчатобумажной ткани были так непохожи на полуголых обитателей вест-индских островов, встречавшихся до сих пор европейцам. В числе товаров, обнаруженных в лодке, были тонкие хлопчатобумажные ткани, медные топоры и колокольчики, бобы какао, кремневые кинжалы, деревянные мечи с лезвиями из острых

пластинок обсидиана, маис и многое другое. Ладья совершала обычный торговый рейс из приморских городов Табаско или Кампече (иа побережье Мексиканского залива) в Гондурас, вокруг всего Юкатанского полуострова. Во всяком случае ее капитан н владелец во время беседы с Колумбом часто показывал на северо-запад н повторял, что пришел из земли Майям, то есть, что ои и члены его экипажа — майя.

Это маленькое судно, приводимое в движение веслами, должно было вмещать по меньшей мере 40 человек, поскольку помимо 25 мужчин очевидцы упоминают еще женщин н детей, сидевших под навесом из пальмовых листьев. На первый взгляд долбленая лодка таких огромных размеров — нонсенс. Однако существуют и другие испанские источники, подтверждающие это сообщение. Официальиый королевский летописец Овьедо-и-Вальдес, говоря об индейцах Вест-Иидии (Большие и Малые Антильские острова), отмечает, что оии имели долбленые лодки на 40 и даже на 50 человек, «длинные и такие широкие, что между гребцами поперек лодки можно было положить еще целый бочонок». Видимо, речь идет о военной ладье араваков или карибов, часто совершавших опустошительные набеги иа соседние острова и восточное побережье Центральной Америки. Овьедо подчеркивает, что такие лодки изготовлялись из одного древесного ствола с помощью огня и долота и ходили они как иа веслах, так и под парусами.

Конкистадор Берналь Диас дель Кастильо 4 марта 1517 года с борта одиой из каравелл эскадры Франсиско Эрнандеса де Кордовы — первооткрывателя Юкатана — увидел впечатляющую картину: огромный каменный город на берегу н флотилию больших лодок. «И мы увидели,— вспоминает он,— десять крупных лодок, изываемых пирогами, иабитых жителями этого города, которые спешили к нам и на веслах и на парусах».

Хуан Диас — капеллан экспедиции Грихальвы (1518 год) определил, что флотилия боевых лодок майя-чонталь, встреченная испанцами у побережья Табаско, состояла из 100 судов, вмещавших до 3000 воинов.

Есть все основания предполагать, что индейцы Мексики и Центральной Америки строили суда с нашивными бортами. Такие лодки использовались, иапример, ацтеками во время осады Теночтитлана. Их до сих пор строят майя, живущие возле озера Атитлан в горной Гватемале.

Вопреки распространенному мнению о том, что парус не был известен в Америке до прихода европейцев, существуют многочнсленные свидетельства обратного. О парусной лодке майя сообщает в своих «Письмах императору Карлу V» Эрнандо Кортес. Бериаль Диас видел в 1525 году у входа в залив Дульсе на атлантическом побережье Гватемалы торговую ладью, идущую одновременно под парусом н на веслах. Полвека спустя испанский моиах Алоисо Поисе во время своего путешествия через залив Фонсека так описал лодки местных жителей-индейцев: «Эти лодки плавают хорошо, н индейцы придают им такую форму, чтобы оии лучше противостояли большим волнам и бурному морю... Обычно оии приводят их в движение с помощью весел, хотя иногда пользуются и парусом, сделаиным из хлопчатобумажиой ткаии или из тростниковых циновок...»



Золотой диск со сценой морского сражения, Чичен-Ица, «Священный Колодец»

Изображения долбленых весельных лодок довольно часто встречаются в произведениях искусства древних майя начиная по крайней мере с VII века нашей эры, хотя и в весьма стилизованном виде. Но тем не менее основные черты описанных выше плоскодонных и мелкосидящих лодок, выдолбленных из больших древесных стволов, отчетливо видны.

Подобный тип судна был как нельзя лучше приспособлен для плавания в водах восточного побережья Юкатана. Вероломные коралловые рифы, часто меняющиеся ветры, не говоря уже о тропических ураганах, представляют здесь постоянную угрозу для судов.

Торговые ладьи майя с их мелкой осадкой избегали рифов. Когда же индейцы замечали приближение бури, они могли быстро найти убежище в многочисленных морских заливах и бухтах изрезанного юкатанского побережья.

Документы доколумбовой эпохи сохранили нам даже имена тех мореходов, которые регулярно совершали торговые рейсы вокруг всего полуострова. Это были майя-чонталь из Акалана. Джон Эрик Томпсон называет их финикийцами Нового Света, и для этого, видимо, есть все основания.

Ладьи в океане

«Молодая наука археология,— писал в конце 30-х годов немецкий географ Рихард Хеннинг,— о которой до конца XIX века история культуры, признававшая лишь литературные нсточники, ничего ие зиала, поразнтельно расширила наши знания о прошлом. Она позволила нам заглянуть в эпохи, считавшиеся навсегда погружениымн во мрак забвения, эпохн, о которых ничего не рассказывает ни одна народная легенда».

Если древиие летописи н хроники хранят почти полное молчание о дальних морских путешествиях майя, то куда более красноречивы археологическне иаходки — предметы, сделанные майяскими мастерами, но иайденные на других террнториях.

Ближайшая от Юкатана суша на востоке — остров Куба, отделенный от Мексикн всего лишь двухсоткилометровым Юкатанским проливом. Отсюда острова Вест-Индни идут как на север — к полуострову Флорида (США), так и иа юг — к берегам Веиесуэлы и Гайаны в Южной Америке. Мореходы майя доколумбовой эпохи, двнгаясь от острова к острову, могли сравнительио легко попасть от восточного побережья Юкатана до северо-восточной части Южной Америки. Одиако господствующие в этом районе ветры и течения благоприятствуют только плаваниям с юга иа север. Это затрудняло контакты майя с индейцами Антильских островов, но не могло прервать их совсем.

Жители Центральной Америки и Вест-Индии обладалн в канун испанского завоевания всемн необходимыми навыками и средствами для длительных морских путешествий.

Один археолог-любитель обнаружил в прибрежном песке мыса Сан-Антоино иа западной оконечности Кубы обломок керамического сосуда майя первого тысячелетия иашей эры н несколько пластинок обсиднана, который на Антильских островах не встречается.

А близ берегов Северной Ямайки аквалангисты недавно иашли различные предметы из обсиднана. Эти вещн несомненно связаны с какими-то торговымн или культурными контактами донспанского пернода.

Майя задолго до Колумба заимствовали у обитателей островов Вест-Индин такую удобную в тропиках вещь, как подвесной гамак, а карнбы и аравакн в свою очередь привезли с материка знаменитую ритуальиую игру в каучуковый мяч, называвшуюся у ацтеков «тлачтли».

Но этн материальные свидетельства пребывания мореходов майя иа Антильскнх островах ие слншком обшириы. Видимо, особой оживлеиной торговли с жителями этих островов не было.

Другое дело — богатые золотом и какао области Центральной Америки, где иаходятся сейчас латиноамериканские страны Никарагуа, Коста-Рика и Панама. Множество золотых предметов и статуэток, изготовлеиных в провинциях Кокле и Верагуас — иа западе и юге Панамы, было обиаружеио при исследованиях в «Священном Колодце» в Чичеи-Ице, это прямое доказательство нитенсивных торговых связей с жителями самых южных областей Центральной Америки.

Прнвозиая майяская керамика первого тысячелетия нашей эры обиаружеиа археологамн в Никарагуа и Коста-Рике. На севере

атлантического побережья Коста-Рики, в местечке Ла-Фортуна, найден сланцевый диск с иероглифами майя, а в Эль-Чапарроне — нефритовая подвеска с резной фигурой майяского божества. По определению ученых, первый из этих предметов относится к 300—500 годам и происходит из района Тикаля, второй напоминает изделия горных майя из Каминальгуйю (Гватемала).

Как показали дальнейшие исследования, и эти сравнительно далекие от Юкатана страны не были конечным пунктом морских походов предприимчивых майяских купцов. Их ладьи бесстрашно бороздили океанские просторы в поисках новых земель, уходя дальше и дальше на юг и юго-восток. Правда, ни в анналах истории, ни в археологических находках до сих пор никаких доказательств этой многовековой майяской Одиссеи найти не удавалось. Голубые воды Атлантики надежно хранили свою тайну. И если бы не одно случайное открытие, сделанное несколько лет назад, то мы, вероятно, так никогда и не узнали бы об этом.

Звучат лишь письмена...

В 1970 году сквозь лабиринты коралловых пещер на острове Бонайре, затерявшемся в южной части Карибского моря, медленно пробирался человек с фонарем в руке. В одной из пещер, осветив скрытые в полумраке стены, он неожиданно увидел какие-то странные знаки. Что это? Культовые рисунки местных аравакских племен? Или же следы давнего пребывания на острове средневековых пиратов? И вдруг громкий возглас изумления нарушил вековое молчание пещеры. Исследователь не верил своим глазам. Здесь, на маленьком карибском островке у самого побережья Венесуэлы, более чем в 2000 километрах от Юкатана, отчетливо виделись нанесенные красновато-коричневой краской на стене пещеры иероглифы древних майя! Нет, ошибки быть не могло! Профессор Чарльз Лэкомб из Флоридского университета уже давно занимался майяскими письменами и хорошо знал толк в подобных вещах. Значит, мореходы майя побывали когда-то на острове Бонайре, за тысячу километров к востоку от своих обычных торговых маршрутов. И не только побывали, но и оставили пространные записи, состоящие из типичных иероглифов майяского календаря.

Из работ конца XIX века Лэкомбу было известно, что в некоторых пещерах острова есть «индейские письмена». Он и ожидал найти символические изображения и ритуальные знаки араваков. Бонайре — небольшой островок длиной около 38 и шириной 8 километров. Он входит в состав Голландской Вест-Индии и расположен всего в 96 километрах от побережья Венесуэлы, вдали от земель, посещавшихся когда-то древними майя. Голландские археологи, обследовавшие эти места в 1890 году, сняли копии с некоторых пещерных рисунков и опубликовали их, приписав индейскому племени кайкетиос аравакской группы и определив их возраст не старше чем в 500 лет. Так и считалось, пока на остров не приехал посмотреть на «индейские письмена» профессор Лэкомб. «Когда я,— вспоминает ученый,— впервые увидел на стене пещеры иероглиф «Ламат», служивший у майя для обозначения одного из 20 дней недели, то просто не поверил своим глазам». Было очевидно, что

местные индейцы араваки с их довольно примитивной культурой не могли сами создать развитую систему иероглифической письменности и календаря, к тому же как две капли воды похожую на майяскую. Следовательно, надписи из пещеры острова Бонайре — следы пребывания там мореплавателей из страны майя.

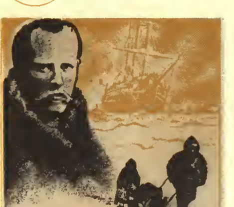
Ближайшая к Бонайре территория, населенная индейцами майя, находится на побережье Гондураса, но вряд ли приходится сомневаться в том, что влияние этой самобытной и яркой цивилизации распространялось далеко за пределы ее фактических границ. Моряки и торговцы майя вполне могли совершать плавания на запад — на Антильские острова и на юг — вдоль карибского побережья, в Никарагуа, Коста-Рику и Панаму. Нет ничего удивительного в том, что отдельные суда могли уноситься ветрами и течениями далеко в сторону от обычных маршрутов и попадать даже к берегам Венесуэлы. Иероглифические надписи майя были найдены впоследствии и на близлежащих от Бонайре островах — Кюрасао и Аруба. И все же многое еще остается неясным. Серьезные исследования пещерных письмен еще только начинаются: нужны широкие археологические раскопки; следует определить возраст иероглифов, установив по их стилю ту область на территории майя, откуда они происходят. Но навсегда ушло в прошлое традиционное мнение о культуре древних майя как о сугубо «сухопутной», не имеющей развитых традиций мореплавания. Открытия на острове Бонайре красноречиво говорят об огромных достижениях майяских мореходов, неоднократно побывавших на далеких землях, затерявшихся в голубых просторах Атлантики.





ФРИТЬОФ НАНСЕН

ВОКРУГ ЮЖНОГО ПОЛЮСА



Настоящая статья знаменитого полярного исследователя, писал в начале нашего века петербургский журнал «Вокруг света», появилась в печати 26 ноября 1911 г., то есть за 18 дней до фактического открытия Южного полюса Амундсеном, который пробыл на полюсе с 14 по 18 декабря по нов. ст. и которому лишь по прибытии в порт Гобарт на о. Тасмания удалось в начале марта 1912 г. телеграфно оповестить мир о своем открытии. Статья эта представляет в настоящее время особый интерес, замечает журнал, так как в ней Нансен взвешивает шансы соперников — Скотта и Амундсена и подробно останавливается на снаряжении обеих экспедиций

Быть может, в эту самую минуту две европейские экспедиции, отправленные двумя родственными народами, уже находятся на полюсе или приближаются к нему. Одна из них — английская экспедиция под начальством капитана Скотта, прекрасного руководителя прежней экспедиции в Антарктиду на судне «Дискавери»; другая — норвежская под руководством Руала Амундсена, открывшего северный магнитный полюс и впервые прошедшего северо-западным проходом вдоль полярных берегов Северной Америки из Атлантического океана в Тихий.

Многие, кажется, думают, что цель этих двух экспедиций состоит единственно в пробеге к Южному полюсу, и очень хотели бы знать, которой из них удастся попасть туда первой.

Я не смотрю на это таким образом, так как не имеет важного значения, кто попадет на полюс первым и достигнут ли они своей цели на несколько дней раньше или позже; важно лишь то, что области земли, до сей поры неизвестные, будут исследованы.

Я думаю, что до сей поры еще ни разу одновременно не отправлялись в путь две так хорошо снаряженные экспедиции, руководимые такими выдающимися исследователями, и потому мы вправе ожидать, что обе совершат великие открытия. Если мы сравним их шансы на достижение Южного полюса, то у обеих экспедиций окажутся свои особые преимущества.

У капитана Скотта имеется большое преимущество в том, что он знаком с южнополярной областью, так как во время своей прежней очень важной экспедиции, впервые открывшей нам внутренние части Антарктиды, он прошел значительную часть того самого расстояния, которое ему придется сделать теперь по пути к полюсу. Кроме того, он намеревается направиться тем самым путем, каким двигался Шеклтон. Таким образом, он заранее знаком со льдом, с его

состоянием и знает, каких трудностей ему следует ожидать. Он имеет еще то преимущество, что путь его пролегает параллельно горной цепи, которая будет служить ему «указателем» дороги. Таким образом, ему будет легко устраивать склады провизии, не боясь, что он не найдет их, когда они потребуются. Наконец, Скотт по сравнению с Амундсеном имеет, пожалуй, еще то преимущество, что у него больше людей, которые могут помогать ему устраивать склады провизии и оказывать ему помощь во время первой части его путешествия к югу, а также встретить его на обратном пути.

Иные, пожалуй, найдут преимущество Скотта в том, что в его распоряжении имеется автомобиль, устроенный специально для езды по снежным полям. Я не уверен, однако, чтобы это преимущество принесло ему на деле много пользы. В конце концов чего не в силах были сделать упряжные животные, того, наверно, не сделает и подобный автомобиль. Автомобиль Скотта двигается медленнее собак и, насколько я догадываюсь, не может везти свое собственное топливо на такое расстояние, на какое собаки способны везти свой собственный корм.

Автомобиль — очень тяжелый и сложный экипаж и может причинить большие затруднения там, где встретятся какие-либо препятствия. Пока автомобиль не будет лучше приспособлен для данной цели, я нахожу очень вероятным, не доставит ли он больше хлопот, чем добавочное число упряжных животных, исполняющих ту же работу. Следует принять также во внимание, что, если животным не хватит корма, их могут съесть люди или другие животные, если это собаки, между тем как автомобиль ни на что больше не годится, когда у него кончится топливо.

С другой стороны, у капитана Амундсена есть также свои несомненные большие преимущества. Так как он отважился остановиться на зимовку на самом ледяном барьере, то место его отправления к полюсу оказалось почти на целый градус дальше к югу, чем стоянка Скотта. Следовательно, его путь во внутренние части антарктической области и к Южному полюсу будет почти на шестьдесят географических миль короче; это сократит весь маршрут приблизительно на сто двадцать миль.

У Амундсена имеется больше сотни хороших эскимосских собак, которые в этих странах имеют, по моему мнению, большие преимущества в сравнении с пони. Они гораздо лучше переносят холодный климат, могут дальше везти свой собственный корм.

В пользу пони можно сказать, что их нужно не так много, как собак, и что, следовательно, для присмотра за ними нужно меньше людей. Это, может быть, верно до некоторой степени, по крайней мере при благоприятных условиях. Но в суровых климатических условиях пони могут, пожалуй, в конце концов потребовать большего внимания, чем собаки, которые всегда без исключения вполне способны проводить ночи в снегу, предоставленные сами себе.

Надо также иметь в виду, что в санях, запряженных собаками, обыкновенно гораздо легче путешествовать по гладкой поверхности антарктического ледника, чем проезжать по неровному, торосистому паку (сплошному плавучему льду) Северного полярного бассейна, где собаки постоянно натыкаются с санями на торосы и стоят, пока не подойдешь и не поможешь им, перетащив сани через препятствие.

В Антарктиде собаки могут бежать целыми часами не останавли-



Роберт Скотт и Руал Амундсен

ваясь, и одна упряжка собак идет за другою, не нуждаясь ни в чьем присмотре. Таким образом можно без всякого труда быстро продвигаться вперед большую часть пути, где нет ледников, изрезанных трещинами. Кроме того, у Амундсена и у некоторых из его людей немалый опыт в управлении собаками, приобретенный ими во время прежней экспедиции к северному магнитному полюсу, где они получили много ценных уроков от эскимосов; а капитан Яльмар Иогансен, находящийся в числе его спутников, конечно, имел случай до тонкости изучить это дело во время экспедиции «Фрама» и во время нашего санного путешествия к Земле Франца-Иосифа в 1895—1896 гг.; в числе его спутников находится также м-р Хассель, опытный погонщик собак, участник экспедиции Свердрупа 1898—1902 гг. Амундсен со своими собаками меньше зависит также от погоды и от климатических условий, чем Скотт со своими пони, поэтому он может тронуться в путь в более раннюю пору антарктической весны, когда температура еще очень низка, а следовательно, будет иметь больше времени для путешествия.

Большое преимущество Амундсена состоит в том, что он и его спутники с детства умеют превосходно ходить на лыжах; благодаря этому им будет гораздо легче быстро передвигаться по обширным снежным равнинам, чем людям, которые только начинают ходить на лыжах и едва знают, как надо пользоваться ими с выгодой.

С научной точки зрения экспедиция Амундсена имеет большое преимущество в том, что с самого начала ее санного путешествия к югу она будет проходить по совершенно неизвестной местности и, следовательно, неизбежно сделает очень важные открытия, между тем как большая часть области, по которой должен двигаться Скотт к Южному полюсу, уже была исследована им самим и Шеклтоном.

Однако с практической точки зрения это обстоятельство не в пользу Амундсена. Не будучи знаком с лежащей впереди него областью, он не знаком и с трудностями, которые ему, возможно, придется преодолевать в ее внутренних частях. По всей вероятности, ему встретится обширная плоская поверхность ледника, подобная ледяной поверхности внутренней части Гренландии. Ну а если во внутренних областях не окажется гор, служащих хорошими ориентирами? Тогда ему будет очень трудно устраивать склады провизии, чтобы на обратном пути наверняка найти их, погребенные под сугробами в этой плоской снежной пустыне... Однако Амундсен, я думаю, примет особые предосторожности на этот счет, располагая склады провизии по прямой линии и снабжая их хорошими, бросающимися в глаза знаками.

Приняв во внимание все обстоятельства, полагаю, что есть основательные причины думать, что обе экспедиции достигнут Южного полюса.

Многие, кажется, полагают, что Амундсен направится к леднику Бирдмора, вдоль которого Шеклтон поднялся к высокому ледниковому плато, лежащему близ полюса. Я не чувствую полной уверенности в этом. Это будет зависеть, конечно, главным образом от поверхности и от состояния льда, которые Амундсен найдет во внутренних областях. Но его кратчайший путь к полюсу пролегает к востоку от ледника Бирдмора, и очень возможно, что он возьмет это направление в надежде найти там благоприятные условия для подъема.

Как бы то ни было, путь его будет совершенно несходен с путем Скотта, по крайней мере во время большей части путешествия, и, таким образом, мы вправе ожидать, что тот и другой сделают важные открытия. У нас есть основательные причины радоваться, что обе экспедиции предприняты в одно и то же время, так как ценность наблюдений одной будет в значительной степени дополнена одновременными наблюдениями другой; и остается только пожалеть, что германская и японская экспедиции, находящиеся теперь на пути к югу, а равно как и великая австралийская экспедиция, не могли тронуться в путь в том же самом году. Ибо чем больше может быть добыто одновременных наблюдений в неизвестных до сей поры или малоизвестных странах, тем лучше. Физические условия южного материка совершенно несходны с физическими условиями всех известных областей на земле.

Будем с нетерпением ожидать удивительных вестей, которые принесет нам весна с юга.

Но каковы бы ни были эти вести, дело полярных исследователей будет далеко еще не кончено. Оно только вступит в новую фазу. Я с радостью услышу, что до Южного полюса удалось добраться, кто бы ни попал туда. Самая южная и самая северная точки земной поверхности будут тогда достигнуты. Не будет больше соблазна избирать их целью для побития рекордов. Я не осуждаю чувства,

которое заставляло людей стремиться достичь полюсов. Это естественное чувство. Оно неизбежным образом должно было сыграть важную роль в исследовании полярных стран. Но теперь настало время предоставить первое место нуждам науки. Много остается еще сделать открытий в полярных областях, особенно в южной. А географическое открытие в противоположность более или менее остроумным теориям должно быть основой глубокого знакомства с полярными областями, как и со всякою другой страной в мире. Это не вполне законченное здание. Это фундамент для проведения тщательных исследований необъясненных явлений, играющих важную роль в познании жизни окружающего мира.

Решение вопросов метеорологии, земного магнетизма, изучение океанических течений, физической истории Земли, вопросов, представляющих практический, равно как и научный, интерес, зависит от более полного и точного знакомства с условиями, до сей поры составляющими тайну полярных стран и морей. Нет, достижение полюсов не означает конца исследования полярных стран; мы только начинаем труд, который будет продолжен новыми поколениями.

Очень важная проблема — снаряжение полярных экспедиций с учетом опыта прошлого. Если верно в военном деле, что битва наполовину выиграна, прежде чем началась, то не менее верно и в деле полярных экспедиций, что успех их в значительной степени зависит от подготовки перед отправлением в путь.

Главное в этом деле — люди. Так было всегда, так есть и теперь.

Если вернемся к ранней поре средневековья или даже к временам глубокой древности, то увидим, что на пути к Северу приходилось встречаться с теми же самыми опасностями и препятствиями, какие встречались в самое последнее время; знаменательно, до чего мало изменилось положение вещей и до какой степени способы и снаряжение путешествий к Северу оставались в главных чертах одинаковыми во все века вплоть до самой недавней эпохи.

Не менее удивительно, что и сами люди всегда были, повидимому, созданы из одного и того же материала.

Упомяну в виде примера открытие и исследование Гренландии Эриком Рыжим, описанное в XII и XIII столетиях, открытие, которое, по всей вероятности, было сделано в конце X столетия. Мы видим, как Эрик снарядил свой корабль в Исландии и изготовился в путь, после того как был объявлен на три года изгнанником в наказание за раздоры и душегубство. Он сказал, что отправится искать новую землю, лежащую к западу, о которой ходили слухи в Исландии. Он добрался до восточного берега Гренландии, видел ее огромные ледники, проплыл вдоль берега, обогнул мыс Фаруэлл, открыл южный берег, где провел первую зиму, исследовал западный берег в течение двух следующих лет, проник внутрь фьордов и наконец после трехлетнего отсутствия вернулся обратно в Исландию.

В этой удивительной истории при всей ее краткости заключается, по моему мнению, много поразительно сходных черт с рассказами о современных путешествиях и исследованиях, так что порой меня берет сомнение, действительно ли мир так изменился и развился, как мы обыкновенно думаем.

Это случилось за пятьсот лет до вторичного открытия Америки Колумбом и Каботом. Полагаю, что это древнескандинавское исследование Гренландии, совершенное тысячу лет назад, не уступа-



Экспедиция Амундсена достигла Южного полюса

ет современным полярным исследованиям как по своей важности, так и по способу, каким оно было произведено.

Тем не менее бесспорно, что исследование полярных областей двинулось вперед необычайно быстрыми шагами в течение последних десятилетий. Цели исследователей многих веков были достигнуты — Северо-западный проход был найден, Северный полюс открыт, все арктические берега описаны, так что теперь там едва ли найдется какая-нибудь неизвестная, неоткрытая земля *. В антарктические области, почти неизвестные до самого последнего времени, энергичные исследователи совершили изумительные путешествия, открывшие нам тайны внутренних частей этих стран, и Южный полюс, как мы видели, быть может, уже сделался теперь только что взятым призом одной, если не двух экспедиций.

В чем заключается причина этих великих подвигов последних лет? Были ли они совершены лишь благодаря новым изобретениям? Не думаю, чтобы это можно было считать единственным условием.

Успех экспедиции зависит теперь, как и раньше, главным образом от человека; следует допустить, однако, как полагаю, что способы снаряжения и руководства полярными экспедициями сделались более систематичными, чем они были в прежние времена. Если я сравню снаряжение и опыт, какими я располагал, начиная исследования полярных стран, со снаряжением и методами современных экспедиций, то найду большую разницу.

* Небольшая полоска восточного побережья большого архипелага Северная Земля была открыта экспедицией Б. А. Вилькицкого в 1913 г. Полностью исследованы и положены на карту острова Северная Земля в 1930—1932 гг. экспедицией Г. А. Ушакова.— *Прим. ред.*

Когда я готовился к экспедиции в Гренландию в 1888 г. и попробовал воспользоваться опытом прежних исследователей, меня поразило, как мало были разработаны в подробностях систематические правила для снаряжения арктических экспедиций. Не были, например, продуманы вопросы питания: какое количество пищи требуется в день для каждого человека, принимавшего участие в санной поездке, или какой рацион необходим организму в тех условиях. Не было известно, какого рода сани предпочтительнее, какими полозьями следует пользоваться — металлическими или деревянными, какую форму они должны иметь, чтобы с наибольшей легкостью двигаться по снегу и ледяным полям, и так далее.

С той поры многое изменилось, а технические достижения открыли перед нами новые возможности. О пользе моторного экипажа для проникновения в полярные области я уже говорил. Если он будет усовершенствован для этой цели, то сможет стать полезным.

Остается еще упомянуть о возможности использования воздушных кораблей и аэропланов для исследования полярных стран. Как известно, и воздушным шаром и воздушным кораблем уже пытались воспользоваться для перелета через северную полярную область, но, к несчастью, попытки эти окончились трагически. Андрэ с двумя товарищами, отправившийся на воздушном шаре, совсем не вернулся. От попытки Уэльмана с воздушным кораблем нельзя было, конечно, ожидать успеха, так как у него имелось слишком мало опыта в путешествиях подобного рода перед отлетом со Шпицбергена. Не вижу, однако, почему нельзя было бы в полярных областях применить с успехом воздушный корабль, когда его усовершенствуют так, чтобы им можно было легко управлять.

Однако воздушный корабль имеет большой недостаток, а именно тот, что он очень велик и громоздок, и в случае неблагоприятной погоды с ним довольно трудно справляться. У него есть также другой недостаток: газ из оболочки постепенно улетучивается и корабль не может лететь продолжительное время.

В этом отношении аэроплан может иметь преимущества, когда будет более усовершенствован, чем в настоящее время, и когда его подъемная сила значительно возрастет. Тогда можно будет остановиться в пути, чтобы произвести наблюдения и т. д.; полагаю, что аэроплан той или иной системы окажется очень полезным для будущего исследования недоступных областей.

Была высказана мысль, что полярным медведем можно будет воспользоваться как упряжным животным для полярных экспедиций. Капитан Амундсен одно время считал благоразумной попытку выдрессировать полярных медведей для экспедиционных целей и говорил об этом известному немецкому зоологу Гагенбеку в Гамбурге.

Гагенбек, сочтя такую попытку возможной, действительно начал дрессировать нескольких медведей и, как я слышал, имел некоторый успех. Как бы то ни было, подобных экспериментов не проводилось в полярных областях, но если бы действительно было возможно выдрессировать полярного медведя для этой цели, то он оказался бы, разумеется, идеальным упряжным животным в полярных областях; он отличается изумительной силой и выносливостью, подобно

собаке, может питаться консервированным кормом и, что еще лучше, может жить долгое время вообще без всякого корма. Боюсь только, как бы полярный медведь не оказался несколько опасным и беспокойным упряжным животным, которым не так-то легко будет управлять во всякое время.

Для путешествия по ледяной поверхности Северного Полярного моря могут иметь важное значение захваченные с собою лодки. В 1827 г. Парри пытался достигнуть Северного полюса, перетаскивая лодки через плавучий лед, но не имел успеха: лодки были слишком тяжелы. Во время английской экспедиции 1875—1876 гг., когда Альберт Маркхем со своими отважными спутниками направился к северу от Земли Гриннеля, они также тащили с собой одну слишком тяжелую лодку по неровному льду.

Я сам пробовал перетаскивать тяжелые лодки через плавучий лед, чтобы достигнуть восточного берега Гренландии в 1888 г., и много других экспедиций делали подобные попытки. Полагаю, что наше с Иогансеном санное путешествие с «Фрама» к Земле Франца-Иосифа в 1895—1896 гг. представляет улучшение в этом отношении, так как мы несли легкие парусные лодки или каяки, каждую для одного человека, весившие немного больше тридцати пяти фунтов и вмещавшие снаряжение на несколько месяцев кроме нас самих, наших саней и собак во время переправы через разводья.

Но этим улучшением мы не были обязаны какому-либо новому изобретению; оно было основано лишь на очень старом опыте эскимосов, причем их байдарами или каяками мы воспользовались как моделью. Однако для названной цели им следует придавать особую форму и конструкцию. Будучи снабжена такими лодками, санная экспедиция не страшится разводий, которые могут встретиться в плавучем льду. Свободная от льда вода может быть даже преимуществом, так как дает возможность подвигаться вперед легче и быстрее, чем по ледяной поверхности.

Способ исследования полярных областей, несколько раз уже испробованный, порою невольно, порою по собственной воле, состоит в том, чтобы плыть на корабле по течению вместе со льдом. Этим способом воспользовалась с особенным успехом экспедиция на «Фраме» 1893—1896 гг., дрейфовавшая через Северный полярный бассейн. «Фрам» был специально предназначен и выстроен для этой цели, приспособлен к сопротивлению давлению льда так, чтобы напирающий лед приподнимал его, но не мог раздавить.

Я считаю этот способ очень хорошим, в особенности когда требуются основательные научные исследования, так как на дрейфующем корабле могут быть выполнены всевозможные научные наблюдения и изыскания, даже самые трудные и кропотливые. Корабль должен, конечно, иметь специальную конструкцию и быть очень прочным...

Капитан Руал Амундсен, вернувшись с Южного полюса и запасшись необходимым добавочным снаряжением, на что может потребоваться год, намеревается продолжать свое путешествие на «Фраме» к Берингову проливу, проникнуть во льды в этой области где-нибудь к северу или к северо-западу от Аляски и затем плыть прямо по течению вместе со льдом через Северный полярный бассейн к морю, расположенному между Гренландией и Шпицбергеном.



Экспедиция Скотта на Южном полюсе

Для этого плавания может потребоваться по меньшей мере пять лет, а пожалуй, и больше. Но зато оно даст чудесный случай исследовать неизвестные до сей поры области и обещает принести результаты огромной важности.

Доблестный русский адмирал Макаров надеялся достичь Северного полюса и проплыть через неизвестные до сей поры части Северного полярного бассейна при помощи очень прочного ледокола, достаточно сильного, чтобы пробивать себе дорогу через крепкий полярный лед. Пользуясь средствами, выделенными русским правительством, он выстроил ледокол «Ермак» на заводе Армстронга в Ньюкасле. Построенный из стали, корабль этот отличался необычайной прочностью, а машины его имели мощность девять тысяч лошадиных сил, в то время как машина «Фрама», например, развивала только около двухсот двадцати лошадиных сил. «Ермак» был несомненно очень хороший ледокол и действительно делал замечательные вещи в арктическом море летом 1899 и 1901 гг.; но крепкий полярный лед оказался непреодолимым даже для него, и он вынужден был вернуться, получив течь вследствие трещин в носовой обшивке.

Было предложено несколько проектов, основанных на применении подводных судов для исследования полярных морей, но ни один из них не пошел дальше изложения на бумаге. Принцип их состоит, конечно, в том, что подводные суда могут нырять под лед, избавляясь таким образом от всякого труда, связанного с прокладыванием дороги через лед или с путешествием по его неровной поверхности. Пройдя значительное расстояние под водою, подводная лодка может всплыть на поверхность в разводьях между сплошными массами плавучего льда.

Судя по своему опыту, я полагаю, что было бы всегда возможно, в особенности летом, найти даже во внутренних областях Северного полярного бассейна разводья такой величины, чтобы подводная лодка могла подняться на поверхность; но главная трудность заключалась бы, по всей вероятности, в больших глубинах, на которые опускается в некоторых частях полярный лед, в особенности под ледяными кряжами и горами, нагроможденными друг на друга давлением. Подошва этих ледяных масс достигает сплошь и рядом ста пятидесяти футов глубины под поверхностью моря и даже больше.

Чтобы быть уверенным в возможности избежать очень неприятных столкновений с этими глубоко сидящими ледяными глыбами, подводной лодке необходимо во время движения держаться на глубине в двести футов или больше.

Не говоря уже о трудности постройки подводных судов, достаточно прочных, чтобы выдерживать давление таких глубин, мне кажется очень сомнительным, чтобы можно было увидеть разницу между льдом и разводьями с глубины двухсот футов от поверхности.

Хотя и нельзя сказать, насколько еще может развиться подводное мореплавание, я не считаю вероятным, чтобы оно оказало когда-нибудь большие услуги исследованию полярных стран.

Таким образом, мы видим в конце концов, что все новейшие изобретения не имели очень важного значения для исследования полярных стран, в особенности для санных путешествий, и, замечательный факт, все великие подвиги Пири были совершены главным образом при помощи эскимосов, эскимосских методов, эскимосских собак, эскимосских саней. Таковы способы передвижения, которыми пользовались первые исследователи полярных стран. И теперь еще, как всегда, успех и результаты экспедиции зависят главным образом от самого человека!

Публикация *В. Сурмило*

ПРЕДВИДЕНЬЯ МИНУВШИХ ДНЕЙ

Послесловие

Кажется, внимание всего мира было приковано тогда к полюсам планеты. «Большой приз», «Гонки века», «Международные скачки к полюсу»,— кричали заголовки газетных статей.

Национальный престиж и личное честолюбие на протяжении веков оставались едва ли не главной движущей силой полярных экспедиций. Гибли корабли, гибли люди — зачастую только для того, чтобы передвинуть рекордный флажок чуть ближе к вершине планеты. В 1607 году Генри Гудзон достиг 80°23′ северной широты, в 1882 году Джеймс Локвуд — 83°24′. Триста тридцать пять километров за двести семьдесят пять лет, чуть больше километра в год.

И вот в 1909 году американец Роберт Пири оповестил мир, что Северный полюс покорен. Победа?! Нет, пальму первенства оспаривает его соотечественник Фредерик Кук. Он вместе с двумя эскимосами побывал на полюсе годом раньше — 21 апреля 1908 года.

Разразился беспрецедентный в истории географических открытий скандал. Оба соперника не стеснялись ни в выборе средств, ни в выборе

выражений, скандал охотно раздувала падкая до сенсаций буржуазная пресса. Заседания специально созданной комиссии, заседания суда, заседания американского конгресса... Кук или Пири?

Но кроме Северного был еще и Южный полюс — там-то наверняка не ступала нога человека. К берегам Антарктиды готовятся отплыть экспедиции Германии, Японии, Англии, Норвегии, Австралии, Шотландии, Франции. В 1911 году норвежец Руал Амундсен и англичанин Роберт Скотт почти одновременно, но из разных точек побережья стартуют к полюсу. Каждый из них — что скрывать? — мечтает опередить соперника. Кто будет первым? Амундсен или Скотт? Скотт или Амундсен?..

Теперь, десятилетия спустя, кажется ненужным этот ажиотаж, немного смешными и надуманными кажутся эти страсти. И тем бо́льшее восхищение вызывает давняя, забытая статья Фритьофа Нансена «Вокруг Южного полюса». Спокойствием, мудростью, если хотите — современностью, веет от ее строк:

«Я с радостью услышу, что до Южного полюса удалось добраться, кто бы ни попал туда... Я не осуждаю чувства, которое заставляло людей стремиться достичь полюсов. Это естественное чувство. Оно неизбежным образом должно было сыграть важную роль в исследовании полярных стран. Но теперь настало время предоставить первое место нуждам науки».

Мы знаем теперь, чем закончился спор между Амундсеном и Скоттом. Норвежцы на месяц опередили англичан. Скотт и его товарищи, обессилев, оставшись без керосина и продуктов, трагически погибли на обратном пути с полюса. Погибли всего в 18 километрах от продовольственного склада. Только через восемь месяцев в палатке, каким-то чудом устоявшей против антарктической непогоды, были найдены их тела, был найден дневник Роберта Скотта. Последняя запись в нем сделана 29 марта 1912 года: «Жаль, но не думаю, чтобы я был в состоянии еще писать. Р. Скотт». Ниже — без даты — трагическая и мужественная приписка: «Ради бога, не оставьте наших близких...»

Нансен оказался прав — автомобили доставили Скотту немало хлопот и принесли немного пользы. А собаки норвежцев убедительно доказали свое преимущество перед английскими пони.

Здесь можно напомнить, что в самый последний момент Роберт Скотт по совету Нансена всё-таки взял с собой три десятка ездовых собак. Их закупили в России, в низовьях Амура, а пони — в Маньчжурии. Вот так и получилось, что в английской экспедиции участвовали двое русских: каюр с Амура Дмитрий Гирёв и конюх, бывший жокей Московского ипподрома Антон Омельченко. О жизни и судьбе Дмитрия Гирёва мы кое-что знаем, об Антоне Омельченко — не знаем ничего. И это не может не огорчать: ведь они были первыми русскими людьми, ступившими на берег Антарктиды.

Почему же англичане фактически так и не использовали «собачий транспорт»? Причин много, но главная из них — своеобразный снобизм. «С моей точки зрения,— писал Роберт Скотт,— ни одно путешествие на собаках не может принести таких результатов, как поход, участники которого преодолевают трудности, опасности и лишения, полагаясь лишь на собственные силы, проводят в тяжелом физическом труде дни и недели, чтобы проникнуть в некоторые тайны великого неведомого. Несомненно, что в последнем случае победа достигается более благородным способом, становится более блистательной».

Может быть, прав английский биограф: «Скотт рассматривал полюс как плацдарм для демонстрации героизма ради героизма...»

Семьдесят восемь дней шагали они, налегая на постромки тяжелогруженых саней. Они сделали все, что могли. Но на полюсе уже развевался флаг Норвегии.

«Великий боже! — писал в тот день Роберт Скотт.— Что это за ужасное место и каково нам понимать, что за все труды мы не вознаграждены даже


Фритьоф Нансен

сознанием того, что пришли сюда первыми!.. Мы воздвигли гурий, водрузили наш бедный обиженный английский флаг... мы повернулись спиной к цели своих честолюбивых вожделений. Перед нами 800 миль неустанного пешего хождения с грузом. Прощайте, золотые грезы!»

Конечно, моральный удар был очень тяжелым, ненужное соперничество стало для Роберта Скотта и его товарищей началом трагедии. Наверное, прав Стефан Цвейг: «...стальная пружина воли ослабла. В походе к полюсу их окрыляла великая надежда осуществить заветную мечту всего мира; сознание бессмертного подвига придавало им нечеловеческие силы. Теперь же они борются только за спасение собственной жизни, за свое бренное существование, за бесславное возвращение, которого они в глубине души, быть может, скорее страшатся, чем желают». Но все-таки объяснять гибель отряда Скотта только моральным фактором было бы и несправедливо, и унизительно для мужественных англичан.

Успех или поражение любой полярной экспедиции всегда складывается из множества «мелочей». Их необходимо предусмотреть (или предотвратить!) еще до начала экспедиции.

День за днем, например, Скотт отмечал в дневнике: «Обувание по утрам отбирает все больше и больше времени», «мы долго провозились с обуванием», «сколько уходит утром времени на обувание — ужас!». Все верно: влажная обувь за ночь неминуемо смерзается, надевать ее — мучение, на это тратятся не минуты — часы. Но можно избежать бессмысленной потери времени — достаточно на ночь положить обувь в спальный мешок. Мелочь?

Еще пример: англичане раз за разом с удивлением и ужасом убеждались, что канистры с керосином, которые они оставляли в хранилищах на пути к полюсу, на обратиом пути оказались полупустыми.

«Как жаль, что у нас мало топлнва»,— записывал в дневнике Скотт.— «Исчезиовение топлива по-прежнему причиняет беспокойство», «топлива безумно мало», «положение критическое». Англичане страдали от недостатка воды, возможно, даже — от обезвоживания организмов. «Мы все-таки справились бы, несмотря на погоду,— писал Скотт,— если бы не болезнь второго нашего сотоварища... и не нехватка горючего иа наших складах, причину которой я не могу понять».

И Амундсен, и другие полярные путешественники еще раньше сталкивались с этим «непонятным» явлением. Не будем вдаваться в объяснения; так или иначе, Амундсен, стартуя к полюсу, сделал все возможное, чтобы предотвратить утечку, н сумел своего добиться. Одна нз его канистр была найдеиа в районе 86° ю. ш. через полсотни лет. Ее содержимое полностью сохранилось!

Годы спустя, вновь и вновь возвращаясь мысленно к событиям 1911—1912 годов, вспоминая Роберта Скотта, Амундсен писал: «Я пожертвовал бы славой, решительно всем, чтобы вернуть его к жизни. Мой триумф омрачен мыслью о его трагедни, она преследует меня!» Как никто другой, Амундсеи мог оценить подвиг англичан. И, как никто другой, мог понять причины разыгравшейся трагедии. «Мужества, твердости, силы им было ие заннмать,— писал Амундсен.— Немного больше опыта — и их предприятие увеичалось бы успехом».

Пожалуй, здесь кажется лишней, ненужной частица «бы». И норвежцы, н англичане одержали Победу, только англичане заплатили за нее жнзнью. И как признание их общей Победы научно-исследовательская станция на Южном полюсе, которая работает уже четверть века, носит название «Амундсен — Скотт».

Десятки стран, не соперничая — сотрудиичая, принимают теперь участие в исследовании Антарктиды — континента без государственных границ, континента мира н дружбы. Об этом мечтал Наисен!

После дрейфа «Фрама» Нансеи на долгне годы стал, безусловно, «Поляриком № 1». Поэтому так ннтересны для нас его мыслн о будущем поляриой науки, о перспективах полярных исследований.

Конечно, не все он мог предвидеть, кое в чем ошибся. Вопреки пессимистичному мнению Нансена плавают подо льдом и изучают Ледовитый океан и всплывают на Северном полюсе атомные подводные лодки, а специальные батискафы опускаются на предельные глубины Мирового океана, где давление превышает тысячу атмосфер.

«Едва ли найдется (в Северном Ледовитом океане.— *Прим. авт.*) какая-нибудь неизвестиая неоткрытая земля»,— писал в 1911 году Фритьоф Нансеи. Всего два года спустя русская Гидрографическая экспедиция под начальством Б. А. Вилькицкого открыла к северу от Таймыра неведомую землю, которую мы называем теперь Северной Землей. А в 1930—1932 годах советская экспедиция под иачальством Г. А. Ушакова провела полную картографическую съемку этого огромного архипелага — 37 тысяч квадратиых километров. В тридцатых годах советские полярники нанесли на карты группы островов Сергея Кирова, Известий ЦИК, Арктического института, острова Визе, Шмидта, Ушакова, Воронина... Десятки неизвестных ранее островов!

Советские полярники осуществили многие мечты Фритьофа Нансеиа.

«Аэроплан может иметь преимущества, когда будет более усовершеиствован... Тогда можно будет остановиться в пути, чтобы произвести иаблюдения и т. д.»,— писал норвежский поляриый исследователь всего через десять лет после того, как впервые оторвалась от земли неуклюжая этажерка — аппарат тяжелее воздуха. А трн года спустя русский летчик Ян Нагурский впервые поднял аэроплан в небо Арктики, а в 1937 году советскне летчнки на удивление всему миру посадили тяжелые четырехмоториые

самолеты прямо у полюса. Теперь уже каждый год работают в Арктике воздушные экспедиции «Север» — их называют иногда «прыгающими экспедициями». Перелетая с места на место, самолеты, как и предсказывал Нансен, «приледняются», чтобы произвести наблюдения и снова взлететь.

«Способ исследования полярных областей... состоит в том, чтобы плыть на корабле по течению вместе со льдом»,— писал Фритьоф Нансен. Этот принцип — взять лед в союзники — развит советскими полярниками. В 1937 году была организована первая в мире научно-исследовательская станция на дрейфующей — плывущей по течению — льдине. Теперь в Ледовитом океане работает уже «Северный полюс-26» — двадцать шестая дрейфующая.

За три столетия — со времен Гудзона — десятки и сотни кораблей погибли в борьбе со льдом. Нансен научил свой «Фрам» защищаться, выскальзывать из ледовых объятий. Ледокол «Ермак», по замыслу русского адмирала Степана Осиповича Макарова, должен был атаковать, активно бороться со льдами.

К Северному полюсу напролом! Эта мечта Макарова, вековая мечта человечества, сбылась 17 августа 1977 года, когда советский атомный ледокол «Арктика» впервые в истории мореплавания достиг вершины планеты!

Самолеты, подводные лодки, атомные ледоколы... Техника... Но по-прежнему справедливы слова Фритьофа Нансена: «И теперь еще, как всегда, успех и результаты экспедиции зависят главным образом от самого человека!»

Завершая это послесловие, нельзя не рассказать и о самом Фритьофе Нансене. Он был удивительным, разносторонне талантливым человеком. В девятнадцать лет на чемпионате Норвегии по конькам он занял второе место вслед за чемпионом мира Поульсеном, потом двенадцать раз побеждал в марафонских лыжных пробегах. Он был талантливым художником и выдающимся ученым — доктором зоологии, профессором океанологии. Но главный его талант — человечность.

В 1920 году Фритьоф Нансен становится Верховным комиссаром только что созданной Лиги наций. Он заботится о возвращении на родину сотен тысяч пленных, оставшихся на чужбине после окончания мировой войны. Заботится о судьбе греческих и армянских беженцев.

Молодая Республика Советов, едва покончившая с интервенцией, задыхалась тогда в хаосе послевоенной разрухи, в тисках экономической блокады.

Голод в Поволжье.

С трибуны Лиги наций звучал набатом голос Фритьофа Нансена:

«В этот самый момент двадцати — тридцати миллионам людей угрожает голодная смерть. Если через два месяца не придет помощь, участь их решена. Но правительства отказали в кредитах. Я не верю в то, что это правильно. Я не верю в то, что это мудро. Я могу сказать только одно — это роковая ошибка.

Вокруг кишат гнусные лживые слухи. Про первый поезд, отправленный в Россию, говорили, что он разграблен Красной Армией. Это ложь. И тем не менее ее вновь и вновь повторяют европейские газеты.

Я знаю, чем руководствуются эти люди. Это — боязнь, что наша деятельность укрепит Советскую власть. Пусть погибнет лучше двадцать миллионов людей, чем помогать Советскому правительству... Они не в состоянии раздобыть необходимые пять миллионов фунтов стерлингов. Все вместе они не могут дать для голодающих в России половину той суммы, которую стоит современный дредноут!

Именем человечности, именем всего благородного... я призываю правительства, народы Европы, весь мир оказать помощь. Спешите, действуйте, пока еще не поздно!»

Правительства, государства остались глухи... Все свои сбережения и Нобелевскую премию Мира сам Нансен отдает в фонд голодающих Поволжья. Он собирает частные пожертвования, организует бесплатные

столовые, показательные сельскохозяйственные коммуны.

В декабре 1921 года председатель IX Всероссийского съезда Советов Михаил Иванович Калинин вручил Фритьофу Нансену — первому из иностранцев — Почетную грамоту съезда Советов: «Русский народ сохранит в своей памяти имя великого ученого, исследователя и гражданина Ф. Нансена, героически пробивавшего путь через вечные льды мертвого Севера, но оказавшегося бессильным преодолеть безграничную жестокость, своекорыстие и бездушие правящих классов капиталистических стран».

Ромен Роллан назвал Фритьофа Нансена «единственным европейским героем нашего времени». Наверное, многие не согласятся с самим этим словом «единственный»: XX век дал миру немало героев. Но все-таки приятно думать, что героем нашего времени впервые был назван Полярник!

Александр Шумилов





ФАНТАСТИКА





ФАНТАСТИКА



АЛЕКСАНДР КАЗАНЦЕВ

ГОВОРЯЩИЙ ХОЛСТ

Фантастический рассказ

«Я дарю вам этот холст. У меня на родине принято дарить то, что понравилось гостю»

1. Пылающие кисти

Солнце нещадно палило.

Я шел к лесу. Густая зеленая стена манила прохладой.

Голова кружилась от медвяных запахов. В хлебах, колыхавшихся вокруг, маячили васильки.

Лес был смешанный. Ели тянули вниз мохнатые лапы, заботливо прикрывая себя до самой землн. Рядом будто беззвучно тряслись в неуемном хохоте жнзнерадостные и легкомысленные осины. А поодаль, казалось, хмуро н отчужденно размышляли о чем-то дубы.

По сторонам дорогн то появлялись, то пропадалн березки, словно девушки в белых платьях нграли в прятки. Синеокне, светлокосые, смешливые... Возьмут за руку н утащат в свой хоровод, чтобы снова стал молодым...

Велнкий Гёте семидесяти четырех лет создал знаменитую «Марнанбадскую элегню»—тайную песню о своей любвн к девятнадцатилетней Ульрике, легкой, восторженной, белокурой...

И тут я увидел... другую девятнадцатилетнюю!..

Профиль—как на древней камее! Тяжелый узел волос на затылке вороненой сталью блестит на солнце. Стрельчатые ресницы устремлены туда же, куда и внимательный взгляд.

Я опешил. Остановился.

Можно понять Фауста, продавшего за молодость душу дьяволу! Не о себе лн думал Гёте, создавая своего бессмертного доктора? Спустя семь лет после нежной н горькой, как запах черемухи, вспышки чувств к кроткой девушке!

Девушка сидела перед мольбертом.

Оглянулась н вовсе не кротко, а насмешлнво взглянула на меня.

Должно быть, лицо мое было уднвленным, когда я рассматривал нзображенне на холсте.

Прохладный лес только что манил меня густой зеленой тенью, а здесь он... пылал!

Огненный смерч перелетал с дерева на дерево. Высокне стволы взвнвалнсь факелами. Дым стелился по земле, н сквозь него

просвечивали злые языки пламени, подкрадываясь по иссохшей траве к очередной зеленой жертве.

— Что это? — изумленно спросил я, забыв «закон гор» и все слова приветствия.

— Стихия! — ответила художница, пожав обнаженными скульптурными плечами. И вытерла кисточку тряпкой.

— Простите,— начал я.— Понимаю, непосвященным полработы не показывают. Но может быть, вы сделаете для меня исключение? — И я назвал себя.

Она улыбнулась.

— Фантаст должен понять меня.

— В чем?

— В желании увидеть то, чего нет.

— В игре воображения?

— Если хотите. Кстати, это уже не половина работы. Это — законченный этюд.

— Законченный? Он никогда не будет закончен! — запротестовал я.— Деревья горят! Я слышу их треск. Ваш холст говорит! Кричит!

— В самом деле?

— Клянусь самой фантазией!

— В таком случае он ваш.

— Что?!

— Я дарю вам холст. У меня на родине принято дарить гостю то, что ему понравилось.

— Я ваш гость?

— Конечно. Это мой дом! Здесь все мое: лес, поле, воздух! И вы пришли ко мне. А я, Тамара Неидзе из Тбилиси, студентка. И я приду к вам, чтобы узнать, что расскажет вам мой холст. Приду, если позволите, с ребятами, которым обязана тем, что написала на холсте. Я познакомилась с ними тоже на этюдах в лесу, но далеко отсюда. Идет?

Она говорила с очаровательным кавказским акцентом, выделяя отдельные слова и тем придавая им весомость. Мне ничего не оставалось делать, как принять княжеский дар.

— Спасибо, княжна! Да пылает ваш талант, как этот изображенный вами пожар!

И я двинулся дальше по лесу с удивительным подарком в руках.

Медвяные запахи или что-то еще окончательно вскружили мне голову. Ну как не понять Гёте?

Правда, придется за все это платить. К счастью, не дьяволу, а моей будущей гостье, платить рассказом о ее поразительном холсте.

Придет ли она одна? Или со знакомыми, как обещала?

И вот я сижу перед натянутым на раму полотном. Мне кажется, что от него пышет жаром. До боли жаль горящие деревья. И я как-то бессознательно поставил рядом ведро с водой. Хотелось даже окатиться с головы до ног!

Кто не вглядывался зачарованно в живое пламя костра? Для меня на картине огонь, перелетавший с дерева на дерево, был таким же живым, жадным, жгучим. И попадавшие в его раскаленные лапы стволы извивались, как от боли, корчились, загорались с треском, с пальбой, рассыпая снопы искр, от каждой из них вспыхивал новый язычок пламени, разбухал, наливался алой краской и превращался в ревущий факел с черной дымящейся шапкой.

И все это шипело, стонало, грохотало, сливаясь в море огня. А перед тем...

2. Хромой

Хромой начал свой путь наверняка в десяти километрах ниже Хабаровского моста через Амур, близ устья полугорной речки Тунгуски. (Не путать с Подкаменной Тунгуской, впадающей в Енисей.)

Он начал свой путь там, где у села Ново-Каменка высится базальтовый холм — «Пагода Дьявола». Черная борода «Каменного Пришельца» из дальних мест свисала, извиваясь окаменевшими прядями, и была для него указанным еще в Майами ориентиром.

Перед засухой последний дождь в тайге застал Хромого именно у камнепада, превратившегося на час в черный кипящий «смолопад», ниспадающий с крыши Пагоды.

Неспешной походкой опытного искателя женьшеня отправился Хромой на север, уклоняясь к востоку. Если бы кто-нибудь заглянул в его котомку с двойным дном, то удивился бы при виде человекоподобных корней целебного растения, поскольку до их изумрудных зарослей было еще далековато.

Велика слава банчуя, велико суеверное преклонение перед ним. Хромой, конечно, прекрасно знал, что лишь после того, как в изумрудной зелени на смену ароматным цветам появятся сплюснутые с бороздкой в центре темно-красные почечки-ягоды, можно выкапывать корень.

Однако не встретилось на пути странного искателя женьшеня изумрудной зелени, зато попались дикие, долго цветущие золотистые пуговки пижмы, похожие на маленькие солнцелюбивые подсолнухи. Встретились и прямые высокие деревья с бархатной корой. Через ажурную крону на высоте семиэтажного дома виднелись летящие в небе облака, а о бархат коры было приятно потереться щекой.

Хромой все знал об этом дереве, даже предание, что оно расцвело когда-то в саду рыбака, чтобы принести черный жемчуг, который тот тщетно искал на дне моря, чтобы его отваром вылечить дочь. Черный жемчуг с дерева спас больную.

Но черный жемчуг может принести владельцу несметное богатство. Больных, готовых все отдать за целительное средство, много, ой как много! Если умело добывать жемчуг и ловко торговать, будешь с большой прибылью! Да и не только черным жемчугом или женьшенем заниматься можно, но и пробкой (растут в тайге и такие деревья).

Есть и целебные травы! Эх! Не раскинулись в тайге плантации «растительного золота», принадлежащие ему, Хромому.

На пути он встречал и сосны-книги, на коре которых неведомыми письменами якобы начертаны судьбы людей. Но едва ли смог прочесть свою судьбу Хромой по изогнутым линиям на тонком, как бумага, слое коры кривых сосен. Не разобраться ему в таинственных знаках, полукружьях, точках, овалах и углах.

Неукротимая сила влекла Хромого вперед. Некогда ему было размышлять о своей горькой судьбе, пусть даже запечатленной

здесь злыми духами! О прошлом же он и вспоминать не станет.

Отец, властный бородач с ниспадающим на глаза чубом, происходил из уссурийских казаков. Сулил сыну миллионы с таежных плантаций, посылая его учиться в университет. Грамотный помощник нужен был ему! А сам, подавшись сначала к атаману Семенову, а потом к барону Унгерну, сложил за неправое дело свою чубатую голову.

Но почему за океаном, куда занесло его сына, пал выбор на Хромого?

Нет, не сразу удалось им подобрать подходящего человека: на все готового «собирателя женьшеня». Нужен был изгой, отпрыск белогвардейцев, который не простил красным ни своего изгнания, ни пропавших надежд, безродный и беспринципный. Именно таким и был Хромой. И даже его хромота говорила в его пользу.

Вот его и забросили. И он оказался в тайге, богатства которой он считал отнятыми у него, чьи предки служили еще царю-батюшке, а он служит тем, кто обещал ему вернуть надежду детских лет, обогатить, прославить, отомстить за все! Озлобленный, по-звериному осторожный, он шел вперед не задумываясь. За него все было продумано. У Хромого было припасено в котомке с двойным дном нечто более существенное.

Хромой шел и шел, бездумно, безучастно ко всему окружающему, двигался, как запрограммированный компьютерами в подвале ЦРУ автомат.

И лишь спустя многие недели, изнемогая от жары, пройдя несчетные распадки, обойдя лесистые сопки, стал он вынимать из котомки и бросать в высохшую траву металлические пластинки. Воровски оглядывался и, по-звериному мягко ступая, шел дальше и дальше в таежную глухомань.

Впереди должна была встретиться Великая Просека, пробитая в вековом лесу энтузиастами, стремящимися обжить таежную глушь, проложить через нее стальные полосы пути.

Казалось поначалу, что Хромой шел к этим людям, но, что-то почуяв, круто свернул на восток и зашагал к океану, хоть и было до него еще море лесов.

Стояла редкая для этих мест жара. Иссохшая трава шуршала. Пот застилал прищуренные глаза Хромого. Но он, припадая на левую ногу, все шел и шел, оставляя за собой разбросанные пластины. Силы уже были на исходе, но Хромого гнал теперь помимо чужой злой воли еще и обуревавший его страх.

В давно пройденном им распадке лежала в траве пластинка, по цвету похожая на отстрелянную гильзу. Олень, поведя великолепной рогатой головой, нечаянно наступил на нее и сразу отскочил, почуяв недоброе. Задымилась под копытом сухая трава, а пластинка ожила под жгучими лучами солнца, свернулась и воспламенилась.

Загорелась трава. Легкий ветерок раздул огонь и погнал к ближнему дереву. Дым окутал листву, потом дерево загорелось, сначала у корня, а затем жадные языки взвились к ветвям. Еще миг — и в смолистый факел превратилась нарядная черная береза, какой не встретишь в других местах земного шара.

Крепчал ветер, раздувая пожар. Скоро огненная стена двинулась, гоня прочь перепуганного оленя.

Бушующее пламя губило вековые исполины. Гибли сосны,

пахучий кедрач. Огонь приближался к Просеке Молодых, грозя баракам, первым строениям и деревянным мостам новой дороги.

Казалось, ничто не остановит огненного вала и он сметет все, что дерзко возвели здесь люди.

3. «Немыслима зимой гроза»

Дивизия поднялась по тревоге в воздух. И не тихоходные вертолеты, а быстрые самолеты друг за другом вереницей полетели над тайгой, сберегая минуты, секунды...

В одном из них как на подбор сидели тридцать три богатыря и с ними дядька Черномор, то бишь сержант, которого звали Спартаком. Носил он, как и все, тельняшку, форму и берет десантника. Восточный разрез глаз как-то не вязался у него с рельефными чертами лица, доставшимися от отца, механика полярной станции, а потом видного инженера. Мать же его из оленеводческого стана тоже переехала в большой город.

А рядом со Спартаком сидел его друг Остап, маленький, верткий, подвижный, даже озорной. Потому частенько доставались ему наряды вне очереди.

— Эх, траншеекопатель зря не взяли! Другое бы дело было!— вертелся на своем месте Остап.— Я бы подсуетился и на парашюте его спустил прямо в нужную точку.

— Твой канавокопатель от слова «копаться» происходит. А нам время дорого,— возразил Спартак.

— Так и я про то же! Канаву бы пропахать! И на худой конец — полосу. Испокон веков так делали. А тут без всякой техники летим. Вроде нагишом.

— А тельняшки на что? Пока моряки в них, в тельняшках, они во всеоружии.

— Так то моряки! Они на море...

— А у нас — вон она, тайга!— Остап кивнул на иллюминатор.— Мо-оре! Как в песне!

И он запел о зеленом море тайги под крылом самолета.

Ребята подхватили.

А в переднем салоне самолета шел спор совсем на другом уровне.

Знаменитый лесовед профессор Знатьев, огромный, заросший полуседой бородой, с озорными глазами навыкате, стучал по столику тяжеленным кулачищем:

— Продолжаю утверждать, генерал Хренов, что задуманный вами эксперимент — авантюра! Вы легкомысленно пренебрегаете Великим Опытом! Вот так.

Молодой генерал-майор инженерных войск, невысокий, голубоглазый, по сравнению со своим воздушным собеседником казался очень спокойным.

— Позвольте уточнить,— возразил он.— Под Великим Опытом вы имеете в виду традиционные методы тушения лесных пожаров?

— Да, да, да! Традиционные, то есть многократно проверенные, оправдавшие себя! Это противопожарные просеки, канавы, схожие с противотанковыми рвами, наконец, встречные пожары, не оставляющие огненному валу пищи. Бесспорно, тут нужен труд тысяч

людей. Потому-то мы и обратились к вам, военным, располагающим людскими резервами. А вы предлагаете какие-то там взрывы. Что это дает? Вы лишь скомпрометируете славное имя героя Великой Отечественной войны генерал-полковника Хренова, командовавшего инженерными войсками при защите Ленинграда. Мы в блокаду вашего деда просто боготворили.

— Аркадий Федорович мне дед лишь по военной специальности, к сожалению. Кстати, всегда славился новаторством.

— И Великим Опытом.

— Позвольте тогда уточнить это понятие с помощью одного сонета.

— Сонета? Так их о любви пишут!

— Не только. Эта форма вмещает любую мысль.

— Извольте, читайте. Но что вы докажете?

Молодой генерал чуть заметно улыбнулся и продекламировал:

Сверкнет порой находка века,
Как в черном небе метеор,
Но редко славят человека,
Слышней — увы! — сомнений хор.

«Жрецы науки» осторожны,
«Великий Опыт» — их глаза;
— «Открыть такое невозможно!
Немыслима зимой гроза!»

Запретов сети, что сплетает
Преградою «науки знать»,
Тому, кто сам изобретает,
Эйнштейн советовал не знать.

Наука к Истине идет,
Но движется «спиной вперед»!

— Ну знаете ли! Я усматриваю личный выпад. Извольте иметь в виду, что моя фамилия происходит не от слова «знатность», а от древнерусского «знатье»! Я из лесников вышел. И произносить мою фамилию надо «Знатьёв»! А кроме того, это не сонет. Вы уж меня извините! В сонете прехитрая рифмовка, тут что-то не то.

— Вы говорите об архаической форме, а здесь английская рифма, как у Шекспира в его сонетах. А к науке у меня отношение самое уважительное, как и к вам! Разве прогресс возможен без учета прошлого опыта?

— Вот то-то! Нельзя без этого. А вы очертя голову бросаетесь в горящую тайгу, а просек прокладывать не намерены, раз без пил и трелевочных тракторов в путь необдуманно собрались. А взрывы — это из другой оперы.

— Ну это мы увидим. Жаль, но вам придется с самолетами вернуться на базу.

— Да вы что, генерал! Думаете, я полетел с вами слушать сонеты? Дудки! Я прыгну вместе с вами и вашими ребятами, чтобы убедиться в вашей неправоте и успеть принять действенные меры через филиал Академии наук. Рация у вас будет?

— Разумеется. А вы, профессор, позвольте уточнить, с парашютом прыгали?



— Не прнходилось.

— Тогда наденете парашют с автоматикой. А то занесет невесть куда. Спускаться будете, как все десантникн, в затяжном прыжке. Эхолот даст команду на нужной высоте. Парашют раскроется сам собой. Вот только, может быть, с дерева придется слезать. Сумеете?

— Я, молодой человек, уже говорил вам, что из лесников вышел. Лес люблю н знаю. Мальчишкой гнезда разорял. Позже — нзучал. Ученые до преклонных лет сохраняют такие навыки, как, скажем, скалолазание. Деревья — полегче альпинизма.

— Восхищен вами, профессор!

Из кабины пилотов вышел штурман и что-то доложил генералу. Тот поднялся:

— Сигнал, как условлено!

И стал надевать парашют. Потом помог также облачиться и профессору.

4. Атака

Радиосигнал прозвучал во всех отсеках самолета.

Десантники вскочили с мест. Спартак распахнул дверь, и его ребята выстроились за ним в очередь.

В проеме дверн виднелось зеленое море тайги, о котором только что пели, подернутое сейчас дымкой не то поднявшегося тумана, не то спустившегося облака. Но это был дым пожарнща.

Парашюты с автоматикой. Затяжной прыжок всем знаком. Придется лишь над самыми кронами деревьев поуправлять парашютом. Ну это дело привычное!

Спартак видел неподалеку от себя под удлиненным куполом Остапа, который подмигивал другу, подтягивая стропы, чтобы прнземлиться поближе к нему.

Рядом в воздухе летели и генерал Хренов с профессором Знатьевым. Глядя на своего оппонента, совершавшего первый в жизни затяжной прыжок, генерал думал, что и он по существу пошел сегодня в свой первый затяжной прыжок в огонь. Но сколько лет предшествовало тому! Сколько теоретических расчетов, выкладок, учтенных мелочей! Давно Хренов готовился к этому дню. И вот теперь лицом к лицу встречается с огненной стихией. Получится ли все так, как он рассчитал? Удастся ли дерзкий замысел, который должен сберечь стране несчетные гектары сохраненного леса, заменить многотрудные усилия тысяч и тысяч оторванных от своего дела людей?

Генерал опустился на землю между двумя черными березами. В лнстве третьей барахтался профессор Знатьев. Ему удалось отстегнуть пояс. Оставив парашют «украшеннем» дерева, старый лесовод довольно проворно спустился на землю.

— Что ж? Будем начинать?—спросил он отдышавшись.

— Уже начали,—отозвался генерал.

5. Бой

Десантники прнземлились цепочкой, в том же порядке, как выстраивались у люка самолета, только расстояние между бойцами теперь было больше. Они сразу прнступили к делу.

Профессор придирчиво наблюдал за нх действиями. Онн подбегалн к деревьям н надевали на них заранее приготовленные пояса со взрывчаткой, н так расчетливо, чтобы прн взрыве дерево валилось не куда придется, а строго по направлению намеченной просеки.

Знатьев хозяйским глазом лесника зорко поглядывал, чтобы не пропустили какое-нибудь дерево, будто это и не он убеждал только что генерала в его неправоте. Впрочем, профессор действительно не был уверен в успехе. Не бывало еще такого. Как это там в сонете? «Немыслима знмой гроза?» Да, но науке известны знмние грозы, нзвестны! Так что... Только не похоже, чтобы удалось здесь устроить нечто небывалое вроде «зимней грозы»!

Знатьев поймал себя на мысли, что допускает возможность удачн, но не с первого раза. И сам сразу утешил себя, что прн таежном пожаре времени для повторных попыток нет. Эх, если бы генерал оказался прав!

Десантники в беретах и одних тельняшках мелькали между деревьямн, соедняя саперным проводом стволы. Таких отрядов, как у Спартака, высадилось с парашютами великое множество, растянулись онн на многие километры. Сколько же деревьев они опоясалн? Наверное, тысячи.

Потом разом (по раднокоманде) все отошли в глубь леса, оделн курткн, построились.

Старый лесник давно уже прнметил здоровенный ствол кедра в

три обхвата, к нему и потянул профессора генерал Хренов. Там, оказывается, уже устроили КП, в укрытии сидел связист с рацией. Генерал пригласил Знатьева спуститься в укрытие. Но профессор хотел видеть своими глазами, что произойдет.

И он увидел. Увидел, как беззвучно дрогнули шеренги опоясанных деревьев. Потом прокатился гром «зимней грозы». Зеленые шеренги повалились разом, будто деревянные солдатики под порывом ветра. Падали, цепляясь друг за друга ветвями. И когда вершины их коснулись земли, разом, как поднятые ноги танцовщиц, подскочили стволы. Это сработали взрывчатые пояса.

И сразу все смолкло. Казалось, гром повредил барабанные перепонки.

Лес широкой полосой, словно скошенный единым взмахом исполинской косы, лежал поверженный, образовав широкую просеку.

Просека возникла. Профессор должен был это признать. Но она не преграда огненному валу! Уж это-то старый специалист по лесным пожарам отлично знал. Лежащие на земле деревья горят точно так же, как и стоящие на корню. Их нужно бы теперь оттащить в сторону, а посередине просеки вырыть ров. Тогда это походило бы на дело. Но тракторов и землеройных машин нет!

Над возникшей просекой на бреющем полете пошли самолеты. Они сбрасывали какие-то предметы, похожие на бомбы или мины, но никто не бежал в укрытие. Бойцы подхватывали сброшенные снаряды и закапывали их под стволами поваленных деревьев.

— Иван Степанович! — обратился к ученому Хренов.— Теперь самое опасное — направленные взрывы. Прошу в укрытие. На строительных работах они, как вы знаете, творят чудеса. В мгновение ока насыпают плотины, поворачивают русла рек. А у нас перебросят поваленные стволы к краям просеки и заодно проложат противопожарные траншеи.

Про направленные взрывы профессор слышал немало. Запустив руку в бороду, проворчал:

— А деревья ты ловко уложил, как ветровалом. Только в районе тунгусского взрыва 1908 года такое видел в конце тридцатых годов в экспедиции Кулика. Но там они все лежали веером.

— Взрыв там был ненаправленный. Он произошел над землей на высоте около десяти километров,— заметил генерал.

— Но ведь до сих пор докопаться не могут, что там взорвалось,— ворчал Знатьев.

Спустились в укрытие у могучего кедра. Спартак и другие командиры отвели десантников подальше в лес.

И грянул гром. Заряды взрывались под лежащими стволами попарно: сначала у краев, потом ближе к середине и наконец по оси просеки.

Взрывы следовали один за другим, словно запоздавшие летние грозы разом теперь в неимоверной спешке обрушились на тайгу.

— Зимой надо было, зимой! — крикнул в ухо генералу Знатьев.

— Почему зимой? — удивился генерал.— Ведь пожар-то летний.

— Эх ты! А еще сонеты сочиняешь. А кто про «немыслимые зимние грозы» писал? Ну ладно, кончилось? — все еще ворчливо добавил профессор, выбираясь из укрытия.

А посмотреть было на что!

После того как рванули цепи направленных взрывов, сваленные предварительно деревья взлетели в воздух и вместе с массой земли рухнули на тайгу. Воздух стал чёрным, непрозрачным. А линии продолжали рваться одна за другой. Новые стволы взлетали в воздух и ударялись о стену оставшихся на корню деревьев. Некоторые из них не выдерживали удара и валились тоже.

Сама же просека, усыпанная черными комьями земли, походила на вспаханное поле со зменстымн траншеями, в которых взрывались заряды направленного действия. Не осталось на черной полосе и пожухлой от жары травы. По обе же стороны просеки стены стоящих на корню деревьев были как бы подперты завалами из штабелей свежесрубленных деревьев.

— Ну, брат,— разглаживая усы, сказал Знатьев, обращаясь к Хренову.— Верно я сказал. Я всегда верно говорю. Разжалуют тебя в лейтенанты. Так и будет.

— Как так?— удивился Хренов.

— Вот чудак! Все ему разжевать надобно! В генерал-лейтенанты разжалуют. Понял?

Хренов улыбнулся:

— Вы же говорили в подполковники.

— Ишь чего захотел! Сразу до деда добраться! Так ведь нет звания генерал-подполковника.

— Мне и лейтенанта хватит, лишь бы огонь остановить,— отшучивался Хренов.

— И ведь без единой пилы,— восхищался профессор.— И топоры не стучали! И трелевочных тракторов не было! Чисто сработано! Только не зазнавайся. Бывает, с первого раза получается, а во второй что-ннбудь да помешает.

— Я постараюсь.

— Да уж постарался, вижу. Ты скажи мне, Вася, сколько тебе минут на всю операцию понадобилось.

— По расчету, Иван Степанович,— сорок две. На деле — сорок пять.

— Вот видишь!— назидательно произнес профессор.— А лесорубам с бензопилами, с тракторами и прочей техникой — по плану двадцать два дня. А на деле — весь летний сезон. Вот так.

Разговарнвая, профессор и генерал перебрались через ближний завал и вышли на Новую Просеку.

6. Перекур

На противоположной стороне завала собрались десантники вокруг Спартака и Остапа.

— В любом деле изюминка — перекур. Может изменишь слову, закуришь?

— В лесу? Ты что? Очумел?— с деланным ужасом, смеясь глазамн, воскликнул Спартак.— Еще пожару наделаешь. Да и спичек нет.

— Ладно. Я подожду,— покорно согласился Остап.— Вот подойдет огонь к просеке, я и прикурю. Сатана огневой, поди, сговорчивей тебя будет.

Дружный хохот покрыл его шутлнвые слова. А Спартак достал

газовую зажигалку и дал другу прикурить:

— Я ж говорю, спичек нет. А вои и генерал наш с гостем места на трибуне занимают.

— Мест хватит. Да и смотреть — одно загляденье! Мудро придумано,— отозвался Остап, показывая рукой на рваные черные траншеи и обугленные пеньки, тянувшиеся редкой щетиной до завалов, где нз-за переплетенных веток, припорошенных черной землей, стволов почти и не видно было.

Все сильней и сильней пахло гарью. И вот началось...

Десантники, генерал н профессор, как завороженные, смотрели на появившихся у края леса олеиней. Пятнистые, они сливались с таежной зеленью, не решаясь перебраться через древесные завалы. Чуяли близость людей. Но огонь наступал.

Разом, как по команде, на просеку высыпало множество рыжих белок. Быстрыми огоньками перемахнули они через траншеи, взлетели за завал, на котором сидели десантники, и исчезли в плотной зелени.

Но одна из белок отстала, ковыляя и волоча за собой хвост н оставляя на черной земле длинную бороздку.

— Раненая,— сказал Спартак.

— Так я сейчас! Помогу ей мигом! — крикнул Остап и кинулся на Просеку.

Рыжий комочек метнулся в сторону. Но Остап бросился за ним, падая, вытянул руки и умудрился схватить зверька. Но тотчас вскочил, нстошно крича. Подранок умчался вслед за сородичами.

Остап же тряс окровавленной правой кистью:

— Укусила безмозглая! Ведь помочь хотел!

Укус был серьезным, кровь текла ручьем. Санинструктор сделал пострадавшему перевязку по всем правилам полевой медицины. Остап же во время перевязки шутливо грозил всему кусачему племени. Ребята подтрунивали над ним, а Спартак мрачно заметил:

— Подвел ты меня. Думал, операция без потерь пройдет, а ты... Осторожным надо быть...

На просеку выскочили зайцы.

Раздались улюлюканье и крнки:

— Ну, заяц, погоди!

— Остап! Ловн!

Зайцы испугались криков, заметались, словно путали следы на черной вспаханной земле, потом помчались все разом, как спущеиная со своры стая собак, и исчезли в завалах.

И тогда на просеку выскочили олени. Рогатые самцы, а за ними ланки с оленятами бежали прямо на десантников. Звери обезумели от страха и удушливой гарн, наполнявшей воздух. Десантники посторонились, чтобы дать стаду пройти. Изящно перескочив барьер из поваленных стволов, пятнистые животные слились с таежной зеленью.

Немного в стороне через просеку ковылял мишка в опаленной местами шубе.

— Михайло Иванович! Милости просим! — кричал Остап.

— Уймись ты, подранок,— цыкнул на него Спартак.

Но Остап заорал еще громче:

— Хлопцы, зырьте! Наш, в тельняшке!

— Тише ты, дурило! Это же властелин тайги!

— Иди, бери голыми руками, как бельчонка,— слышалось с разных сторон.

— Его нельзя. Он в Красную книгу записан. Уссурийский тигр,— отозвался Спартак.

Могучий зверь легко перескочил через завал, вильнув полосатым хвостом, и вышел на Просеку, осторожно, по-кошачьи грациозно ставя лапы на черную землю, словно боясь их запачкать. Величественно продефилировал мимо десантников.

— Ишь, зазнался, полосатый! Тельняшка-то твоя, как у зебры!

Тигр не оглянулся и исчез.

— Сдается мне, есть еще один зверь, записанный в книгу,— заметил Спартак.

— В Красную?

— Нет, скорее в «черную». Только не знаю, где его найти, как следствию помочь.

— Сам найдется,— заверил Остап.— Побродит, побродит, да к нам и выйдет о двух ногах, как миленький.

Но никто «о двух ногах» не вышел на Новую Просеку.

Хромой был где-то далеко.

7. Огонь

Генерал обходил отряды.

Спартак вскочил, приложив руку к берету:

— Разрешите доложить, товарищ генерал. Задание выполнено.

— Потерь нет?— спросил Хренов.

— Есть один раненый.

— Что? Укрылся плохо? Комом земли или веткой задело?

— Никак нет, товарищ генерал, бельчонок укусил.

— Хорошо, что не тигр,— улыбнулся генерал.

Едва Хренов обошел отряды, появился огонь.

С шипением, с дымовой завесой, посланной ветром вперед, шел огонь в атаку на дерзких людишек, издали пугая душной гарью.

И затрещали в тайге залпы невидимых ружей, заухали взрывы лопающихся стволов, взвивались огненные фонтаны, как от разорвавшихся снарядов. Стихия огня рванулась вперед и налетела на... пустоту. И замерла, кружась в ярости на месте. Хотела захватить завалы поверженных деревьев, но, присыпанные землей, они не желали загораться. Побежали было, как по бикфордовым шнурам, струйки дыма по оставшимся кое-где полосам жухлой травы, но скоро сникли, зачадили. И тогда в бессильной злобе огненная стихия попыталась опалить людей лютым жаром, задушить гарью и дымом. Но ребята в тельняшках только посмеивались, отплевывались и чихали.

И не смогла пройти огненная злость через преграду, не прорвалась к великой таежной стройке.

И уже в бессильном бешенстве ринулся пожар вместе с переменившимся ветром на восток.

8. Она пришла

Тамара пришла ко мне на дачу, как обещала, со Спартаком и Остапом, получившими внеочередной отпуск.

Остап, знакомясь, уверял меня, что он специалист по всему внеочередному (может, он имел в виду наряды?) и необыкновенному.

— Вот Тамара-то у нас! Она необыкновенная! Потому и пожар у нее на холсте, как заправский. Обжечься можно.

— Мы сравним,— сказал я.— Этот камин у себя в комнате я сложил сам. Мы разожжем дрова. Сейчас найду спички.

— Не надо,— остановил меня Спартак.— Там, на таежном пожарище, нашли обугленные человеческие кости и остатки котомки с несгораемым контейнером, спрятанным когда-то в двойном дне.

— Что же в нем было?

— Корни женьшеня и вот это.— И он протянул мне пластинку.— Кладите под дрова и ударьте ее поленом.

Я так и сделал. Пластинка съежилась, как живая, и воспламенилась. Дрова разом разгорелись.

— Теперь рассказывайте,— приказала мне «княжна».

И я рассказал, что «услышал» от «говорящего холста».

— Все это поведал холст?— спросила Тамара, когда я кончил.

— Значит, и про Спартака и Остапа он рассказал? Правда, я думала о них, когда писала этюд.

— Но откуда вы узнали, что преступник хромой?— спросил Спартак.

— А это не так?— осведомился я.

— Дело в том, что среди обугленных костей сохранился протез. Заграничный. Так что все сходится и здесь. И про генерала нашего и про профессора тоже похоже,— как бы вслух думал Спартак.— Ну тридцать три богатыря — это для красного словца...

— А сам генерал Хренов не придет сюда?— забеспокоился Остап.

— Да ты что? Он же в дивизии остался. Ему внеочередной не положен!

— Нет, почему же,— возразил я.— Генерал-полковник Хренов вполне может прийти. Он ко мне заходит. Соседи. Рассказывал и о своем однофамильце молодом.

— Вот почему у вас все так правдиво,— заключил Спартак.

— А вот и неправда! Поймал я его, поймал фантаста!— закричал Остап.— Как там у вас сказано? «Припадая на левую ногу?»

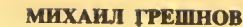
— Да, кажется, на левую.

— А вот и неверно! Протез-то нашли с правой ноги! Эге! Неправильно это у вас!— И Остап поднял палец.

— Я не виноват,— усмехнулся я.— Это холст! Ведь в нем события отразились как бы в зеркальном изображении.

— А вы мне нравитесь,— сказала художница.— Я нарисую вам еще что-нибудь. И вы будете рассказывать мне.

Я был счастлив.



МИХАИЛ ГРЕШНОВ



ГАЛИ

Фантастический рассказ

«Это не было сном».

Стоит ли писать дальше? Гордеев откладывает перо. У него лаборатория, тема «Деятельность подкорковой области мозга». Ведутся интересные опыты. Есть результаты, почти готовый доклад. Через месяц он должен выступить на ученом совете.

«Не было сном». Может быть, зачеркнуть написанное? Гордеев один в лаборатории. Сотрудники давно ушли домой. В окнах васильковое весеннее небо. Мартовский вечер.

«Исключительный случай для науки — ничто,— думает Гордеев, наблюдая за тем, как в окнах гаснет голубизна.— Нужно подтверждение его. Или отрицание. Третьего в исследовательской работе не дано».

Опыты подробно фиксируются. Гордеев перелистывает лабораторный журнал. Последний опыт — двадцать второй. Глаза привычно бегут по строчкам. Все здесь известно, вытвержено наизусть. И все-таки надо перечитать еще раз. Гордеев закрывает журнал и кладет в портфель. Нет, не сейчас, дома.

За порогом Гордеева встретил долгий сибирский вечер. По горизонту синь, проколотая золотом первых звезд. Над вершинами сосен — здания института в лесу.

До дома недалеко, но Гордеев не спешит. Он продолжает думать о двадцать втором опыте. Вот тогда и случилась оплошность: Гордеев забыл проветрить вытяжной шкаф. А в нем оказались остатки нитроцезина. Гордеев надышался его парами.

Такая оплошность случилась впервые. При воспоминании о ней пожилому ученому становится неловко, хотя сейчас он наедине с самим собой.

Нитроцезин мог остаться от предыдущего опыта. Но почему шкаф не был проветрен по его окончании?

Гордеев сворачивает с тротуара в лес, на тропинку, протоптанную его молодыми сотрудниками. Тропинка ведет на поляну, где иной раз назначают друг другу свидания парни и девушки, лаборан-

ты Гордеева. Ученому хочется, чтобы сейчас здесь никого не оказалось. Да, к счастью, совершенно безлюдно. Гордеев становится под сосной, слушает далекий шум города.

Нитроцезин — яд. В малых дозах — сильнейшее возбуждающее средство. Действует на подкорковые области мозга. Незаменим в опытах с обезьянами, кроликами. Подобно всем возбуждающим средствам, он может превратиться и в свою противоположность при определенной дозировке. Задача лаборатории — найти этот порог, чтобы можно было использовать нитроцезин как лекарство. Против наркомании.

Доступ к нитроцезину имеют кроме Гордеева двое старших лаборантов. Исполнительные парни. Но дело сейчас не в этом. Когда Гордеев надышался парами нитроцезина, он почувствовал себя неважно. Придя домой, прилег на тахту в кабинете.

Все это Гордеев помнит отчетливо. Принял валидол: сердце покалывало. Поправил подушку, выключил торшер и закрыл глаза. И тут все реальное исчезло, все изменилось. Гордеев превратился в учителя Карпа Ивановича. Шел по широкому двору к школе. Вот хорошо знакомые четыре ступеньки крыльца. В то же время Гордеев помнил школу полуразрушенной, сожженной во время гражданской войны. И двор знал другим, заросшим лебедой и крапивой,— не раз играл здесь с мальчишками. Но сейчас он был учителем Карпом Ивановичем, который шел на занятия.

Ребятишки, стоящие на ступенях, сдергивают шапки, кричат: «Здравствуйте, Карп Иванович!» Гордеев здоровается, входит в здание. Коридор с большими выходящими во двор окнами, двери в классные комнаты — их три. Карп Иванович знает, где какой класс, хотя сам Гордеев этого знать не мог: мальчуганом лазил в развалинах школы, и никаких дверей и окон там уже не было, как и потолка над головой. Но в этот момент Гордеев был Карпом Ивановичем, ребятишки называли его по имени-отчеству, а он знал каждого из ребят в лицо. И еще знал, что до звонка десять минут и что дома осталась стопка тетрадей, сходить за ними нет времени. Но можно послать кого-нибудь из учеников.

— Миронов! — окликает Карп Иванович.— Петя!

— Я! — шустрый мальчонка подбегает стремительно.

— Сбегай ко мне,— говорит Карп Иванович,— принеси тетради по арифметике.

Мальчонка от усердия таращит глаза, и они у него разные — карий и серый.

— Мигом! — напутствует его Карп Иванович.

А Гордеев знает, что этот самый Петя Миронов станет на селе первым комсомольцем и повяжет на шею ему, Гордееву, пионерский галстук. Тогда Гордееву исполнится девять лет, и он будет удивляться разным глазам Миронова.

А сейчас Карп Иванович миновал коридор, взялся за ручку двери учительской. Ручка металлическая, холодная, дубовая дверь подалась с трудом.

Но тут Гордеев как бы очнулся.

Карп Иванович — прадед Гордеева. Гордеев его не помнит: родился за полгода до смерти учителя. Школа, где прадед преподавал, сгорела в 1920 году. Разноглазый Петр Миронов старше Гордеева лет на десять. Принимал Гордеева в пионеры. Погиб во

время Великой Отечественной войны. Все это Гордеев знал и ранее. А сейчас, после «пробуждеиия», перебирал в памяти.

Сон, конечно. Но какой странный. Как мог Гордеев так перевоплотиться в Карпа Ивановича?

Гордеев еще чувствовал холод от дверной ручки, тяжесть дубовой двери. И вся эта сцена с учеником Петром Мнроиовым. Гордеев подсознательно чувствовал, что все так когда-то и пронсходило в действительности.

В семье рассказывали о прадеде Карпе Ивановиче. Он был учителем трехклассной приходской школы. Когда-то участвовал в турецкой войне, был в рядах героев Шипки. А предки Карпа Ивановича были казаками, бежавшими от господского гнета на Дон, защищали свон границы от набегов крымских татар, пахали землн Дикого поля. Гордеев по пронсхождению тоже казак. Но сейчас иное время, другие цели. Пятидесятилетний ученый живет в Снбирн. Совсем редко бывает на Дону в родных местах.

Небо совсем потемнело, и ярче стали звезды. Гордеев идет назад, всматривается в тропинку, в лесу уже темно. Почти сталкивается с парой, идущей навстречу.

— Максим Максимович, вы?

— Ах!—слышится женский голос.

Гордеев узиает Юреиьева, лаборанта, и Лизу, свонх сотрудников.

— Думаем, кто это?—Юреньев останавливается.

— А вечер-то, вечер!—щебечет Лиза.

— Проходнте,—Гордеев уступает тропинку.

Выходит на тротуар. До дома трн квартала. По дороге вспомииает, что было дальше.

В ту ночь, когда ои видел первый сон, под утро прнснился второй.

Улица. Широкая, бесконечно длинная под ослепительным небом. Кругом мужчины, женщины, дети. В середине толпы верховые, с пиками, с шашками наголо, телега, запряженная двумя парами лошадей.

— Везут! Везут!

Из дворов, нз мазанок по сторонам улицы выглядывают старики, старухи.

— Везут!

Гордеев, он же одновременно Федька Бич, в толпе вместе с ребятишкамн-сверстникамн, с казаками, н желанне у него одно: взглянуть на человека в телеге. В толпе слышится:

— Степан, батюшка наш!

— Тимофеевич!..

— Ну, ну!—конвойные грозятся плетками.

— Степан Тимофеевич!—напирает толпа.

А у Гордеева—подростка Федьки—одио желание: хоть разок взглянуть на человека в телеге.

— Кормилец наш!..

— Стороннсь! Стороннсь!—верховые оттирают толпу.

— Ворогн!—несется им в лица.—Погодите ужо!..

Казаки взмахивают саблями, людн шарахаются в сторону. И тут Федька на мгновенне виднт человека, распластанного в повозке: рукн

привязаны к брусьям по сторонам, ноги к нижним доскам. Но его лицо! Изуродованное, синее от побоев, рот — кровавая рана! И только глаза — зоркие орлиные очи — оглядывают толпу, конвой. Они ободряют людей, зовут. На миг встречаются с Федькиными глазами. И — чудо: конвой, разгоняя людей, отступил от телеги. Федька бросается к ней, вцепляется в деревянный брус.

— Степан Тимофеевич!

Глаза атамана темнеют, приближаются к глазам Федьки, голова приподнимается с окровавленных досок. Губы шевельнулись:

— Живи!..

Удар плетью ожег спину Федьки, распорол рубаху. Другой конвойный за шиворот оттаскивает Федьку от телеги, швыряет в толпу.

Гордеев просыпается весь в поту.

Федька Бич! Это же Федор Бичев, пращур Карпа Ивановича! На Дону есть и хутор Бичев. Может, Федор — основатель хутора?.. Так и идет линия: Федор Бичев, Карп Иванович. Бабка Гордеева — урожденная Бичева, мать из той же семьи. И только он, Максим, Гордеев по отцу.

Все это странно — сны, родословная. Гордеев вспоминает недавний разговор с Константином Юреньевым.

Двадцать первый опыт проводил он. Пользовался вытяжным шкафом. Все это отражено в лабораторном журнале. Но как попал в шкаф нитроцезин? В журнале о препарате ни слова.

Когда Гордеев спросил об этом Константина, тот казался смущенным.

— Вы мне не доверяете? — спросил он, едва шеф заговорил о вытяжном шкафе.

Вопрос был нелеп. Секунду Гордеев смотрел на лаборанта. Лицо Юреньева покрывалось красными пятнами:

— Максим Максимович!..

— Ну что вы, голубчик, — начал успокаивать его Гордеев. — О недоверии нет и речи!

В конце рабочего дня Юреньев подошел к нему.

— Я что-нибудь сделал не так, Максим Максимович?

— Надо проветривать вытяжной шкаф, — спокойно сказал Гордеев.

Кажется, Юреньев ожидал чего-то другого. Он заговорил извиняющимся тоном.

— Простите меня, Максим Максимович. Я вас понял.

Но вот эти сны. А может, не сны? Может, реакция организма на какие-то стрессы, которых у каждого немало? Гордеев входит в свой подъезд.

Жена, Екатерина Игнатьевна, и двенадцатилетний сын Геннадий увлеклись телевизионной передачей.

— Катя, — говорит Максим Максимович, — я отдохну в кабинете.

Жена, не отрываясь от экрана, отвечает:

— Чай будет через полчаса.

В кабинете Гордеев вынимает из портфеля лабораторный журнал, кладет на стол.

Но сам он к столу не садится, ходит по комнате из угла в угол. Что-то его беспокоит.

Не сны, которые он только что вспоминал. Не записи о двадцать втором опыте. Беспокоит что-то неоформившееся, неосознанное. Неоконченный доклад? Нет. Юреньев? Гордеев замедляет шаги, останавливается посреди комнаты. В голову лезут обрывки фраз, мимолетные картины повседневной жизни. Нет, не Юреньев. Но все-таки то, что беспокоит, относится к лаборатории, к работе.

Гордеев садится на софу. «А вечер-то, вечер!» Это сказала Лиза, повстречавшаяся на тропинке в лесу. «Максим Максимович — вы?» — голос Юреньева. Гордеев окончательно теряет нить раздумий. Размышляет о Юреньеве.

Обычный работник, как десятки других ассистентов и лаборантов. Окончил Томский лесохимический институт. Усердный, исполнительный. Гордеев чувствует, что мысль его зашла в тупик. Так о чем он все-таки думал? Гордеев хочет сосредоточиться.

«Максим Максимович!..» — опять голос Юреньева, но уже в лаборатории. Гордеев тогда прервал его на полуслове. Что же он хотел сказать, лаборант?

— Макс,— в дверях Екатерина Игнатьевна.— Чай готов.

— Спасибо,— Гордеев поднимается с софы, подходит к столу, где на подносе дымится горячий чай.

— Спасибо,— повторяет он, хотя Екатерины Игнатьевны в комнате уже нет: она опять у телевизора.

Гордеев пьет чай и садится наконец за журнал. Все здесь изучено сто раз. Однако Гордееву вспоминается вязкий, приторный запах. Нитроцезин!..

Гордеев поднимает голову: вот что его беспокоило. Сны и нитроцезин связаны! Точнее, нитроцезин вызвал необычные сны. Может, случайность?.. «Но позволь,— говорит сам себе Гордеев,— не было нитроцезина — не было снов. Появился нитроцезин — появились сны. Вывод?»

До вывода еще далеко, но Гордеев чувствует, что нашел правильный путь. С минуту он сидит, полузакрыв глаза, ищет решение. И находит: двадцать третий опыт он сделает с нитроцезином. Рискованно? Да. С ним шутки плохи. Но решение принято.

Ложась спать, Гордеев принимает таблетку валидола: сердце покалывает.

Утром предстояло совещание в Новосибирске. Машина ждала у подъезда. Ученый подосадовал, что опыт, который он во всех деталях обдумал, придется отложить. Но все же он распорядился приготовить все приборы и препараты, которые будут необходимы.

— Четыре грамма нитроцезина,— добавил он в заключение.

Список составлял Юреньев, при упоминании о нитроцезине вопросительно вскинул глаза на шефа.

— Четыре грамма,— подтвердил тот, поднимаясь с табуретки, чтобы идти.

Естественно, такое распоряжение не могло не вызвать недоумения. Ведь для прошлых опытов требовались десятые доли грамма препарата. Зачем столько понадобилось сейчас?

— Максим Максимович,— спросил Юреньев,— кто вам будет помогать: я или Сердечный?

— Ни вы, ни он,— ответил Гордеев.— Работу буду проводить я сам.

Лаборанты кивнули и, пока Гордеев шел к двери, смотрели ему в спину, озадаченные.

— Что это значит?— спросил Сердечный, когда шеф покинул лабораторию.

— Не знаю,— ответил Юреньев.— В последнее время он, кажется, никому не доверяет.

— Нам?— спросил Сердечный.

— Мне-то во всяком случае!— удрученно ответил Юреньев.

— Так...— протянул Сердечный. Он с любопытством взглянул на Юреньева. Что-то с ним происходит. Вот и Лиза неделю ходит зареванная. Может, у нее с Константином не ладится? Но и Максим Максимович никогда с сотрудниками не был столь резок, как нынче. И еще удивило Сердечного: двадцать третий опыт шеф хочет проводить сам. И этого раньше не бывало...

Совещание было обычным, и Гордеев почти не слушал ораторов. Думал о предстоящем опыте, о жене. Екатерина Игнатьевна моложе его на двадцать лет. В сущности он мало ее знал. Растила сына, заботилась о муже. Впрочем, какие заботы? Дежурная фраза: «Чай будет через полчаса». И действительно, каждый раз ровно через тридцать минут приносила в кабинет стакан горячего, но скверно заваренного чая. Завтракал и обедал Максим Максимович в академической столовой вместе со всеми сотрудниками. О домашнем уюте как-то не думалось. Все мысли поглощали исследования. Вот и сейчас, когда кончилось совещание, он поехал не домой, а в лабораторию, хотя рабочий день кончался.

Здесь все было готово: реактивы, химическая посуда, журнал для записей, в отдельной пробирке — нитроцезин, щепоть желтых полупрозрачных кристаллов.

Работа предстояла привычная. Цель опытов получить радикал, капли жидкости. Поскольку компоненты и дозировка веществ менялись, радикал по концентрации никогда постоянным не был. Тут же его анализировали на содержание вещества, которое должно было стать основой лечебного препарата — анаркотина, как его уже окрестили в лаборатории. Если этого вещества оказывалось на миллиграмм больше, чем в предыдущем опыте, работа считалась удачной. Если меньше — очередной опыт проводили с иной дозировкой исходных веществ. Все это было так привычно, что Гордеев работал почти механически.

Проходит час, полтора. Заветная капля жидкости получена. Анализ показывает: радикал есть, но в совершенно мизерном количестве, однако Гордеева интересует сейчас совсем другое, чем всегда. Когда опыт закончен, горелка в вытяжном шкафу еще горяча. Ученый бросает на раскаленный металл щепотку желтых кристаллов и закрывает клапан в потолке вытяжного шкафа. Дверцы же оставляет открытыми и через минуту ощущает приторный запах нитроцезина. Некоторое время сидит неподвижно, только убедившись, что порошок испарился, кладет перед собой лабораторный журнал, описывает проделанный опыт. Он еще не уверен, все ли изложит так, как было. В конце концов то, что он делает, непозволительно. Подвергать себя риску, который даже нельзя себе представить,— разве так поступают солидные ученые? Он размышляет о моральном праве ученого распоряжаться своей жизнью.



Примеров самоотверженного служения науке сколько угодно. Профессор Штоль в Цюрихе исследовал на себе препарат LSD, американский врач Смит ввел в кровь яд кураре, Мечников и Минх привили себе возвратный тиф... Иногда такие опыты оканчивались удачно, иногда трагически. Есть риск и в опыте с нитроцезином. Но ведь в прошлый раз с ним, Гордеевым, ничего плохого не случилось. Покалывало сердце? Так оно болело и раньше.

Сны — это другое дело. Надо понять, откуда они. Виновен ли в их появлении нитроцезин. Если причина в нем, открывается новая область исследований. Какой ученый устоит перед такой волнующей перспективой? Даже отягощенный многими обязанностями академик? Даже если у академика больное сердце?..

Размышляя подобным образом, Гордеев не заметил, как его голова опустилась на стол, на скрещенные руки.

Очнулся он от множества голосов:

— Хула! Хула! — слышалось рядом, вдали подхватывали: — Хула!

Секунду он еще боролся со сном, но кто-то прямо в ухо ему крикнул:

— Гали!

Это было его имя, и он вскочил на ноги.

Перед ним зиял синий просвет — выход из пещеры. Туда бежали люди и, на мгновение осветившись солнцем, пропадали в сиянии дня.

— Хула! — кричали уже снаружи пещеры.

Гали, он же Гордеев, понял, что это означает, и ринулся из пещеры. Солнце ослепило его, он прикрыл глаза рукой, а когда отдер-

нул руку, увидел долину, зелень трав и кустов и в начале долины, там, где сходятся крутые холмы, стадо мамонтов.

Он тоже закричал: «Хула!» — метнулся назад в пещеру, откуда выбегали мужчины с топорами в руках, нашарил у стены, под шкурой, на которой спал, топор и опять выбежал из пещеры.

Охота уже началась. Старый Хак разделил мужчин на две группы. Одной указал на кусты. Мужчины, пригибаясь к земле, побежали к кустарнику и мгновенно исчезли в нем. Другую группу Хак возглавил сам. Гали попал в эту группу и отлично знал, что́ именно вместе с другими он будет делать. Хак прокричал несколько слов женщинам, и те стайкой тоже метнулись в кусты. Гордеев понял, что они посланы набрать веток и хворосту.

Между тем Хак, махнув рукою стоявшим возле него, быстрым шагом двинулся направо от пещеры, где долина сужалась и через узкий проход смыкалась с другой, которую со всех сторон обступали крутые скалы.

Мужчины бежали за Хаком, размахивая топорами, но уже не кричали — так распорядился старый вождь.

Охотники обогнули скалу и цепочкой перекрыли горловину живым кордоном. Гали оказался в середине цепочки. Хак сказал:

— Ур!

Это значило: тут твое место. Гали подчинился властному окрику и понял, что ему надо делать. Он врубился топором в почву и стал долбить небольшую траншею — шага четыре в длину. Одна сторона канавы должна была быть пологой, другая уходила под дерн, образующий козырек над выдолбленным проемом.

Тем временем женщины выскочили из кустарника с охапками веток и стали передавать по цепочке мужчинам, которые нетерпеливо переминались с ноги на ногу.

Гали выбирал самые крупные ветки со смолистой сухой хвоей. Старый Хак торопил женщин, и кучки хвороста перед охотниками росли на глазах.

Гали выдолбил топором канаву, осмотрел козырек, который нависал на одной ее стороне, начал закладывать под козырек хворост и ветки.

Долина расстилалась перед ним, и стадо мамонтов — их было восемь или девять — паслось по брюхо в траве; это порадовало Гали: животные опасности не чуяли.

Но вот женщины вернулись в пещеру и вынесли огонь. Побежали вдоль ряда охотников, каждому бросили горящую ветку.

— Гарь! — крикнул Хак.

Охотники стали раздувать огонь, каждый под своей кучей хвороста. Гали тоже стал раздувать огонь в канаве под козырьком.

Как только показался дымок, в противоположном конце долины, за спинами пасущихся животных, послышались крики. Это охотники первой группы, пробравшиеся туда под прикрытием кустарника, спугнули мамонтов и направили их на линию разгоравшихся костров.

Все это так и должно было быть. Гали одобрил действия соплеменников. Твердо знал и свою роль в охоте. Он лег на землю плашмя и, подтянув ветки под козырек из дерна, яростно дул в огонь. Пламя в маленьком подземелье разгоралось с трудом. Но это так должно было быть, краем глаза он наблюдал за животными.

Стадо на минуту остановилось, мамонты сгрудились и двинулись

к горловине. Подслеповатые звери еще не видели пламени: в ярких лучах солнца оно почти не было заметно. Гали яростно дул под козырек. Пламя постепенно разгоралось, но не вырывалось наружу, только дымок вился над канавой.

А костры по правую и левую руку пылали в полную силу, стадо мчалось уже галопом. И вот животные заметили огонь, но остановиться уже не могли. Тут и пригодилась ловушка, которую им приготовил Хак.

Животные не побежали на огонь, двинулись к промежутку между кострами, где над землей вился синий туман.

— Гарь!—закричал Хак лежавшему на земле Гали.

Тот дул под козырек изо всех сил.

— Гарь!—вопил Хак.

Ветки в канаве наконец вспыхнули, и Гали увидел, что стадо мчится на него. Первым надвигался огромной горой вожак, клыки его просвечивали сквозь высокую траву, хобот был поднят, пасть открыта, мутная слюна тянулась из нее—бег утомил животное. Гали весь напрягся. И когда мамонт оказался в четырех-пяти шагах, выхватил из костра самую большую головню, прыгнул наперерез вожаку и ткнул ее животному в пасть.

Гигант словно наткнулся на стену, встал на дыбы и, взмахнув в небо громадным хоботом, рухнул на землю.

Гали схватил топор и перерубил ему сухожилие на задней ноге. Другие охотники рубили сухожилия на остальных ногах. Стадо повернуло и помчалось навстречу орущим загонщикам.

Проснулся Гордеев все в том же положении—со склоненной на руки головой. В лаборатории было темно—за окнами стояла ночь. Подняв голову, Гордеев несколько минут пребывал в том далеком первобытном мире, который еще не ушел из сознания. Видел гиганта зверя, рухнувшего на землю, охотников, кровь, хлеставшую из разрубленных ног. Слышал одобрительный крик старого Хака: «Ай-я! Ай-я!» Ощущал запах дыма, травы.

Огляделся по сторонам, провел рукой по лицу. Он был в лаборатории, в своем кресле. Протянул руку к выключателю, зажег свет. Вытяжной шкаф оставался открытым, журнал для записей тоже. Ученый прочел: «Опыт двадцать третий». Гордеев захлопнул шкаф и закрыл журнал. Поднялся с кресла.

Когда выходил из института, шел по улице, перед глазами то и дело возникала разверстая пасть гиганта зверя, в которую он швырнул горящую ветвь. Как просто оказалось справиться с мамонтом. Животное рухнуло от поразившего его шока!

Гордеев удивлялся спокойствию, мужеству Гали, схватившегося со зверем один на один. Так и должно было быть. Но вот самому сну он не поражался, как тогда, когда ощутил себя Карпом Ивановичем. Эксперимент завершен удачно, подтвердил сделанное открытие. В чем оно? В том, что прошлое живет в памяти. Карп Иванович, мальчик Федька, далекий Гали с сыном—все это нисходящая линия его родословной. Пережитое ими заложено в подкорковых тайниках мозга. Значит, перед человеком открывается его прошлое!

Вернувшись домой, Гордеев писал до утра. Исписанные листы

складывал в папку, ученый торопился, как охотник, напавший на свежий след. Если бы в эти часы кто-нибудь заглянул через его плечо, он увидел бы, что ученый ведет речь не только о нитроцезине. Ряды длинных формул, касающихся синтеза новых веществ, тянулись строка за строкой, выстраивались в колонки. Гордеев снимал с полок справочники по фармакологии, физиологии, делал математические выкладки и опять возвращался к органической химии.

Окончив работу, аккуратно уложил исписанные листы в папку и завязал тесемки. Походил по комнате. Потом опять сел за стол, положил перед собой список работников лаборатории, несколько раз просмотрел его, подчеркнул одно из имен, сказав вполголоса: «Конечно, конечно!..» Раздался телефонный звонок. Гордеев снял трубку и положил подальше от аппарата. Снова взялся за справочники по физиологии, химии.

К обеду почувствовал себя плохо, в три часа Екатерина Игнатьевна вызвала «скорую помощь».

Врачи, опасаясь инфаркта, предложили госпитализировать ученого.

В больнице Гордеев лежал, вытянув руки поверх одеяла, и почти не открывал глаз. Врачи после каждого обхода, беззвучно прикрывая в палате дверь, многозначительно переглядывались, и это свидетельствовало о том, что Гордееву плохо.

На четвертый день, однако, пришло улучшение, и он попросил, чтобы пришел Юреньев.

— Нельзя,— пытались отговорить его врачи, но Гордеев настаивал:

— Надо.

Юреньев появился в белом халате, с цветами, которые он положил на тумбочку.

— Садитесь, голубчик,— сказал Гордеев и, когда тот устроился на табурете, спросил: — Помните давешний разговор в лаборатории о проветривании шкафа?.. Вы мне хотели что-то сказать?

— Хотел,— ответил Юреньев.

— Говорите сейчас.

— Мне не хотелось бы вас волновать...— начал Юреньев, но, увидев, как на него смотрит больной, переменил тон: — Хорошо, хорошо.

Разговор вышел долгий и касался вещей удивительных.

— Я злоупотребил нитроцезином,— рассказывал Юреньев.— Но это все получилось чисто случайно: попало несколько кристаллов в огонь... «Так и должно было быть»,— говорили глаза Гордеева, и Юреньев, как нерадивый школьник, отвел взгляд в сторону.

— Было это в тринадцатом опыте,— продолжал лаборант,— и сразу же начались галлюцинации, я бы сказал, сны наяву. То я видел себя мальчишкой, купающимся в реке с ватагой сверстников-сорванцов, мог бы назвать каждого по кличке или по имени, хотя, признаться, давно всех забыл. Видел себя танкистом в бою на Волоколамском шоссе. Но это был не я — мой отец. Видел Москву при Дмитрии Донском, строил Кремль из белого камня.

— Я повторил проделку с нитроцезином в двух последующих опытах. Галлюцинации повторились. И это меня испугало. Лиза обеспокоилась, не зная, что со мной происходило. Но когда я

попробовал вдыхать нитроцезин дома над горелкой газовой плиты, галлюцинации ие возникали. При очередиом опыте в нашем вытяжном шкафу они пришли вновь. В чем дело? Провел опыт в соседней лаборатории — галлюцинаций ие было...

Гордеев был крайне заинтересован рассказом н нетерпеливо кивал головой, когда лаборант останавливался.

— Возвратился к нашему шкафу,— продолжал Юреньев,— галлюцинации пришли вновь.

— Да,— кивнул головой Гордеев.

— И тогда я пришел к выводу, что нитроцезин в опытах — не главное.

— Совершенно правильно,— подтвердил учеиый.

Минуту он лежал с закрытымн глазами. Потом спросил:

— Что же, по-вашему, главное?

— Компоиенты, которые сопутствуют нитроцезнну.

— Уточните.

— Калий, хлор,— иачал перечислять Юреньев.— Цезий...

Гордеев кивал на каждом слове и, когда Юреиьев остановился, сказал:

— В определенных пропорциях.

— Вопрос в том,— иачал Юреиьев...

— Имеино,— подхватил Гордеев,— в каких пропорциях. И еще в том, что интроцезин — лишь катализатор.

На какое-то время они замолчали. Затем Гордеев взял папку, лежавшую на кровати рядом с подушкой, и сказал:

— Вот здесь кое-что уже намечено. Работы ох как много. Но она теоретическн обоснована. Здесь расчеты, формулы. Возьмите посмотреть. Это вам будет интересно. По иекоторым прнзнакам я догадался о том, что случившееся со мной произошло и с вами.

Юреиьев взял папку, сказал:

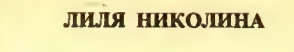
— Спаснбо.

В дверь уже иесколько раз заглядывал врач, но Гордеев жестом показывал, что посетитель скоро уйдет.

Они все говорили и говорили.

В ночь ему стало хуже. Врачи суетились, давали лекарства, ставили капельницу. Но Гордеев не открывал глаз. Он был в пещере, ходил по ней, садился к костру, ел мясо, зажаренное на углях. Рядом с ним сидели и ели мясо люди, которых он иазывал по именам,— Аху, Клак. После еды он пошел в угол пещеры (там, в темиоте, угадывалась поникшая фигура сына) и лег на шкуру медведя — ики. Почувствовал, как у него звенит и кружится в голове. На миг перед ним прояснилось, ои повернул голову, увидел вход в пещеру, клочок неба. Ему захотелось туда, в долину, на зелеиый ковер, где пасутся могучие клыкастые хула. Захотелось увидеть солнце. И он увидел его... Еще раз, как в тумане, проплыли перед глазами люди, сидящие у костра... И только потом, не сразу, пришел мрак.





ЛИЛЯ НИКОЛИНА

КУКУРБИТА

Фантастический рассказ

Этот телефоиный звоиок оказался для меня полной иеожиданностью. Вообще в этот день я собирался хорошенько поработать. Только-только я разложил на столе все бумаги, посмотрел в окно, где сиег мешался с дождем, и с удовольствием сел на свой удобный вертящийся стул, как зазвонил телефон. Я снял трубку раньше, чем осозиал, что мне меньше всего хочется разговаривать, когда иа столе заманчиво белеют чистые листы, а рядом спокойно расположились ручки и карандаши. Я снял трубку, и оттуда полился его густой ровный голос. Ои говорил по-английски, и я ие сразу понял его.

— Я в Москве, капитан, и гораздо раньше, чем ты думал, не правда ли? Буду у тебя минут через пятнадцать. Меия подбросят иа машине. Так что жди...

Ребята в экспедиции прозвали меия капитаном за то, что я не расставался с отцовской морской фуражкой.

Едва я успел убрать в стол бумажки и иатянуть свитер, как в дверь позвонили. Джеймс стоял в дверях такой же экзотический и оживлеиный, каким я запомиил его в горах Принца Чарльза. Даже ярко-зеленая вязаная шапочка, чудом держащаяся иа его пышных волосах, казалось, была та же. В руках у иего был довольио большой сверток, который он осторожно положил на тахту. На зимовках мы привыкли ие задавать лишних вопросов, и я ни о чем его ие спросил.

Весь этот день мы провели у меия. Вместе приготовили иезамысловатый обед и сидели иа кухне, вспомииая общих друзей и события, казавшиеся из иашего далека уже ие опасными, а забавными, мои частые розыгрыши и мистификации, которыми я старался разиообразить иаш досуг на зимовке, и обиды Джеймса, все поиимающего буквальио и всерьез. Я с удовольствием употреблял забытые английские слова и выражения того холодиого антарктического года, который мы провели вместе иа австралийской станции иа берегу моря Содружества, деля ие только комиату, но и свое свободиое время, мысли, мечты и даже привязанности.

Когда стемиело, Джеймс собрался уходить. Уже на пороге ои обериулся и, кивиув на сверток иа тахте, сказал:

— Совсем забыл, капитан. Это тебе на память о моей экспедиции. Мы все-таки построили теплицы. А эту — я вырастил сам.— Он оглядел мою комнату.— Я думаю, она украсит твой интерьер. Здесь, пожалуй, не хватает теплых красок.

Помня экзотические вкусы Джеймса, я недоверчиво развернул сверток. На меня полыхнуло ярким оранжевым светом. Среди серой бумаги лежала большая спелая тыква.

— Бери, бери. В ней солнце моего последнего лета в Антарктиде. Думаю, мне туда снова уже не придется отправиться. Другое время — другие планы. Я вырастил их две штуки. Одну мы съели, а эту — привез тебе.— Он ласково погладил ее гладкий блестящий бок.— Она простоит долго, не меньше года. Хороша, правда? — Осторожно взяв тыкву, он поставил ее на верхнюю книжную полку.— До свидания, кукурбита!

Видя мой недоуменный взгляд, засмеялся:

— А ты все такой же недоучка, капитан. «Кукурбита» — по-латыни тыква.

Джеймс был биологом и никак не хотел мириться с моими более чем скромными знаниями его предмета.

Кукурбита до сих пор стоит у меня на верхней полке, но, увы, больше не согревает холодный интерьер моей комнаты.

Поначалу я не замечал в ней никаких перемен. И, наводя порядок, ласково вытирал ее пыльной тряпкой. Марине я не разрешал этого делать. Я представлял, как Джеймс каждый день приходил в теплицу смотреть, как подрастают его маленькие кукурбиты, и очень боялся разбить ее. Она и впрямь излучала такое тепло, что в моей комнате становилось светлее в эти пасмурные дни ранней зимы.

Марина, которую я не успел познакомить с Джеймсом, относилась к тыкве крайне подозрительно и не разделяла моего удовлетворения «сельскохозяйственным интерьером». Несмотря на недавность нашей дружбы, Марине разрешалось делать в моем доме все, что ей заблагорассудится. Она могла заглядывать в мои рукописи, читать любые письма. Вероятно, она именно поэтому ни к чему не проявляла особого любопытства. Однако к тыкве испытывала явный интерес. Пыталась расспрашивать меня об антарктической теплице Джеймса, и, поскольку, естественно, я не мог ничего толком объяснить, отделываясь общими фразами, интерес этот еще увеличился. У нее появилась привычка, когда она бывала у меня, располагаться на тахте, прямо против книжных полок и молча раздумывать о чем-то своем, не сводя глаз с золотистой тыквы. Не скажу, что меня это радовало. Сам я человек не слишком контактный, и Маринино щебетание мне всегда доставляло удовольствие. Теперешние ее раздумья меня смущали. Но, как я уже говорил, антарктические экспедиции приучили меня не задавать лишних вопросов. Я ждал, когда Марина сама что-нибудь скажет. Но то, что она сказала, удивило меня до крайности.

— Не кажется ли тебе,— сказала она,— что кукурбита уже не такая золотистая, как прежде? По-моему, оранжевой ее уже никак не назовешь.

Мне пришлось включить верхний свет, чтобы убедиться, что Марина права.

На следующее утро я снял тыкву с полки и поднес к окну. В

бледном зимнем свете я увидел на золотистых гладких боках множество мелких зеленых пятнышек. Кукурбита уже с трудом сохраняла желтый цвет.

В очередном письме к Джеймсу я в шутливой форме упомянул об этом. Он тотчас же написал мне, выразив недоверие, однако задал ряд вопросов, касающихся моей квартиры. Отвечать на письмо мне было лень, и я решил это сделать несколько позже. Но позже развернулись события, которые вынудили меня ответить на все вопросы Джеймса вполне серьезно. Я долго не получал от него писем. Потом из случайного разговора в нашем институте узнал, что Джеймс уехал в Юго-Восточную Азию преподавать в одном из новых университетов.

После периода задумчивости и непонятных размышлений к Марине вернулся весь ее оптимизм. Мне даже стало казаться, что ее жизнерадостность не соответствует возрасту. Как-никак сорок лет вполне серьезный возраст, даже если женщина очень хороша собой. Вероятно, Марине и раньше было свойственно несколько наивное отношение к жизни. По крайней мере наши общие знакомые дружно признавали это. Мне же казалось, что наивность Марины — форма ее таланта. Она была очень необычной художницей. Ей удавалось понять и выразить такое, что мне и моим замысловатым друзьям не приходило в голову. Но в последнее время я все чаще думал, что переоцениваю ее способности.

Она полюбила оставаться у меня до утра, чего не делала раньше, как бы я ни просил ее об этом. Просыпалась полная сил и в хорошем настроении. Подолгу рассматривала себя в зеркало.

— Мне на пользу твой микроклимат,— говорила она не раз.

За последнее время она очень помолодела и похорошела. Но вместе с внешними переменами у нее появились черты и манеры, свойственные гораздо более молодым людям, я же не слишком ценил общество девиц и юных женщин. Марина сосредоточилась на себе, у нее появилась категоричность высказываний и нескрываемое равнодушие к собеседникам. А я ее любил за мягкий нрав, нежность голоса и почти несвойственную современным женщинам пластичность движений. Теперь все исчезло. Как-то утром, разглядывая спящую Марину, я с испугом понял, что слово «молодая» уже не подходит ей. Ее щеки были так нежны, губы так румяны, а дыхание таким легким, что мне пришло на ум другое слово — юная. И все же такую я не любил ее сильнее. Я больше любил другую Марину: с ласковыми, все понимающими глазами, с печальной складочкой у рта и несколькими седыми волосками у пробора. Кстати, где они? Тщетно я пытался их увидеть. Маринины волосы посветлели, и седые волоски стали золотисто-коричневыми. Что происходит у меня дома?!

На первый взгляд все по-прежнему: замерли книги на своих полках, на полу дымится серо-голубой вьетнамский ковер, у окна — мой рабочий стол, как всегда, с одной только рукописью (все остальное спрятано в ящики) и подставка для цветов. Недавно я купил на рынке цветущую фиалку, но она, простояв день, начала разрастаться, листья закрыли цветы, и она больше не цвела. Я перевел глаза на кукурбиту, которая теперь не выделялась на фоне сероватых стен, скорее сливалась с ними. Где ее прежние оранжевые тона! Тоже помолодела, что ли? При этой мысли у меня замерло

сердце. Я опять посмотрел на спящую Марину, на кукурбиту, на пустую подставку для цветов. Осторожно встал н отправился в ванную комнату, где внсело зеркало. Оттуда на меня посмотрел не слишком веселый, довольно моложавый мужчина с юношески твердым овалом лица. Существует мнение, по крайней мере среди полярников, что Антарктида консервирует людей, а иногда даже слегка омолаживает их. За последние годы я совсем ие нзмеиился, но утверждать, что помолодел, все-таки не мог. Я вздохнул с облегчением. Но Марина и кукурбита? Ближе к весне тыква, казалось, потяжелела н цвет ее стал темно-зеленым.

Наконец н нашн друзья заметили перемены. Кто-то сказал, что Марина сделала пластическую операцию н боится показываться на глаза старым знакомым. А ей было просто скучно с ними. Она подружилась на своей работе с молодежью, училась ездить на мотоцикле н не снимала белые джинсы н спортивную рубашку. В одном она не изменилась. По-прежнему любила меня. Даже, пожалуй, сильнее. И мне все труднее было скрывать свое равнодушие к ее юной красоте, и я все больше тосковал по иашим прошлым задумчиво-нежным вечерам.

Я убрал кукурбиту. Отдал на хранение товарищу, строжайше приказав хранить как зеницу ока. Однако иа следующий день Марина заволновалась и потребовала вериуть ее, а главное, начала прнставать ко мне с вопросами. Я же ие мог рассказать ей о моих странных размышлениях и вновь поставил тыкву на верхнюю полку, где она засверкала зелеными боками над моими книгами н журналами. Я раздобыл иовый адрес Джеймса н написал ему еще одио письмо. Но ответ долго не прнходил.

Наконец в день моего рождения я получил длинное письмо с поздравлением. Джеймс подробно писал о своей новой работе н обещал во время отпуска по пути домой побывать в Москве и обсудить странные события, происходящие в моем доме. А потом... потом в один нз светлых весенних вечеров, когда бывает необъяснимо грустно на душе, я вдруг понял, что больше не люблю Марину. И тоска, какой я никогда не зиал раньше, заволокла мое сердце и разум. Тоска по былой любвн, когда переворачивалось сердце от милого голоса в телефонной трубке, а запах Марининых волос напоминал запах нагретой солнцем травы. Теперь ее голос казался мие манерным, а волосы пахли французскимн духами, которыми торговали в ближайшем магазине н на которые задумчиво н безнадежно смотрели юные девицы из моего дома. Мне было все равно н оттого бескоиечно больно. Кажется, именно в этот светлый весенний вечер я начал догадываться...

Я прочитал все, что мог, на русском и на английском о бнополе. О бнополе человека н о биополе растений. Неясными оставались связн. Я знал, что мне надо бы побывать еще раз в Антарктиде. Однако иичего не предпринимал н лишь иетерпелнво ждал Джеймса.

В последнее время я стал испытывать сильное беспокойство. Стал рассеян н медлителен. Несколько раз терял ключи от машины и от квартиры. Не мог вспомнить, куда спрятал последнюю фотографню Марины, которую сам же у нее выпросил, с тем чтобы повесить над тахтой. Это послужило причиной первой длительной размолвки между нами. Раза два не мог вовремя затормозить, н на крыле моей серой машины появилась глубокая вмятина. Я не мог



больше скрываться от самого себя. Мне предстояло сделать выбор. Я понимал, что уже никогда не буду счастлив, что бы я ни предпринял. Может ли быть счастлив человек, отказавшийся от любви ради неизвестной до сих пор истины, ради чуда? Или наоборот, от чуда ради любви?..

Лекция определенно не удалась Джеймсу. Своим волнением он всегда захватывал слушателей. Там, где надо было дать тонкий и точный анализ, убедить логикой, Джеймс увлеченно входил в мир дерзких размышлений вслух, вызывая огромный интерес студентов. Зал, где он читал лекции, всегда был переполнен. Приходили с других курсов и факультетов. Тщетно коллеги обвиняли его в излишней эмоциональности и даже в легкомыслии. Он лишь застенчиво улыбался в ответ и повторял полюбившиеся ему слова Рабиндраната Тагора: «Река истины протекает через каналы заблуждений».

Но сегодня ему все было безразлично. Голос звучал монотонно, доводы казались легковесными. Ему никого не удалось убедить, и это впервые не волновало его.

Вечерело. Болела голова, настроение ухудшалось, и он решил пройти к дому через ботанический сад. Джеймс вспомнил, как на станции Моусон он увлеченно рассказывал товарищам по зимовке о чудесах природы. Все любили слушать его, особенно Дима. Красивые у русских имена. Дима. Как звучит это имя в тишине ботанического сада, вернее леса. Дорожку, по которой он шел, еще можно было разглядеть, хотя здесь, среди густого кустарника и

деревьев, было темно. Вот на лужайке сверкнули большие оранжевые цветы Cucurbita maxima, похожие на цветы кукурбиты, которую он отвез в Москву Диме. К тыквам у Джеймса всегда было особое пристрастие. У себя дома он выращивал всевозможные сорта: маленькие полосатые ханки, стройные длинные тыквы, напоминающие вазы и кувшины, и круглые великаны. Они украшали каминную доску, лежали на книжных полках и просто на полу, наполняя комнаты теплым оранжевым светом.

Началось это увлечение с юности, когда он прочел в «Журнале общества африканистов» о догонах, небольшом народе, живущем на плато Бандиагара. Его поразили удивительные, необъяснимые астрономические знания догонов, их мифы о сотворении Вселенной. Особенно запомнились слова о семенах тыквы, которые, «перед тем как попасть на Землю, легли на край Млечного пути» и «проросли во всей Вселенной».

В то время он был уже подростком и, конечно, не понял этого буквально. Но большие золотистые плоды казались ему живыми и теплыми, излучающими доброжелательство и покой. Этот интерес оказался достаточно сильным, чтобы определить будущую специальность и работу Джеймса: он стал биологом, а в Антарктиде изучал мхи и лишайники. Но собирая камни, к которым намертво прикипели черные и оранжевые лишайники, он часто мечтал построить на станции теплицу и вырастить особую, антарктическую тыкву. В ее исключительности он не сомневался. Пусть здесь, на краю Земли, на Куполе, обращенном в Космос, лягут и взойдут семена любимого растения догонов.

Две тыквы, которые ему удалось вырастить на австралийской станции, оказались самыми обычными, и он со смехом и легким сожалением признался себе в недопустимом легкомыслии. Они не долго украшали кают-компанию. Эти две недели перед возвращением домой были особенными. Как никогда, все полярники были здоровы, жизнерадостны и полны сил, как будто срок длительного пребывания в Антарктиде не кончился, а только начинался. Перед самым отъездом общими усилиями сварили кашу из риса с тыквой и дружно съели ее, а вторую он привез в Москву в подарок Диме.

Перед Джеймсом возникли спокойные темные глаза, добрая мягкая улыбка. Пожалуй, самым заинтересованным слушателем был именно Дима, хотя никогда ничего из биологии не мог запомнить надолго. Это всегда поражало Джеймса. Так увлеченно слушать, а затем забыть! Впрочем, и английский Диме давался нелегко. Идиоматический английский. Так, кажется, его называют русские. Дима старался делать его логичным, а какая логика в идиомах? Просто наизусть Дима не мог ничего запомнить, даже телефонного номера. Ему нужны были связи. Тогда он помнил, блистательно помнил, но только тогда. Какие странные письма получил он от Димы в последнее время. На зимовке Дима любил мистификации и розыгрыши. Джеймсу особенно доставалось. Опять его странные шутки? А сейчас замолчал. Плохое настроение и головная боль дополнились беспокойством, которое усиливалось. Последние метры он уже не шел, бежал по парку. Наконец ограда позади. Через десять минут он будет у себя дома. Он чувствовал, что ему необходимо скорее попасть в кабинет. Торопливо открыв ключом дверь, перепрыгивая через ступеньки, устремился на второй этаж. На столе, заваленном

книгами, журналами и газетами, он сразу увидел свежую почту. В глаза бросился конверт с изображением Ту-104. Москва. Конечно, от Димы! В спешке он криво разорвал письмо.

«Джеймс,
я, кажется, начал догадываться. На днях купил для Марины цветы, красивые, уже распустившиеся гладиолусы, и поставил их в воду. Они сразу же ожили, выпрямились... А сам уехал на дачу. Вернулся на следующее утро. Каково же было мое изумление, когда вместо цветков я с трудом разглядел среди свернутых листьев маленькие тугие бутоны.

Два года назад мы были вместе с тобой в горах Принца Чарльза и забрели в неизвестный оазис. Помнишь: коричневые сопки, оранжевые лишайники, изумрудное озеро? Сказка! Среди наших вечных снегов! Сразу вспомнился дом, близкие... Мне было там необыкновенно хорошо. Потом я приходил туда еще раз и пробыл довольно долго. Лежал на теплых, нагретых солнцем камнях, смотрел в небо. И мне казалось, что я — на дне огромной воронки, а там, наверху, в густой синеве неба,— открытый космос, бесконечное движение невидимых с Земли звезд. В ушах шумело, гудело. Пищала незнакомая морзянка. Одним словом — голоса Вселенной. Об этой прогулке я тебе тогда ничего не сказал: неловко было, думал, очередной приступ ностальгии. Позже, уже дома, в Москве, разговорился с нашими геофизиками (ну почему я только гляциолог!), и они мне сказали, что район вашей станции часто входит в область каспов, нейтральных воронок, где практически нет магнитного поля. Через эти каспы, как сквозь щели, солнечный ветер, солнечная плазма беспрепятственно устремляются к Земле. Оказывается, наша Антарктида — единственный континент, на котором проектируются эти области. Во всех других местах магнитосферы происходит лишь медленное «просачивание» частиц солнечной плазмы, а ее прямой прорыв к Земле возможен только через каспы.

Впрочем, ты все это знаешь лучше меня.

Что, если там, у вас на станции, возникла космобиологическая ситуация, о которой ты рассказывал нам на зимовке? Я помню, ты уверял нас, что наиболее таинственные космические воздействия связаны скорее всего с возмущением геомагнитного поля солнечным ветром. Короче, что ты думаешь о наведенном биополе? Я имею в виду твою кукурбиту.

Я не могу сидеть сложа руки и ждать твоего приезда. Попробую провести несколько простейших экспериментов с кукурбитой. Как жаль, что ты мне привез только одну тыкву.

С приветом, Дима».

Джеймс закончил читать и задумчиво сложил листки письма. Когда он оторвался от своих мыслей и вернулся к остальной почте, совсем стемнело. Он зажег свет и увидел еще одно письмо из Москвы. Очень тонкое. Приглашение? Из конверта выпал листок:

«С прискорбием сообщаем Вам, что в результате автомобильной катастрофы погиб Ваш коллега и друг Дмитрий Волохов».

...А ночью Джеймсу снился Дима, который все время смеялся и повторял: «Джеймс, не огорчайся. Ведь это — лишь розыгрыш!»

Джеймс прилетел в Шереметьево в первый жаркий день лета. Никто не ждал его, и никто не встречал. Ему повезло: несмотря на раннее утро, было много свободных таксн. Он торопливо назвал адрес и неподвижно застыл на сиденье. Москва, летом всегда оживленная н нарядиая, в этот раз не интересовала его. Когда машина повернула на Ленинский проспект, его напряжение возросло. Справа сверкнули два пруда. Поворот. Машина остановилась у большого серого дома.

«Не ходи по лестницам моего дома,— зазвучал в ушах голос Димы.— Они — пожарные. Езди в лифте. Их целых три. Выбирай любой!»

Когда лифт остановился и Джеймс остался один у знакомой дверн, все напряжение пути оставило его. Он был не в силах поднять руку и нажать иа кнопку звонка. За дверью послышались легкие шаги. Его рука рванулась к звонку. Дверь распахнулась почти мгновенно. На пороге стояла миловидная женщина лет сорока. «Джеймс?» — тихо спросила она. Он кивнул. Оиа посторонилась, н Джеймс прошел в знакомую комнату. Он посмотрел на чудесный женский портрет над тахтой, который раньше не видел, перевел взгляд иа женщину. Марина? Неужели? Она провела рукой по щеке.

— Я очень изменилась за последнее время,— сказала тихо,— все никак не могу прийти в себя после этой страшной катастрофы.

Но ои уже смотрел мимо нее, на пустую книжную полку, где когда-то, согревая интерьер, стояла ярко-оранжевая, так хорошо знакомая ему тыква.

— Кукурбита? — спросил Джеймс.

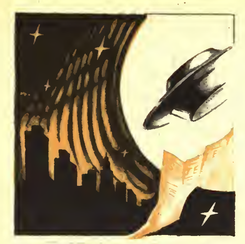
— Я...— Марина, отвернувшись, смотрела в окно.— Он не разрешал мне даже пыль с нее стирать. Всегда делал это сам. А потом... после того, как все это случилось, я стала убирать комнату, хотела снять ее с полкн, думала, она легкая, высохшая, а она оказалась очень тяжелой, н от неожиданности я ее уронила.

Джеймс, не отрываясь, смотрел на Марину.

— И разбила, конечно...

...Джеймс вышел иа улицу, в сияющий летний день. Мимо него бежал и шумел просторный Ленинский проспект. Но он не видел его, не видел веселых и оживленных солнцем и теплом людей. Перед ним высился серебристый купол Антарктиды, темнели горы Принца Чарльза и иа миг сверкнуло изумрудиое озеро. Он опять возвращался к ним...





РИЧАРД МАТЕСОН

ОДИНОКАЯ ВЕНЕРИАНКА

Фантастический рассказ

Одинокая Венерианка,
грациознейшая, полноценная во всех отношениях,
социально активная, привлекательная,
исключительно веселая,
ищет Землянина (мужчину)
с аналогичными качествами.
С предложениями обращаться по адресу:
Венера, Зеленая Вилла, Лули.

5 июля 1961 года

Дорогая Лули!

Не знаю, почему тебе пишу, но я слишком устал, чтобы думать о чем-нибудь серьезном. Тебе никогда не приходилось ночь напролет готовиться к экзаменам по астрономии? Ну так вот, именно это проделал я и в результате настолько обалдел, что не могу даже заснуть. Короче говоря, я решил написать тебе письмо. Итак, в моем распоряжении пишущая машинка, чашечка мокко-экстра и полчаса разрядки, прежде чем завалиться на боковую. Мне совершенно безразлично, живешь ли ты на Венере, на Плутоне или же в Топеке (штат Канзас), надеюсь только, что ты не собираешься всучить мне какой-нибудь товар в рассрочку.

Хотелось бы, однако, знать, живет ли в самом деле кто-нибудь на Венере, Марсе или на любом другом из этих огромных шаров, что вращаются вокруг Солнца?

Как бы там ни было, предположим, что ты ничего не знаешь о нашей старушке Земле. В таком случае — сожалею, но ты вообще ничего не знаешь. Кстати, Одинокая Венерианка, что ты имеешь в виду, называя себя «социально активной»? Берегись, как бы здесь, у

Ричард Матесон — известный американский писатель-фантаст. Его произведения публиковались в переводе на русский язык. В миниатюре «Одинокая Венерианка» автор в гротескной форме остроумно пародирует американскую фантастику с ее увлечением темой «космических пришельцев». Писатель высмеивает и некоторые стороны современной американской действительности — сенсационные сообщения о пресловутых «летающих тарелках», практику брачных объявлений.— *Прим. пер.*

иас, тебе ие пришлось предстать перед какой-нибудь комиссией по расследованию!

«Грациозиейшая, полноценная во всех отношениях». Как это понимать?

Что до меня, то я далеко не грациозен. Зато исключительио веселый. Просыпаюсь среди ночи и веселю решительно всех вокруг, особенно если Билли (моему соседу по комнате) взбредет в голову притащить сюда некую бутылочку шотландского или канадского происхождения с содержимым, добытым из ячменя.

Вы не располагаете такими вещами у себя на Венере?

Венера. Венера... «Прикосновение Венеры». Это название журнала, который мы тут иногда почитываем. Венерой звалась богиня любви, насколько я помню. Надеюсь, что ты ие похожа на иашу профессоршу Мэри К. Фелтои по прозвищу Марсианка? Если ты выглядишь, как Мэрилин Монро, я готов мчаться к тебе на первом попавшемся звездолете!

Кто я такой? Кто этот несчастный юноша, который пишет тебе в полушутливом тоие?

Имя: Тодд Бэйкер. Студент третьего курса физического факультета в Форт-Колледже в Форте, штат Индиана. Да, именно так: Форт, Индиана (Земля). А кстати, где ты в точности находишься? Попробуем определить твои координаты: среднее расстояние от Солнца — 108 миллионов километров, эксцентриситет — 0,0068, наклоиение к эклиптике — 3 градуса 23 минуты 38 секунд. Прости, что я, вместо того чтобы быть «исключительио веселым», увлекся цифрами. Ничего ие поделаешь — поневоле станешь таким после всех этих интегралов. Дифференциалов. Функций от функций. Смотри, Венерианка! Может, тебе лучше остаться одинокой в своей деревушке?

Повторяю: Тодд Бэйкер. Принадлежу к мужскому полу. Вот уже три дурацких года в этом дурацком колледже готовлюсь к невероятно мрачной жизни, целиком посвященной изучению этих сверкающих точечек, которые кто-то имел нахальство разбросать там, наверху, в вечном мраке.

Но не мог же я оставаться в стороне! Знаешь, я даже плакал по ночам. Нет, я не отступлю! Я должен поставить градусник Галактике и сделать диагноз, что пациент постарел: ему осталось жить всего лишь 95 миллиардов лет.

О'кэй! Не будем отвлекаться и говорить о предметах столь же печальных, сколь абстрактных. Вернемся на Землю. Диаметр: 7900 миль. Но ие спрашивай, почему так. Это секрет.

Я — землянин (мужчина) с аналогичными твоим качествами. Мне 22 года; это означает, что я нахожусь в процессе физического и умственного роста, во всяком случае физического в течение 22×365 дней, поскольку Земля тратит 365 дней на обращение вокруг Солнца, а один день представляет собой время обращения вышеуказанной планеты вокруг собственной оси. На Земле есть некий континент, открытый в свое время одним землянином, отправившимся в далекое путешествие. На означенном континенте существует страна, именуемая США. В ней находится штат Индиана, в Индиане — Форт. В Форте есть Форт-Колледж. В Форт-Колледже нахожусь Я. И в этом Я хватает кретинизма, чтобы писать письмо женскому существу, утверждающему, что живет на Венере.

Ну вот и все о себе. А теперь — почему бы и тебе не рассказать о

своей планетушке? Нам отсюда, снизу, ничего не удается толком разглядеть. Не могла бы ты вдобавок прислать несколько образцов минералов, растений, одежды венерианцев? Нет? Если ты просто шутница, живущая, как и я, на нашей дряхлой старушке Земле, все равно черкни пару строк, ладно? А теперь — спать. До свидания!

Тодд Бэйкер.
1729, Джей-стрит, Форт, Индиана.

7 июля 1961 года

О дорогой Тоддбэйкер!

Получила твое милое письмо. Безумно благодарна! Как хорошо! Если б у меня был еще новый словарь! Но его нет. Прости.

Получила чудесное послание. Пришло очень быстро, доставили мои опекуны. Какой ты молодец, что ответил Лули! Получила только твое письмо, больше — ни от кого. Если б и ты не ответил — как грустно! Много потрудилась, чтобы поместить объявление там, где ты его нашел. Неплохой у меня английский, а?

В твоем письме многое непонятно, в словаре не значится. Наш словарь уже устарел. «Мокко-экстра» в нем отсутствует. «Содержимое, добытое из ячменя» тоже не значится. Нет «Топеки, Канзас». Это что, планета?

Я живу на планете, которую вы называете Венерой. Планета миленькая («миленькая» — уменьшительная, ласкательная форма, правильно?).

Земля тоже миленькая, о да. Мне очень нравится Земля. Но больше всего — самый миленький человек Тоддбэйкер. Но потом мы вернемся сюда: сразу после нашей... одну минутку, должна отыскать слово. После нашей... женитьбы? Нет! Что-то другое...

«Социально активная». Это ошибка, теперь я понимаю. Я не социальная. Я — социабельная. Общественная. Общительная. Коммуникабельная. Могу иметь детей. Десять за один раз. Будешь мной доволен. Я полноценна во всех отношениях, да, очень. Ты красивый мужчина, да? Так мне подсказывает сердце. Мы будем очень счастливы.

Рада была узнать, что у тебя есть сосед по комнате. Он, конечно, не сможет быть с нами здесь на Венере. Но если Билли хочет познакомиться с другой Одинокой Венерианкой, мы познакомим его с моей подругой. У меня масса подруг. Все полноценные во всех отношениях вроде меня. Да.

Мэри-Марсианка? Не знала, что ваша планета имеет контакты с С-4. Раньше мы думали, что С-4 необитаема. Очень хорошо, что это не так. Надо сообщить нашим путешественникам, будут очень рады. Мэрилин Монро в моем словаре не значится.

О дорогой, ты не несчастный! Разумеется, самый распрекрасный мужчина! Будем очень счастливы вместе с тобой, оба красивы. О радость! Много детей. Сотня.

Этот Форт — я не знаю, где он. Я только показала эту точку моим опекунам для их сведения. Первая на Венере решила попробовать познакомиться с землянами. Если будет хорошо — а будет замечательно, да! — скажу другим.



У меня двести семь сестер. Грациозные. Все миленькие. Понравятся, когда увидишь.

Присланные тобой цифры все неверны. Прилагаю листок с правильными вычислениями, увидишь, что ваши ошибочны. Посылаю другие, хорошие вычисления, сделали их иаши путешественники. Еще посылаю коробку с минералами и прочее.

Мне уже «Л». Это означает 8 с половиной в ваших числах. Я очень молода. Надеюсь, ты ничего ие будешь иметь против женитьбы на такой... девочке? Могу уже иметь много детей. Двести по меньшей мере гарантирую.

А пока посылает тебе это письмо твоя Лули. Скоро тебя заберу. Да, тебе будет гораздо лучше здесь, на Венере, чем на вашей замороженной Земле, где воздуха так мало и он такой холодный. Здесь всегда прекрасно, всегда тепло — все 224,7 дня в году.

До скорого (?). Дорогой Тоддбэйкер! Будем очень счастливы? Да. Целую.

Лули.

«Сатэрдэй ревю»
Отдел мелких объявлений.
25 Вест, 45-я стрит
Нью-Йорк 19, штат Нью-Йорк.

Уважаемая редакция!

Я хотел бы получить разъяснение относительио иебольшого объявления так называемой Одинокой Венерианки, опубликованиого

в номере Вашей газеты от 3 июля с. г. Я написал этой особе, утверждающей, что она живет на Венере, будучи твердо убежден, что имею дело с шуткой. Однако два дня спустя получил ответ. Тот факт, что этот ответ был написан в более чем странной манере, разумеется, ничего не доказывает. Но вместе с письмом появился листок с математическими формулами, а также коробка с образцами минералов н растений, которые, по утверждению означенной «Венерианки», взяты с ее планеты.

Один профессор здесь, в Форт-Колледже, сейчас исследует эти образцы и проверяет формулы. Он еще не сделал окончательных выводов, но я абсолютно уверен, что эти образцы внеземного пронсхождения н присланы с другой планеты. Повторяю, я в этом абсолютно убежден.

Хотел бы я знать, каким образом эта особа, или кто бы там она ни была, вступила в контакт с Вами и как ей удалось поместить объявление в Вашей газете? Самым удивительным мне кажется то обстоятельство, что это объявление составлено в выражениях, не соответствующих тому респектабельному тону, на котором Вы неукоснительно настаиваете при любых публикациях в «Сатэрдэй ревю».

Эта Однокая Венерианка Лули пишет, что мечтает... «выйти за меня замуж»! Она хочет явиться сюда и забрать меня к себе!..

Умоляю, ответьте как можно скорее. Это для меня крайне важно.

Искренне Ваш

Тодд Бэйкер.
Форт-Колледж, Индиана,
10 июля 1961 года

11 июля 1961 года

Дорогой мистер Бэйкер!

Мы получили Ваше письмо от 10 июля с. г. Должны признаться, что ровным счетом ничего не поняли. В номере нашей газеты от 3 июля не было объявления, хотя бы отдаленно напоминающего описываемое Вами. Поэтому резонно предположить, что Вы стали жертвой мистификации. Тем не менее представителю нашей газеты в Форте поручено разобраться в этом деле.

Всегда готовы выполнить любую Вашу просьбу,
с искренним почтением

Директор
Дж. Линтон Фридхоффер.

12 июля, 16 часов

Дорогой профессор Рид!

Я заходил в Ваш кабинет, но Вас не было на месте. Вы не обнаружили ничего нового? Я не на шутку встревожился. Если образцы, которые Вы исследуете, не розыгрыш, то мне несдобровать! Меня бросает в дрожь при одной мысли о фантастических возможностях, которыми должна обладать эта Лули, если она в самом деле... И потом, как она смогла поместить свое объявление в «Сатэрдэй ревю»? Этого я никогда не пойму! Но я еще продолжаю надеяться, что все это — не больше, чем шутка. Если же нет...

Прошу Вас, позвоните мне сразу же, как только закончите обработку образцов.

Ваш Тодд Бэйкер.

12 июля, 19 часов

Дружище Тоддн!

Звонил профессор Рид. Он просил передать, как только ты вернешься, что эти образцы — что бы они собой ни представляли — не розыгрыш. Они прнбылн с какой-то другой планеты. А может, он сам решил подшутить над тобой? Во всяком случае профессор сказал, что ждет тебя сегодня вечером у себя дома. Мне сейчас надо уходить, думаю, что вернусь поздно. Надеюсь, она тебя не заберет, а, Тоддн?

P.S. Тут есть письмо для тебя, оно прншло после полудня.

12 июля 1961 года

О дорогой Тоддбэйкер!

Представь! Какое счастье! Будешь располагать спецнальным кораблем! Прибуду сегодня вечером. О радость! Прнготовь свон вещи, багаж. Заберу тебя к себе. Как чудесно! Прнготовься скорее.

Твоя Лули.

12 июля, вечер

Лули!

Нет! Ты не можешь сделать этого! Я — землянин, оставь меня здесь. Не приближайся ко мне. Я не желаю отправляться в «никуда». Предупреждаю тебя!

Прошу, оставь меня!

Т. Бэйкер

(Из газеты «Форт дэйли трибюн» от 13 июля 1961 года)

Светящийся шар над Форт-Колледжем

Более трехсот студентов и жителей Форта уверяют, что видели вчера вечером светящийся шар, паривший на высоте полусотни метров над Домом студентов в Форт-Колледже.

Согласно нх утверждениям, шар оставался над зданием в течение по меньшей мере десяти минут, после чего удалился по направленню к предместью н быстро исчез.

Венера, 4 бриоза, 16.233.

Мой дорогой дневник!

Вот я и вернулась. И все еще не могу понять, что же произошло. Но я ошиблась. Ах, как я ошиблась!

Я совершила большую глупость, поместив объявление в этой земной газете. А потом этот Тоддбэйкер нмел глупость мне ответить. А я-то верила — искренне верила! — что на этот раз наконец-то нашла друга. Судя по письму, он казался заинтересованным во встрече, и прнтом таким милым!

И вместо этого — о святое небо! — когда я его предупредила, что сейчас спущусь вниз, чтобы договориться обо всем, он ответил с ужасом, что не двинется с места, будто столкнулся с чем-то необыкновенно страшным. Это просто непостижимо! Но у меня был корабль, я уже находилась в пути. Неужели я должна была вернуться ни с чем? Я решила, что он просто очень застенчив. Виднмо, такова характерная черта всех живущих там, на Земле, не очень-то мужественных существ.

Поэтому я продолжала свой путь и через несколько эксов парила над местностью, где зеленые растения окружали какие-то ветхие строения. Я оставалась там не менее полуэкса, пока с помощью противопроявителя определила местонахождение Тоддбэйкера н нашла эту самую «Джей-стрит». Я затормозила корабль как раз над его жилищем, а сама спустилась на геликоптере. На фасаде здания я увидела целый ряд прямоугольных отверстий. Пользуясь портативным проявителем, обнаружила личное отверстие Тоддбэйкера н вошла туда, но с большим трудом, так как оно было слишком узким. Я вошла и ...

Ах, какое разочарование! Он держал в свонх ручоиках длинный кусок металла, направленный прямо на меня, но тут же его выронил н что-то пролепетал.

Потом шагнул ко мне с раскрытымн объятиями, прошептав какое-то слово, значенне которого я не поняла, так как в словаре его нет. «Мамочка!» — вот что он сказал. Потом он рухнул наземь как подкошенный.

Я наклонилась, чтобы осмотреть его.

О! Какое разочарование! Такой крохотный, щуплый и бледный! Об аналогичных качествах не может быть н речн. Можно только удивляться, как эта раса ухитрилась выжить! Итак, я оставила его, бедняжку.

А ведь совсем недавно была полна самых радужных надежд! Теперь я снова одниока! Без друга. Потому что здесь у нас — так сказали мон опекуны — об этом нечего н думать ввиду острой нехватки особей мужского пола. А на других планетах, которые нсследованы намн, тоже ничего подходящего нет. Вот так-то. Но может быть, хоть однн где-нибудь найдется?

20 июля 1961 года

Дорогая мнссис Бэйкер!

Было бы хорошо, если б Вы пнехали и забрали Тодда хоть ненадолго домой. Он не ходит на лекции и ничего не ест. Единственное, что делает,— сидит как нстукан на одном месте, глядя прямо перед собой. Ночами не спит, а если и забудется ненадолго, то очень тревожным сиом, н все время зовет «Лули!». Здесь нет никого с таким именем. Сегодия я видел, как он, печальио вздыхая, порвал какое-то письмо н бросил в корзину для бумаг. Я собрал обрывки и посылаю нх Вам на всякий случай — вдруг там содержится объяснение его загадочного поведения. Но все же мне кажется, что самое лучшее — держать его дома до тех пор, пока он не поправится.

С уваженнем Ваш Билли Хаскелл.

Содержание вложенных в письмо обрывков:

«Дорогой сэр!

Сообщаем, что, к сожалению, не можем опубликовать Ваше объявление и потому возвращаем его».

«Дорогая Лули!

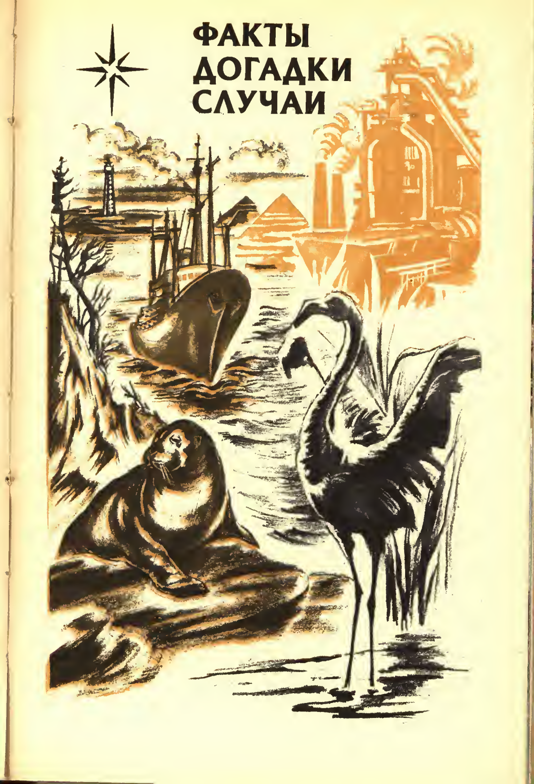
Я в отчаянии! Я вел себя, как последний идиот! Но разве можно было вообразить, что ты такая красивая н такая... большая? Прости меня и вернись! Неужели ты не вериешься? Я жду тебя! Целую.

Тодд».

Одинокая Венерианка,
грациознейшая, полноценная во всех отношениях,
активио общительная, привлекательная,
нсключительно веселая,
ищет Марсианина (мужчину)
с аналогичными качествами.
NB: у меия уже есть знакомая Мэри-Марснанка.
С предложениями обращаться по адресу:
Венера, Зеленая Вилла, Лули.

Перевод с английского *Владимира Волина*




ФАКТЫ
ДОГАДКИ
СЛУЧАИ



ФАКТЫ ДОГАДКИ СЛУЧАИ

ОКЕАНСКИЙ ДОЗОР



Нашей родной планете гораздо больше подошло бы название Океан. Две трети поверхности земного шара — это водные просторы. Сама жизнь на Земле зародилась в океане. Испокон веков он был для людей кормильцем и удобной транспортной дорогой, сыгравшей чрезвычайно важную роль в истории человечества.

Во второй половине XX в., особенно в последнее десятилетие, роль Мирового океана чрезвычайно возросла. Достаточно сказать, что в настоящее время примерно 15% белков животного происхождения, идущих в пищу людей, дает морское рыболовство. Около 20—25% мировой добычи нефти и газа уже приходится на шельфовую зону. Появляются первые морские рудники для добычи других полезных ископаемых. Решение энергетической проблемы, стоящей перед человечеством, видимо, в создании термоядерных электростанций, «горючее» для которых должен поставлять океан. Наконец, сейчас пришло четкое понимание того, что без хорошего знания процессов, протекающих в Мировом океане, невозможно решить проблему долгосрочного прогноза погоды. Поэтому в последние годы во всем мире резко повысилось внимание к исследованиям океана и они приобрели крупномасштабный характер.

Практически всего за время творческой жизни одного поколения ученых изучение океана от отдельных, плохо оснащенных исследований немногочисленных энтузиастов перешло на индустриальные рельсы экспериментов, выполняемых усилиями специалистов нескольких стран, порой в глобальном масштабе. Это особенно наглядно прослеживается, когда знакомишься с работой одного из ведущих океанографических учреждений Советского Союза — Морского гидрофизического института АН УССР (МГИ).

В 1929 г. выдающийся советский ученый академик В. В. Шулейкин основал в Кацивели Морскую гидрофизическую лабораторию, в которой по сути дела в нашей стране был заложен фундамент новой науки — физики моря. Оборудование было немудреным. Сейчас в Кацивели как исторические реликвии хранятся маленькая пушка, стрелявшая в море шариками, и подзорная труба, с помощью которой ученый наблюдал, как эти шарики плывут по воле волн, определяя скорость течения. Стала историей и «скала Шулейкина» — гранитный утес, соединенный эстакадой с берегом,— с которой изучались температура моря, характер волнения. Высота волн определялась по смачиваемости обыкновенной доски с делениями. Состав лаборатории был невелик — всего несколько научных сотрудников.

Сейчас в Морском гидрофизическом институте, ядром которого в свое время стала лаборатория Шулейкина, работает свыше 2 тыс. человек. В их распоряжении семь научно-исследовательских судов, в том числе два весьма крупных — «Михаил Ломоносов» и «Академик Вернадский», два самолета-лаборатории, несколько мощных электронно-вычислительных машин. В Кацивели переоборудуется на современной основе шторм-бассейн, построенный еще Шулейкиным для изучения волнения океана в лабораторных условиях. А неподалеку от «скалы Шулейкина» выросла искусственная «скала» — научно-исследовательская платформа, расположенная прямо в открытом море. В ее пяти лабораториях исследователи могут вести наблюдения в одном районе целым комплексом приборов, причем с любой длительностью. В комфортабельных каютах этого научного «свайного дома» можно с удобствами жить. Скоро оптическая линия связи свяжет платформу с берегом и данные измерений будут сразу поступать на обработку в электронно-вычислительную машину. В комнате, где когда-то Шулейкин наблюдал через телескоп-малютку за интенсивностью сияния Солнца, сейчас под мягкий гул кондиционеров бесшумно трудится полупроводниковая ЭВМ.

А само Кацивели да и все Черное море стали контрольно-калибровочным полигоном спутниковых исследований океана, в развитии которых Морской

гидрофизический институт теперь ведущая организация. Когда директором института в 1973 г. стал Борнс Алексеевич Нелепо, спутниковая тематика потеснила традиционные направления и постепенно вышлв на передиюю линию исследований. Это был случай, когдв личное увлечение ученого совпадало с главным руслом развития науки, в которой он уже занял видиое положенне и имел возможность организационными мерами помогать делу — созданию специализированных океанологических спутников.

Первая «разведкв боем» началась 12 февраля 1979 г. запуском спутника «Космос-1076». Как подшучивали конструкторы спутника над учеными, институт тогда прошел «курс обучения молодого бойца». Прежде всего они поняли, что было наивным предполагать, будто запуском спутника можно сразу решить все задачи. Спутник, поднявшись на космическую высоту, раздвинул их горизонт видения н в прямом н в переносном смысле этого слова. Да, громадные просторы океана стали доступны наблюдениям срвзу на больших площадях, а не в отдельных крохотных районах, как это было при работе с морскими кораблями. Но какой громадный поток информации шел при этом! Зв время работы первого спутника институт получил информации в сотни раз больше, чем за долгие годы работы всех экспедиционных морских кораблей. Только мощные, специально оборудованные ЭВМ могли справиться с таким громадным потоком информации. Поэтому институт усилил и продолжает усиливать и расширять машинный парк.

Для полноценной обработки необходимо было создавать банк данных, чтобы ЭВМ знала среднегодовые характернстики рвзличных региоиов Мирового океана, «понимала», что такая-то крнвая соответствует, скажем, мелководьям, а другая — глубинным районам, такая-то — местам, богатым планктоном, а такая-то — бедным. Надо было выяснить, как на регнстрацию этих океанских образований влияют условия освещенности, ветер, состояние атмосферы. Словом, надо было досконально разобраться в том, что собственно регистрируют приборы спутника. Задача эта оказалась ие простая и решается по сей день.

Выяснилось, что взор·прнборов должеи быть направлен не прямо винз, а под углом, тогда резче выявляются течения н все неоднородности морской воды. Это подтвердили и космонавты.

Второй океанологический спутник «Космос-1151» стартовал 23 января 1980 годв. У него были те же задачи, что и у первого. Та же квазиполярная орбита со средией высотой 650 км. Изменилось только одно — за плечами института уже был опыт. Зивчительно превысив свой ресурс, спутник более полуторв лет давал весьма ценную информацию, формируя банк данных о Мировом океане.

Удалось выявить зоны интенсивных штормов, определить характернстики ледовых полей. Отработанв методика определения влагосодержания втмосферы и водности облаков с точностями, приемлемыми для практического использования. Наконец, отработана методика получения карт температуры поверхности океана, с ошибками, не превышающими двух градусов. Такие карты важны и для рыболовного флота, и для метеорологической службы, особенно для долгосрочных прогнозов. Влияние тепла, запвсенного в экваторнальных зонах океана, с одиой стороны, сказывается довольно быстро при взаимодействии с воздушнымн мвссами и разносится ветрами на большие расстояния, а с другой стороны, имеет и более отдаленные последствия за счет теплопереноса мощными течениями, такими, как Гольфстрим, играющий весьма важную роль в формировании погоды иа европейской части нашей страны

Например, по данным спутника ученые «реконструировали» причины формирования холодиой весны и лета 1980 г. В феврале 1980 г. в зоие зарождения Гольфстрима температура океана была ниже иа 1,5—2 градуса среднегодовой иормы. Через полтора-два месяца спутник отметил эту аномалию уже восточнее Ньюфаундленда. Затем похолодание пришло к европейским водам, и в результате — холода, дождн, обрушившиеся на иас. «Отголоски» того, что происходит в тропиках, спустя три-четыре месяца приходят на европейскую часть СССР. Поэтому изучение тропической зоны имеет настолько важное значение, что Морской гидрофизический институт создал в Конакри — столице Гвинеи специальное отделение. Сейчас нужен набор статистики, скрупулезная проверка теоретических моделей, чтобы сделать долгосрочные прогнозы рабочими. А для сельского хозяйства знать, будет ли лето в том или ином регноне дождливым, холодным или засушливым, чрезвычайно важно. И ие только для нашей страны. Долгосрочный прогноз жизненно важен для всех стран, н поэтому работы в этом направлении включены в программу «Интеркосмос».

6 февраля 1981 г. был запущен спутник «Интеркосмос-21», предназивченный для исследования океана. И полгода впервые в историн над планетой работала экспериментальная космическая снстема из двух океанологических спутников: советского «Космос-1151» и интернациоиального «Интеркосмос-21». Когдв-то метеорологическая система «Метеор» также начиналась с двух «спутников».

Теперь старт берет космическая служба наблюдения за океаном. Эти океанологические спутники, с одной стороны, аппаратурно дополняют друг друга, а с другой — дают возможность на пересечениях орбит вести наблюдения одних и тех же районов и сравнивать полученные данные. Разная высота орбит у советского и у интернационального спутника позволяет оценить качество информации в зависимости от высоты точки наблюдения.

Вот для этой экспериментальной системы спутников все Черное море и является контрольно-калибровочным полигоном, говорит Юрий Терехин, начальник отдела дистанционных методов зондирования. Крымский Центр космической связи получает спутниковую информацию, которая идет на обработку в Севастополь в МГИ. Отделения в Кацивели,на Тендре, морские корабли передают реальные данные для сравнения со спутниковыми, самолеты-лаборатории, работающие на разных высотах, позволяют оценить, как влияние атмосферы искажает спутниковую информацию.

Такие наблюдения на поверхности морей и океанов ведутся и в других районах земного шара. Летом 1981 г. в рейс вышли корабли «Академик Вернадский» в Индийский океан, «Михаил Ломоносов» в Средиземное море и Атлантику. Для «Михаила Ломоносова» — рейс необычный: на борту находились ученые из ГДР и Венгрии, был привезен созданный в ГДР многоканальный спектрометр — точная копия того, что стоит на спутнике «Интеркосмос-21».

— Мы собираемся исследовать два характерных района,— говорил мне перед выходом в рейс «Михаила Ломоносова» заместитель начальника экспедиции Вячеслав Урденко,— один бедный жизнью в районе острова Крит и второй — в Атлантике, на одной из биологически продуктивных отмелей. Эти районы оптически отличаются. Морские пустыни — сине-фиолетового цвета. По прозрачности они не уступают дистиллированной воде, а биологически продуктивные воды мутноваты и имеют зеленый оттенок из-за того, что хлорофилл поглощает красную и синюю часть спектра и отражает зеленую. Конечная цель наших исследований — выявлять с орбиты биологически продуктивные районы Мирового океана.

Известная русская пословица «рыба ищет, где глубже» верна только в отношении рек да неглубоких озер, а для морей и океанов не годится. Здесь наоборот — рыба ищет мелководий, где вода хорошо освещается, прогревается и есть корм. Введение двухсотмильных экономических зон прибрежными странами изъяло из свободной зоны рыболовства примерно 8% акватории Мирового океана, что по площади примерно равно территории Азиатского континента. Рыболовный флот вынужден идти в открытый океан, бескрайние просторы которого в основном составляют морские пустыни. Выявлять в них промысловые оазисы жизни может помочь космонавтика.

Первое время космонавтам не верили, что они видят подводные хребты, такие, например, как Срединно-Атлантический. Казалось, чушь! Свет проникает в толщу воды всего на несколько сотен метров, а даже пики океанского хребта — на километровых глубинах. Со временем выяснилось, что зона перемешивания теплых поверхностных и холодных глубинных вод как бы повторяет подводный рельеф, образуется как бы жидкое дно, под которым лежат более плотные воды. Вот это-то жидкое дно, повторяющее очертания дна, и видят порой космонавты. Это явление имеет важное значение и для развития жизни в океане. Районы над поднятием океанского дна как бы имитируют мелководья и оказываются биологически продуктивными.

Весьма важными оказались и вихревые образования, которые наблюдали до этого многие космонавты, исследовали морские корабли. Так называемые «циклонические» вихри, которые в поперечнике иногда занимают несколько сот километров и не разрушаются порой по 3—4 года, служат своеобразными гигантскими штопорами, вытягивая из глубин воды, хорошо обогащенные минеральными солями. На свету в этих благоприятных условиях начинает развиваться фитопланктон, затем следующие звенья жизненной цепи, которые являются кормом для рыб, и они приходят на эти морские пастбища. Наблюдения за такими вихревыми образованиями могут подсказать рыболовному флоту районы эффективного промысла.

— Мы в сущности делаем только первые практические шаги в создании космической службы наблюдения за океаном. В ближайшее время будет расширен диапазон используемых нами для наблюдений электромагнитных волн,— говорит руководитель программы «Космос — океану» академик АН УССР Б. А. Нелепо.— Сейчас становится ясно, что мы можем благодаря спутникам иметь не только поверхностную картину явлений в океане, но и объемную, глубинную. В океане существуют так называемые «внутренние» волны. Их проявления на поверхности можно регистрировать с борта спутников и судить о том, что происходит в наиболее важном для нас верхнем слое в несколько сот метров.

В частности, можно оценивать теплозапас вод в тех или иных районах — это весьма существенно и для долгосрочных прогнозов погоды, и для рыболовного флота.

Освоение нового для человечества океана — космического оказывается полезным и для познания самого древнего, привычного. Теперь изучение океанов, космического и земного, пойдет вперед рука об руку. Океанский дозор с орбиты будет служить людям.

Борис Коновалов





Пожалуйста, стреляйте!

В Карпатском заповеднике недавно разрешена охота. В этом огромном лесопарке на горах и холмах водятся кабаны, олени, медведи, редкие птицы. Многие из его обитателей занесены в Красную книгу. Почему же теперь выдаются лицензии? Неужели зверей стало слишком много? Нет, их поголовье пока не отличается многочисленностью. Дело в том, что там разрешена охота с фоторужьем. И только под наблюдением опытных егерей, которые проведут фотолюбителей по специально выделенным для этого тропам. Маршруты разработаны украинскими экологами, которые предусмотрели определенные ограничения в передвижениях по заповедному лесопарку.



Ливень ошибся курсом

Как известно, летом 1981 г. во многих районах нашей планеты зафиксированы существенные капризы погоды, которые не наблюдались более 100 лет. Например, в Бразилии ударили заморозки, от которых пострадали кофейные плантации, а в болотистых местностях Индии, где всегда было много влаги, три месяца свирепствовала жесточайшая засуха.

Беспрецедентный случай произошел в районе г. Томенгеси, расположенного в центре алжирской Сахары. Там разразился тропический ливень, который обрушил на землю многолетнюю норму воды. Обычная для таких дождей зона расположена в 1200 км к юго-западу.



Принимают за медуз

Канадская океанографическая экспедиция, снаряженная университетом г. Торонто, опубликовала неутешительные результаты своих исследований. Ученые изучали причины гибели морских черепах у берегов Центральной и Южной Америки. Вскрытие погибших животных показало, что в их пищеводе застряли пластмассовые пакеты, которые выбрасывали за борт пассажиры лайнеров. Морские черепахи принимают прозрачный пластик за медуз и заглатывают. Более половины животных, польстившихся на эти предметы, загрязняющие море, погибли.



К очерку Вячеслава Маркина «ТАМ, ГДЕ ВОДЫ АМУРА СЛИВАЮТСЯ С МОРЕМ»

В низовьях Амура. Солнце заходит над Сахалином

Скоро — в плавание по Амуру... (г. Николаевск)

Геологи продолжают поиск

Олени еще популярны на Нижнем Амуре





Путина

Поселок Многовершинный.
«Очаг» освоения

К очерку Валерия Гуляева
«ТАЙНА «СВЯЩЕННОГО КОЛОДЦА»»

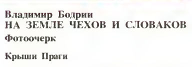
Общий вид на «Главную Площадь» и «Храм Ягуаров», Чичен-Ица

Главный храм Чичен-Ицы — «Храм Кукулькана» («Периатого змея»)









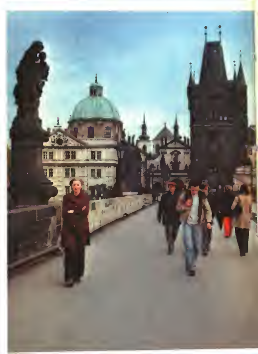
Владимир Бодрин
НА ЗЕМЛЕ ЧЕХОВ И СЛОВАКОВ
Фотоочерк

Крыши Праги

Часы XV века на старой пражской ратуше

Пражский Град — сердце столицы

Карлов мост XIV века через р. Влтаву с 32 скульптурами









Строится новая Прага

Барельеф на Доме-музее В. И. Ленина на Гиберской улице

Памятник советским танкистам в Праге, вблизи Малостранской площади

Пражское метро

Витраж в соборе св. Вита (Пражский Град)









Общий вид Братиславы с Замковой горы

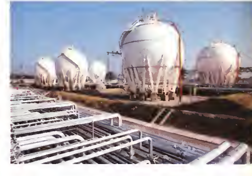
Замковая гора — исторический центр Братиславы

Нефтехимический комбинат «Словнафт» — крупнейшее предприятие столицы Словакии

Новый мост через Дунай в Брвтиславе

Площадь с фонтаном в словацкой столице











Центральная площадь с источником в Карловых Варах

Старинный ансамбль с беседкой в Карловых Варах

Одна из городских улиц Брно

Дом культуры в Левоче

Металлургический комбинат в Остраве











Острава. Уголок старого города

Старинный замок в Словакии

Озеро Штрбске Плесо. На берегу его — курортный поселок — центр летнего и зимнего туризма

Зубчатая железная дорога в Карпатах, так называемая «зубачка»

Деревня в Словакии

Кукурузное поле в Северной Чехии



Северная Чехня. Парковый ландшафт

Ансамбль народных инструментов в турнстском поселке Высоких Татр

Водопад в Татрах

Крконошскнй заповедннк. Рысь (охраняемый вид)

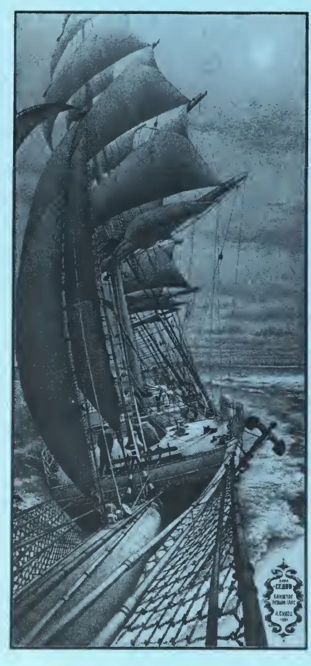
На горной тропе в Высоких Татрах





Общий вид мемориала участникам Словацкого национального восстания в Банска-Бистрице

Отель «Панорама» на курорте Штрбске Плесо в Высоких Татрах



Александр Судец,
художник

ПОЭМА О МАЧТАХ

Иллюстрированный очерк

ПАРУСНЫЙ БАРК «СЕДОВ»

Моя первая встреча с барком «Седов» произошла в Ленинграде. Через таможенный зал мимо молодцов пограничников («Я на «Седов»» — «Пожалуйста!») выхожу на пирс. Ветер выжимает слезу, гонит к виску. За ветром — «Седов». Вот он открылся весь. Белый красавец. Крашенные охрой стальные мачты и реи кажутся деревянными. Высоко в небе простерт могучий клюв бушприта, подхваченный толстой сетью. От него по плавной линии клиперштевня взгляд сбегает вниз, к воде. Белая стена борта образует красивую седловатость. Палуба вся покрыта надстройками, блоками, снастями. Мягко «под себя» подобрана линия кормы. Первое общее впечатление от судна, когда подходишь к нему,— стройность и гармония. Насыщенность, даже на первый взгляд перенасыщенность, многочисленными деталями могучего корпуса при общем изяществе форм и удивительной соотносимости частностей и целого можно сравнить со звучанием орга́на, где сотни звуков, сливаясь, устремляются в едином порыве к сводам зала, возвышая душу слушателя. Мудр был создатель подобного творения. Я слышал однажды слова о том, что из всего, что сделал человек в области техники, самое прекрасное — парусный корабль.

Вот и трап. Чуть покачиваясь под ногами, он легким пологим подъемом выносит меня

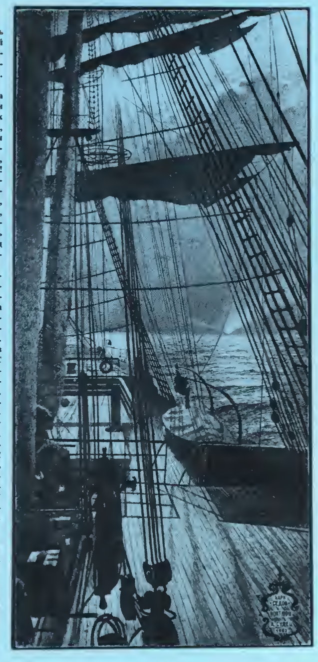
на самый верх, на уровень борта. Прямо к входу в иной мир. Мир, заполненный нездешними, неземными заботами, радостями, тревогами. Мир этот называется морем.

Новичка, поднявшегося на борт, судно оглушает своими размерами, сотнями уходящих вверх, спускающихся сверху, скатанных в бухты на палубе и висящих на нагелях под бортами и у мачт снастей. Кнехты, утки, блоки талей — о господи! Все это молчаливо и неподвижно сейчас, но все это обрушивается на тебя в своем молчании, не знаешь, на что смотреть, перестаешь видеть периферийным зрением, различаешь только то, что прямо перед тобой. Голова начинает кружиться.

Но вот по всему судну раздаются звонки, из динамиков звучит команда: «Парусный аврал! Пошел все наверх! Паруса ставить!» Судно наполняет грохот сапог, палубы покрываются развитыми бухтами концов. Старшины мачт с рупорами в руках заняли свои места. С мостика звучит команда: «Внимание на мачтах! Шкоты косых парусов на левую. Стакселя разобрать. Грот-стеньстаксель и абсель поднять!» Пошел косой гигант между первой и второй грот-мачтами. Полтора десятка курсантов бегом выбирают слабину. «Стоп! Фал закрепить. Брам-стаксель с правого борта поднять!..» Корабль постепенно одевается парусами, получает ход. Пошли!

О море говорить коротко — мучительно. Хочется рассказывать и рассказывать...

Шли из Севастополя в Ригу. Зимний шторм в Эгейском море. Скорость ураганного ветра достигала 35 м в секунду, крен — 35°. На палубах штормовые леера. Штурвальные привязались, чтобы устоять на ногах. Несколько парусов лопнули по швам. Прочность этих швов рассчитывается таким образом, чтобы парус под на-





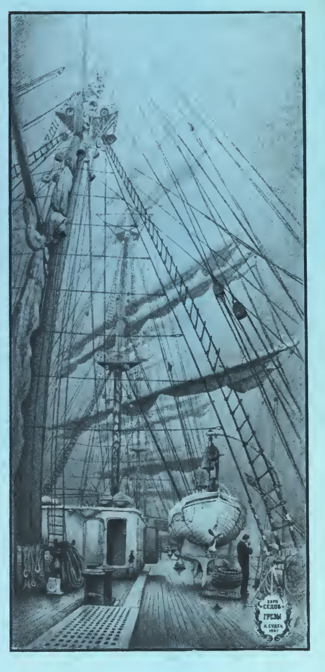
пором ветра рвался прежде, чем произойдут более серьезные поломки. Моряки, работавшие на реях, ощущали дрожь и биение этих стальных громадин. Но судно и экипаж под командованием капитана А. Перевозчикова выдержали натиск стихии, ни травм, ни аварий не было. А ходов взяли 15,5 узла. Особый азарт чувствовали моряки, когда догнали, а потом и оставили за кормой мощный современный танкер. Гукая своими дизелями и изо всех сил молотя винтами вздымавшиеся вокруг водяные горы, он отставал, отставал, пока вовсе не растворился где-то в штормовой дали.

«Седов» — учебное судно. Он ходит с курсантами вокруг Европы: Рига — Севастополь и обратно. Рейс-оборот рассчитан на 90 дней с заходом в один из промежуточных портов и с посещением районов рыбного промысла в Атлантике. У «Седова» есть младший брат, барк «Крузенштерн». Он так же огромен и красив. «Крузенштерн» лишь чуть короче и легче. Это самые крупные парусники в мире. Оба принадлежат Минрыбхозу СССР, оба делают одно дело — помогают ковать кадры для нашего флота. И вот недавно родилась патриотическая идея об их совместном кругосветном плавании. Они должны уйти в рейс, когда будет отмечаться стовосьмидесятилетие первого кругосветного плавания двух русских кораблей под командованием замечательных моряков Крузенштерна и Лисянского. Об этом рассказали в одной из передач Центрального телевидения Герой Советского Союза вице-адмирал Щедрин и один из наших старейших капитанов-парусников, бывший командир «Крузенштерна» Петр Митрофанов.

Для художника-мариниста показать красоту этого корабля — большая радость. Серия графических листов, репродук-

ции которых публикуются здесь, объединены общим названием «Поэма о мачтах». Эта серия появилась в результате моего участия в одном из рейсов «Седова». В ней рассказывается поочередно о всех четырех мачтах корабля: фок-мачте, первом и втором гроте и бизани. В центре композиции «портрет» барка. Серия предназначается для празднично отделанного зала, в котором на корабле проводят торжественные мероприятия. Ведь «Седов» как крупнейшее в мире парусное судно имеет статус флагмана Международной ассоциации учебных парусников.

В облике парусного корабля есть особый пафос. Когда на твоих глазах вырастают башни из парусов, облака из парусов, когда гул и грохот ветра заполняет все вокруг, а волна тяжело покатилась под килем, сердце учащает свой ритм, хочется расправить плечи, и все твое существо охватывает незабываемое чувство силы жизни. И это чувство остается с тобой навсегда.



ПУТЬ В АРКТИКУ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ



Не будет преувеличением назвать Бурханова человеком из легенды. Он действительно легендарен, как и вся жизнь нашей великой страны. Василий Федотович Бурханов был романтиком, который знал и верил — в жизни всегда есть место подвигу. Сам же он смело шел на этот подвиг и вел за собой других!

...Совсем недавно, четыре года назад, мы отмечали его семидесятилетие. Конференц-зал Совета по изучению производительных сил при Госплане СССР, где работал Василий Федотович, в торжественном убранстве. Цветы на сцене подчеркивали праздничность собрания.

После каждого выступления все больше становилось букетов алых гвоздик, тюльпанов, пионов. А рядом на столике, перед трибуной, поднималась разноцветная стопа блестящих папок-адресов с поздравлениями. «Северяне» — ученые, хозяйственники, друзья — чествовали известного советского полярника, инженер-контр-адмирала, доктора экономических наук Василия Федотовича Бурханова.

Он сидел в кресле перед собравшимися и смущенно улыбался. За плечами 70 лет, и ни одного спокойного года. Вся жизнь без остатка отдана великому делу — исследованию и освоению полярных областей Земли.

Юбиляру передали поздравление и подарок от ребят из детского дома на далекой Чукотке: простенький школьный альбом с ребячьими фотографиями. Каким неожиданно трогательным показался этот скромный альбом среди тисненых папок-адресов!

Бурханов, бывший когда-то беспризорником и детдомовцем, шефствует над самым северным детским домом. И в этом своеобразная преданность Северу.

Как и многие мальчишки его поколения, остался девятилетний Вася Бурханов сиротой: защищая завоевания революции, погибли отец и старшие братья.

Трудно было ему в детском доме, не все ладилось тогда. Дважды убегал и вновь возвращался он в детский дом. Кто знает, что получилось бы из беспризорника, если бы не случайная встреча с комиссаром бронепоезда коммунистом Емельяновым. Сумел комиссар разглядеть в чумазом, босоногом парне Человека, сумел увлечь его величием грядущих дел. После откровенного разговора с Емельяновым Василий понял, что нельзя жить, не принося пользы трудовому народу, своей стране.

Первой школой рабочего Бурханова был мартеновский цех завода «Красный Октябрь» в Волгограде.

Обостренное чувство долга стало основной чертой характера Бурханова. Молодой рабочий вступает в коммунистический союз молодежи и скоро сам, 20 лет от роду, становится комиссаром.

Советской республике нужен был новый флот — и Бурханов-рабочий становится Бурхановым-моряком, жизненный компас поворачивает к морям и океанам. Началась учеба в Высшем военно-морском инженерном училище.

Прошли годы учебы, и молодой морской офицер-инженер ступил на палубу большого военного корабля. Уже через несколько лет службы проявились недюжинные технические способности нового инженера: вместе с коллегами Бурханов делает несколько оригинальных изобретений, предлагает свой метод организации ремонта кораблей. Ленинградский судостроительный завод, на котором внедрялись предложения Бурханова, получил значительную экономию времени и средств.

Бурханову и его коллегам было присвоено почетное звание «Заслуженный изобретатель». Большую денежную премию, которая причиталась авторам нового метода, они передали на строительство столовой для рабочих завода.

Удачное начало службы давало возможность спокойно работать на судостроительном заводе, на хорошей должности. Но Бурханов не останавливается на достигнутом, особенно когда страна уже начала осваивать Северный морской

путь. В высокоширотную экспедицию, которой руководил знаменитый ученый О. Ю. Шмидт, требовался главный инженер. Более удачную кандидатуру, чем Бурханов, найти было трудно.

Так начался Бурханов-полярник.

Тогда открывалась, пожалуй, самая ответственная и самая решающая страница в истории Северного морского пути: быть ему или не быть. Уже имелся опыт первопроходцев Арктики, которые знали о нравах полярных морей многое. Но даже проход «Сибирякова» за одну навигацию не давал права считать открытой дорогу через Студеное море: только счастливый случай вывел ледокольный пароход в Берингов пролив. Поломка винта во льдах сделала «Сибирякова» игрушкой в руках судьбы и стихии. Под парусом, вобравшим мощь арктического ветра, волю и силу команды, пароход вышел в чистые воды Тихого океана. Экипаж не растерялся — и победил.

«Челюскину», который пытался повторить этот маршрут, не повезло: его раздавили льды. Не помогли даже отчаянные, сверхчеловеческие усилия экипажа.

Только ледорез «Федор Литке» в 1934 году прошел за короткое полярное лето из Владивостока в Мурманск. Прошел смело и без потерь.

В 1936 году партия и правительство поставили перед экспедицией О. Ю. Шмидта очень сложную и ответственную задачу — пройти на легких кораблях по морям Арктики и тем самым окончательно решить судьбу Северного морского пути.

Крупнейшие специалисты — полярные асы — участвовали в подготовке экспедиции. Консультировал ее В. И. Воронин, первый капитан, прошедший полярную трассу за одну навигацию. Помогали люди, сами долго плававшие в Арктике и отлично знавшие ее характер.

И проход состоялся!

Не будет преувеличением — с него и начался Северный морской путь.

Первый же год работы в Арктике принес Бурханову успех и признание его истинного таланта. За серию научных работ, связанных с технико-экономическим обоснованием проводки судов по Северному морскому пути, и за непосредственное участие в самой проводке первого каравана кораблей через льды Арктики правительство Советского Союза удостоило Бурханова высшей награды — ордена Ленина...

Знакомство с Арктикой навсегда оставляет след в жизни человека. «Северной болезнью», сравнимой разве только с ностальгией, «страдают» многие исследователи, хотя бы однажды побывавшие в этом суровом и удивительном крае. Всегда хочется увидеть его еще раз: манит к себе неповторимая красота Севера. Бурханов не был исключением, и поэтому следующее назначение — на Тихоокеанский флот — он принял без особой радости.

Дела в Арктике разворачивались тогда в грандиозных масштабах. Благодаря неутомимой деятельности Ивана Дмитриевича Папанина было организовано Главное управление Северного морского пути, перед которым была поставлена конкретная и четкая задача: окончательно проложить Северный морской путь от Белого моря до Берингова пролива, оборудовать и держать его в исправном состоянии, а также обеспечить безопасность плавания по нему.

Требовалась титаническая работа на трассе длиной почти три тысячи морских миль, по которой прошло всего несколько кораблей и не было ни одного порта...

Нет, не радовался Бурханов новому назначению. Надолго прощался он тогда с Севером. Потом не раз и не два самый молодой тогда инженер-контр-адмирал Советского Союза заместитель командующего Тихоокеанским флотом В. Ф. Бурханов вспоминал трудные месяцы плавания в арктических морях. Полярная ностальгия давала знать о себе.

Наконец после десятилетней разлуки — новая встреча с Севером. Бурханов, несколько лет проработав заместителем, стал затем начальником Главного управления Северного морского пути при Совете Министров СССР.

После войны совсем другим стал арктический морской путь; многое изменилось в начальных планах. Трассу уже прошли первые караваны торговых судов, имелось несколько полярных станций, были сооружены новые порты, но все эти работы проводились в условиях сурового военного времени, и будущее хозяйственное использование построек не учитывалось.

Поэтому в 1946 году началось техническое перевооружение Северного морского пути, а по сути — новое строительство в Арктике. Главное управление Северного морского пути стало к тому времени многоотраслевой организацией, которая отвечала не только за морской транспорт в Арктике, но и за речной, воздушный флот и автомобильный транспорт на всем Севере.

В ве́дении управления была и своя горнодобывающая промышленность: вдоль трассы Северного морского пути началась разработка нескольких угольных месторождений, которые должны были стать топливной базой для судов Северного флота. Велись геологоразведочные работы и по всему побережью, и на островах.

Главный капитанский мостик на Северном морском пути (50-е годы)



Это было далеко не все, что входило, вернее начинало входить, в круг полномочий этой быстро растущей организации: торговля и образование, здравоохранение и культура в селениях и стойбищах.

Но и это не все. Главное управление проводило большие научные исследования по изучению Северного Ледовитого океана. Сразу после войны конструкторы задумали новый тип судов, подобный знакомому многим дизель-электроходу «Обь». После долгих и горячих споров отказались от хорошо известных, но бесперспективных «угольных» проектов. На судоверфях были заложены крупные суда на жидком топливе. Ученым и инженерам уже «виделись» ледоколы и на ядерном топливе.

Новому флоту — новые порты. Мурманск, Диксон, Тикси, Певек, Провидения стали главными базами на Северном морском пути, там появились портальные краны, причалы и много разных технических новшеств, которых раньше на Севере не было.

Благодаря этой огромной работе расширялись временные границы плавания по Северному морскому пути, и наша страна получила надежную дорогу через Студеное море.

«Хозяин советской Арктики», как в шутку называли Бурханова друзья, увлеченно, до самозабвения отдавался работе. Месяцами не видела его дома жена, по письмам и телеграммам из Арктики следили за маршрутами отца дети, а их в семье было шестеро!

Многие знакомые поражались, откуда столько энергии в Бурханове? Как он всюду успевает? Снаряжается, например, большая экспедиция в высокие широты — предстоит высадить на дрейфующие льды сразу две научные станции, а

Василий Федотович, назначенный начальником экспедиций, в самые напряженные дни подготовки, когда все, и он сам, не уходили с работы даже ночами, успевает еще и выступить в Географическом обществе с докладом совсем на другую тему. Одновременно с этим пишет статьи по истории освоения Севера. Хотя сутки для него — те же двадцать четыре часа.

Огромная и многогранная организаторская деятельность, казалось, не оставляла ему ни минуты свободного времени не только для творчества, но и для отдыха: проводилась коренная перестройка управления и научно-оперативного обеспечения всего Северного флота Советского Союза. Однако, к удивлению друзей, Бурханов публикует серьезные теоретические исследования: более ста статей, книг, монографий.

«Новые советские исследования в Арктике» — так называлась его работа, изданная в 1955 году. Небольшая по объему книга, но сколь велико значение информации, заключенной в ней!

Начав издалека, с походов в Арктику Семена Дежнева и Федота Алексеева (Попова), с изыскательских работ Великой северной экспедиции, с кругосветных плаваний XIX века и открытия русскими Антарктиды, упомянув об обстоятельных исследованиях Севера экспедициями П. Ф. Анжу и Ф. П. Врангеля, Э. В. Толля и Г. Я. Седова, Э. Норденшельда и Б. А. Вилькицкого, Василий Федотович убеждает читателя: познание новых земель всегда велось в России. Но те первые экспедиции были уделом пытливых и талантливых одиночек исследователей. Мы же, говорит автор, используя опыт предшественников, должны идти дальше, своим путем, который открывает нам социалистический строй.

Емко, живо Бурханов знакомит читателя с тем, что сделано и что предстоит еще сделать в Арктике.

Вот, например, рассказывает он о трудной и опасной работе дрейфующих полярных станций. Вроде бы известные факты, о них писали не раз. Но вдруг — как бы начинаешь читать между строк! — становится ясно, что стоит за этими фактами. Автор предлагает и читателю осмыслить тот круг проблем, которые решают полярники. Характер дрейфа льдов, погода, скорость и направление морских течений и многие другие природные процессы нужно изучать комплексно — к этой мысли подводит автор читателя. И читателю кажется, будто он сам нашел решение проблемы.

Такой же убедительный пример комплексного мышления демонстрирует автор перед картой распределения элементов земного магнетизма. Чтобы узнать причину магнитных бурь, надо расширить научные работы в Арктике — к такому выводу приходит Бурханов.

Умение внушить свою мысль другим людям, пользуясь при этом только строгими, научно взвешенными аргументами, всегда отличало Бурханова. Пытливый поиск этих аргументов привел к тому, что постепенно научная работа стала все больше увлекать инженер-контр-адмирала, причем работа экономико-географической направленности.

Так, издавна среди полярников ходили легенды о гипотетических землях в Арктике. Огромные арктические острова, целые земли видели перед собой Санников, Андреев, Джиллинс, но ступить на них не удавалось никому. Так и ходили легенды, будоража умы исследователей.

Перу Бурханова принадлежит интересная теория «исчезающих» островов: он первым разгадал тайну гипотетических земель. Математические расчеты дрейфа многолетнего льда в Северном Ледовитом океане позволили ему предположить, что «кочующие» острова всего лишь огромные осколки мощнейших ледников. Эти осколки, вмерзшие в ледяные поля, медленно плывут по воде по воле течений и ветров. Потребовались годы на проверку выполненных расчетов. И в результате предположение стало научным открытием.

Но не только Арктика интересовала этого увлеченного человека. Второе открытие Антарктиды русскими, состоявшееся в 1956 году, произошло с «благословения» Бурханова. Он выступил с предложением направить на шестой континент 1-ю Советскую антарктическую экспедицию под руководством М. М. Сомова и сам лично контролировал снаряжение и деятельность этой экспедиции.

В то время вышла еще одна книга Василия Федотовича Бурханова — «К берегам Антарктиды». Написана она содержательно, человеком, блестяще знающим тему. А ведь Антарктида тогда, как известно, была еще сплошным белым пятном на географической карте. Но уже имелся опыт познания Арктики! И Бурханов в книге дает подробную географическую характеристику ледяного континента, излагает программу работ, рассказывает о составе экспедиции, показывает, каким уникальным оборудованием располагали полярники. Блестяще организованная экспедиция дала науке замечательные результаты, которые сегодня достаточно широко известны.

Наука... В год своего пятидесятилетия инженер-контр-адмирал в отставке преподнес себе великолепный «подарок» — успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата географических наук.

Не поздновато ли начинать научную карьеру, подшучивали друзья. Смотря для кого... С возрастом раскрывается мудрость души. Начальник Главного управления Северного морского пути понимал, что Арктика ждет новых исследователей.

Серия его интереснейших лекций, прочитанных в Московском государственном университете, положила начало новому лекционному курсу на географическом факультете.

Вспоминаю, как ходил я на лекции Василия Федотовича. Впрочем, нам казалось, что он не читал нам лекций, а разговаривал с нами, студентами, на равных. Бурханов рассказывал нам о том, что его волновало, и мы понимали его!

Убежденность Бурханова в правоте дела, которому он всю жизнь служил, заражала аудиторию. Никогда не избегал он ответов на наши сложные, порой острые вопросы, не искал легких путей в решении трудных проблем, не укрывался полуправдой. Он вообще не признавал полуправды.

И вот, с главного капитанского мостика на Северном морском пути Бурханов ушел на другой «мостик» — на кафедру североведения и полярных стран Московского университета. Ушел, чтобы навсегда вернуться в Арктику в деяниях своих учеников.

Передача эстафеты поколений проходила не только в аудиториях. Доцент Бурханов организовал при кафедре Северную экспедицию, и студенты в летнее время имели возможность побывать на Севере, ближе познакомиться с ним.

И этого Бурханову было мало. Северная экспедиция берется за решение ряда важных народнохозяйственных проблем по освоению новых территорий. Для этого приглашаются ведущие ученые, разворачиваются работы поистине в бурхановских масштабах.

Временная экспедиция вырастает в постоянно действующую лабораторию по освоению Севера. Одна из первых работ приносит ей известность: ошеломляющий своей смелостью проект быстрого освоения месторождения алмазов в Западной Якутии стал предметом дискуссии не одной научной и практической конференций. Некоторые рекомендации ученых были учтены в проекте горно-обогатительного комбината на трубке «Удачная» и в ряде других разработок...

Но годы летят — время для такого увлеченного человека, как Бурханов, всегда отличалось стремительностью и неудержимостью. Вот уже отмечены 60-и 65-летний юбилеи. Пора на отдых. Можно по примеру некоторых друзей выращивать на даче розы. Но еще, оказывается, можно засесть и за докторскую диссертацию — труд, посильный далеко не каждому молодому ученому. Бурханов же, с его молодостью души шел в ногу со временем. Быть нужным обществу — вот его девиз, который он завещал своим ученикам!

На пороге 70-летнего юбилея этот неутомимый человек блестяще защитил докторскую диссертацию, в которой изложена схема-прогноз экономического развития Севера в будущем.

Величественная картина преобразования «новых» земель Сибири, Дальнего Востока, Арктики предстала в этой диссертации. До последних своих дней Василий Федотович вместе с коллегами реализовывал замыслы в Совете по изучению производительных сил при Госплане СССР. Составленный прогноз должен быть четко согласован со всем народнохозяйственным планом...

Но человек не властен над временем. Годы берут свое, болезни, как беды, не приходят в одиночку. Василий Федотович болел тяжело и долго. Но как только ему становилось хоть немного лучше, он звонил по телефону кому-нибудь из своих учеников и просил приехать, чтобы обсудить очередную интересную мысль.

Летом 1982 года он позвонил мне, попросил срочно зайти. Оказывается, в декабре должно быть 50-летие со дня образования Главного управления Северного морского пути, и к юбилейной дате нужно было написать статью.

Я застал Василия Федотовича очень изменившимся: месяцы болезни очень иссушили этого крепкого человека, но иссушить душу его не по силам даже самому тяжелому недугу.

Мы сидели в кабинете. На столе у Василия Федотовича, как обычно, лежали книги, бумаги, карты — он работал! Только больше стало на столе и лекарств. Болезнь.

Говорить долго Василий Федотович не мог. И какой-то внутренний голос мне подсказывал, что мы с ним больше не увидимся. Я попросил у Бурханова о небольшом интервью для журнала «Вокруг света». Это было его последнее интервью.

14 сентября 1982 года Василия Федотовича Бурханова не стало. Десятки телеграмм-соболезнований получила в те дни его осиротевшая семья...

Имя Бурханова должно быть увековечено. Убежден, воды Арктики будет бороздить океанский корабль «Василий Бурханов». И не одна улица будет названа именем Бурханова: моряка, полярника, ученого.

Мурад Аджиев



ЗАГАДКИ УШКАНЬИХ ОСТРОВОВ



Морские призраки

Одно из самых интересных, поистине диковинных природных явлений Байкала — его миражи, которые случаются в акватории довольно часто. Приподнимая над далеким горизонтом мысы и острова, горы и леса, неузнаваемо преломляя их в слоях воздуха, байкальские миражи разворачивают захватывающие взор фантастические панорамы неведомых земель, отдаленных побережий континентального сибирского озера-моря. Таким образом я впервые увидел Ушканьи острова издали, хотя заочно был знаком с ними по многим научным и популярным публикациям.

Мы стояли на самой северной оконечности острова Ольхон, открытой всем ветрам и морскому простору. Отсюда с особой силой ощущалась неукротимая мощь Байкала, неустанно, день за днем подтачивающая бушующими холодными волнами каменные твердыни острова.

Мы не видели загадочный архипелаг Байкала, но там, за десятки километров от Ольхона, происходило нечто странное и необыкновенное. В чистом хрустальном воздухе, оторвавшись от воды, бесшумно плавали какие-то неведомые земли. Далекая суша, окруженная синим морем, поднималась все выше и выше над горизонтом, то увеличиваясь, то снова уменьшаясь в размерах.

Вот слева от острова взметнулся и застыл пронизывающий небо черный луч. Отвесная громада далекого заснеженного хребта Святого Носа также оторвалась от линии горизонта и неподвижно повисла в морозном воздухе, поддерживаемая неведомой циклопической силой. Неясные очертания его берегов постоянно перемещались, ломались, снова исчезали и вновь вырастали и строились, как призрачные фигурки калейдоскопа.

Вскоре порыв ветра разрушил морские видения, и на смену им четко выступили четыре крохотных островка, омываемых студеными водами Байкала. Это был далекий Ушканий архипелаг, приподнятый над морем фантастическими миражами на высоту нескольких сотен метров. Это удивительное явление природы позволило за короткие секунды увидеть то, чего нельзя было рассмотреть даже с помощью самого мощного бинокля.

Жемчужина Байкальских островов

Второй раз я увидел Ушканьи острова наяву с высоты птичьего полета. Мне неслыханно повезло: по дороге на БАМ наш самолет пролетал над полуостровом Святой Нос, и я мог наблюдать с левого борта все ожерелье Ушканьего архипелага. Четыре загадочных пустынных островка четко выделялись среди синего простора байкальских вод. Голые поляны и редкие рощи, каменные утесы и невысокие холмы, зажатые бездонными глубинами сибирского моря, казались осколками неведомой былой суши, поглощенной черным чревом Байкала во время страшных природных катастроф.

27 островов держит в своем богатырском объятии континентальное море Сибири. Каждый из них по-своему интересен, многие еще почти не исследованы, большинство островов необитаемо.

Крупнейший из островов, таинственный Ольхон, овеянный ожерельем древних бурятских и эвенкийских легенд, представляет широкую лесостепную и горнстую страну. 74 километра нужно пройти по нему из конца в конец и еще 11 поперек. Острова Камешек-Безымянный и Голый Кылтыгей известны редкостными птичьими базарами Байкала, единственными во всей акватории озера. На острове Лохматый Кылтыгей М. Г. Поповым было найдено инте-



Большой Ушканий остров. В глубине — Малый остров

ресное растение с большими белыми цветами — новый вид мака, который растет только здесь и нигде больше. На острове Бакланьем гнездятся тетерева и весной бывают страстные тетеревиные тока. На самом северном острове Байкала, Богучанском, мы нашли неведомую до сих пор галерею древних наскальных рисунков, выполненных красной охрой, они отстояли от основной забайкальской метрополии этого стиля более чем на 400 км...

Есть, наконец, острова-малютки, которые высятся над синей гладью моря то в виде неприступных каменных столбов, то представляют песчаные отмели, по которым с шумом и пеной перекатываются бушующие холодные волны. А есть и такие диковинки, как плавающие торфяные острова, вместе с рощами и полянами, со стогами сена и зимовьями, не нанесенные на морские карты Байкала.

Но из всех островов священного озера самые волнующие, загадочные и до конца не познанные — четыре острова Ушканьего архипелага. Четыре крохотных кусочка земли, затерянные среди морских просторов, стали ареной жарких, порою непримиримых споров многих ученых.

Атлантида или дно Байкала?

Суть главного спора об Ушканьих островах особенно четко выражена в заглавии одной из монографий видного лимнолога страны В. В. Ламакина — «Ушканьи острова и проблема происхождения Байкала».

По мнению байкаловеда Г. Ю. Верещагина, Ушканьи острова не что иное, как вершины былого Академического хребта, некогда рассекавшего северную и среднюю впадины. О том, что по дну Байкала действительно проходит горная цепь, сформированная в наземных условиях, ученые узнали сравнительно недавно, когда стало возможным проведение широких по масштабу эхолотных промеров. По данным Г. Ю. Верещагина, Ушканьи острова — это наиболее высокие точки Академического хребта. Больше того, видный ученый предвещал этому архипелагу неминуемое исчезновение под воздействием сильных разрушительных волн Байкала, как в свое время навсегда скрылась под водой цепь больших и малых островов в середине озера напротив устья Селенги, в районе Муринской банки и в других местах Байкала.

Совершенно по-иному рассмотрел



Флагообразные деревья Ушканьих островов

вопрос о происхождении Ушканьих островов В. В. Ламакин. Посетив загадочный архипелаг, он обратил внимание на ярко выраженные террасы на склонах островов. Террасированность берегов, как известно, характерна при долгом омывании суши крупным водоемом. Буйные штормовые волны, жадно набрасываясь на клочок островной суши, в конце концов выбивают в скалах заметные уступы-ступени. На девятой, предпоследней, террасе В. В. Ламакин нашел хорошо окатанную гальку. Она-то и решила исход дела. По мнению ученого, Ушканьи острова не опускаются постепенно на дно Байкала, а, наоборот, поднимаются из его таинственных глубин. Тектоническое вздутие в этой части озерной впадины выпирает на поверхность участки дна. Причем этот процесс начался сравнительно недавно — в начале четвертичного периода, или примерно 500 тыс. лет назад, буквально «на глазах человека». Поднимались острова со дна Байкала также быстро; сначала это были мелководья, потом крохотные отмели, по которым перекатывались волны сибирского озера-моря, а ко времени освоения человеком Байкала острова покрылись уже первой чахлой растительностью.

Но Ушканьи острова не замерли, а до сих пор продолжают подниматься со дна Байкала, возрастая постепенно не только в длину и ширину, но и в высоту. Этот рост зафиксирован учеными довольно точно: 2 мм в год. Много это или мало? Много, если учесть, что 2 мм в год составляют за столетие 20 см, а за тысячелетие — уже целых 2 метра! Рано или поздно острова Ушканьего архипелага должны соединиться и образовать один огромный четырехглавый остров.

Вот почему, когда сейчас много говорят о прошлом и будущем Байкала, в первую очередь обращают внимание на осколки земной суши, затерянные среди необозримого водного простора континентального сибирского моря. Вот почему неукротимо желание геологов и лимнологов, палеонтологов и ботаников, зоологов и археологов попасть на далекий байкальский архипелаг. Какие тайны скрывают его недра? Как приживается растительный и животный мир на голых каменных склонах? Когда и как осваивали Ушканьи острова наши далекие предки, одетые в лохматые шкуры и вооруженные примитивными каменными топорами?

Вулканы под Байкалом

Геологи, давно ломающие голову над проблемой Ушканьих островов, недавно сделали интереснейшее открытие, кото-



Северная оконечность острова Ольхон

рое во многом подтвердило догадки В. В. Ламакина и внесло немало нового в вопрос о происхождении Байкала. На берегу Большого Ушканьего острова среди серых гранитных и белых мраморных камней они заметили вкрапления зеленовато-черного цвета. Это оказался авгит — порода, которая образуется обычно при кристаллизации магмы.

Находкой серьезно заинтересовались ученые Института земной коры СО АН СССР. Глубинные породы такого типа содержат большое количество железа. Поэтому форму слагаемого тела легко было определить измерением магнитного поля. Оказалось, что такие породы занимают весьма ограниченный участок на дне Байкала и представляют они не что иное, как жерла древних вулканов под толщей воды.

Геофизики подтвердили выводы геологов. С помощью специальных зондов они опустили на дно озера температурные датчики. Такими «термометрами» они исследовали всю его площадь и по разнице полученных показателей определили плотность теплового потока. На основании этих данных и была построена геотермическая модель, подтвердившая, что под Байкалом находятся похожие на жерла вулканов разогретые тела. Пока выделяется два наиболее вероятных района: возле Ушканьих островов и в дельте Селенги.

Более того, ученые окончательно убедились и в том, что под всей котловиной озера на глубине 40 км начинается сплошная зона расплавленных пород, второе море. Оно так же неспокойно, как и толща Байкала, но не ветры бушуют здесь, а вихри раскаленной магмы. В обычных условиях такие зоны располагаются на глубине лишь 120 км. Обнаруженные жерла подводных вулканов (а также уже известные береговые) — свидетельство того, что огнедышащая магма либо выпирает тонкие участки байкальской тектонической щели, либо вырывается на сушу в виде лавовых потоков. Гипотеза сибирских ученых постоянно подтверждается на самом Байкале.

Ежегодно сейсмические приборы фиксируют здесь до двух и более тысяч землетрясений. Причем самые сильные из них наблюдаются в южной и средней частях — там, где горячая магма ближе всего подходит к поверхности.

Загадки «ушканьих» растений

Однако если бы говорили только об истории возникновения архипелага, то затронули бы лишь крохотную частицу его неразгаданных тайн. По образному выражению В. В. Ламакина, Ушканьи острова можно смело назвать естественной лабораторией, «...где многочисленные явления природы яснее заметны и где, следовательно, удобнее искать исключительное своеобразие озера». Эти острова, находясь в условиях жесточайшего климата открытой акватории Байкала,— арена интенсивного видообразования.

Это сразу понял академик В. Н. Сукачев, посетивший в свое время Байкал. Прибыв на далекие необитаемые острова студеного сибирского моря, он был буквально поражен, увидев здесь загадочные растительные формы, которые встречались только на Ушканьих островах и больше нигде в мире. Среди этой эндемии его особенно заинтересовали ушканьи лиственница, береза и осина, причем последние имели странные изрезанные по бокам листья, удивительно похожие на кленовые.

Да как было не удивляться, если все то, что он находил на островах, имело черные тона. Он видел черные стволики молодых ив, темные осины, особенно с северной стороны. Совершенно черными кажутся на островах лиственницы, лишенные к тому же подроста из вечнозеленого молодняка.

Но господство темных тонов отражает лишь одну сторону экзотики растительного мира Ушканьих островов. Другая их специфическая черта — наличие толстого слоя коры. На северной стороне архипелага березы одеты оригинальной черной корой, обнимающей как бы чехлом подставленные свирепым ветрам бока деревьев. Термин «чехол» здесь наиболее приемлем, так как края его оттопыриваются с двух сторон берез. Зато противоположная часть деревьев не только не имеет плотного защитного чехла, но, наоборот, представляет либо белую, либо слегка розоватую нежную кору.

Другая особенность флоры Ушканьих островов — это «бутылкообразные» стволы деревьев, особенно лиственниц. Причем такие удивительные утолщения присущи только самым крупным и старым деревьям. Начиная с высоты 2,5 м, эти утолщения резко расширяются к комлю за счет разрастания мощной коры в виде продольных извилистых ребер. Поразительно: толщина коры нижних частей деревьев достигает 30 см и более, увеличивая ствол почти в два раза. Этот экзотический вид всегда удивляет туристов даже больше, чем всемирно знаменитые «ходульные» деревья бухты Песчаной, взятые под охрану государства в качестве редкостных памятников природы.

Подобные утолщения, называемые «репообразными», имеют также осины, и зрелище это еще более необычное, чем «бутылкообразные» лиственницы. Среди диковинок растительного мира Ушканьих островов следует отметить пинеобразные и флагообразные формы крон деревьев. Цветоводов поразит такой эндемик, как ушканья герань. Если человек хорошо знаком с лесами побережий Байкала, то он крайне удивится, увидев на безлюдном клочке суши большое количество мощных и высоких прямостойных ив. Я далек от фантастики, но там действительно есть ивовые рощи, достигающие высоты четырехэтажного дома, при толщине стволов в 42 сантиметра и более.

Особую экзотику и сказочность лесам Ушканьих островов придают бородатые лишайники. Короткими зелеными хлопьями они растут на стволах и ветвях деревьев и до того густы, что березы, например, даже зимой кажутся покрытыми толстым весенним зеленым пухом, будто плотно обвиты слоем сине-зеленой «ваты».

«Следы невиданных зверей...»

Еще более фантастичен, в порой непонятен животный мир загадочного архипелага. Если господство черных тонов растений объясняется В. Н. Сукачевым отсутствием особого красящего пигмента — бетулина, то вот уж настоящей тайной можно назвать более темное оперение большинства местных птиц. Ученый-зоолог О. К. Гусев с удивлением рассказывает о нескольких добытых им экземплярах гаичек-пухляков, которые имели более темную окраску светлых частей оперения, чем их сородичи, обитающие в лесах побережий Байкала. Поползень, встреченный им, выглядел очень темным, почти черных тонов, совершенно без характерного белого оперения. Таких поползней, по словам Гусева, ему не приходилось встречать нигде, и ушканий экземпляр представляет либо новую цветовую расу, либо совершенно неизвестный до сих пор подвид в фауне СССР.

Все эти черные деревья, черные птицы, а также черные хариусы, черные бабочки, черная земля (от бесчисленного множества выползающих на берег из моря насекомых — ручейников) и многие другие диковинки Ушканьих островов, также имеющие черный цвет, напомнили



Прибрежная полоса Ушканьих островов вечером

мне слова древнего летописца, описывавшего Байкал на рубеже нашей эры. Говоря о далеком Северном море — Байкале, он наряду с прочими его фантастическими деталями описывал некую черную страну посреди студеных вод: «Здесь живут черные птицы, черные змеи, черные барсы, черные тигры, черные лисицы и всякая прочая черная тварь...»

Вообще вопрос о происхождении своеобразного животного мира до сих пор остается открытым. В мелководьях близ островов нет некоторых видов, в избытке встречающихся близ других байкальских побережий. Только здесь обитают 10 видов рачков-бокоплавов, 2 эндемичных вида ручейников, 2 вида бычка-широколобки и 1 вид бычка-подкаменщика. На островах живет несколько семей зайцев, лис и птиц. Говорят, что иногда сюда по льду заходят медведи и волки, но это никем еще не доказано фактически.

Но если описанные выше позвоночные и могли перебраться на острова с материковой суши, то совершенно необъяснима громадная численность обыкновенных мышей-полевок. Каким образом они сумели преодолеть вплавь или по льду десятки километров от ближайшего берега? На этот вопрос нет пока удовлетворительного ответа.

Остров муравьиного царства

Вызывает крайнее удивление невероятное количество на Ушканьих островах муравьев. Оставляя в стороне вопрос о загадочных путях их переселения сюда, отметим, что муравьи составляют одну из основных примет местной фауны. Речь идет о такой огромной колонии гигантских муравейников, какие вряд ли где еще встретишь не только по берегам Байкала, но и вообще на территории Сибири.

Муравейники очень эффектны зимой. Попав на Большой Ушканий остров площадью всего 9 кв. км, в первую очередь видишь странные копны «сена», припорошенные снегом. Некоторые из них достигают высоты человеческого роста (!) при диаметре в 3 с лишним метра. Это — муравейники. Их так много, что, стоя на одном месте, можно насчитать окрест до 20 штук. На одном только западном берегу острова длиной 4 км, защищенном от холодных пронизывающих ветров, О. К. Гусев насчитал их 178. Всего же, по его данным, на Большом Ушканьем



Большой Ушканий остров. Скала «слоник»

острове около 9 тыс. муравейников. В среднем по одной тысяче на 1 кв. км: настоящее муравьиное царство!

Что является причиной такого мощного развития муравьиной семьи на острове? Причина одна — полное отсутствие здесь хищных животных, разрушающих муравейники и питающихся муравьями и их яйцами.

Лежбище байкальской нерпы

Больше всего, пожалуй, Ушканий архипелаг известен как главное лежбище байкальской нерпы. Редкое появление здесь человека, которому и сейчас довольно трудно попасть на затерянные среди морского простора кусочки суши, стало причиной сохранения на островах большой колонии удивительного животного. Большие ластоногие звери выползают на прибрежные камни и устраивают там шумный гвалт. «Хозяева» своими ластами бьют сородичей, пытающихся завоевать уже занятые камни, хватают их острыми зубами и прогоняют прочь. Наконец все тюлени утихомирились, и огромное стадо мирно отдыхает на уютных теплых камнях под убаюкивающий шум морского прибоя.

Много разных легенд связано с экзотическим видом байкальской нерпы. Оставляя в стороне такой загадочный вопрос, как история появления во внутренних пресных водах Сибири типичного представителя соленолюбивой фауны Северного Ледовитого океана, отметим, что даже люди в глубокой древности особо выделяли этого лохматого животного из всего подводного мира Северного моря. В мифах народов Юго-Восточной Азии, которые уже к третьему — первому тысячелетиям до н. э. были оформлены в виде рукописи с поэтическим заголовком «Книга гор и морей», есть рассказы о загадочных «удивительных тварях», которые якобы время от времени на миг появляются из воды и тут же исчезают в морских глубинах Байкала. Иногда они называются древними географами «человеко-рыбами».

Самое поразительное заключается в том, что и бурятская мифология донесла до наших дней представление о некой Хун-загахане — «человеко-рыбе», живущей в Байкале. В записи ученого-этнографа начала века М. Н. Хангалова этот образ передан следующими словами: «В море есть человеко-рыба, у кото-



Уголок Ушканьих островов в декабре

рой передняя половина тела рыбья, задняя половина человечья. Эту рыбу называют человеко-рыба. Увидев человека, эта рыба высовывает из воды голову и кричит по-человечьи, а потом опять уходит в воду».

Особое почитание нерпы существовало у эвенкийского населения побережий Байкала. Очень важно, что эвенки считали Ушканьи острова не только главным обиталищем тюленя, но и связывали с ними жизнь царя всех нерп. Они верили, к примеру, что у байкальской нерпы есть свой язык. Когда нерпам хорошо, они молчат, когда плохо, подплывают к берегу Байкала и стонут...

Эвенкийское население Байкала очень берегло ушканье лежбище нерпы и регулировало ее добычу. Вообще же охота на нерпу на архипелаге возникла очень давно. В незапамятные времена древние люди отваживались переплывать на утлых суденышках бурное сибирское море или даже преодолевать большие расстояния по гладкому льду. Некоторые звероловы даже рисковали подолгу жить на островах. Об этом красноречиво рассказывают остатки древних поселений, покинутых людьми еще новокаменного века. Если учесть, что за одно тысячелетие Ушканьи острова поднимаются в среднем на 2 м, то в те далекие времена наши предки могли видеть лишь песчаные холмы да несколько скал с чахлой растительностью.

Тайна географического названия

Долгое время история названия Ушканьих островов оставалась загадкой. В. В. Ламакин считал, что первые русские землепроходцы, попавшие на далекие байкальские острова, встретили на них, очевидно, очень крупную колонию зайцев и от устарелого ныне слова «ушкан» — сибирское название зайца — дали островам имя. На старинной карте Семена Ремезова (1701 г.), например, они так и обозначены — «Заячьи». Есть также мнение О. К. Гусева, что имя островам дано не по зайцам (еще неизвестно, жили ли они здесь когда-нибудь), а по своеобразному виду самих островов, торчащих из воды подобно ушканьим ушам.

Но то и другое является плодом ложной этимологии. Только недавно стало известно, что в XVII в. русские на Байкале зайцем называли нерпу, так как аналогичное животное на Белом море именовалось «морским зайцем». И вот

поскольку по указу царей казачьи отряды в Сибирь формировались главным образом нз жителей Европейского Севера, привычных к суровому климату, то они и назвали, попав на богатые нерпой острова байкальского архипелага, лохматых животных привычным словом — «ушканы».

Райский уголок Прибайкалья

Далеки и загадочны Ушканьи острова. Многие турнсты, грезящие о рискованных и трудных походах, мечтают попасть на этот иеобитаемый архипелаг Байкала. Здесь действительно есть все, что сближает их с «райскими« уголками тропических морей. Нет, правда, пальмовых рощ, коралловых рифов, дымящихся вулканов... Но есть кроме описанных выше днковинок еще сравнительно мягкий климат, что позволяет назвать Ушканьн острова одним нз самых уникальных и редких мест Сибири, которые имеют свой микроклимат.

Глубокой осенью, когда на студеных берегах континентального сибирского моря лежат глубокие снега и начинают трещать суровые морозы, здесь, на затерянном посреди бушующих волн Байкала клочке суши, еще цветут отдельные виды растений и порхают бабочки. Первый снежный покров на островах быстро тает под утепляющим влиянием озера-моря. Сиег никогда не выпадает здесь раньше конца иоября, а белым покровом окутывается «райский» уголок Прибайкалья лишь в начале декабря. Но и зимой морозы иикогда ие бывают ниже 25°. Даже сквозь толстый слой ледяного панциря Байкал продолжает согревать удивительный край огненным дыханием самой глубокой иа земле тектонической впадины.

На Ушканьих островах ученые отмечают поистине уникальные явления, не нашедшие до сих пор своего объяснения. Бывают годы, например, когда в районе архипелага водная чаша снбирского внутреннего моря вообще не замерзает. В то же время именно здесь Байкал иногда покрывается льдом два раза в год. Вот факты небольшого пернода наблюдений: в 1951, 1953 н 1955 гг. Байкал не замерзал вообще, но зато в 1952, 1954 н 1956 гг. ледяной покров устанавливался два раза в течение года — в январе н декабре.

Но, создав загадочный «райский» уголок посреди студеных вод Байкала, сибирская природа как бы нспытывает его силой своих ветров. Ушканьи острова по праву можно назвать местом, где ннкогда ие прекращается разбойничье пеине ветров. Днем н ночью, знмой н летом по голым каменным склонам проносятся сильные ураганы, вырывающие с корием н без того редкую растительность, загоняющие в норы все живое. В ноябре — декабре ветры достигают максимальиой скорости — 28 м в секунду. Именно по этой причине природа и дала местной фауне и флоре ряд особых защитных свойств: очень толстую кору у подножий деревьев, специальный «чехол» с северной стороны нх стволов н более темную окраску деревьев н оперения у птиц.

Что ждет Ушканьи острова?

Мы много говорили о том, что острова находятся в большом отдалении от заселенных людьми берегов Байкала. Именно по этой причине на архипелаге сохранилась редчайшая экзотическая фауна н флора, нерпичьи лежбища и громадные муравейники.

В свое время академик В. Н. Сукачев был поражен исключительным своеобразием флоры Ушканьих островов. Сейчас сюда едут метеорологн, бнологн, моряки, ухитряются добираться и «днкне» турнсты. Эти посещения не проходят бесследно. Вольно или иевольно людн наносят вред животному и растительному миру островов. Навнсла серьезная угроза исчезновения отдельных представителей флоры н фауны Ушканьего архнпелага.

Четыре крохотных островка посреди студеных вод Байкала представляют огромный интерес для наукн. Их совершенно необходимо тщательно беречь и охранять, как, впрочем, и все другие острова сибирского моря. Давно пора объявить их заповедными. Еще много лет иазад это предлагал сделать академик В. Н. Сукачев. Об этом же иеустанно пишет в своих увлекательных книгах ученый-бнолог О. К. Гусев.

Многое открыл человек из загадок священного сибнрского моря, но самые трудные н интересные еще скрываются в байкальских глубинах. И тот, кто хочет заняться разгадкой этих тайн, ие должен и не может обойти вниманием четыре маленьких кусочка земли Ушканьего архипелага, затерянные средн синего простора священного сибирского моря. И, главное, сберечь их для будущего.

Алексей Тиваненко

ОКЕАНСКИЕ ВИХРИ



Мощные вихри в атмосфере — циклоны и антициклоны — изучаются давно. Они имеют протяженность 1000—3000 км и играют определяющую роль в формировании и изменениях погоды. Все мы ощущаем ее «капризы», вызванные сложными процессами в этих гигантских вихревых образованиях.

В океане крупномасштабные вихри обнаружены всего лишь полтора десятилетия назад, хотя исследования физических процессов в океанах и морях ведутся уже около века. Дело в том, что накопление океанологических материалов шло гораздо медленнее, чем данных о состоянии атмосферы. В распоряжении метеорологов довольно густая сеть метеорологических и аэрологических станций, регулярно, несколько раз в сутки, дающих информацию. Она накапливается и анализируется в национальных и международных центрах. Сюда же поступают данные со спутников о всей атмосфере Земли. И сейчас изменчивость атмосферных процессов изучена неплохо.

Наблюдения в океане до последнего времени в основном проводились с помощью научно-исследовательских судов, продолжительность плавания которых ограничена несколькими месяцами. За это время можно тщательно исследовать весьма небольшой район Мирового океана или провести наблюдения на более обширной акватории, но лишь рекогносцировочного характера. Поэтому и сейчас еще есть районы Мирового океана, особенно в южном полушарии, где наблюдения вообще не проводились. Научно обоснованные представления о структуре вод океана, их динамике, и в особенности об их изменчивости складываются медленнее, чем этого требуют научные и практические задачи.

До середины 50-х годов в океанологии преобладало представление о значительной устойчивости и слабой изменчивости процессов в океане. Оно основывалось на том, что плотность и теплоемкость морской воды значительно (на три порядка) превышают соответствующие параметры воздушной среды. Поэтому запасы потенциальной и внутренней энергий в океане чрезвычайно велики, а скорости движения его вод намного меньше, чем скорости развития атмосферных процессов. Считалось, что реальную картину пространственно-временной изменчивости океанологических характеристик могут дать даже весьма дискретные наблюдения. Исключение было сделано только для районов, связанных с такими сильными течениями, как Гольфстрим в Атлантике и Куросио в Тихом океане, где значительная изменчивость состояния океанических вод известна уже давно.

Все это и объясняет, почему до недавнего времени океанические вихри были практически не известны. Отдельные аномалии, встречавшиеся при весьма разрозненных наблюдениях, трактовались как неверные, ошибочные. Но вот стала бурно развиваться океанологическая техника, резко возросла численность научно-исследовательских судов, искусственные спутники Земли позволили проводить исследования на сравнительно больших акваториях. Все это привело к качественно новым представлениям о структуре вод и ее изменчивости. Оказалось, что в Мировом океане на фоне климатических (медленных) процессов существует своя «погода», связанная в основном с процессами интенсивного вихреобразования. Они во многом напоминают процессы образования атмосферных циклонов, но протекают гораздо медленнее из-за бóльшей инерционности океана.

Океанские вихри — это гигантские водовороты размером до 300 км и распространяющиеся в толщу вод на сотни и тысячи метров, иногда до дна. Они перемещаются со скоростью от нескольких до десятков километров в сутки. Когда они были открыты, стало ясно, что эти вихри, обладая огромными запасами энергии, могут играть определяющую роль в процессах ее перераспределения в океане. Особенно важны процессы переноса тепловой энергии, изменяющие характер теплового взаимодействия океана с атмосферой, что в конечном счете сказывается на погоде и даже климате планеты. Важно и то, что вихри переносят химические и биологические вещества, важные для развития живых существ в океане, в том числе и имеющих



Районы Мирового океана (отмечены звездочками), где, по данным наблюдений с научно-исследовательских судов, самолетов, искусственных спутников Земли, достоверно обнаружены среднемасштабные вихри

промысловое значение. Поэтому были составлены специальные национальные и международные программы, посвященные изучению вихрей. В результате их выполнения, а также накопления других данных, в первую очередь с помощью искусственных спутников Земли (ИСЗ), удалось выяснить многое о природе вихрей. Однако систематическое их изучение только начинается.

Какие динамические процессы в океане приводят к образованию вихрей? Откуда они черпают энергию и на что ее расходуют? Распространены ли вихри в Мировом океане повсеместно или только в отдельных районах? Велико ли разнообразие типов вихрей? Каковы особенности их пространственно-временной изменчивости (эволюции)? Какую роль они играют в общей динамике вод Мирового океана? Каково значение исследования вихрей для хозяйственной деятельности человека в океане? Вот ключевые вопросы при изучении вихрей. Как же они решаются?

Исследовательская работа началась в том районе, где вихреобразование выражено наиболее четко,— во фронтальной зоне течения Гольфстрим. Именно здесь в практике океанологии впервые были применены полигонные съемки с малыми расстояниями между точками наблюдений. Это позволяет наиболее точно фиксировать аномальные явления. Кроме того, фронтальная зона Гольфстрима — близкий аналог основных атмосферных фронтов, что позволяло сопоставить полученные данные с более изученными явлениями метеорологии.

Еще в 20-х годах нашего столетия норвежские метеорологи В. Бьеркнес и Я. Бьеркнес выдвинули гипотезу о фронтальном происхождении циклонов в атмосфере, согласно которой они возникают в результате волновых движений фронтов, то есть границ воздушных масс с различными термодинамическими характеристиками (температурой, влажностью, плотностью и др.). Эта гипотеза была подтверждена многочисленными наблюдениями. По аналогии с атмосферными океанские вихри тоже должны формироваться во фронтальных зонах, в том числе и в районе Гольфстрима.

Особенно детально этот район изучался в последние 30 лет при помощи научно-исследовательских судов (в том числе подводных), самолетов, ИСЗ. Оказалось, что Гольфстрим — целая система поверхностных и глубинных течений, расположенных в интенсивной фронтальной зоне шириной около 100 км, отделяющей теплые и соленые воды Саргассова моря от более холодных и опресненных вод материковых склонов и шельфов восточного побережья Северной Америки. Струи Гольфстрима и фронтальная зона тесно связаны между собой и испытывают волнообразные отклонения от среднеклиматического уровня. Близко напоминающие извилистые русла равнинных рек, они получили названия меандров Гольфстрима. Наиболее интенсив-

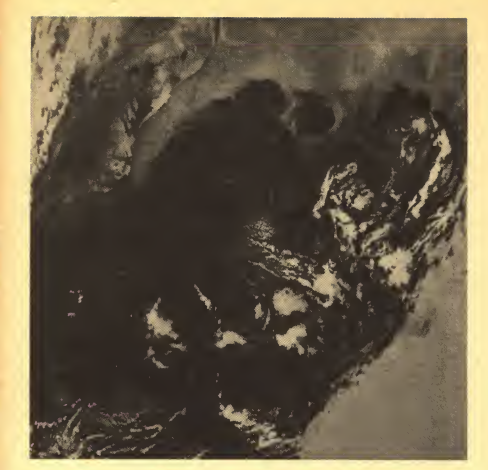


Рис. 1. Фотоснимок в инфракрасном диапазоне поверхности океана в районе Гольфстрима (северо-западная Атлантика), сделанный с ИСЗ НОАА-3 (США) 28 апреля 1974 года. В верхнем левом углу видно побережье США в районе мыса Гаттерас. Левая нижняя часть района закрыта облаками. Темные области — участки относительно теплых вод Гольфстрима и Саргассова моря. Светлые области у берега — участки холодных вод материкового шельфа и склона. Гольфстрим расположен вдоль линии резкой смены тонов цвета (соответствующей фронту Гольфстрима). Видны волнообразные искривления фронта. К северу от этого фронта на светлом фоне видны более темные пятна — теплые антициклонические ринги Гольфстрима. К югу от фронта на темном фоне видны светлые пятна (в частности, в центре рисунка) — холодные циклонические ринги

ное меандрирование происходит на участке к востоку от мыса Гаттерас. Меандры смещаются в восточном направлении, увеличиваясь в размерах. Многократные наблюдения позволили проследить процесс отрыва меандров Гольфстрима на определенном этапе их развития и образования отдельных вихрей, которые получили название рингов (колец) Гольфстрима за особенности гидрологической структуры.

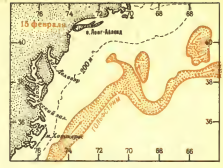
Ринги имеют ядро, состоящее из вод, резко отличающихся по температуре, солености и другим характеристикам от окружающих вод. Ядро опоясывает кольцо вод собственно течения Гольфстрим с высокими скоростями (1—2 м/сек, иногда и больше) и горизонтальными гради-

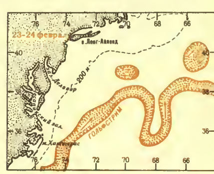
ентами* характеристик. Размер рингов 50—250 км, в толщу вод они проникают на сотни и тысячи метров, нередко до дна. Ядра с аномальными свойствами вод делают ринги хорошо заметными на снимках, полученных с ИСЗ. На рис. 2 показан процесс меандрирования и вихреобразования в районе Гольфстрима, по данным нескольких последовательных космических снимков в инфракрасном диапазоне.

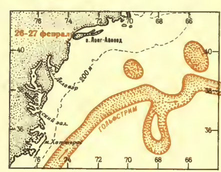
К северу от Гольфстрима образуются только антициклонические вихри с вращением вод по часовой стрелке, а к югу (в Саргассовом море) только циклонические с вращением против часовой стрелки. Циклонические ринги несут в своих ядрах холодные опресненные воды, характерные для районов к северу от Гольфстрима, а антициклонические имеют ядра из теплых, высокосоленых вод Саргассова моря. Таким образом, образование и перемещение рингов — один из наиболее эффективных процессов водообмена между водными массами по обе стороны от фронтальной зоны.

Наиболее часто ринги фиксировались к северу от 30° с. ш. и к западу от 60° з. д. В среднем за год образуется 5—8 рингов, они могут существовать до 3 лет. Антициклонические ринги в среднем несколько меньше по размерам (на 20—30 км) и перемещаются на 1—2 км/сут быстрее циклонических. Первые перемещаются параллельно Гольфстриму на запад и через несколько месяцев либо сливаются с ним в районе мыса Гаттерас, либо продолжают движение на юго-запад до Флориды, где находится второй район наиболее частого слияния рингов с основным течением. Вторые двигаются более сложным путем, нередко круто меняя направление и образуя петли, но в общем на запад-юго-запад до того же мыса Гаттерас (их слияние с Гольфстримом возможно на всем участке восточнее мыса). Циклонические ринги, ушедшие от Гольфстрима достаточно далеко, постепенно разрушаются в открытом океане. В целом количество долгоживущих рингов, достигающих Флориды, невелико. Чаще ринги перемещаются так, как показано на рис. 2.

* Градиент — мера пространственной неоднородности распределения характеристик океана (температуры и т. д.).







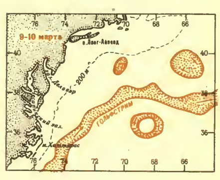
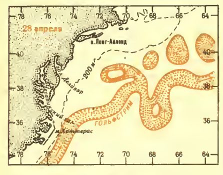
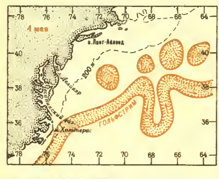
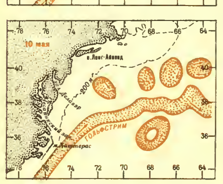


Рис. 2. Схема эволюции рингов и их взаимодействия с Гольфстримом в феврале—мае 1977 года, по данным наблюдений с ИСЗ и научно-исследовательских судов США. Видны процессы образования рингов, их слияния с Гольфстримом и повторного отделения









Ринги в процессе формирования получают запас энергии (кинетической, потенциальной, тепловой), которую постепенно расходуют на трение, тепло- и массообмен с окружающими водами. При слиянии с Гольфстримом энергия передается этому течению. Такой энергообмен между рингами и течением очень важен для всей системы Гольфстрима в целом, поскольку ее энергия растет вниз по течению, а ринги — единственный механизм, осуществляющий перенос избытка энергии вверх по течению.

Вихри, подобные рингам Гольфстрима, обнаружены и в других районах Мирового океана, где имеются фронтальные зоны и мощные течения, такие, как Куросио и Восточно-Австралийское в Тихом океане, Бразильское в Атлантике, Агульясово в Индийском океане, Антарктическое циркумполярное. Ринги возникают в тех местах перечисленных течений, где они имеют вид узкой струи с большими скоростями (около 1 м/сек). На участках расширения струй и уменьшения скоростей также образуются вихри, у которых, однако, нет ярко выраженных ядер и колец с повышенной скоростью. Такие вихри менее интенсивны, но часто имеют бóльшие размеры, чем ринги, поэтому общий запас энергии в них примерно одинаков. Все эти вихри можно объединить в один тип фронтальных синоптических образований, наиболее распространенных в Мировом океане.

Возможность существования вихревых образований в открытом океане, вдали от берегов и сильных течений, была обнаружена в конце 50-х годов, когда стали использоваться поплавки обтекаемой формы, перемещающиеся вместе с течением на заданной глубине. Эти поплавки через определенные промежутки времени передавали акустические сигналы. С помощью таких поплавков удалось установить, что в юго-западной части Саргассова моря скорость и направление течений даже на больших глубинах сильно меняется за сравнительно короткий срок (1—2 недели). Общая картина дрейфа поплавков позволила предположить существование в толще вод вихря с диаметром около 200 км, перемещающегося на запад со скоростью 2 км/сут. В отличие от рингов Гольфстрима этот вихрь целиком состоял из вод Саргассова моря.

Вот тогда-то и начались поиски вихрей в открытом океане. Комплексные наблюдения советских океанологов сначала в Аравийском море (1967 г.), а затем в Тропической Атлантике (1970 г.), в районах со слабыми (как предполагалось ранее) течениями, позволили обнаружить мощные вихри размером 100—200 км. Так, в 1970 г. на полигоне площадью

120×120 морских миль вели наблюдения шесть советских научно-исследовательских судов, было зарегистрировано 5 синоптических вихрей (2 антициклонического и 3 циклонического характера), которые перемещались на запад со скоростью 5 км/сут. Расположение вихрей напоминало шахматную доску, где черные и белые клетки соответствовали вихрям разного типа вращения. Это позволило выдвинуть гипотезу, что по своей динамике обнаруженные вихри близки к так называемым «планетарным волнам Россби», связанным с вращением Земли вокруг своей оси и ее сферичностью. Этот эксперимент, получивший название «Полигон-70», показал, что энергия вихрей в открытых частях Мирового океана значительно (на 1—2 порядка) превышает энергию средней (климатической) циркуляции.

Спустя два года к юго-западу от Бермудских островов американские ученые, опираясь на опыт и результаты советских исследований, начали специальные наблюдения за вихрями. Этот эксперимент получил название МОДЕ. В отдельных точках исследуемого района диаметром около 300 миль наблюдения продолжались с небольшими перерывами около двух лет. В океане были обнаружены синоптические вихри, очень похожие на описанные выше, лишь скорость их перемещения оказалась несколько меньше (2—3 км/сут). Энергия вихрей распределялась очень неравномерно. Так, над неровным дном она уменьшалась. «Поведение» вихрей оказалось довольно странным. Динамика группы вихрей в целом оказалась близкой к поведению волн Россби, а вот каждый вихрь в отдельности в некоторые моменты заметно отклонялся от волнового движения.

Как это часто бывает в научной работе, исследования, ответив на некоторые вопросы, задали океанологам огромное количество загадок. Первым шагом к их решению стала организация международной экспедиции, получившей название ПОЛИМОДЕ. Основной вклад в ее проведение внесли советские и американские океанологи. В ПОЛИМОДЕ принимали участие также ученые Великобритании, Франции, Канады и ФРГ. Наиболее интенсивные наблюдения велись с июля 1977 по август 1978 г., когда в Саргассовом море и у берегов Западной Европы постоянно работало около десятка научно-исследовательских судов.

Результаты экспедиции обработаны и проанализированы пока еще не полностью, но уже сейчас ясно, что в открытой части Северной Атлантики вихри широко распространены и оказывают существенное влияние на крупномасштабную динамику вод этого региона Мирового океана. В отличие от рингов Гольфстрима вихри открытого океана имеют более устойчивое направление движения (в основном на запад), скорости вращения воды в вихрях 20—60 см/сек (то есть в 2—3 раза меньше, чем в рингах). На разных глубинах вращательное движение может значительно меняться (вплоть до смены направления). Ринги же в этом отношении более однородное образование.

Установлено, что плотная («шахматная») структура вихрей наблюдается далеко не всегда. Нередко на значительном по площади участке океана вихри отсутствуют вообще или существует единственный вихрь. Обнаружено взаимодействие между вихрями (в основном энергообмен). Один вихрь может быстро усиливаться за счет ослабления соседнего. На стыке соседних вихрей разного направления вращения возникают узкие струйные течения с большими скоростями, которые перемещаются вместе с вихрями и существуют не более 1—2 недель. Легко представить, насколько сложным, запутанным может оказаться перемещение какого-либо плавучего предмета, опущенного на воду с судна.

Открытие и изучение рингов и вихрей в Северной Атлантике стимулировало проведение подобных исследований, пока, правда, в значительно меньших масштабах, и в других районах Мирового океана.

Систематизация и анализ этой обширной информации показали, что существуют еще несколько типов вихрей. Наиболее распространены топогенные вихри над подводными хребтами и горами, а также над неровностями материкового шельфа и склона. Они обнаружены практически во всех районах с подводными горами в северных частях Атлантического и Тихого океанов, на юге Атлантики и в Тасмановом море. Топогенные вихри имеют сравнительно небольшие размеры (в среднем 20—50, иногда до 100 км). По мере удаления от подводной возвышенности к поверхности океана вихревое движение ослабевает, поэтому на поверхности заметны вихри, расположенные над наиболее высокими горами (то есть над мелкими банками).

Топогенные вихри обнаруживают по аномалиям гидрологических (температура, соленость вод), гидрохимических (растворенный в них кислород и др.) и гидробиологических (наличие планктона и др.) параметров. Единой теории, объясняющей возникновение этих вихрей, пока нет, однако установлено, что они связаны с характером набегающего на подводную гору течения.

В прибрежных районах обнаружены вихри небольших размеров (5—30 км),

быстро (со скоростью 20—30 км/сут) перемещающиеся в направлении вдоль берегового течения. Наиболее подробные наблюдения таких вихрей проведены в Черном, Азовском и Балтийском морях. Вихри в прибрежной зоне образуются из-за трения берегового течения о берег и дно.

Океанские вихри гораздо более локальны, чем атмосферные, и изменения в них наступают намного медленнее. Можно сказать, что первые и вторые «выступают в разных весовых категориях». Поэтому возможность их взаимодействия почти исключена. «Почти» потому, что одна из разновидностей атмосферных вихрей — тропические циклоны в этом отношении представляют исключение. По размерам они близки к вихрям открытого океана, плотность энергии (в единице объема) достаточно велика, чтобы при его довольно непродолжительном воздействии (не более 1—2 суток) на океан (ветер и охлаждение поверхностных вод) вызвать в нем вихревое движение. Возможность такого возникновения вихрей в океане подтверждена теоретически и экспериментально. Однако достоверное подтверждение такого механизма — дело чрезвычайно сложное, и потому этот вопрос пока остается открытым.

Один из наиболее удивительных типов вихрей встречается вблизи проливов, соединяющих моря или части океана с сильно отличающимися характеристиками вод (температурой, соленостью и др.). Воды одного моря, проникая через пролив в другое, нередко образуют вихри, заметные на фоне окружающих вод. Они могут быть замечены и из космоса. Именно такой случай показан на рис. 2.

Какое же практическое значение имеет изучение океанических вихрей? Известно, что океан, представляя собой наиболее мощный резервуар тепловой энергии системы «океан — атмосфера — материки», во многом определяет погоду и климат. Океанические вихри в большинстве своем значительно отличаются по тепловым характеристикам (в ту и другую сторону) от окружающих вод. Поэтому они служат важным фактором перераспределения океанического тепла и, следовательно, погодо- и климатообразующим фактором, который необходимо учитывать при разработке методов гидрометеорологических прогнозов.

Океанические вихри нередко переносят огромное количество веществ, необходимых для развития органической жизни в океане. Кроме того, с вихрями, как правило, связаны синоптические (нестабильные) фронты в океане, где также концентрируются различные живые существа. Вполне возможно, что в таких условиях формируются промысловые скопления традиционных объектов промыслового лова (рыбы, кальмары, креветки).

Наконец, океанические вихри имеют не меньшее значение для выработки стратегии и тактики морских перевозок, чем атмосферные вихри для авиации. Скорость и направление течений, плотность воды, определяемая температурой и соленостью, которые в вихрях могут иметь значительные аномалии, самым существенным образом сказываются на скорости движения судов, их осадке (то есть фактическом водоизмещении). При использовании большегрузных судов необходимость экономии топлива и времени становится первоочередной задачей. Поэтому, вероятно, настанет время, когда капитаны дальнего плавания перед рейсом будут получать бюллетени «океанической погоды» по курсу судна.

Исследования океанских вихрей только начались, и, что они еще принесут, какие тайны природы раскроют, покажет будущее.

Алексей Блатов,
Алексей Косарев,
Валентин Тужилкин



Самое краткое название



Городов и сел, название которых состоит из трех или двух букв, в географическом атласе можно найти довольно много. Пожалуй, своеобразный рекорд в этом отношении держит одна из норвежских деревень, расположенная на Лофотенских островах. На картах она обозначается одной буквой — А. В деревне живет около 300 человек, занимающихся в основном промыслом трески.

ФЛАМИНГО — ДРЕВНЯЯ, ЗАГАДОЧНАЯ ПТИЦА



Сейчас во всем мире осталось около шести миллионов этих пернатых, и из них более половины обитает в Африке. Фламинго — древние птицы. Найденные в Северной Америке окаменевшие отпечатки их перепончатых ног и клюва говорят о том, что они живут на Земле уже около 50 млн. лет!

Основные места обитания фламинго в Старом Свете — озера, разбросанные вдоль Великой рифтовой впадины, проходящей в Восточной Африке. Множество этих птиц водится в Кении на озерах Магади, Эльментейта, Хэннингтон, Рудольф и особенно Накуру, где организован национальный заповедник. Вот туда-то и отправился я в августе 1977 г. с группой туристов.

От Найроби — столицы Кении — до Накуру каких-нибудь три часа езды в автобусе. К обочине шоссе ребятишки приносят фрукты и овощи, выделанные белоснежные овчины, надеясь продать их проезжим иностранцам.

С обрывистого края Великой рифтовой впадины (глубина ее в Кении достигает полутора километров) виднелись далеко внизу обширные пустоши, заросли акаций и светло-голубые озера, которые и предпочитают фламинго.

Экскурсии на озеро Накуру начинаются от одноименного города с населением в 50 тыс. человек. Стараясь соблюдать тишину, мы двинулись вслед за гидом по тропинке, обнесенной с обеих сторон тыном. В траве — таблички с многозначительной надписью: «Молчание — золото!» Мы вошли в обзорный павильон — похожую на дзот постройку с окошками в виде бойниц. И стоило выглянуть из «бойницы», как руки сами собой потянулись к фотоаппарату.

Там, где впадает в озеро ручей, собрались на водопой сотни животных — в основном антилоп разных пород. Хорошо зная, что в заповеднике им людей бояться нечего, одни из них мирно дремали на песке, другие, зайдя по колено в воду, неподвижно стояли подобно изваяниям. Пусть ненадолго, но можно было забыть о хищниках, браконьерах, других опасностях. Звери явно наслаждались покоем.

А дальше в оправе лесов раскинулось озеро, похожее на гигантскую чашу с гороховым супом. Это подлинное царство птиц. На упавшем в воду дереве чистили перья бакланы. Плавно махая крыльями, неторопливо летели куда-то цапли. Рядом с павильоном, деловито крякая, ныряли и отряхивались утки.

Фламинго находились по соседству — на излюбленном ими участке озера. Шофер поставил автобус под дерево, и гид повел нас к воде, прямо по растрескавшемуся дну чуть отступившего озера. Прячась за кустами, мы начали медленно подходить к кромке воды, и вот они — фламинго!

В каких-нибудь двухстах метрах на мелководье собралась огромная стая бело-розовых голенастых птиц с толстыми, изогнутыми книзу клювами. Их было несколько десятков тысяч, они заняли целый километр вдоль берега. Слышались оглушительное гагаканье, щелканье клювов, хлопанье крыльев, всплески воды. Фламинго стояли на отмели, охорашивались или же, опустив голову, подбирали что-то на поверхности воды, переговаривались между собой. То тут, то там вдруг возникали и быстро улаживались ссоры. Ветер разносил по всему озеру разноцветные перья, резкий запах птичьего помета.

Добрый час любовались мы фламинго. Затем сделали попытку подойти к ним поближе, но безуспешно. Словно кто дунул на кучу бело-розовых воздушных хлопьев! Заработали тысячи сильных крыльев. Скопище птиц сплошной белопенной волной отхлынуло в сторону — к заросшей осокой трясине. Такие же стаи видны были повсюду у берегов Накуру.

Не так давно эти царственные птицы были широко распространены на всех континентах, кроме Австралии и Антарктиды, но сейчас они сохранились лишь в некоторых более или менее труднодоступных уголках, по большей части в

Большой фламинго набирает скорость на мелководье озера Эльментейта (Восточная Африка) перед взлетом



тропиках. Из шести известных видов в Старом Свете живут лишь большой фламинго (Phoenicopterus ruber roseus) и его малый сородич (Phoeniconaias minor). Как раз малых фламинго и видели мы на озере Накуру.

Большой фламинго на целую треть выше своего собрата, тело его достигает в длину 120 см. Оперение у него белое, с розовым оттенком, особенно ярким на крыльях. Маховые перья — черные. Ноги длинные — до 70—80 см, похожие на ходули, розового цвета с перепонкой между пальцами. Глаза светло-желтые. Толстый розовый клюв с черным концом круто загнут посередине.

У малого фламинго глаза красные, клюв черный. Розового цвета в его наряде значительно меньше.

На Накуру временами скапливается до полутора миллионов малых и по нескольку десятков тысяч больших фламинго, которым каждый день требуется около 200 т «провианта». Что же может предложить им это сравнительно небольшое щелочное озеро? Оказывается, вода в нем похожа на питательный бульон — так много в ней минеральных частиц, микроскопических водорослей, личинок насекомых и других организмов.

За время своей эволюции фламинго великолепно приспособились к жизни на водоемах. Клюв больших фламинго — идеальная «шумовка» для процеживания воды. Птицы старательно топчутся по отмелям и набирают взбаламученную воду в клюв. Воду и водоросли они сцеживают через роговые зубчатые пластинки, расположенные по его краям, а рачки, небольшие улитки, водяные насекомые и их личинки составляют основу рациона этих птиц.

Иначе устроен клюв малого фламинго. Надклювье, подобно легкой крышке, прикрывает сверху массивное подклювье, причем внутренние поверхности того и другого усеяны бахромчатыми кисточками. Закроет птица клюв, и образуется мелкое сито, задерживающее диатомовые и сине-зеленые водоросли, которыми изобилуют верхние слои воды в озере. На этом природном «вегетарианском супе» и живут малые фламинго.

В хорошую погоду малые фламинго уплывают далеко от берега. Грациозно изогнув длинные шеи и держа клюв наполовину в воде, они день-деньской фильтруют ее верхние слои, богатые питательными веществами. Головы птиц, подобно поплавкам, подымаются и



Стаю птенцов фламинго всегда сопровождает заботливая «нянька»

опускаются в такт волнам. А если подует легкий ветер, фламинго собираются в большие стаи, в середине этого скопления вода гораздо спокойнее и можно без помех добывать пищу.

Таким образом, большие фламинго — плотоядные птицы, а малые — вегетарианцы. Поэтому они не конкурируют друг с другом и мирно уживаются рядом. Но на щелочных озерах те и другие старательно отцеживают воду — она не пригодна для питья. Большие фламинго довольствуются той влагой, которая содержится в озерных организмах. А малым приходится летать на водопой на озеро Хэннингтон, что в 60 км к северу от Накуру. Там бьют горячие ключи чистой воды.

Прохладным утром, едва забрезжит рассвет, на озере Хэннингтон можно наблюдать поразительную картину. Среди густых клубов пара, поднимающихся от гейзеров и горячих источников, утоляют жажду тысячи малых фламинго. Одни из них, напившись всласть, неподвижно сидят на разноцветных базальтовых скалах по берегу озера. Другие бродят по мелководью и неуклюже подпрыгивают, попав в чересчур горячую струю.

Гнезда фламинго устраивают на озере Накуру редко. Большие фламинго гнездятся иногда на щелочном озере Эльментейта. Кстати, в Кении гнездовья их были открыты сравнительно недавно — лишь в 1954 г. Птицы высиживают по одному, редко по два или три яйца. Насиживание продолжается 30—32 дня, причем в этом важном деле принимают участие оба родителя. Когда этим занята самка, супруг ее ходит рядом и грозно ерошит перья, предупреждая, что он на страже, что это «его» территория!

Когда в колонии появляются птенцы, наступает горячая пора. Счастливые родители без конца гогочут и по очереди летают за едой на озеро, а птенцы, укрываясь в тени крыла одного из родителей, громко требуют пищу. Аппетит у маленьких фламинго завидный. Родители кормят их, отрыгивая в их широко разинутые рты ярко-красную жидкость, которая образуется в их пищеварительном тракте и весьма питательна.

Излюбленное место гнездования малых фламинго — пустынные острова у южного берега озера Натрон, в соседней Танзании. Добраться до их колоний не так-то просто. Нужно преодолеть многие

мили вязкого ила, поминутно рискуя увязнуть в трясине, полной густого щелочного раствора. При этом можно получить нешуточные ожоги.

Первые две недели птенцы живут под опекой родителей. Затем, когда их розовые ноги вдруг становятся темно-зелеными, птенцы покидают гнезда и собираются в большие стаи. Пушистой серой лавой, переваливая через мелкие складки местности, лужи и все, что попадается на пути, стаи птенцов кружат и кружат вокруг родного гнездовья. Малышей сопровождает несколько мамаш, управляющих всеобщим движением особыми призывными криками. В течение дня то и дело прилетают с озера родители и, каким-то образом ухитрившись узнать в массе птенцов свое «чадо», кормят его. Так продолжается еще недель семь.

Трудно вообразить себе более суровую обстановку, чем та, в которой проходят первые месяцы жизни юных фламинго. Гибель подстерегает их на каждом шагу. При ходьбе по мягкому илу, затянутому сверху содовой коркой, на голенях у них образуются большие содовые наросты — настоящие «вериги». Если эти «вериги» слишком тяжелы, они отнимают у птенцов все силы. Из-за этого птенец может и не дойти в положенный срок до чистой воды, где затвердевшая сода обычно растворяется. Отставший от стаи неудачник становится добычей орлов и других хищных птиц.

Но вот если никто не нарушит покоя гнездовий, если стаи птенцов уцелели, на озере вдруг разом появляется множество молодых фламинго. Наблюдая внезапное их появление, местные жители до недавних пор были уверены, что фламинго появляются не из яиц, как все остальные птицы, а выплывают из глубин озера!

На одиннадцатом месяце жизни молодые фламинго уже умеют летать. Ноги у них мало-помалу вновь приобретают розовый цвет. Самый трудный, самый опасный период в их жизни остался позади. Уцелевшие имеют шансы прожить долгую жизнь — свыше восьмидесяти лет, как считают орнитологи. Полной зрелости они достигают примерно к трем годам.

У взрослых фламинго мало врагов. Им могут угрожать лишь орлы да еще марабу. Но орлы охотятся по большей части за ослабевшими и старыми птицами, а марабу предпочитают падаль. Эти могильщики и санитары Африки методически обследуют на рассвете топкие берега озер и мощными клювами разрывают тела погибших. Но в период гнездования орлы и марабу могут нагнать панику на фламинго, которые в таких случаях покидают на произвол судьбы насиженные яйца и даже недельных птенцов.

Люди до последнего времени почти не нарушали покой фламинго в Восточной Африке. Места их гнездовий не имеют хозяйственного значения. Вода большинства озер соленая и непригодная ни для питья, ни для орошения. Рыба здесь почти не водится. И хотя еще древние римляне считали язык фламинго деликатесом, мясо этих птиц невкусное. Но самое главное — гнездятся эти птицы в труднодоступных местах.

В поведении и привычках фламинго до сих пор много неясного. Например, время от времени они совершают массовые перелеты с одного озера на другое, хотя условия и там и тут как будто бы одинаковы. Орнитологи считают, что фламинго каким-то образом передают друг другу информацию о более благоприятных условиях кормления. И стоит нескольким птицам принести эту весть, как громадные стаи отправляются в путь. Перелеты происходят обычно в ночную пору. Жители окрестных селений слышат, как, сдержанно переговариваясь между собой, фламинго летят и летят куда-то.

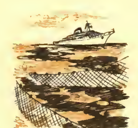
Большую часть времени фламинго проводят в добывании пищи на мелководье или на середине озера, образуя нечто вроде гигантского плавучего ковра диковинной красоты. Но в определенные периоды времени как бы срабатывает некий механизм, и в поведении части птиц наступает резкая перемена. Сотни их сбиваются на мелководье в тесные группы. Широко распахивая крылья, вытягивая к небу шею, они начинают ритмично подымать и опускать голову и затем пускаются в танец, похожий на испанское фанданго. Танцы эти брачные, и продолжаться они могут неделю или даже дольше. В эту пору у фламинго образуются супружеские пары.

Бывают неблагоприятные годы, когда фламинго вообще не выводят птенцов. Но при этом они строят как бы игрушечные гнезда. Своими изогнутыми клювами, словно мотыгами, подгребают под себя мягкий ил до тех пор, пока не образуются конические гнезда высотой в 10—60 см с углублением наверху. Но яиц не откладывают.

Резкое сокращение численности диких животных заставило правительство Кении запретить в 1977 г. всякую охоту на территории республики. Главная опас-

ность, которая подстерегает фламинго,— это возникновение различных предприятий, сбрасывающих вредные стоки в озера, где живут эти птицы. Угроза эта вполне реальна. Но надо надеяться, что будут приняты меры, чтобы не исчез навсегда шумный и красочный мир древних голенастых птиц, которые пока радуют глаз своей грациозностью и красотой.

Вячеслав Крашенинников



Защита пляжей латексом

Не так давно в Ла-Манше наскочил на камни и разломился либерийский танкер. Нефтяное пятно стало двигаться к пляжам английских курортов. Ученые решили проверить новый метод борьбы с «нефтяной чумой». На нефтяную пленку с кораблей разбрызгали жидкий каучуковый латекс. Произошла реакция, в результате которой образовалась твердая пленка, которую очень легко собирать сетями. После высушивания ее можно использовать в качестве топлива в смеси с каменным углем или торфом.



Поосторожнее с шампиньонами

Во многих странах Европы запрещено скашивать на корм скоту траву у обочин шоссе. Дело в том, что здесь в растениях накапливаются тяжелые металлы, содержащиеся в выхлопных газах автомобилей.

Ученые Финляндии установили, что еще большей способностью накапливать тяжелые металлы обладают шампиньоны. Эти грибы могут постепенно аккумулировать свинец, кадмий, ртуть не только из выхлопных газов автомобилей, но и из дыма индустриальных предприятий. Финские экологи воспользовались этим свойством грибов для определения вреда, наносимого тем или иным предприятием окружающей среде. Так они доказали, что один из химических заводов в пригороде Хельсинки выбрасывает в воздух весьма значительное количество кадмия.



Какой же город под Евпаторией?

О существовании античного порта нв месте известного курорта в Крыму советские ученые знали давно. Античные источники называли древнегреческий город в этом районе Керкинитидой. Но полной уверенности, что именно это поселение находилось под застройками современной Евпатории, до сих пор не было. Загадку разрешили киевские археологи. При раскопках в центре города они вскрыли фундаменты жилых домов, оборонительных стен, мастерских различных ремесленников. Найдены украшения, предметы домашней утвари. Удалось расчистить пол центрального помещения одного солидного по размерам здания. Он покрыт мозаикой из цветной гальки. Теперь ясно, что Керкинитида была одним из крупнейших городов Тавриды в V—III в. до н. э.

ПАМЯТЬ ГОРОДА, СКАЖИ...



«А город им сметить»

«Послал ты холопа своего меня к Ивану Микитичу Мясному город делати и острогу. И я, государь, с воеводою твоим Ондреем Дмитриевичем Звенигородским и Иваном Микитичем Мясным острог сделали». Это — из челобитной городовых дел мастера Ильи Катеринина, поданной государю Федору Иоанновичу и посвященной строительству города Ельца после разрушения его татарами. На челобитной сделана помета, содержащая царево распоряжение: «Дати ему четыре рубля, что город и острог делал...»

Челобитная Ильи Катеринина относится к 1592 г., от нашего времени ее отделяет без малого четыреста лет. Она вводит нас в мир, казалось бы давно ушедший, и, однако, мир, удивительно близкий нам, затрагивающий за живое. Близкий не только тем, что в нем — наше прошлое, прошлое нашего народа, страны, но и тем, что прошлое продолжает жить в нашем сегодня.

Мысль эта сама по себе не нова, ни в каких объяснениях и подтверждениях не нуждается, и все-таки... Можно сказать так: прошлое нашего народа так богато, исторический опыт, накопленный им в разных областях культуры, так необъятен, что еще долго предстоит открывать и исследовать то, что сквозь века, сквозь войны, нашествия, невзгоды донесли до нас наши предки. И при этом не стоит удивляться, если окажется, что в сегодняшнем дне скрыто гораздо больше следов былого, чем это можно себе представить на первый взгляд; что и для нашего времени — времени космических кораблей, ЭВМ и прочих примет атомного века — сделанное предками таит в себе много поучительного.

Давно ушли от нас времена Бориса Годунова и Федора Иоанновича. Илья Катеринин — где он жил? Что мы знаем о нем? Да почти ничего. А вот дело его рук живет: в планировке старой части Ельца, которая не раз перестраивалась, в которой деревянные дома давно заменены каменными и которая тем не менее до наших дней сохранила замысел своих созидателей. Память города...

Она неисчерпаемо богата для тех, кто понимает язык, на котором с нами говорит минувшее. Среди тех исследователей, чьим трудом открывается мир средневекового русского градостроительства, Гали Владимировна Алферова — историк, архитектор, реставратор. И кроме того, прекрасный знаток древнерусского языка. Очевидно, именно благодаря такому счастливому сочетанию знаний и стали возможны те значительные результаты, к которым пришла исследовательница после 20 лет упорной работы. Ею поднят целый пласт отечественной истории, разобрано и изучено множество дел из фондов бывшего Московского архива Министерства юстиции. Поместно-вотчинного Архива, охватывающего документы с 1540 по 1720 г. Боярские городовые книги, приказные дела старых лет, статьи о Разрядном приказе, дела Сибирского указа, Уфимской приказной избы, документы о строительстве многих русских городов. Сделано много. Возможность в подлинниках читать документы и оценивать их глазами специалиста, архитектора, открыла перед исследовательницей широкие перспективы. Дела приказов, в частности Разрядного, математические книги, книги чисто практического свойства того далекого времени, прочитанные архитектором, неожиданно стали источником бесценной, неизвестной до этой поры информации по истории градостроительства. Именно эти сведения наряду с другими позволили совсем иначе увидеть картину строительства городов на Руси XVI—XVII вв., переосмыслить очень многое из того, что было сделано до нее. Главные выводы ее исследований последних лет следующие.

Первые города на Руси XVI—XVII вв. не появлялись случайно. Их строительство было частью обширной внутригосударственной политики. В архивных документах нередко встречаются указания приказных дьяков, подобные тому, какое Алферова обнаружила в указе Бориса Годунова 1600 г. о строительстве города Царева-Борисова: «А на город на башни и на всякое городовое дело сме-

тить им лес каков город делати по тому чертежу и по росписи».

Второе — города на Руси этого времени не строились стихийно. Их планировка была свободной, но не случайной и беспорядочной (Алферова называет ее пространственно-модульной, впервые вводя этот термин в научный оборот). А свободная, живописная планировка, по мнению исследовательницы, это результат высочайшего градостроительного искусства.

И третье — города на Руси строились согласно градостроительным законам того времени, по чертежам, планам и сметам, составлявшимся с учетом местности предварительно, задолго до начала строительства.

Все три вывода, сделанные исследовательницей, ломают традиционные представления о русских городах средневековья, сложившиеся в науке. Они настолько новы, интересны, так основательно аргументированы, что почти не оставляют сомнений в умах даже самых закоренелых скептиков.

Итак, какая картина встает в свете этих новых выводов?

70 городов и еще 70

Надо сказать, что более основательно исследованы Алферовой XV, XVI, XVII вв. И помимо особого интереса этому есть объективная причина. Если в период феодальной раздробленности никто из князей архивов не держал и каждый строил, где мог и как хотел, то в период Московского государства дело обстояло совсем иначе. О строительстве городов этого времени сохранилось много документов. Иван III, его сын Василий III, внук Иван IV, наконец, Борис Годунов — все они строили очень много, и документы, сообщающие об этом, до нас дошли. В XV в. было построено 70 новых городов и почти столько же реконструировано. Из 240 городов, известных к концу XVII в., за предыдущие два столетия были отстроены заново или перестроены, подняты из руин больше 200. Даже нас, привыкших к строительному размаху XX в., эти цифры поражают.

Но такое грандиозное строительство вполне объяснимо. При всех различиях характеров Ивана IV, Бориса Годунова и Алексея Михайловича, при различии их интересов, возможностей и условий, в которых они царствовали, было одно, единое для всех обстоятельство: они должны были устроить и защитить русскую землю от врагов. И тут роль города, особенно пограничного, становилась огромной. Именно поэтому-то градостроительная политика была единой и целенаправленной — она естественно вытекала из политики создания сильного централизованного государства и сохранения его жизнеспособности.

Методы организации всей системы строительства городов начинаются со времени Ивана III, разворачиваются по-настоящему при Иване IV и последовательно продолжаются в дальнейшем.

Город замысливался и отстраивался как государев город, и строительство его было делом государственной важности. Имеется в виду, конечно, прежде всего градостроительная политика, которая была государственной и осуществлялась правительством. Но еще и особое отношение государя к этой политике, очень пристальное, пристрастное. Такой пример. По указу Бориса Годунова Бельский, назначенный воеводой, должен был закладывать в 1600 г. город Царев-Борисов. Будучи баснословно богатым человеком, он, прибыв на место и заложив город, начал его сам строить — сам нанимал людей, сам кормил их. И пошла о нем молва, что щедрый, денег не считает. А за это Борис Годунов отстранил его от работ, ибо город государев и только на государевы деньги могут строиться города. Пример очень характерный. Время феодальной раздробленности прошло. Настало единовластие, и проявлялось оно во всех сферах жизни того времени. Но прежде всего, конечно, там, где речь шла о самосохранении. Строительство городов и охрана границ — главная забота Русского государства, и ошибочно, наивно думать, что это дело могло быть реализовано стихийно.

Попробуем на минуту представить себе — ведь это время освоения и заселения земель в Поволжье, за Уралом, в Сибири, на далекой Индигирке,— можно ли было свершить все это так, «как бог на душу положит»? Работа велась очень большая. Застраивалось Русское государство планомерно и добротно. При таком размахе необходимы были организации, как бы мы теперь сказали, осуществлявшие надзор за строительством. И не только надзор, но и руководство. И такие организации были. Это приказы. Выявить среди многочисленных функций приказной деятельности функцию градостроительную было непросто, и заслуга в этом принадлежит Г. В. Алферовой.

В Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) собраны, в частности, огромные материалы по московским приказам. Изучая их, ей удалось обнаружить множество планировочных чертежей, сметы, расчеты, распоряжения и указания градостроителям. Постепенно таких материалов у нее становилось все больше и больше —

Планирование территории для нового города. Деталь гравюры Ширского. 1696 год



выстраивалась целая линия в деятельности приказов. По документам шаг за шагом ей удалось восстановить очень четкую и логичную систему, благодаря которой на протяжении нескольких веков осуществлялась и реализовывалась государственная градостроительная политика. И начиналось все с приказов.

Правда, случались и промахи. Хорошо известен из русской истории, например, приказ Каменных дел. Естественно было предположить (это и сделала исследовательница), что именно он и должен заниматься градостроительством. Но он, как оказалось, строительством городов не ведал, а ведал строительством лишь отдельных зданий. А вот приказы, которым, казалось бы, на первый взгляд никакого дела до подобного строительства не было — Разрядный, Поместный, Сибирский, приказ Казанского дворца,— как раз этим и занимались. И этой странности, как впоследствии выяснилось, было свое объяснение — в их ведении были огромные территории. И получалось, что благоустраивать и ставить города было первейшим делом именно этих приказов. Алферовой удалось выяснить, что в их составе кроме руководителей были воеводы-строители, государевы каменщики и плотники.

Главным же в градостроительном деле был Разрядный приказ. По описи 1686 г., к Разрядному приказу относилось 125 городов. Он следил за их жизнью, списывался с воеводами, был в курсе дел наиболее важных. Воеводе вменялось в обязанность сообщать, какие у него в городе ремесла, как идет торговля, какие доходы и расходы и сколько проживает людей, какая застройка, какие укрепления — требовался их план и т. д.

Сохранились отчеты воевод, их письма и донесения. Этих материалов оказалось вполне достаточно для того, чтобы представить себе, как строился и жил средневековый русский город.

Вначале приказы подбирают на строительство города воевод и отдают им распоряжения составить смету и чертежи будущего города.

Они строились по чертежам и сметам

«Смета» и «чертеж» — слова нашего времени. Но они имели тот же смысл и в XVI и XVII вв. И об этом стоит сказать несколько слов хотя бы потому, что даже многие специалисты, занимающиеся историей градостроительства Русского государства, употребляют их с более позднего времени, и в том, что теперь они вновь возвращены в обиход своего времени — XVI и XVII вв.,— заслуга Алферовой.

Изучая опись царского архива 1575—1584 гг., она обнаружила в ящике под № 22 дела Ивана III и Василия III, среди которых был «чертеж Себежский и Гунянский». В ящике № 25 хранился и список города Смоленска с «путями и волостями, что к нему тянет». В архивах поименованы чертежи Лукам Великим, Псковским пригородам с литовским городом Полотском и др. Сохранились городские росписи Василя, разъездные списки Дмитрова, Рузы, Звенигорода. Здесь надо иметь в виду, что в царский архив попадали лишь некоторые чертежи.

Основная масса чертежей находилась в Разряде — сохранился список 231 чертежа, составленный до 1666 г. думным дьяком Д. И. Башмаковым. В нем поименованы 63 города и дан дополнительный список из 17 городов. И наконец, факт



Строительство городской стены. Город Свияжск. Фрагменты гравюры XVI века

любопытнейший: по городу Белгороду и его уезду в Разряде хранилось 27 чертежей.

Сметы так же, как и чертежи, были неотъемлемой частью градостроительной документации, составлявшейся в Разряде. Не вызывает сомнения, что размах градостроительных работ на необъятных просторах южных и восточных земель мог осуществляться только при условии хорошей организации планирования и сметного дела. Но не вызывает сомнения теперь, когда Алферовой удалось обнаружить в делах Разрядиого приказа многочисленные сметы, в том числе, например, полностью сохранившуюся смету на три новых города, которая была составлена служащими Разрядиого приказа Ф. Сухотиным и Я. Юрьевым. На ней точно указывалось местонахождение будущих городов, устанавливалось число жителей — на одну тысячу служилых людей, которых надо «устроить на жилье землями и всякими угодьями». И еще устанавливалась масса всяких необходимых подробностей, например, из каких мест «на городовое дело и на селитьбу брать лес», откуда брать служилых людей, которые должны охранять строителей, «покаместь город устроитца», и сколько им нужно платить. Дополнительно составляется смета на крепостные укрепления. Определялась стоимость работы строителей и материалов на все три города. В конце указывалась общая сумма: «Обоего три города да восемь острожков ратным людям, и от земляного и от надолбного дела дать денег по большой статье 111 574 рубли 15 алтын, да хлеба, ржи и овса 24 000 чети».

Города строились небольшие. Считалось, не без оснований, что небольшим городом управлять легче, легче прокормить. Не случайно поэтому в смете расчетной единицей является одна тысяча человек мужского пола. Все население такого города с женами и детьми примерно составляло 5—6 тыс. человек. О том, что размер города регламентировался правительством и имелся определенный оптимальный вариант, говорит другой документ. В 1680 г. выходцы из правобе-

режной Украины хотели построить город на берегу реки Битюга. Боярская дума разрешила им поселиться в России, но предложила другое место. Она заявила следующее: «А буде их придет многолюдство большое и в одном городе им уселиться немочно и им строиться городами...», и дальше подробно говорится, в каких именно местах. Если же город разрастался, часть жителей отселялась в новые города.

Помимо чертежей и смет в архивах приказов оседали государевы указы о том, откуда брать деньги на строительство нового города, откуда хлеб, чтобы кормить жителей до их первого урожая; интересно, что на первых порах, пока новый город «вставал на ноги», он находился на государственной хлебной дотации.

Алферова находила много документов, подтверждающих ее догадку о том, что строительство и устроение городов шли через приказы, и еще, что города сами собой не возникали, а только в результате государственной необходимости, согласно решению государя.

Вот что сообщает о строительстве города Свияжска Никоновская летопись. Он возводился под непосредственным руководством Ивана IV, который после первых неудачных походов на Казань создает форпост в двадцати километрах от нее. Этот форпост, основанный на новых землях, должен был одновременно стать и административным центром. Место для города выбирается царем вместе с воеводами. «Благоверный царь на место приехал... и место полюбил, где быти граду и церквам святым стояти, Круглую гору». Среди строителей особенно выделялся И. Г. Выродков. Все строительство велось на средства Ивана IV. «Да запасы свои царьские посылати великие» для прокорма огромного войска.

Сохранились документы от 1636 г., относящиеся к строительству Козлова, Тамбова, Нижнего Ломова и Верхнего Ломова, подробнейшие распоряжения и приказ за подписью государя и Боярской думы. Из этих документов мы также узнаем два имени крупных строителей укреплений — Биркина и Спешнева. В ЦГАДА хранится чертеж, с которым они поехали «устраивать» Козловский уезд и строить Козлов и Тамбов.

А вот как строится Яблонов (ныне поселок юго-западнее Тамбова). Пять тысяч стрельцов, прибывших из Москвы, и воевода Бутурлин строят город... за две недели. Это невероятно, но это — исторический факт. Сохранился чертеж того деревянного города, который был построен, и множество документов, рассказывающих об этом строительстве. Но как возвести огромные земляные укрепления, храмы за две недели? Как сразу занять на стройке 5 тыс. человек? Это возможно при одном условии — четкой, продуманной организации градостроительных работ и, конечно, мастерстве и умении строителей.

Однажды в документах Г. В. Алферовой было найдено такое распоряжение: «А город строить по образцу». Позднее она сплошь и рядом встречала такие распоряжения и стала докапываться, что это за образец такой. Оказалось, в московских приказах разрабатывались образцы городов, учитывающие специфику местности, ландшафты, окружения, наконец, среднегодовую температуру, в теплом климате — строить один город, в холодном — совсем другой. И воевода, который закладывал город и должен был стать его строителем, видимо, имел на руках несколько образцов. Он мог выбирать, что более подходит для данной местности. Но и выбрав, он не становился его рабом, оставалась свобода для творчества.

Узор диковинного цветка

Очень важное для своей концепции исследование Алферова провела на материалах Ельца. Город этот, полностью разрушенный татарами в 1580 г., в 1592 г. был выстроен заново. Для нового строительства московское правительство посылает трех, как мы теперь понимаем, видных в градостроительном деле людей — Ивана Никитича Мясного, Андрея Дмитриевича Звенигородского и Илью Катеринина.

Приехав в разрушенный город, строители отказываются восстанавливать его на прежнем месте и находят для него новый участок. Их взгляд привлекает место, где в реку Сосну с одной стороны впадает речка Елец, а с другой — речка Лучка. У Сосны да и у речки Ельца один берег высокий, а другой низкий. Разница высот довольно заметная, и вся эта местность являет собой картину сложного, раздробленного, расчлененного рельефа. Место, безусловно, удивительно живописное, однако трудное для градостроителей. Но как же блестяще они сумели «обыграть» именно этот сложный рельеф!

Центр города был привязан к устью Ельца, к месту слияния Ельца и Сосны. Здесь, у широкого водного простора, градостроители поставили крепость, а выше по течению Ельца, вдоль этой речки, раскинули большой посад. Так образовалась центральная структура города, его сердцевина. Вокруг нее были заложены слободы: правильными овалами, напоминающими лепестки какого-то диковинного цветка, они расходятся из

центра, от посада. Далее, каждая слобода имела свое укрепление, занимавшее определенное место в общей оборонительной системе города. И наконец, единую структуру высотных доминант образуют храмы, поставленные так, что в центре их оказывается много, а вокруг, в слободах — по одному на две-три слободы.

Каменный город донес до нас то, что так привлекательно в городах вообще и что теперь так редко — пропорции, соразмерные человеку, систему, при которой все части города соразмерны одной заданной величине — модулю.

Но это еще не все. Была исследована постановка городских архитектурных доминант. Алферова взяла планы с горизонталями и посмотрела, как они расположены по .высоте. Открылся интересный замысел градостроителей. Ряд храмов стоит на отметке 120—125 м, другие — на отметке 140, третьи — 150, четвертые — 180 м. И это — не случайно. В основе именно такого расположения храмов лежали эстетические и социальные требования того времени. Это было связано, в частности, и с законом, по которому все доминанты города должны были просматриваться из каждого двора.

Уместно рассказать об этом градостроительном законе хотя бы кратко. Издан он был в IX в., а написан Василием Македонянином, императором византийским, в 878 г. и сразу же переведен на сербский и болгарский. На Русь пришел в XII—XIII вв. и с тех пор свято выполнялся. Выполнялся он и во времена Киевского государства, и даже в период феодальной раздробленности, но особенно в Московском государстве — именно в это время он становится основополагающим законом в градостроительстве.

В законе этом говорилось следующее: город должен закладываться на высоком месте, но улицы при этом должно так планировать, чтобы нечистоты верхней части города не попадали на дома и усадьбы нижних жителей и чтобы дым из труб нижнего города не шел в окна верхних горожан. Кроме того, город должен быть распланирован так, чтобы каждый (!) дом был связан с природой и городскими доминантами и чтобы никто друг другу не мешал их видеть. Предусматривалось выполнение и более «мелких», деликатных требований, скажем, чтобы твои окна не смотрели в окна соседа, чтобы проход от твоего дома на улицу не был сделан за счет участка соседа, и т. д. Указывалось, как должна быть размещена зелень в городе. Сказано: если ветви вашего дерева попадают к соседу, он имеет право их обрубить. Деревья не должны закрывать прозор.

Удивительно человечный документ! Результатом его распространения и принятия по существу и явились города со свободной живописной планировкой. И это понятно. При регулярной планировке эти условия удовлетворить было бы невозможно. Дома, построенные вдоль прямой улицы, один за другим и в ширь города, и в его длину, естественно, стали бы загораживать друг другу и «прозоры», и доминанты, и просто солнце. Как раз этого-то закон и не должен был допустить. И вот что получалось.

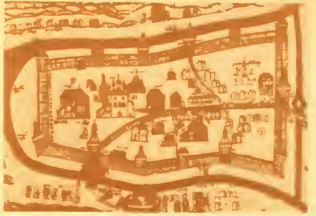
Изучались ландшафты — земля, дороги, реки. Создавалось кольцо стен с нужным числом ворот, освящались земли под храмы, затем намечались места для административных зданий, намечались участки для слобод и посадов. Участки под слободы делились между горожанами, а затем между их домами и участками прокладывались улицы. Есть даже такой документ по Воронежу, что строитель был никудышный, так как улиц в городе не проложил... Сохранились специальные сметы, предусматривавшие прокладку улиц.

Итак, свободная планировка. Значит ли это, что она была хаотичной и беспорядочной? Вовсе нет. По мнению Алферовой, именно свободная планировка является собой высшее достижение градостроительного искусства.

Регулярная планировка, как более простая, возникает гораздо раньше свободной. Мы знаем древнеиндийские города дравидов — Мохенджо-Даро и Хараппу, древнеегипетский Кахун, города шумеров. Это улицы, разбитые на квадраты и прямоугольники. Свободные в своей планировке города впервые возникают в Древней Греции, где стремление добиться максимального удобства для жителей связано и с высокими эстетическими запросами, и с желанием быть ближе к природе. Градостроительное законодательство в Греции было создано в V в. до н. э. Об этом говорит Аристотель. Говорит он и о том, что свободная планировка гораздо человечнее регулярной.

Преимущества свободной планировки видны даже сегодня, спустя века, при изучении древних городов. Идешь по улице старого города и видишь, что все дома поставлены к улице углом. Только значительно позднее появляется улица-коридор, характерная для Западной Европы. Поначалу в городах такой улицы не было. Система градостроительства на Руси была такой же, какой она была в Греции. О создании русской градостроительной традиции, в основе своей исходящей из греческой, следует говорить особо. Это уже тема для другой статьи. Здесь же следует сказать, что, как и в

План города Олонца.
Рисованный чертеж,
начало XVIII века



Греции, на Руси при закладке города земли делятся на три части — под общественные сооружения, под селитьбу и резервные земли для роста города в будущем. Улиц как таковых не было. Дома фасадом своим повернуты к солнцу, морю, реке, к красивому виду, но не к улице. Дом окружал простор, окружала природа.

«Работать с солнцем, с ветром...»

Это выражение — «работать с солнцем, с ветром» — встретилось нам в книге, посвященной исследованию крестьянской избы. Но оно показалось крайне удачным и для рассказа о труде средневековых русских градостроителей.

В средневековом городе вторая, рукотворная природа еще не отделила человека от первой, естественной. И это — поистине неоценимое достоинство живописного города.

Идешь по старинному городу, если только он сохранил хотя бы следы первоначальной своей планировки, и перед тобой все время возникают все новые и новые картины, тебе не скучно — ты словно наблюдаешь последовательную смену декораций. Тут замысловатая резьба на доме, там открывающийся вид на городской кремль, чуть дальше — каменный храм, а еще дальше — простор окрестных лесов, лугов. И пусть человек проделывает этот свой путь не в первый раз. Смена впечатлений не даст угаснуть живому интересу к своему городу, запечатлит его образ надолго в памяти. В таком городе каждый шаг открывает новые картины, вид новых улиц и храмов, общественных и городских сооружений. Путнику они открываются то одной, то другой стороной. Меняется ландшафт в самом городе, но меняются и дали, открывающиеся с его улиц. Город становится необычайно емким — емким эмоционально, психологически, становится необычайно многообразным, многокрасочным, многокартинным. И начинается диалог между человеком и городом, и диалог этот, надо заметить, необходим обеим сторонам. Он нужен человеку — сейчас, когда мы отчетливо поняли, столкнулись с психологическим однообразием многих микрорайонов современной застройки. Но диалог этот нужен и самому городу — ведь только так город может рассказать человеку о себе, о своих зданиях, о замыслах, воплощенных в его планировке. Наконец, именно так — рассказывая о себе, показывая здания, возведенные отдаленными и близкими предками,— город мог внушить человеку уважение к этим предкам, к их деятельности, а значит, и к самому себе, к своему облику, в котором соединялись разные эпохи.

И еще. Никогда приезжавшая из села в старый город неграмотная женщина не могла заблудиться в городе, никогда почтальон не мог принести письмо в другой дом, а только туда, куда оно послано, хотя адреса на конверте, в нашем понимании, не было. Почему? «Работала» великолепно продуманная система ориентиров и доминант. Застройка была разнородной, запоминающейся, имела лицо и характер. Сейчас, бывает, нет ни того ни другого. Вторая среда, созданная руками человека, заглушила первую — природу. Ее как бы и не стало в городе вовсе. Мы не всегда понимаем ритм ее холмов, оврагов, долин, излучин рек. Очевидно, только когда мы вновь «повернемся» к ней, мы сможем обрести города, не чуждые нам, а милые сердцу.

18 Заказ 1132

Наконец, в городе свободной планировки многие санитарно-гигиенические проблемы решались удачно. Там не возникало скученной застройки, жилые дома были отделены от проезжей части, оставались свободные участки для расширения города.

Нам есть чему поучиться у предков — эта мысль не оставляет при знакомстве с работами Алферовой. Конечно,— и это нужно подчеркнуть с самого начала — градостроительные проблемы в наше время имеют принципиально иной характер, чем в пору средневековья, и пути решения наших проблем иные, и все же...

Внимание к рельефу местности — ведь оно дает прекрасные результаты и в наши дни. Например, при создании жилого района Лаздинай (создатели его удостоены Ленинской премии в 1974 г.) в Вильнюсе жилые дома были поставлены проектировщиками на одном уровне, а транспортные магистрали, опоясывающие этот район, опущены на уровень ниже, чтобы шум от автомобилей меньше беспокоил горожан.

Опыт планирования средневекового Ельца, да и Тюмени, где работал все тот же И. Н. Мясной, поучителен и ныне. А информационная емкость городского ландшафта? А соразмерность застройки самому человеку — если и не всей застройки (от высотных домов сейчас отказаться невозможно), то хотя бы каких-либо ее элементов?

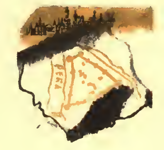
Еще одно весьма поучительное наблюдение — использование свободной планировки, отказ от сооружения зданий по красной линии и образования улицы-коридора. Даже и в наше время, когда большая плотность застройки диктуется жизненной необходимостью, вполне реально так спланировать микрорайон или другой какой-то градостроительный участок, чтобы дома стояли кучно, группами, но зато рядом с ними, вокруг них освободилась площадь, которую можно было бы использовать и для скверов и садов, и для спортивных или детских площадок, да помимо всего прочего и просто — для зелени лужаек, которых так не хватает человеку среди камня, асфальта и бетона...

Память жилого, обжитого пространства, память города — как она продолжается в новой, современной застройке? Как продолжаются в ней мысль, полет фантазии тех, кто основывал эти города, градостроителей минувших эпох? Нередко, к сожалению, вовсе не прослеживаются знаки былого, оставленные нам предками, а в результате новая застройка как бы отвергает все прежнее.

А какая это благодарная задача — попытаться понять движение мысли старых градостроителей, их замыслы, смысл их реальных свершений! Понять — и продолжить, продолжить, используя неисчислимые современные технические возможности, и развивать так, чтобы новые районы были и живописны, и неповторимы по своему облику, и создавали бы комфортные условия жизни, лучше вписывались в окружающую среду. Порой этого не происходит по многим причинам. Одна из них — мы не умеем еще читать знаки минувшего, записанные в планировке наших, идущих из прошлого, городов, не понимаем языка, на котором говорят с нами древние градостроители. А потому бесценный опыт предков еще во многом скрыт от нас.

Исследования Г. В. Алферовой привлекают внимание к этой стороне градостроительного дела, показывают великолепно отработанную веками градостроительную традицию, позволявшую создавать в средневековых городах гармоничную среду обитания человека, открывают перед нашим воображением яркую и полную смысла картину. И оживают наши предки, в черед известных имен входят городовых дел мастер Илья Катеринин, дьяк И. Г. Выродков, бывший заметной фигурой среди строителей Свияжска, крупные градостроители конца XVII в. Иван Биркин и Михаил Спешнев, возводившие Козлов (ныне Мичуринск). И давно, казалось бы, минувшее становится по-настоящему современным, волнующим, поучительным.

Григорий Зеленко,
Галина Бельская



В ПОИСКАХ БАШНИ АНТИЧНЫХ ВРЕМЕН



Всякому, кто интересуется античной историей и географией, конечно, известно имя Страбона. Ведь без этого выдающегося географа немыслимо представить себе историю географической науки. Он не открывал новых земель, неизвестных стран, не создавал своих теорий, да и не стремился к этому. Зато он умел терпеливо и скрупулезно собирать факты, предположения, догадки, анализировать их, приводить в стройную систему. Этому занятию Страбон посвятил всю свою жизнь. Он много путешествовал и всегда вел путевые записи, всесторонне изучал труды своих предшественников и на склоне лет создал фундаментальный труд в 17 книгах под кратким названием «География». Так в начале нашей эры родилась энциклопедия, в которой было собрано все, что знали древние об обитаемом мире. Судьба оказалась милостивой к творению Страбона и сохранила его для потомков. Сегодня «География» — ценнейший источник различных сведений для историков, географов, этнографов. Ведь это одно из немногих античных произведений, дошедших до наших дней.

Несколько разделов «Географии» посвящено Черноморскому побережью нашей страны. Сам Страбон никогда здесь не был, но о далеких берегах Понта Эвксинского много писали его предшественники: Эфор, Деметрий, Артемидор. На основании собранных ими сведений Страбон составил общее описание Северного Причерноморья. Он перечислил крупные реки, рассказал о расположенных здесь древнегреческих городах, коснулся некоторых исторических событий. Современникам Страбона, наверное, хорошо было известно, о чем идет речь. Но теперь, через две тысячи лет, некоторые указания географа не совсем понятны. При их толковании возникают споры и даже оживленные дискуссии, продолжавшиеся порой столетия. Именно так случилось с башней Неоптолема. Страбон так говорит о ней: «При устье Тиры (Днестра.— *М. А.*) находится башня, называемая Неоптолемовой, и деревня, известная под названием Гермонактовой. Если подняться по реке на сто сорок стадий, то на обеих сторонах встретятся города: одни Никония, а другой, слева,— Офиусса». Эти города некогда процветали, их развалины сейчас исследуют ученые. Но вот что это за башня Неоптолема? Где, когда, кем и для чего была сооружена? В честь кого названа? Обо всем этом Страбон умолчал, видимо, считал слишком хорошо известным. Эта башня упоминается также в перипле (руководстве для плавания типа современных лоций) анонимного автора, который поместил ее не в устье Тиры, а в 120 стадиях (18—19 км) западнее. Где же истина?

Днестр при впадении в море образует, как известно, обширный лиман длиной более 40 км. А Страбон говорит только о реке и совсем не упоминает о лимане. Поэтому остается непонятным, какую же местность он подразумевал под «устьем Тиры» — устье Днестра или устье Днестровского лимана?

Более четырехсот лет ученые спорили о том, где же находилась башня Неоптолема. Ее искали во многих местах Нижнего Поднестровья, но так и не нашли.

Одним из первых ее поисками занялся Мартин Броневский, широко образованный дипломат при дворе польского короля Стефана Батория. В 1578 году Броневский был послан к крымскому хану Мухаммед-Гирею с дипломатической миссией. А путь в Крым лежал через Нижнее Поднестровье. И тут-то Мартину представилась возможность осуществить свою давнюю мечту: попытаться отыскать упомянутые Страбоном башню, Гермонактову деревню, города Никонию и Офиуссу. Исследовав лиман и низовья реки, польский дипломат пришел к выводу, что Страбон под «устьем Тиры» имел в виду устье реки, а не лимана. Следовательно, башня Неоптолема находилась на правом берегу реки. Воодушевленный этой мыслью, дипломат энергично принялся за поиски. Метр за метром осматривал он пустынный, заросший степными травами берег. На одной из возвышенностей, там, где сейчас рас-

кинулось молдавское село Паланка, были обнаружены развалины каменных строений. Броневский принял их за остатки башни Неоптолема.

Эта точка зрения считалась правильной довольно долго. Но в середине XIX в. неожиданно выяснилось, что найденные Броневским развалины относятся к татарскому укреплению и не имеют никакого отношения к древнегреческой башне.

Некоторые исследователи пришли к выводу, что Страбон неверно указал местоположение башни. Искать ее надо в том месте, о котором говорил анонимный автор: в 120 стадиях западнее устья Тиры. Известный немецкий историк и географ Карл Мюллер говорил, что башня находилась там, где возник современный город Белгород-Днестровский. Однако эта гипотеза не подтвердилась.

Итак, следов башни Неоптолема не оказалось ни в устье Днестра (по Страбону), ни в 120 стадиях западнее (по анонимному автору). Один из исследователей, Конрад Маннерт, доказывал, что античные мореплаватели считали лиман частью реки и под устьем Тиры подразумевали не речное, а лиманное устье. Поиски начались у берега моря. Но опять из-за противоречивых указаний древних авторов было неясно, в каком же месте искать башню: непосредственно возле устья лимана (по Страбону) или в 18—19 км западнее (по анонимному автору). И опять башни не нашли ни там, ни здесь. Споры вспыхнули с новой силой.

В середине XIX в. этой проблемой занялся одесский ученый Павел Васильевич Беккер. Он рассуждал так: а вдруг никакого противоречия в сведениях древних историков нет? И оба автора указывают одно и то же место. Ведь ссылка на такой ориентир, как устье, весьма условна: оно довольно широко, около 20 км. От какой же его точки отсчитывали расстояние древние мореплаватели? Пытаясь ответить на этот вопрос, ученый высказал такую мысль: Страбон, описывавший эти места, начиная с запада, от Дуная, брал за точку отсчета правый берег устья, а анонимный автор, последовательно описывавший местность с востока,—левый берег; и поэтому в первом случае башня Неоптолема указана «при устье Тиры», а во втором — в 18—19 км западнее. При таком понимании древних текстов башню Неоптолема следует искать на берегу Будакского лимана, в том месте, где раскинулось живописное село Чабанка. Руководствуясь такими соображениями, Беккер провел здесь тщательные розыски и выяснил, что при строительных работах в этом месте случайно были найдены остатки фундамента круглой формы. Ученый пришел к выводу, что это основание башни Неоптолема.

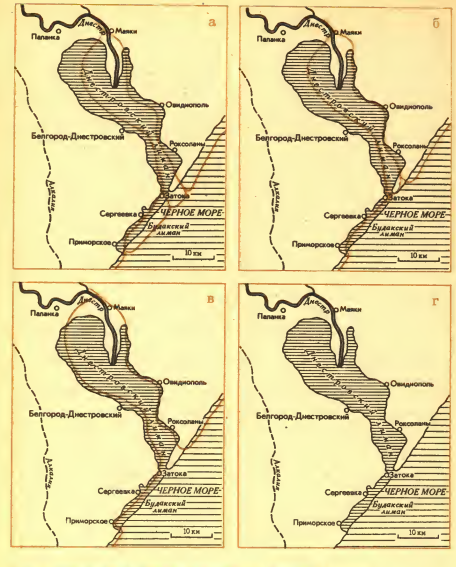
Обстоятельно аргументированная точка зрения П. В. Беккера была принята в научном мире. Казалось бы, вопрос решен окончательно. Но эта локализация древнего сооружения не выдержала проверки временем. Появилась необходимость проверить древность фундамента, о котором писал Беккер. Но это оказалось невозможным, так как никто не знал его точного местоположения. Развалины так и не нашли, и выводы исследователя были поставлены под сомнение. Время от времени в печати появлялись статьи на эту тему, но никаких новых точек зрения в сущности высказано не было. Считалось, что вернуться к этой проблеме можно лишь после того, когда в данной местности станут известны все древнегреческие поселения.

Археологические разведки в этом направлении на побережье Днестровского и Будакского лиманов закончены сравнительно недавно. Составлена карта всех существовавших здесь древнегреческих населенных пунктов. Но следов башни так и не обнаружено.

Надо отметить, что она далеко не единственный, так сказать, утерянный пункт на Черноморском побережье между устьями Дуная и Днепра. Здесь насчитывалось более десятка древнегреческих городов и поселений, местоположение которых оставалось спорным или вообще неизвестным. К их числу относились города Офнусса, Фиска, Кремниски, Одесс, гавань истриан и др. Древние авторы приводят очень краткие сведения об этих пунктах.

Итак, поиски башни зашли в тупик. Как же сдвинуть их с мертвой точки? Где искать ключ к разгадке?

В конце концов ключ был найден, причем неожиданно. Анализируя сведения древних авторов, я в очередной раз задумался над тем, почему Страбон указывает башню Неоптолема при устье Тиры, а анонимный автор — в 120 стадиях западнее. Приведенное выше объяснение П. В. Беккера выглядело убедительно. Ведь расстояние между указанными пунктами соответствует ширине устья лимана. Но тут вспомнилось, что в сведениях античных писателей об этом районе имеются и другие несоответствия. Так, например, по Страбону, от устья Тиры до города Никония 140 стадий (21—22 км), в действительности же это расстояние втрое меньше: Гермонактову деревню Страбон поместил при устье Тиры, а Птолемей — в 90 стадиях западнее. Кроме того, интересно, почему же все-таки древние источники упоминают только реку Тиру и ничего не говорят о лимане, тогда как в Днепро-Бугском районе они называют не только Борисфен и Гипа-



Карта изменений берегов Нижнего Поднестровья за последние 2,5 тыс. лет (а — доэллинистический, б — римский, в — средневековый периоды, г — современное положение)

нис, но и лиман, в который эти реки впадают.

Все эти несоответствия натолкнули на мысль о том, что в античное время район Днестровского лимана выглядел совершенно иначе. Ведь за прошедшее время могли измениться очертания берегов. Не потому ли древние авторы расходятся в измерении расстояний? Стала очевидной необходимость выяснить, как выглядели берега Нижнего Поднестровья в античное время. Так я оказался в Проблемной лаборатории инженерной геологии и гидрогеологии Одесского университета. Старший научный сотрудник лаборатории Георгий Иванович Иванов,

опытный геолог, как оказалось, интересуется античной географией, знаком с сочинением Страбона. Долго сидели мы над картами, схемами, чертежами, разрезами, не один вечер провели за нескончаемыми беседами. Постепенно одно из предположений оформилось в гипотезу. Ее нужно было аргументировать. Пришлось мне с головой окунуться в геологию, прочесть десятки книг, статей, пухлых отчетов о буровых работах на Днестровском лимане, в прибрежной зоне. Долгий скрупулезный труд увенчался успехом и принес удивительные результаты. Вот вкратце какова их суть.

В античное время уровень Черного моря был на 4—5 м ниже современного. Естественно поэтому, береговая линия имела совершенно иные очертания. Как же выглядело Нижнее Подиестровье? Выяснилось, что Днестровского лимана вообще не существовало. Днестр впадал непосредственно в море и совсем в другом месте. Русло реки в районе современного села Затока поворачивало на запад, шло по долине, которая сейчас представляет собой дно Будакского лимана, и выходило к морю у села Приморского, то есть в 18 км западнее современного устья Днестровского лимана. С повышением уровня моря низовья реки от села Приморского до села Затока были постепенно затоплены и стали морским дном. По мере дальнейшего повышения уровня моря долина реки подтапливалась все более и более. В средневековье образовались первоначальные контуры Днестровского лимана. Но мутные воды Днестра постоянно выносят в лиман большое количество осадков, которые постепенно заполнили его верховье и отделили северную часть в виде Карагольского залива. В низовьях же под воздействием морских волн стала формироваться пересыпь — узкая песчаная коса, отгородившая лиман от моря. Одновременно лиманно-морские осадки стали отделять юго-западную часть лагуны и превращать в самостоятельный Будакский лиман, который сейчас полностью закрыт от моря. А в пересыпи Днестровского лимана сохраняется Цареградское гирло, через которое лиман сообщается с морем. Такова вкратце история образования Днестровского лимана. Как выяснилось, он появился уже после того, как были написаны произведения древних авторов.

Итак, комплексное изучение письменных, археологических и геологических данных позволило получить палеогеографическую реконструкцию Нижнего Поднестровья для античного времени. Эта реконструкция и стала ключом к разгадке проблемы.

Теперь, когда мы знаем, как выглядела вся эта местность в античное время, нетрудно понять, почему Страбон, с одной стороны, и анонимный автор и Птолемей — с другой, расходятся в определении расстояний. Дело в том, что первый использовал ранний источник, восходящий к тому времени, когда устье реки находилось у села Приморского, а вторые же располагали сведениями более позднего периода. Тогда уже река впадала в море у села Затока. Поэтому Страбон указал, что башня Неоптолема находится при устье Тиры, а анонимный автор — в 120 стадиях западнее. Эта цифра определяет расстояние между старым и новым местоположениями устья.

Что же проясняется в проблеме поисков башни Неоптолема? Во-первых, повторим еще раз, теперь мы знаем, как выглядели берега Нижнего Поднестровья в античный период. Во-вторых, в нашем распоряжении имеются уже не противоречивые данные древних авторов, а конкретные указания о том, где находилась башня. Как выясняется, и Страбон, и анонимный автор помещают ее в районе современного села Приморского. Но прежде чем приступить к рассказу о поисках, несколько слов о самой башне, о том, что представляла она собой, в честь кого названа.

Ранее ученые считали, что это оборонительное сооружение, названное в честь Неоптолема, одного из военачальников понтийского царя Митридата VI Евпатора. Считалось, что он в начале I в. до н. э. дошел до реки Тиры, где в ознаменование его побед и была воздвигнута башня. Однако выяснилось, что сведения о башне источник Страбона получил примерно за три века до этих событий, а анонимный автор — за два столетия.

Согласно другому мнению, башня Неоптолема служила маяком и была названа в честь сына Ахилла. Палеогеографическая реконструкция района подтверждает эту точку зрения. Да и для какой иной цели можно сооружать башню в устье большой судоходной реки на высоком морском берегу? Правда, некоторых ученых смущает, что Страбон называет данное строение башней, обычно это относится к оборонительным сооружениям. Но терминологический анализ «Географии» показывает, что Страбон называет башней (по-гречески «пюргос») именно маяки, в том числе и знаменитый Александрийский, считавшийся одним из семи чудес света. Впрочем, вполне естественно, что при необходимости башня-маяк могла служить и для обороны от неприятеля. Интересно и такое обстоятельство. После того как устье реки переместилось в район села Затока, башня потеряла свое основное функциональное назначение; маяк стал ненужным, и

его называли уже не башней Неоптолема, как у Страбона, а просто Неоптолемовы, как пишет анонимный автор.

Вернемся, однако, к поискам самой башни. Мы установили, что ее следует искать в районе села Приморского, которое раскинулось на высоком обрывистом берегу, на мысу в юго-западной оконечности Будакского лимана, там, где в древности находилось устье Тиры. Даже при беглом знакомстве с этой местностью становится ясно, что наиболее подходящее место для маяка — южная оконечность мыса, которая и сейчас служит ориентиром для моряков. Но тщательные поиски не дали никаких результатов.

Пришлось опять обратиться к геологам. Оказалось, что в древнегреческий период береговая линия в районе устья Тиры проходила примерно в 1—2 км южнее современной. И обрыв, ныне активно разрушаемый волнами, находился также южнее. Многолетние наблюдения показывают, что средняя скорость абразии здесь равна 7 м в год, а иногда достигает и 20 м. На глазах одного поколения берег отступил на несколько сот метров. Конечно, в древности этот процесс проходил медленнее, но тем не менее за прошедшие 2 тыс. лет море уничтожило полосу шириной до 1 км. А древнегреческий маяк стоял, безусловно, у самого моря. Следовательно, башня Неоптолема давно разрушена абразией, и ее остатки находятся сейчас на дне моря.

Здесь уместно сказать несколько слов о городе Кремниски. Древние авторы говорят, что башня находилась рядом с ним. В указанном месте нет никаких следов древнегреческого поселения. Было высказано предположение, что оно уничтожено морем. Подводные археологические разведки подтвердили это предположение. Примерно в 500 м от берега на глубине 4—5 м на довольно большой площади обнаружены обломки амфор, посуды, мелкие камни. Это все, что осталось от древнегреческого города Кремниски.

Подводные разведки были проведены и в том месте, где предположительно находилась башня Неоптолема. И здесь тоже найдены лишь обломки амфор. Будем надеяться, что более широкие подводные исследования позволят отыскать остатки самой башни.

Жаль, конечно, что таков исход поисков загадочной башни, длившихся около 400 лет. Хотелось бы увидеть сам маяк. Но что делать, волны Понта Эвксинского поглотили не одну эту башню. Такова судьба многих маяков. Даже в наше время море так быстро наступает на сушу, что некоторые маяки приходится переносить.

В заключение несколько слов о древнегреческом маяке. Он был сооружен, видимо, в V в. до н. э., когда стала быстро развиваться торговля древнегреческих городов Нижнего Поднестровья — Тиры, Никонии со средиземноморскими центрами. Чтобы экономические связи были регулярными и прочными, необходимо было в первую очередь обеспечить удобное и безопасное плавание. Поэтому в устье реки на высоком мысу соорудили маяк, указывавший вход в довольно сложный фарватер реки. С наступлением темноты на маяке зажигали огонь, который был хорошо виден издалека и помогал ориентироваться кораблям из далекой Эллады или соседних древнегреческих городов. Видимо, многим мореплавателям принес он спасение, возвратил уверенность, вселил надежду в благополучное завершение плавания. Иначе его не назвали бы именем Неоптолема, сына владыки Понта — Ахилла и не удостоился бы он упоминания в произведениях античных географов и историков.

Михаил Агбунов

Муссоны и змеи



В Индии немало людей страдают от укусов ядовитых змей. В последние годы в стране работает специальная комиссия ученых, ведущая разъяснительную работу среди населения, как уберечься от опасных пресмыкающихся. Многолетние наблюдения показывают, что особенно опасны змеи в период муссонных дождей. В это время, когда резко меняется атмосферное давление, змеи наиболее агрессивны. Самый опасный месяц в этом отношении — август, когда муссоны с океана приносят на Индостанский полуостров огромные массы воды. Тогда отмечается массовая миграция змей в населенные пункты.

КОШКИ НЕ ВЕДАЮТ ГРАНИЦ



Сейчас уже никто не знает точно, когда в Австралии появились кошки. Скорее всего — с первыми европейскими кораблями, на борту которых всегда было несколько этих животных. Они быстро прижились, одичали и размножились. Это и ставит сейчас перед биологами сложные проблемы.

До конца прошлого столетия кошки вели здесь довольно скромный образ жизни. Их час пробил лишь в тот момент, когда возникла угроза, что кролики, также завезенные европейцами, в буквальном смысле слова оголят поверхность пятого континента.

Австралийское правительство, до этого времени поощрявшее истребление местных хищников, увидело тогда спасение от нашествия кроликов в том, чтобы выпустить на волю побольше домашних кошек, которые значительно пополнили племя своих одичавших собратьев. Результаты этого шага превзошли все ожидания. Ранее завезенные сюда из Европы хорьки и лисы, к счастью, не выжили в новой среде обитания, а кошки приспособились прекрасно и подтвердили широко распространенное мнение об их исключительной плодовитости. Ныне их можно видеть, по свидетельству знатока кошек Питера Слатера, буквально повсюду: в пустынях и саваннах, сухих и влажных лесах.

А вот о плотности их расселения и росте общей численности известно пока мало. Наверное, они обитают в основном, как и их европейские собратья, возле городов и поселений. Здесь им легче добывать пищу, в этих местах они получают постоянный приток «свежей крови», ведь очень много домашних кошек по тем или иным причинам становятся бездомными. А так как в Австралии число поселений постоянно возрастает, можно ожидать, что численность кошек тоже увеличится. Это предположение подтверждается, например, данными исследований, полученными в штате Квинсленд.

Чем же опасно быстрое их размножение? Одичавшие кошки весят до 11 кг, что превышает вес большинства исконных обитателей Австралийского континента. Ежедневная добыча взрослой кошки составляет 5—8% ее собственного веса, а самки с детенышами — до 20%. И было бы хорошо, если бы эта добыча состояла только из кроликов и мышевидных грызунов. Но это не так.

Во время уничтожения мышей в глубинных областях штата Виктория погибло много кошек. Ученые исследовали их желудки и определили, что рацион их состоит на 42% из кроликов, на 27% из мышей. Остальное не удалось установить. Таким образом, кошки не смогут предотвратить массового прироста численности кроликов и мышей.

Специалисты из Музея сумчатых животных Западной Австралии обнаружили в желудках кошек останки 32 видов млекопитающих. Среди них 9 видов летучих мышей, 9 видов грызунов, 10 видов мелких хищных сумчатых — это карликовые летучие кускусы, карликовые сумчатые летяги, грубошерстные длинноносые бандикуты и др. Дикие кошки наносят наибольший урон мелким сумчатым, а зачастую становятся причиной полного их исчезновения. Так, например, на некоторых островах близ западного побережья Австралии кошки истребили грубошерстных длинноносых бандикутов (Perameles bougainville). Их судьбу разделили кенгуровые крысы острова Сан-Френсис.

Там, где есть кошки, птицам тоже не весело. Особенно часто их жертвами становятся пернатые, гнездящиеся на земле. На некоторых островах они составляют до 40% всей кошачьей добычи даже в том случае, если кругом полным-полно кроликов. А на острове Маккери, где нет грызунов, птиц можно назвать основным объектом охоты кошек.

На более обширных пространствах дело обстоит несколько лучше. Например, в Новой Зеландии пища кошек только на 4,5% состоит из птиц. Основной их добычей там являются крысы (43%) и кролики (23%). Но и здесь нельзя исключать опасность, которую кошки представляют для пернатых: ведь они в своем эволюционном развитии не выра-

ботали защитных действий против европейских хищников — кошек.

Учитывая опасность, которую эти хищники представляют для местной фауны, было бы правильно осуществить широкую кампанию по обеспложиванию кошек. Выделение определенной суммы на защиту сумчатых Австралии позволило бы провести это мероприятие в жизнь. За примерами далеко ходить не надо. В Великобритании в 1971 г. была проведена подобная кампания, и 70% кошек из 3,5 млн., насчитывающихся в стране, были обесплложены. Американские налогоплательщики, владельцы домашних кошек, выплатили на эти цели в 1972 г. 4,5 млн. долларов.

Скажем со всей определенностью, что большие средства можно сэкономить, если австралийские владельцы кошек более серьезно отнесутся к важной задаче охраны уникального животного мира Австралии.

Вилли Дэвис,
Ральф Преншик
(Из журнала «Дас Тир» № 12, 1980)
Перевод с немецкого Ольги Харитоновой

Сколько лет Берлину?



До сих пор считалось, что столице ГДР около 750 лет. Первое упоминание Берлина в исторических хрониках относится к 1237 г. Но можно ли считать это датой основания города? Ведь известно, что многие европейские столицы, в том числе и Москва, значительно старше, чем можно судить по первым упоминаниям о них. Например, Рим на 700 лет древнее даты своего официального основания, а Лондон — примерно на 200.

Во время реставрационных работ в соборе святого Николая — старейшего архитектурного памятника Берлина — ученые ГДР обнаружили фундамент древней базилики. Его обследование показало, что постройка относится к 1220 г. Значит, Берлину по крайней мере на 17 лет больше. Но по характеру базилики ясно, что она возводилась уже в сложившемся поселении. Следовательно, город на Эльбе еще старше.

Кто виноват?



В печати Швеции появились тревожные сообщения о том, что при обследовании примерно 5 тыс. озер в стране оказалось: вода в них отравлена промышленными отходами. Как показала тщательная проверка, местные предприятия не могли сбросить туда большое количество сточных вод. Откуда же там ядовитые соединения серы, селена, азота, хлора?

Было установлено, что вредные загрязнения заносят в Швецию ветры из ФРГ. В Швеции за год выпадает миллион тонн производственной пыли, принесенной с юга.

Размером с истребитель



В последние годы палеонтологи выяснили, что в доисторические времена пингвины достигали двух метров в высоту, очень крупными были предки попугаев и кур. А какими же были кондоры, размах крыльев которых сейчас достигает трех метров?

Ответить на этот вопрос помогла случайная находка в окрестностях Буэнос-Айреса. Там обнаружены окаменевшие кости гигантской хищной птицы. Размах ее крыльев — более семи с половиной метров. Возраст находки — 8 млн. лет.

МЕЧ-РЫБА НАПАДАЕТ



Этот удивительный случай произошел несколько лет назад. До начала сезона лова рыбы профессиональный аквалангист Франко Липари из города Трапани в Западной Сицилии проверял и закреплял под водой рыболовные сети. Вместе с ним был его друг и компаньон. Аквалангистам разрешалось отстреливать рыбу для себя. Обыкновенно это были меч-рыбы и акулы, которые запутывались в сетях в погоне за мелкой рыбешкой.

Двадцатишестилетний Франко был опытным ныряльщиком. Однако ему еще не случалось подстрелить такую крупную рыбу, о которой мечтает всякий подводный охотник. Осматривая сети в то июльское утро, Франко внезапно увидел на глубине около трех метров огромную меч-рыбу, запутавшуюся в одной из сетей. Поглядев на друга, он понял, что и тот горит желанием добыть ее. Не теряя времени, они стали подплывать к рыбе, которая казалась очень красивой по окраске и грациозным движениям.

Франко по опыту было известно, что обитающие в Средиземном море акулы могут иногда представлять опасность. Но меч-рыбы не считались опасными для человека. Франко прицелился в заднюю часть головы рыбы в надежде, что стрела попадет в мозг и рыба будет парализована. Стрела пробила голову, появилась кровь, меч-рыба начала метаться, разорвала сеть и быстро устремилась в глубину. Франко непрерывно травил леску, к которой была прикреплена стрела; когда рыба скрылась из поля зрения, оба приятеля поднялись на поверхность, где их поджидал небольшой рыбацкий парусник, чтобы отдохнуть.

Меч-рыба продолжала погружаться, и Франко следил, как разматывается леска. В конце концов он решил настичь добычу, ориентируясь по леске. Он надел акваланг, взял оружие и снова погрузился в воду. Рыба лежала на дне на глубине около 30 м и казалась бездыханной. Франко вытащил нож и приблизился к ней. Внезапно рыба зашевелилась, и Франко увидел, как она с быстротой молнии устремилась к нему. Все случилось настолько быстро, что он даже не успел отпрянуть в сторону. Меч вонзился в голову Франко с левой стороны от носа. От удара маска соскочила, но акваланг не пострадал. Пытаясь освободиться, меч-рыба стала сильно и резко бить хвостом. С противным скрежетом, отозвавшимся в мозгу, меч сломался.

Рыба нырнула в глубину и исчезла, а почти задохнувшийся Франко из последних сил поплыл вверх. Когда рыбаки подхватили его и подняли на борт, стало ясно, что положение очень серьезно. Все с тревогой глядели на стонущего ныряльщика. Он почти потерял сознание, был весь в крови, а у носа торчал обломок рыбьего меча. Друг Франко решил действовать и оказал такую первую помощь пострадавшему, что у него были все шансы отправиться на тот свет. Приятель взял большие клещи и пытался ухватить торчащий кусок меча, чтобы извлечь его. Это доставляло потерпевшему невероятные мучения, но обломок извлекался, и в конце концов тот кусок меча, который торчал около носа, отломился. Тогда решили доставить раненого на берег.

Через час он оказался в ближайшей больнице селения Мадзари-дель-Валло. Здесь ему сделали рентгеновские снимки, но врач не решился предпринять что-либо. Франко отвезли в специализированную клинику в город Палермо. Все это время он продолжал оставаться в сознании. Путь в Палермо занял два часа. Франко поддерживал голову обеими руками, пытаясь хоть как-то уменьшить страдания.

В Палермо созвали консилиум. Дыхание, кровяное давление и пульс раненого были нормальными. В левой стороне около носа была рана длиной около шести сантиметров. Когда рану прочистили, то увидели обломок меча, который еле выступал за края раны.

Рентген показал, что обломок имеет длину 16 см и расположен под углом 25° к основанию черепа, проходя слева направо и сверху вниз. Врачи пришли к заключению, что обломок прочно застрял и его острие почти касается позвоночной артерии. Любое неудачное перемещение обломка могло стоить жизни пострадавшему.

Извлекать инородное тело хирургическим путем не стали. Врачи решили попытаться извлечь обломок, перемещая строго по направлению его оси, но подходящего для этого хирургического инструмента не оказалось. Всю ночь один инженер и несколько механиков разрабатывали специальное приспособление.

Через 13 часов оно было готово. По своей конструкции устройство напоминало миниатюрный мостовой кран. У него было приспособление для захвата обломка, которое закреплялось подвижно на стержне с резьбой так, чтобы можно было извлечь обломок, перемещая строго по его оси. Устройство испытали на похожем по длине и форме обломке меч-рыбы, которую специально для этой цели приобрели. Операция началась через 38 часов с момента поступления Франко в клинику. Чтобы добраться до обломка, который почти не выступал над поверхностью раздробленной лицевой кости, рану расширили.

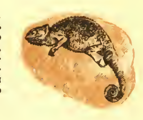
Операция продолжалась около семи часов. Наконец, стало ясно, что обломок не удастся извлечь, поскольку захваты соскальзывают с краев обломка. Родителей Франко известили, что положение раненого безнадежно; Франко доживал последние минуты. Тогда отец стал умолять отдать ему тело сына без этого ужасного обломка. Один из хирургов, пообещавший сделать это, подошел к лежавшему на операционном столе Франко и решительно дернул обломок рукой. Ко всеобщему удивлению, он моментально извлекся.

Вскоре после операции Франко пришел в себя. На рентгеновских снимках было видно, что в его голове не осталось никаких чужеродных тел. Через месяц его выписали из клиники. Франко снова начал нырять. И только шрам на лице остался единственным напоминанием об ужасном приключении ныряльщика.

А. Среднев
Перевод с болгарского
Геннадия Шевалева
(Из альманаха «ФАР-80»)

Пленнику — двадцать миллионов лет

Янтарь встречается на многих континентах нашей планеты. И не редко в кусках доисторической смолы можно увидеть насекомых — комаров, кузнечиков, паучков. А вот недавно геологи Доминиканской Республики нашли кусок янтаря, внутри которого законсервировался... хамелеон. Такая находка досталась ученым впервые. Рассматривая ее, они убедились, что хамелеон длиною 7 см относится к виду, который до сих пор сохранился в лесах стран по берегам Карибского моря.



Ремонт вулкана

Идеальный конус вулкана Майон, поднимающийся на юго-восточной части острова Лусон, присутствует на всех рекламных изображениях, зазывающих туристов на Филиппины. И вот недавно было замечено, что эта гора высотой почти в 2500 м начала быстро разрушаться. Виноваты тропические дожди и ветры.

Чтобы сохранить Майон в прежнем виде, сейчас предпринимаются активные меры. На склонах горы высаживают деревья и кустарники. Глубокие борозды, прорытые сбегающей водой, бетонируются, чтобы остановить их дальнейший размыв. Русла рек, принимающих воду с Майона, расчищают, чтобы не было препятствий для быстрого отвода дождевой воды. Инженеры и ученые, приглашенные спасать красивый вулкан, предлагают еще пропитать полимерными смолами те породы на вершине горы, которые легко размываются и разрушаются дождевыми потоками.

ЕСТЬ ЛИ ПИРАМИДЫ НА МАРСЕ?

(Анализ снимков «Маринер-9» и «Викинг-1»)



Планета Марс издавна привлекала внимание. В прошлом многие астрономы полагали, что там существуют какие-то каналы. Скиапарелли и Лоуэлл были твердо уверены, что видимые в телескоп линии — это каналы, построенные разумными существами для орошения безводной почвы. После полета к планете автоматических станций стало ясно, что «каналы» представляют собой громадные тектонические трещины и долины, подобные земным рекам. Но Марс оказался космическим вариантом древней восточной загадки: проникновение в одну тайну заставляет разгадывать две новые. Каковы источники флюидов, образовавших флювиальные (речные) формы рельефа? Полагают, что они могут возникать в результате высвобождения летучих компонентов из мощного слоя марсианской мерзлоты или при выпадении атмосферных осадков. Гидросфера Марса (по мнению многих исследователей, это вода) находится сейчас в твердом состоянии, как в ледниковый период на Земле. На полюсах заметны хребты, борозды, подобные ледниковым формам рельефа.

Теперь исследователи стараются проникнуть в далекое прошлое «красной планеты». Если на Марсе нет жизни сейчас, то не было ли ее там когда-то? Еще в 1973 г. на XXIV астронавтическом конгрессе в Баку советский астроном В. И. Мороз заявил, что «некогда на Марсе текли реки и плескались голубые озера, давление было близким к атмосферному. На Марсе можно обнаружить живые существа, близкие к земным организмам».

Марс не скупится на загадки. В последние годы под влиянием идей о космических палеоконтактах с внеземными цивилизациями вопрос о жизни на Марсе приобрел сенсационную окраску. Был ли все-таки Марс когда-либо обитаем, посещали ли его космонавты иных миров? Такие волнующие вопросы поневоле возникают, если рассматривать некоторые фотографии Марса, переданные на Землю космическими кораблями «Маринер-9» и «Викинг-1».

В зарубежной печати по адресу Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства США (НАСА) высказывались обвинения в том, что оно скрывает от общественности ряд космических фотографий. Якобы они свидетельствуют, что не земляне первыми послали на Марс свои зонды. Отдельные высокопоставленные чиновники и эксперты штаб-квартиры НАСА неофициально заявляют о существовании на Марсе следов инженерной деятельности внеземных цивилизаций в виде искусственных сооружений, напоминающих города, пирамиды и обломки космического корабля.

В районе плато Элизий «Маринер-9» в 1972 г. обнаружил образования, которые некоторыми исследователями расценивались как «поле четырехугольных пирамид».

В южной полярной области «Маринер-9» сфотографировал похожие на искусственные сооружения геометрически правильные структуры. Как полагает Р. Дрейкер, специалисты НАСА «совершенно уверены, что зонд «Маринер-9» в 1972 г. сфотографировал руины города».

Еще одна необычная фотография была сделана в 1976 г. «Викингом-1» в северном полушарии Марса в районе Кидонии, где, как полагают, возможно, находятся еще одни «руины», имеющие сходство с египетскими пирамидами.

Однако самое занятное из марсианских образований найдено примерно в 9 км к востоку от «пирамид» Кидонии. Эту фотографию НАСА опубликовало. На ней видна каменная структура, напоминающая человеческую голову. В непосредственной близости от «пирамид» видно странное темное кольцо. НАСА прокомментировало снимок, отметив, что «голова» является «овальной формацией», оставив без внимания кольцо и пирамидальные образования.

Что касается упомянутого выше «космического корабля», то со ссылкой на вашингтонский источник Р. Дрейкер

Овальная формация — «марсианский сфинкс». Снимок с «Викинга-1»

Реконструкция «марсианского сфинкса» по Вальтеру Хайну

пишет: «...обломки были сфотографированы на пределе оптического разрешения, примерно в 15 милях от зонда НАСА (имеется в виду посадочный блок «Викинг-1», находившийся в точке с координатами 22,7° с. ш., 48° з. д.— *В. А.*). Фотографии показывают приблизительно две трети цельнометаллического (?) корабля, который мог быть либо цилиндрическим, либо иметь форму тарелки... Видна борозда, прорытая кораблем в марсианской почве».

Высказывается также предположение о, возможно, искусственном происхождении «идеально круглого» образования на вершине высочайшей вулканической горы Олимп, якобы сооруженного инопланетянами для посадки своих космических кораблей.

К серии подобных гипотез относится совпадение расположения трех крупнейших вулканов Марса с планом трех египетских пирамид в Гизе.

Гипотезы об искусственных сооружениях на Марсе, как некогда предположение Скиапарелли об искусственном происхождении «каналов», хотя оно и не подтвердилось, не могут не привлекать внимание ученых при всем их традиционном скептицизме. «Неужели на Марсе кто-то уже побывал и ждет нас сейчас? Даже самых суровых скептиков эти вопросы бросают в дрожь»,— восклицает Р. Дрейкер. Чтобы найти ответы, потребовалось бы самое дерзкое предприятие в человеческой истории — экспедиция на Марс.

Учитывая, что определенные круги США действительно могут быть заинтересованы в сокрытии некоторой космической информации, мы сочли целесообразным объективно оценить правомерность гипотез об искусственном происхождении некоторых марсианских образований. В данном случае мы ограничились изучением двух районов Марса: Кидонии и Элизия. По опубликованным картам и снимкам изучены общие и местные особенности рельефа, получены заключения экспертов, проведены морфологический и композиционный анализы, физическое моделирование марсианских образований, сопоставление с лунной поверхностью, формами и планировкой египетских и мексиканских пирамид.

Для понимания структуры и происхождения необычных марсианских теней их полезно рассмотреть с учетом региональных карт Марса. Возьмем геоморфологическую карту Марса в масштабе 1:20 000 000 и Атлас Марса в масштабе 1:100 000. Интересующий нас район находится на северо-восточном окончании столовых гор Кидонии (41° с. ш., 9,5° з. д.). Участок расположен на низкой холмистой местности (с высотами до 1 км) в зоне перехода от рельефа материковой области к вулканическому рельефу лавовых покровов Ацидалийской равнины. На карте видны многочисленные скалистые вершины. Аналогичные формы характерны для Элизия и других районов Марса. Лавовый покров этих мест представляет собой равнину со скоплением холмов и гряд. Отдельные холмы до 5 км в диаметре нередко имеют угловатую форму. Равнина рассечена трещинами северо-восточного и северо-западного направлений. В этом районе немало плосковершинных блоков с прямоугольными и ромбовидными очертаниями. Здесь, в краевой зоне материка, характерны и островершинные гряды и холмы, на склонах которых развиты осыпи.

Район плато Элизий имеет пологоволнистый вулканический рельеф, сформированный в результате истечения лавы из трех крупных вулканов — Элизий, Геката и Альбор. Лавовые покровы испещрены многочисленными трещинами, бороздами, уступами.

Описание рельефа необходимо потому, что без учета глобальных и местных особенностей тектонического строения и рельефа Марса нельзя составить правильного представления о природе странных образований. Они не противоречат морфологической характеристике описанных рельефов. Вместе с тем многие детали снимков в Кидонии трудно объяснить с общих позиций.

Обратимся к этим деталям. Кроме нескольких кратеров и бесформенных образований на снимках выделяется более десятка фигур с геометрическими контурами. Среди них темное кольцо, совершенно не похожее на кратер, четыре больших и несколько маленьких пирамидальных тел. Марсианские образования, вообще говоря, можно сравнивать с земными сопками, конусами вулканов, открытыми расколами, уступами и... пирамидами.

По мнению ряда исследователей, наиболее приемлемым и столь же экстравагантным является сравнение с пирамидами. При этом малые марсианские пирамиды примерно равны по размерам большим египетским в Гизе или обнаруженным недавно в джунглях Бразилии, высота которых достигает 250 м.

Но даже эти поразительные сооружения выглядят детскими игрушками при сравнении с большими марсианскими «пирамидами», которые имеют чудовищные размеры (если, конечно, это искусственные сооружения). Так, сторона основания самой большой «пирамиды» около полутора километров, высота может достигать километра, если не более (длина



Участок района Кидония, предположительно интерпретируемый как «Город пирамид» и «марсианский сфинкс»

стороны пирамиды Хеопса 230 м, высота — 147 м).

Странные фигуры расположены довольно тесной группой на участке примерно в 25 км². Их резкие, геометрически строгие светотени хорошо выделяются на сером холмистом фоне и даже напоминают урбанизированный ландшафт циклопических размеров, что снова вызывает мысль о естественном тектоническом происхождении пирамидальных образований.

К тому же на Земле нет столь гигантских искусственных сооружений и разум отказывается поверить в их существование на безжизненном Марсе. Но достаточно ли это веский аргумент — нет на Земле? Известны же проекты городов будущего в виде гигантских пирамид, башен, стен, иных мегаструктур. Есть ли у нас основание безусловно отрицать возможность существования в Галактике или даже в Солнечной системе цивилизаций, подобных нашей, способных колонизовать тот же Марс, планету, некогда цветущую, как теперь Земля? Теоретически такая возможность не исключена, хотя имеющиеся научные данные не дают повода для оптимизма.

Что касается самого интригующего образования — барельефного изображения человеческого лица, то некоторые полагают даже, что это женское лицо, так как оно обрамлено своеобразным убором из волос. И в самом деле: глаза, рот и нос так симметричны, светотени настолько антропоморфны, что трудно поверить в естественное происхождение этого феномена. Удивительный портрет имеет длину около 1500 м. Поскольку угол падения солнечных лучей на фотографии НАСА составляет примерно 20°, то высота «барельефа» может достигать 550 м.

Что это? Посмертная маска, запечатлевшая трагедию гипотетической марсианской цивилизации, немой зов, устремленный к братьям по разуму? Своего рода марсианский сфинкс, столь же загадочный, как египетский? Или же это всего лишь чистая случайность, игра природы, столь разнообразной в лепке форм из неорганического материала. Отмечают, что изображение ориентировано строго по меридиану Марса, что случайностью объяснить трудно.

Снимки согласились прокомментировать специалисты по аэрокосмическим



Моделирование марсианских теней в районе Кидония. Источник света — 20° над плоскостью макета

методам исследования. Руководитель лаборатории сказал следующее: «Характер поверхности участка в Кидонии неоднороден. Однако преобладают резкие формы, особенно в левой верхней части снимка. Здесь видны тени от каких-то возвышений зубчатой формы. Восточнее видна загадочная темная кольцевая структура, отличающаяся от типичного кратера у нижнего края снимка. Еще восточнее у верхнего края видна возвышенность, которая по характеру теней напоминает ... человеческое лицо. Конечно, антропоморфная возвышенность — это игра природы. То, что похоже на пирамиды,— скорее всего приподнятые участки. Единичного снимка недостаточно для однозначных выводов, тем более для столь серьезных утверждений о существовании на Марсе искусственных сооружений».

Другой специалист дал такое объяснение того же снимка: «Привлекают внимание несколько резких теней в левом верхнем углу. Настораживает прямолинейность раздела светлых и темных участков. Просматривается какая-то закономерность в расположении этих образований. Одни из них (верхние) больше сохранили свою форму, другие (внизу), как бы подтаявшие (возможно, светлые участки — это снег), сильнее разрушены. Их можно считать разломами с кулисообразными разрывами. Контраст вызван перепадами высот или резким изменением свойств отражающей поверхности. Скорее всего светлые участки — это поднятия, глубокие тени — крутые склоны. Следует отметить темную кольцевую структуру, обусловленную, по-видимому, не рельефом, а плохой отражающей способностью пород».

— А что могла бы означать эта деталь? — спрашиваю я, показав на антропоморфную фигуру.

— Похоже на человеческое лицо!

— Да, похоже. Но все-таки докажите, что это действительно искусственное сооружение.

— Это какая-то симметричная гора с равными по крутизне склонами. Можно было бы утверждать, что собственно теневые контуры чисто случайны, но настораживает светлый контур, который как бы обрамляет фигуру наподобие волос. Если эту деталь убрать, то ассоциация с изображением лица сразу пропадает. Как ни заманчива гипотеза искус-

ственного происхождения структуры, все-таки перед нами естественное геологическое образование.

— Американские исследователи высказывают предположение, что на этом снимке видны тени пирамид. Ваше мнение?

— Я соглашаюсь с тем, что перед нами образования пирамидальной формы. Ряд возвышений рельефа имеет геометрически правильную форму. Перед нами участок горной системы с открытыми разломами. Не искусственные, а геологические образования.

Относительно фотографии района Элизиум дано следующее заключение: «Ни в коем случае здесь нельзя говорить о пирамидах. Если бы это были объемные образования, они отбрасывали бы соответствующие тени. Таких на снимке нет. Светлые поля вряд ли следует принять за склоны. Может быть, это снег или участки с высокой отражательной способностью. Темные, радиально расходящиеся линии на первый взгляд представляют собой щели расколов. Однако для расколов характерны более выраженные тени, которых здесь не видно. Темные линии можно считать прогретыми, подтаявшими зонами, радиально расходящимися от кратеров. Здесь есть две такие фигуры. Третья, западная, может оказаться вершиной подобной же системы, только более крупных размеров».

Таким образом, эксперты не отрицают, что в Кидонии сфотографированы пирамидальные образования, и подтверждают формальное сходство «овальной формации» с изображением головы человека. Но все эти странные фигуры, по их мнению, имеют естественное происхождение.

Проведенный нами морфологический анализ пирамидальных фигур затруднялся из-за невысокого качества имевшихся в нашем распоряжении фотокопий снимков. Ступенчатые и мелкие фигуры, по-видимому, разрушены и засыпаны. Их контуры, особенно в теневой части, прослеживаются с трудом. Поэтому возможны ошибки в определении размеров и углов. В марсианском «театре теней» нелегко отыскать тени искусственных образований, даже если они действительно есть. Полученные результаты необходимо оценивать с учетом всего этого.

Вид контуров светотени на поднятых ребрах, форма и длина отбрасываемых теней, различная плотность тени на неосвещенной стороне, по крайней мере у самых крупных образований, характерны не для открытых разломов, не для выбросов или конусов вулканов, а для возвышений, квадратных и прямоугольных в плане. У больших фигур хорошо видны наносы, мешающие точно определить контуры оснований.

Можно выделить возвышения трех типов. Обычные, как пирамида Хеопса; пирамиды с изломанными гранями, как у «ромбовидной» пирамиды в Дашуре; ступенчатые, напоминающие пирамиду в Медуме или мексиканские пирамиды.

На теневых сторонах возвышений видны освещенные участки вроде трещин, возможно, это следы разрушения и заноса песком. Видны отдельные линейные тени — трещины или уступы.

Расположение пирамидальных фигур было воспроизведено нами на макете из пластилина. Угол наклона граней у разных моделей варьировал от 30 до 60°. Источник света располагался, как в марсианских условиях, под углом 20° над горизонтом. На макетных снимках получены светотени, в основном идентичные светотеням реальной поверхности Марса, что может указывать на действительно пирамидальную форму марсианских тел.

Можно привести как естественные, так и искусственные аналоги марсианских фигур. Среди естественных — телевизионное изображение центральной горки кратера Альфонс на Луне, полученное «Рейнджером-9», и естественные — «пирамиды» выветривания в окрестностях Каппадоса в Турции. Среди искусственных — тени египетских пирамид.

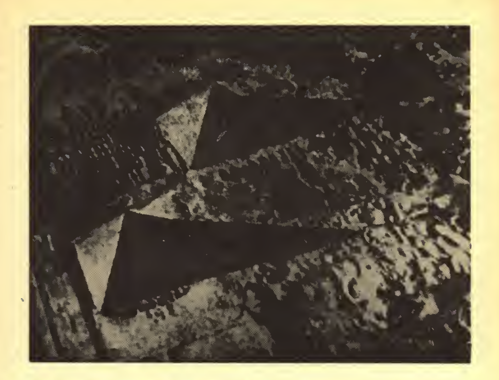
Морфологический анализ и моделирование, таким образом, не дают решающих аргументов ни «за», ни «против» гипотезы пирамид.

Искусственные сооружения и их ансамбли отличаются от природных образований более высокой степенью упорядоченности, определенными закономерностями в планировке. А нет ли геометрических закономерностей в ансамбле марсианских фигур, нет ли аналогий с архитектурными комплексами на Земле? Насколько нам известно, никто подобных закономерностей не искал.

Предпринятый нами композиционный анализ неожиданно показал, что если контуры «пирамид», «сфинкса» и темного кольца определены более или менее правильно, то они расположены не хаотично, а образуют упорядоченную, сложную систему.

Ось марсианского «сфинкса» и самой большой «пирамиды» в первом приближении параллельны и ориентированы на север (как и комплекс пирамид в Гизе). Оси трех остальных больших «пирамид» параллельны друг другу и повернуты по отношению к меридиану примерно на 16°, то есть на $^1/_{22}$ часть дуги окружности*.

* Эта величина — угол альфа (16,36°) — замечательна тем, что положе-



Тени египетских пирамид можно привести в качестве искусственного аналога теней марсианских образований

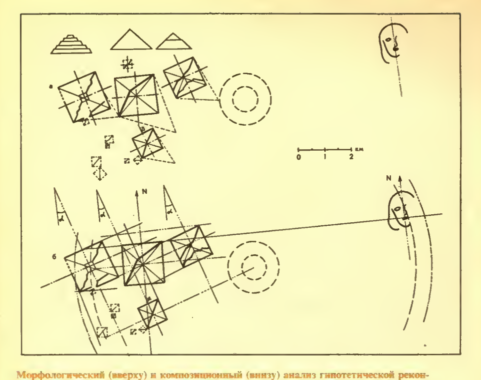
При этом положение и размеры всех фигур как бы взаимосогласованы и зависят от осевых линий и касательных к сторонам их оснований. Темное кольцо расположено посредине поля, занятого «пирамидами» и «сфинксом» так, что проведенная из центра кольца окружность охватывает всю композицию.

По своим абсолютным размерам большие марсианские «пирамиды» не имеют аналогов среди искусственных сооружений на Земле. А вот в композиционном отношении некоторые аналогии выявляются. Расположение фигур марсианского комплекса в принципе сопоставимо с планировкой мексиканских пирамид, например пирамид Солнца и Луны в Теотихуакане, пирамид и храмов в Ушмале и Чичен-Ице. Аналогия состоит в довольно плотном, взаимоувязанном расположении пирамид и, самое главное, в одинаковом повороте осей марсианских образований и земных пирамид по отношению к меридиану на один и тот же угол альфа ($^1/_{22}$ дуги).

Однако появившаяся вроде нить доказательств искусственного происхождения марсианских «пирамид» вряд ли может служить путеводной. Дело в том, что именно под таким углом к меридиану в Кидонии проходит серия разломов. И не только в Кидонии, но и на плато Элизий, почти повсеместно на Марсе разломы имеют западное или восточное отклонение от меридиана на угол альфа или два альфа. Аналогичная закономерность характерна и для земных разломов. Не исключено, что мы имеем дело с какой-то новой закономерностью в природе и... архитектуре древних, что не менее интересно само по себе.

на в основу планировки Стоунхенджа, древнейшего мегалитического памятника на Земле, и, как нами установлено, определяет геометрию многих других сооружений древности (см. статью В. И. Авинского «Новые загадки Стоунхенджа» в ежегоднике «На суше и на море» 1980 г.).

И все-таки, увидев лицо «марсианского сфинкса», осмыслив геометризм форм, их упорядоченность, требуется немалое усилие, чтобы согласиться с, казалось бы, естественной мыслью о природном происхождении этих форм. Анализируя марсианские образования, мы не



Морфологический (вверху) и композиционный (внизу) анализ гипотетической реконструкции марсианских образований

можем уйти от вопроса о целях сооружения земных пирамид и их возможных марсианских аналогов. Немыслимые размеры последних, если это действительно пирамиды, ставят под сомнение ныне принятые в науке представления о пирамидах-усыпальницах фараонов и культовых сооружениях. В свете открытий последних лет (пирамиды в Бразилии, на дне «Бермудского треугольника», наконец, гипотетические «марсианские пирамиды») все больший интерес представляют соображения о геофизическом назначении пирамид, что в корне меняет фундаментальные исторические концепции.

Пирамиды на Марсе? Это представляется невозможным. В чем же тогда дело? В особенностях марсианской тектоники и не изученных пока законах рельефообразования. В противном случае, как бы фантастично это ни было, снимок запечатлел развалины каких-то сооружений неизвестной цивилизации.

Сегодня без проведения дополнительных исследований снимков Марса, без новых космических данных сделать какие-либо выводы трудно. Но в любом случае к гипотезе о пирамидах на Марсе необходимо отнестись со вниманием.

Марс бросает новый вызов ученым. Если огромные размеры марсианских образований кажутся невероятными для искусственных сооружений, то не следует забывать, что сила марсианской гравитации составляет только $^1/_3$ земной и существо, ростом с человека, могло бы быть на Марсе настоящим гигантом. «Нельзя ли допустить,— спрашивает В. Хайн,— что мифические гиганты, которым легенды приписывают сооружение мегалитов каменного века, прибыли с Марса? Не такого ли пришельца среди наскальных рисунков сфотографировал в горах Тассили в Сахаре французский исследователь Анри Лот, назвав его «Великим богом марсиан»?»

Если на снимках Марса действительно искусственные сооружения, то это радикально меняет наши представления о происхождении разума во Вселенной.

Не являются ли «марсианские пирамиды» и «марсианский сфинкс» вещественным доказательством существования инопланетных цивилизаций? Дадут ли будущие полеты на Марс ответ на этот сакраментальный вопрос?

Владимир Авинский

ВЛАДИМИР БОДРИН

НА ЗЕМЛЕ ЧЕХОВ И СЛОВАКОВ

Текст к фотоочерку
(см. вклейку)

Немало событий и перемен произошло на земле чехов и словаков за ее пятнадцативековую историю. Возникали княжества, королевства, империи и уходили в небытие. Сменялись правители и короли, вспыхивали крестьянские восстания, проходили революционные войны. Долгие годы народы Чехословакии боролись за национальное освобождение родины от иноземных поработителей. И только с распадом империи Габсбургов в 1918 г. была образована независимая буржуазная республика. Новая история Чехословакии начинается со Дня Победы над черными силами германского фашизма в мае 1945 г., когда советские воины, пройдя от Берлина стремительным маршем, спасли от уничтожения восставшую Прагу и разгромили 9 мая крупную немецко-фашистскую войсковую группировку в Чехии.

Вот почему день 9 Мая для чехов и словаков не только День Победы. Это национальный праздник социалистической Чехословакии, день, когда был открыт путь к подлинной национальной свободе и независимости, путь к строительству нового, социалистического общества.

Как свидетель тех памятных событий на одной из пражских площадей высится на постаменте танк Т-34, первым ворвавшийся в город...

Впервые я увидел Чехословакию в те победные, радостные дни как воин Советской Армии. Никогда не забыть, как встречали на всем пути от Рудных гор до Праги воинов-освободителей люди, обретшие свободу.

В центр Европы пришла весна, весна Победы...

С тех пор миновало 38 лет. Строительство новой жизни в Чехословакии встречало ожесточенное сопротивление внутренних и внешних врагов. В феврале 1948 г. прогрессивными силами была одержана победа над буржуазными партиями, готовившими контрреволюционный переворот. В 1968 г. антисоциалистические силы пытались, при поддержке реакционных кругов Запада, повернуть историческое развитие страны вспять, но трудящиеся ЧССР при поддержке Советского Союза и других социалистических стран отстояли завоевания социализма.

Современная Чехословакия — федеративное социалистическое государство — состоит из двух равноправных братских республик — Чешской Социалистической Республики (ЧСР) и Словацкой Социалистической Республики (ССР). Столица страны и ЧСР — город Прага, столица Словакии (ССР) — город Братислава.

Территория Чехословакии в широтном направлении протянулась с востока на запад на целых 750 км, а с севера на юг — всего на 150—250 км. Можно сказать, что Чехословакия расположена на стыке двух миров: социалистического и капиталистического. Три четверти от всей протяженности границ ЧССР приходится на дружественные социалистические страны — члены Организации Варшавского Договора. Положение ЧССР в центре Европы способствует развитию транзитных перевозок между социалистическими странами, а также между странами Востока и Запада. Не случайно важнейшие магистральные нефте- и газопроводы, дальние линии электропередач идут из СССР в

другие социалистические страны и ряд капиталистических государств Европы именно через Чехословакию. Крупнейший нефтеперерабатывающий комбинат ЧССР «Словнафт» в Братиславе получает советскую нефть по международному нефтепроводу «Дружба».

Несмотря на относительно небольшую территорию страны (128 тыс. кв. км), природа Чехословакии очень разнообразна и живописна. Западная часть страны, носящая название «Чешский массив» (очень древний по геологическому возрасту), равнинно-холмистая с небольшими останцами. Лишь по краям массива находятся лесистые горы высотой до 1000 м. В этих горах проходит западная государственная граница ЧССР. Восточная часть страны, Словакия, уже настоящий горный край — Карпаты. Здесь, среди крутых хребтов и быстрых потоков, в Высоких Татрах, находится высшая точка ЧССР — Герлаховски-Штит (2655 м). На юге к Карпатам примыкают две плодородные низменности — Подунайская и Потисская. Это житницы горной Словакии. На одну из вершин Татр — Рысы (2499 м) — в 1913 г. со своими товарищами совершил восхождение В. И. Ленин. Ныне тысячи чехословацких юношей и девушек, многочисленные посланцы молодежи социалистических стран ежегодно поднимаются по крутым тропам на гору, чтобы возложить цветы к мемориальной доске с изображением вождя мирового пролетариата.

Страна расположена в умеренно континентальном климатическом поясе. Ранней весной на горах еще снег, а долины уже покрыты коврами цветов. Осадков выпадает в общем достаточно, однако в южной Моравии и на низменностях юга Словакии случаются засухи. Чехословакия расположена на главном европейском водоразделе, разделяющем бассейны рек, текущих на север и юг континента. Поэтому речная сеть густая, но крупных и многоводных артерий почти нет. Дунай течет только вдоль южной границы, Лаба заходит в пределы страны лишь своим верхним течением. Зато в стране имеется 22 тысячи прудов и озер! Но настоящее чудо природы — минеральные источники, которых насчитывается в стране около тысячи. Многие из курортных городов ЧССР (а их 58) известны всему миру. Достаточно вспомнить Карлови-Вари, Марианске-Лазне, Франтишкове-Лазне, Пьештяни. Только один Карловарский гейзер выбрасывает на высоту более 12 м 2000 литров горячей минеральной воды в минуту.

Свыше трети территории страны покрыто лесами. Это не только хозяйственный ресурс, но и важная часть ландшафта. В 70-х годах в Чехословакии имелось 550 охраняемых территорий. Из них в Чехии — 500, а в Словакии — 50. Но в Словакии находится крупнейший в стране заповедник — «Высокие Татры», его площадь — 1200 кв. км. На территории этого заповедника расположен Татранский национальный парк. На востоке Чехии между горами Крконоше и Орлицкими находится заповедник «Чешский Рай» (125 кв. км) — самое популярное в стране место отдыха и туризма. Несмотря на высокую плотность населения (120 человек на 1 кв. км), мощную промышленность, высокоразвитое сельское хозяйство, природа Чехословакии бережно охраняется.

Природные минеральные ресурсы страны весьма разнообразны, хотя и не очень богаты. Особенно важное значение имеют запасы каменных и бурых углей, а также нерудных ископаемых: магнезита, каолина, графита, кварцевых песков.

ЧССР — страна двух родственных западнославянских народов. Они составляют 94% ее населения: свыше 9 млн. чехов и 5 млн. словаков. Сеть поселений весьма густая. По количеству населенных пунктов (60 тыс.) страна занимает одно из первых мест в мире. Среднее расстояние между ними в Чехии — 2 км, в Словакии — 3,5 км. Но такая разбросанность небольших поселений (наследие прошлых эпох) не отвечает современным потребностям общественного развития, что приводит к большому размаху каждодневных маятниковых миграций.

В Чехословакии много небольших городков, полугородских и сельских населенных пунктов. Из более чем 300 городов страны больших (с числом жителей свыше 100 тыс.) всего 7, и только в Праге — столице республики — свыше 1 млн. жителей.

Путь реконструкции сложившейся сети поселений — концентрация населения в соответствии с концентрацией производства. В наши дни для большинства жителей

страны деревня уже перестала быть местом работы и осталась лишь местом пребывания, жильем. В начале 50-х годов в сельском хозяйстве ЧССР было занято около 3 млн. человек, а сейчас — меньше 1 млн. Жилищное и иное строительство для работников сельского хозяйства сосредоточивается в специально избранных населенных пунктах. Остальные деревни все больше будут становиться местами отдыха горожан.

В ходе реконструкции городов и других поселений тщательно учитываются и бережно сохраняются самые разнообразные памятники прошлого. Выделено особо несколько десятков историко-архитектурных памятников, охраняемых государством. В стране насчитывается более 2500 замков и дворцов, а исторически ценных архитектурных объектов — более 40 000. В Праге до сих пор ходят по Карлову мосту, построенному через Влтаву еще до того, как Колумб открыл Америку. Неподалеку от него находится историческое место: дом на Гиберпской улице, где в 1912 г. проходила VI (Пражская) конференция РСДРП.

Чехословакия — страна мощной, передовой экономики, высокой культуры производства. Имея всего 0,4% численности населения Земли, она производит 1,6% мировой промышленной продукции. По добыче угля, выплавке стали, производству машин она входит в первую десятку стран мира. Еще более красноречивы показатели производства на душу населения: страна занимает первое место в мире по выпуску машин, обуви; одно из первых — по выработке цемента, серной кислоты, тканей, сахара, пива. По урожайности зерновых культур (около 40 ц/га) и продуктивности животноводства ЧССР занимает одно из ведущих мест в социалистическом мире.

Высокий уровень материального благосостояния трудящихся достигнут в годы народной власти. Бесплатное образование, здравоохранение, одна из самых низких квартплат в мире — все это реальные завоевания социализма в ЧССР.

Пример Чехословакии показывает, насколько вздорны суждения буржуазной пропаганды о пригодности социализма якобы только для слаборазвитых стран. Успешное построение социалистического общества в стране с высокоразвитой экономикой неоспоримо свидетельствует об ином.

Современная Чехословакия — это мощная и планомерно развивающаяся экономика; это — передовая наука и культура; это — высокий уровень народного благосостояния; это — широчайшие возможности для развития личности, активное участие миллионов граждан в управлении государственными и общественными делами. За всем этим стоит большая организаторская и руководящая роль партии коммунистов, упорный труд рабочего класса, крестьянства, народной интеллигенции.



Новоселы Плеса

Плес на Волге живописен и знаменит. На недостаток туристов это место на трассе «Золотое кольцо России» не может пожаловаться. Осматривают там музеи, древние соборы, мастерские известных художников.

Город, ставший историко-архитектурным и художественным заповедником, получит теперь новые музеи. Их решено организовать в старинных церквах, памятниках древнего зодчества XVIII в. На крутой берег Волги из деревни Билюково уже переехала Воскресенская церковь. В ней открывается Музей живописи. В других подобных сооружениях туристы увидят лаковые миниатюры, произведения прикладного искусства местных мастеров.

ЗАРУБЕЖНАЯ НАУЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Растения обороняются

Растения рода страстоцвет (Passiflora) обычно сильно страдают от личинок бабочки геликон (Heliconius), одних из наиболее прожорливых. Нередко личинки полностью лишают молодые растения страстоцвета всех листьев.

Известно, что самки этих бабочек очень тщательно выбирают растение, на которое откладывают яйца. Найдя сочный страстоцвет, они некоторое время порхают над ним, постукивая по листьям своими усиками. Затем садятся на лист и начинают «барабанить» по его поверхности передними лапками, снабженными химическими рецепторами.



Только удовлетворившись результатом такого обследования, насекомое начинает искать наиболее подходящее место для откладки яиц. Однако, если бабочка обнаруживает, что на этом растении уже отложены яйца другой особи ее же вида, она улетает искать новое растение. Даже свои собственные яйца она стремится располагать через довольно значительные промежутки, чтобы появившиеся из них личинки не поели друг друга.

И вот какие наблюдения сделали энтомологи Кэти Уильямс и Лоренс Джилберт, научные сотрудники университета штата Техас (США). У страстоцвета вида циановая на многих листьях часто встречаются небольшие образования, очень напоминающие яйца бабочки геликон по размерам, цвету и форме. Самка бабочки, едва заметив эти фальшивые «яйца», тут же взлетала, не отложив своих.

Исследователи высказывают предположение, что в результате такого сложного эволюционного приспособления данный вид страстоцвета получил существенное преимущество перед другими и может стать доминирующим в популяциях своего рода.



Биосферный заповедник в Индонезии

У западного берега Суматры (Индонезия) лежит остров Сиберут, входящий в архипелаг Ментавай. В отличие от крупных островов Индонезии, соединявшихся с континентом сухопутными «мостами» всего 12 тыс. лет назад, Сиберут отделен от материка и от Суматры глубоководной впадиной. Такая его изоляция, длившаяся последние полмиллиона лет, и послужила причиной возникновения здесь уникальных природных условий.

На острове обитает 28 видов млекопитающих, причем 80% из них эндемичны, то есть не встречаются более нигде. Наиболее примечательны приматы. Обитающая здесь разновидность высших обезьян — гиббон Клосса — наиболее примитивна из всех малых гиббонов Юго-Восточной Азии. Местный вид макак — боккон существенно отличается от других макак, населяющих Суматру и Калимантан.

То же можно сказать о здешней обезьяне — лангуре ментавайском, внешний вид которого необычен, а по своему

поведению он напоминает скорее гиббонов, чем лангура. Свинохвостый лангур симакому Сиберута имеет большое сходство с макаками и, несмотря на родство с носатыми обезьянами, выделен в отдельный род в качестве его единственного представителя.

Осадки здесь весьма обильны (4500 мм в год) и распределяются по месяцам равномерно, климат теплый. Отсюда богатство растительного покрова, представляющего собой влажный тропический лес. На Сиберуте встречаются виды деревьев, нетипичные для других районов Индонезии. Вообще же флора этого острова изучена слабо, но уже очевидно, что и в ее составе немало эндемичных растений, занимающих более обширную экологическую нишу, чем аналогичные растения Азиатского континента и крупных островов. Многие из этих растений, по-видимому, успешно используются в народной медицине.

На Сиберуте живет 18 тыс. человек. До недавних пор, когда сообщение с Суматрой еще не было налажено, жители Сиберута не знали ткачества, гончарного дела, изготовления металлов, не были знакомы с алкоголем, табаком, не жевали бетель, не ели риса. У них не было ни деревень, ни вождей.

Вся экономика сиберутцев основывалась на использовании саговой пальмы, которая произрастает на болотах, корней таро, а также на рыболовстве, свиноводстве и охоте. Земледелие было крайне примитивным (главное орудие — колкопалка) и существенной роли не играло. Продуктами питания они владели сообща и добывали их лишь ровно столько, сколько нужно для повседневной жизни. Расчистке под посевы подвергались лишь маленькие участки леса; подсечно-огневое хозяйство, характерное для других тропических районов, здесь не велось. На охоте жители применяли лук и стрелы, обычно смазанные растительными ядами.



Верования сиберутцев были анимистическими: они наделяли душой предметы, явления природы, погоду и т. д. Они полагали, что естественный порядок вещей в природе с его всеобщей гармонической взаимозависимостью человек нарушать не должен.

Но в последние годы Сиберут оказался вовлеченным в сферу деятельности сил, заинтересованных в его «развитии». Несколько компаний занялись здесь массовой вырубкой лесов, дающих ценную древесину. В девственном виде осталось лишь 65 тыс. га, входивших в заповедник Тейтеи Батти. Лесопосадки не ведутся, вывоз древесины ведется хищнически, большая часть подлеска гибнет, почве, подпочвенным водам и фауне причинен существенный ущерб. Все это наносит непоправимый удар по сложившимся формам жизни сиберутцев. Попытки властей переселить их в специально выстроенные деревни ничего не дали. Народ, считавший землю, лес и животный мир своей общей неотъемлемой собственностью, не может примириться с тем, что все это у него отнимают (обычно — без компенсации).

В 1981 г. индонезийские природоохранительные организации при содействии Всемирного фонда охраны природы составили план создания на Сиберуте биосферного заповедника в соответствии с программой ЮНЕСКО «Человек и биосфера». Согласно плану, заповедником будет объявлен весь остров, подразделяемый на три зоны.

В первую из них («зону развития«) площадью около 250 тыс. га будут входить почти все районы, где рубка леса уже ведется. В дальнейшем здесь будет разрешена только осторожная, выборочная рубка, отвечающая лесоохранным требованиям. Местным жителям предоставляется право собирать хворост, охотиться традиционными методами и расчищать участки под посевы. Полностью запрещена охота на крокодилов, дюгоней (морских коров), гиббонов и лангуров.

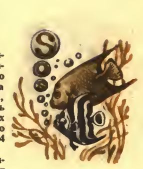
Вторая зона (100 тыс. га) отводится для «традиционного

использования». Ее эксплуатировать имеют исключительное право местные жители, для въезда необходим пропуск. Контроль за соблюдением этого порядка возлагается на специальную охрану.

В третьей — заповедной — зоне (50 тыс. га) будут строго охраняться все животные и растения. Охота и расчистка под пашню исключается. Здесь и ранее практически не было поселений; этот район включает многие истоки рек, водоразделы, крутые склоны, не удобные для хозяйственного освоения.

В качестве первого шага правительство Индонезии изъяло из общего пользования 56,5 тыс. га земли. В 1983 г. истекает срок действия концессии крупной компании, ведущей рубку леса, и концессионная территория будет немедленно присоединена к биосферному заповеднику. В ближайшее время ожидается аналогичное решение в отношении еще 93 тыс. га. Ведется обучение лесников и административного персонала заповедника. Размечаются и маркируются его границы. Будущему острова Сиберута был посвящен специальный симпозиум, состоявшийся в марте 1981 г. в Андаласском университете (Западная Суматра). Таким образом, возникает надежда на спасение этого уникального уголка тропической природы и его населения.

Природа Карибского бассейна нуждается в защите



В последнее время отмечаются серьезные нарушения экологического равновесия в бассейне Карибского моря и в омываемых им странах. Так, площадь, покрытая лесами, ежегодно сокращается в Колумбии на 800 тыс. га, в Мексике — на 400 тыс., в Венесуэле — на 250 тыс. га. Остров Барбадос, когда-то сплошь покрытый деревьями, ныне обладает лишь 16 га лесов (из общей площади 43 тыс. га). Всего во всех странах Карибского бассейна ежегодно уничтожается около 1,8 млн. га леса, тогда как лесопосадки не превышают 34 тыс. га.

Преобладающие здесь влажные субтропические леса вырубают для увеличения пахотной площади, а также для получения дров, дающих около 80% энергии, потребляемой в сельской местности. Вслед за вырубкой немедленно начинаются активные процессы эрозии почвы, верхний слой которой сносится тропическими ливнями в море. Это приводит к нарушению сложившейся экологической системы в устьях рек и в прибрежных водах моря: гибнут коралловые сообщества, страдает ряд видов рыб и растительных организмов.

Создается порочный круг: снижение продуктивности угодий и уловов рыбы вызывает необходимость расчищать от леса под пахоту все новые территории. Кроме того, применение пестицидов, попадающих в море, также причиняет ущерб рыболовству.

Наконец, немалую роль играет и нефтяное загрязнение. Согласно данным природоохранительных организаций, лишь в 1978 г. в прибрежные воды Карибского бассейна в результате аварий танкеров и прорывов скважин поступило более 12 млн. л нефтепродуктов.

Исследования, выполненные в лаборатории морской биологии Флоридского международного университета (США) под руководством д-ра Анитры Торхауг, показывают, что наиболее загрязнены следующие акватории и порты: Картахена в Колумбии (ртуть), Колон в Панаме (нефть), Веракрус в Мексике (тепловые выбросы вод), Гальвестон в штате Техас, США (нефть), Новый Орлеан в штате Луизиана, США (промышленные отходы), залив Тампа в штате Флорида,

США (сточные воды), Кингстон на о. Ямайка (отходы добычи бокситов), Порт-о-Пренс на о. Гаити (сточные воды), Порт-оф-Спейн на о. Тринидад (нефть) и др.

И все же специалисты считают, что Карибское море загрязнено в меньшей степени, чем Средиземное. Мерам по предотвращению дальнейшего загрязнения была посвящена состоявшаяся в 1981 г. в Монтего-Бей (Ямайка) созванная руководством Экологической программы ООН конференция, в которой приняли участие представители 23 стран этого региона. Был принят план действий, включающий конкретные шаги по борьбе с выбросом нефти, охране водораздельных зон, коралловых рифов, мангровых зарослей, тропических и субтропических лесов, предотвращению исчезновения редких видов животных и растений. Предполагается изучение воздействия туризма на природную среду.

На все это должно быть ассигновано первоначально 8,2 млн. долл. Страны — члены ООН предоставили 1,38 млн. Остальную сумму, вероятно, предоставят правительства ряда развитых стран.



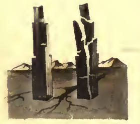
Новое свидетельство метеоритной катастрофы

Выдвинуто немало гипотез, согласно которым гибель множества видов животных, в том числе динозавров, была вызвана столкновением Земли с гигантским метеорным телом около 65 млн. лет назад, на границе мелового и третичного периодов.

Новое подтверждение этому обнаружили научные сотрудники Нидерландского геологического института Й. Смит и Г. Клавер, изучившие состав глинистых пород из Караваки (провинция Мурсия, юго-восток Испании). В этих глинах найдено большое количество мельчайших сферических тел диаметром от 0,5 до 1,0 мм, которые присутствуют только в слоях, относящихся к границе мелового и третичного периодов. Анализ этих шариков показал богатое содержание в них хрома и ниобия — элементов, встречающихся в самой глине лишь в очень малых количествах.

Голландские ученые утверждают, что такие шарики имеют внеземное происхождение и могли появиться на Земле в результате ее столкновения с метеорным или кометным телом. Такое событие могло привести к катастрофическим изменениям природной среды, вызвавшим гибель многих ее обитателей.

Датировка шариков калий-аргоновым методом показала, что их минимальный возраст составляет лишь 44±2 млн. лет. Однако специалисты полагают, что возможна потеря аргона образцами, это и привело к занижению подлинного возраста шариков, который может совпадать с периодом массового вымирания динозавров.



Сейсмичность Северной Америки возросла

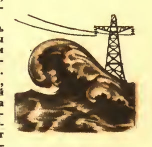
Согласно данным, опубликованным Управлением геологической съемки США, в 1980 г. по сравнению с 1979 г. количество значительных подземных толчков на территории США в этот период возросло вдвое (значительным считается землетрясение, магнитуда которого не ниже 6,5 по шкале Рихтера, а также подземные толчки, вызвавшие человеческие жертвы или существенные разрушения).

Подобный рост сейсмичности в Северной Америке совпадает с общемировой тенденцией. Наиболее сильным землетрясением 1980 г. в США был толчок, отмеченный 8 ноября, магнитуда которого достигла 7,4 по шкале Рихтера. Эпицентр

находился в северной части Тихоокеанского побережья штата Калифорния. В результате землетрясения было ранено 5 человек и причинен ущерб ряду зданий и сооружений.

Использование энергии волн в Норвегии

Недостатки большинства проектов использования волновой энергии моря связаны с низкой эффективностью установок и большой стоимостью сооружений. Группа сотрудников норвежского Центрального института промышленных исследований, возглавляемая инженером Филосом Эвеном Мелумом, предложила проект, который позволяет удешевить строительство и повысить КПД таких энергостанций.



Известно, что длина волны, а значит, и ее скорость находятся в пропорциональной зависимости от глубины водоема. Поэтому, если установить на глубине до 30 м известное количество заякоренных пластин, фронт накатывающейся на берег волны приобретет сферические очертания. Это напоминает воздействие линзы на пучок световых волн, стягивающихся в одну точку и фокусирующихся. Такой принцип положен в основу норвежского проекта. Форма заякоренных пластин и их расположение зависят от очертаний береговой линии в районе электростанции. Испытываются два типа фокусирующего устройства: первый увеличивает амплитуду волн в направлении фокальной точки, второй — изменяет их форму, смещая фазу различных частей волны. Второй тип более эффективен. С его помощью в требуемой точке фокусируется до 80% всей энергии волн.

Испытания, проведенные в Норвежской гидродинамической лаборатории на модели с масштабом 1:1000, показали, что предлагаемое устройство может «забрасывать» волны в прибрежный бассейн на высоту до 100 м над ур. моря. Падающая оттуда по отводящему каналу вода будет вращать турбины. Необходимые при строительстве такой электростанции земляные работы по объему существенно меньше, чем по другим проектам, не предусматривающим сосредоточения энергии волн на небольшом участке побережья. В экспериментальном центре Хакадаль (близ Осло) строится крупномасштабная модель для окончательной проверки проекта.

Информация подготовлена *Борисом Силкиным*

КОРОТКО О РАЗНОМ

Со времен неолита

Важное открытие сделали румынские археологи. В районе Бистрицы они откопали укрепленное поселение даков. Ученые увидели фундаменты жилых домов, мастерские гончаров, ювелиров, кузнецов и металлургов. Найденные здесь остатки шлаков говорят, что жители этого поселения умели обрабатывать железо, медь и серебро.

Работы археологов доказывают, что люди в этом месте жили со времен неолита до раннего средневековья. Этот факт сам по себе любопытен. Подобные многовековые поселения фракийцев найдены и на территории Болгарии. Так как племя даков родственно фракийцам, это подтверждает гипотезу, что фракийцы не были пришельцами, как, скажем, греки, а входили в коренное население Балкан, сложившееся из европейских неолитических племен.

Грот-исполин

Пещеры на территории национального парка Мулу в штате Саравак (Малайзия) известны давно. Общая их протяженность превышает 100 км. Подмечено, что гроты этого пещерного комплекса постепенно сужаются. Но здесь есть исключения. Спелеологи, расширяя проход для туристов в последний из открытых ими малых подземных залов, обнаружили гигантский грот длиной более километра, шириной четверть километра и высотой 77 м. Словом, открыт один из самых крупных на земном шаре пещерных залов.

Воздушные консервы

В рамках долгосрочной программы ученые ГДР проводят исследования в Антарктиде. Они, в частности, изучают образцы, взятые на различной глубине ледяной брони шестого континента. В этих кусочках льда есть пузырьки воздуха — своеобразные атмосферные консервы. В верхних слоях льда обнаружены пузырьки с загрязнениями, вызванными индустриальными процессами нашего века. В нижних, относящихся к периодам, которые отстоят от нас на многие тысячи лет, зафиксирован абсолютно чистый воздух.

Ученые ГДР намерены составить графическую картину изменений в атмосфере планеты за тысячелетия ее истории, установить закономерности ее развития.



С глухариной птицефермы

В лесопарки на берегах Оки выпущены глухари. Их переселили сюда из Дарвинского заповедника Калининской области. Такие переселения в нашей стране нередки, и в этом не было бы ничего удивительного, если бы не такой примечательный факт. Глухарей вырастили в клетках таким же способом, как фазанов и других птиц. Глухари в клетках охотно вьют гнезда и откладывают до 9 яиц, т. е. больше, чем в природных условиях.

Работники заповедника разработали метод подкормки молодых глухарят, позволяющий им быстрее привыкать к самостоятельной жизни в лесу.

Мирмекологический заказник



В нашей стране проявляют заботу о муравьях — истинных защитниках леса. Например, в Литве на Куршской косе лесники каждый муравейник окружили заборчиком из сосновых палок, чтобы туристы ненароком не повредили эти «домики». В Латвии и Эстонии организована специальная служба для переселения полезных муравьев прямо с их жилищем в леса, требующие срочной защиты от вредителей. На Урале этих насекомых вывозят с лесосек и расселяют в молодых рощах.

А под Солнечногорском в Московской области создан мирмекологический заказник «Верхняя Клязьма». Здесь московские ученые будут изучать жизнь полезных насекомых, отрабатывать методику переселения их колоний в леса, где не хватает муравьев. Энтомологам предстоит определить самых активных муравьев из 30 видов, обитающих в Подмосковье.

Факты подобраны *Германом Малиничевым*

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЕШЕСТВИЯ. ПОИСК

ФАНТАСТИКА

ФАКТЫ, ДОГАДКИ, СЛУЧАИ...

На суше и на море: Повести. Рассказы. Очерки
Н12 Статьи/Редкол.: С. И. Ларин (сост.) и др.— М.: Мысль 1983.— 495 с., ил. карт., 16 л. ил.

В пер.: 3 р. 50 к.

Двадцать третий выпуск научно-художественного географического сборника «Н суше и на море» открывается двумя материалами: очерком о великих свершения советского народа на громадной территории, прилегающей к Енисею, и очерком развитии Нечерноземья и о вкладе, который оно должно внести в выполнени Продовольственной программы СССР. В сборник включены также рассказы и очерки настоящем и прошлом, природе и людях нашей Родины и зарубежных стран, путешествиях и исследованиях, фантастические рассказы. В разделе «Факты. Догадки Случаи...» помещены научно-популярные статьи, краткая информация по различны отраслям наук о Земле и многообразных природных явлениях. Книга рассчитана н самые широкие круги читателей.

Н $\frac{1905020000-126}{004(01)-83}$ 160-83

ББК 84
Сб

НА СУШЕ И НА МОРЕ

Научно-художественный географический сборник

ИБ № 2292

Заведующий редакцией
А. П. Воронин

Редактор
Н. Н. Пронин

Младший редактор
Т. Д. Изотова

Редактор карт
О. В. Трифонова

Художественный редактор
А. И. Ольденбургер

Технический редактор
Л. П. Гришина

Корректор
З. Н. Смирнова

Сдано в набор 14.12.82. Подписано в печать 27.05.83. А00405. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 2. Гарн. «Таймс». Офсетная печать. Усл. печатных листов 33 с вкл. Учетно-издательских листов 41,86 с вкл. Усл. кр.-отт. 70,5. Тираж 200 000 экз. Заказ № 1132. Цена 3 р. 50 к.

Издательство «Мысль».
117071. Москва, В-71,
Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.


AMERICAE
SEPTENTRIONALIS
et
AUSTRALIS
MEXICANA
MAR
DEL
NORT
Cancri
MAR
DEL
ZUR
ARCHIPELAGO
DE SANT LASARO
Tropicus
PACIFICUM
MERIDIONA
sive PERUVI



MARE
ATLAN
TICUM
MAR
DEL
NORT
OCEANUS
Tropicus Capricorni
ÆTHIOPI
CUS
MAR
INDIA
TERRA
AUSTRALIS
INCOGNITA
Philippinæ


3 р. 50 к.